

LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS

891.705

RUS

v.21

no.4

CENTRAL CIRCULATION BOOKSTACKS

The person charging this material is responsible for its renewal or its return to the library from which it was borrowed on or before the **Latest Date** stamped below. **You may be charged a minimum fee of \$75.00 for each lost book.**

Theft, mutilation, and underlining of books are reasons for disciplinary action and may result in dismissal from the University.

TO RENEW CALL TELEPHONE CENTER, 333-8400

UNIVERSITY OF ILLINOIS LIBRARY AT URBANA-CHAMPAIGN

JUL 07 1997

JUL 23 1997

When renewing by phone, write new due date below
previous due date.

L162

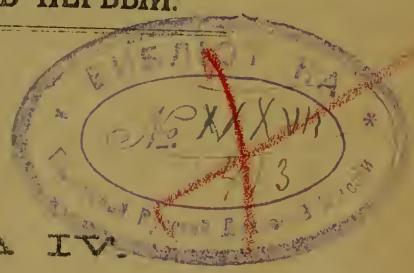
9.3
Р 89

РУССКАЯ МЫСЛЬ

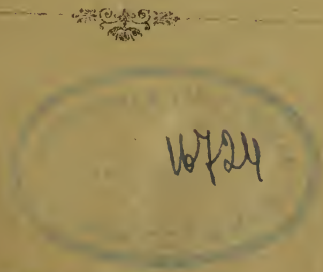
ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

КНИГА IV.

МОСКВА.

1900.

МОСКВА.

Типо-литогр. Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К^о, Пимен. ул., собств. домъ.

1900.

891.705
RUS
1900
no. 4

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
I. ГИБЕЛЬ КУМИРОВЪ. Повѣсть.—В. Я. Свѣтлова. <i>Окончаніе</i> .	1
II. СТИХОТВОРЕНІЕ.—А. Глѣбовой	49
III. ПОДЪ ЛИПАМИ. Романъ Рудольфа Штратца. Пер. съ нѣм.— Н. К.	51
IV. СТИХОТВОРЕНІЕ.—М. Жемчужникова	86
V. ОКОЛО ГОСПОДЪ. Повѣсть.—Д. Н. Мамина-Сибиряка. <i>Окон- чаніе</i>	87
—VI. НЕ ХОТѢЛЪ. (Случай).—Н. Анненковой-Бернардъ	111
VII. НЕИЗДАННОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ А. С. ПУШКИНА (съ <i>facsimile</i>).	125
✓ VIII. ИЗЪ ЖИЗНИ К. Д. КАВЕЛИНА ВО ФРАНЦИИ И ГЕРМАНИИ ВЪ 1862—1864 гг. (По его перепискѣ за это время).—Д. А. Корсакова	1
IX. НОВЫЯ СТРАДАНІЯ. (Романъ Жюль Боса).—Л. Г.	18
X. АЛЧУЩІЯ ДУШИ.—Ив. И. Иванова. <i>Продолженіе</i>	35
XI. ОПЫТЪ ОЗДОРОВЛЕНІЯ ДЕРЕВНИ.—П. Г. Ганзена. <i>Про- долженіе</i>	57
XII. ГОРНОЗАВОДСКІЕ КРЕСТЬЯНЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVIII ВѢКА.—В. И. Сеиевскаго. <i>Продолженіе</i>	91
XIII. ПЕРЕСМОТРЪ ПОЛОЖЕНІЯ О КРЕСТЬЯНАХЪ.—А. В. Ероп- кина. <i>Продолженіе</i>	120
XIV. О ЗАДАЧАХЪ ПРАВИЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА ДУШЕВ- НО-БОЛЬНЫХЪ ВЪ ПСИХІАТРИЧЕСКИХЪ БОЛЬНИЦАХЪ.— С. С. Ступина	136
XV. ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЯ ЗАДАЧИ АНГЛІЙСКИХЪ РАБОЧИХЪ КЛУБОВЪ.—А. Я.	152

	Стр.
XVI. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНІЕ ВОПРОСА О МЕТОДАХЪ ИЗУЧЕНІЯ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ.—М. Н. Розанова.	165
XVII. БОЛЕЗНЬ ФР. ПИЦШЕ.—Е. Г.	183
XVIII. РАЗРОЗНЕННЫЯ СІЛЫ.—П. Н. Обнинскаго. <i>Окончаніе</i> . .	194
XIX. ЖЕНСКОЕ ДВИЖЕНІЕ ВЪ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛІИ.—Н. Ми- ровичъ	209
XX. БЕЛЛЕТРИСТЫ ПОВЫШШЕЙ ФОРМАЦІИ. М. Горькій: «Очерки и рассказы». Томъ III. Спб., 1899 г. <i>Танъ</i> : «Чу- котскіе рассказы». Спб., 1900 г. В. Версаевъ: «Очерки и рассказы». Спб., 1899 г.—М. А. Протопопова. <i>Окончаніе</i> .	236
XXI. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Проектъ объ улучшеніи участи незаконнорожденныхъ дѣтей.—Вопросъ объ экзаменахъ въ средней школѣ.—Введеніе института земскихъ начальниковъ въ юго-западномъ краѣ.—Печальный вѣсти изъ южныхъ уѣздовъ.—Луганское дѣло о сопротивленіи властямъ.—Пе- урядицы въ петербургскомъ городскомъ самоуправленіи.— Враждебное отношеніе къ гласности.—Пониженіе крѣпости казенной водки и мѣры борьбы съ алкоголизмомъ.—Въ чемъ пугаются наши попечительства для успѣха своей дѣятель- ности?—Промышленный кредитъ.—Государственные сберега- тельные кассы.—Петербургскій расчетный отдѣлъ. . . .	251
XXII. ПИОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — В. А. Г.	278
XXIII. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОДДѢЛЪ: I. Книги: Беллетристика.— Публицистика.—Философія.—Исторія, исторія литературы.— Географія.—Медицина.—Учебники, книги, для дѣтей.—Пзда- нія для народа.—Словари, сборники.—II. Періодическія изда- нія: «Жизнь», январь.—«Русское Богатство», февраль.— «Міръ Божій», мартъ.—III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 марта по 1 апрѣля 1900 г.	119
XXIV. ОБЪЯВЛЕНІЯ	1

ГИБЕЛЬ КУМИРОВЪ *).

Повѣсть.

IX.

Наступала дружная, хотя и нѣсколько запоздавшая весна; ночи становились короткими и блѣдными, точно больными, умирающими отъ малокровія; дни—томительно длинными, безконечными, приводившими въ отчаяніе.

Бочаровъ, на котораго весна,—и въ особенности петербургская весна,—дѣйствовала болѣзненно, сидѣлъ въ Лѣтнемъ саду, въ одной изъ уединенныхъ аллей, и думалъ горькую думу.

Зима прошла и принесла ему много разочарованій и настоящаго, глубокаго горя. Романъ его былъ напечатанъ въ журналѣ у Шишгина. Произведеніе его не имѣло успѣха и было основательно и во всѣхъ подробностяхъ разругано критикой. Глава кружка, кумиръ молодежи, Преклонскій, тоже не одобрилъ его, и Бочарову пришлось выслушать много суровыхъ и безпощадныхъ истинъ отъ этого жреца искусства.

Бочаровъ и самъ чувствовалъ, что романъ у него не вышелъ. Онъ взялъ его слишкомъ широко, хотѣлъ объять въ немъ слишкомъ многое, но силъ не хватило и вышло блѣдно, расплывчато, необъдительно.

Шишгинъ не упрекалъ его за это.

— Удивительное дѣло! — своеобразно утѣшалъ онъ его. — Романъ не есть какое-нибудь государственное событіе. Романъ есть романъ и въ общей экономіи жизни играетъ слишкомъ незначительную роль. Одинъ не удался, другой—удастся. Романъ, написанный «подъ авансъ», рѣдко удается. И я шелъ на это, потому

*.) *Русская Мысль*, кн. III, 1900 г.

что мнѣ нуженъ былъ не романъ, а имя. Пишите другой, — будетъ удачнѣе.

Эти рѣчи не утѣшали Бочарова, — тѣмъ болѣе не утѣшали, что онъ давно началъ другой романъ, который еще менѣе клеился. Бочаровъ началъ сомнѣваться въ своихъ силахъ и въ своемъ талантѣ. Онъ сталъ нервенъ, раздражителенъ и недовѣрчивъ.

Преклонскій тоже наковецъ выпустилъ въ свѣтъ романъ, надъ которымъ такъ долго и упорно работалъ.

И его романъ не имѣлъ никакого успѣха. Онъ читался съ большимъ трудомъ, былъ необыкновенно тягучъ и скученъ. Критика и его разнесла столь же безпощадно, какъ и произведение Бочарова.

Но Преклонскій не унывалъ. Сильная вѣра въ свой талантъ и огромное самомнѣніе спасало его отъ унынія.

Онъ только лишній разъ повторилъ свою фразу:

— Меня не поняли. Мы, писатели, похожи на рабочихъ, укладывающихъ полотно будущей желѣзной дороги. Намъ приходится работать по колѣна въ водѣ, дышать воздухомъ болотъ, погибать отъ тяжелой работы; но зато мы приготавливаемъ путь, по которому люди будутъ позже ѣздить съ удобствомъ. Когда путь будетъ готовъ, мы уйдемъ. Такова картина смѣны поколѣній. Каждый изъ насъ работаетъ для другихъ, для потомства, которое воспользуется нашими работами, но врядъ ли будетъ вспоминать о насъ съ благодарностью. Когда-нибудь поймутъ это.

И, проговоривъ этотъ монологъ, онъ спокойно и смѣло принялся за новую работу.

У Бочарова не было ни этой выдержки, ни этой силы воли.

Онъ чувствовалъ, что начатый имъ новый романъ былъ изъ ругъ вонъ плохъ.

Не удавался ему и романъ, затѣянный имъ не на бумагѣ, а въ жизни.

То, къ чему онъ привелъ его, подготовлялось постепенно, съ того самаго вечера, когда онъ впервые увидѣлъ, въ скромной квартирѣ Преклонскаго, Ольгу Ивановну.

Ея образъ съ того же вечера проникъ въ его душу и завладѣлъ ею. Онъ сталъ тревожить его по ночамъ, внезапно являлся ему днемъ, во время самой сосредоточенной работы, когда, страшнымъ усиленіемъ воли, ему удавалось, послѣ долгихъ дней разсѣянья, наконецъ сосредоточиться. И, конечно, это онъ, этотъ поэтический образъ, былъ главнымъ виновникомъ того, что работа его вышла неудачна.

Бочаровъ сталъ усерднымъ и постояннымъ посѣтителемъ Пре-

клонскаго. Преклонскій пересталъ въ концѣ-концовъ стѣсняться съ нимъ и уходилъ къ себѣ работать, когда нужно было работать.

Бочаровъ оставался съ Ольгой Ивановной и проводилъ съ ней длинные, зимніе вечера, въ разговорахъ.

Сближеніе шло быстро. Они вмѣстѣ посѣщали театры въ тѣ дни, когда она не была занята безконечной перепиской рукописей Дмитрія Власьевича. Они вмѣстѣ ходили по улицамъ города. Мало-по-малу дѣло дошло до того, что имъ трудно было обходиться другъ безъ друга.

Вмѣстѣ со сближеніемъ зарождалось и развивалось чувство. Оно выросло какъ будто неожиданно, внезапно и сильно удивило обоихъ. Но они сами посадили его въ хорошо подготовленную почву и сами, не замѣчая того, культивировали его.

Они часто спорили. Ольга Ивановна была насквозь пронизана теоріями и разсужденіями Преклонскаго. Это было второе изданіе Дмитрія Власьевича; оба они поклонялись одному кумиру и подчинялись одному оракулу. Но Бочаровъ никакъ не могъ подчинить всего себя этому вліянію. Вскорѣ началась реакція и непокорность. Тогда онъ вступалъ съ Ольгой Ивановной въ пререканія.

Однажды вечеромъ, въ то время, какъ Преклонскій работалъ у себя въ комнатѣ, Бочаровъ и Ольга Ивановна объяснились въ любви. Она плакала, онъ ликовалъ и торжествовалъ побѣду.

Вышелъ Преклонскій и сказалъ, что заработался, усталъ, чувствуетъ потребность освѣжиться, и заявилъ, что пойдетъ прогуляться, пользуясь хорошей, сухой и морозной погодой. Онъ просилъ Бочарова подождать его, такъ какъ думаетъ вернуться черезъ часъ. Онъ такъ былъ занятъ своей работой, что не замѣтилъ ихъ смущенія и растерянности.

Преклонскій ушелъ, они остались вдвоемъ, и Ольга Ивановна продолжала плакать.

— Никогда и никому не повѣрила бы, что это могло бы со мной случиться, — сказала она, утирая набѣгавшія слезы. — Я такъ горячо, я такъ искренно любила его... И, вотъ, нужно же было случиться этому несчастью. Я знаю, судьба отмститъ мнѣ за это, потому что я измѣнила самому священному, чтò есть въ жизни.

Онъ пробовалъ утѣшать ее.

— Нельзя подходить къ жизни, — говорилъ онъ страстнымъ и убѣжденнымъ тономъ, — съ заготовленными въ прокъ теоретическими взглядами, почерпнутыми изъ книжекъ. Тогда жизнь всегда обманетъ. Надо жить и близко изучать жизнь и изъ жизни формировать свои взгляды. Жизнь — не математика. Только въ матема-

тигѣ неизбѣжна разѣ навсегда составленная формула, подѣ которую можно подставлять какія угодно величины, и формула для всѣхъ этихъ величинъ будетъ несокрушимой.

— Такъ что же такое жизнь? — спросила она, вслушавшись въ его рѣчь.

— Жизнь—скорѣе картина. Талантливый художникъ подмѣтитъ въ ней свѣтовое пятно, которое поразитъ его своей яркостью, эффектностью, прелестью и дастъ ему настроеніе, которое вдохновитъ его для написанія картины. Это настроеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и картина будетъ правдива и заманчива. Нельзя подгонять формулу къ жизни. Формула—нѣчто неподвижное, жизнь—идетъ впередъ. Подгонишь одну формулу,—глядь, жизнь ее опередила... И выходитъ обманъ, разочарованіе. А жетъ-то не жизнь, а формула.

Ей не понравились эти слова. Она взглянула на Бочарова испуганно, робко, недоувѣрчиво.

— То, что вы говорите—нехорошо,—сказала она, погачавъ головой.—Того, что съ нами случилось, намъ не измѣнить. Какіе-то особые законы управляютъ нашими чувствами. Они ускользаютъ отъ нашего наблюденія. Сколько вѣковъ анализировали чувство, но никто не открылъ его законовъ, которые были бы неизмѣнны и твердо установлены.

— Что вы хотите сказать?—спросилъ онъ.

— То, что если я не властна справиться съ моимъ сердцемъ, которое полно чувства къ вамъ, то я всегда буду въ состояніи справиться съ своими убѣжденіями. Я никогда не измѣню своимъ принципамъ, никогда! И въ эту печальную и счастливую минуту моей жизни я даю торжественную клятву, что буду вѣрна моей любви къ вамъ и буду вѣрна принципамъ Мити. Я могу любить только того человѣка, который вѣруетъ, какъ онъ вѣруетъ, и который поклоняется тому же богу, которому поклоняется и онъ.

— Это опять формула,—уныло проговорилъ Бочаровъ.

— Чтѣ бы это ни было, но это такъ,—возразила она.—И если я увижу, пойму, что любимый мною человѣкъ измѣнилъ тѣмъ принципамъ, которымъ я поклоняюсь, я думаю, что мнѣ не будетъ стоить большого труда разлюбить его.

Это мало походило на любовное объясненіе. И оба инстинктивно поняли это. Тѣмъ не менѣе, оба кинулись другъ другу въ объятія и запечатлѣли новый союзъ поцѣлуемъ.

И уже въ эту минуту Бочаровъ почувствовалъ, что уходъ его изъ-подъ обаянія Преклонскаго начался и что недалеко то время, когда онъ окончательно покинетъ своего вожда и руководителя.

И вотъ началась любовь. По крайней мѣрѣ, оба думали, что это-то и называется любовью.

Да и какъ было это назвать иначе?

Они почти не разлучались. Когда Бочарову нельзя было бывать у Преклонскаго, Ольга Ивановна приходила къ нему, въ его квартиру, и просиживала вечерами у него. Они обнимались и цѣловались какъ самые банальные люди, но перемѣшивая объятія и поцѣлуи длинными, умными рѣчами.

Она уходила отъ него довольная и счастливая, вся сіяющая; онъ ложился спать нѣсколько утомленный и разочарованный. Онъ чувствовалъ, что чего-то нехватаетъ въ ихъ отношеніяхъ.

Ахъ, эти умные разговоры! Онъ очень не любилъ ихъ. Онъ самъ слишкомъ много разсуждалъ и анализировалъ, и эти умные разговоры дѣйствовали ему на нервы.

Въ обществѣ Преклонскаго и его присныхъ Бочаровъ такъ привыкъ изощренно смотрѣть на всѣ явленія жизни, что какъ только передъ его глазами становилась картина дѣйствительной, неприкрашенной жизни, ему становилось не по себѣ и она казалась ему грубо намалеванной и непривлекательной. И онъ всѣми силами души жаждалъ отдѣлаться отъ этого вѣчнаго изсушающаго анализа, отыскиванья изощренныхъ формъ, отъ этой головной любви, которая была холодна, какъ первые дни весны, и суха, какъ лѣто безъ дождей.

Бочаровъ низко опустилъ голову. Въ особенности сегодня ему было не по себѣ. Свѣжій весенній воздухъ, въ которомъ было что-то бодрящее и живительное, дѣйствовалъ на него опьяняюще. И вообще весна всегда дѣйствовала на него особенно. Ему становилось грустно, тошно жить въ городѣ и тянуло въ даль, въ неопредѣленную даль, за голубыми туманами которой онъ видѣлъ ярко зеленѣющія поля, темный, точно бархатный боръ, синее небо и слышалъ пѣніе птицъ и свирѣлъ пастуха. Конечно, это тоже была идеализированная картина жизни, неестественная и фальшивая, потому что въ ней былъ только свѣтъ безъ тѣней, хорошія стороны безъ дурныхъ...

Ему часто вспоминалось имѣнье дяди и его тянуло туда. Онъ уже забылъ, какъ рвался оттуда сюда, какъ большой, комфортабельный барскій залъ казался ему невыносимой и душной тюрьмой. Какъ давно это было! Дядя рѣдко писалъ ему эту зиму. Въ послѣднемъ письмѣ онъ сообщалъ Бочарову, что былъ очень боленъ. Но сообщеніе было дѣловитое, краткое, по которому, однако, Бочаровъ понялъ, что дѣло гораздо серьезнѣе, чѣмъ можно было предпола-

гать по этимъ строкамъ. Дядя не просилъ его прїѣхать, ничего не писалъ ни о его литературныхъ успѣхахъ, ни о его литературныхъ неудачахъ. Эта деликатность очень тронула Бочарова.

Онъ глубоко задумался о своей неудачно сложившейся жизни.

Когда онъ поднялъ голову, то замѣтилъ въ концѣ аллеи приближавшуюся къ нему фигуру женщины.

Это была она, та, которую онъ ждалъ здѣсь, Ольга Ивановна.

Онъ всегда испытывалъ удовольствіе, когда видѣлъ ее, но сегодня непрїятное чувство прошло по его душѣ. И это свиданіе побазалось ему такимъ лишнимъ, такимъ ненужнымъ!

Онъ всталъ и пошелъ къ ней навстрѣчу.

— Долго ждалъ меня?—спросила она его, протягивая ему руку. Въ послѣднее время она всегда говорила ему такъ, избѣгая мѣстоименій.

— Долго.

Они подошли къ скамейкѣ и сѣли.

— Я такъ устала. Мнѣ не хотѣлось брать извозчика. Хотѣлось пройтись, но оказалось далеко. И потомъ я торопилась.

Онъ не нашелся, что сказать ей.

Прежде они говорили много, безъ конца, перебивали другъ друга. Теперь разговоръ какъ-то самъ собой падалъ и свиданія становились короче отъ недостатка матеріала для ихъ продолженія.

— Я много писала сегодня,—сказала, наконецъ, Ольга Ивановна, отдохнувъ,—очень много.

— Да?—вяло произнесъ онъ.—Опять переписывала что-нибудь?

— Ну да. Первые главы новаго романа Дмитрія.

— А-а!... И что же, романъ хорошъ?

— То-есть, я тебѣ скажу, это шедевръ!

— Вотъ какъ!

— Увѣряю. Ничего подобнаго онъ еще не написалъ, да и никто не можетъ такъ написать.

— Почему?—упавшимъ голосомъ спросилъ Бочаровъ.

— Потому что ни у кого нѣтъ такого таланта.

Онъ насмѣшливо поглядѣлъ на нее.

— Даже у Промптова?

— Даже у Промптова. Что такое Промптовъ?—сказала та.—Ему бубушка ворожить. Это писатель—удачникъ. И по-моему удачникъ, что ловкій человекъ. Что бы онъ ни написалъ, сейчасъ же начинается шумъ. Критика принимается отыскивать въ его произведеніяхъ какой-то особый смыслъ, какую-то высокую идею. И

я увѣрена, что самъ Промптовъ удивляется и посмѣивается себѣ въ бороду. Когда даютъ въ долгъ, — развѣ отказываются? Ему даютъ въ долгъ ту идею, которой у него и не было. Онъ и беретъ ее. Вотъ и все. А вотъ есть и другой — Черенскій. Знаешь его?

— Знаю.

— Черенскій — типъ неудачника. Право, у него есть вещи не хуже Промптовскихъ. Я всегда читаю ихъ съ наслажденіемъ, но... критика замалчиваетъ ихъ. Чтѣ бы онъ ни написалъ, все проходитъ безслѣдно. И тотъ же Мѣнскій, который превозноситъ и хвалитъ одного только Промптова, всегда упорно молчитъ о Черенскомъ. Такъ и Дмитрій. У него огромный, исключительный талантъ, и онъ совершенно правъ, когда говоритъ, что его не понимаютъ и что его поймутъ впоследствии. Это, конечно, утѣшеніе, но трудно такъ жить, такъ работать... Однако у него много мужества, много сильной, ничѣмъ не сокрушимой воли.

Бочарову сдѣлалось скучно. Прійти на свиданіе къ «любимому» человѣку, чтобы все время говорить о другомъ и о литературѣ, — это казалось ему дикимъ.

Онъ внимательно посмотрѣлъ на Ольгу Ивановну. Она была попрежнему красива, съ тѣмъ же глубокимъ взглядомъ глазъ, съ той же печальной улыбкой на губахъ. Но лицо ея осунулось, кожа пожелтѣла и отъ нея вѣяло литературнымъ переутомленіемъ. Она показалась ему на этомъ свѣжѣмъ весеннемъ воздухѣ, на этомъ *plein air* среди начинавшихъ зеленѣть деревьевъ, далеко не такою привлекательною, какъ тогда, въ первый вечеръ ихъ знакомства, въ маленькой, тѣсной комнаткѣ, при свѣтѣ небольшой лампы подъ зеленымъ колпакомъ. Обманчивый свѣтъ! Не то, что солнце, — этотъ великій разоблачитель комнатныхъ обмановъ...

Чувство раздраженія поднималось въ немъ.

— Скажи пожалуйста, — насмѣшливо проговорилъ онъ, — ты пришла сюда съ единственной цѣлью говорить мнѣ о Дмитріи Власевичѣ?

Она съ удивленіемъ посмотрѣла на него.

— Ужъ не ревнуешь ли? — спросила она.

Онъ пожалъ плечами.

— Ревную? Нѣтъ; но согласись, это неинтересно или во всякомъ случаѣ недостаточно интересно.

— Но я говорила не о немъ, а о его произведеніи. Я думаю, что литературные вопросы должны быть интересны каждому литератору. Притомъ вы всѣ признали его своимъ руководителемъ, главою школы.

— Ахъ, если бы ты знала, какъ мнѣ все это надоѣло! — вырвалось у него.

Она взглянула на него съ недоумѣніемъ.

— Надоѣло? — уныло проговорила она. — Это ново, я этого не знала.

Раздраженіе окончательно выросло въ Бочаровѣ, и онъ началъ твердымъ голосомъ:

— Что же тутъ знать, Оля? Неужели ты не видишь всей нелѣпости этого положенія. Ты приходишь на свиданіе съ любимымъ человѣкомъ... потому что ты вѣдь увѣряла, что любишь меня. Но на языкѣ у тебя, какъ, вѣроятно, на умѣ и на сердцѣ, Дмитрій Власьевичъ, одинъ Дмитрій Власьевичъ... и его великолѣпныя произведенія. Кого же, наконецъ, ты любишь?

— Тебя.

— Меня и его произведенія?

Она замаялась, но потомъ твердо отвѣтила:

— И его произведенія... да.

— И ты мнѣ совѣтуешь учиться у него?

— Отчего нѣтъ? Учиться никогда не лишнее.

Бочаровъ отодвинулся отъ нея и оглядѣлъ ее.

— Скажи, — медленно произнесъ онъ, — ты все еще не можешь выйти изъ-подъ его вліянія? Ты все еще благоговѣешь передъ нимъ? Но тогда я не могу себѣ объяснить нашихъ отношеній... Я думалъ, что ты пришла поговорить со мной о нашей любви, о нашихъ дальнѣйшихъ планахъ.

— Я и пришла для этого.

— А говоришь все время о немъ, о немъ одномъ.

— Я не знала, что это тебѣ непріятно. Развѣ вы — враги? Развѣ ты пересталъ любить его?

— Мы не враги и я не пересталъ любить его, — нехотя и нерѣшительно проговорилъ Бочаровъ. — Но мнѣ надоѣло твое вѣчное преклоненіе передъ нимъ, вѣчное стояніе на колѣняхъ. Ты не вѣрнопостная его.

Ольга Ивановна вздрогнула.

— Я не вѣрнопостная, — тихо сказала она. — Но ничто не можетъ мнѣ помѣшать любить тебя какъ человѣка, его — какъ художника. Я тебѣ давно сказала, что никогда не измѣню тѣмъ взглядамъ на искусство, которые перешли мнѣ отъ него, какъ самое дорогое наслѣдство. Но я спокойна душой, потому что знаю, что эти взгляды и твои взгляды. Вотъ почему я смѣло готова идти за тобой и сдѣлаться вѣрной спутницей твоей жизни...

— Наконецъ! — воскликнулъ онъ. — Договорились. Давно пора было. Наступаетъ весна и нужно поговорить о нашихъ планахъ. Я хочу уѣхать на лѣто въ имѣніе къ дядѣ. Разстанемся ли мы съ тобой, или ты поѣдешь со мной?

Она опустила голову.

— Мнѣ кажется, — продолжалъ онъ, — не надо откладывать дѣла въ долгій ящикъ и тянуть его безъ конца. Разъ рѣшено, что мы любимъ другъ друга, надо дѣйствовать. Хочешь, я обращусь къ адвокату, предварительно переговоривъ съ Дмитріемъ Власевичемъ и получивъ отъ него согласіе. Я признаюсь ему во всемъ. Я думаю, что онъ, увидя неизбѣжность, согласится на то, чему онъ воспріпятствовать не будетъ въ силахъ.

Ольга Ивановна давно хотѣла перебить его рѣчь. Но она никакъ не могла выбрать подходящей минуты.

Наконецъ, робкимъ, еле слышнымъ голосомъ, она проговорила:

— Къ адвокату обращаться не слѣдуетъ...

Онъ почти не слыжалъ ея словъ, и скорѣе догадался о нихъ по движенію ея губъ и по густой краскѣ, залившей ея лицо.

Что-то испугало его и, близко нагнувшись къ ней, онъ тревожнымъ голосомъ спросилъ ее:

— Почему?

Она еще больше покраснѣла.

— Я не замужемъ, — прошептала она.

— Не замужемъ? — чуть не вскрикнулъ Бочаровъ. — Отчего же ты мнѣ ничего не говорила объ этомъ раньше?

— Не знаю... можетъ быть, оттого, что мнѣ было стыдно.

— Но отчего онъ не женился на тебѣ?

— Не знаю, — опять отвѣтила она, — онъ никогда не заговаривалъ со мной объ этомъ. Я ждала этого разговора отъ него. Мнѣ неловко было говорить... точно напрашиваться. А онъ молчалъ. Мнѣ кажется, онъ женатъ, только давно разошелся съ женой и она живетъ гдѣ-то далеко, въ провинціи. Я его не разспрашивала, не желая вызывать непріятныхъ воспоминаній. И онъ ничего не говорилъ.

Она все болѣе и болѣе смущалась.

— Да и къ чему было заводить объ этомъ рѣчь? Намъ и такъ было хорошо жить, потому что мы любили другъ друга. И видишь, — виновато и неловко улыбаясь, прибавила она, — все къ лучшему. Съ разводомъ была бы исторія, очень скучная и длинная. Такъ лучше. Но... у тебя убитый видъ, ты какъ будто не радъ этому.

Онъ хотѣлъ увѣрить ее въ противномъ и постарался улыбнуться, но улыбка его вышла натянутою и болѣзненною.

Да, онъ не радъ этому. Перспектива развода казалась ему привлекательною. Разводъ тянулся бы, конечно, долго, еслибъ она и рѣшилась на него. Но онъ зналъ, что рѣшиться на него не легко, и потому разводъ казался ему якоремъ спасенія, предохранительнымъ клапаномъ. Онъ и самъ теперь не зналъ, любилъ ли онъ Ольгу Ивановну. Особенно сегодня она была для него непривлекательна съ ея переутомленнымъ цвѣтомъ лица и усталыми глазами, съ ея восторженными рѣчами о Преклонскомъ, къ которому съ недавняго времени у него образовалось странное, почти недоброе чувство.

Тѣмъ не менѣе, онъ сказалъ:

— Ну, и отлично, если можно обойтись безъ развода. Дѣло упрощается. Я могу просто-напросто переговорить съ Дмитриемъ Власьевичемъ или написать ему. И чтобы не откладывать дѣла въ долгій ящикъ, можно это сдѣлать завтра же.

Но она схватила его за руку и горячо проговорила:

— О, нѣтъ, нѣтъ, не завтра, ради Бога. И вообще не въ этомъ мѣсяцѣ...

— Отчего? — удивился онъ.

Она замаялась и не рѣшилась отвѣтить сразу.

— Мы бы помѣшали ему работать, — наконецъ сказала она. — Это взволновало бы и разстроило его. Ему нужно спокойствіе. Онъ задумалъ теперь прямо гениальную вещь... онъ непременно скажетъ въ ней свое новое слово. Дадимъ ему кончить.

Она не замѣчала насмѣшливаго взгляда, которымъ смотрѣлъ на нее Бочаровъ.

— Дадимъ ему кончить! — повторилъ, пожавъ плечами, Бочаровъ. — Въ концѣ-концовъ я противъ этого рѣшительно ничего не имѣю.

— Я ждала этого. Я знала, что ты меня одобришь. Такъ же, какъ и Митя — ты художникъ и любишь искусство. Такъ же какъ и онъ ты ставишь его выше всего на свѣтѣ. Искусство выше любви и не слѣдуетъ ради любви приносить въ жертву искусство.

Она протянула ему руку, и онъ холодно пожалъ ее.

Потомъ разговоръ прекратился между ними. Нѣсколько минутъ они посидѣли молча.

— Миѣ пора, — сказала она наконецъ, вставая.

— Писать? — спросилъ онъ ее.

— Да, непременно надо кончить первую часть его романа. Онъ долженъ перечитать ее, прежде чѣмъ приступить ко второй.

Она торопливыми шагами пошла по аллеѣ. Онъ не провожалъ ее. Онъ слѣдилъ, какъ исчезалъ вдали ея силуэтъ, точно таялъ на воздухѣ. И онъ чувствовалъ, какъ съ ея исчезновеніемъ уходили изъ его сердца послѣдніе остатки того, что онъ принималъ такъ навивно за любовь.

И по мѣрѣ того, какъ она уносила въ голубоватую даль эти остатки, ему дѣлалось легче на душѣ и ему казалось, что для него наступаетъ давно желанный часъ освобожденія изъ душевной и узкой темницы.

Онъ облегченно вздохнулъ.

Онъ направился къ Невѣ, медленно катившей свои освобожденные отъ зимнихъ оковъ воды. Бочаровъ остановился на набережной и долго смотрѣлъ на величавую красавицу.

Его тянуло вонъ изъ Петербурга, тянуло въ деревню; ему хотѣлось скорѣе покинуть неуютную, тѣсную и плохо меблированную квартирку въ четвертомъ этажѣ; ему хотѣлось скорѣе вернуться въ комфортабельно обставленный домъ дяди.

Ему вспоминался его кабинетъ, въ которомъ такъ хорошо, такъ спокойно работалось. И романъ, написанный имъ въ деревенскомъ уединеніи, оказался лучшимъ, чѣмъ тотъ, который создавался здѣсь, въ четвертомъ этажѣ, «подъ авансъ» Шишкина...

Х.

Бочаровъ медленно повернулся назадъ и вошелъ въ садъ. Онъ думалъ, что продолжительная прогулка развлечетъ его и успокоитъ его нервы, немного возбужденные свиданіемъ съ Ольгой Ивановной. Но думы не покидали его, не переставали преслѣдовать его.

И вдругъ яркій образъ, точно выплывшій изъ далекаго туманнаго прошлаго, всталъ передъ нимъ. Это было до того неожиданно, до того внезапно, что онъ вздрогнулъ.

Въ недалекомъ разстояніи отъ имѣнія его дяди было другое имѣніе, принадлежавшее помѣщицѣ Огневой. Пожилая дама жила въ немъ каждое лѣто со своей дочерью Вѣрой Эрастовной. Вѣра была молодой и чрезвычайно красивой дѣвушкой. Дядя и Бочаровъ посѣщали изрѣдка Огневыхъ, которыя и сами пріѣзжали къ нимъ въ усадьбу. Но такъ какъ Огневые жили въ своемъ богатомъ и благоустроенномъ имѣніи только лѣтомъ, проводя осень и зиму за границей, преимущественно въ Ниццѣ, то свиданія эти не были часты, потому что и дядя, и Бочаровъ усердно занимались полевыми работами. Тѣмъ не менѣе, тѣ дни, когда мать съ дочерью пріѣзжали

къ нимъ, походили на праздничные дни. Вѣра привозила съ собою точно лучъ свѣта, которымъ освѣщала унылое житье-бытье двухъ холостяковъ—старого и молодого.

Струя веселья точно протекала по дому. Но, увлеченный литературными планами, идеями объ успѣхѣ, желаніемъ во что бы то ни стало жить въ Петербургѣ, среди передовыхъ и интеллигентныхъ людей, Бочаровъ смотрѣлъ на Вѣру торопливымъ и разсѣяннымъ взглядомъ и мало обращалъ на нее вниманія.

Теперь, когда она предстала передъ нимъ какъ далекое и полузабытое явленіе, ему вдругъ сдѣлалось весело. Онъ сталъ припоминать подробности встрѣчъ, детали разговоровъ. Вѣра была очень хорошенькой и очень начитанной и образованной дѣвушкой. Но красота ея была совершенно въ другомъ родѣ, чѣмъ красота Ольги Ивановны, и разговоръ ея рѣзко отличался отъ разговора Ольги Ивановны.

Бочаровъ поставилъ въ своемъ воображеніи этихъ двухъ женщинъ. Какая громадная разница! Ольга Ивановна показалась ему такой неинтересной, такой узкой, такой «крѣпостной». Вѣра Эрастовна—такой привлекательной и свободной. Первая—была жрицей искусства, преданной своему долгу до фанатизма. Въ ней было много трогательнаго и печальнаго. Вторая—была обыкновенная женщина... по крайней мѣрѣ такую ее считалъ тогда Бочаровъ. Ея нѣсколько смѣлыхъ рѣчи и рѣзкія словечки дѣйствовали на него тогда неблагоприятно. Но теперь, онъ понялъ, что Вѣра была такъ же разнообразна, какъ жизнь, со всѣми ея радостями и горестями, со всѣми ея очарованіями и разочарованіями.

Привычка къ литературнымъ сравненіямъ заставила его немедленно создать образъ: Ольга—это лѣсное озеро, тихое и спокойное, съ стоячими водами. Ни внутреннее, ни внѣшнее волненіе не возмутитъ этихъ зеркально гладкихъ водъ стѣростальнаго цвѣта. Иногда вѣтерокъ зарябитъ ихъ и на поверхности озера покажутся микроскопическія, точно игрушечныя волны, похожія скорѣе на морщины, чѣмъ на волны. Но это волненіе не надолго. Все быстро уляжется, и вновь поверхность озера принимаетъ свой прежній видъ. Темно-зеленый лѣсъ меланхолически глядится въ эту зеркальную поверхность и есть что-то глубоко - печальное въ этой невозмутимой тишинѣ, въ этомъ безмолвномъ спокойствіи. Но тишина и спокойствіе—не вся жизнь, а лишь маленькій уголокъ ея.

Вѣра—это безбрежное, таинственное море. Штиль и бури проходятъ по немъ. Только одинъ берегъ—тотъ, на которомъ стоишь, извѣстенъ; остальные находятся далеко, тамъ, за синими туманами,

за розоватыми облаками, гдѣ море сливается съ небомъ. Никогда и никому не изучить во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ этого моря. Выйдя въ тихую спокойную погоду, можно вернуться въ страшную бурю... можно и совсѣмъ не вернуться... А какое разнообразіе красокъ, впечатлѣній, настроеній! Озеро тихо и поэтично дремлетъ въ своихъ зеленыхъ бархатныхъ берегахъ; сосновый боръ таинственно шумитъ вдали, донося до озера свои сонныя грезы. Море живетъ полной жизнью, переходя отъ тихой грезы къ бурному негодованію. Море есть гамма жизни, а озеро—ея красивый полутонъ.

Но вѣдь Бочаровъ, уходя изъ деревни, искалъ именно этой полной гаммы жизни. И ему казалось, что вся жизнь сосредоточена въ столицѣ; что только огромные, каменные города живутъ настоящею жизнью, а все остальное пространство Россіи тихо дремлетъ, получая въ скудномъ количествѣ свѣтъ и теплоту изъ столицъ.

И что же онъ нашелъ здѣсь? Въ лицѣ Преклонскаго—блѣдный огонекъ, а вокругъ него жалкія лампадки, съ еще болѣе блѣднымъ огонькомъ. И самой маленькой лампадкой была Ольга Ивановна...

Ему хотѣлось жизни, жизни настоящей, полной интереса, борьбы и волненій. Онъ не нашелъ ее въ столицѣ. Онъ нашелъ здѣсь кружки, редакціи, готовые мнѣнія, авторитеты, дифференцированную жизнь, въ которой все давно было поставлено на свое мѣсто, размѣрено, рассчитано, пригнано. Люди жили этой жизнью и не замѣчали, что собственно не живутъ, а исполняютъ заранѣе предначертанное.

Теперь онъ понималъ, что жизнь не въ одной столицѣ, не въ тѣсныхъ литературныхъ кружкахъ, не только въ любимомъ трудѣ, но вездѣ, гдѣ есть люди. Жить настоящей жизнью можно и въ деревнѣ; впечатлѣнія въ деревнѣ могутъ быть живѣе и разнообразнѣе, чѣмъ въ столицѣ. Все зависитъ отъ того, жива ли воспринимающая впечатлѣнія душа, не изсушена ли она профессиональной работой.

И ему неудержимо захотѣлось вонъ изъ этого душнаго, каменнаго города, гдѣ у каждого человѣка есть узкое личное дѣло и гдѣ никому нѣтъ дѣла до своихъ ближнихъ.

Онъ пошелъ къ выходу по той же аллеѣ, по которой нѣсколько времени тому назадъ уходила Ольга Ивановна.

У выхода дѣвочка продавала первые весенніе цвѣты. Запахъ этихъ цвѣтовъ достигъ до него. Онъ съ жадностью вдохнулъ своей грудью этотъ ароматъ возрождающейся весны и почувствовалъ, какъ въ немъ зарождается новое весеннее чувство и какъ умираетъ въ его душѣ старая любовь, которая еще такъ недавно казалась ему

молодой. Какъ скоро она состарилась! И такъ же внезапно и быстро уходила она, какъ внезапно и быстро пришла.

XI.

У дверей своей квартиры онъ встрѣтилъ двухъ молодыхъ людей, пришедшихъ навѣстить его. Это были Стремлевъ и Голубинскій. Въ теченіе зимы они рѣдко видѣлись съ нимъ, но каждый разъ, когда имъ приходилось встрѣчаться, они чувствовали, что ихъ симпатіи другъ къ другу растутъ.

Сначала ихъ связывало общее поклоненіе Преклонскому. Потомъ литературныя неудачи еще болѣе сблизили ихъ и, наконецъ, когда они стали откровеннѣе другъ съ другомъ, то начали высказывать одинъ другому тѣ же чувства неудовлетворенности и недовольства, которыя смущали ихъ.

— Мы къ вамъ, — сказалъ Стремлевъ, пожимая руку Бочарову.

— Не помѣшаемъ? — спросилъ Голубинскій.

— Нисколько, — отвѣтилъ Бочаровъ, — я такъ радъ васъ видѣть и такъ давно не видалъ васъ.

Онъ дѣйствительно радъ былъ ихъ приходу. Ему было не по себѣ и онъ зналъ, что если бы остался одинъ, то тяжелыя мысли овладѣли бы имъ и не дали бы ему возможности ни работать, ни уснуть.

Надвигались сумерки, тѣ блѣсоватыя весеннія сумерки сѣвера, которыя всегда дѣйствовали такъ удручающе на Бочарова; онъ положительно не выносилъ ихъ и дѣлался больнымъ при видѣ этого страннаго освѣщенія, когда всѣ лица дѣлаются блѣдными и всѣ черты лица сливаются вмѣстѣ, образуя одно сѣрое, расплывчатое пятно.

Бочаровъ нервно опустилъ шторы на окнахъ и зажегъ всякую лампу надъ столомъ.

— Мы давно не видались, — сказалъ Стремлевъ, принимаясь за стаканъ чая, — что вы дѣлали все это время?

— Тосковалъ, — уныло отвѣтилъ Бочаровъ.

— Пишете что-нибудь? — спросилъ Голубинскій.

Бочаровъ безнадежно махнулъ рукой.

— Пишу, — отвѣтилъ онъ.

— Плохо выходитъ? — спросилъ опять Стремлевъ.

— Ничего не выходитъ.

— Надо отдохнуть, освѣжиться, провѣтриться... выйти изъ этой удручающей атмосферы профессиональности.

— Я совершенно съ этимъ согласенъ, — обрадовался Бочаровъ.

— Писать можно только тогда, — началъ Голубинскій, — когда есть что сказать и когда хочется писать. Для этого нужно время; необходимо, чтобы впечатлѣнія долго накапливались въ душѣ, осаждались въ ней, кристаллизовались. Искусство не терпитъ принужденія и насилія. То и другое ведетъ къ истощенію и переутомленію. Но у насъ такъ поставлено дѣло, что если будешь мало писать, умрешь съ голоду, а будешь много писать, погубишь свой талантъ. Это въ родѣ знаменитаго распутья изъ былиннаго эпоса. Поэтому я рѣшилъ уйти изъ литературы.

— И я, — сказалъ Стремлевъ.

Бочаровъ взглянулъ на нихъ съ недоувѣріемъ и изумленіемъ. Стремлевъ и Голубинскій были два видныхъ представителя кружка Преклонскаго. Они исповѣдовали тѣ же взгляды, что и ихъ руководитель; они говорили, что искусство требуетъ всего человѣка и жестоко мститъ за измѣну себѣ. И вдругъ теперь оба рѣшили уйти.

— Вы смотрите на насъ какъ на ренегатовъ... — улыбаясь, проговорилъ Голубинскій. — Вы правы, если хотите; да, мы дезертиры искусства. Но — это все тотъ же узкій, профессиональный, кружковый взглядъ. По моему лучше дезертировать, чѣмъ нечестно и съ отвращеніемъ исполнять свое дѣло. Мнѣ предлагаютъ мѣсто. Отчего мнѣ не взять его? Если у меня останется досугъ — я буду писать. И повѣрьте, что мои будущія произведенія будутъ свѣжѣе и оригинальнѣе тѣхъ, которыми я «дарилъ міръ».

Онъ насмѣшливо усмѣхнулся и замолчалъ.

— И я ухожу, — заявилъ Стремлевъ. — Я поступаю на заводъ... вѣдь вы знаете, я по образованію горный инженеръ. Мнѣ довольно литературнаго крѣпостничества. И вотъ мы пришли заявить вамъ объ этомъ. Мы не просимъ совѣтовъ, потому что мы уже твердо рѣшили исполнить задуманное. Но намъ все-таки хотѣлось бы выслушать ваше мнѣніе.

Голубинскій засмѣялся.

— Это мнѣніе написано на лицѣ Ильи Ильича. Онъ смотритъ на насъ съ изумленіемъ и недоувѣріемъ. Можетъ быть, болѣе тонкій фізіономистъ открылъ бы въ его взорѣ и оттѣнокъ презрѣнія.

Бочаровъ возразилъ.

— Съ изумленіемъ — да. Съ недоувѣріемъ... можетъ быть, такъ какъ я никакъ этого не ожидалъ. Но съ оттѣнкомъ презрѣнія — нѣтъ! Это неправда! Я самъ близокъ къ этому рѣшенію, — отвѣтилъ Бочаровъ.

— Вы?! — воскликнули въ одинъ голосъ оба пріятеля.

— Да, я.

— Теперь настала наша очередь удивляться. Вы самый молодой из насъ, вы недавно стали рабстать въ литературѣ.

— Что-жъ изъ этого?—возразилъ Бочаровъ.—Суть одна. Вамъ понадобилось больше времени, чтобы придти къ этому рѣшенію, мнѣ понадобилось меньше. Вотъ и все. Все зависитъ отъ характера и темперамента. Я пришелъ къ этому рѣшенію скорѣе, чѣмъ вы, только и всего.

Лица гостей разсвѣтились. Имъ, очевидно, было пріятно найти еще одинаково мыслящаго съ ними человѣка. Не такъ жутко было уходить, и въ рѣшеніи Бочарова заключалось лишнее подтвержденіе правильности ихъ собственнаго рѣшенія.

— Намъ нужно движеніе,—сказалъ Голубинскій,—мы слишкомъ много пишемъ и читаемъ—это слишкомъ монотонная программа жизни. У насъ любятъ больше сидѣть, а еще больше лежать на боку... Но только въ движеніи есть жизнь и только въ двигающейся жизни есть прогрессъ. Стоячая жизнь, что стоячая вода, удобна только для разведенія плѣсени. Словъ мало, нужна дѣятельность. Я не хочу сказать, что литература не дѣятельность. Но литература есть литература и во всякомъ случаѣ не активная дѣятельность, а только, въ лучшемъ случаѣ призывъ къ ней.

Бочаровъ ничего не отвѣтилъ, задумчиво кура папиросу. Онъ взглянулъ на Голубинскаго, который всталъ во весь свой ростъ.

Это былъ очень высокій человѣкъ, съ холоднымъ взглядомъ глазъ. Лобъ его былъ изборожденъ морщинами; ноздри его довольно большого носа сильно раздувались, когда онъ говорилъ и отъ всей его мужественной фигуры вѣяло силой, настоящей физической силой и твердостью воли. И Бочаровъ понялъ, что эта физическая сила и твердая воля, долго и искусственно сдерживаемая, наконецъ, властно заговорила въ немъ.

— Люди, одаренные талантомъ,—сказалъ Стремлевъ,—неизбѣжно измѣнчивы, изнервлены, не имѣютъ силы ждать. Мнѣ такъ надоѣло ждать результатовъ моихъ трудовъ. И потомъ я не знаю даже, есть ли у меня талантъ. Я не Преклонскій. Этотъ убѣжденъ, что у него огромный талантъ, что онъ создаетъ что-то необыкновенное, великое, что затмитъ всѣ существовавшія до него произведенія. Но критикъ Мѣнскій одинаково сомнѣвается какъ во мнѣ, такъ и въ немъ.

— Положимъ, его критика немногаго стоитъ...—вставилъ презрительнымъ тономъ Голубинскій.

— Да, но все-таки,—продолжалъ Стремлевъ,—наша публика не привыкла еще судить самостоятельно и дѣлать успѣхъ писате-

лю. У нея нѣтъ инициативы сужденій. Ей непременно надо предварительно справиться съ мнѣніемъ авторитета. А авторитетъ для нея тотъ, кто ей мозолить глаза лѣтъ двадцать и кто самъ себя провозглашаетъ авторитетомъ. Нѣтъ, съ меня довольно! Я чувствую, какъ съ каждымъ годомъ, какъ съ каждымъ новымъ произведеніемъ я пропитываюсь условностями литературнаго труда, установленными литературными формулами и чувствую себя усталымъ, истрепаннымъ, почти разбитымъ. И чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Мнѣ начинаетъ казаться, что я шатаюсь, что почва колеблется подъ моими ногами и что я иду не туда, куда нужно. Въ такомъ движеніи нѣтъ ни пользы, ни удовольствія...

Бочаровъ взглянулъ теперь на Стремлева; Стремлевъ показался ему маленькимъ, худенькимъ человѣчкомъ, съ усталымъ взоромъ глазъ, съ усталою порывистою рѣчью. И какъ было ему понятно рѣшеніе Голубинскаго, такъ стало ему понятно и рѣшеніе Стремлева вырваться изъ города, дезертировать изъ литературы, уйти въ деревню, въ лѣсъ, на свободу, въ жизнь, чтобъ истомленной больной грудью вдохнуть свѣжую и живительную струю ничѣмъ не отравленнаго воздуха.

— Да, вы правы...—тихо и медленно проговорилъ Бочаровъ, послѣ долгаго раздумья.—Вы хотѣли знать мое мнѣніе, я его скажу вамъ. Я тоже хочу жить, жадно хочу жить полной, настоящей жизнью, а не условной и половинчатой жизнью профессиональнаго труженика пера. Я новичокъ, я недавно появился на вашемъ горизонтѣ. Та страна, въ которой вы жили, мнѣ казалась озаренною лучами свѣта; мнѣ казалось, что въ ней тепло и уютно, что жизнь бьетъ въ ней ключемъ.

Онъ началъ робко, подыскивая слова, обдумывая фразы; но по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, имъ овладѣвало воодушевленіе, страстность, горячность, и фразы прямо складывались изъ мыслей и свободно шли съ языка.

— Но какъ только я вошелъ въ эту страну, — продолжалъ онъ, — въ красивую и таинственную страну искусства, я увидалъ, я убѣдился, что вмѣсто настоящей жизни тамъ царитъ копія ея, жрецы, населявшіе эту страну, поставили искусство выше жизни, впереди ея.

Стремлевъ и Голубинскій сидѣли молча, нѣсколько удивленно вслушиваясь въ эту искреннюю рѣчь и изрѣдка одобрительно кивая головами.

— Я понялъ, что искусство далеко ушло отъ жизни и оградил

себя отъ нея высокой стѣной. И мнѣ стало темно и холодно и я возмутился духомъ противъ этого самоубійства.

— Какъ и мы,—сказалъ Голубинскій.

— Да, какъ и вы. Взгляните на Преклонскаго. Онъ заперся въ своей бѣлѣ, въ пятомъ этажѣ, почти никуда не выходитъ, знается только съ людьми одинаковой съ нимъ профессіи. Можетъ ли быть его искусство жизненно?

— Конечно, нѣтъ,—подтвердилъ Стремлевъ.

— Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ. И вотъ почему его единомышленники уходятъ. И скоро, скоро онъ останется одинокимъ и брошеннымъ. Ахъ,—вдругъ горячо проговорилъ Бочаровъ,—всѣ эти высокія мечты, всѣ эти ревнивыя заботы объ искусствѣ—это такой застѣнокъ, изъ котораго нѣтъ выхода въ жизнь. И Преклонскій, и всѣ его единомышленники похожи на людей, попавшихъ въ этотъ застѣнокъ. И эта длинная зима, проведенная въ ихъ обществѣ, мнѣ кажется унылой, глухой осенью. Вокругъ меня произносились профессиональныя рѣчи, только профессиональныя рѣчи, походившія на грустный шорохъ осенняго листопада. Листъ падалъ за листомъ и покрывалъ узкую тропинку лѣса блѣдно-желтымъ покровомъ...

— Какая вѣрная картина!—одобрительно заявилъ Голубинскій.

— Мнѣ кажется она вѣрною,—сказалъ Бочаровъ. — И что же дальше? Мнѣ стало жутко. Я почувствовалъ себя скованнымъ по рукамъ и по ногамъ. Я не могъ больше работать... Вы читали мой послѣдній романъ. Онъ никуда не годится.

Бочаровъ замолчалъ, ожидая ихъ подтвержденія.

Но ни Голубинскій, ни Стремлевъ ничего ему не сказали на это, и Бочаровъ продолжалъ:

— О, вы можете высказаться, не стѣсняясь. Я хорошо знаю цѣну себѣ и своимъ произведеніямъ. Я не могу такъ работать, вѣчно справляясь со взглядами редакцій, съ исправленіями редакторовъ, съ мнѣніями писателей, съ одобреніями Преклонскаго или другихъ, ему подобныхъ. Такой писатель похожъ на зайца, затравленнаго собаками; онъ не можетъ найти своей дороги, потому что ему вѣчно слѣдуетъ озираться—не настигнуть ли его. Я не могу озираться. Я думалъ, отправляясь въ Петербургъ, что попаду въ свободную, никѣмъ и ничѣмъ не стѣсненную страну свободного искусства. Но я попалъ въ темный и мрачный погребъ. Или если вамъ не нравится это сравненіе, то въ оранжерею, въ теплицу съ высокою и искусственною температурой; въ этой теплицѣ, на искусственно составленной землѣ, искусными садовниками взращиваются орхидеи. Нѣтъ, Богъ съ нимъ, съ этимъ орхидейнымъ искус-

ствомъ. Я бы хотѣлъ, чтобы каждая написанная мною вещь походила на свободно выросшій подъ солнцемъ и дождями полевой цвѣтокъ, который благоухаетъ весеннимъ запахомъ, который питается жизненными соками земли и для котораго не нужно ни искусственной атмосферы, ни искусственной почвы. Я хочу, чтобы наше искусство было молодо, чтобъ отъ него вѣяло зазоромъ молодости, свѣжестью юныхъ лѣтъ, чтобы въ немъ были достоинства молодости и его недостатки... Зачѣмъ ему походить на печальнаго схимника, запертаго въ четырехъ стѣнахъ монастыря и изнывающаго подъ бременемъ хотя бы и возвышеннаго, но узкаго обѣта. Зачѣмъ вѣчно произносить: «подвигъ», «обѣтъ», «добродѣтель», «идея», «направленіе» и прочее. Отчего не провозгласить слово «жизнь» — во всемъ его объемѣ, со всѣми его прелестями и невзгодами?

Бочаровъ замолчалъ, переведя духъ.

Его гости были изумлены этой убѣжденной, страстной рѣчью. Они давно подозрѣвали въ немъ одного изъ возмущившихся, но не ожидали, что протестъ его выльется въ такую опредѣленную форму.

Въ литературныхъ кружкахъ ходили слухи объ увлеченіи Бочарова Ольгой Ивановной. Знали объ этихъ слухахъ и Стремлевъ съ Голубинскимъ. И нотка раздраженія, звучащая въ рѣчахъ Бочарова противъ Преклонскаго, не удивила ихъ. Но ихъ удивило то, что Бочаровъ рѣшилъ, повидимому, разстаться съ Преклонскимъ.

— И что же вы думаете дѣлать? — спросилъ Голубинскій.

— Я буду искать свое счастье тамъ, гдѣ могу надѣяться найти его, — спокойно отвѣтилъ Бочаровъ. — Миѣ не годится эта литературная мудрость. Я ненавижу эту веселую съ виду, но въ сущности унылую столицу съ ея холодами, съ ея туманами, съ ея зимнею луной на дневномъ небѣ, и съ ея чуть не полуночнымъ солнцемъ — лѣтомъ, съ ея зимними днями, похожими на искусственную ночь, и съ ея лѣтними ночами, похожими на умирающій день...

Бочаровъ взглянулъ на часы. Онъ подошелъ къ окну, поднялъ штору, отодвинулъ занавѣси.

Мутный, блѣсоватый свѣтъ бѣлой ночи наполнилъ комнату. Бочаровъ отворилъ окно. На него пахнуло сыростью.

Тихо было на улицѣ, точно все вымерло. И тамъ, гдѣ онъ привыкъ слышать вѣчное дребезжаніе экипажей, смутный говоръ толпы, этотъ покой, эта тишина показалась ему жуткой. Это не была тишина деревни, тишина необъятныхъ полей — это была тишина города, искусственно вызванная строемъ городской жизни и больше всего полицейскими распоряженіями.

Онъ отошелъ отъ окна.

— Тоска!—сказалъ онъ.

Водворилось молчаніе, котораго никто не хотѣлъ нарушить.

— Я слышалъ,—началъ, наконецъ, Голубинскій,—что Преклонскій хочетъ перебраться на окраины города.

— Чтобы еще больше замуроваться и оградить себя отъ жизни?—спросилъ Бочаровъ. —Онъ хочетъ воздвигнуть высокую стѣну, черезъ которую не долетали бы до него даже отдѣльные звуки жизни, не то что сплошной гулъ ея. Но... развѣ можно творить въ безвоздушномъ пространствѣ? Развѣ можно жить подъ водолазнымъ колоколомъ?

— А давно вы видали Ольгу Ивановну?—спросилъ Стремлевъ, внимательно поглядѣвъ на Бочарова.

Но на лицѣ Бочарова ничего нельзя было прочесть.

— Очень недавно,—сказалъ онъ.

И потомъ, поддаваясь нахлынувшимъ на него мыслямъ, онъ прибавилъ:

— Что Ольга Ивановна! Ольга Ивановна—бѣлая невольница. Преклонскій убилъ въ ней всякую индивидуальность. Она—второе изданіе Преклонскаго. У нея нѣтъ ни своихъ словъ, ни своихъ мыслей, ни своихъ чувствъ. Все исходитъ отъ Преклонскаго и все восходитъ къ нему. Преклонскій—солнце, освѣщающее осенними, холодными лучами ея унылый, скорбный путь. Богъ съ ней! Я не пойду по ея дорогѣ и не возьмусь указать ей на новый путь... У каждого есть свой идеалъ жизни. И наши идеалы не сходятся.

— А!—вырвалось у Стремлева.

Бочаровъ опустилъ голову.

— Итакъ,—спросилъ Голубинскій,—вы покидаете Петербургъ?

— Да, я уѣзжаю въ деревню, къ дядѣ. Свои знанія, свои силы я посвящу живому дѣлу, землѣ. И каждый разъ, когда я буду чувствовать себя усталымъ и разбитымъ, я буду черпать обновленіе изъ единственнаго неизсякаемаго источника жизни—природы и общенія съ нею. Я не брошу работать, но я не буду профессиональнымъ литераторомъ. Если мнѣ будетъ что сказать міру—употребляя излюбленную фразу Преклонскаго—я скажу. Также какъ онъ я хочу создать что-нибудь свѣжее, живое, сильное... но мы пойдемъ разными путями. Онъ будетъ творить въ погребѣ, я—на свѣтѣ и воздухѣ. Посмотримъ, кому лучше удастся.

Друзья встали и простились.

Бочарову захотѣлось пройтись. Онъ пошелъ проводить ихъ.

Дойдя до пустынной въ этотъ часъ ночи площади, онъ бѣжно пожалъ имъ руки и расстался съ ними, повернувъ домой.

И среди бѣлой ночи его начали одолевать черныя мысли.

ХІІ.

Всю недѣлю Бочаровъ приготавливался къ отъѣзду. Писалъ письма, ликвидировалъ мелкія дѣла, укладывалъ вещи; ни разу не посѣтило его раскаянье или раздумье по поводу окончательно рѣшеннаго имъ шага.

Въ концѣ недѣли, въ одинъ изъ свѣтлыхъ вечеровъ, онъ неожиданно получилъ письмо.

Увидя розовато-лиловатый конвертъ, онъ въ первую минуту подумалъ, что это письмо отъ Ольги Ивановны. Непріятное чувство прошло у него по душѣ. Вотъ еще дѣло, котораго онъ не успѣлъ до сихъ поръ окончательно ликвидировать и малодушно откладывалъ изъ дня въ день эту ликвидацію.

Но взглянувъ внимательнѣе на маленькій конвертъ, онъ убѣдился, что не Ольга Ивановна писала ему. Но тогда кто же? Онъ совершенно не имѣлъ знакомыхъ въ городѣ, съ которыми бы велъ переписку.

Чѣмъ-то давно знакомымъ и наполовину забытымъ повѣяло на него отъ этого крупнаго и неровнаго, почти мужского почерка.

И вдругъ воспоминаніе осѣнило его и точно молнія освѣтила его память.

Да, да... несомнѣнно это письмо написано Вѣрой Огневой.

Какъ! Вѣра здѣсь, въ Петербургѣ!

Бочаровъ вскрылъ письмо.

Да, Вѣра пріѣхала съ матерью въ Петербургъ. Она только что вернулась изъ зимняго путешествія за границей. Кое что нужно было устроить въ Петербургѣ по имѣнію и сдѣлать кое-какія закупки. Вѣра остановилась въ Европейской гостиницѣ и приглашала Бочарова на «чашку чая».

Онъ сложилъ письма. Тысячи думъ одолѣли его. Ему показалось, что въ его комнату вдругъ открыли окно и въ это окно ворвалась струя свѣжаго весенняго воздуха, напоеннаго ароматами луговъ и садовъ.

Впечатлѣніе было такъ сильно, такъ реально, что онъ дѣйствительно подошелъ къ окну и открылъ его. Но оттуда пахло на него все тою же сыростью и запахомъ желтой акаціи.

Онъ отошелъ отъ окна.

Давно уже онъ не ощущалъ такой бодрой, такой живительной радости. И все что было, все, что прошло, вся эта безконечная зима съ ея вьюгами и метелями, съ ея суровыми морозами и туманами, съ ея отсутствіемъ свѣта, замѣненнаго свѣтомъ газовыхъ и электрическихъ фонарей, съ ея скучными обитателями, вѣчно торопившимися по дѣламъ, съ ихъ вялыми и ненужными разговорами, съ ихъ интересами, — все это показалось ему такимъ далекимъ, такимъ чуждымъ, такимъ отвратительнымъ!

Было еще не поздно. Бочаровъ сталъ быстро и тщательно одѣваться. Жажда увидѣть Вѣру овладѣла имъ. Что-то близкое и родное звучало ему въ ея призывѣ.

Онъ входилъ въ одну изъ комнатъ огромнаго отеля. Старшей Огневой не было дома—она отпратилась въ театръ, поспѣшивъ воспользоваться послѣдними передъ закрытіемъ сезона представленіями.

Его приняла Вѣра. Приняла просто, дружественно, какъ стараго друга дѣтства, хоть онъ никогда не былъ имъ.

И онъ смотрѣлъ на нее съ восхищеніемъ, съ радостнымъ, благороднымъ чувствомъ, какъ смотритъ челоувѣкъ, отчаявшійся въ спасеніи, на того, кто ему протягиваетъ руку помощи.

Онъ и самъ не зналъ откуда у него это странное чувство, потому что не чувствовалъ себя ни погибающимъ, ни нуждающимся въ спасеніи.

Она его усадила рядомъ съ собою, ласково и привѣтливо улыбалась ему и говорила самыя обыкновенныя слова, производившія на него необыкновенное впечатлѣніе.

При малѣйшемъ ея движеніи, волна сильныхъ, но пріятныхъ духовъ доходила до Бочарова; онъ узналъ этотъ запахъ, такъ какъ она душилась одними духами, привозимыми ею изъ Парижа. И этотъ ароматъ точно сроднился съ нею и очень шелъ къ ней.

— Это все «Fleurs de Serres»?—радостно спросилъ онъ ее.

— Да, все тѣ же «тепличныя цвѣты»,—отвѣтила она.

И Бочаровъ жадно вдыхалъ этотъ нѣжный, плѣнительный и вмѣстѣ съ тѣмъ удушливый запахъ, кружившій ему голову и заставлявшій сильнѣе биться его сердце.

Вѣра нисколько не измѣнилась. Та же здоровая и изящная фигура, тѣ же волосы цвѣта *viel or*, тѣ же глаза, въ которыхъ горѣлъ темно-синеватый отблескъ, походившій на блескъ драгоценнаго сафира.

И ему вспомнилась Ольга Ивановна. Жуткое чувство овладѣло имъ. Онъ представилъ себѣ обѣихъ женщинъ, сидящихъ рядомъ,

въ одной комнатѣ. И Вѣра, съ ея золотистой головкой, съ ея сафировыми глазами казалась ему идеаломъ свѣтлаго будущаго и воспоминаніемъ недалекаго, но уже безслѣдно минувшаго прошлаго. И онъ почувствовалъ жажду жизни, жажду обновленія. При Ольгѣ онъ, напротивъ, чувствовалъ желаніе покоя, желаніе—свойственное больному, разбитому и уставшему человѣку.

Синеватый лучъ мягкаго взора Вѣры приводилъ его въ странный трепетъ и, проникая въ глубь его души, какъ будто снималъ съ нея, одинъ за другимъ, темные покровы, которыми она была тщательно окутана чьими-то ревнивыми руками.

И по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ съ Вѣрой, онъ чувствовалъ, какъ зрѣетъ его рѣшеніе, которое онъ недѣлю тому назадъ излагалъ своимъ литературнымъ пріятелямъ, посѣтившимъ его въ его убогой квартиркѣ. И онъ чувствовалъ, какъ несомнѣнный, хотя еще плохо уловимый разрывъ образовался во время этого свиданія между нимъ и Ольгой Ивановой.

— Я нахожу, что вы измѣнились за этотъ годъ,—говорила Вѣра, всматриваясь въ его лицо.

Бочаровъ вздрогнулъ.

— Какая же перемѣна произошла во мнѣ?

— Н-не знаю...—протянула она.—Дайте-ка я васъ разсмотрю подробнѣе.

Онъ выдержалъ ея осмотръ, не опустилъ глазъ подъ ея испытующимъ взоромъ.

— Да,—наконецъ, проговорила она,—вы измѣнились. Обыкновенно говорятъ: похудѣли или пополнили. Но это говорятъ, когда больше нечего сказать. Вы не похудѣли и не пополнили. Вы остались съ виѣшной стороны такимъ же. Но въ васъ есть кабая-то внутренняя перемѣна.

— Какая же?

— Видъ у васъ усталый. Какъ будто вы утомились жить. И въ вашемъ взглядѣ нѣтъ прежняго спокойствія. Въ немъ появилась тревога. Въ немъ отразился Петербургъ съ его туманами, холодами и ненастьемъ. Въ лицѣ каждаго петербуржца, и въ особенности въ его тревожномъ взглядѣ всегда есть что-то странное, неудовлетворенное, безпокойное. Но я думала, что для этого надо прожить долго на этомъ болотѣ и что нельзя пріобрѣсти въ одинъ годъ того, что пріобрѣтается годами.

— Вы не любите Петербурга?—смущенно спросилъ Бочаровъ.

— Нѣтъ, Илья Ильичъ, не люблю,—улыбнулась она виноватой улыбкой.—Я провинціалка и выросла среди луговъ и лѣсовъ,

на лонѣ природы. Здѣсь нѣтъ природы, здѣсь все искусственно. Искусственъ самъ городъ, насильно выстроенный на болотѣ, искусственны люди и интересы. — Она засмѣялась. — Это общія фразы, конечно, и я недостаточно умна, чтобы развить ихъ въ полной мѣрѣ. Суть въ томъ, что я не люблю Петербурга. А вы... развѣ успѣли полюбить его?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Бочаровъ.

— Вотъ видите, — съ чувствомъ удовлетворенія, сказала она.

— Нѣтъ, я не люблю его, — твердо повторилъ онъ. — Этотъ городъ на меня дѣйствуетъ вредно. Я чувствую какъ измѣнилась моя душа, съ тѣхъ поръ, какъ я покинулъ имѣніе дяди. Я не разъ вспоминалъ здѣсь тихіе, лѣтніе дни, залитые солнцемъ...

Онъ замолкъ, не рѣшаясь высказать то, что неудержимо рвалось наружу. Онъ колебался, но потомъ, не будучи въ силахъ сдерживать себя, горячо продолжалъ:

— Я вспоминалъ часто и васъ, Вѣра Эрстовна.

Ей послышалась нотка грусти въ его словахъ.

— Спасибо вамъ, — тихо произнесла она.

— Да, я часто вспоминалъ васъ, — продолжалъ онъ, все болѣе и болѣе увлекаясь, — васъ, всегда такую ясную, ровную и простую и рядомъ съ вами самого себя; въ сердцѣ моемъ зарождалось тоже ясное и простое, вполне естественное чувство... чувство любви... но я его не понималъ тогда; оно мнѣ казалось еще туманнымъ, смутнымъ, неопредѣленнымъ.

Онъ покраснѣлъ. Она, смущенная неожиданностью, внезапно этого вырвавшегося признанія, опустила глаза.

Бочаровъ продолжалъ:

— Тогда-то умъ мой царилъ надъ сердцемъ, и я питался надеждою на славу.

Онъ улыбнулся насмѣшливой улыбкой и махнулъ безнадежно рукою.

— Слава! Какая ненужная, бесполезная вещь! — продолжалъ онъ. — Если бы она и явилась? Что изъ этого? Что она приноситъ съ собою? Счастье? Нѣтъ, о, нѣтъ! Она приноситъ безпокойство и трепеть, какъ бы она не ушла; она возлагаетъ тяжелую обязанность, во что бы то ни стало сохранить ее, не уступить, не погубить и тѣмъ не испортить своей жизни... потому что ничего не можетъ быть печальнѣе развѣнчанной знаменитости.

Онъ опять замолчалъ. Досада овладѣвала имъ. Зачѣмъ онъ говорилъ эти ненужныя слова, которыя ему не хочется говорить, а тѣ, которыя ему хотѣлось бы высказать, не сходятъ съ его языка?

И говорить онъ книжно, вычурно, выдѣлanno, какимъ-то не живымъ, а литературнымъ языкомъ. Неужели онъ потерялъ способность просто и ясно выражать свои чувства и пріобрѣлъ отвратительную привычку придавать своимъ мыслямъ литературную форму, какъ всѣ эти люди профессіи, сходящіеся у Преклонскаго и разговаривающіе о своихъ профессиональных интересахъ?

— Ахъ,—продолжалъ онъ,—дорогая Вѣра Эрастовна! Когда я вспоминаю осень, проведенную въ Петербургъ, и эту зиму, и всѣ разочарованія, всѣ невзгоды, всю эту рутину, желѣзнымъ кольцомъ сковавшую мое дарованіе,—если оно, дѣйствительно есть,—разладъ между товарищами по профессіи, физическое отвращеніе къ работѣ... мнѣ дѣлается такъ больно, такъ тошно, что хочется плакать и мнѣ дѣлается такъ жаль этого года, безслѣдно пропавшаго.

Онъ опустилъ голову и замолкъ.

И ему опять вспомнилась Ольга Ивановна, эта таинственная женщина съ печальной улыбкой на устахъ, блѣдная и красивая, съ тиціановскимъ цвѣтомъ волосъ, непроницаемая, непонятная, ничего не желающая для себя и все чего-то ждущая для созданнаго ею кумира, принесяшая ему въ жертву молодость, убѣжденія, личное счастье, личное чувство. Какъ онъ хотѣлъ бы, чтобы и его такъ любили, сильно и беззавѣтно, но не узкой любовью обезличившей себя женщины, а любовью широкой и свободной какъ міръ.

Вѣра молчала. Она терялась. Бочаровъ смущался все больше и больше.

— Вѣра Эрастовна!—вдругъ сильно проговорилъ онъ.—Милая, хорошая, спасите меня!... Душа моя больна и требуетъ ухода... Помните, тамъ, въ деревнѣ... не такъ еще давно... мнѣ казалось...

Онъ запнулся и не могъ продолжать.

Но Вѣра на этотъ разъ пришла къ нему на помощь.

— Мои чувства не измѣнились,—тихо, еле слышно проговорила она.

Онъ хотѣлъ броситься передъ ней на колѣни, цѣловать ея руки, благодарить за ея любовь, высказать ей все, что накопилось на его душѣ. Но слова останавливались въ горлѣ и не шли съ языка.

Въ это время вернулась домой мать Вѣры Эрастовны.

Она радушно встрѣтила Бочарова и стала рассказывать ему о дядѣ, объ имѣніи, о дѣлахъ.

Посидѣвъ еще немного, Бочаровъ простился и ушелъ домой.

Онъ шелъ смущенный возвратомъ счастья, которое казалось ему недавно навсегда потеряннымъ. Туманное и тяжелое настоящее уходило въ даль подъ напоромъ новаго свѣжаго чувства, какъ уходила

въ воспоминаніе суровая зима подъ вліяніемъ торжественнаго шествія весны.

И вмѣстѣ съ дуновеніемъ весенняго вѣтерка на душѣ его нарождалось новое весеннее счастье.

«Поскорѣ бы все кончить и вернуться назадъ», — подумалъ онъ и бодро зашагалъ по улицѣ.

XIII.

Бочаровъ гулялъ по обширному парку. Вѣра Эрастовна просила проводить ее въ Петергофъ, гдѣ ей нужно было посѣтить свою старую родственницу, давно уже и безвыѣздно жившую въ этомъ городѣ.

Теперь Вѣра Эрастовна была у нея, Бочаровъ долженъ былъ ждать ее въ условленномъ мѣстѣ парка.

Бочаровъ ходилъ по аллеямъ, нервно настроенный, сжигаемый нетерпѣніемъ, съ наслажденіемъ вдыхая насыщенный ароматами лѣсной воздухъ обширнаго парка.

Бочаровъ потерялъ представленіе о времени. Съ нимъ началось что-то особенное, то, чего онъ никогда еще въ жизни не испытывалъ: какое-то ожиданіе великаго событія жизни, что-то значительное и серьезное вселилось въ него. Онъ чувствовалъ себя разстроеннымъ, почти больнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ счастливымъ.

Онъ свернулъ съ аллеи и углубился въ чащу парка. Здѣсь не было ни расчищенныхъ аллей, ни фонтановъ, ни статуй, ничего дѣланнаго, искусственнаго. Онъ взглянулъ на лѣсную тропу, времени у него было много, часа полтора впереди, и онъ пошелъ по этой тропѣ... она казалась ему узенькой дорожкой, пролегшей между двумя высокими черными стѣнами лѣса, и эта дорожка вела прямо къ небу. Бочарову сдѣлалось страшно. Деревья, кусты, отдѣльныя вѣтви казались ему темными привидѣніями, выраставшими на пути, протягивавшими руки, чтобы помѣшать ему идти, чтобы преградить ему путь къ счастью.

И ему казалось, что этотъ весенній вечеръ полонъ тайнъ, что этотъ лѣсъ зналъ тайну его души и молчаливо, укоризненно, невидимыми глазами заглядывалъ въ его сердце.

И чѣмъ дальше онъ шелъ, тѣмъ тѣснѣе окружали его стволы, вѣтви, молодые листья, кустарники и цвѣты. Зеленый свѣтъ наполнялъ эту часть лѣса, и Бочаровъ почувствовалъ себя среди моря, подъ его зелеными волнами. Природадохнула на него своей дѣвственной непорочностью, чистотою своего безмолвія, ясностью сво-

его уединенія. И она показалась ему гораздо проще жизни. Ему слышался глубокий вздох природы. Листья начинали шептаться, мягкій, душистый вѣтерокъ проносился по лѣсу. И отъ дерева къ дереву, отъ куста къ кусту неслась тайна, неслась поэтическая повесть о грѣзахъ лѣса. Шепоты раздаются во всѣхъ концахъ, кто-то тихо смѣется серебристымъ голоскомъ, точно лѣсные колокольчики, голубѣвшіе на узенькихъ полянахъ, запѣли нѣжную пѣснь любви.

Какъ все стало просто и ясно, какъ только онъ вступилъ въ непосредственное общеніе съ природой. И какъ все было сложно и туманно, искусственно и дѣланно въ то время, когда онъ жилъ въ огромномъ каменномъ городѣ въ общеніи съ профессиональными людьми.

Бочаровъ остановился, чтобы собраться съ мыслями, чтобы успокоить свое душевное волненіе.

Онъ взглянулъ на часы. Ему нужно было возвращаться, чтобы не заставить ждать Вѣру, и онъ, еще разъ оглядѣвъ лѣсъ, зашагалъ въ обратную сторону.

Да, именно этого воздуха, не отравленного городскими міазмами, этого лѣса, этой природы, этой весны и не доставало ему все это время. Онъ не созданъ для города, для всѣхъ этихъ условностей городской жизни. Ему надо вернуться туда, откуда онъ такъ неудачно бѣжалъ.

На аллеѣ ждала его Вѣра.

— Вотъ и я!—весело сказала она ему.

Она сидѣла на скамейкѣ. Мутныя сумерки освѣщали ее неопредѣленнымъ свѣтомъ, глядя странные блески на ея золотистые волосы и оставляя въ тѣни ея лицо.

Она заговорила раздумчиво, медленно, точно бредила. Взоръ ея былъ устремленъ въ одну точку. Слова, одно за другимъ, медленно, гочно помимо ея воли, срывались съ ея губъ.

Никогда еще Бочаровъ не видѣлъ ея такою.

— Вы говорите, что любите меня,—дрожащимъ отъ волненія голосомъ сказалъ Бочаровъ, заражаясь таинственнымъ настроеніемъ свѣтлаго вечера.

Она не отвѣтила. Онъ взялъ ея руки въ свои, покрывъ ихъ страстными поцѣлуями.

— Но если вы меня любите,—продолжалъ онъ,—отчего было не сказать этого давно, въ то время, когда мы жили такъ близко другъ отъ друга?

— Вы были холодны со мною... вы бѣжали отъ меня...

— И бѣжалъ неудачно... все оказалось вздоромъ. И борьба, и

вѣра въ свои силы, и высокія мечты о счастьи. Я усталъ, я пересталъ понимать себя... я боленъ, очень боленъ.

— Вы больны?—вскрикнула она.

— Да, Вѣрочка! Развѣ любовь не болѣзнь? Развѣ то, что такъ измѣнило меня—не болѣзнь?

— Нѣтъ, это не болѣзнь,—сказала она,—это естественное чувство. Мы здѣсь одни,—прибавила она шепотомъ,—одни, среди молчаливаго парка, отдѣленные отъ людей, точно оторванные отъ міра. Какое счастье знать, что ничьи любопытные глаза не проникнутъ въ нашу тайну и что только листья въ тихую лѣтнюю ночь будутъ передавать другъ другу повѣсть нашей любви.

Она засмѣялась тихимъ, нѣсколько тревожнымъ смѣхомъ, въ которомъ, несмотря на тревогу, было много дѣтскаго.

И Бочарову показалось, что онъ опять услыхалъ серебряную пѣснь голубыхъ колокольчиковъ лѣса.

— Мы будемъ принадлежать другъ другу,—проговорилъ Бочаровъ,—мы не можемъ не принадлежать другъ другу, потому что мы созданы одинъ для другого... Мы должны, должны... мы будемъ идти рядомъ, рука объ руку, рядомъ бороться, рядомъ завоевывать жизнь.

Волненіе овладѣвало Вѣрой, по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ. Она крѣпко сжала его руки.

— Всюду за тобою и съ тобою! — сказала она. — Ни на шагъ отъ тебя. Да, рука объ руку... хоть въ могилу!...

Совершенно незамѣтно, естественно, они перешли на «ты» и продолжали говорить такъ.

— Не говори о могилѣ! — покачалъ онъ головой. — Зачѣмъ говорить о могилѣ? Будемъ говорить о жизни. Вся жизнь, долгая жизнь передъ нами! Мы молоды лѣтами и душою. Здѣсь—холодно, непривѣтно... тамъ, у насъ, тепло и уютно. Тамъ нѣтъ такой долгой, суровой зимы, такой унылой, ненастной осени. Здѣсь мнѣ никого не жаль, ничего не жаль... Мы будемъ любить другъ друга, какъ любить этотъ лѣсъ... Тебѣ не кажется, что лѣсъ любить? Что каждое дерево, что каждый листъ, каждый цвѣтокъ трепещетъ отъ этого весенняго чувства? Не обращай вниманія... я говорю глупости... не смѣйся надо мною... Но мнѣ такъ пріятно говорить глупости... такъ надобно пыжиться и произносить умныя, литературныя рѣчи, годныя для помѣщенія въ романъ. Дай помечтать... это удастся такъ рѣдко... Ахъ, если бы ты только знала, какъ я страдалъ безъ тебя, не сознавая того, что я страдаю, потому что не вижу тебя, потому что смутно чувствовалъ, что теряю

тебя, что, можетъ быть, уже потерялъ навсегда... Какіе мучительные, жестокіе дни я проводилъ безъ тебя...

— А я? — перебила она его. — Я думала, что ты бѣжалъ отъ меня, что я никогда ничего не значила для тебя, что жизнь моя потечетъ теперь одиноко, безсильно, уныло... И вотъ мы здѣсь, въ этомъ миломъ старомъ паркѣ, который я исходила вдоль и поперекъ дѣвочкой. И ты — рядомъ со мной... Я давно, давно люблю тебя. И мнѣ кажется еще, что я никогда не видала тебя раньше и въ первый разъ увидѣла сегодня.

— Представь, — сказалъ онъ, — и мнѣ это кажется. Точно волшебная сказка. Точно я долго бродилъ, заблудившись, по лѣсу жизни и вдругъ нашелъ тебя, чудную, волшебную лѣсную фею, которая согласилась вывести меня на настоящую дорогу жизни... Какіе у тебя чудные волосы, точно серебряныя нити...

Она нагнула къ его губамъ голову, и онъ поцѣловалъ ея волосы. Сердце его замерло, ему показалось, что онъ задыхается. Запахъ «тепличныхъ цвѣтовъ» закружилъ ему голову. И онъ еще разъ долгимъ, горячимъ поцѣлуемъ прильнулъ къ этому золотому руну.

— Да, да... — безсвязно говорилъ онъ. — Я точно очнулся отъ долгаго, отъ мучительнаго сна... Я нашелъ, наконецъ, тебя, мою грѣзу, мою мечту, среди этого зеленого парка. Ахъ, Вѣрочка, я долго искалъ тебя... я долго страдалъ и ужасный кошмаръ мучилъ меня. Я долго принималъ за грѣзу то, что не могло быть ею. Мнѣ не доставало твоего радостнаго, дѣтскаго смѣха... Я во многомъ ошибался; я ошибался въ своей любви, въ своемъ призваніи, въ значеніи искусства. Я вѣрю въ силу его, но не вѣрю, что оно должно быть замкнуто; оно должно выйти на вольный воздухъ, оно должно быть свободно... И жрецомъ его долженъ быть не тотъ, кто ограждается отъ людей и погружается въ кабинетную, головную работу, а тотъ, кто не чуждается жизни, кто живетъ полной жизнью, кто вѣритъ въ жизнь и любитъ ее, кому доступна страсть, — обыкновенная, человѣческая страсть, — кому доступна любовь къ женщинѣ, у кого есть, кромѣ достоинствъ и добродѣтелей, недостатки и пороки, непременно пороки... Тѣ, кто закрываетъ глаза на радости жизни, можетъ быть схимникомъ, аскетомъ, но не художникомъ. Прости, что въ эту минуту я говорю не о любви, а объ искусствѣ. Но это потому, что я нашелъ въ тебѣ мою музу и потому, что я вновь нашелъ вѣру въ себя. Вѣра! Ты вырвала меня изъ этой тѣсной и мрачной могилы, ты вывела меня на свѣтъ, ты яркимъ лучомъ освѣтила мнѣ жизнь, унылую, безпросвѣтную.

— Милый, — сказала Вѣра, — я тоже вѣрю въ жизнь и въ счастье... И я вѣрю, что счастье подходит къ намъ быстрыми шагами. Если оно и уйдетъ такими же быстрыми шагами...

— Никогда, никогда... — прервалъ онъ ее.

— Никто этого не знаетъ. Но если оно и уйдетъ... такъ что-жь? Будь что будетъ! Не будемъ говорить о будущемъ. Счастье—въ текущей минутѣ. Бываютъ мгновенія, которыя стоятъ жизни. И если настаетъ такая минута въ жизни, когда хочется сказать: «теперь бы умереть!»—это счастье!

Бочаровъ нагнулся къ Вѣрѣ и крѣпко обнялъ ее. Оба замолчали. Они долго сидѣли такъ, обнявшись и не говоря. Ничто не нарушало ихъ покоя. Въ паркѣ никого не было. Лѣсъ стихъ. Безмолвіе наступавшаго вечера заворожило его. Луна подымалась по необозримымъ, пустыннымъ равнинамъ пепельно-прозрачнаго неба и звѣзды казались на немъ одинокими, блѣдными оазисами, а полоска блѣдной сѣверной вечерней зари—промчавшимся самумомъ.

Они встали и пошли по безконечнымъ аллеямъ къ городу, по направленію къ вокзалу.

Они сѣли въ вагонъ, поѣздъ двинулся. Бочаровъ выглянулъ въ окошко. Городъ исчезалъ вдаль, низенькій, плоскій, погруженный въ глубокій сонъ. Послѣдніе городскіе огни потухли, послѣдній дымокъ давно уже растаялъ въ воздухѣ.

XIV.

Бочаровъ сидѣлъ у окна своей комнаты и какъ узникъ глядѣлъ на пустынную въ этотъ часъ ночи улицу. Скоро онъ покинетъ и эту квартиру, и этотъ городъ — часъ освобожденія его наступилъ.

Ему вспомнилось, какъ онъ сидѣлъ однажды у этого же окна, вернувшись отъ Преклонскаго, и мечталъ, принявъ за счастье міражъ его. И мало-по-малу мысли о проведенной зимѣ осадили его. Ему вспомнились зимніе пріятели и знакомые, Преклонскій и Ольга Ивановна, Стремлевъ и Голубинскій, скептикъ и циникъ Шишкинъ, озлобленный неудачникъ Черенскій, котораго нигдѣ не хотѣли признавать и который ядовито злился на всякій литературный успѣхъ. Черенскій презиралъ литературу, но такъ какъ ничего другого дѣлать не могъ, то онъ пристрастился къ ней, снабжая жалкія газеты безконечными романами съ грабежами, убійствами, любовными свиданіями, судебными слѣдователями и сыщиками, которыхъ онъ выуживалъ въ старыхъ французскихъ романахъ и, нисколько не смущаясь, приводилъ въ православную вѣру, дѣлалъ русскими

подданными и вообще «модернизировалъ» сообразно обстоятельствамъ мѣста и времени. За всѣ эти труды онъ получалъ по двѣ копейки за строчку и «разговорныя» строки ему считали двѣ за одну. Онъ велъ бѣдственную, почти нищенскую жизнь. Онъ былъ хорошій человѣкъ въ душѣ и способный малый, но не хотѣлъ пытаться счастья на другомъ поприщѣ, втянувшись въ свое невеселое и предосудительное дѣло. Къ нему относились съ легкимъ презрѣніемъ и только одинъ Бочаровъ отнесся къ нему сочувственно... Потомъ ему вспомнился нѣкій Сѣдковъ, только что напечатавшій повѣсть въ одномъ изъ незначительныхъ журналовъ. Никто еще не зналъ, что такое представляетъ изъ себя Сѣдковъ, но зато онъ самъ мнилъ себя литераторомъ и, будучи практичнымъ человекомъ, заводилъ съ какой-то болѣзненной страстностью связи и знакомства съ выдающимися литераторами, посѣщая ихъ неустанно и умоляя ихъ прочесть его повѣсть, чтобъ услышать «компетентное мнѣніе». Кто читалъ, кто не читалъ, но всѣ возвращали ему отписки съ болѣе или менѣе хвалебнымъ отзывомъ. Онъ пріѣзжалъ и къ Бочарову, нальстилъ и наговорилъ ему по поводу его произведеній безъ мѣры и произвелъ на него тягостное впечатлѣніе.

Потомъ Бочарову вспомнился еще литераторъ, «устроитель обѣдовъ и юбилеевъ». Что и гдѣ онъ писалъ—Бочаровъ не зналъ, да и никто, кажется, не зналъ, но онъ вертѣлся въ литературныхъ кружкахъ и если пріѣзжалъ съ предложеніемъ подписаться на обѣдъ въ честь «нашего высокоуважаемаго и талантливаго», то отъ него не было возможности отдѣлаться и надо было доставать послѣднюю десятирублевку.

Затѣмъ—Осѣцкій... Елейный голосъ, вкрадчивая рѣчь, высокія мысли и вмѣстѣ съ тѣмъ литературное маклерство, устройство литературныхъ дѣлъ и дѣлишекъ, отыскиванье состоятельныхъ издателей и готовыхъ къ продажѣ своихъ произведеній писателей. Получалъ ли онъ куртажъ? Объ этомъ никто не зналъ, но видъ у него былъ дѣловой, озабоченный, занятой и ни одно крупное дѣло не обходилось безъ него.

А вотъ еще Штыровъ. Писатель не изъ важныхъ, но бойкій. Преклонскій пересталъ принимать его, потому что онъ «дѣйствовалъ ему на нервы». У Штырова было одно слово на языкѣ—«гонораръ». Преклонскій возмущался и «выговаривалъ» ему, какъ можно уважающему себя писателю печататься въ такомъ «завалящемъ журнальчикѣ», какъ *Сіяніе*. Но Штыровъ удивленно вскрикивалъ: «Нельзя печататься? Почему? Тамъ очень хорошо платятъ. Въ этомъ вся суть. Мнѣ лишь бы деньги платили... при этомъ

условіи я готовъ писать хоть на заборахъ». И онъ дѣйствительно писалъ всюду—въ самыхъ ужасныхъ литературныхъ щеляхъ и въ журналахъ самыхъ разнообразныхъ по направленіямъ и положеніямъ. Только въ очень хорошіе журналы его не пускали. Но онъ не огорчался этимъ и продолжалъ «производство рукописей», по его выраженію. «Вы такъ скоро испишитесь», говорилъ ему Преклонскій, но онъ возражалъ: «Что значитъ исписаться? Были бы рынки для сбыта, а товаръ всегда найдется». — «Рыночный товаръ, конечно, найдется, — говорилъ Преклонскій, — но это жаль. Вы способны на что-нибудь лучшее и болѣе достойное вашего дарованія». — «Нужно открывать рынки, это—главное», упорно стоялъ на своемъ Штыровъ.

А критики? Бочаровъ вспоминалъ ихъ съ недобримъ чувствомъ. Одинъ замеръ на шестидесятихъ годахъ, точно заснулъ въ летаргическомъ снѣ и неспособенъ былъ ни понять, ни анализировать духа текущаго времени. Онъ приглашалъ современныхъ писателей «оглянуться назадъ, къ тому счастливому времени, когда русская литература...» Его считали передовымъ за это и печатали въ либеральныхъ органахъ. Другой запасся пятью-шестью литературными именами и славословилъ ихъ за всякое новое произведеніе, независимо отъ того, хорошо оно или дурно; другихъ онъ упорно замалчивалъ, потому что они были не его прихода. Они могли написать геніальныя вещи—онъ бы не проронилъ о нихъ ни звука. Третій писалъ длинные и скучные трактаты по исторіи литературы и, чтобы подойти къ произведенію современнаго писателя, начиналъ чуть не съ возникновенія европейскихъ литературъ, подымалъ на ноги всю свою богатую эрудицію, цитировалъ ученыхъ, философовъ, экономистовъ, публицистовъ, проповѣдниковъ, съ ужасающей аккуратностью, съ педантической точностью... и никогда не могъ добраться до того произведенія, которое началъ было разбирать.

А Мѣнскій, съ его неопредѣленными рѣчами, сглаженными мнѣніями, съ его статьями, похожими на ровную поверхность моря во время штиля. Но такъ онъ писалъ лишь тогда, когда хотѣлъ казаться серьезнымъ критикомъ. Но зато этихъ-то статей и не читали. Читались же его статьи, въ которыхъ онъ, въ угоду вкусу публики, начиналъ съ псалмовъ, переходилъ къ «очеркамъ Крестовскаго сада», перескакивая на ученіе Нитцше и кончалъ сенсаціоннымъ дѣломъ въ окружномъ судѣ.

Одинъ критикъ хвалилъ одного писателя, котораго другой бранилъ. Это былъ хаосъ, въ которомъ не было возможности разобратъся. И только всѣ критики до одного сошлись на Промитовѣ,

который какими-то невѣдомыми путями угодилъ всѣмъ. Промптовъ былъ счастливчикомъ, быстро сумѣвшимъ составить себѣ имя и капиталъ, несмотря на то, что относился на словахъ къ послѣднему съ презрѣніемъ и любимымъ выраженіемъ его было: «нельзя служить Богу и мамонѣ». Однако онъ служилъ очень удачно и тому и другому. Каждое его новое произведеніе производило сенсацію, а гонораръ росъ въ внушающихъ размѣрахъ.

Вотъ жрецы. И изъ всѣхъ жрецовъ, съ которыми Бочарову пришлось встрѣчаться въ эту долгую зиму, все-таки симпатичнѣе всѣхъ казался ему Преклонскій, съ его культами литературы, съ его страстною вѣрой въ ея мощь и значеніе, съ его вѣрой въ самого себя и съ его благоговѣніемъ и уваженіемъ къ печатному слову, съ его самоотверженной преданностью дѣлу, которому онъ посвятилъ всѣ свои силы, всю свою невеселую жизнь, который самъ себя заключилъ добровольно въ тюрьму и сдѣлался мученикомъ искусства.

Бочаровъ не замѣтилъ, какъ проспидѣлъ до разсвѣта. Свѣтло-розовая заря занималась на небѣ; блѣдно-молочная ночь уходила, таяла, исчезала; комната наполнялась свѣтло-розовыми лучами восходившаго солнца. Бочарову стало тяжело отъ всѣхъ этихъ думъ и воспоминаній ночи.

— Скорѣе кончить со всѣмъ этимъ,—проговорилъ онъ; голова болѣла и онъ почувствовалъ слабость; клонило ко сну. Онъ отошелъ отъ окна и прилегъ на диванъ. И уже засыпая, онъ рѣшилъ отправиться сегодня же вечеромъ къ Преклонскому, чтобы проститься съ нимъ и окончательно переговорить съ Ольгой Ивановной.

ХУ.

— Мы люди, думающіе иначе, чѣмъ люди шестидесятыхъ годовъ...—говорилъ Преклонскій, обращаясь къ своимъ гостямъ.

Онъ не кончилъ фразы, потому что въ это время вошелъ Бочаровъ.

— Илья Ильичъ!—привѣтствовалъ его Преклонскій.—Какъ давно мы не видались съ вами! Какой добрый вѣтеръ занесъ васъ сюда?

— Вѣтеръ, неизвѣстный въ метеорологіи: вѣтеръ дружбы,—смущенно проговорилъ Бочаровъ.

Онъ думалъ застать Преклонскаго вдвоемъ съ Ольгой Ивановной и былъ непріятно пораженъ, увидя еще двухъ постороннихъ.

Онъ ихъ зналъ: это былъ Штыровъ—красивый и элегантный человекъ среднихъ лѣтъ, съ утомленными глазами, свѣтскими манерами и сильно сѣдѣющими волосами; другой—Сѣдковъ, типъ чиновника, не успѣвагого пріобрѣсти геморой и сохранившаго свѣжій цвѣтъ лица. Бочаровъ зналъ, что Преклонскій не любилъ ни того, ни другого и былъ удивленъ, что тотъ такъ одушевленно и «милостиво» разговариваетъ съ ними. Обыкновенно онъ молчалъ въ такихъ случаяхъ.

Очевидно, — подумалъ Бочаровъ, — Преклонскій чувствуетъ; что ему грозитъ одиночество. Онъ радъ ухватиться даже за этихъ, чтобы было передъ кѣмъ излагать свои мысли.

— Вѣтеръ дружбы!—повторилъ Преклонскій.—Дружба рѣдкая вещь въ наше время. Немного времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы съ вами сошлись, а ужъ много воды утекло. У меня не бываютъ болѣе ни Голубинскій, ни Стремлевъ. Они, кажется, уходятъ изъ литературы.

Преклонскій былъ въ этотъ вечеръ необыкновенно разговорчивъ; это былъ одинъ изъ тѣхъ вечеровъ, которые создали ему славу оратора и оракула. Вообще же онъ говорилъ мало и неохотно.

— Да,—продолжалъ онъ,—какой-то процессъ совершается теперь въ литературѣ. Какой? Я еще не разобрался. Да и трудно разобраться. Прогрессъ идей — это неразгаданная тайна. Наши предшественники воображали, что люди развиваются по ихъ образу и подобию. Но въ каждый моментъ жизни существуетъ три поколѣнія, и у каждаго поколѣнія свои идеалы, непонятные другому. Были романтики, реалисты, натуралисты, потомъ пошли народники, теперь—символисты и декаденты. Потомъ будутъ...

— Формалисты,—сказалъ Штыровъ.—Развѣ это не направление, если ужъ непременно необходимо направление въ искусствѣ.

— А по вашему нѣтъ?—спросилъ Преклонскій.

— Настроение болѣе необходимо для художественнаго произведенія, чѣмъ направление,—проговорилъ Штыровъ,—а еще болѣе необходимъ для настроенія—гонораръ.

Преклонскій махнулъ рукой.

— Вы опять за свое!—досадливо сказалъ онъ.—Это становится однообразно и скучно. И вы клеветаете на себя, стараясь казаться худшимъ, чѣмъ на самомъ дѣлѣ.

— Гонораръ вещь вовсе не худая.

Преклонскій ничего не возразилъ на эту выходку. Онъ не закончилъ своей мысли и теперь снова вернулся къ ней.

— Я хотѣлъ сказать,—началъ онъ,—обращаясь къ Бочаро-

бу, — что не то грустно, что разные поколѣнія не понимаютъ другъ друга, а то, когда люди одного поколѣнія, однихъ мыслей, одного настроенія начинаютъ покидать другъ друга и уходить изъ своего лагеря. Вы понимаете, я говорю про Голубинскаго и Стремлева. Ихъ бѣгство дѣйствуетъ на меня удручающе, и мнѣ дѣлается очень грустно.

— Я слышалъ, что одинъ поступаетъ въ земскіе начальники, а другой на заводъ, — проговорилъ Сѣдковъ.

— Такъ что-жь? — обернувшись къ нему, сказалъ Штыровъ. — Какъ будто только и свѣту, что въ литературѣ! Можно приносить пользу человѣчеству и на другихъ поприщахъ... если ужъ непременно необходимо приносить человѣчеству пользу. Нѣтъ, я на нихъ не сержусь! Предложеніе уменьшилось, спросъ — увеличится; два мѣста очистились на рынкѣ.

— Вы бы, можетъ быть, хотѣли, чтобы всѣ мѣста очистились и всѣ бы ушли изъ литературы, предоставивъ вамъ одному поле дѣйствія? — усмѣхнувшись, проговорилъ Преклонскій.

— Что-жь, это было бы недурно! — засмѣялся Штыровъ. — Не было бы конкуренціи и мнѣ платили бы колоссальныя деньги.

— Не надолго васъ бы хватило. Вы человѣкъ, а не фабрика, хотя очень одобряете фабричное производство. Но и у васъ не хватило бы товара.

— Фабричнымъ производствомъ вы меня не обидите. И я удивляюсь, что вы не понимаете моихъ взглядовъ на дѣло.

— Сожалѣю, но не понимаю, — согласился Преклонскій. — Изложите.

— Это очень, очень просто. Дѣло въ томъ, что есть двѣ цѣли, которыхъ добивается человѣкъ. Славы или денегъ... Мнѣ ужеそろкъ лѣтъ и я не дѣлаю себѣ никакихъ иллюзій относительно перваго. Славы Тургенева или даже счастливчика Промптова мнѣ не достичь; слѣдовательно, надо дѣлать деньги. *C'est simple comme bonjour!*

Несмотря на легкомысленный тонъ, которымъ онъ говорилъ, въ его голосѣ прозвучала нотка грусти.

— Надо работать не для славы и не для денегъ, — сентенціозно замѣтилъ Преклонскій. — Надо творить изъ внутренней потребности творчества и говорить только тогда, когда отъ избытка чувствъ уста глаголятъ и когда есть что сказать. Этимъ отличается истинный художникъ отъ ремесленника. Первый — работаетъ для удовлетворенія своего призванія. Второй — для славы фирмы и

для денегъ. И какъ хотите, я вамъ не очищу поле битвы и буду писать до конца дней своихъ.

— Ну, вы мнѣ не опасны... вы слишкомъ рѣдко выступаете и слишкомъ мало пишете.

— Но хорошо! — льстиво вставилъ Сѣдковъ.

Штыровъ насмѣшливо посмотрѣлъ на него.

— Хотя бы гениально, — сказалъ онъ, — никому отъ этого не лучше. Да и что значить хорошо или дурно? Публика наша рѣшила, что литература находится въ упадкѣ. Дамы вздыхаютъ, что читать нечего, что теперь совершенно перестали писать уголовные и бульварные романы; мужчины почти совсѣмъ не читаютъ — имъ или некогда или скучно. Критики взапуски увѣряютъ всѣхъ, что талантовъ новыхъ нѣтъ, что литература вырождается... Что ни напиши, тебя сейчасъ начнутъ сравнивать съ Тургеневымъ, Достоевскимъ и Гончаровымъ. Но *comparaison n'est pas raison*, какъ извѣстно.

— Я усталъ ему возражать, — сказалъ Преклонскій, обращаясь къ Бочарову, — отвѣьте ему.

— Я? — удивился Бочаровъ. — Что я отвѣчу? — не сразу нашелся онъ. — Развѣ то, что литература переживаетъ дѣйствительно смутное время, которое можно назвать переходнымъ временемъ или временемъ упадка, какъ угодно.

Преклонскій удивленно и тревожно посмотрѣлъ на Бочарова. Онъ считалъ его союзникомъ и ему почувствовалась въ его словахъ измѣна.

— Да-а? — протянулъ онъ. — Вы находите, что литература дѣйствительно упала?

— Нахожу, Дмитрій Власьевичъ, — твердо отвѣтилъ Бочаровъ, отводя отъ Преклонскаго свой взоръ.

— Но почему?

— Потому что современные писатели слишкомъ занялись «литературой». Писатели стали слишкомъ профессиональны, стали слишкомъ много обращать вниманія на технику, на отдѣлку, на форму.

— Это нехорошо?

— Это хорошо и не хорошо. Конечно, по выработаннымъ формамъ, по технической обработкѣ современные писатели выше хотя бы и Гоголя, какъ современные картины выше по техникѣ картинъ итальянскихъ мастеровъ эпохи Возрожденія. Но зато изъ современныхъ произведеній исчезла сила, вдохновеніе, духъ. Современный романъ похожъ на свѣтскую кокетливую барыньку: платье отъ

Лаферьера—разработанное до тонкости и замѣчательно обрисовывающее изящныя формы его обладательницы. Съ виѣшней стороны все безукоризненно: и прическа, и платье, и формы, и линіи, и обувь, и даже великолѣпно подведенныя брови и замѣчательно отлакированныя ногти. Но—внутренняго содержанія мало. На виѣшнюю отдѣлку требуется много времени, труда и работъ. Некогда подумать о душѣ, о содержаніи... Конечно, *la forme n'est rien mais rien n'est sans la forme...* но сосредоточеніе всѣхъ своихъ силъ на одной сторонѣ дѣла ведетъ неизбежно къ ущербу другой стороны.

— И вамъ кажется?...—спросилъ Преклонскій.

— И мнѣ кажется, что тотъ, кто черезчуръ детально, черезчуръ педантично обрабатываетъ свое произведеніе—иссушаетъ его. Только то произведеніе можетъ быть сильно, ярко, могущественно, которое задумано сгоряча и написано сразу. Въ немъ будетъ биться жизнь, вдохновеніе, талантъ. Художникъ Ивановъ погребъ свою идею подъ массой мелочей; проработавъ всю жизнь надъ своей картиной, что онъ намъ сказалъ ею? Ничего. Или пожалуй то, что показалъ намъ наглядно какъ не слѣдуетъ работать.

Онъ замолчалъ и взглянулъ на Преклонскаго. Тотъ сидѣлъ понуря голову. Онъ почувствовалъ въ этихъ словахъ осужденіе своей дѣятельности.

— Это все?—наконецъ спросилъ онъ

— Нѣтъ, это только одна изъ многочисленныхъ причинъ упадка... и, можетъ быть, даже самая незначительная.

— Есть и другія?

— Ахъ, много. Но вотъ главная. Литература и жизнь тѣсно связаны между собою неразрывными узами. Но старый міръ какъ и соціальныя формулы обветшали и душа его ищетъ новаго слова Истины... И литература отражаетъ эту изжитость, эту обветшалость. За что винить ее? За что винить тѣхъ, кто принужденъ творить въ этомъ безвоздушномъ пространствѣ? Надо, напротивъ, благодарить тѣхъ, кто ищетъ новыхъ формулъ, новаго живого содержанія. Но вотъ бѣда. Люди профессіи слишкомъ далеко отошли отъ жизни. И мы погибаемъ отъ недостатка энергіи. Мы, русскіе, самый молодой и, какъ говорятъ, самый одаренный народъ. Намъ нечего унывать и предаваться отчаянью. Мы переживемъ многихъ. Въ то время, какъ европейскіе народы старѣютъ, мы только начинаемъ жить. Мы заразились пессимизмомъ. Мы поставлены въ положеніе дѣтей, принужденныхъ проводить время въ обществѣ стариковъ. Такіе дѣти всегда вялы и непохожи на дѣтей. Они производятъ на меня отталкивающее впечатлѣніе. Анализъ и рефлексія

сдѣлались болѣзнью нашей литературы. Отъ каждаго нашего произведенія требуется непременно какая-то неизмѣримая глубина, философская мысль, направленіе, идея. Гдѣ смѣхъ? Гдѣ юморъ? Гдѣ шутка? Все это исчезло безъ слѣда. Старики, среди которыхъ мы живемъ, выдумали пессимизмъ, брюзжаніе на свѣтъ; и мы, наслушавшись этихъ усталыхъ рѣчей, съ серьезной миной начинаемъ ихъ повторять и проводить въ нашихъ писаніяхъ. Но это не идетъ намъ, это фальшиво, это неестественно, это рабство...

Онъ переждалъ, ожидая возраженій. Но ихъ не было. Бочаровъ самъ удивлялся своему многорѣчію; никогда еще онъ не говорилъ такъ много и такъ убѣжденно.

— Вы, кажется, не слушаете меня?—спросилъ онъ, взглянувъ на задумчивое лицо Преклонскаго.

— О, напротивъ, слушаю съ большимъ вниманіемъ. И жду заключеній.

Въ это время въ комнату вошла Ольга Ивановна. Ей сегодня нездоровилось и она лежала на диванѣ въ своей комнатѣ. Услышавъ горячую рѣчь Бочарова, она встала и вышла къ гостю.

— Здравствуйте,—сдержанно сказала она, садясь въ кресло и на ходу подавая Бочарову руку.

Тотъ всталъ, пожалъ протянутую ему руку и внимательно посмотрѣлъ на Ольгу Ивановну. Она была блѣдна, почти желта, носъ ея какъ-то вытянулся. Въ глазахъ ея, безъ блеска, безъ пламени, окруженныхъ темноватыми кругами, было выраженіе тоски, переутомленія.

«Онъ замучилъ ее сухой, бесплодной работой», подумалъ Бочаровъ. И она показалась ему преждевременно состарившимся ребенкомъ, переутомленнымъ злой гувернанткой, заставлявшей его съ утра до вечера сидѣть въ комнатѣ, переписывать ненужныя вещи изъ ненужной книжки. Какъ онъ могъ тогда такъ внезапно полюбить ее? Онъ, который любилъ все молодое, все бодрое, все живое?...

— Я жду заключеній,—повторилъ Преклонскій.

— Ахъ, да, заключеній,—усмѣхнулся Бочаровъ, встрепенувшись.—Какія же заключенія? Надо выйти на свѣжій воздухъ, надышаться имъ, обновить свою кровь, напитать ее кислородомъ. Если хочется шумѣть, бѣгать, шутить, говорить глупости — надо все это дѣлать, нисколько не смущаясь присутствіемъ старшихъ, которые по своимъ немоцамъ не въ состояніи этого дѣлать. Если хочется смѣяться, надо смѣяться, а плакать—такъ плакать. Надо жить... жить не мудрствуя лукаво и не кляня фальшиво жизнь, а

наслаждаясь ею. Надо постараться полюбить природу и повѣрить въ нее; надо любить людей и вѣрить въ нихъ; надо любить добро и вѣрить въ него... потому что ребенку или молодому человѣку свойственно вѣрить въ добро. Надо бросить всѣ эти модные фасыны— всѣхъ этихъ Шопенгауэровъ, Гартмановъ, Гюисмансовъ и Нитцше. Не слѣдуетъ сѣять на нашу еще неистощенную цѣлину эти вредныя злаки, заглушающіе здоровыя посѣвы. Теперь надо жить и, повторяю, наслаждаться жизнью и вѣрить въ добро. Вотъ заключенія, другихъ у меня нѣтъ...

Преклонскій всталъ.

— Добро! Добро! — усмѣхнулся онъ, пощипывая свою бороду. — Добро вовсе не такъ ужъ цѣнно, какъ вы говорите.

— Что же цѣнное?

— Многое, въ чемъ добро и зло не имѣютъ значенія. Душа человѣческая находится по ту сторону добра и зла, не сжатая тисками морали.

— Извините, если я васъ перебиваю, — сказалъ, вставая Штыровъ. — Я заслушался вашихъ дебатовъ и мнѣ нужно спѣшить.

И Преклонскій и Бочаровъ совершенно забыли о присутствіи Штырова и Сѣдкова. Оба сидѣли въ углу комнаты, у стола, перебирая книги и журналы. Въ концѣ концовъ вынужденное безмолвіе надоѣло имъ и они стали зѣвать. При появленіи Ольги Ивановны они оживились, но та, поздоровавшись съ ними наклоненіемъ головы, не обращала на нихъ вниманія и всецѣло отдалась тому, что говорить Бочаровъ.

За Штыровымъ поднялся Сѣдковъ. Хозяева не удерживали ихъ и они, быстро простившись со всѣми, еще быстрѣе ушли.

Преклонскій, прерванный такъ неожиданно, долго собирался съ мыслями. Потомъ продолжалъ съ необыкновеннымъ оживленіемъ:

— Вселенная одинаково безразлично смотритъ и на милосерднаго самарянина, и на Іуду-предателя, и на все остальное. Нѣтъ ни малаго, ни великаго въ общей экономіи природы. Совершенно преступленіе и подвигъ. Но весна опоздала ли смѣнить зиму? Но солнце перестало свѣтить или засвѣтило ярче? Нѣтъ! Все въ природѣ осталось попрежнему и все равнодушно и безучастно продолжало выполнять свои функціи... И такъ шло отъ вѣка, и такъ идетъ, и такъ будетъ идти до окончанія вѣковъ, если таковое когда-нибудь совершится... При чемъ тутъ добро и зло, подвигъ и преступленіе?...

— Аминь, — сказалъ Бочаровъ, улыбнувшись.

Но онъ чувствовалъ какъ душа его леденѣла, какъ холодъ пронизывалъ во все его существо. Слова Преклонскаго были отрѣшеніемъ

отъ жизни, такимъ пареніемъ надъ всёмъ живущимъ, что онъ не ожидалъ этого и не приготовился къ этому. Онъ случайно поднялъ взоръ на Преклонскаго. Бочарову показалось, что этотъ человѣкъ близокъ къ помѣшательству. Ему сдѣлалось жутко, и усмѣшка быстро и робко соскользнула съ его лица.

Бочаровъ взглянулъ на Ольгу Ивановну. И она ему показалась завороченной бредомъ ея кумира.

Слова Преклонскаго еще звучали въ ушахъ Бочарова.

И ему пришла на умъ гдѣ-то, когда-то прочитанная фраза: «Слава—загробная тѣнь, которая вѣнчаетъ тѣнь того, кто былъ когда-то человѣкомъ».

Онъ опять взглянулъ на Преклонскаго со страхомъ и надеждой, но блѣдное лицо его не улыбалось больше.

XVI.

Преклонскій подошелъ къ Бочарову и взялъ его за руку. Бочаровъ вздрогнулъ.

— Я вижу къ чему влечь дѣло,—сказалъ Преклонскій съ грустной улыбкой.

— Къ чему?—спросилъ Бочаровъ.

— Вы осудили мою дѣятельность. Васъ одного я считалъ своимъ единомышленникомъ. Я дѣлалъ въ тиши свое дѣло, горячо и неспѣшно любя литературу. Я отдался ей весь, цѣликомъ. Я думалъ, что нельзя это дѣло дѣлать несвободными руками. Нельзя, напримѣръ, служить и писать. Нельзя быть въ одно и то же время чиновникомъ и писателемъ. Я отказался отъ всего, разошелся съ родными и близкими, отказался отъ матеріальныхъ благъ. У меня были друзья. Таланты наши были разнообразны, каждый творилъ въ своей области, каждый читалъ другъ другу свои произведенія, и эти вечера долго будутъ служить мнѣ отраднымъ воспоминаніемъ. Мы держались независимо, писали то, что лежало у насъ на сердцѣ, не справлялись ни со вкусами публики, ни съ мнѣніемъ критики, ни съ желаніями редакцій... Мы могли это дѣлать, потому что потребности наши были ограничены, желанія скромны, воля—тверда. Одними изъ первыхъ присоединились къ намъ Стремлевъ и Голубинскій, покинувъ свои прежнія профессіи. Въ минуты неудачъ и унынія мы утѣшали другъ друга, въ минуты матеріальныхъ невзгодъ мы помогали другъ другу. Мы уже начали пріобрѣтать вліяніе и силу, наши мнѣнія и взгляды перестали осмѣивать, публика интересовалась нашими писаньями, редакціи

стали охотно брать наши произведенія и даже нашлись люди, пожелавшіе создать для насъ самостоятельный органъ. Даже Мѣнскій пересталъ насъ подстергать и готовъ былъ увѣнчать насъ лаврами...

— Но вмѣсто Мѣнскаго васъ подстергала жизнь, отъ которой вы отказались, увлекшись искусствомъ и создавая странныя произведенія, полныя тонкостей, анализа, вычурности идей... Въ нихъ было все, кромѣ дыханія жизни. Вы все болѣе и болѣе уходили изъ нея, ограждались отъ нея и вмѣсто сближенія искусства съ жизнью, вы рыли между ними глубокую пропасть. Она мститъ вамъ теперь за себя.

— Но вотъ, — продолжалъ Преклонскій, — въ одинъ прекрасный день я увидѣлъ, что зданіе шатается. Корабль далъ трещину. Публика охладѣвала къ намъ, журналъ погибалъ, критика начала скалить зубы. Когда корабль тонетъ, крысы спасаются съ него. Это вѣрнѣйшій признакъ приближающейся опасности. Первыми пришли Стремлевъ и Голубинскій. Они же и уходятъ первыми. Они дезертировали. Я такъ радовался, когда вы появились. Вы, съ своимъ свѣжимъ и искреннимъ талантомъ, которому недоставало только чеканки, ювелирной отдѣлки, тонкой литературной обработки. Но вотъ и вы уже пріотворили дверь и готовы покинуть насъ. Но я твердо буду держать въ рукахъ знамя искусства, единственное знамя, которому я готовъ принести въ жертву жизнь.

— Даже чужую? — спросилъ, не удержавшись, Бочаровъ и взглянулъ на Ольгу Ивановну.

Преклонскій тоже взглянулъ на нее.

— О, за нее я ручаюсь. Она не покинетъ меня и всюду поидетъ за мною.

— Всюду! — тихо, но твердо проговорила Ольга Ивановна.

Торжествующій огонекъ блеснулъ въ глазахъ Преклонскаго и Бочарову показалось, что онъ взглянулъ на него съ насмѣшкой.

— Это фанатизмъ, — пробормоталъ онъ.

— Да, фанатизмъ, если хотите, — убѣжденно сказалъ Преклонскій. — Искусству нельзя служить безъ фанатизма. Фанатизмъ предполагаетъ страстное увлеченіе и основанъ на глубокой, непоколебимой вѣрѣ. Фанатизмъ сдѣлалъ чудеса, создавалъ мучениковъ и обращалъ тысячи необращенныхъ.

— Вы сами говорили, что вамъ не удалось обратить общества. И даже обращенные вами — бѣжали отъ васъ.

— Наше время придетъ! — гордо проговорилъ Преклонскій. — Я твердо вѣрю въ это и это дастъ мнѣ силу стоять на своемъ посту.

Я вѣрю и въ свое дарованіе, и въ свою силу воли, и главное, въ то искусство, которому служу. Общество не на нашей сторонѣ, потому что оно еще некультурно. Ему подавай «все бѣдность, да бѣдность, да несовершенства нашей жизни», описывай нужду, жалѣй слабыхъ и безсильныхъ, соболѣзнуй обиженнымъ, проповѣдуй всепрощеніе и милость, да въ беллетристической формѣ описывай экономическіе вопросы. Какъ будто весь интересъ въ бѣдномъ мужичкѣ, у котораго описали послѣднюю корову, въ несчастномъ каторжникѣ, умирающемъ въ рудникахъ, въ безпробудномъ пьяницѣ, пропивающемъ послѣдніе сапоги? Какъ будто весь міръ состоитъ изъ пьяницъ, карманниковъ и мужичковъ съ описанными коровами? Искусство не должно признавать служебныхъ и практическихъ цѣлей. Оно—не публицистика. Ему не должно быть дѣла ни до нивелировки, ни до «равенства и братства», ни до христіанской морали. Оно должно быть аристократично, «къ добру и злу холодноравнодушно».

— Вы замѣнили слово «постыдно», словомъ «холодно».

— Да, замѣнилъ, и стою на этомъ. Ничего постыднаго въ этомъ не вижу... Я сказалъ вамъ все, что хотѣлъ. И я повторяю: вижу и чувствую, что вы осуждаете меня. Скажите же это прямо. Я и такъ чувствую пустыню вокругъ себя. Корабль тонетъ, и послѣдняя, запоздавшая крыса готова покинуть его, — улыбаясь, закончилъ Преклонскій.

Помолчавъ и не дождавшись отвѣта, онъ опять заговорилъ.

— Что вамъ мѣшаетъ сказать это? Вы изъ литературы вольны уйти когда захотите и куда захотите. Никто не можетъ лишить васъ этой свободы. Вѣдь вы это хотите сдѣлать?

— Да...—тихо произнесъ Бочаровъ.

Преклонскій улыбнулся.

— Я это давно чувствовалъ, — просто сказалъ онъ. — Ну, что-жь! Я остался одинъ. По вашей житейской морали—одинъ въ полѣ не воинъ. По вашей житейской морали, одиночество—страшное дѣло. Я не боюсь его. Развѣ Христосъ не былъ одинокимъ среди старой цивилизаціи, когда принесъ міру новое ученіе?

— Нѣтъ,—возразилъ Бочаровъ,—онъ не былъ одинокимъ. У него было двѣнадцать сподвижниковъ.

— Изъ которыхъ одинъ—измѣнникомъ.

— Да... но что же изъ этого? Измѣнникъ одинъ, одиннадцать осталось.

— Но, скажите пожалуйста, если бы Христу измѣнили всѣ

двѣнадцать, думаете ли вы, что онъ отказался бы отъ провозглашенной имъ истины?

— Нѣтъ.

— Почему же?

— Потому что онъ принесъ міру новую и живую истину, ясную, простую, несокрушимую, бодрую, подлинную истину. Она обновила міръ.

— Да, она обновила міръ. Но... все въ мірѣ движется и идетъ впередъ. Не настало ли время пересмотрѣть ту Истину, которая его обновила, переоцѣнить снова все, что было переоцѣнено тогда христіанской моралью? Прежде масло освѣщало комнату и большая часть ея оставалась погруженною въ мракъ... потомъ свѣчи... мракъ понемногу разсѣивался, потомъ керосинъ, теперь—электричество, въ комнатѣ не остается ни одного неосвѣщеннаго угла... Вотъ я и говорю: отчего не воспользоваться новымъ свѣтомъ, отчего не освѣтить имъ всякій закоулокъ, оставшійся еще въ тѣни?...

— Весеннее яркое солнце ярче вашего электричества и жизнь сильнѣе литературы. Литература, хотя бы съ электрическимъ источникомъ свѣта въ рукахъ, всегда будетъ слабѣе литературы, родившейся изъ жизни. Вы проповѣдуете отреченіе отъ жизни, съ пренебреженіемъ отзываясь о ея самыхъ насущныхъ нуждахъ. Вы—схимники, спящіе въ гробахъ и гуляющіе по темнымъ, сводчатымъ коридорамъ монастыря. Я люблю людей, я люблю жизнь, свѣтъ, цвѣты и воздухъ. Миѣ душно у васъ и жутко. Да, я не вѣрю ни въ ваше искусство, ни въ вашу пресловутую переоцѣнку цѣнностей, ни въ вашу переоцѣненную мораль, ни въ вашъ электрическій фонарь. Я вѣрю въ жизнь, я не хочу монастыря... Да, я сознаюсь, что не сочувствую вамъ.

Онъ замолчалъ, неожиданно взволнованный и смущенный своей рѣчью.

Раздался звонокъ. Онъ никого не заставилъ встрепенуться. Кто могъ придти въ этотъ запустѣвшій храмъ?

Только Ольга Ивановна лѣниво подняла голову и равнодушно взглянула на входную дверь.

Въ комнату вошелъ Шишкинъ.

— Здравствуйте, дѣти мои! — сказалъ онъ веселымъ тономъ. — Давно не видались... страхъ давно!...

— Гдѣ вы были все это время? — равнодушно спросилъ его Преклонскій.

— Въ Москвѣ. Вы развѣ ничего не слыхали?

— А что?

— Свершились великія событія. Я продалъ журналъ.

— Вотъ какъ!

— Да... продалъ довольно выгодно. Нашелся такой опрометчивый человѣкъ...

— Что же вы будете теперь дѣлать?—спросилъ Бочаровъ.

— Присмотрюсь. Отдохну. Начну какое-нибудь живое дѣло.

— Живое дѣло? — усмѣхнулся Преклонскій. — Журналъ — не живое дѣло!

— Нѣтъ. Это — слова. Хорошія слова, но слова. Я хочу дѣйствія. Фабрику, что ли, какую открыть или заводъ... не знаю.

Бочаровъ посмотрѣлъ на Шишкина и понялъ, по выраженію его лица, что онъ говоритъ серьезно. Онъ понялъ, что Шишкинъ такой же дезертиръ, какъ и онъ самъ.

— Знаменательное явленіе! — проговорилъ Преклонскій, послѣ долгаго раздумья. — Лучшія силы уходятъ изъ литературы... Талантливые писатели перестаютъ писать или же переходятъ на публицистику. Мы только что говорили объ этомъ бѣгствѣ изъ литературы, — прибавилъ онъ, обращаясь къ Шишкину и указывая глазами на Бочарова. — Но, смѣю васъ увѣрить, я не сойду съ мѣста, потому что я вѣрю въ свое призваніе и въ свое дѣло. Тѣмъ хуже для тѣхъ, кто не имѣетъ этой вѣры. А, можетъ быть, и лучше! Я не знаю.

Бочарову не хотѣлось возражать. Но мысли просились наружу.

— Законы жизни, — сказалъ онъ, — не нами изданы. Ихъ надо понять. И я чувствую смущеніе передъ этой большой задачей. Я хочу дѣйствовать и жить и, если можно, приносить пользу не однимъ словомъ, но и дѣломъ. Я не могу заниматься культивированіемъ эстетическихъ тонкостей, когда вижу вокругъ себя голодъ и нищету, больныхъ и умирающихъ.

— Больнымъ и умирающимъ нуженъ врачъ... — сказалъ Преклонскій. — Я не врачъ и не сестра милосердія.

— Ахъ, — перебилъ его Бочаровъ, — если бы мы могли быть врачами! Но мы слишкомъ удалены отъ народа. Между нами давно выросла пропасть, которую не удалось уменьшить нашимъ народникамъ, и, пожалуй, удастся только еще больше углубить нашимъ марксистамъ. Если бы мы больше любили и интересовались народомъ, мы бы вѣрнѣе поняли его душу, и сѣмя, брошенное нами на ниву народную, возшло бы скорѣе и принесло бы больше практической пользы.

— Я уже сказалъ вамъ, — твердо возразилъ Преклонскій, — что не признаю служебной изящной литературы.

Бочаровъ хотѣлъ возразить, но Шишкинъ перебилъ его.

— Друзья мои! Знаете, что я вамъ скажу? Вы думаете, что говорите Богъ вѣсть какія новыя слова. Но ваши слова давно уже сказаны и вы только возобновляете старый споръ. Слушайте, развѣ не Пушкинъ сказалъ, что поэтъ «къ ногамъ народнаго кумира не клонить гордой головы?» И развѣ не Некрасовъ сказалъ: «Сѣйте разумное, доброе, вѣчное, сѣйте! Спасибо вамъ скажетъ сердечное русскій народъ!» Это — два теченія и въ нашей жизни одно вѣчно смѣняется другимъ. Это — старый споръ, мои милые. И много копій поломано въ этомъ спорѣ. Теперь къ общей кучѣ поломанныхъ копій вы хотите прибавить еще двѣ стрѣлы. Отъ этого куча не уменьшится и не увеличится.

— Но гдѣ же нибудь да должна быть истина? — раздражительно проговорилъ Бочаровъ.

— Какъ всегда, вѣроятно, посрединѣ... — отвѣтилъ Шишкинъ. И вдругъ, взглянувъ на часы, поспѣшно всталъ со своего мѣста. — Ой, по обыкновенію засидѣлся. А мнѣ нужно еще попасть къ одному нужному человѣку. Прощайте, милые мои. Я всегда чувствовалъ дружбу къ Преклонскому и, пріѣхавъ въ Петербургъ, захотѣлъ его видѣть. Но у васъ тутъ пошли какія-то распри. Правда, что Стремлевъ и Голубинскій бросаютъ литературу?

— Правда, — отвѣтилъ Преклонскій.

— И вы, повидимому, тоже? — спросилъ онъ Бочарова. И не дожидаясь отвѣта, пожалъ ему руку и подошелъ къ Ольгѣ Ивановнѣ. — До свиданья, Ольга Ивановна! Не провожайте. Меня проводитъ Дмитрій Власычъ, мнѣ еще нужно сказать ему два слова.

Они вышли изъ комнаты.

ХVII.

Бочаровъ и Ольга Ивановна остались одни.

Ольга Ивановна быстро встала и подошла къ Бочарову.

— Вы уѣзжаете? — сказала она ему, и онъ почувствовалъ въ ея голосѣ злорадную потку.

И онъ самъ ощутилъ въ своей душѣ злое чувство къ ней и ему захотѣлось сказать ей что-нибудь обидное.

— Уѣзжаю, — сухо проговорилъ онъ.

— А я остаюсь.

— Знаю. На своемъ посту, какъ часовой, держа знамя Преклонскаго до конца дней вашихъ, — прибавилъ онъ насмѣшливо. — Желаю вамъ успѣха, но боюсь, что вы погибнете. Вы и такъ ужъ имѣете переутомленный видъ.

— Не безпокойтесь.

— Но и погибая, вы будете говорить: morituri, Demetrius, te salutant!... Это—крикъ погибающихъ рабовъ.

Ольга Ивановна вспыхнула.

Тяжелое молчаніе водворилось въ комнатѣ. Лампа, долго горѣвшая, начинала потухать.

Лицо Ольги Ивановны темнѣло. Бочарову захотѣлось вырваться изъ этой комнаты, скорѣе бѣжать изъ нея въ жизнь, туда, гдѣ есть живое дѣло.

Вошелъ Преклонскій.

— Что это у васъ какъ темно! — сказалъ онъ.

— Лампа гаснетъ.

Зажгли свѣчи, дѣвушка унесла лампу. Въ комнатѣ стало еще болѣе мрачно.

Бочаровъ сталъ прощаться.

— Я надѣюсь, — сказалъ онъ Преклонскому, — что мы останемся друзьями? И вы позволите мнѣ посѣщать васъ, когда я буду бывать въ Петербургѣ...

Онъ крѣпко пожалъ ему руку.

— Если это можетъ доставить вамъ удовольствіе, — отвѣтилъ Преклонскій.

— До свиданья! — обратился Бочаровъ къ Ольгѣ Ивановнѣ.

Она протянула ему руку.

— Прощайте, — твердо сказала она.

— Это все, что вы мнѣ скажете? — спросилъ онъ ее въ дверяхъ вполголоса.

— Все.

Бочаровъ вышелъ на улицу и радостно, полной грудью вдохнулъ въ себя струю свѣжаго, ночного воздуха.

Ему казалось, что онъ вырвался изъ душнаго, никогда не провѣтриваемаго погреба, стѣны котораго покрылись плѣсенью.

Экипажи съ трескомъ катились по мостовымъ, возвращаясь изъ загородныхъ увеселительныхъ мѣстъ, и трескъ этотъ раздражалъ Бочарова.

Онъ шелъ впередъ, не справляясь съ названіями улицъ, потому что чувствовалъ потребность въ движеніи, чувствовалъ потребность стряхнуть съ своей души какое-то бремя...

И мало-по-малу привычка къ разсужденіямъ, старая привычка складно и литературно излагать свои мысли, овладѣла имъ. Онъ отдался этой привычкѣ и, шагая по пустыннымъ тротуарамъ города, онъ разсуждалъ:

— Мы впадаемъ въ болѣзненную собачью старость. Культъ самообожанія, самосохраненія поѣдаетъ насъ. Мы не любимъ — надо же когда-нибудь въ этомъ сознаться — народа; мы не понимаемъ его; мы слишкомъ далеко ушли отъ него. Народъ насъ не знаетъ и знать не хочетъ. Между нами ничѣмъ не заполняемая пропасть. Я готовъ повторять это безсчетное число разъ. Нѣтъ, ни въ какой другой странѣ нѣтъ такого ужасающаго разстоянія между интеллигенціей и народомъ, какъ у насъ. Одни говорятъ, что мы — неоплатные должники передъ нимъ; другіе говорятъ, что мы ничего не должны ему... Я знаю только, что мы, цвѣтъ интеллигенціи, мы занимаемся только наблюденіями надъ жизнью, дѣлаемъ замѣтки, пишемъ этюды и портреты. Но есть люди, которые живутъ, а не наблюдаютъ, и дѣйствуютъ, а не самоуслаждаются. Мы же созерцаемъ.

Бочаровъ повернулъ назадъ, по направленію къ той части города, въ которой жилъ. Теперь улицы были пустыни, экипажей почти совсѣмъ не попадалось.

Мечтать, шествуя по этимъ пустыннымъ улицамъ, было удобно, и Бочаровъ продолжая мечтать, дошелъ до своей улицы. Блѣдная ночь прояснялась.

XVIII.

На другой день Бочаровъ уѣзжалъ вмѣстѣ съ Огневыми. Весь день онъ провелъ въ какомъ-то возбужденіи и это чувство походило на чувство узника, которому объявлено объ освобожденіи.

Бочарову рисовались обширныя поля, усыянные цвѣтами, безграничное голубое небо, глубокое и спокойное, горизонты, ограниченные синѣющими лѣсами, и самые лѣса съ ихъ темно-зеленымъ свѣтомъ на тропинкахъ и съ ихъ живительнымъ смолистымъ запахомъ. Эти улицы съ гремющей мостовой, эти огромныя пятиэтажныя гробницы, эти лѣтнія ночи, похожія на больной день, эти зимніе дни, похожіе на мрачныя ночи, эти разговоры, полные тонкостей, эти профессиональныя споры, эти люди, умудряющіеся жить безъ свѣта, безъ воздуха, безъ зелени — все это скоро исчезнетъ и сохранится въ его воспоминаніи, какъ тяжелый сонъ прошлаго. А впереди — жизнь! Настоящая, подлинная жизнь, которую будетъ скрашивать настоящая, простая любовь, полезный трудъ и общеніе съ людьми, не знающими профессіи. Какое счастье!

Онъ вынулъ изъ кармана письмо, сложенное вчетверо. Онъ по-

лучилъ его по почтѣ за нѣсколько минутъ до выѣзда изъ дому. Онъ прочелъ его:

«Я ошиблась въ васъ, какъ и вы—во мнѣ. Мы не поняли другъ друга. Но я вѣрю, что истина восторжествуетъ, и вы вернетесь къ намъ. А до тѣхъ поръ—прощайте... Ольга».

— Она называетъ истиной то, что я — ложью... Но она ошибается. Я не вернусь къ нимъ.

Онъ посмотрѣлъ на эту страничку. Въ этихъ немногихъ строкахъ заключалась вся повѣсть этой зимы.

Онъ разорвалъ письмо.

В. Свѣтловъ.

Шествіе Весны.

(Картина Боттичелли).

Растаяли снѣга: полки угрюмыхъ тучъ
Въ далекіе края испуганно умчались,
И въ небѣ голубомъ весенніе лучи
Проснувшейся землѣ привѣтно засмѣялись.
Въ чернѣющемъ лѣсу безъ зелени деревья
Весеннихъ теплыхъ грезъ, казалось, ожидали
И въ нетерпѣніи безлистыми вѣтвями
Въ прозрачномъ воздухѣ порывисто качали.
И вдругъ затихло все! Въ молчаніи нѣмомъ
Послышался вдали весенній пѣсни ропотъ,
И звуки тѣ лились такъ чисто и легко!...
Пронесся по землѣ и замеръ тихій шепотъ,
Волшебный алый свѣтъ, блеснувъ изъ-за вѣтвей,
Окрестность озарилъ, — и улыбнулся боръ,
Пахнуло въ воздухъ оттаявшей землей,
И въ небѣ зазвучалъ незримый вешній хоръ.
Раздвинулись дубы, и тихо на поляну
Предстало шествіе торжественной Весны,
Покрылись деревья зелеными листьями,
И нѣжной граціи задумчивой долины,
Волшебныхъ образовъ неясныя черты
Явились свѣтлыя, какъ облакомъ покрыты.
Цвѣты подснежниковъ тянулись къ Веснѣ,
Росой душистою сверкающей умыты,
Въ пахучей зелени фіалки зацвѣли,
И стройный стебель свой расправилъ ландышъ глбій.
Зеленый лѣсъ шумѣлъ, а юная Весна

Навстрѣчу шла къ нему съ задумчивой улыбкой,
И листья нѣжныя, и птицы, и цвѣты
Слагали въ честь ея восторженный привѣтъ;
Отъ томныхъ глазъ ея, загадочныхъ и нѣжныхъ,
Лучами ровными струился мягкій свѣтъ.
Одежду свѣтлую перстами приподнявъ,
Сплетались вокругъ нея прозрачныя видѣнья:
Ихъ блѣдныя уста привѣтно улыбались,
И плавны были ихъ спокойныя движенья,
И руки тонкія плѣнительно свивались,
И облакомъ златымъ казались волоса,
А звуки музыки торжественно и стройно
Летѣли въ вышину, въ нѣмыя небеса!

А. Глѣбова.

ПОДЪ ЛИПАМИ.

Романъ изъ современной Берлинской жизни.

Рудольфа Штратца.

(Переводъ съ нѣмецкаго).

Рудольфъ Штратцъ родился въ 1864 г. въ Гейдельбергѣ; отецъ его, купецъ первой гильдіи и почетный гражданинъ города Одессы, въ 1876 г. натурализовался въ Германіи и надолго поселился въ Гейдельбергѣ. Здѣсь Р. Штратцъ посѣщалъ гимназію, затѣмъ изучалъ исторію въ лейпцигскомъ, берлинскомъ и гёттингенскомъ университетахъ. Въ 1883 г. онъ оставилъ научныя занятія и поступилъ вольноопредѣляющимся въ армію. Черезъ четыре года бросилъ военную службу и снова принялся за исторію въ Гейдельбергскомъ университетѣ. Плодомъ этихъ занятій было двухтомное сочиненіе «Die Revolutionen der Jahre 1848—49». По окончаніи курса Штратцъ объѣхалъ всѣ европейскія столицы, гдѣ приобрѣлъ многостороннія познанія и широкій опытъ. Въ Лондонѣ, Парижѣ, Римѣ, Вѣнѣ, Петербургѣ и Москвѣ онъ чувствовалъ себя какъ дома; Гаага, Брюссель, Пешть, Константинополь, Стокгольмъ и Христіанія были ему не менѣе знакомы.

Пребываніе среди аристократическаго общества различныхъ государствъ дало ему возможность близко ознакомиться съ этой средой, чѣмъ и обусловливается то обстоятельство, что большая часть его романовъ вращается въ сферѣ high-life'a.

Первые литературные опыты Штратца появились на страницахъ «Strasburger Post», а въ 1891 г. онъ занялъ мѣсто театральнаго критика въ «Kreuzzeitung», гдѣ работалъ до 1893 г. Съ этого года начинается его настоящее литературное творчество. Р. Штратцъ принадлежитъ къ реалистической школѣ, но предметомъ его творчества являются не бѣдные и обездоленные люди съ своими горестями и радостями, какъ у М. Кретцера и другихъ послѣдователей этой школы. Онъ съ безпощадной правдой и тонкой наблюдательностью рисуетъ высшее общество, биржевыхъ тузовъ и блестящій полусвѣтъ. И это ему вполне удастся какъ въ сферѣ романа, такъ и на сценѣ. Первое драматическое произведеніе Р. Штратца «Der blaue Brief»

было поставлено въ 1891 г. и въ короткое время обошло всё нѣмецкія сцены. Въ 1893 г. появилась драма «Oberst von Branitz», разыгранная на Lessingtheatr'ѣ, въ этомъ же году напечатанъ первый романъ Р. Штратца «Unter den Linden», надѣлавшій не мало шума.

Нѣмецкіе критики встрѣтили его единодушнымъ одобреніемъ и возложили на автора рядъ блестящихъ надеждъ. Въ «Unter den Linden» — романъ изъ жизни современнаго Берлина — авторъ живо и мастерски рисуетъ кипучую жизнь столицы: быстро смѣняются картины за картинами, читатель чувствуетъ, какъ нервно бьется пульсъ большого города, какъ этотъ городъ живетъ, борется, безумствуетъ и страдаетъ.

Въ слѣдующемъ году появился сборникъ новеллъ, подъ общимъ заглавіемъ «Belladonna». Онъ состоитъ изъ трехъ небольшихъ, непретенціозныхъ рассказовъ, гдѣ сжато и мѣтко очерчены различные женскіе типы. Въ рассказѣ «Die goldene Hand» авторъ вводитъ насъ въ кругъ восточныхъ женщинъ и даетъ художественный образъ изящной, красивой, утонченно-порочной красавицы. Во второй новеллѣ «Der Afrikaner» дама изъ общества доводитъ влюбленнаго героя до преступленія. Содержаніе послѣдняго рассказа заимствовано изъ міра спортсменовъ. Въ первыхъ двухъ проскальзываетъ по временамъ пессимистическая нотка, тогда какъ послѣдній весь дышитъ неподдѣльнымъ юморомъ.

Романъ изъ театральнаго міра «Die Kleine Elten» представляетъ изъ себя мозаичную работу, гдѣ авторъ обнаруживаетъ не только виѣшнее знаніе среды, но также тонкое пониманіе души человѣческой. Главное лицо романа до мелочей отдѣланная женская фигура. Это театральная знаменитость, возбуждавшая не мало зависти, но еще больше ненависти. Слѣдя за судьбою «маленькой Эльтенъ», авторъ знакомитъ насъ съ ея годами ученья, первымъ дебютомъ провинціалки на столичной сценѣ, интригами «милыхъ коллегъ», рисуетъ отношенія любимой актрисы къ публикѣ въ общественной и частной жизни. Романъ не тенденціозенъ, но авторъ подчеркиваетъ, что всюду, при всѣхъ обстоятельствахъ героиня его остается *человѣкомъ*.

Въ романѣ «Dienst», изъ жизни казармъ, передъ нами офицеръ, который не выдержалъ конфликта между своими стремленіями и формализмомъ военной службы. Весь рассказъ проникнутъ глубокимъ пессимизмомъ.

Большой романъ «Die letzte Wahl» переведенъ въ сборникъ *Русск. Богатства*.

Въ короткій промежутокъ времени отъ 1893 до 1899 г. Р. Штратцъ далъ нѣмецкой литературѣ рядъ талантливыхъ произведеній. Его творческая дѣятельность не достигла своего апогея и литературная фізіономія далеко не опредѣлилась. Время покажетъ, насколько основательны надежды, возлагаемыя на него нѣмецкой критикой.

I.

День скачекъ въ Шарлоттенбургѣ!...

Голубые флаги развѣваются на табачныхъ магазинахъ и парикмахерскихъ, гдѣ продаются билеты на трибуны; на столбахъ красуются огромныя синія объявленія отъ «Общества противниковъ спорта», подъ Липами и на Фридрихштрассе непрерывно снующіе разносчики газетъ навязываютъ прохожимъ послѣдній номеръ *Спорта*.

Еще рано. Скачки начинаются только въ двѣнадцать. Но западный Берлинъ уже началъ оживляться. Отдѣльные экипажи направляются вдоль Шарлоттенбургскаго шоссе, доставляя господъ въ сѣрыхъ шляпахъ и желтыхъ пальто къ мѣсту скачекъ. Съ небольшими промежутками двигаются вагонъ за вагономъ конки, и толкотня на нихъ становится все замѣтнѣе.

Поѣзда окружной дороги болѣе и болѣе наполняются. Черная волна людей, выбрасываемая каждыя пять минутъ западнымъ вокзаломъ, съ каждымъ разомъ увеличивается въ объемѣ. Шумныя толпы крестьянъ показываются на Берлинской дорогѣ и пѣшкомъ направляются къ мѣсту скачекъ.

Дорога не близкая, но въ такую погоду пріятная. Тиргартенъ еще щеголяетъ роскошнымъ сентябрьскимъ уборомъ; отъ Бранденбургскихъ воротъ тянется пестрая вереница людей. А съ блѣдно-голубого неба весело свѣтитъ осеннее солнце на правыхъ и виновныхъ.

Не всюду проникають, однако, его веселые лучи. На сценѣ Эденъ-театра царитъ полумракъ. Все темно и сѣро кругомъ: пыльные части декорацій, полотнища парусины, покрывающія кресла партера и рампы ложъ, даже душный, тяжелый воздухъ, наполняющій комнату характернымъ театральнымъ запахомъ. Дальній край зрительнаго зала погруженъ въ полный мракъ. Спереди значительно свѣтлѣе. Изъ огня въ задней кулисы падаетъ единственный косой лучъ поперекъ сцены и разрисовываетъ узоры на суфлерской будкѣ и на столѣ режиссера.

Идетъ репетиція. Дамы и мужчины стоятъ кучками на сценѣ съ синими тетрадками въ рукахъ, перешептываются между собою, переходятъ съ мѣста на мѣсто и по временамъ приближаются къ столу, чтобы сдѣлать карандашомъ отмѣтку въ роли.

Репетиція на минуту останавливается. Мужчины равнодушно смотрятъ въ пространство, дамы, прикрывая ротъ тетрадкой, по-

збывають, режиссеръ флегматично осматриваетъ общество и повторяетъ обычные слова: «Повторите еще немного!»

Репетиціи никого больше не радуютъ. Давно готовится новинка, обстановочный водевиль, отъ котораго ждуть чудесъ, но до сихъ поръ никто не знаетъ, когда будетъ первое представленіе. Ни для кого не тайна, что новыхъ костюмовъ получить нельзя! Обстановка требуетъ большихъ денегъ, а поставщики стали что-то осторожны и не отпускають въ кредитъ. И вотъ вечеръ за вечеромъ идетъ все старая репертуарная пьеса. Публика удивляется, что заигранная шутка имѣетъ успѣхъ. Но кассиру лучше извѣстно положеніе дѣлъ. Въ субботу и воскресенье еще куда ни шло, но въ другіе дни контрамарки разсылаются всюду сотнями, а залъ едва наполняется на половину.

Плохая атмосфера царитъ въ маленькомъ нарядномъ театрикѣ западнаго Берлина. Сегодня директоръ еще не появлялся на репетиціи. Крупными шагами ходить онъ изъ угла въ уголъ по пустому фойе. Пожилой, коренастый человѣкъ весь согнулся и устремилъ свой мрачный взоръ въ пространство. Робко, съ ожиданіемъ поглядываютъ на него издали хористочки, театральные рабочіе и статисты. Третьяго дня должны были выдавать жалованье. Будутъ ли деньги?...

Директоръ въ театрѣ, и то утѣшительно.

— M-elle Эрнести, будьте внимательны,—говоритъ режиссеръ на сценѣ,—можете послѣ прочитать листокъ *Спорта*... Вы опять пропустили реплику... послѣ словъ: «кто такъ поздно стучитъ, человѣкъ или духъ... Входи?» Вы должны появляться!

— Я не могу найти реплики,—отвѣчаетъ Эрнести, съ раздраженіемъ перевертывая листки,—каждый день въ роли дѣлають поправки и помарки... тутъ всякій запутается...

— Господи, Боже мой... вторая картина... седьмое явленіе,—говоритъ режиссеръ и подаетъ ей карандашъ,—вотъ, отмѣтьте!

— Напрасный трудъ,—ѣдко замѣчаетъ хорошенькая блондинка, репетирующая роль пажъ,—играть пьесы все равно не придется...

Кругомъ подымается грозное, сочувственное ворчанье.

— M-lle Шульцъ, я оштрафую васъ на половину мѣсячнаго жалованья, если...

— Сначала дайте намъ поглядѣть на жалованье!—развязно отвѣчаетъ блондинка.

Раздается взрывъ смѣха. Режиссеръ яростно стучитъ по столу.

— Прошу замолчать... начнемъ еще разъ...

Но на шаткихъ подмосткахъ уже давно нѣтъ дисциплины. Никто, повидимому, не расположенъ слѣдовать приказанію режиссера.

— Будетъ насъ учить-то, — раздается голосъ толстаго комика изъ глубины сцены, — никакъ и безъ того ужъ двадцатый разъ репетируемъ.

— Итакъ, продолжаемъ! — говоритъ неувѣренно режиссеръ. — M-elle Эрнести, прошу васъ...

— Съ какой стати, — говоритъ Эрнести, и захлопываетъ тетрадку, — не могу же я играть свою роль...

— Я тоже, — вторитъ блондинка.

— Милосердый Боже! — режиссеръ возбужденно подымается съ мѣста. — Тридцать лѣтъ служу при театрѣ, но никогда не переживалъ ничего подобнаго...

— Мы также! — кричитъ сердито комикъ.

— Третьяго дня слѣдовало выдать жалованье! — говоритъ блондинка.

Она прекрасно знаетъ, что это замѣчаніе вызоветъ бурю.

— Жалованье, — раздается со всѣхъ сторонъ, — наши деньги!

— Получите...

— Но когда? — кричатъ всѣ въ одинъ голосъ.

— Сегодня вечеромъ хоръ и статисты откажутся выйти, но намъ отъ этого не легче! — язвить Шульцъ.

— Вамъ-то, должно быть, особенно настоятельно нужны 75 марокъ, — кричитъ за ней рѣзкій женскій голосъ! — Еще бы, когда платишь за квартиру три тысячи.

Репетиція кончена. Режиссеръ проигралъ битву, онъ надѣваетъ шляпу и уходитъ со сцены.

Эрна Эрнести равнодушно наблюдала за скандаломъ. Такія сцены происходятъ здѣсь ежедневно, но ей, театральной звѣздѣ, неприлично принимать въ нихъ участіе. Однако она рада, что хоть такимъ путемъ окончилась репетиція. Теперь можно во-время попасть на скачки.

Въ коридорѣ стоитъ директоръ, облокотясь на окно. Мимо него молча проходятъ актеры, въ большинствѣ случаевъ не кланяясь. Онъ не обращаетъ на это вниманія. Боязливо смотритъ онъ на маленькую желѣзную дверку, ведущую на сцену, пока въ ней не появляется Эрнести. Даже въ этотъ моментъ ему бросается въ глаза, что она очень хороша! Тонкая, гибкая фигура средняго роста, одѣтая съ безупречнымъ изяществомъ, при этомъ настоящее сценическое лицо, съ строго очерченными, правильными чертами, боль-

шими, выразительными глазами, узкими, чувственными губами, съ лѣнливой граціей въ движеніяхъ и рѣчи.

— Дорогая Эрнести, — директоръ тихо подходитъ къ ней, — какъ дѣла? Говорили ли вы съ графомъ?

— Нѣтъ еще, — лаконически отвѣчаетъ молодая дама, — подождите!

— Точно вы не знаете, что если я не расплачусь сегодня вечеромъ, хоръ откажется пѣть, — въ отчаяніи бормочетъ директоръ, — мнѣ негдѣ достать денегъ... напрасны всѣ старанія...

— Были вы у Крабауера?

— Ничего не даетъ... ни гроша... онъ меня губить... хоть бы достать тысячки двѣ марокъ, чтобы заткнуть глотку хору...

— А касса?

— Она мнѣ больше не принадлежитъ! — несчастный директоръ осторожно оглядывается, — только что приходилъ судебный приставъ... пришлось отдать ему всѣ наличныя... если вечеромъ не состоится представленіе, мнѣ нечего будетъ возратить за билеты.

— Плохое дѣло! — Эрнести въ раздумьи глядитъ передъ собой. — До скачекъ нечего и думать говорить съ графомъ. Потомъ, если онъ выиграетъ... все устроится.

— Какъ называется лошадь? — спрашиваетъ директоръ.

— Сатанилла... такъ названа она въ честь меня... по роли въ нашей новинкѣ.

— Дорогая, безцѣнная, — директоръ крѣпко жметъ ея ручку, затянутую въ перчатку, — подумайте только, что отъ васъ зависитъ.

— Все уладится, — увѣряетъ актриса, — но помните: я получаю за то лучшія роли.

— Выбирайте, что хотите... только денегъ, денегъ, побольше денегъ...

— Къ половинѣ шестого буду здѣсь.

Эрнести удаляется съ легкимъ поклономъ.

Между тѣмъ къ директору подошло нѣсколько человѣкъ, депутатовъ отъ хора и театральныхъ рабочихъ. Они мнутъ въ рукахъ шляпы и неувѣренно приближаются къ директору. Тотъ быстро выпрямляется и рѣшительно произноситъ:

— Знаю, зачѣмъ вы пришли, сегодня вечеромъ жалованье будетъ вамъ уплачено!

— До представленія?

— До представленія! Не сомнѣвайтесь.

Онъ вѣритъ въ данный моментъ своимъ словамъ и его увѣрен-

ность сообщается другимъ. Недаромъ они дѣти подмостковъ, атмосферы оптимизма и легкомыслія. Быстро облетаетъ добрая вѣсть всѣ закоулки. «Сегодня вечеромъ, — слышится всюду, — будемъ загребать деньги лопатами!» Откуда возьмутся деньги, никто хорошенько не знаетъ, да оно и лучше! Не одному изъ членовъ этого маленькаго мірка запало бы въ душу сомнѣніе, знай онъ, что его судьба зависитъ отъ ногъ скаковой лошади, которая въ настоящій моментъ, закутанная въ одѣяла, заботливо охраняемая конюхами, съ гордымъ видомъ чистобровнѣй аристократки покидаетъ конюшню своего тренѣра въ западномъ Берлинѣ.

Нѣсколько наивныхъ людей, покупающихъ въ кассѣ билеты, робко, съ восхищеніемъ смотрятъ вслѣдъ Эрнести, быстро проходящей по вестибюлю на улицу. Какой таинственной и романтической представляется имъ сцена, какими счастливыми существа, удостоившіяся чести играть на знаменитыхъ подмосткахъ!

— Дитя мое, почему такое кислое лицо? — обратилась на улицѣ хорошенькая актриса къ подругѣ, съ подавленнымъ видомъ ожидавшей трамвая. Последняя обладала симпатичнымъ, но слишкомъ блѣднымъ и недостаточно выразительнымъ для сцены лицомъ; движенія ея были робки, почти боязливы.

— О, — вздохнула Кета Краузь, — лучше бы мнѣ оставаться на придворномъ театрѣ въ Грюнштетѣ! Я негодую на агента, который привезъ меня сюда. Какой толкъ въ большомъ жалованьи, если его не получаешь?

Эрнести смотритъ на нее съ сожалѣніемъ, нѣсколько смущенно. Всѣмъ извѣстно, что Краузь живетъ честно! Она занимаетъ небольшую квартирку, вмѣстѣ съ матерью, вдовой чиновника. Онѣ сами стряпаютъ, по ночамъ шьютъ костюмы для сцены, а утромъ, пока вдова убираетъ комнаты, Кета съ трогательнымъ рвеніемъ учитъ ничтожную роль, которую должна играть въ новой пьесѣ. Для Эрны Эрнести такое существованіе представляетъ загадку. Ни на грошъ таланта, полное отсутствіе шика, строгій образъ жизни — зачѣмъ тогда идти на сцену! И это не единственный примѣръ. На сценѣ гораздо больше страдалицъ, чѣмъ предполагаетъ публика.

— Послушайте, Краузь, — говоритъ блестящая актриса съ нѣкоторымъ колебаніемъ, — вы навѣрно нуждаетесь въ деньгахъ... вижу по лицу... на-те... я даю вамъ въ займы малость... вы отдадите, когда будетъ можно...

И она всунула подругѣ двадцать марокъ въ руку, на которой была черная заштопанная перчатка, со швами, замазанными черни-

лами. Замѣтивъ, что Краузь ежится, Эрнести прибавила иронически:

— Берите... эти деньги отложены изъ моего жалованья...

Подруга прекрасно знаетъ, что Эрнести получаетъ деньги отъ графа Парсенова, извѣстнаго жуира, просадившаго на актрису огромныя суммы. Но дѣвушкѣ не хочется обижать подругу, а кромѣ того... ей такъ настоятельно нужны деньги. Стыдливо опустивъ глаза, она прячетъ монету въ портмоне.

— Ну, до свиданья!—кричить Эрнести.—Пора на скачки.

Легкимъ шагомъ, нѣсколько раскачиваясь, дошла она до ближайшаго угла. Тамъ дождался маленькій, эlegantный экипажъ, съ блестящей упряжью и, какъ подобаетъ, величественнымъ кучеромъ. Она сѣла. Кучеръ обернулся и обнажилъ голову.

— Въ Шарлоттенбургъ... только поскорѣе!

Съ перрона конки ее провожаетъ благодарный взоръ Кеты Краузь. Должно быть, большое счастье обладать такимъ роскошнымъ экипажемъ! Только лучше бы съ резиновыми шинами... а кучера одѣть въ длинную, черную пелерину. Еще лучше, если бы около кучера сидѣлъ лакей, и съ приподнятой шляпой соскакивалъ открывать дверцы экипажа. Сама она надѣла бы при этомъ обворожительный туалетъ. Все болѣе и болѣе увлекаясь мечтами, Кета принялась обдумывать для себя эlegantный осенній туалетъ. Она пришла въ себя, когда стоявшій вблизи и въ упоръ смотрѣвшій ей въ глаза студентъ выпустилъ прямо въ лицо цѣлый клубъ дыму, такъ что Кета вздрогнула.

Эрна любитъ быструю ѣзду. О лошадяхъ она не думаетъ. На худой конецъ придется Парсенову покупать новыхъ. Съ быстротою молніи несется экипажъ по Фридрихъ-Вильгельмштрассе по направленію къ Тиргартену. Бодрящій свѣжій воздухъ вѣетъ ей въ лицо, лучи солнца играютъ въ ярко-желтой листвѣ деревьевъ. Актриса облокачивается на подушку и начинаетъ дремать. Смѣшно, какъ безпричинно всплываютъ иногда воспоминанія; вѣроятно, встрѣча съ Краузь натолкнула ее на нихъ. Она видитъ передъ собою мрачную квартирку въ надворномъ строеніи, домъ, набитый жильцами, въ отдаленномъ кварталѣ города; слышитъ грубый, надтреснутый голосъ отца, когда тотъ пьяный возвращается вечеромъ домой, воркотню матери, плачь сестренкоѣ и братишекъ. Потомъ неприглядное позументное заведеніе, гдѣ она десять часовъ въ сутки стоитъ за прилавкомъ, удовлетворяя покупателей, поминутно лазитъ по лѣсенкѣ. Передъ ней возстаетъ также образъ студента въ очкахъ,

съ которымъ она впервые сошлась. Богъ мой! Что это былъ за дикарь! Она невольно разсмѣялась при воспоминаніи, какъ они оба были счастливы, когда приходилось провести вечеръ въ Американскомъ театрѣ или покататься на лодкѣ возлѣ Яичнаго домика и возвращаться домой въ третьемъ классѣ.

Что это? Шумъ колесъ, гулъ голосовъ... кругомъ толпа...

Они въѣхали въ рядъ экипажей, который тянется непрерывно по всему Шарлоттенбургскому шоссе. За ней раздается звукъ рожка. Мимо проносится четырехмѣстный экипажъ. Изъ него, сияя ослѣпительными мундирами, любезно раскланиваются офицеры; актриса благосклонно отвѣчаетъ на поклоны, расточаемые ей аристократіей и финансовыми тузами.

— Куртъ, ты знакомъ съ этой дамой? — спрашиваетъ м-ше фонъ-Бранекъ своего брата, который, вытянувшись, сидитъ противъ нея на узенькой скамеечкѣ наемнаго экипажа. Молодой, свѣжеиспеченный уланъ, съ розовымъ дѣтскимъ личикомъ, дѣлаетъ неимоверныя усилія, чтобы удержать въ глазу монокуляръ. Лейтенантъ изъ-скользко смущенно смотритъ на свою сестру красавицу; но въ сущности, что же? Она вдова... больше года... почему не сказать ей, что онъ знакомъ съ актрисою Эрнести изъ Эдентъ-театра!

— Ахъ, актриса! — разочарованно говоритъ Гильда. Для нея пропадаетъ весь интересъ.

— Да... она и актриса... — подтверждаетъ съ оттѣнкомъ дерзости лейтенантъ. Онъ благоразумно умалчиваетъ о ея отношеніяхъ къ Парсенову. Графъ уже давно ухаживаетъ за м-ше фонъ-Бранекъ, а Куртъ, считая это дѣло серьезнымъ, не хочетъ разстраивать партіи. Положимъ, Парсеновъ гоуэ, но при этомъ безупречный джентльменъ и блестящій кавалеръ. Если онъ когда-нибудь остепенится, чего никто изъ его знакомыхъ не можетъ себѣ представить, то изъ него выйдетъ наилучшій мужъ, какого когда-либо видали на земномъ шарѣ.

— Такъ вотъ все на этомъ свѣтѣ! — ворчитъ майоръ Дёбельнъ, глядя на дочь. — Какъ тебѣ нравится, Гильда? Мы тащимся въ наемномъ экипажѣ, а какая-то театральная принцесса мчится мимо въ роскошной коляскѣ!

Гильда ничего не возражаетъ.

«Если бы она знала, кто платитъ за этотъ экипажъ?» — думаетъ Куртъ. Старикъ нахмурившись молчитъ. Майоръ ненавидитъ Берлинъ! Все, что онъ здѣсь слышитъ и видитъ, ему противно. Какъ тихо и уютно у него въ Помераніи, въ имѣніи, котораго онъ не по-

кидалъ съ тѣхъ поръ, какъ снялъ военный мундиръ. Какъ бы хорошо было поохотиться теперь за куропатками по сжатому полю!

Но онъ понимаетъ, что нельзя жить по своей волѣ. Цѣлый годъ послѣ смерти мужа просидѣла Гильда отшельницей въ имѣніи, какъ принято во время траура. Таковы требованія свѣта, хотя въ дѣйствительности вдова врядъ ли много плакала о мужѣ. Бракъ ея не былъ счастливымъ. Супруги не понимали другъ друга, дѣтей у нихъ не было, жизнь ихъ текла крайне печально, пога Бранека не поразилъ ударъ, по мнѣнію его тестя, единственный благоразумный поступокъ въ жизни, — сведшій его въ могилу. Вдова получила большое наслѣдство, помѣщенное въ солидной банкирской конторѣ и золотую свободу.

Свобода вдвойнѣ дорога, когда человѣкъ молодъ и можетъ ею пользоваться. Гильдѣ фонъ-Бранекъ было двадцать семь лѣтъ, но она казалась гораздо моложе. Высокая, стройная блондинка, съ властными чертами лица, большими умными глазами и точно недоумѣвающей улыбкой рта, съ вздернутой верхней губкой; движенія ея были полудѣвичьи, полуженскія.

Гильда любила Парсенова. Она знала это такъ же хорошо, какъ и всѣ окружающіе. Что графъ къ ней равнодушенъ ни для кого не было тайной. Уже нѣсколько недѣль встрѣчались они постоянно на скачкахъ, въ театрахъ, въ обществѣ. Въ ближайшемъ будущемъ должна была рѣшиться ихъ судьба.

Такъ, по крайней мѣрѣ, думалъ майоръ. Пребываніе въ Берлинѣ становилось для него невыносимымъ. Вытянувшись по обыкновенію въ струнку, онъ непривѣтливо поглядывалъ кругомъ. Гнѣвно блестя его глаза на загорѣломъ лицѣ; сѣдые, закрученные усы пошевеливались отъ вѣтра. По его глубокому убѣжденію весь Берлинъ былъ набитъ жидами и демократами. Въ каждомъ встрѣчномъ видѣлъ онъ личнаго врага, который на ближайшихъ выборахъ подложить ему свинью, въ видѣ Бебеля или Рихтера.

— Послушай, Куртъ, — сказалъ онъ нѣсколько мягче, — въ какомъ театрѣ играть... та... принцесса, которая сейчасъ проѣхала?

— На площади Ноллендорфъ... Онъ открытъ нынѣшней весной.

— Такъ... Хорошенькія вещички играютъ?

— Упаси Господи!... Все чепуха! — говоритъ лейтенантъ, пожимая плечами. — Не знаю, кого они тѣшутъ!

— Разокъ взглянуть было бы можно, — майоръ серьезно обращается къ Гильдѣ. — Что ты скажешь, дитя?

Мимолетная улыбка пробѣгаетъ по губамъ м-ше фонъ-Бранекъ.

— Конечно, папа... отчего не пойти! У насъ нынѣшній вечеръ не занять.

Затѣмъ она принимается перелистывать листокъ «Спорта», который братъ купилъ у разносчика. Куртъ съ многозначительной улыбкой показываетъ ей на то мѣсто, гдѣ напечатаны имена скаковыхъ лошадей. Тамъ красуется: «Сатанилла» — графа Парсенова, темно-гнѣдая кобыла, отъ «Тайнаго Совѣтника» и «Миссъ Геліеттъ», 4 лѣтъ, 6½ кплм.

— Какъ ты думаешь, возьметъ она? — спрашиваетъ Гильда.

— Любимица публики, положимъ, «Флоссгильда», — отвѣчаетъ братъ. — Прочти въ началѣ листа остроумную статейку о шансахъ различныхъ лошадей.

— Слушай, я не понимаю, — заявляетъ Гильда послѣ непродолжительнаго чтенія, — объясни, ради Бога, что это значить: «выскажемъ окончательно свое мнѣніе: если «Флоссгильда», благодаря своей выносливости, навѣрно возьметъ призъ въ 10 тыс. марокъ, тѣмъ не менѣе, «Сатанилла» представляется намъ единственной достойной называться скаковой лошадыю». Развѣ это не бессмыслица?

— Ни мало! — перебиваетъ ее сердито майоръ. — Это значить, что выиграть можетъ «Флоссгильда», или «Сатанилла», или еще какая-нибудь лошадь. Чтобы объяснить намъ это, спортсмену надо втрое больше словъ, чѣмъ обыкновенному смертному.

— Вѣрно, — подтвердилъ лейтенантъ, — но такъ требуется!

— «Сатанилла» должна побѣдить, — рѣшительно заявляетъ хорошенькая женщина. — Ставлю на нее десять марокъ.

Два кровныхъ орловскихъ рысака, съ развѣвающимися, длинными гривами, бойко перебирая передними ногами, съ бытровою молніею мчатъ легкую коляску. Возбуждая общій восторгъ, обгоняетъ роскошный экипажъ наемныя дрожки.

Въ коляскѣ сидитъ человѣкъ, съ утомленнымъ лицомъ; ему едва ли болѣе тридцати, но волосы его замѣтно порѣдѣли, и на лицѣ видны слѣды бурной жизни. Не глядя по сторонамъ, онъ безучастно прислонился къ подушкамъ. Точно все его лицо, вся фигура застыли въ великосвѣтской позѣ. Это истинный, чистокровный blasé! Нѣкоторые молодые, жизнерадостные лейтенанты чувствуютъ это. Они выбрасываютъ изъ глазъ монокли и стараются выразить на своемъ лицѣ безучастное равнодушіе.

Но вотъ «каменный гость» оживился. Онъ наклоняется изъ экипажа и вѣжливо подымаетъ сѣрый цилиндръ. Затѣмъ, коляска проносится мимо.

— Кто тебѣ поклонился, папа?—спрашиваетъ съ любопытствомъ Гильда.

— Это...—майоръ самодовольно поглаживаетъ усы.—Это твой банкиръ, дитя мое; или, по меньшей мѣрѣ—банкиръ твоего мужа; онъ хранить твое наслѣдство... подъ моимъ наблюденіемъ, конечно... Не далѣе, какъ вчера, у насъ было совѣщаніе... Онъ предлагаетъ купить другія бумаги... Какъ ты думаешь?

— О, я въ этомъ ничего не понимаю;—м-ме фонъ-Бранекъ дѣлаетъ жалкую мину;—но, знаешь ли, не могу сказать, чтобы лицо его внушало довѣріе.

— Возможно, дитя мое. Но это солидная банкирская контора. Тамъ хранить деньги Гарвицъ, Мундлингенъ, даже старая лисица, графъ Рённебургъ.

— Да, потому что тамъ даютъ высшій процентъ,—замѣчаетъ Куртъ.

— Какъ хочешь,—продолжаетъ майоръ,—возьмемъ отъ него деньги, положимъ куда-нибудь въ другое мѣсто... ну, хотя въ Германскій банкъ.

— Вамъ лучше знать. Это мое личное чувство, — говоритъ Гильда смущенно.

— Я справлюсь,—успокаиваетъ ее отецъ;—три мѣсяца деньги должны во всякомъ случаѣ тамъ оставаться.

Между тѣмъ проѣхали Шарлоттенбургъ. Давка кругомъ все возрастаетъ: конные полицейскіе кричатъ, развѣвующіеся вдаль флаги и доносящаяся музыка указываютъ на близость гипподрома.

Экипажъ за экипажемъ двигаются впередъ. Офицеры съ своими дамами, толпы любителей спорта, биржевики, которыхъ программа скачекъ волнуетъ больше, чѣмъ курсовой бюллетень, букмекеры съ хищническими лицами, жокеи, похожіе на карликовъ, судейскіе въ штатскомъ платьѣ, любопытные провинціалы, карманные воры. Пестрая толпа всѣхъ оттѣнковъ, начиная съ аристократіи до полусвѣта, представительницы котораго оживляютъ картину пестротой своихъ костюмовъ.

На трибунахъ всюду блескъ и роскошь. Сіяютъ пестрые мундиры; свѣтлыя дамскія платья ярко выдѣляются на зеленомъ фонѣ. Легкій вѣтерокъ играетъ разноцвѣтными флагами, по блѣдно-голубому небу тянется рядъ мелкихъ, бѣлыхъ облачковъ; черная толпа людей двигается черезъ поле къ дешевымъ мѣстамъ, до того самаго пространства, гдѣ долина въ фіолетовой дымкѣ сливается съ горизонтомъ.

Изъ музыкальнаго павильона доносятся слабые звуки интермеццо «Кавалеріи», но тотчасъ же теряются среди гула толпы.

Раздается короткое, отчетливое щелканье за трибунами въ квадратномъ пространствѣ, обнесенномъ заборомъ. Разъ, два, потомъ все чаще и чаще, почти безъ перерыва, точно сторожевой отрядъ открылъ по непріятелю огонь. Тотализаторъ оживаетъ. Его щелканье совсѣмъ заглушаетъ интермеццо, заглушаетъ даже безсвязный гулъ и притягиваетъ къ себѣ всѣхъ, возбуждая и окрыляя надеждами. Профессиональные спортсмены толпами тѣснятся у турникета, предъявляя билеты своего общества или карточки тотализатора. Слышится неумолкаемое жужжанье, точно около улья весеннимъ утромъ, или вечеромъ около пламени свѣчки, къ которой слетѣлась вся мушкар.

И что за безумные, неопытные мотыльки! Для двухъ-трехъ дѣльцовъ—это серьезная спекуляція, для большей части публики—легко-возбуждающее удовольствіе, для нѣкоторыхъ—вопросъ жизни и смерти. Погрязшій въ долгахъ купецъ дѣлаетъ попытку вынырнуть на свѣтъ Божій, растратившій деньги кассиръ—схоронить концы. Кельнеръ изъ кафе рискуетъ своими «начаями», комми проигрываетъ жалованье, лейтенантъ мѣсячное содержаніе, и одному Богу извѣстно, какъ доживутъ эти люди до конца мѣсяца, если ихъ расчеты не оправдаются. А тотализаторъ все щелкаетъ и привлекаетъ все новыя толпы.

Уже Шарлоттенбургское шоссе опустѣло; только время отъ времени проскрипитъ ломовой, да проѣдетъ вагонъ конной дороги. Но вотъ черезъ Тиргартенъ, по направленію къ скачкамъ, мчится запоздалый посѣтитель.

Въ коляскѣ сидитъ высокій, стройный, хорошо сложенный господинъ, лѣтъ тридцати, съ длинной, черной бородой на смугломъ лицѣ, на которомъ лежитъ печать сознательной скуки high-life'a. Въ губахъ сигара, живые, пронизательные глаза безцѣльно смотрятъ въ пространство. Графъ Парсеновъ погруженъ, повидимому, въ глубокія думы.

Да и есть основаніе... Съ годъ тому назадъ появились первые признаки банкротства. Для каждаго изъ бруга Парсенова наступаетъ такой моментъ. Зимой лошади пожирали огромныя суммы. Эрнъ съ обычной беззащитчивостью присылала счета, кредиторы требовали аккуратной уплаты процентовъ, а доходовъ не было. Счастье въ игрѣ измѣнило; но онъ продолжалъ играть и играть, и къ концу зимы большая часть его уже и безъ того пошатнувшагося состоянія почти растаяла.

На весенних скачках дѣла не поправились. За его жокеями по пятамъ слѣдовала неудача. А послѣднія деньгиплыли иплыли.

Когда весною, ради развлеченія, онъ отправился съ Эрною въ Парижъ, у него было еще около пятидесяти тысячъ марокъ. Но только и всего.

Онъ не рѣшался больше играть. Достаточно одной ночи, чтобы потерять такую сумму, а съ ней и весь оборотный капиталъ, оружіе для борьбы за существованіе. Нѣкоторое время онъ крѣпился, но въ одинъ скучный іюльскій вечеръ, бродя безъ цѣли по бульварамъ, увидалъ съ полной ясностью свое положеніе; ему оставался свободный выборъ: или медленно погрязнуть въ болотѣ, или разомъ погибнуть въ бурномъ потокѣ.

Онъ рѣшился на послѣднее. У французскаго заводчика продавалась за высокую цѣну чудная кровная скаковая лошадь. На нее возложилъ онъ свои надежды; вывезъ ее въ Берлинъ, на большихъ осеннихъ скачкахъ она должна впервые появиться. Лошадь неизвѣстна на нѣмецкихъ гипподромахъ, но родословная ея безупречна. Если она оправдаетъ довѣріе, то въ сентябрѣ и октябрѣ онъ снова станетъ на ноги. Тогда зимой можно будетъ съ новыми силами предпринять карточную кампанію.

Сегодня «Сатанилла» участвуетъ въ первый разъ въ скачкѣ съ препятствіями, и ея владѣлецъ, Парсеновъ, долженъ къ стыду своему сознаться, что наступающія событія страшно волнуютъ его. Хотя лицо его невозмутимо спокойно, но въ душѣ борются страхъ и надежда. Никто этого не замѣтитъ; годами приобрѣталъ онъ самообладаніе, но такое состояніе крайне непріятно для самого себя. Всѣ считаютъ его состоятельнымъ, никто не подозрѣваетъ о возможности краха, онъ самъ готовъ смѣяться, такъ странно имѣть въ карманѣ 210 марокъ 50 пфениговъ и ничего болѣе.

Передъ выѣздомъ изъ дома, Парсеновъ съ изумленіемъ пересчиталъ остающуюся сумму у себя на письменномъ столѣ. Что же... черезъ часъ «Сатанилла» можетъ выиграть десять тысячъ марокъ. На такую же сумму держалъ онъ въ различныхъ мѣстахъ на нее пари четыре противъ одного. Значить, пятьдесятъ тысячъ марокъ. Для начала недурно.

Лицо Парсенова прояснилось.

Экипажъ остановился. Графъ ловко выскочилъ изъ коляски и направился черезъ трибуну къ конюшнямъ.

— Сатанилла здѣсь?—отрывисто спросилъ онъ входя.

— All right, sir! — отвѣтилъ изъ темнаго пространства хриплый голосъ тренера.

II.

Гильда фонъ-Бранекъ пытливымъ взоромъ оглadyваетъ далекое, вишащее народомъ пространство. Почему нѣтъ Парсенова? Ее охватило почти невыносимое безпокойство. Можетъ быть, онъ заболѣлъ или съ лошадыю случилось что-нибудь. Вотъ онъ... наконецъ-то! Высокая, статная фигура Парсенова направляется отъ конюшенъ къ трибунамъ. Рядомъ съ нимъ съ одной стороны тренеръ, тощій, пожилой англичанинъ съ недовольнымъ лицомъ, съ другой — молодой, стройный гусаръ, лейтенантъ фонъ-Вендлау. Онъ скачетъ сегодня на Сатаниллѣ. Парсеновъ вполне довѣряетъ ему.

Гусаръ безукоризненно сидитъ на лошади и, несмотря на то, что скачетъ въ этомъ году въ первый разъ, уже взялъ призы на трехъ скачкахъ, кромѣ того, обладаетъ секретомъ успокаивать пугливую, нервную Сатаниллу, что очень существенно, потому что лошадь тысячею капризовъ подтверждаетъ свое аристократическое происхожденіе. Она уклоняется отъ старта, обнаруживаетъ явное нерасположеніе ко рвамъ съ водою, слишкомъ легкомысленно относится къ препятствіямъ; съ ней надо не мало хладнокровія и терпѣнія.

Парсеновъ разстается со своими спутниками, которые, горячо споря, поворачиваютъ къ конюшнямъ. На минуту онъ пропадаетъ въ толпѣ, затѣмъ снова появляется, и т-те фонъ-Бранекъ съ ужасомъ замѣчаетъ, что возлѣ него дама. Она стоитъ спиной къ трибунамъ. Но по туалету легко узнать встрѣтившуюся въ Тиргартенѣ актрису.

Что у нихъ за разговоры? Впрочемъ, что же... Гильда успокаивается. Она прекрасно знаетъ, что Парсеновъ не образецъ добродѣтели и ей придется своимъ смягчающимъ вліяніемъ достигнуть многого. Да и какой прокъ въ добродѣтели. Ея первый мужъ, вѣчно больной и кашляющій, былъ идеаломъ высоко-нравственнаго чловека. Отъ мужчинъ не слѣдуетъ требовать слишкомъ многого... по крайней мѣрѣ, до свадьбы.

— Что тебѣ надо? — коротко спросилъ Парсеновъ Эрну. — Ты знаешь, что я не люблю...

— Но вѣдь настоящая надобность, Конрадъ, пойми! — возражаетъ актриса и краска заливаетъ ея хорошенькое лицо.

— Настоятельная надобность, въ чемъ? Конечно, въ деньгахъ.

— Да, но не для меня... надо...

— Послѣ скачекъ!... Теперь у меня ни гроша!

— Гдѣ мы увидимся послѣ скачекъ?

— Я отвезу тебя въ театръ... въ шестомъ часу...

— А если проиграешь?

— Тогда меня нельзя видѣть... Замѣть хорошенько. Совершенно нельзя! — сказалъ онъ спокойно.

— Думаешь, мнѣ очень пріятно видѣть тебя въ дурномъ настроеніи? — Эрна капризно отвернулась. — Желаю успѣха!

Глупая женщина желаетъ ему успѣха. Будь Парсеновъ суевѣренъ, онъ счелъ бы это дурнымъ предзнаменованіемъ. Съ мрачнымъ лицомъ направляется онъ къ м-те фонъ-Бранежъ.

— Прихожу на одну минутку, чтобы откланяться съ вами...

— Пожалуйста, не стѣсняйтесь, графъ, — говоритъ недовольнымъ тономъ Гильда. — Я вижу у васъ здѣсь знакомства...

— Которыхъ въ Берлинѣ нельзя избѣжать, — перебилъ равнодушно Парсеновъ. — Неужели я такъ счастливъ, что это обстоятельство возбуждаетъ ваше неудовольствіе?

— Я совсѣмъ не ревнива, — говоритъ необдуманно Гильда, затѣмъ краска заливааетъ ея лицо.

Парсеновъ слегка улыбается. Майоръ фыркаетъ себѣ подъ носъ; ледъ таетъ и натянутость смѣняется оживленнымъ разговоромъ. Понятно, что онъ вертится на Сатаниллѣ. Гильда только что отправила брата поставить на нее десять марокъ и сильно возбуждена исходомъ финансовой операціи. Наконецъ, Парсеновъ откланивается. Давно пора. Онъ общается послѣ скачекъ опять зайти и черезъ порѣдѣвшія группы спѣшить къ конюшнямъ. Его сердце усиленно бьется, такъ что на полпути онъ долженъ остановиться и отереть со лба капли пота.

Первый звонокъ.

Приближается страшная минута. Озабоченно спѣшать любители спорта, съ афишей и карандашомъ въ рукѣ, къ столбу, гдѣ на большой таблицѣ служащіе выставляютъ въ настоящую минуту номера. Въ нѣсколькихъ шагахъ оттуда стоятъ плотною стѣной букмекеры и ихъ кліенты. Въ этомъ замкнутомъ кругу слышатся шепотъ и оханье и по временамъ прорываются слова: Флоссгильда и Сатанилла.

Наконецъ-то таблица съ цифрами поднята кверху. Карандаши приходятъ въ движеніе. Записываютъ имена лошадей и наѣздниковъ, сравниваютъ вѣсы, обдумываютъ шансы; наконецъ, все сильнѣе и сильнѣе раздается щелканье. Дѣятельность тотализатора во всемъ разгарѣ. М-те фонъ-Бранежъ находитъ крайне не деликатнымъ, что дамамъ запрещенъ входъ въ огороженное пространство; ей бы хотѣлось быть въ самомъ центрѣ. Шумъ все усиливается. Узенькія вращающіяся дверки въ непрестанномъ движеніи. Масса

людей вбѣгаетъ и выбѣгаетъ, возбужденно толкуетъ, совѣтуется со стоящими за загородкой, жестикулируетъ, потрясая измятой афишей, и, наконецъ, съ деньгами въ рукахъ бросается къ кассѣ, гдѣ ставятъ по десяти, двадцати, пятидесяти марокъ. Шумъ голосовъ становится все болѣе дикимъ, онъ пересиливаетъ звукъ щелканья; по временамъ выдѣляются громко выкрикиваемые слова: семь, одиннадцать, между ними другія цифры; потомъ слова: семь, одиннадцать... одиннадцать, семь... Семь — номеръ Флоссгильды, известной фаворитки. Одиннадцать — номеръ парсеновской Сатаниллы. На нее обращенъ слишкомъ большой интересъ публики, что непріятно расчетливымъ игрокамъ. Всѣ знаютъ, что на непобѣдимой Флоссгильдѣ ничего не заработаешь — въ послѣдній разъ давали 12 на 10; сегодня рассчитывали сыграть на новой, которая въ случаѣ выигрыша должна была хорошо вознаградить своихъ поклонниковъ.

— Сатанилла навѣрное выиграетъ, всѣ играютъ на нее, — говоритъ Гильда, обращаясь къ брату, который ведетъ ихъ съ отцомъ къ конюшнямъ.

Тамъ длинною вереницей ѣздить участники скачекъ. Нѣкоторые изъ лошадей конюхи медленнымъ шагомъ подводятъ къ старту. Наѣзники по большей части офицеры, кавалеристы, артиллеристы, два штатскихъ джентльмена. Нѣкоторые плотно позавтракали, другіе смотрятъ слишкомъ блѣдными. Почти всѣ молчатъ, по временамъ раскланиваются съ знакомыми, похлопываютъ лошадей по шеѣ и перекидываются словами съ тренеромъ. Среди тѣсной толпы спортсменовъ царитъ также молчаніе. Мѣстами только слышится отрывистый разговоръ.

Второй звонокъ... все засуетилось. Тотализаторъ работаетъ съ удвоенною силой. «Одинъ на седьмой номеръ!... Одинъ на одиннадцатый!» — продолжаетъ раздаваться періодически. Сердитое ворчанье слышится въ углу, налѣво отъ трибуны, вблизи ресторана, гдѣ букмекеры основали свою главную квартиру. Карандаши и записныя книжки дѣйствуютъ тамъ лихорадочно, въ горстяхъ звенятъ золотыя и серебряныя монеты, банковые билеты шелестятъ въ ладоняхъ... Въ этотъ моментъ обдѣляются настоящія, крупныя дѣла. Обыкновенно, когда большая часть играющихъ уже поставила свои деньги и возврата нѣтъ, съ быстротой молніи облетаетъ тайна тотализатора, передаваемая на ухо избраннымъ, которымъ едва хватаетъ времени привести въ исполненіе свои комбинаціи, частью съ помощью тотализатора, частью — частныхъ пари.

На этотъ разъ нѣтъ ничего подобнаго. Въ конюшнѣ нѣтъ тайнъ

или ихъ хорошо хранить. Даже сливки скакового общества «Уніонъ-блудъ», занимающій со своими дамами отдѣльную трибуну, и букмекеры со своею свитой на этотъ разъ не имѣютъ преимуществъ передъ невѣжественной въ дѣлѣ спорта толпой, руководствующейся листками спорта, словами любезнаго офицера или проходящаго мимо жокея. Сегодня для всѣхъ вопросъ въ Флоссгильдѣ и Сатаниллѣ.

Между тѣмъ лошади длинною вереницей направляются къ старту. Впереди нетерпѣливо переступаетъ, закусывая уздечку, стройный вороной жеребецъ. Онъ, какъ всегда, нервно возбужденъ. Наѣздникъ, молоденькій уланъ, съ большимъ усиліемъ сдерживаетъ его шагъ, хотя рядомъ идетъ конюхъ. Изъ профессиональных игроковъ почти никто не обращаетъ вниманія на «черную» лошадь. Слѣдующіе два-три скакуна привлекаютъ также мало вниманія. Всѣ взоры обращены на героиню дня. Въ толпѣ мелькаетъ бѣлая съ краснымъ фуражка конногвардейца... То тутъ, то тамъ раздается возгласъ... Снимаютъ шляпы, между тѣмъ какъ непобѣдимая Флоссгильда медленно проходитъ среди стоящихъ шпалерами людей. Небольшая, гибдая лошадка, со стальными сухожилиями и грудной кѣткой, похожей больше на паровую машину, чѣмъ на выѣстилице для легкихъ живого существа.

Затѣмъ, ряды невольно раздвигаются. Дамы вскрикиваютъ и бранятся, даже мужчины отступаютъ нѣсколько шаговъ назадъ. Раздаются предостереженія конюха, проклятія наѣздника... Вотъ, наконецъ, она... Сатанилла, бѣшеная и горячая, какъ всегда. Она громко ржетъ, непрерывно мотаетъ головой, брызжетъ бѣлою пѣной, бьетъ задними ногами, чтобы сбросить тяжелаго наѣздника... Удивительно, что удастся благополучно довести ее до гипподрома.

Графъ Парсеновъ стоитъ одиноко, облокотясь на барьеръ, и думаетъ. Онъ смотритъ, какъ его конь крупнымъ галопомъ направляется мимо трибунъ къ старту. Прекрасная картина: гибкое тѣло лошади вытягивается, какъ на пружинахъ, маленькій гусаръ до каблука продѣлъ ноги въ стремяна и, какъ кошка, цѣпляется на сѣдлѣ... то тутъ, то тамъ слышатся одобрительные возгласы.

— Well,— говоритъ возлѣ Парсенова сухощавый жокей,— I say it's a good thing for Satanella.

— Кабы у проклятой не такой горячій темпераментъ!— говоритъ съ огорченіемъ его спутникъ, букмекеръ отъ Розентальскихъ воровъ.

Парсеновъ не слышитъ разговоровъ, онъ слишкомъ возбужденъ. Онъ чувствуетъ какъ въ сердцѣ, въ вискахъ, даже около глазъ

бьется кровь, какое-то необычайно мучительное ощущение подымается въ желудкѣ, переходитъ въ горло, стягиваетъ его; Парсеновъ откашлялся и закрылъ ротъ записною книжкой. Ему стыдно своей слабости... проклятые нервы... въ сущности, какая бѣда, если онъ и на этотъ разъ не выиграетъ? Онъ знаетъ, что Флоссгильда почти непобѣдима, что благоразумнѣе разсчитывать на второй призъ... наконецъ, если сегодня не посчастливится... остается впереди будущая среда... свѣтъ еще не клиномъ сошелся.

Такъ утѣшаетъ онъ себя, направляясь къ ресторану, чтобы поскорѣе выпить стаканъ шампанскаго.

Онъ только что проглотилъ послѣдній глотокъ, какъ до него донеслись отчетливые звуки колокольчика и шумъ голосовъ. Стартъ начался. Лошади въ пути. Графъ Парсеновъ ставитъ стаканъ на столъ, механически вытираетъ черные усы и съ минуту смотритъ въ землю. Прислуживающій ему кельнеръ равнодушно глядитъ изъ-за буфета.

Такія сцены здѣсь не рѣдкость.

Когда на противоположномъ концѣ трека поднялся красный флагъ стартера, Сатанилла пошла галопомъ и на два корпуса обогнала остальныхъ. Одну минуту наѣздникъ думаетъ, что произошло неправильное отправленіе... но скакунъ вихремъ несется между флагами къ цѣли, отстоящей на пять тысячъ метровъ.

Теперь нельзя различить ничего опредѣленнаго. Съ сердцемъ опускаетъ Парсеновъ бинокль. Онъ не пошелъ на трибуны, желая избѣжать давки. Стоя на травѣ графъ устоялся на ближайшую цѣпь холмовъ, за которой почти скрылись лошади. Видны только фуражки наѣздниковъ. По широкому полю двигается большая, темная толпа посѣтителей дешевыхъ мѣстъ, которымъ ихъ пятидесяти-пфенниговыя карточки такъ же дороги, какъ посѣтелямъ трибунъ ихъ десятимарковыя. Съ крикомъ и гамомъ спѣшатъ они къ тому мѣсту, гдѣ могутъ показаться наѣздники. Вотъ они... всѣ въ кучѣ... Флоссгильда и Сатанилла въ срединѣ... Господинъ въ красно-желтомъ жокейскомъ костюмѣ скачетъ впереди... Онъ уже около перваго препятствія—изгороди и длиннымъ прыжкомъ перескакиваетъ его; четыре-пять лошадей вытянулись одновременно для прыжка. Наѣздники эластически изгибаются въ сѣдлахъ, раздается ударъ хлыста... стукъ—Сатанилла копытомъ ударила объ изгородь; въ сторону отлетѣло нѣсколько щепокъ... скачка продолжается, легкія копыта подымаютъ слабыя клубы пыли.

— Феллинь скачетъ!—раздается откуда-то съ трибуны. Фел-

линь скачетъ впереди! Хоръ голосовъ констатируетъ новость. И правда... Но передовая лошадь исполнила свой долгъ... Напрасно ободряетъ ее наѣздникъ въ красно-желтомъ костюмѣ... она неровно дышитъ и смѣшивается съ толпою отставшихъ. Уже одна-двѣ лошади изъ арріергарда, не привыкшаго къ бѣшеной скачкѣ, настигаютъ ее.

Вотъ приближается каменная стѣна со рвомъ. Неожиданный крикъ тысячи людей оглашаетъ пространство. Парсеновъ закрываетъ глаза: онъ знаетъ, что это значить.

Нерѣшительно взглядываетъ онъ на гишподромъ. Первое, что ему бросается въ глаза: красный гусарь, смѣло скачущій впереди на Сатаниллѣ. Слава Богу... значить не она... нѣтъ, на землѣ лежитъ караковая лошадь... рядомъ съ ней... полевой артиллеристъ... онъ повидимому раненъ, но до него ли теперь. Не отрывая глазъ, слѣдитъ Парсеновъ за скачущими, которые приближаются къ плетню. Онъ сталъ гораздо увѣреннѣе. Не отдавая себѣ отчета при слѣдующемъ крикѣ съ трибунъ, онъ не закрываетъ глазъ, а хладнокровно констатируетъ фактъ: джентльменъ м-г Кугъ лежитъ безъ движенія на спинѣ, а освободившійся отъ ноши жеребецъ скачетъ одинъ, затѣмъ, быстро повернувъ, направляется къ конюшнямъ.

Наступаетъ серьезная минута. На трибунѣ растетъ возбужденіе. Шумъ голосовъ усиливается, когда лошади спускаются въ ущелье. Наѣздники съ вытянутыми впередъ ногами, отпущенными поводьями, почти лежатъ на лошади, чтобы потомъ вскочить ей на шею, когда та въ галопъ подымается на противоположную отлогость. Крикъ, радостные возгласы, торжество, когда вторично мимо трибунъ проносятся состязающіеся.

— Go on, Сатанилла! — рычитъ хриплый голосъ. — Go on, Флоссгильда, раздается со всѣхъ сторонъ, — go on! Шумъ, смѣхъ, возгласы разочарованія потрясаютъ воздухъ. Флоссгильда подъ мастерской рукой наѣздника вытягивается въ струнку и быстро скачетъ къ цѣли. Длинными, равномерными скачками подается она впередъ, неутомимо, неуклонно, какъ хорошо растопленный паровикъ.

Разстояніе между ней и группой лошадей, растянувшихся длиною вереницей, все увеличивается. Двѣ или три еще держатся вблизи нея и между ними — Парсеновъ машинально рветъ на себѣ перчатку — между ними Сатанилла. И болѣе того! Проницательный взглядъ ея владѣльца прекрасно видитъ, что ея силы еще не истощены. Наѣздникъ сидитъ глубоко въ сѣдлѣ, откинувшись назадъ,

эластично держитъ поводья въ рукахъ, плотно прижатыхъ къ корпусу—не подлежитъ сомнѣнію, что Вендлау сдерживаетъ лошадь, отпуская настолько, чтобы она слѣдовала по пятамъ за Флоссгильдой.

Скакуны исчезаютъ въ лѣсочкѣ. Когда они оттуда покажутся, останется послѣднее состязаніе на ровномъ пространствѣ. Приближается рѣшительная минута.

Парсеновъ употребляетъ всѣ усилія, чтобы придать лицу спокойное выраженіе... хорошо бы выиграть!... но нѣтъ... не надо волноваться... никто не долженъ видѣть.

На трибунахъ подымается волненіе. Скачутъ, скачутъ! Бѣлая съ краснымъ фуражка показывается изъ лѣса. Флоссгильда впереди... значитъ она первая... недалеко за ней другая лошадь... вороной жеребецъ съ молоденькимъ уланомъ... потомъ кирасиръ на гнѣдой, которая кажется пестрой отъ брызгъ бѣлой пѣны... потомъ... ничего болѣе! Парсеновъ протираетъ глаза... невозможно... гдѣ же Сатанилла?

Передъ нимъ все застилается туманомъ. Онъ не слѣдитъ больше за величественнымъ исходомъ борьбы. На трибунахъ стонъ и гулъ, какъ во время бури. Все реветъ, кричитъ, между тѣмъ, какъ уланъ старается обойти стороною Флоссгильду. Жеребецъ рвется впередъ... передергивая двойной трензель въ обрваненной мордѣ, плотнѣе вонзая шпоры въ бока, безъ перерыва щелкая хлыстомъ, наѣздникъ напрягаетъ послѣднія силы разгоряченной лошади, подтягивается самъ и вотъ онъ на два корпуса опережаетъ Флоссгильду... тогда ея наѣздникъ подъ оглушительный шумъ поворачиваетъ голову къ трибунѣ... въ слѣдующую секунду конь и всадникъ слегка вздрагиваютъ, Флоссгильда все удлиняется... удлиняется... она не скачетъ, а летитъ... пятьдесятъ, шестьдесятъ, сто скачковъ въ минуту... точно невидимая сила толкаетъ ее впередъ. И вотъ она у цѣли... спокойно, галопомъ достигаетъ ее удивительная лошадь. Невдалекѣ за ней слѣдуетъ вороной жеребецъ, съ совершенно измученнымъ наѣзникомъ. Ихъ встрѣчаютъ громкія привѣтствія.

Дальше кирасиръ на гнѣдой... немного спустя проходятъ другія лошади. Сатаниллы нѣтъ и въ поминѣ.

Парсенова точно ударили по головѣ. Онъ стоитъ на прежнемъ мѣстѣ, слышитъ привѣтственное ура толпы, звуки марша и не сводитъ глазъ съ голубоватаго горизонта, гдѣ около плетня быстро раскачивается длинный шестъ, сигналъ, требующій врача и по-

силки. Значить, м-г Кугъ тяжело раненъ. Но Парсеновъ къ этому равнодушенъ, онъ весь поглощенъ мыслью, что съ Сатаниллой?

О наѣздникѣ графъ почти не думаетъ.

Можно было бы пойти и узнать. Съ трибуны навѣрно видѣли, въ чемъ дѣло. Но его страшитъ истина. Безцѣльно бродить онъ подъ трибунами. По временамъ до его слуха долетаетъ слово «Сатанилла»... потомъ что-то о лѣсочкѣ... слова сожалѣнія изъ женскихъ устъ... сильное мужское ругательство.

А онъ все стоитъ... вѣроятно скакунъ вырвался и убѣжалъ... конечно, убѣжалъ... почему непременно предполагать погибель... его поймутъ... въ слѣдующій разъ онъ побѣдитъ... Богъ мой... это такъ часто случается.

— Несчастіе, господинъ!—говоритъ вдругъ кто-то возлѣ.

Около него стоитъ тренеръ съ ящикомъ подъ мышкой.

— А... это вы... что случилось? Парсеновъ чувствуетъ вдругъ невыносимую боль въ сердцѣ, точно оно превратилось въ комокъ льду.

— Я хотѣлъ только спросить,—тренеръ указываетъ глазами на ящикъ съ пистолетами... угодно вамъ самимъ или прикажете мнѣ.

— Пристрѣлить Сатаниллу...

Графъ слишкомъ громко смѣется.

Тренеръ съ удивленіемъ глядитъ на него. Передняя лѣвая пополамъ, графъ...—говоритъ онъ смущаясь.—Ветеринаръ считаетъ лишнимъ мученіемъ...

— Гдѣ это случилось?—грубо перебиваетъ его Парсеновъ, въ лѣсочкѣ, неправда ли?

— У предпоследняго препятствія... она, по обыкновенію, сдѣлала слишкомъ короткій прыжокъ... Чудеса, что лейтенантъ Вендлау остался живъ.

— Совсѣмъ не пострадалъ?

— Небольшая контузія. Я думаю, онъ не виноватъ въ несчастіи.

— Пристрѣлите лошадь, — говоритъ Парсеновъ и, вынувъ папиросу, направляется къ трибунѣ.

Въ сущности у него теперь легко на душѣ. За многіе годы онъ въ первый разъ въ совершенно ясномъ и опредѣленномъ положеніи. Онъ разоренъ... просто разоренъ... это не шутка, по крайней мѣрѣ, дѣло совершенно ясно.

Возбужденіе не оставило ни малѣйшаго слѣда. Графъ равнодуш-

но выслушиваетъ соболѣзнованія, перекидывается словами, особенно безпечно отвѣчаетъ на иронически вѣжливый поклонъ Кракауера, своего пріятеля по дѣламъ, съ крупными брильянтами на грязной сорочкѣ, снисходительно оглядывающаго свои жертвы въ штатскомъ и военномъ платьѣ. Онъ не ростовщикъ, Боже сохрани, просто денежный тузъ.

Графъ знаетъ, что его страстно ждуть. Приближаясь къ м-ше фонъ-Бранекъ, онъ съ удовольствіемъ замѣчаетъ, что хорошенькая женщина плакала. Она сама краснѣя въ этомъ сознается. Сочувствіе его горю, жалость къ лошади, испугъ при катастрофѣ, сожалѣніе о десяти маркахъ, все это слилось въ какое-то неопредѣленное чувство горечи и обиды; тѣмъ живѣе выражается ея радость при видѣ спокойнаго лица Парсенова. Онъ импонируетъ ей своимъ видомъ. Она съ восторженнымъ изумленіемъ глядитъ на него.

— Н-да, такъ-то лучше, любезный графъ,— говоритъ майоръ, похлопывая его по плечу... не думайте больше о случившемся... проведемъ вечеръ вмѣстѣ... мы постараемся васъ развеселить... что скажете?

— Охотно!—Парсеновъ на все согласенъ. Онъ самъ готовъ внутренно смѣяться надъ своимъ равнодушіемъ. Смѣшное чувство, сознавать себя разореннымъ... совершенно новое ощущеніе... именно его, свѣтскаго blasé, пріятно возбуждаетъ такое сознаніе... полное банкротство... этого ему еще не приходилось испытывать! Онъ заинтригованъ, какъ дальше разыграется вся исторія.

Между тѣмъ скачки кончились. Публика стремительно бросилась къ выходамъ. Парсеновъ предлагаетъ майору съ семьей свой экипажъ на обратный путь. Они ѣдутъ вдоль шоссе: майоръ и Гильда на заднемъ сидѣньѣ, передъ ними Парсеновъ и лейтенантъ.

Безконечной вереницей тянется рядъ экипажей, черный потокъ пѣшеходовъ волнуется съ обѣихъ сторонъ. Вагоны конки медленно движутся въ толпѣ; наряду съ наемными экипажами мчатся легкіе догарты, покачиваются на рессорахъ элегантныя коляски съ величественными кучерами на козлахъ, попадаютъ грязныя рабочія телѣги, нагруженныя шумной компаніей, скользятъ тандемы. Разнообразные экипажи везутъ пеструю толпу большого города; здѣсь есть члены клубовъ и обществъ, букмекеры, карманные воры, офицеры, дамы высшаго свѣта, высокопоставленныя лица, дамы полусвѣта всѣхъ разрядовъ, судейскіе, мясники, кельнеры—и все это стремится черезъ Тиргартенъ домой.

Легкій вѣтерокъ слегка колышитъ яркую зелень деревьевъ, ко-

леса скрипятъ по песку, бичи шелбають въ воздухѣ, а съ блѣдно-голубого осенняго неба свѣтитъ привѣтливо солнце на правыхъ и виновныхъ.

III.

Часъ спустя графъ Парсеновъ съ семейю майора сидитъ уютно въ первоклассномъ ресторанѣ подѣ Липами. Они только что пообѣдали — всевозможные финесы и выкрутасы, какъ сердито ворчитъ старикъ. Ни признака серьезнаго мяса или настоящихъ овощей... все какія-то смѣшныя закуски... крылышки рябчика... двѣ спаржи... въ палецъ длины кусочекъ *filet de sole*... микроскопическая порція кислой капусты, меланхолически увѣнчанная парой печеныхъ устрицъ... дурацкое кушанье изъ артишоковъ и одному Богу извѣстно, что еще. Нѣтъ, въ Помераніи ѣдятъ основательнѣе. Майору взгрустнулось при воспоминаніи, какъ тамъ покойно можно жить, ѣсть, пить и спать.

Остальное ему здѣсь нравится. Уютная комната съ мягкими коврами, заглушающими шаги кельнера, большія зеркала, гдѣ красиво отражается голубоватый свѣтъ электрическихъ лампочекъ. Тихо... кельнеры говорятъ шепотомъ... столы посѣтителей разставлены далеко другъ отъ друга, тяжелыя драпри заглушаютъ уличный шумъ, — однимъ словомъ, если человѣкъ обреченъ на пребываніе въ Берлинѣ, то лучше ему не устроиться.

Майоръ закурилъ сигару и съ удовольствіемъ смотритъ, какъ голубоватый дымокъ обвиваетъ бокалъ съ шампанскимъ, со дна котораго, искрясь, поднимается столбикъ пузырьковъ. Частію съ любопытствомъ, частію съ недовѣріемъ смотритъ онъ на кельнера, который сметаетъ со стола крошки и подаетъ ликеръ. Повидимому, онъ чего-то ждетъ.

И дѣйствительно... немного спустя появляется разсылный и, снявъ шапку, подходитъ къ столу майора. Онъ кладетъ передъ старикомъ четыре театральныя билета, которые тотъ, улыбаясь, прячетъ и, давъ на чай, отпускаетъ разсылнаго.

— Что это, папа? — спрашиваетъ Гильда черезъ столъ.

— Это... это... билеты... — Майоръ кажется нѣсколько смущеннымъ. — Вѣдь ты хотѣла попасть сегодня непременно въ Эденъ-театръ! Развѣ забыла, дитя мое?... Любоваться на *м-elle Эрнст* или какъ тамъ ее зовутъ?

Хорошенькая женщина весело смѣется.

— Да, папа, если у тебя хватитъ самоотверженія сопровождать

меня, то я иду охотно... но, вѣдь знаю, что всѣ увеселенія такого рода—для тебя мука...

— Ну, вотъ еще, — притворно сердито ворчитъ майоръ. — Не правда ли, графъ, вы съ нами?

Въ Эдень-театръ! Мысль эта кажется Парсенову настолько забавной, что онъ съ трудомъ удерживается отъ смѣха. Въ Эдень-театръ!... Тамъ можетъ быть очень забавно сегодня вечеромъ, если директоръ не раздобылъ откуда-нибудь денегъ. А Эрнести? Графъ украдкой взглядываетъ на Гильду, которая невозмутимо сидитъ на своемъ мѣстѣ. Она видѣла, какъ онъ разговаривалъ сегодня съ актрисой. Что-жъ, Эрнести красива, очень красива въ своемъ городскомъ платьѣ, также какъ на сценѣ; немножко ревности не мѣшаетъ. Графъ знаетъ это по опыту.

— Ъхать съ вами?—обращается онъ къ майору. — Съ величайшимъ наслажденіемъ, если разрѣшитъ м-ме фонъ-Бранегъ.

— Отчего же?—беззвучно говоритъ Гильда. — Мнѣ очень пріятно. Вы тамъ, вѣрно, какъ дома и можете рассказать намъ много интереснаго.

— Могъ бы... но не сдѣлаю этого!

«У васъ есть, конечно, свои основанія», — думаетъ хорошенькая женщина и вызывающе смотритъ на него, но майоръ перебиваетъ ее:

— Не ссорьтесь, дѣтки, уже пять минутъ восьмого... Хорошо, что у насъ есть мѣста... Театръ, вѣроятно, будетъ полонъ. Не правда ли, графъ? Эрнести, какъ я слышалъ, первоклассная артистка?

— Несомнѣнно! — съ серьезнымъ лицомъ подтверждаетъ Парсеновъ.

Многообѣщающе сіяютъ большіе электрическіе фонари на подъѣздѣ Эдень-театра въ темную осеннюю ночь. Со всѣхъ сторонъ стекается публика. Длинной вереницей тянутся экипажи. Яркій лучъ переливается на блестящей каскѣ коннаго жандарма и освѣщаетъ наклоненную голову лошади; рѣзкіе голоса продавщиковъ афишъ раздаются среди улицы, а по угламъ барышники ведутъ свою, не терпящую свѣта, торговлю. Проходя вестибюль, среди котораго величественно стоитъ портъ съ серебряной булавой, въ треуголкѣ и длинномъ плащѣ, наблюдательный зритель могъ бы замѣтить, что у кассира совсѣмъ не такъ много дѣла, какъ можно ожидать по огромному наплыву публики. Изрѣдка подойдетъ кто-нибудь къ кассѣ. Но и тогда не видать что-то денегъ. Ки-

вокъ головой, бормотанье какого-то имени, предъявленіе карточки, и изъ кассы выдается билетъ. Время отъ времени приходятъ и платящіе, добродушные люди, которые, по случаю субботы, хотять насладиться театромъ. Въ расчетъ на нихъ и раздаются даровые билеты и контрамарки.

Что можетъ быть ужаснѣе пустого театра: партеръ зѣяетъ незанятыми креслами, а изъ глубины темныхъ ложъ смотритъ призракъ «краха»; два-три посѣтителя почти смущены необходимостью заставлять массу людей на сценѣ играть для себя и подавленные расходятся домой, разнося повсюду извѣстіе, что въ Х. театрѣ абсолютная пустота. Ничего нѣтъ ужаснѣе... Каждый директоръ знаетъ это и всѣми средствами старается наполнить театръ. Билеты рассылаются на всѣ четыре стороны: въ редакціи газетъ, отели, къ театральнымъ поставщикамъ, ко всѣмъ, кто имѣетъ какое-либо отношеніе къ сценѣ: предсѣдателямъ безчисленныхъ клубовъ спорта, пѣвческому обществу, кружку любителей драматическаго искусства, въ париемахерскія, — однимъ словомъ всюду, гдѣ могутъ найтись зрители.

Вечеромъ оказываются результаты усилій. Веселая толпа, полная ожиданій, наполняетъ зрительный залъ, и платящая публика, составляющая на этотъ разъ четвертую часть, настраивается благодушиѣ, видя непритязательное веселье остальныхъ. Только касиръ сардонически смѣется себѣ подъ носъ, читая на слѣдующее утро въ отдѣлѣ зрѣлищъ мелкаго листка замѣтку-рекламу дирекціи, что наканунѣ сотни зрителей, не получивъ билетовъ, принуждены были вернуться домой.

— Посмотрите, — довольно заявляетъ майоръ Дёбелнъ, усаживаясь въ ложѣ бенуара, — посмотрите, пьеса, навѣрно, хороша! Театръ биткомъ набитъ.

— А между тѣмъ она идетъ въ восемьдесятъ седьмой разъ, — замѣчаетъ Гильда, глядя на афишу. — Удивительный городъ Берлинъ!

— Не понимаю, — замѣчаетъ лейтенантъ. — Недавно хотѣли поставить здѣсь новую пьесу. Уже были анонсы; и, повидимому, опять отложили.

— Понятно, — ворчитъ старикъ, — если еще этой всѣ не пересмотрѣли... Директоръ долженъ съ этимъ считаться.

Парсеновъ молча сидитъ сзади Гильды. При входѣ онъ замѣтилъ хорошо знакомую фizioномію невзрачнаго человѣка съ недовольнымъ лицомъ. Онъ не разъ видалъ здѣсь судебного пристава; ему извѣстно, черезъ Эрну, что и сегодня приставъ забралъ всю

дневную выручку. Зачѣмъ онъ опять здѣсь? Очевидно, директоръ не добылъ денегъ. Онъ не въ состояніи будетъ расплатиться съ хоромъ... хоръ не согласится пѣть... Хорошая заварится каша.

Непроизвольно улыбаясь, посматриваетъ графъ на зрительную залу. Кругомъ веселыя лица, оживленный гулъ голосовъ, шуршанье афишъ, легкій запахъ духовъ. Голубоватый свѣтъ электричества освѣщаетъ красный бархатъ рампъ, бѣлыя съ золотомъ лѣпныя украшенія стѣнъ и темную массу людей въ партерѣ. Въ воздухѣ разлита пріятная теплота, залъ весело настроенъ и съ ожиданіемъ смотритъ на тяжелый занавѣсъ, за которымъ раздается стукъ и по временамъ подавленный разговоръ.

— Усталяютъ декорации; что-жь еще?

Капельмейстеръ, сохраняя присутствіе духа, съ рѣшимостью поднялъ дирижерскую палочку. Грянулъ оркестръ. По залѣ понеслись звуки вѣнскаго вальса. Мечтательно-легкомысленные плывутъ они, по временамъ уступая мѣсто трелямъ и ставатто, ласкающимъ слухъ, точно плескъ синяго Дуная, убаюкивающимъ, какъ сладкій шепотъ, и завершающимся стройными аккордами.

Оркестръ умолкъ. Занавѣсъ не трогается. Стукъ на сценѣ утихъ, но шумъ голосовъ все усиливается. Слышится густой басъ, затѣмъ одновременно нѣсколько женскихъ голосовъ, отчаянное «шши!» Что-нибудь случилось. Самымъ равнодушнымъ посѣтителемъ бросается это въ глаза. Занавѣсъ раздѣляетъ въ данный моментъ два міра. По сую сторону рампъ—ожидающая зрѣлища публика, благодушное настроеніе которой, благодаря промедленію, начинается смѣняться недовольствомъ; на сценѣ—борьба за существованіе, споръ хористовъ, не желающихъ умирать съ голоду, съ директоромъ, не имѣющимъ возможности заплатить жалованье. Растерянно смотритъ высокій, плотный мужчина на сценѣ, потъ градомъ катитъ по его красному лицу... Онъ спрашиваетъ и ругается... все тщетно... Бѣда, грозившая съ перваго числа мѣсяца, разразилась... Хоръ и артисты отказываются играть, пока не получатъ денегъ. Къ нимъ примкнули также театральные рабочіе. Плотной толпой стоятъ они на ярко-освѣщенной сценѣ, изображающей живописную гористую мѣстность. Странное, пестрое общество... Высокіе, худые хористы въ рыцарскихъ костюмахъ, балетныя танцовщицы въ воздушныхъ газовыхъ юбочкахъ, рабочіе въ блузахъ, пожилыя хористки, изображающія благородныхъ дамъ, съ чулками въ рукахъ, театральныя дѣти, въ трико тѣлеснаго цвѣта, съ крылышками за спиной и дерзкой улыбкой на слишкомъ смышленномъ лицѣ... А передъ ними то умоляющій, то разражающій

щейся бранью директоръ и режиссеръ въ войлочныхъ туфляхъ, взывающийъ въ спокойствію.

— Деньги есть, потерпите немного, — твердитъ директоръ.

— Покажи ихъ, а то не повѣримъ! — гудитъ басъ комика изъ глубины кулисъ.

— Даю вамъ честное слово, господа...

— Только и всего?

Дерзость вылетаетъ изъ устъ хорошенькой блондинки, которая и утромъ, на репетиціи, была зачинщицей ссоры. Слова ея покрываются обиднымъ смѣхомъ, который сквозь занавѣсъ достигаетъ публики. Въ театрѣ начинаютъ волноваться. Раздается глухое ворчанье. «Начинать!» — кричитъ голосъ изъ райка.

— M-elle Шульцъ... Какъ вы смѣете?... — задыхаясь говорить директоръ. — Прошу васъ оставить сцену.

— Уйду съ удовольствіемъ, — у Шульцъ еще есть въ запасѣ зарядъ, — отдайте только деньги... мое заслуженное жалованье...

— Деньги, деньги!... Мы тоже хотимъ жить... — кричатъ всѣ хоромъ.

— Нѣтъ у меня денегъ, — объявляетъ директоръ. — Вы хотите погубить меня.

— А хоть бы и такъ! — дерзко заявляетъ неукротимая блондинка. — Торговали бы лучше сигарами.

— M-elle Шульцъ... я уже сказалъ вамъ, чтобы вы уходили!

— Отдайте жалованье!

— Жалованье, жалованье! — раздается изъ всѣхъ кулисъ.

Директоръ безпомощно глядитъ вокругъ себя. Въ нѣкоторомъ отдаленіи стоитъ Эрнэ Эрнести въ костюмѣ амура, облокотясь на бартонную колонну, не принимая участія въ общемъ спорѣ. На нее накинута директоръ.

— Во всемъ вы виноваты... одна вы, Эрнести.. Вы оставили меня въ трудную минуту.

Эрнэ величественно смотритъ на него.

— Не угодно ли вамъ обращаться ко мнѣ вѣжливо, милостивый государь.

— Да... еще бы... въ такой аристократѣ... — язвитъ директоръ. — Вы обѣщали мнѣ денегъ...

— Принцесса изъ Мулакского переулка... — ворчитъ себѣ подъ носъ блондинка.

— Что лошадь Парсенова погибла сегодня на скачкахъ въ Шарлоттенбургѣ, — сердито говоритъ Эрнэ, — извѣстно изъ вечернихъ газетъ всякому...

— Что мнѣ за дѣло до лошади?... — кричитъ во все горло директоръ.

— Вы, можетъ быть, неграмотный? — выйдя изъ себя, говоритъ актриса. — Мнѣ это не разъ приходило въ голову!

Директоръ ничего не отвѣчаетъ. Онъ величественно обращается къ режиссеру:

— Велите завтра утромъ отобрать у г-жи Эрнести роль въ новой пьесѣ... я передаю ее... передаю ее... его взоръ неувѣренно блуждаетъ кругомъ... m-elle Кетъ Краузь.

Краузь такъ испугалась своего счастья, что не въ состояніи вымолвить слова и молча стоитъ, не двигаясь съ мѣста.

— Гдѣ вы будете играть пьесу, г-нъ директоръ, — спрашиваетъ Эрнести, въ свою очередь смертельно перепугавшаяся, — въ Дальдорфѣ или на Плэцензее?

Директоръ вспыхиваетъ. Подымается невообразимый гвалтъ. Но въ эту минуту изъ зрительнаго зала проникаютъ несомнѣнные знаки неудовольствія. Раздается стукъ и шарканье тысячи ногъ, крики, свистки... и вдругъ снова звуки оркестра. Капельмейстеръ рѣшилъ повторить вальсъ. Все затихаетъ. Нѣсколько минутъ выиграно. Надо употребить ихъ съ пользой.

— Г-нъ директоръ... — поспѣшно докладываетъ прибѣжавшій капельдинеръ... — графъ здѣсь... въ ложѣ бенуара, съ лѣвой стороны...

— Кто... графъ Парсеновъ?

— Конечно... я же его знаю...

Директоръ бросаетъ взглядъ на Эрнести, которая все еще стоитъ, прислонясь къ картонной колоннѣ, и осторожно, чтобы не стереть бѣлилъ, вытираетъ выступившія отъ злости слезы. Онъ раскаивается въ своей рѣзкости. Да... послѣ такого скандала ее нельзя простить...

Была не была, онъ напишетъ прямо графу! Семи смертямъ не бывать... Быстро вынимаетъ онъ визитную карточку и царапаетъ на оборотѣ убѣдительную просьбу, по неотложнымъ дѣламъ поговорить съ графомъ въ коридорѣ.

Балетныя танцовщицы окружили его и съ любопытствомъ смотрятъ, какъ онъ отсылаетъ капельдинера съ письмомъ.

Между тѣмъ къ театру съ громомъ подкатила коляска, запряженная орловскими рысаками. Быстро подскочилъ къ экипажу швейцаръ и помогъ важному посѣтителю выйти; тотъ съ утомленным видомъ направился къ своей ложѣ. Едва сѣлъ онъ на мѣсто и взялъ

бинокль, какъ поднялся снова и направился къ ложѣ бенуара съ лѣвой стороны, гдѣ замѣтилъ майора Дёбеляна.

Сдѣлать визитъ побуждаетъ г-на ванъ-Лоока не столько вѣжливость по отношенію къ кліенту, ввѣрившему его банкирской конторѣ огромное состояніе, сколько любопытство взглянуть поближе на Гильду. Тѣмъ болѣе, что позади хорошенькой женщины онъ увидалъ всѣмъ извѣстнаго графа Парсенова.

Старый господинъ шумно привѣтствуетъ его.

— Вотъ, дитя мое, — говоритъ онъ дочери, — г-нъ ванъ-Лоокъ, твой банкиръ, хранящій твое состояніе. Онъ еще сегодня говорилъ что твои бумаги слѣдовало бы перемѣнить...

— Я вамъ очень благодарна, — говоритъ нѣсколько смущенно м-ме фонъ-Бранекъ. — Но я сама ничего не понимаю въ дѣлахъ.

— Ничего не понимаете въ дѣлахъ, — говоритъ ванъ-Лоокъ мягкимъ усталымъ голосомъ, присаживаясь на кресло — я пользуюсь случаемъ, чтобы лично представиться вамъ... сегодня, теряя вечеръ въ театрѣ, я много выигрываю.

— Развѣ вы не театраль? — спрашиваетъ майоръ.

— Я долженъ имъ быть, — равнодушно отвѣчаетъ банкиръ, — если нашъ братъ не покажется въ одинъ вечеръ, по меньшей мѣрѣ, въ трехъ мѣстахъ, у него на слѣдующее утро вынуть половину вѣладовъ.

— Развѣ вамъ это не безразлично, если всѣ вѣлады цѣлы? — говоритъ лейтенантъ.

— Уважаемый лейтенантъ, — голосъ банкира становится рѣзкимъ, — такое недовѣріе никому не можетъ быть пріятно, и всего менѣе дѣловому человѣку. Мы должны считаться съ довѣріемъ своихъ кліентовъ и съ той минуты, какъ мы его теряемъ...

— Но, милѣйшій г-нъ Лоокъ, — весело прерываетъ его майоръ, — это было бы совсѣмъ плохо. Всѣ мы прекрасно знаемъ, что въ вашихъ рукахъ... но скажите, ради Бога... почему не начинаютъ пьесу?

— Не знаю, — отвѣчаетъ банкиръ и произвольно поворачивается къ Парсенову... — графу это должно быть, лучше извѣстно...

— Поймите... слышенъ голосъ графа въ глубинѣ ложи, гдѣ онъ стоитъ передъ капелъдинеромъ, безшумно вошедшимъ въ ложу, — я не желаю говорить съ директоромъ ни теперь, ни позже...

— Въ чемъ дѣло? — всѣ съ любопытствомъ оборачиваются.

— Спектакль, вѣроятно, не состоится, — смущенно отвѣчаетъ графъ... — на сценѣ недоразумѣнія.

— Боже мой! — почему?

— Служащіе требуютъ жалованья... а денегъ, повидимому, нѣтъ. Не ѣхать - ли домой? — Какъ бы не вышло чего -нибудь хуже!

— Ахъ, бѣдные люди...—съ содроганіемъ говоритъ Гильда. Майоръ въ негодованіи.

— Вотъ вамъ вашъ Берлинъ. Въ Помераніи никогда не отиѣняли ни одного балета и не портили человѣку вечера!—Это заявленіе удовлетворяетъ его.

— Боже мой, г-нъ графъ! — капельдинеръ обращается, между тѣмъ, къ банкиру, котораго знаетъ въ лицо.

— Нѣтъ ли съ вами немного денегъ... подумайте только, какой позоръ, какое посрамленіе! Людишки насъ погубятъ, если имъ не вышвырнуть денегъ.

Банкиръ обводитъ холоднымъ, равнодушнымъ взоромъ ожидающую спектакля публику. Стоитъ ли хлопотать объ этой толпѣ? Хотя, съ другой стороны, пріятно разыграть роль провидѣнія въ этомъ мірѣ. Кстати, Парсеновъ и Дѣбелънъ будутъ свидѣтелями его великодушія. Онъ съ рѣшительнымъ видомъ обращается къ капельдинеру.

— Проводи меня къ директору.

— Пожалуйте... пожалуйста, — предупредительно отворяетъ онъ маленькую, желѣзную дверку, ведущую на сцену... не оступитесь... двѣ ступеньки... такъ... теперь направо...

Банкира охватилъ знакомый воздухъ кулисъ, — смѣсъ пыли и плѣсени, газа и человѣческаго пота. Тонкія, пестро раскрашенные, боковыя кулисы, дрожащія при малѣйшемъ движеніи, широкая полотняная задняя кулиса, перебрѣщенная драпками, картонные кусты и другіе аксессуары... все это ему давно знакомо. Не менѣе знакомы и человѣческія фигуры, попадающіяся въ разныхъ мѣстахъ: мальчижи, дѣти, съ подведенными глазами и нарумяненными лицами, безстрастно, какъ манекены, стоящія по мѣстамъ.

Минуту спустя передъ нимъ появляется директоръ и судорожно сжимаетъ ему руку.

Несчастный тотчасъ же узналъ извѣстнаго въ большомъ свѣтѣ банкира и рѣшился воспользоваться случаемъ.

Заикаясь, сталъ онъ излагать положеніе дѣлъ. Но ванъ-Лоогъ перебилъ его короткимъ вопросомъ:

— Сколько?

Думать некогда. — Только три тысячи марокъ, — быстро бормочетъ директоръ и съ надеждой глядитъ на банкира.

— Три тысячи марокъ?... Кушъ не маленький, — банкиръ недо-

волью смотреть на рампу, гдѣ за проволокой сіяетъ рядъ огней. Какъ поступить? Уйти неловко. Торговаться неприлично. Остается покориться.

— Потомъ напишете расписку, — онъ небрежно вынимаетъ изъ бумажника билетъ въ три тысячи.

Деньги, деньги!... облетаетъ волшебное слово всѣ закоулки. Набѣленные лица оживляются, хористки откладываютъ въ сторону вязанье, рабочіе плюютъ въ кулаки, приготовляясь передвигать кулисы, директоръ моментально перерождается. Онъ выпрямился во весь ростъ, голосъ зазвучалъ властно.

— Ну, ну... поскорѣе... поняли! Начинать. Въ антрактѣ расплата... дайте знакъ...

Колокольчикъ звенить и пока занавѣсъ медленно подымается вверхъ, раздаются звуки оркестра. Шумъ въ публикѣ утихаетъ. Веселое ах! оглашаетъ партеръ при видѣ эффектной декораціи.

Скрипки поютъ, ноги въ трико носятся по сценѣ, звонкіе женскіе голоса издаютъ нѣжные, ласкающіе звуки. Все идетъ своимъ чередомъ.

Съ холодной усмѣшкой смотреть ванъ-Лоокъ изъ боковой кулисы на сцену, гдѣ передъ нимъ кривляясь прыгаютъ пестрыя фигуры, а по ту сторону оркестра вытянулись неподвижные, точно окаменѣлые ряды зрителей въ темномъ партерѣ. Директоръ ушелъ къ хозяину пивной, чтобы размѣнять крупные билеты на мелочь.

Сначала зрѣлище забавляло банкира, потомъ ему стало скучно. Онъ повернулся, чтобы уйти со сцены и увидалъ возлѣ себя Эрнести, которая должна была появляться на сценѣ только къ концу первой картины. Прошло нѣсколько секундъ, прежде чѣмъ онъ узналъ въ стройной, одѣтой почти только въ трико, газъ и мишурѣ актрисѣ, изящную фигуру, привлекавшую общее вниманіе на скачкахъ. Къ голымъ плечамъ Эрны прикрѣплены легкія, газовыя крылышки, съ лѣвой стороны виситъ на золотомъ снуркѣ болчанъ со стрѣлами, въ правой рукѣ лукъ, которымъ она отъ скуки ударяетъ себя по ногамъ. Ея шелковый корсажъ шуршитъ и скрипитъ при каждомъ движеніи. Густые волосы, закрученные въ греческій узелъ, проколотый стрѣлкой, отливаютъ золотомъ. На красивомъ лицѣ лежитъ слой пудры и бѣлилъ.

«Какъ можно себя такъ уродовать?» — думаетъ ванъ-Лоокъ, вглядываясь въ нее. Намазанное коль-де-кремомъ, разгоряченное лицо, насурмленные брови, подведенные глаза, красные мазки на подбородкѣ и вискахъ, бѣлыя точки на срединѣ нарумяненныхъ щекъ, пудра на плечахъ, шеѣ и рукахъ — все это очень некрасиво

вблизи. Зато короткій костюмъ подчеркиваетъ красивое сложеніе актрисы. А банкиръ знатокъ въ такого рода дѣлахъ. Если бы не Парсеновъ, онъ давно завязалъ бы сношенія съ Эрнести, но неприятная и всѣмъ хорошо извѣстная способность графа попадать на двадцати шагахъ въ карту, заставляетъ его держаться въ почтительномъ разстояніи. Однако теперь можно воспользоваться случаемъ... не даромъ же отдалъ онъ три тысячи марокъ.

— Здравствуйте, mademoiselle!—съ серьезнымъ, вѣжливымъ поклономъ подошелъ ванъ-Лоокъ къ скучающему купидону.

— Ахъ!... это вы!—Эрна въ высшей степени любезно раскланивается съ нимъ и протягиваетъ руку.

— Гдѣ вы пропадаете?... васъ совсѣмъ не видать...

— Дѣла, mademoiselle.

— Дѣла ваши, повидимому, идутъ не плохо,—говоритъ Эрнести, дѣлая головой знакъ по направленію къ сценѣ... если вы выкидываете три тысячи марокъ...

— Я сдѣлалъ это ради васъ.

— Ради меня?... благодарю покорно. Безъ васъ мы не начали бы спектакля. Я сидѣла бы теперь уютно дома, вмѣсто того чтобы бродить здѣсь изъ угла въ уголъ и наживать насморкъ... во имя искусства!—Хорошо искусство!—ворчить артистка. Иногда подвліяніемъ неприятностей, какъ сегодня, она вдается въ пессимизмъ,—хороша жизнь... торчатъ цѣлый вечеръ около пыльных кулисъ и забавляютъ глупую толпу... и въ довершеніе блаженства...—ея мысли принимаютъ другой оборотъ, лицо дѣлается гнѣвнымъ... знаете ли, вообще, что здѣсь происходитъ... что за человѣкъ этотъ директоръ... онъ хочетъ отнять у меня новую роль... мою прелестную новую роль... и отдать ее Краузь... этому злощастному существу... еще сегодня утромъ я дала гадинѣ двадцать марокъ, а то бы она подохла съ голоду... и вотъ благодарность...

— Роль останется за вами, mademoiselle,—серьезно заявляетъ банкиръ.—Положитесь на меня!

— Правда?—Эрна съ усмѣшкой глядитъ на него,—это было бы очень мило съ вашей стороны!... — Затѣмъ, вздыхая, прибавляетъ:—на свѣтѣ такъ мало радостей!

— Чего же смотреть Парсеновъ?

— Ахъ, Парсеновъ!—Эрнести сердито передергиваетъ набѣленными плечиками. Она хочетъ еще что-то прибавить, но слѣва къ ней подходитъ режиссеръ въ войлочныхъ туфляхъ:—Пора, пожалуйста на сцену.

— Ахъ, да,—вздыхаетъ актриса и обращается къ ванъ-Лоо-

бу, — теперь я должна идти въ летательный снарядъ, чтобы спуститься сверху на сцену. Вы знаете... заключительный апофеозъ. Мнѣ всегда такъ страшно, что вся исторія оборвется... хотя машинистъ и божится, что ничего не можетъ случиться... но... до свиданья!

Съ этими словами она накидываетъ на плечи пелерину изъ лебяжьего пуху на голубой шелковой подкладкѣ и поднимается наверхъ. Вскорѣ раздается звонокъ. Начинается апофеозъ: сцена вся сіяетъ бенгальскими огнями, оркестръ играетъ тушъ, а сверху, окруженный сіяніемъ, спускается амуръ съ плутовской улыбкой и натягиваетъ лукъ, прицѣливаясь въ пеструю толпу на сценѣ.

Громъ аплодисментовъ оглашаетъ зрительный залъ; занавѣсъ нѣсколько разъ падаетъ и снова подымается, чтобы открыть передъ глазами публики картину, пока, наконецъ, все стихаетъ и зрители направляются въ антрактъ внизъ, въ пивной ресторанъ.

Въ зрительномъ залѣ остается немного народу: по большей части публика ложь. Сцена также опустѣла. Двѣ-три балерины стоятъ передъ занавѣсомъ и смотрятъ въ отверстія. Одна сообщаетъ шепотомъ подругѣ, что «онъ» въ залѣ и чувствуетъ при этомъ, что кто-то безцеремонно отодвинулъ ее въ сторону. Оглянувшись, она видитъ Эрнести, которая, безъ малѣйшей церемоніи, наклоняется къ отверстию. У танцовщицы вертится на языкѣ дерзкое слово, но она не хочетъ связываться съ Эрнести и, пожавъ плечами, отходить прочь.

— Что съ вами? — спрашиваетъ ванъ - Лоокъ, подходя къ актрисѣ.

Но его не удостоиваютъ отвѣта. Эрна, какъ заколдованная, смотреть, не отрывая глазъ, направо... на ложу бенуара, и краска злости заливаетъ ее лицо подъ бѣлилами. Вотъ что! Очаровательная картина... Спереди майоръ и Куртъ обсуждаютъ что-то на афишѣ, а въ глубинѣ... не видныя переднимъ и двумъ-тремъ зрителямъ партера, Парсеновъ и незнакомая дама. Они сидятъ рука въ руку, онъ что-то нашептываетъ, склоняясь къ ее уху. Она молча смотреть впередъ, а на губахъ у нея играетъ счастливая улыбка. Не можетъ быть сомнѣнія... женихъ съ невѣстой или на пути къ тому!

— Кто эта дама въ вашей ложѣ, м-г ванъ-Лоокъ?—рѣзкимъ голосомъ спрашиваетъ Эрна, оборачиваясь.

— Въ бенуарѣ?... Это м-ше фонъ-Бранекъ.

— Замужняя?

— Вдова!

— Богата?

— Очень!

— А!

Губы Эрны скривились въ ироническую улыбку. Она смотритъ на банкира, и оба вдругъ начинаютъ улыбаться. Ванъ-Лоокъ чувствуетъ, что такимъ моментомъ надо пользоваться.

— Я съ удовольствіемъ посѣтилъ бы васъ какъ-нибудь и разсказалъ вамъ на этотъ счетъ кое-что любопытное,—неувѣренно говоритъ онъ,—но не знаю...

— Пріѣзжайте поскорѣе!

Она протягиваетъ ему маленькую ручку.

— Благодарю васъ. Значить, до свиданія!

— До свиданія!

Какъ человѣкъ осторожный, банкиръ, возвратясь въ ложу, отзываетъ Парсенова въ уголъ.

— Сейчасъ былъ на сценѣ. Разговаривалъ съ m-me Эрнести. Она что-то недовольна вами.

— Возможное дѣло!

— Скажите, пожалуйста,—ванъ-Лоокъ понижаетъ голосъ,—простите мой вопросъ, въ какихъ вы отношеніяхъ съ актрисой?

— Съ завтрашняго дня все кончено, мнѣ предстоитъ серьезное дѣло.

— Tant mieux pour moi!

— Поздравляю васъ! — съ ироническимъ рукопожатіемъ оканчиваетъ графъ разговоръ.

Между тѣмъ за кулисами директоръ уплатилъ жалованье. Всѣ сіяютъ. Въ мірѣ картона, холста и трико царитъ праздничное настроеніе. Всюду звенятъ деньги. Никто не думаетъ, откуда онѣ взялись. Нѣкоторые ничего не знаютъ о несчастіи Парсенова и среди балетныхъ подростковъ, пожилыхъ хористовъ и рабочихъ все еще повторяется имя «Сатаниллы».

Недолго будутъ его помнить. Далеко на краю западнаго Берлина ѣдетъ тяжелый фургонъ, направляясь къ живодернѣ. Три лошадиныя ноги неуклюже торчатъ изъ повозки, четвертая свѣсилась внизъ. Вчера еще благородное животное было зѣницей ока своего хозяина, гордостью конюшенъ, надеждою тысячи людей. Какъ скоро позабудутъ прелестное животное, послѣ того, какъ оно попадетъ въ руки живодера и его помощниковъ... почти такъ же, какъ забываютъ человѣка...

Н. Н.

(Продолженіе слѣдуетъ).

*
* * *

Мнѣ грустно, милый другъ. Весенній день угасъ,
Съ окрестныхъ темныхъ горъ все ниже сходятъ тѣни.
Густѣютъ сумерки. Подходить ночи часъ, часъ мирный
отдыха и лѣни.

Но мысль тревожная не хочетъ задремать,
Не въ силахъ отдохнуть, не въ силахъ позабыться.
Мнѣ хочется въ тебѣ, мнѣ хочется сказать,
Что я тебя люблю... мнѣ хочется молиться
За счастье твое, за жизнь твою... за нихъ,
За этихъ двухъ дѣтей съ пытливыми очами,
Что мирно снютъ теперь... Христось да будетъ съ вами
И сонъ вашъ радостенъ и тихъ.

Мих. Жемчужниковъ.

ОКОЛО ГОСПОДЪ *).

Повѣсть.

XVI.

Мысль о женѣ не давала покоя Адаму. Домой въ Вихры ему не удавалось попасть, потому что стояло самое охотничье время и господа наѣзжали часто. Когда кончилась охота «по черноступу», начались облавы. Особеннаго дѣла не было, а уйти нельзя.

— Что, братъ, видно самъ простъ да привязанъ хвостъ, — подшучивалъ надъ Адамомъ черномазый «цыганъ». — Такое ужъ наше охотничье положеніе...

Разъ только баринъ Чадовъ вызвалъ Адама письмомъ въ городъ. Опять дѣла никакого не было, а просто со скуки барину захотѣлось поговорить объ охотѣ: сколько куропачьихъ выводковъ, сколько тетеревиныхъ, не видать ли лисьихъ слѣдовъ и т. д. Къ удивленію Адама, Анна Ивановна отнеслась къ нему почти враждебно и даже не дала поѣсть, хотя Адамъ просидѣлъ въ кухнѣ нѣсколько часовъ и видѣлъ, сколько всякаго добра варилось, пеклось и жарилось. Хорошо, что кухарка Маланья одобрилась и сунула ему потихоньку остатки какого-то вчерашняго пирога.

— Поди, скушно безъ жены-то, Адамка? — участливо спросила она.

— Вотъ какъ скушно, Маланья... Кажется, все брошу и уйду домой.

— Идти-то тебѣ, горюнь, не къ чему. Домъ-то у тебя, какъ разбитый горшокъ... Надо обзаводиться новымъ. Ужо, около господъ, сколотишься деньжонками.

Чадовъ разговаривалъ съ Адамомъ у себя въ кабинетъ, лежа

*) *Русская Мысль*, кн. III, 1900 г.

на диванъ. Адамъ стоялъ у двери, повертывая въ рукахъ шапку, которая точно помогала ему говорить.

— Ну, такъ какъ, Адамъ... — тянулъ Чадовъ, не зная, что бы еще спросить.

— Какъ прикажете, Палъ Игнатичъ...

— А ты хорошо стрѣляешь, Адамъ?

— А не случилось... Главная причина — ружья нѣтъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь у тебя нѣтъ ружья.

Чадовъ поднялся, снялъ со стѣны бельгійскую двустволку и, оглядываясь на дверь, проговорилъ:

— Это я тебѣ подарю... да... Только, чтобъ Анна Ивановна ничего не знала. Понимаешь? Учись пока стрѣлять... Можетъ быть, на медвѣдя придется идти, а ты ружья въ руки не умѣешь взять. Ты боишься медвѣдя?

— А чего мнѣ его бояться, когда я его въ глаза не видалъ.

— Совершенно вѣрно. А ты медвѣдя прямо въ лобъ...

— Прямо въ лобъ, Палъ Игнатичъ...

— Ты нарисуй медвѣдя на стѣнѣ избы и жарь въ него пулей.

Чадовъ прочиталъ цѣлую лекцію, какъ нужно держать ружье, цѣлиться, спускать курокъ и заставилъ продѣлывать Адама разные охотничьи артикулы, причемъ Адамъ огорчалъ его каждый разъ, когда спускалъ курокъ, потому что зажмуривалъ глаза. Последнее раздражало Чадова, и онъ началъ брехать на Адама тонкимъ голосомъ.

— Какой ты охотникъ, Адамъ? Ты хуже бабы... Ну, еще разъ: разъ... два... три!... Опять, негодяй, глаза зажмурилъ?!... Ну, еще...

Анна Ивановна застала ихъ за этимъ скромнымъ занятіемъ и, остановившись въ дверяхъ, только покачала головой.

— Неужели вамъ не надоѣла эта дурацкая комедія? — сказала она строго мужу.

Но Чадовъ уже вошелъ въ ражъ и заговорилъ совсѣмъ тонкимъ бабьимъ голосомъ:

— Анюта, пойми: жму-ритъ глаза... а? Вотъ возьми ружье и попробуй...

— Этого еще не доставало, Павелъ Игнатичъ... Довольно. Мнѣ противно со стороны смотрѣть и Адама жалъ. Испортится онъ окончательно на вашей охотѣ. Какой онъ сейчасъ человекъ? — ни мужикъ, ни баринъ, а такъ и будетъ болтаться цѣлый вѣкъ около ничего. Вѣдь такъ, Адамъ?

— Это вы правильно, Анна Ивановна... — заговорилъ Адамъ,

набираясь смѣлости. — Совсѣмъ даже и не человѣкъ... У настоящаго человѣка и земля, и скотина, и разное обзаведенье.

— Вѣдь не вѣкъ же ты будешь егеремъ, Адамъ?

Адамъ переминался съ ноги на ногу, вертя шапку.

— Я считаю всѣхъ егереѣ дармоѣдами, — быстро заговорила Анна Ивановна, начиная раздражаться. — Не работаютъ, живутъ подачками, подлаживаются къ господамъ... Фу, какая гадость!

— Я, барыня, безпремѣнно лошадь куплю и буду на станцію господъ возить...

— А гдѣ денегъ на лошадь возьмешь?

— Не знаю...

Шапка Адама завертѣлась съ особенной быстротой, перегоняя его мысли.

— Что же, это хорошо, купить лошадь, — вступился Чадовъ. — Какъ ты думаешь, вѣдь я бы могъ тебѣ купить лошадь, Адамъ? И экипажъ, и сбрую... Ну, всего какихъ-нибудь полтора ста рублей.

— Даже очень просто, Палъ Игнатичъ... Человѣкомъ бы сдѣлали на всю жисть.

— Я и самъ думалъ объ этомъ, Адамъ... Могу и не могу. Деньги для меня не велики, а какъ-то нехорошо. Ну, съ какой стати я тебѣ отвалю такой капиталъ? Никакого резона нѣтъ... Самъ же потомъ посмѣялся бы надо мной... «Вотъ, дескать, попался шалый баринъ, у котораго и деньги-то шалыя». Вѣдь подумалъ бы?

— Послушай, это уже истязаніе, — по-французски замѣтила Анна Ивановна и прибавила по-русски: — Ну, отправляйся, Адамъ, домой... Довольно глупостей.

Когда Адамъ выходилъ изъ кабинета, Чадовъ крикнулъ ему вслѣдъ:

— Главное — не жмурься, когда спускаешь урюкъ. Это самое главное въ жизни...

Кухарка Маланья не утерпѣла и догнала Адама уже на лѣстницѣ.

— Это тебѣ баринъ ружье подарилъ? И барынѣ наказывалъ ничего не говорить? Вотъ-вотъ... Добрѣющій у насъ баринъ. А лошадь тебѣ не покупаетъ? Лучше бы лошадь вмѣсто ружья подарилъ... Оно, вѣдь, на худой конецъ, рубликовъ пятьдесятъ дадено.

Кухарка Маланья, кажется, знала все на свѣтѣ, хотя и не выходила изъ своей кухни. Адамъ стоялъ передъ ней съ ружьемъ въ рукахъ и не зналъ, что ему отвѣтить пробойной питерской кухаркѣ. Маланья сдѣлалось его жалъ и она заговорила:

— Ахъ, горюнь, горюнь... А хочешь научу, какъ добыть лошадь? Вѣрно тебѣ говорю... Хоша и баба кругомъ, а понимать могу

вполнѣ. Ты-то вотъ сидишь у себя на бордонѣ, да мухъ ловишь, а другіе вотъ какъ стараются...

— Господскую дичь воруютъ? Знаемъ...

— Это само собой, у хлѣба не безъ крохъ. А вотъ вашъ кабатчикъ Оомка раза по два на недѣлѣ гоняетъ въ городъ и эту самую рыбу привозитъ, которую господа больше всего уважаютъ. Ну, какъ ее зовутъ-то?

— Ну, форель... Слыхали.

— То-то, слыхали. А твой Оомка разѣ самъ пойдетъ воровать рыбу? Нѣ-ѣтъ, не таковскій, чтобы спину подставлять... Ваши же егеря воруютъ да ему и сдаютъ, и всѣ таятся другъ отъ дружки. Да... Я-то ужъ все поневолѣ должна знать, потому какъ я варю для господъ эту рыбину. Другая рублей семь стѣдитъ...

— А ежели рыбные сторожа изъ ружей стрѣляютъ? А поймать, сейчасъ къ мировому и на высидеу...

— А ты не попадайся, миленькій. Рѣчка-то, сказываютъ, мелкая, а ночи бываютъ темныя—гдѣ тутъ поймать живого человѣка? Какъ наживешь лошадь, тогда и воровать не зачѣмъ будетъ, а не пойманъ — не воръ. Послушайся, Адамушка, моихъ-то бабьихъ словъ.

Адамъ былъ совершенно пораженъ. Бабьи слова попали въ самое больное мѣсто.

XVII.

Къ себѣ на кордонъ Адамъ вернулся въ такомъ веселомъ настроеніи, что строгій егеръ Софронъ Поликарпычъ только покачалъ головой.

— Хлѣбнулъ въ городѣ, богомолецъ?—спросилъ онъ.

— Ни-ни, Софронъ Поликарпычъ,—оправдывался, ухмыляясь, Адамъ.—Ни капельки... Вотъ баринъ ружье подарилъ. Ужъ такое ружье—прямо на медвѣдя...

Старшій егеръ презрительно смѣрилъ Адама съ ногъ до головы и только проворчалъ съвозъ зубы:

— Нечего сказать, похожъ на медвѣжатника, какъ свинья на пятиалтынный... У чадовскихъ-то денегъ давно глазъ нѣту.

Подарокъ Адама возбудилъ и зависть, и негодованіе всѣхъ егерей, причѣмъ всѣ считали своимъ долгомъ обругать его и хаяли на всѣ корки ружье.

— Онъ, Палъ-то Игнатичъ, только хотѣлъ посмѣяться надъ тобой: ружье на рябчиковъ, а онъ тебя на медвѣдя съ нимъ посы-

лаеть. На медвѣдя-то съ штуцеромъ ходять, значить, цволъ въ въ середкѣ нарѣзной, а у тебя цволы гладкіе, для дроби. Заряди-ка пулей—сразу разорветъ, да еще тебѣ полскулы отхватить по пути.

Но всѣ эти шутки и ругань не производили на Адама никакого впечатлѣнія, потому что еще дорѣдой онъ сообразилъ, что ружье можно продать, по крайней мѣрѣ, рублей за двадцать. Вотъ тебѣ половина лошади и готова... Да, ружье—пустяки, а вотъ бабьи Маланьины слова-то главное. Сейчасъ для Адама совершенно все было ясно и все такъ просто. Ежели бы не Маланья, такъ и остался бы дуракомъ. Адамъ долго не могъ заснуть въ эту ночь и, лежа съ открытыми глазами, все улыбался. Онъ даже подсчиталъ, сколько рыбинъ надо будетъ ему поймать,—ну, этакъ штукъ съ пятьдесятъ. Вотъ тебѣ и вся лошадь. Да штукъ тридцать на экипажъ. Вихры стояли на томъ же Ордежѣ, и Адамъ сызмальства умѣлъ добывать рыбу и удочкой, и на подольники, и мерешкой. Конечно, мерешкой всего лучше—съ вечера закинулъ, а утромъ получай.

— А егерішки какіе подлецы,—ругался про себя Адамъ, прислушиваясь, какъ храпѣлъ на полу «цыганъ». —Сами воруютъ, а мнѣ бы хоть одно словечко...

По пути Адамъ припомнилъ, какъ кабатчикъ Өомба обхаживалъ его, а до настоящаго не договорился. Ходить кругомъ, да около... Конечно, оно не совсѣмъ хорошо воровать господскую дичь и даже грѣшно, только для господъ все это занятіе одно баловство, а ему спасенье. И Дарью бы выписалъ... Сперва бы она пожила пока въ Горкахъ, ну, а потомъ и на Сиверскую бы переѣхали. Временами у Адама являлась смутная мужицкая тоска, что все это легкое житье, безъ настоящей крестьянской работы, какъ будто даже совсѣмъ пустяки, и онъ припоминалъ крутыя слова дѣдушки Андроныча, который ругалъ отбившихся отъ крестьянской работы мужиковъ. Дѣдушка Андронычъ являлся сейчасъ какимъ-то укоромъ, и Адамъ впередъ оправдывался передъ нимъ. Что же, не всѣмъ же землю пахать да сѣно ставить, надо кому-нибудь и господъ со станціи возить.

Проснувшись утромъ, Адамъ сообразилъ, что сдѣлалъ вчера глупость—былъ въ городѣ и на пути не купилъ мерешки. Онъ отправился въ Горки къ Өомбѣ. Тотъ съ перваго слова его понималъ, не сталъ ни о чемъ спрашивать, а далъ мерешку и проговорилъ:

— Какъ-нибудь сосчитаемся... А только я ничего не знаю и никакой мерешки тебѣ не продавалъ.

Всѣ кабатчики умные, какъ замѣчалъ Адамъ и раньше, а Өомба, пожалуй, и Маланья носъ утретъ. Безъ слова все понимаетъ. Поло-

жимъ, мерезжа была старая, и нужно было ее чинить, зато безъ денегъ взята. Къ себѣ на кордонъ Адамъ не понесъ эту снасть, чтобы не выдавать себя, а спряталъ ее въ лѣсу. Теперь нужно было вызнать все по части рыбы, которая водилась въ самомъ верховьѣ Ордежа, гдѣ рѣка выбивалась изъ-подъ земли тысячами «ройниковъ», т.-е. выбуривала студеными влючиками, не замерзавшими и зимой. Мѣсто было болотистое, непривѣтливое. Засѣвшая въ самомъ истогѣ деревушка Зарѣчье тоже не отличалась красотой. Земли было мало, крестьяне перебивались кое-какъ. Конечно, рыба была подъ носомъ, но ловить ее нельзя,—сторожа знали на перечетъ всѣхъ мужиковъ и впередъ могли сказать, кто подверженъ «художеству» по части запретной рыбы.

Для отвода глазъ Адамъ прикинулся, что ему нужно положить заплатку на прорванный сапогъ.

— А въ Горбахъ не стало у васъ сапожника?—накинулся на него какой-то большебородый мужикъ.

— Да у нашего сапожника рука болить,—совралъ Адамъ.

— Такъ, такъ, знаемъ мы васъ, хахалей. Не бойсь, на облавы такъ изъ Горокъ берете ребятъ, а сапоги лѣзешь чинить къ намъ.

Оглядевъ Адама съ ногъ до головы, ядовитый мужикъ неожиданно прибавилъ:

— Да ты, парень, не рыбу ли пришелъ воровать къ намъ? Смотри, какъ разъ дробью закусишь... У насъ сторожа-то на это самое простоваты.

Сапожникъ оказался неразговорчивымъ, но Адама выручилъ его подмастерье, у котораго болѣла съ похмѣлья голова. Онъ догналъ Адама въ сѣняхъ и шепнулъ:

— А ты уже приходи ко мнѣ, такъ мы вмѣстѣ такую уху поймемъ, чертямъ будетъ тошно. Меня-то сторожа знаютъ и близко къ рѣкѣ не подпускать, а ты человѣкъ чужой. Я буду стоять на караулѣ, а ты въ это время орудуй съ мерезжкой. Одному-то ничего не подѣлать...

Для перваго знакомства Адамъ купилъ новому пріятелю полбутылки водки. Его звали Антономъ. Раньше онъ жилъ не хуже другихъ, но помаленьку «потерялъ себя» у кабацкой стойки и тащилъ въ кабакъ все, что только можно. Однимъ словомъ, пропацій человѣкъ...

По уговору они выбрали зимній день потеплѣе. Ворамъ, дуракамъ, пьянымъ и дѣтямъ, какъ извѣстно, сопутствуетъ счастье. Ночь выдалась темная, съ легкимъ свѣжбомъ. Егеря часто уходили по ночамъ осматривать свою дачу, и Адамъ воспользовался этимъ

предлогомъ. Отъ кордона до Зарѣчья было около двухъ часовъ ходу, и онъ постучалъ въ окно проваленной избенки Антона часа въ три ночи.

— Въ самый разъ! — похвалилъ Антонъ, впуская гостя. — Сейчасъ самый крѣпкій второй сонъ. Сторожа-то на рѣкѣ вотъ какъ спать... Ну, дай Богъ.

Антонъ повелъ пріятеля не улицей, а гдѣ-то огородами, потомъ перешли мостъ и побрели бѣрегомъ рѣки прямо по снѣгу. Антонъ нѣсколько разъ останавливался, прислушиваясь къ доносившемуся изъ деревни собачьему лаю. Благодаря сыпавшемуся снѣгу, ничего не видно было въ двухъ шагахъ. Не покрытая льдомъ рѣка казалась совсѣмъ черной.

— Вонъ подъ тѣмъ деревомъ есть омутокъ, — шепотомъ объяснялъ Антонъ. — По зимамъ рыба тамъ и стоитъ. Она сейчасъ смиренная, хотъ прямо руками бери... Ты орудуй, а я буду караулить. Чуть што — я свисну, ну, тогда только убирай ноги.

Адаму случилось по зимамъ не разъ спускаться въ проруби, когда бабы мочили льны, и онъ смѣло направился къ омуту. Закинуть сѣть около омута было дѣломъ нѣсколькихъ минутъ. Адамъ зналъ, что спугнутая сонная рыба пойдетъ вверхъ по рѣкѣ, противъ струи, и его расчетъ оправдался. Вода не показалась ему отъ волненія даже холодной. По дрожавшей въ рукѣ веревкѣ онъ почувствовалъ, что добыча попалась изрядная. Дѣйствительно, въ мережкѣ запуталось цѣлыхъ шесть форелей, вѣсившихъ вмѣстѣ больше пуда. Антонъ запрыгалъ отъ восторга. Домой они вернулись бѣгомъ. У Адама стучали зубы.

— Ухъ, студяно! — повторялъ онъ, подпрыгивая.

— Ничего, согрѣмся. Ёмка отвалить уже цѣлый красный билетъ...

Дома Адамъ переодѣлся во все сухое. Роспили цѣлую бутылку водки и сварили похлебку изъ корюшки. Адамъ долго не могъ согрѣться и потомъ на него напалъ страхъ. А вдругъ рыбаки-сторожа придутъ и накроютъ прямо съ личнымъ? Захмѣлѣвшій Антонъ только хохоталъ.

— Нѣ-тъ, теперь, братъ, шабашъ, — повторялъ онъ. — Главная причина, снѣжкомъ-то всѣ слѣды затрусить... Ха-ха! Тамъ есть одинъ вредный старичонко, тотъ унюхаетъ...

Кабатчикъ Ёмка, дѣйствительно, далъ за рыбу десять рублей, и Адаму ужасно было жалъ отдавать половину Антону.

XVIII.

Первый успѣхъ совершенно опьянилъ Адама. Въ какую-нибудь недѣлю онъ заработалъ около двадцати рублей,—сумма по его ариѳметикѣ громадная. Лиха бѣда заключалась въ томъ, что приходилось барыши дѣлить съ пьянчужой Антономъ. Правда, Адамъ, продавая рыбу Оомкѣ, самымъ безсовѣстнымъ образомъ обсчитывалъ своего сотрудника, но все-таки было жаль напрасно травить деньги. Жадность въ Адамѣ все разрасталась, и онъ скоро дошелъ до того, что началъ платить Антону прямо водкой, причемъ разбавлялъ послѣднюю водой чуть не на половину. Работать одному было немыслимо, особенно зимой, когда прямо изъ воды пришлось бы всему мокрому бѣжать до Горокъ верстъ семь. Всѣ надежды Адама были теперь на лѣтнее время.

Рыбные сторожа въ свою очередь тоже не дремали. По слѣдамъ на снѣгу они видѣли, что кто-то воруетъ рыбу и устраивали засады, но ловкій воръ точно чуялъ носомъ ихъ коварство и увертывался изъ подъ носа самымъ дерзкимъ образомъ. По приѣмамъ воровства сторожа видѣли, что это не своя зарѣчинская работа, гдѣ всѣ воры были на перечетъ, а что воръ навязался со стороны. Одинъ воръ, конечно, не Богъ знаетъ сколько выкрадетъ рыбы, но было задѣто самолюбіе. Въ одно прекрасное утро на кордонѣ появился тотъ самый «вредный старичонко», о которомъ предупреждалъ Антонъ. Его звали Спиридономъ Косымъ. Старикъ дружилъ съ Софрономъ Поликарпычемъ и завернулъ къ нему побаловаться чайкомъ.

Адамъ сразу сообразилъ, зачѣмъ пожаловалъ «вредный старичонко» и подслушалъ часть разговора.

— А это у васъ что за сахаръ?—спрашивалъ Косой, прихлебывая горячій чай съ блюдечка.—Что-то раньше не видать было...

— Чадовъ приспособилъ,—пренебрежительно отвѣчалъ Софронъ Поликарпычъ, вздыхая.—Такъ, никчемный человѣкъ... Лодырь.

— Такъ, такъ...

Старики пили чай въ отдѣльной каморкѣ старшаго егеря, и Адамъ могъ подслушать только часть разговора, который подъ конецъ перешелъ почти въ шепотъ. Косой, очевидно, на что-то жаловался.

— Не ладно у насъ, Софронъ Поликарпычъ... Воръ объявился и совсѣмъ даже отчаянный.

— Мало ли у васъ въ Зарѣчьи своихъ воровъ?

— Нѣтъ, это не та работа. Мы ужъ своихъ-то вызнали до тонкости, а этотъ какой-то безстрашный... Только какъ не издохнетъ въ ледяной водѣ. Прямо человѣкъ на отчаянность идетъ и себя не жалѣетъ...

— У хлѣба не безъ крохъ, — уклончиво отвѣчалъ Софронъ Поликарпычъ, сообразившій, куда гнетъ Косой.

— Ну, а у васъ какъ?

— А ничего, все въ аккуратѣ... Вотъ облавы начнемъ. Что-то нынче господа мало наѣзжаютъ. Сѣрыхъ куропатокъ много, два бозьихъ слѣда намедни видѣлъ, а зайца уйма. Хоть руками лови...

Когда Косой уходилъ домой, Адамъ проводилъ его глазами до поворота лѣсной дорожки и подумалъ:

— Проваливай, Косой... Не вамъ Адама поймать, полоротымъ. Ишь, какъ подвинулъ хвостъ, старый колдунъ.

«Вредный старичонко» въ свою очередь думалъ о томъ, что некому воровать рыбу, кромѣ вотъ этого самаго Адамки Богомольца. Такой ужъ у него вороватый видъ. Эхъ, поймать бы да поучить хорошенько, чтобы и другимъ было не повадно...

Адамъ и самъ рѣшилъ оставить пока свой промыселъ. Пусть сторожа караулятъ вчерашній день. Къ тому же начались настоящіе зимніе морозы, и стали наѣзжать господа на облавы. Последняя господская забава не понравилась Адаму, какъ самое пустое дѣло. Этакая важность зайцевъ гонять... Чадовъ пріѣзжалъ обыкновенно съ «адамовой головой» и привозилъ другихъ пріятелей — Хереса, Ершова и барина, который въ газетахъ ругается. Народъ былъ все веселый; и послѣ облавы устраивался охотничій ужинъ, причемъ господа напивались, ввали напропалую и шутили другъ надъ другомъ. Павелъ Игнатичъ хохоталъ своимъ тоненькимъ голоскомъ и повторялъ:

— Охъ, умили, отцы!... На выставку бы васъ куда-нибудь...

Особенно потѣшалъ всѣхъ Ершовъ, который къ каждому слову прибавлялъ: о! и всѣ находили это необыкновенно смѣшнымъ. Чадовъ теперь не обращалъ на Адама никакого вниманія, точно его и на свѣтѣ не существовало. Адамъ боялся, какъ бы онъ не спросилъ про ружье, но Чадовъ, повидимому, совсѣмъ и забылъ о своемъ подаркѣ. Учиться стрѣлять въ цѣль Адамъ, конечно, и не думалъ.

Другіе егеря относились къ облавамъ равнодушно, какъ и Адамъ. Всѣ разговоры въ свободное время сводились на медвѣжью охоту. Это была безконечная тема, и всѣ знали массу интересныхъ слу-

чаевъ. Лучше всѣхъ рассказывалъ «цыганъ», который изъ какаго-то мистическаго уваженія называлъ медвѣдя звѣремъ и увѣрялъ, что онъ поумнѣе будетъ всякаго человѣка.

— Ужъ онъ знаетъ все, — рассказывалъ «цыганъ». — Ты еще не успѣлъ подумать, а ужъ онъ учуялъ...

Выходило почти такъ, что медвѣдь позволяетъ себя убивать только изъ вѣжливости.

Адамъ скоро познакомился съ массой спеціально охотничьихъ выраженій: какъ лежитъ медвѣдь «на слуху», какъ «отсѣкаютъ кругъ» у берлоги, какъ гонять медвѣдя въ пятую, и т. д. Всѣ эти подробности его ужасно интересовали, тѣмъ болѣе, что егерю, который находилъ медвѣжью берлогу, полагалась особенная награда.

— Только ты лучше и не ищи, — предостерегалъ его «цыганъ». — Только время напрасно потеряешь. У насъ по этой части Кулайне мастеръ, потому какъ такое слово знаетъ. Они всѣ чухны по этой части мастероваты...

Дѣйствительно, въ декабрѣ на кордонъ пришелъ чухонецъ Кулайне и объявилъ, что «она лежитъ», — онъ называлъ медвѣдя *она*. Это извѣстіе заставило всѣхъ встрепунуться. Значить, будетъ настоящая пожива. Медвѣжья облава штука не изъ дешевыхъ. Однихъ «кричанъ» нужно было поставить человѣкъ тридцать. Кричанами называются мужики, которыхъ ставятъ съ трехъ сторонъ берлоги и обязанность которыхъ заключается въ томъ, что они должны кричать все время. Каждый такой загонщикъ вооруженъ толстой дубиной. Четвертая, подвѣтренная сторона предоставляется охотникамъ, на которыхъ кричане стараются выгнать звѣря. Кричане и охотники составляютъ кругъ, оцѣпляющій берлогу, и «отсѣчь» его составляетъ не малое искусство со стороны главнаго егеря.

Всѣ егеря страшно волновались, а больше всѣхъ Адамъ, которому приходилось участвовать въ медвѣжьей облавѣ еще въ первый разъ. вмѣстѣ съ «цыганомъ» онъ ходилъ осматривать берлогу, которая была устроена въ глухой еловой чащѣ.

— Вѣдь вотъ сколько разъ по этому самому мѣсту хаживалъ, — ропталъ «цыганъ», — и слѣдъ медвѣжьей какъ-то видѣлъ, а поискать берлогу не хватило толку.

— И у меня тоже... — прибавилъ Адамъ.

— Обои мы чухна глаза отвелъ, вотъ и только...

На облаву пріѣхалъ Чадовъ съ своими пріятелями да еще два офицера. Всѣ были разодѣты какими-то гороховыми шутами, какъ требовалъ охотничій этикетъ: бѣлыя тужурки на мѣху, бѣлыя

шапки, какіе-то бѣлые балахоны, оленьи сапоги и т. д. Получался настоящій охотничій маскарадъ, только безъ обычнаго охотничьяго балагурства. Охотники держались серьезно, какъ заговорщики.

— Не хорошо, господа трусятъ, — шепнулъ Адаму «цыганъ». — А все отъ перваго выстрѣла зависить: какъ промахнуть по звѣрю, онъ безпремѣнно уйдетъ. Вся надежда на Палъ Игнатича...

День выдался теплый, съ легкимъ снѣжкомъ. Охотники шли на лыжахъ. Адамъ несъ ружье Павла Игнатича и рогатину. Последняя его интересовала особенно, потому что стояла сорокъ рублей, и Адамъ никакъ не могъ понять, за что только господа деньги платятъ. Чадовъ скоро усталъ и нѣсколько разъ садился отдыхать.

— А ты учился стрѣлять, Адамъ? — вспомнилъ онъ.

— Въ лучшемъ видѣ, Палъ Игнатичъ... — совралъ Адамъ безъ малѣйшей запинки. — Каждый разъ прямешенько въ лобъ попадалъ...

Когда уже подходили къ номеру, на который Софронъ Поликарпычъ поставилъ Чадова, послѣдній обратился еще разъ свое вниманіе на болтавшееся за спиной Адама ружье. Оно оказалось незаряженнымъ.

— Да ты, негодяй, съ ума сошелъ?!... — вспылилъ Чадовъ. — Идешь съ голыми руками на медвѣдя...

Адамъ только чесалъ въ затылкѣ. Полученные отъ Чадова патроны онъ разрядилъ, а вынутый изъ нихъ порохъ и дробь продалъ Булайне.

— Ахъ, негодяй, негодяй!... — ругался Чадовъ.

«Цыганъ», боявшійся, чтобы медвѣдь не ушелъ подранкомъ, выбралъ Чадову самое лучшее мѣсто, «на пятъ», чего другіе охотники не могли знать. Адамъ остался около Чадова съ рогатиной въ рукахъ и шепотомъ сообщилъ:

— А я его, звѣря, рогатиной прямо по лбу такъ благословлю...

— Ахъ, негодяй, негодяй! — шипѣлъ Чадовъ и даже толкнулъ Адама булакомъ въ бокъ.

Адамъ отопталъ снѣгъ для барина, прислонилъ лыжи къ соснѣ, у которой онѣ стояли, и подрубилъ нѣсколько сучковъ, чтобы Чадову виднѣе была небольшая узкая полянка, на которую долженъ былъ выйти звѣрь. Кругъ былъ отсѣченъ и наступила тяжелая пауза. Адамъ замеръ.

— Закрой ротъ, негодяй! — шипѣлъ Чадовъ. — Ахъ, ты, ворона!

Софронъ Поликарпычъ подалъ условный сигналъ, и загонщики подняли страшный крикъ.

У берлоги оставались Кулайне и «цыганъ». Они длинными жердями тыкали въ «лазъ». Послышалось отвѣтное ворчанье, и нѣсколько разъ въ лазу показывалась лобастая медвѣжья голова.

— Матерый звѣрина...—опредѣлили «цыганъ».

Въ этотъ моментъ громадный медвѣдь выскочилъ изъ берлоги и трусцой побѣжалъ прямо на загонщиковъ. По усиленному крику загонщиковъ Чадовъ понялъ, что звѣрь обходить кругъ и высматриваетъ, гдѣ лучше прорваться. Это значило, что медвѣдь старый и опытный, молодые бѣгутъ отъ крика и выходятъ прямо на линію охотниковъ.

— Смотри, Адамъ, не робѣй,—предупреждалъ Чадовъ.—Попался старикъ и съ нимъ будетъ много хлопотъ.

Медвѣдя пришлось ждать долго, почти цѣлый часъ. Онъ обошелъ всю облаву раза три, высматривая мѣсто, гдѣ бы прорваться. Иногда онъ останавливался и нюхалъ воздухъ. Видно, онъ больше всего боялся окружавшей берлогу чащары, гдѣ могли укрыться охотники.

Звѣрь вышелъ на охотниковъ въ томъ моментъ, когда его меньше всего ожидали. Адамъ видѣлъ, какъ Чадовъ быстро прицѣлился, грянулъ выстрѣлъ и что-то страшно зарычало почти надъ самымъ ухомъ. Второй выстрѣлъ, и Адамъ видѣлъ только, какъ что-то громадное бросилось на Павла Игнатьича, точно бросили шубу. Не отдавая себѣ отчета что дѣлаетъ, Адамъ бросился на медвѣдя и всадилъ ему рогатину въ бокъ. Звѣрь страшно взревѣлъ и бросился на него, стараясь вырвать рогатину.

— Нѣтъ, постой... ты, постой... куда прешь?!—оралъ Адамъ, налегая на рогатину всѣмъ тѣломъ.

Воспользовавшись этимъ моментомъ, Чадовъ успѣлъ заложить новый патронъ и выстрѣлилъ медвѣдю прямо въ ухо. Громадный звѣрь такъ и рухнулъ, какъ подкошенный.

XIX.

Передъ Рождествомъ Адамъ объявился у себя въ Вихрахъ. Онъ былъ въ охотничьей мѣховой тужуркѣ, въ оленьихъ охотничьихъ сапогахъ, въ оленьей шапкѣ съ ушами и съ ружьемъ. Теща Матрена такъ и ахнула, когда увидѣла зятя въ такомъ нарядѣ, но сразу сообразила въ чемъ дѣло, и сказала:

— Это тебя Палъ Игнатиъ нарядилъ, Адамъ?

— Онъ самый.

Костюмъ былъ Адаму не въ пору, но всѣ ему завидовали.

Адамъ привезъ всей роднѣ дешевыхъ подарковъ: бабамъ платковъ и ситцу, мужикамъ — кому опояску, кому рукавицы. Брату жены, маленькому Петру, онъ привезъ новую шапку, что особенно тронуло Дарью.

— Видно, недавно разбогатѣлъ, что швыряешь деньгами-то, — замѣтилъ дѣдушка Андронычъ, разсматривая дареную опояску.

— Ничего, дѣдушка, на нашъ вѣкъ хватить, — хвастливо отвѣчалъ Адамъ. — Не съ деньгами жить, а съ добрыми людьми.

Дарья была счастлива до слезъ. Подарки ее заняли меньше всѣхъ, и она только смотрѣла на мужа счастливыми, влюбленными глазами. Вечеромъ, когда всѣ улеглись спать, Адамъ досталъ изъ кармана кошелекъ и показалъ женѣ сторублевую бумажку. Дарья ничего не понимала.

— Сотельный билетъ, глупая, — объяснилъ Адамъ. — Понимаешь: цѣлая лошадь въ сбруѣ. Вотъ оно куда пошло.

Это открытіе даже испугало Дарью, и она со страхомъ посмотрѣла на мужа. Адамъ понялъ нѣмой вопросъ и объяснилъ:

— Ты думаешь, я укралъ деньги? Нѣ-ѣтъ, братъ, Палъ Игнатичъ подарилъ, когда я его изъ-подъ медвѣдя вызволилъ... Сейчас же добылъ деньги изъ кармашка: на, получай, Адамъ. Я ему жистъ ухранилъ супротивъ медвѣдя... «Цыганъ»-то бѣжить, руками машетъ: ай-ай! ой-ой! Баринъ Ершовъ тоже бѣжить... «Цыганъ» на грѣхъ еще упалъ, снѣгъ потому глубокой... Ну, а я медвѣдя какъ поддѣну въ богъ рогатиной... Барыня Анна Ивановна даже поцѣловала меня и всю одежду подарила. Раньше-то ругалась, а тутъ плачетъ.

Дарья тоже плакала, хотя и не понимала, въ чемъ дѣло, кромѣ того, что и богатые господа даромъ не платятъ по сту рублей. Ей гораздо понятнѣе было то, что изъ Вихровъ она переѣдетъ въ Горки, причемъ съ бабьей проницательностью сейчас же выбрала квартиру у Кулайне, а не у кабатчика Оуми.

Появленіе Адама въ Вихрахъ, конечно, произвело нѣкоторую сенсацию. И его охотничій костюмъ, и дареное ружье, и подарки, — все обсуждалось односельчанами на тысячу ладовъ. Особенно старались сосѣди, какъ Парфенъ съ Митревной.

— Адамкѣ-то Богъ счастья послалъ, — явила Митревна. — И раньше дешево покупалъ, да только домой не доносилъ, а тутъ на, получайте подарочки... Видно, хозяина въ лавкѣ не было, когда покупалъ

Въ сущности говоря, всѣ вихровскіе мужики завидовали Адаму,

который попалъ на легкій хлѣбъ. Къ нему заходили самые степенные мужики и говорили:

— Ну, что, Адамушка, устроился? Мы-то вотъ тутъ по зимамъ матушку-рѣнку поемъ, а ты свой пропиталъ получаешь... Оченно даже превосходно, ежели кто привѣсится около настоящихъ господъ.

Въ деревнѣ тайнъ нѣтъ, и поэтому всѣ знали, что Адамъ увозить жену на Сиверскую. Самые проникательные мужики говорили даже о томъ, какую лошадь Адамъ купить. Своего-то, даденаго родителемъ овра не поведетъ, конечно. Подробно обсуждали, какой экипажъ себѣ купить Адамъ на Сиверской, какъ онъ легко, вообще, заживетъ, и т. д. Молчалъ одинъ дѣдушка Андроничъ. Адамъ нѣсколько разъ заводилъ съ нимъ разговоръ, но бесполезно. Старикъ, видимо, крѣпился, пока, по-стариковски, не разрѣшился сразу.

— Оченно даже хорошо, Адамушко, — говорилъ старикъ съ обычною ядовитостью. — На что лучше: выплылъ на свѣжую воду, какъ дикій гусь... Свое-то все горькое показалось. Тебѣ бы въ самый разъ бариномъ быть.

Старикъ всегда отличался ядовитостью, но тутъ Адама задѣло за живое.

— Дѣдушко, я никому дурного ничего не дѣлаю, — замѣтилъ Адамъ.

— А про себя-то забылъ, милый? Сегодня Палъ Игнатищъ, завтра Палъ Игнатищъ, послѣзавтра Палъ Игнатищъ — а потомъ-то что? И вышелъ ты ни къ шубѣ рукавъ... Охвасталъ себя подарками, а настоящего - то и нѣтъ... Ну - ка, укулушни баринъ настоящего крестьянина, когда у него земля и все хозяйство по-настоящему? Вотъ то-то и оно-то.

Адамъ промолчалъ на дѣдушину обиду. Какую ему землю отецъ выдѣлилъ? Разъ около такой земли можно воспитываться да еще съ семьей? Съ другой стороны, Адамъ чувствовалъ, что все-таки дѣдушка правъ.

Какъ-то онъ заманилъ старика къ себѣ въ избушку, выставилъ водочки, заказалъ яичницу — вообще, хотѣлъ ублаготворить старичка. Дѣдушка Андроничъ отъ угощенья не отказался, выпилъ рюмочки три, а потомъ и отвѣсилъ:

— Адамъ, а вѣдь ты воръ.

— Какъ воръ, дѣдушка?

— А такъ... Кругомъ воръ, какъ тебя ни поверни. Въ легкую жисть ушелъ... Каковское это дѣло, чтобы медвѣдей ловить? Для господъ подражаешь, да еще съ господами въ мѣстяхъ и пропадешь? Э, меня-то ты не проведешь... Опояской хотѣлъ купить? Нѣтъ, еще

молодь, материно молоко на губахъ не обсохло... Дикія-то господскія денежки и мы видали, даже очень видали, только онѣ не къ числу... Какъ прошли, такъ и ушли. Можешь ты это самое дѣло понимать?

— А у чего я здѣсь-то буду жить, дѣдушка? Землишку мнѣ плохую отвели, избы нѣтъ, лошадь—только одно названье, что лошадь.

Адамъ не понималъ хорошенько, почему такъ дѣдушка злобится на него. Вонъ отецъ Евсей молчитъ и братъ Николай тоже. Мать Агаѣя все присматривалась къ Адаму, точно старалась по лицу вызнать, что у него на душѣ, а потомъ какъ-то расплакалась и начала кричать:

— Жалости въ тебѣ нѣтъ никакой, Адамка... Хоть бы ты матери-то четвертной билетъ подарилъ. Жена-то все рукавомъ растрясаетъ, а мать надо и пожалѣть... Гдѣ старухѣ взять.

Дѣла Агаѣи, послѣ выдѣла Адама, дѣйствительно были плохи. Прежде Адамъ отдавалъ ей всѣ деньги, заработанные на станціи, а солдатъ Николай и не думалъ.

— У меня, мамынька, свое собственное семейство,—коротко объяснилъ онъ.—А васъ долженъ воспитывать вашъ собственный супругъ...

Для пущей ядовитости солдатъ Николай говорилъ матери «вы», чѣмъ изводилъ ее до слезъ. Съ Адамомъ онъ былъ изысканно вѣжливъ и называлъ его Адамомъ Евсеичемъ.

— Для чего тебѣ ружье, Адамъ Евсеичъ? Вѣдь ты и стрѣлять не умѣешь... А солдату оно было бы въ самую пору. Вещь, можно сказать, самая военная.

Это ружье засѣло въ головѣ солдата клиномъ, но Адамъ не хотѣлъ его дарить, ссылаясь на то, что егерю нельзя безъ ружья да и Павелъ Игнатичъ можетъ спросить, гдѣ ружье.

Всѣ эти родственные подходы и вымогательства не привели ни къ чему. Адамъ и не думалъ раскошеляться. Не вступался одинъ Евсей, и Адаму почему-то дѣлалось жаль старика.

У себя дома Адамъ больше всего занимался съ своей дочерью Енавой, которая сильно выросла и начинала понимать кое-что.

— А мы лошадку купимъ, Наѣка,—говорилъ Адамъ, подбывая дѣвочку къ потолку.—Хочешь лошадку? И телѣжку купимъ... Будемъ господъ возить, а господа намъ будутъ денежки платить.

Переѣздъ Адама съ семьей печалилъ только старую Матрену,

которая оставалась съ своей разваливавшейся избенкой и малышомъ Петрунькой. Старуха потихоньку плакала по ночамъ и просила у Бога смерти.

XX.

Адамъ не представлялъ себѣ, какъ трудно разставаться съ роднымъ гнѣздомъ. Еще съ вечера старуха-теща навела на него тоску своими причитаньями. Она провожала Дарью точно на смерть. А тутъ еще ввязалась мать Агаѣя, когда узнала, что Адамъ отдалъ и лошадь и телѣгу тещѣ, и начала требовать обратно. Матрена и Агаѣя сцѣпились прямо на улицѣ, доставляя даровую потѣху всѣмъ соседямъ.

— Я его прокляну, змѣеныша! — кричала Агаѣя. — Онъ хочетъ посмѣяться надъ родной матерью...

Остальные всѣ хранили молчаніе и не вступались. На станцію повезъ отецъ Евсей, что тоже не понравилось Агаѣѣ, и она по пути обругала мужа.

— Подладиться хочешь къ сынку? Въ кучера поступилъ къ нему на старости лѣтъ...

У Адама отлегло на душѣ, только когда они выѣхали за околицу. Всѣ молчали. Евсей сидѣлъ на облучкѣ и тяжело вздыхалъ. Дарья потихоньку вытирала слезы. Разговорились только на станціи, гдѣ Адамъ угостилъ отца водкой и пивомъ.

— А ты не слушай бабъ, Адамъ, — говорилъ старикъ. — Не каждое лыбо въ строку. Извѣстно, бабы... Пока что, поживешь въ егеряхъ, а потомъ видно будетъ. На Сиверской-то по лѣтамъ много господъ наѣзжаетъ, жить можно, ежели лошадь и телѣжка...

— Приѣзжай, родитель, на святкахъ въ гости, — приглашалъ Адамъ, продолжая жалѣть отца. — Вотъ какъ угощу...

— Ужо приѣду... — соглашался Евсей. — А ты, Адамъ, того... мало ли што бабы болтають... Бабѣ сердце расходится, такъ и не уймешь. Агаѣя-то, вѣдь, тебѣ родная мать, ну, и того... Тоже и дѣдушка, онъ правильно... А того не понимаетъ, што не всякому быть крестьяниномъ. Не таковскія времена... Ну-ка, заработай крестьянствомъ тѣ же три цалковыхъ. День шесть, не разгибаючись, проработаешь за три-то рубля, а тутъ единымъ часомъ получилъ. Всякому это даже очень любопытно...

Евсей не успѣлъ высказать все, какъ бы этого хотѣлъ, но Адамъ отлично его понималъ. Въ этомъ простомъ разговорѣ происходила одна изъ тѣхъ житейскихъ драмъ, которыя рѣшаютъ всю жизнь человѣка. Адамъ навсегда прощался съ своимъ крестьян-

ствомъ, и его смутно томила тоска именно по этой настоящей крестьянской жизни, о которой всегда говорилъ дѣдушка Андроничъ. Егерство не Богъ знаетъ какое сладкое житье, но, благодаря ему, можно было выбиться въ люди.

Они, не заѣзжая на кордонъ, проѣхали прямо въ Горки и остановились у чухонца Кулайне. Это было первое путешествіе въ жизни Дарьи, и она радовалась и боялась въ одно и то же время. Квартира помѣщалась въ задней избѣ и состояла, конечно, всего изъ одной комнаты. Дарья сразу вошла въ роль хозяйки и, не отдыхая съ дороги, принялась чистить, мыть и скрести. Маленькая Енаа долго присматривалась къ новой обстановкѣ и кончила тѣмъ, что разревѣлась.

— Бабушку вспомнила, — объяснила Дарья, глядя на мужа виноватыми глазами. — Ничего, приобыкнетъ понемногу...

На кордонѣ положеніе Адама послѣ медвѣжьей облавы сразу измѣнилось. Конечно, человѣку счастье повезло, что звѣрь подмялъ барина, а все-таки и Адамъ ловко запустилъ рогатину.

— Посмотрѣть, такъ дуракъ дуракомъ, — ругался Софронъ Поликарпычъ, обиженный успѣхомъ Адама. — А тутъ откуда прыть взялась... Кабы не Адамко, такъ Палъ Игнатичу карачунъ. «Цыгану» бы не добѣжать въ-время...

Однимъ словомъ, Адамъ вошелъ въ егерскую семью полноправнымъ членомъ и почувствовалъ себя на кордонѣ дома. Случай съ Чадовымъ попалъ даже въ газеты, и пріѣзжавшіе на охоту господа заставляли Адама десятки разъ рассказывать, какъ вышло дѣло.

— А ты не испугался? — спрашивали его.

— Чего пугаться: вижу, звѣрь навалился на Палъ Игнатича, ну, я его въ бокъ рогатиной. Ну, онъ на меня... башкой вертитъ... пѣна изо рта идетъ...

Всѣхъ больше была довольна, конечно, Анна Ивановна, которая нарочно вызвала Адама въ городъ и расцѣловала его. Адамъ рассчитывалъ, что она подаритъ ему деньжонокъ, но барыня подарила только охотничью одежду.

— Денегъ тебѣ Павелъ Игнатичъ далъ достаточно, — говорила Анна Ивановна. — Да и куда тебѣ деньги въ лѣсу? Вотъ перевозки поскорѣ жену, а то еще научишься пить. Всѣ егеря — пьяницы...

Анна Ивановна серьезно боялась за Адама, какъ бы онъ не испортился въ егерской средѣ, и рассчитывала на Дарью, какъ женщину простую, но разумную, которая поддержитъ немного простоватаго мужа. У нея составилъ цѣлый планъ, какъ устроить эту оригинальную «начинающую» семью.

Анна Ивановна чувствовала, что она должна что-то сдѣлать для семьи Адама и что между ея семьей и его семьей возникает какая-то странная связь. Въ самомъ дѣлѣ, не подвернись Адамъ съ своей рогатиной или растеряйся—Альфредъ остался бы сиротой. На этомъ послѣднемъ основаніи, по специально женской логикѣ, Анна Ивановна приняла особенное участіе въ судьбѣ маленькой Енаѣ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ странно складывается жизнь, и благодаря какимъ страннымъ случайностямъ происходятъ удивительнѣйшія комбинаціи. Не имѣй они дачи въ Вихрахъ, не будь романа Дарья, не въяжись въ это дѣло Павелъ Игнатьичъ по своей безхарактерной добротѣ и т. д., и т. д. По своему дѣятельному и энергичному характеру Анна Ивановна сосредоточила все вниманіе на маленькой Енаѣ, причемъ рѣшила использовать свои обязанности къ ней при посредствѣ Альфреда. Да, мальчикъ былъ уже въ своемъ критическомъ возрастѣ и долженъ былъ проявить себя въ этомъ дѣлѣ активно. Анна Ивановна всего меньше желала насиловать дѣтскую волю и повела дѣло окольными путями. Но, на ея горе, Альфредъ проявилъ полное равнодушіе ко всему случившемуся и рѣшительно ничего не понималъ.

— Ты помнишь, Альфредъ, маленькую дѣвочку, которую къ намъ на дачу приносила Дарья?

— Помню...

— Папа этой дѣвочки спасъ жизнь твоего папы. Понимаешь, что это значитъ?

— Нѣтъ...

Мать стремилась проявить въ дѣтской душѣ ту дѣятельную любовь, которая въ жизни составляетъ все, но душевный аппаратъ Альфреда работалъ такъ вяло, что ничего не получалось. Приходилось утѣшаться тѣмъ, что мальчикъ вступилъ въ тотъ неблагодарный дѣтскій возрастъ, когда получается перевѣсъ эгоизма. Оставалось выжидать время, когда дѣтская душа проснется.

Обдумывая разные средства и способы, какъ реализовать свои добрыя чувства по отношенію къ маленькой Енаѣ, Анна Ивановна наткнулась на неразрѣшимую социальную задачу. Для маленькой Енаѣ не было мѣста на пиру жизни... Кажется, чего бы проще взять ее къ себѣ и воспитать, но именно это-то и не было просто. Енаѣа-гимназистка, Енаѣа-курсистка, Енаѣа замужемъ за интеллигентнымъ человѣкомъ, — однимъ словомъ, Енаѣа навѣки оторванная отъ родной семьи, и еще вопросъ, болѣе ли счастливая, чѣмъ была бы дома. Главный вопросъ для корректной Анны Ивановны заключался въ томъ, имѣетъ ли она право вырывать

Енаѳу изъ ея семьи. Она предлагала этотъ вопросъ мужу, но тотъ пожималъ только плечами и несъ какую-то окоlescную.

— Я, матушка, плохой спеціалистъ по женскому вопросу, да и вообще въ нашемъ желѣзнодорожномъ мірѣ пока разработанъ основательно только вопросъ о француженкахъ, которыя кутятъ по отдѣльнымъ кабинетамъ.

— Какъ вамъ не стыдно говорить такія глупости... — возмущалась Анна Ивановна.

— Что же дѣлать... Старъ я сталъ по женскому вопросу.

Можно было бы, конечно, воспитать Енаѳу въ другомъ направленіи, т.-е. сдѣлать изъ нея бѣлую кухарку, барскую горничную, бѣлошвейку. Но вѣдь это значило уже прямо погубить дѣвочку, втолкнувъ ее въ тотъ міръ служащихъ женщинъ, которыя навсегда оторваны отъ родного угла, и вся жизнь которыхъ теряетъ всякій самостоятельный смыслъ, приурочиваясь къ требовательному барскому обиходу. Въ концѣ концовъ получался такой выводъ, что лучше простой вихровской бабы ничего не придумать...

Перебирая всѣ эти возможности и комбинаціи, Анна Ивановна невольно оглядывалась на собственную жизнь и приходила къ заключенію, что хорошаго въ ней рѣшительно ничего не было. Въ сущности, даже вспоминать не о чемъ, а такъ какъ-то шель одинъ день за другимъ.

XXI.

Благодаря Дарьѣ, жизнь Адама пошла совсѣмъ по новому. Она иногда приходила на кордонъ и что-нибудь починивала егерямъ. Особенно хорошо къ ней относился «цыганъ». Онъ мастерилъ игрушки Енаѳъ и вообще сразу вошелъ въ роль друга дома. Изрѣдка онъ приходилъ въ Горки и былъ счастливъ, что можетъ поѣсть настоящихъ щей, настоящего домашняго хлѣба и запить ѣду домашнимъ квасомъ. Когда пріѣзжали охотники, Дарья готовила ужинъ и вообще прислуживала по своему бабьему дѣлу.

Адамъ время отъ времени воровалъ рыбу, но скрывалъ это отъ жены. Только разъ ночью онъ вернулся весь въ крови и страшно напугалъ Дарью.

— Ничего, пустяки... — оправдывался онъ. — Это меня Спирька Косой угостилъ. Чуть не съ версту за мной гнался, а потомъ какъ запалить мнѣ прямо въ спину.

Дарьѣ пришлось выковыривать изъ спины мужа около десятка дробинокъ. На его счастье, благодаря полущубку, дробь застряла не

глубоко, и особенныхъ послѣдствій не было. Дарья узнала, что мужъ воруетъ рыбу, и сильно плакала.

— О чемъ ты, глупая, ревешь?—не понималъ Адамъ.—Спина заживетъ, а Спирьку Косого я вотъ какъ еще самъ произведу...

— Да я не о томъ...—хныкала Дарья.—Какая же это жисть, ежели надо воровать. Сегодня укралъ, завтра укралъ, а тамъ и поймають...

— Ну, это еще старуха надвое сказала, поймать-то... А что касемо воровства, такъ вѣдь всѣ воруютъ. Правдой вѣкъ не проживешь, а я не украду — другой украдетъ. Да это и не воровство, ежели разобрать по настоящему. Рыбка-то Божья...

Дарья все-таки не понимала и продолжала хныкать. Это непониманіе даже разсердило Адама. Баба такъ баба и есть, ничего ей въ башку не вобьешь.

— Боюсь я до смерти...—повторяла Дарья.—Ужъ лучше уйти отсюда. Вѣдь есть деньги на лошадь, проживемъ какъ-нибудь... Будешь господъ возить.

— Маловато денегъ-то, Дарья, а то бы я и самъ бросилъ. Потерпи маленько...

Адаму было и стыдно передъ женой, и обидно, что она ничего не понимаетъ своимъ бабьимъ умомъ. Ужъ, кажется, чего проще, а баба уперлась, какъ коза, и ничего не хочетъ понимать. У Адама даже являлось желаніе побить жену, какъ учать бабъ другіе мужики.

О покункѣ лошади разговоры велись давно, и Адамъ прицѣнивался къ каждой лошади, которую видѣлъ. Лошадь являлась чѣмъ-то вродѣ недосягаемой мечты, да и Дарья видѣла все спасеніе въ лошади. Какой же мужикъ безъ лошади? Чтобы растравить жену, Адамъ иногда говорилъ:

— Ну, хорошо, ну, будетъ лошадь, а все-таки безъ обмана и съ лошадью не проживешь. Посадишь непонимающаго барина и бери съ него, что хочешь. Разѣ это не воровство? Бабы господъ обманываютъ и молокомъ, и яйцами, и грибами—музыка одна. Господскія-то денежки нескитанныя... Можетъ даже ему, барину, лучше, ежели онъ въ другой разъ и переплатить. Я его обманулъ, а ему на спасеніе души зачтется.

— А совѣсть?

Адамъ только хохоталъ. Какая тутъ совѣсть?... Развѣ у господъ есть совѣсть? Тоже и скажетъ Дарья... Это дѣдушка Андроничъ про совѣсть-то любить говорить. Въ прежнія времена, дѣйствительно, сказываютъ, что была эта самая совѣсть и даже очень, а какъ пошли вездѣ господа—все, какъ языкомъ слизнуло.

— А вотъ накажетъ тебя Богъ, Адамка, такъ и узнаешь тогда, какая совѣсть-то бываетъ.

Но и этотъ резонъ не подѣйствовалъ на Адама.

— Очень даже хорошо понимаемъ, что касаетъ Бога, — старался онъ что-то объяснить, путаясь въ словахъ. — Такъ вѣдь Богъ-то не для меня одного. Ежели Богъ найдетъ, такъ всё кругомъ виноваты, а господа-то побольше насъ... Будь у меня деньги, разѣ я пошелъ бы воровать? А по нуждѣ и Богъ простить...

Въ сущности, у Адама достаточно было денегъ, но его охватила жажда наживы. Еще бы этакъ сотенный билетъ сколотить — оно бы въ лучшемъ видѣ. Потомъ и егерская служба ему нравилась. Все-таки не мужикъ вахлакъ, а вродѣ чиновника. Адамъ постепенно привыкалъ къ охотничьему бездѣлю, къ барскимъ подачкамъ и вообще легкому житью. Браконьерство являлось уже въ видѣ спорта.

— Господа охотятся, ну, и мы тѣнь подъ нихъ наводимъ, — объяснялъ Адамъ женѣ. — Меня Палъ Игнатищъ какъ-то спрашивалъ насчетъ дичины и только пальчикомъ погрозилъ... Только одно нехорошо, что у насъ въ членахъ теперь объявился мировой изъ Гатчины. Буде что влопаешься, къ нему потащатъ судиться... Знакомый баринъ, ну, оно какъ будто и совѣстно, когда подумаешь. «Ахъ, это ты, богомолецъ... Не хорошо, милый другъ, воровать чужую рыбу».

Господа были подѣлены между егерями и почему-то назывались «предметами». У Адама главнымъ «предметомъ» былъ Павелъ Игнатищъ съ его пріятелями. Мировой судья достался «цыгану», который этимъ былъ крайне недоволенъ.

— Ну, этакого предмета знакомому чорту подарить, такъ и назадъ отдать, — ворчалъ онъ. — Вотъ у меня раньше было два предмета: одинъ штатскій генералъ, а другой въ томъ родѣ, какъ около полковника. Очень сосредоточенно себя держали и меньше рублевки на водку не давали... Тоже былъ одинъ адвокатъ. Тотъ по трешницѣ дарилъ, ежели потрафить. Главное — надо умѣть уважить характеръ.

Охотничій сезонъ заканчивался тягой вальдшнеповъ, и только потомъ господа иногда пріѣзжали пострѣлять селезней, когда утки разсѣлись по гнѣздамъ, да линялыхъ косачей по чашарѣ. До половины іюля оставалось время совсѣмъ свободное, и кромѣ жалованья никакого заработка не было. Именно въ это свободное время Адамъ опять и занялся ловлей форели, причемъ, точно Дарья напрооричила, сразу и попался въ лапы Спиридона Косого. Сторожа отняли,

конечно, пойманную рыбу, пребольно избили и составили протоколъ. Когда Адамъ предсталъ предъ судьей, онъ взглянулъ на него, видимо узналъ и только поморщился. На первый разъ дѣло ограничилось штрафомъ въ пятнадцать рублей, причемъ судья предупредилъ, что, въ случаѣ повторенія преступленія, наказаніе будетъ увеличено.

— Я тебѣ говорила... — замѣтила Дарья, когда мужъ вернулся съ судбища, но онъ такъ толкнулъ ее въ бокъ, что она полетѣла въ уголъ.

— Ты еще у меня поговори, чортова кукла, — ругался Адамъ. — Накаркала, ворона.

Первая неудача, вмѣсто того, чтобы образумить Адама, послужила источникомъ для слѣдующихъ приключеній. Адамъ точно сбѣсился и пускался на отчаянность, чтобы только насолить Спирьгѣ Косому. Это уже было не простое воровство, а игра въ опасность. Адамъ кралъ рыбу подъ самымъ носомъ вреднаго старичонки. Разъ онъ выкинулъ такую штуку, что всѣ ахнули. Надѣлъ женинъ сарафанъ и среди бѣла дня наловилъ рыбы на глазахъ у всѣхъ. Кто же подумаетъ, что баба рѣшится на такую отчаянность.

Такъ прошло цѣлое лѣто въ самой отчаянной борьбѣ. Дарьѣ не разъ приходилось выковыривать дробь изъ мужниной спины. Зато его репутація, какъ отчаяннаго и безстрашнаго человѣка, утвердилась прочно. Даже Софронъ Поликарпычъ говорилъ:

— Да, у нашего Адамки два ума...

Однако, осенью Адамъ опять попалъ подъ протоколъ и опять заплатилъ штрафъ.

— Если вы, Адамъ Мореновъ, попадетесь въ третій разъ, то я васъ посажу на три мѣсяца въ тюрьму, — предупредилъ судья.

Теперь Адама уже трудно было запугать. Что же, три мѣсяца такъ три мѣсяца, а то штрафъ въ двадцать пять рублей. Не съ деньгами жить, а съ добрыми людьми.

Въ какой-нибудь годъ Адамъ сдѣлался неузнаваемымъ. У него, дѣйствительно, явился тотъ второй умъ, о которомъ говорилъ старшій егеръ.

Въ концѣ концовъ Адамъ, какъ говорится, доигрался. Дѣло было незадолго до Рождества. Стояли морозы, доходившіе до двадцати пяти градусовъ. Въ расчетъ, что сторожамъ и въ голову не придетъ мысль о возможности воровства рыбы въ такую погоду, Адамъ смѣло отправился на промыселъ. Ночь выдалась настоящая волчья. Въ водѣ казалось теплѣе, чѣмъ на воздухѣ. Адамъ наловилъ до десятка форелей, завязалъ рыбу въ свою мережку и только хотѣлъ вылѣзть

изъ воды, какъ съ берега слышался торжествующій голосъ Спирьки Косого.

— Ну-ка, выльзай, Адамушко... Студено тебѣ въ водѣ-то, а мы тебя согрѣемъ.

Адамъ совершенно растерялся и ничего не могъ отвѣтить вредному старичонкѣ. А на берегу собрались уже другіе сторожа. Принесли фонарь.

— Выходи, голубъ сизокрылый, — издѣвался Спирька Косой.

— А вотъ и не выйду, — неожиданно отвѣтилъ Адамъ, рѣшившійся дѣйствовать отчаянно. — Не выйду, и конецъ тому дѣлу.

— Не хвастай, идолъ.

При свѣтѣ фонаря можно было разсмотрѣть только одну голову Адама.

— Адамко безпутный, выходи, а то околѣешь...

— И околѣю, а вы за меня отвѣчать будете, ироды.

Сторожа были сконфужены героической рѣшимостью отчаяннаго Адама, постояли минутъ десять, поругались и ушли.

XXII.

Холодная ванна обошлась Адаму дорого. Сторожа выпустили его изъ воды и все-таки накрыли. Онъ защищался отчаянно и даже кусался, но сила ломить солому. Составленъ былъ протоколъ, рыба отобрана, и Адамъ вернулся домой избитый и продрогшій до костей.

Весь кардонъ ахнулъ, когда узнали, какую отчаянную штуку выкинулъ Адамъ. А онъ лежалъ у себя въ Горкахъ, охваченный страшнымъ жаромъ. Большую часть дня онъ въ состояніи безпамятства никого не узнавалъ и все бредилъ. Ему казалось, что сторожа преслѣдуютъ его по пятамъ и что Спирька Косой все цѣлится въ него изъ ружья. Бывали и свѣтлые промежутки, и въ одинъ изъ такихъ моментовъ Адамъ, къ своему удивленію, увидѣлъ стоявшую надъ нимъ Анну Ивановну. Она случайно узнала о болѣзни Адама и привезла изъ города собственнаго доктора. Дарья стояла у печки и говорила:

— Ужъ вы его, барыня, оставьте... не мучьте... Все равно: помретъ.

— И то помру, — спокойно соглашался Адамъ. — Дарья правильно говорить...

Докторъ, молодой еще человѣкъ, въ золотыхъ очкахъ, думалъ то-же самое, хотя, конечно, и бываютъ удивительные случаи въ медицинской практикѣ. Анна Ивановна была въ отчаяніи и умоляла

доктора спасти больного съ специально дамской логикой. Докторъ только пожималъ плечами. Да, конечно, бываютъ удивительные случаи и т. д.

— Будемъ бороться, — уклончиво отвѣчалъ онъ, чтобы сказать что-нибудь.

Анна Ивановна просидѣла въ Горкахъ дней пять и дождалась, когда кризисъ миновалъ. Адамъ былъ спасенъ, и Анна Ивановна плакала отъ радости. Въ порывѣ великодушія она говорила ему:

— Адамъ, когда ты поправишься совсѣмъ, я тебѣ подарю лошадь и телѣгу, и ты будешь жить на Сиверской, о чемъ мечталъ.

Адамъ посмотрѣлъ на жену, криво усмѣхнулся, и отвѣтилъ, подбирая слова:

— Нѣтъ, Анна Ивановна... оно не подойдетъ... Испортился я въ конецъ около господскаго легкаго хлѣба... Какой же я теперь правильный мужикъ, когда у меня въ башкѣ совсѣмъ наоборотъ? Вѣрно, ужъ на роду написано быть мнѣ егеремъ...

Д. Маминъ-Сибирякъ.

НЕ ХОТѢЛЪ.

(Случай).

...Вавиловна, бормоча молитвы, собрала въ желѣзный ящикъ огарки восковыхъ свѣчей, поправила свѣтильню въ паникадилѣ у Николая Чудотворца, положила нѣсколько земныхъ поклоновъ передъ иконой «Утоли моя печали», и все вздыхая, все приговаривая молитвенныя слова, хотѣла уже запереть часовню...

Порогъ переступилъ оборванный, невысокаго роста и заморенаго вида подростокъ лѣтъ пятнадцати, блѣдный, некрасивый, съ большими выпуклыми сѣрыми глазами и русыми вихрастыми волосами.

— Ишь позжину́ какую выбралъ, — проворчала Вавиловна, однако посторонилась, чтобы дать дорогу вошедшему, — прости мя грѣшную, Господи, Царица небесная, Матушка!...

— Бабушка, нельзя ли хлѣбца?... — робко и сконфуженно пробормоталъ оборванецъ.

— Съ Богомъ, съ Богомъ, съ Богомъ... Богъ подастъ. Самой на прокормленіе не ахти хватаетъ... Прости мя, Господи, грѣшную рабу твою, Матушка Царица Небесная!... Лодырь! — разсердилась Вавиловна.

Мальчикъ повернулъ къ выходу.

— Постой, — обликнула его старуха, — да стой, лодырь экій! Пойдемъ въ келью — накормлю... Ну, чего бѣлмы уставишь? Пойдемъ, говорятъ, — приглашала Вавиловна, задвигая засовомъ дверь часовни.

Часовня была каменная, просторная, съ высокими полукруглыми окнами и свѣтлымъ, хотя тѣснымъ помѣщеніемъ для столов.

Келья, какъ величала свой уголъ Вавиловна, — содержалась ею опрятно и порядливо. Около чугунной печурки, замѣняющей и плиту, зачастую невыносимо дымящей, ровной вучкой были сложены

дрова; вычищенный самоваръ и мѣдный кофейникъ, стоя на безупречной чистоты некрашенномъ столѣ, ослѣпляли своимъ блескомъ; узкая кровать, отъ пышной перины и многочисленныхъ подушекъ, имѣла важный, внушительный видъ и только неопрятныя темныя пятна, съ признаками плѣсени на стѣнѣ и въ углахъ, нарушали уютность кельи.

— Ну, садись, — указала Вавиловна гостю на деревянный табуретъ возлѣ стола.

Прихрамывая своей больной отъ ревматизма ногой, она направилась къ печуркѣ, подбросила въ нее полѣна два, налила изъ небольшой зеленой кадки воды въ жестяной чайникъ и поставила его кипятить.

— Пока што, поѣшь!

Она достала изъ шкафа, въ столѣ, большой ломоть пирога съ гапустой.

— Купчиха-мелочница нонче принесла, пошли ей, Господи, добраго здоровья, Царица Небесная Матушка...

Мальчикъ, несмотря на голодъ, ѣлъ такъ, точно ему причинили что-то совсѣмъ непріятное и нежелательное; медленно откусывалъ куски и глоталъ ихъ почти не пережеванными.

— Какъ звать-то тебя? — спросила Вавиловна, когда добрыхъ полъ-ломтя было уничтожено.

— Сергѣемъ, — вяло протянулъ мальчикъ.

— На какого ангелъ справляешь: на Радонежскаго либо на Преподобнаго Валаамскаго?

— Не знаю.

— Ахъ ты, и впрямь лодырь! Ангела своего не знаешь... — старуха укоризненно покачала головой. — Родителей нѣту, аль живы?

— Нѣту.

— Ишь ты какой! Сирота, значить!... — вздохнула Вавиловна, — въ родительскую субботу всегда поминовеніе подай да молись, милый, Царицѣ Небесной Покрову и Утоли моя печали Матушкѣ, — всѣмъ сирымъ защита: «Отыскающая погибшихъ бѣды отъ враговъ, бѣды отъ некоренія и досажденія, спаси мя, Матушка Царица Небесная, защити и спаси!...» Они чувствуютъ, родители тамъ, когда за нихъ Бога молятъ, охъ какъ чувствуютъ... Можетъ, милый, ты родителей изъ аду должонъ выручать — молись и въ субботу поминовеніе не забывай.

Въ жестяномъ чайникѣ забулькала вода.

— Вотъ и готово... Сейчасъ люминацію зажжемъ!

Бавиловна сняла чайникъ, бросила туда щепотку чая, опять поставила его на чугунокъ, взяла крошечный мѣдный подсвѣчникъ съ восковой свѣчей и засвѣтила огонь.

Узкое пламя то горѣло маленькимъ неровнымъ язычкомъ, то трепетно вспыхивало и разгоралось, давая отблескъ въ большихъ сѣрыхъ апатичныхъ глазахъ мальчика, а лицо его при свѣтѣ стало еще блѣднѣе, болѣзненнѣе...

— На, Господи благослови, пей на здоровье!

Бавиловна поставила передъ нимъ кружку съ дымящимся чаемъ.

— Ишь ты ледящій какой, — разсматривала она его съ сокрушеніемъ, — ни батьки, значить, ни матки!... А сродственниковъ тоже нѣту?

— Нѣту.

— Што же ты по мастерству, што-ли?

— Въ сапожномъ.

— Што-жь ты, милый, лодырничаетъ? Изъ супротивниковъ должно?... Супротивничать?

— И ничего не супротивничать... а она сама пьяница!... — со злобной страстностью выпалилъ мальчикъ, — деньги на водку изъ кассы таскала... самъ сталъ примѣчать, къ кассѣ ключъ особый придѣлалъ... она матеріаль... стала меня подучать, чтобъ я матеріаль таскалъ, чтобы на водку ей съ подмастерьемъ... Какъ отъ меня отказъ, сейчасъ меня дуть... а хозяинъ пропажу замѣтилъ и онъ дуть... А ну ихъ всѣхъ къ лѣшему! Што-бъ ихъ черти заѣли!

Въ глазахъ у него сверкнулъ злой огонь, а лицо все осунулось и точно постарѣло, въ голосѣ дрожали слезы...

— Ахъ ты, Господи, прости мя грѣшную, Царица Небесная Матушка!... Эко горе... эко горе!...

— Они меня сызмалству этакъ мучили. Въ извозъ наши мужики сюды поѣхали и меня съ собой взяли. Который дядя Микита, мужикъ такой былъ, этому хозяину знакомый, онъ меня значить къ нему и привелъ... Спервоначалу ничего... все больше въ лавочку посылали, а какъ къ дѣлу приучать начали, тутъ и пошло ко-ромысло!... Хозяинъ драться лютъ... Старшой мастеръ того пуще... Хозяинъ все по мордѣ хлясть-хлясть... такъ и хлещетъ, а мастеръ подъ самыя ребра норовить, въ животъ, да кулакомъ... А подмастерье одново какъ дастъ мнѣ — думалъ помру... Ей Богу! Три дня спину не разогнулъ... Дьяволы проклятые, чтобъ имъ пусто было!...

— Ахъ ты, Господи, прости мя грѣшную, Матушка Царица Не-

бесная, супостаты какіе!... Совсѣмъ нонче народъ избаловался... А все-же таки ты, милый, покорися, на все воля Господня... Вотъ на што луна и звѣзды и солнце, а всѣ покоряются и трепещутъ, денно и ночью служатъ Престолу Господню. Вотъ чудеса Божьи какія! И мы должны покоряться... Въ покореніи спасеніе и Божіе управленіе...

— А коли обида?

— И обиду терпѣть надо.

— А коли мучаютъ?

— Крестъ стало такой положень... Можетъ, за родителей крестъ несешь?

— А коли...

Онъ разстегнулъ воротъ рубахи, и глазамъ старухи открылась юношеская худая грудь вся въ синебагровыхъ кровавыхъ подтекахъ.

— Ахъ ты, Господи Іисусе, прости мя грѣшную, Матушка Царица Небесная!... — всплеснула руками Вавиловна, и оба замолчали.

— Какъ же это?... — первая прервала молчаніе старуха.

— Самъ въ Питеръ поѣхалъ... по своему дѣлу, въ субботу, значить... Они меня съ подмастерьемъ за водкой послали, и старшой мастеръ съ ними... и мнѣ рюмашку-другую дали... и всю ночь пѣсни пѣли и все ничего... къ утру спать легли... И въ воскресенье тоже... и старшой мастеръ съ ними... опять пѣсни до утра пѣли... спать утромъ легли... и въ понедѣльникъ все пили, покуда водки хватило... А тутъ, какъ водку выпили, вынесла она мнѣ хозяиновъ новый спинжакъ: поди, говоритъ, къ жиду — заложи... А мнѣ стало боязно, — спинжакъ не надѣванный, какъ есть новешенькій, — не могу, говорю... Не можешь? говоритъ, да въ морду меня, а тутъ, стало быть, подмастерье подскочилъ и старшой съ нимъ и били отъ всего духу, изо всѣхъ силъ и... еще такое сдѣлали, что... — онъ запнулся, румянецъ покрылъ его блѣдныя щеки, и онъ проговорилъ съ мрачною стыдливостью: — Все-жъ таки не собака вѣдь...

Онъ, видимо, не могъ справиться съ охватившимъ его тяжелымъ воспоминаніемъ и весь дрожалъ, какъ въ приступѣ лихорадки.

— Пей, милый, пей горяченькое, — старалась успокоить его старуха.

Онъ послушно налилъ чай на блюдце.

— Какъ же это ты такъ?.. — участливо спросила Вавиловна, послѣ минутнаго молчанія. — И сколько дѣнь?

— Четыре.

— И не ѣмши?

— Ремень былъ — продалъ, ватрушку купилъ... За ножикъ вотъ ничего не даютъ, — онъ вытащилъ изъ кармана широкихъ штановъ сломанный клинокъ, обломокъ сапожного ножа. — Три дня почестъ не ѣмши.

— А ты бы въ трудолюбивый домъ, — знаешь на Лыткиной улицѣ... трудолюбивый домъ называется...

— Полиція, — буркнулъ сердито мальчикъ.

— Нѣтъ, милый, тамъ благодѣтели... Полиція, чтобы пьянымъ острастку... или какое безчинство... а тутъ благодѣтели.

— Пымають — къ хозяину сведуть... — пробормоталъ онъ уныло.

— Ишь ты горькій какой!

Вавиловна покачала головой, покрытой ситцевымъ темнымъ платкомъ, и тоже принялась за чай.

Она осѣнила себя крестомъ, вздохнула, проговорила: «Господи, благослови», налила на блюдце; на растопыренныхъ сухихъ, слегка дрожащихъ пальцахъ подносила она блюдце къ сморщеннымъ губамъ такъ осторожно, точно боялась расплескать драгоценную жидкость, и затѣмъ съ маленькими передышками, не отрывая ото рта, втягивала длинными глотками чай.

Мигающій свѣтъ восковой свѣчки перебѣгалъ съ морщинистаго лица старухи на ея блѣднаго, изможденнаго собесѣдника. Темныя, сѣрыя пятна на стѣнахъ смотрѣли еще неопрятнѣе. Гдѣ-то подъ половицею скребла мышь...

— Вотъ нонеча времена какія, — задумчиво проговорила Вавиловна, прервавъ чаепитіе, — а крѣпостное слово было, всему покорялись, нигдѣ заступы не было, потому баринъ, евоинная была воля, а мы ему подневольные... Я помню, вотъ какъ Лукерьяна мужа Антона, — Лукерья за барышней ходила, а онъ въ камардинахъ при баринѣ состоялъ, — такъ баринъ чуть было его на конюшнѣ не загрызъ... Вотъ, милый, прости мя, Господи, грѣшную, Царица Небесная Матушка, какія дѣла были!...

— Какъ такъ загрызъ?

— А взялъ, да загрызъ — и все тутъ. Бить сталъ, а Антонъ не дайся, здоровый такой мужчина былъ, царство ему небесное, а баринъ сложенія тонкаго; Антонъ какъ толкнетъ, а баринъ ужъ не въ себѣ, освирипѣлъ, Антону зубами въ горло, да грызтъ... А барыня Митрія буфетчика послала... Митрій какъ вошелъ, такъ и ахнулъ: лежитъ Антонъ на полу, баринъ на немъ, зубами въ горло вцѣпившись грызетъ. Насилу Митрій барина оттащилъ... Антонъ

совсѣмъ было кровью изошелъ... Страху что было — думали помереть Антонъ... Благодареніе Матушкѣ Царицѣ Небесной — отходили, а баринъ даже захворалъ, въ постель легъ и все его печенкой рвало... Охъ, Господи, прости мя грѣшную, Царица Небесная Матушка, мучитель баринъ былъ... А потомъ Антона въ солдаты, значить, сдали, а Лукерья наша стала сохнуть, сохнуть, такъ и померла... Ни за что пропала баба, — упокой ее, Господи, въ мѣстѣ злачнѣ, въ мѣстѣ покойнѣ... Охъ, горькая!... Охъ, горькая, горькая была! Одно слово — сирота.

Вавиловна прослезилась.

— А барина къ мировому звали? — злобно и перѣшительно спросилъ мальчикъ.

— И што ты, милый, — засмѣялась старуха, — господа въ своей власти были... Вотъ нонеча и времена другія: а тебя хозяинъ бьетъ, хошь ты вольный... А мы были подневольные... Значить, какъ господину угодно бить и билъ, и препятствовать не смѣли!... Охъ, прости мя грѣшную, Господи Царица Небесная Матушка, и то грѣхъ, что осудила покойничка... А ты знаешь, милый, въ Писаніи сказано: не осуждайте господина своего, а Апостолъ сказалъ: не болѣе рабъ господина своего... Охъ-тих-тих-тих!...

Вавиловна налила еще по кружкѣ себѣ и гостю.

— А зато нонеча, милый, жизнь моя хорошая, — продолжала она улыбаясь, — денно и ночью благословляю благодѣтелей, славлю Матушку Царицу Небесную. Опосля воли служила я у дилехтора... Хорошій такой былъ господинъ, правильный и жена его тоже сурьезная такая дама... Не столь она была красива, сколь фасониста... Хорошіе были господа... Очень меня любили. Бывало придетъ сама на кухню: чижего тебѣ Вавиловна? Ничего, говорю, барюшка, Бога не гнѣвлю, силы хватаетъ... Померъ дилехторъ, сама въ заграницу поѣхала, — къ учителю я нанялась... Пьяница былъ учитель, а ничего, баринъ хорошій... Уроки всѣ свои бывало справить, а ужъ послѣ, значить, товарищи помянуть, а онъ слабого сердца былъ, помянуть — онъ и поидетъ, а домой придетъ — ни рукой, ни ногой не владаетъ; такъ его раздѣну, какъ дите малое, и спать положу... И онъ, бывало, тверезый, тоже спрашиваетъ: чижило тебѣ Вавиловна? Чижило, батюшка, чижило, скажу, неча грѣха таить! И впрямь измаялъ онъ меня, а тутъ купчиха-мелочница, Спиридонова, — я къ нимъ въ лавочку ходила, — и говоритъ: чижило тебѣ, баушка, все въ людяхъ, да въ услуженіи, послужи лучше Матушкѣ Царицѣ Небесной... А самъ купецъ Спиридоновъ — староста у Спаса Преподобнаго, и эта часовня къ Спасову приходу принадлежа-

шая—вотъ, значить, мнѣ тутъ помѣщеніе, а отъ прихода рушъ на харчи полагается... Дай Богъ здоровья, благодѣтели не оставляютъ: то кофеишка, то чаишка пришлетъ купчиха, а старому человѣку много-ль надо, прости мя грѣшную, Господи Царица Небесная Матушка!... Вотъ только съ ногой маюсь,—лицо Вавиловны насушилось.—Охъ, трудно!... И сырость, а зимой въ часовнѣ и валешки не помогаютъ... Такъ въ нихъ и сплю... Ну, что-жъ, милый, и на покой пора... Ступай, милый, своею дорогой... Изъ кельи у меня другая дверь есть, а тамъ калиточка, и прямо на улицу... а часовеньку-то я снутри засовомъ запираю, — такъ живу старушка Божія, Господа славословлю... Ну, ступай, я тебя провожу!

Мальчикъ всталъ нехотя и съ трудомъ. При всякой перемѣнѣ положенія тѣла онъ ощущалъ боль. Въ стѣнахъ уютной кельи онъ чувствовалъ себя точно отдохнувшимъ отъ передраги своей недолгой, но безобразной жизни; горячій чай, а главное — возможность высказаться, успокоили его... Темная улица и роковая неизвѣстность будущаго были для него теперь еще ужаснѣе. Онъ ничего не сказалъ, покоряясь неизбѣжности, но его выпуклые сѣрые глаза съ такою тоской и страхомъ посмотрѣли на Вавиловну, что у нея невольно сжалось сердце.

— Ишь ты, болѣзненный! Ишь ты, ледащій какой!...

Ей вспомнились синебагровые подтеки на худой груди мальчика.

— Слушай ты... лодырь!... — проговорила она сердито. — Хоша и не порядокъ, а ложись тамъ въ часовенькѣ, переночуй... На полу холодно—на вотъ цыновочку... а завтра чуть свѣтъ ужъ ступай съ Богомъ, — изъ-за тебя тутъ какого неудовольствія отъ начальства не вышло бы. Мы тоже люди подневольные, начальству покоряемся, изъ того и хлѣбъ ѣдимъ... Охъ, Господи, прости мя, грѣшную рабу твою недостойную, Матушка Царица Небесная!...

Мальчикъ расположился вдоль наружной стѣны между окномъ и каменнымъ выступомъ, на которомъ висѣла большая, совсѣмъ потемнѣвшая икона Николая Чудотворца.

Вавиловна передъ каждымъ образомъ отвѣсила нѣсколько земныхъ поклоновъ, всякій разъ громко вздыхая, когда распрямляла старую спину, передвинула зачѣмъ-то небольшой аналой, покрытый лиловымъ бархатомъ съ нашивными изъ позумента крестами, озабоченно потрогала розовый бантъ, украшающій низъ большой лампы, еще разъ окинула внимательнымъ взглядомъ часовню и отправилась на покой.

— Ну, лодырь, спи, меньше грѣши, — сказала она, усмѣхаясь, и притворила дверь своей кельи.

Долго еще кряхтѣла, охала, вздыхала и бормотала молитвы Вавиловна, ворочаясь на пуховикѣ, долго скрипѣла кровать и подъ половицей скреблась мышь... Наконецъ все затихло.

Темная часовня, едва освѣщаемая неугасимой лампадой передъ иконою Николая Чудотворца, зажила своей мрачной, таинственной жизнью...

Такъ тихо... такъ мучительно тихо!... Вдругъ откуда-то, неизвестно откуда, пробѣжитъ легкій вѣтерокъ, всколыхнетъ мигающее пламя лампады и сѣдая голова, въ патріаршей митрѣ, окруженная вѣнцомъ, начинаетъ глядѣть, какъ живая, своими строгими глазами... точно даже покачивается и укоряетъ, точно зоветъ къ покаянію или, можетъ быть, общаетъ милость, прощеніе, или вызываетъ къ справедливости, или просто сокрушается, любить, жалѣть... А подъ каменнымъ сводомъ, въ темнотѣ, точно рѣютъ чьи-то незримыя тѣни и отъ блѣднаго свѣта лампады то тамъ, то тутъ свергнутся и снова погаснутъ синій... красный... зеленый... желтый огонекъ,—то отблескъ камней на ризахъ иконъ...

Жутко ночью въ часовнѣ!...

Жутко было и ея случайному гостю. Отъ усталости и перенесенныхъ недавно побоевъ все тѣло его ныло, а ноги точно одеревенѣли. Однако, несмотря на три проведенныя на окраинѣ города, прямо на голой землѣ, ночи,—а былъ сентябрь и по ночамъ стояли холода,—онъ не могъ заснуть... А не могъ онъ заснуть отчасти отъ необъяснимаго, безотчетнаго страха, отчасти отъ такой же необъяснимой, безотчетной и страшной тоски.

— Эхъ, курнуть бы...

Приобрѣлъ онъ эту скверную привычку еще въ раннемъ дѣтствѣ, когда по воскресеньямъ забирался съ такими же мальчишками-мастеровыми въ укромный уголокъ гдѣ-нибудь на дворѣ. Они дѣлились наворованными отъ подмастерьевъ папиросками и кашляя, задыхаясь отъ дыма, все же геройски докуривали ихъ до конца.

Желаніе курнуть все становилось злѣе и упорнѣе, подъ ложечкой сосало, во рту обильно отдѣлялась слюна. Онъ сердито повернулся на бокъ, потомъ сѣлъ.

— Тьфу!...

Огонекъ лампадки заколыхался, и сѣрые строгіе глаза съ образа смотрѣли внимательно, будто недовольно... А дальше въ темной нишѣ отсвѣчивало стекло другой большой иконы и этотъ загадочный блескъ въ полутьмѣ и манилъ, и пугалъ... Отъ маленькаго аналая шла длинная трепещущая тѣнь. Вереница благотворительныхъ кружекъ съ надписями, возлѣ конторки для продажи свѣчъ,

тоже приобрѣла странный, таинственный обликъ, и буквы въ мигающемъ полусвѣтѣ лампы то вытягивались, сокращались, то выступали, то пропадали... Всѣ надписи смѣшались въ этой причудливой пляскѣ буквъ: и «въ пользу санаторіи для чахочныхъ», и «въ пользу арестантскихъ дѣтей», и «на построеніе православныхъ храмовъ въ Туркестанской епархіи», и «для распространенія православія между язычниками». Пониже другихъ висѣла большая зеленая кружка, съ несложной надписью чернымъ по бѣлому щитку—«въ пользу бѣдныхъ».

Случайно упалъ на нее взглядъ ночного гостя часовни.

— Ишь, сколько понаблюдено... много... поди, рублей восемнадцать... Ну, восемнадцать не восемнадцать, а, пожалуй, всѣ пятнадцать будутъ.

Онъ вздохнулъ, почувствовалъ даже нѣкоторую злобу противъ неизвѣстныхъ, обогатившихъ кружку такой солидной суммой.

— Эка деньжищъ!... Хоть въ Питеръ махай... Эко дѣло!

И несмѣлыя нелѣпыя мечты робко закопошились въ вихрастой головѣ. Онѣ были до того безсвязны, что трудно было уловить между ними какую-нибудь нить, но всѣ онѣ путались и вращались вокругъ одного центра—боли и обиды: пьяная хозяйка съ пьянымъ подмастерьемъ... угрюмый хозяинъ... старшій мастеръ съ злыми подозрительными глазами пронеслись, какъ блѣдныя видѣнія, подъ сводами мрачной часовни.

— Тьфу, пропасть!... Навожденіе дьявольское!...

Какъ-то особенно ныла спина и плечи, а отъ желанія курнуть свербило за ушами и въ гортани.

Онъ все сидѣлъ и думалъ попрежнему туманно, неопредѣленно, но чувство обиды росло и становилось невыносимо жгучимъ.

— Проклятые, проклятые!...

Ненависть безсильная душила его. Обрывистыя, заманчивыя мечты все соблазнительнѣе дразнили воображеніе.

Онъ самъ не замѣтилъ, какъ очутился на полу возлѣ зеленой кружки.

Легкій сухой трескъ заставилъ его вздрогнуть. Онъ опомнился, вскочилъ, бросился снова на свою цыновку. Онъ лежалъ, не шевелясь, боясь открыть глаза, а сердце безъ удержа колотилось въ груди.

Онъ полуоткрылъ осторожно правое вѣко: на полу передъ нимъ сидѣла мышь и поводила по воздуху острой мордочкой, вздрагивая прозрачными ушами.

— Ышь... по-одлая!

Мышь пригнулась къ землѣ и, молніей перерѣзавъ часовню, скрылась въ противоположномъ углу.

— Эка дура!... — выругалъ онъ самъ себя, нарочно въ женскомъ родѣ, чтобы выразить степень своего презрѣнія къ собственной трусости, и подползъ къ кружкѣ.

Онъ попытался дрожащими, холодными руками снять ее съ брюка, но она была укрѣплена внизу на пробойнѣ, замѣнутой большимъ висячимъ желѣзнымъ замкомъ.

— Ишь, чертовка!...

На этотъ разъ брань относилась къ кружкѣ. Онъ присѣлъ на корточки. Съ тупымъ, недоумѣвающимъ взглядомъ вертѣлъ онъ нерѣшительно черный, заржавленный замокъ. Вдругъ мимолетная, но опредѣленная мысль освѣтила его выпуклые сѣрые глаза. Онъ торопливо досталъ изъ кармана обломокъ ножа и засунулъ его остриемъ въ замочную скважину. На лбу выступилъ холодный потъ, страхъ и стыдъ сжимали безумно бьющееся сердце... какой-то мертвый страхъ и стыдъ, до оцѣпенѣнія... И чѣмъ больше росли они, тѣмъ съ большимъ ожесточеніемъ, близкимъ къ бѣшенству, сверлили онъ замокъ. Всѣ, хотя слабо развитыя, но все же человѣческія чувства исчезли въ немъ... всякая воля потухла... Онъ весь отдался во власть злой посторонней силы, страшной и безповоротной.

Отбрасывая нервнымъ движеніемъ клокотавшихъ то и дѣло на влажный лобъ, волосъ—онъ дышалъ громко и прерывисто. Протекали мучительныя долгія минуты... Замокъ не поддавался.

Жилы на вискахъ вздулись, дыханіе стало еще прерывистѣе, еще громче... слезы бѣшенства и отчаянія готовы были брызнуть изъ загорѣвшихся недобрымъ огнемъ глазъ. Онъ хотѣлъ уже бросить начатое дѣло. И страхъ и стыдъ ослабѣвали... Но вдругъ вихремъ налетѣлъ на него рядъ жгучихъ, грязныхъ, отвратительныхъ воспоминаній: обида... безотчетное сознаніе позора сдавили сердце, и злость лютая, непобѣдимая злость охватила его. Онъ напрягъ послѣднія усилія. Раздался сухой, короткій, хрустящій звукъ—что-то захлябало въ отверстіи. Замокъ былъ сломанъ.

Поднимаясь слишкомъ поспѣшно, онъ поскользнулся на дрожащихъ ногахъ и выронилъ кружку... Она какъ-то жалобно звякнула объ полъ.

Онъ не почувствовалъ боли, хотя стукнулся колѣномъ... Онъ весь былъ полонъ только однимъ желаніемъ: взять... унести... спрятать сейчасъ же и какъ можно дальше свою добычу!

Онъ осторожно отодвинулъ засовъ наружной двери и, крѣпко

сжавъ похищенную кружку, готовъ былъ навсегда покинуть ненавистныя ему въ эту минуту стѣны часовни.

Пара костлявыхъ рукъ вцѣпилась въ его плечи.

— Батюшки!... Грабитель окаянный!...—огласилъ мрачную полутьму протяжный, отчаянный вопль.

— Оставь, баушка!... Оставь!...

И они боролись и кричали сиплыми, сдавленными голосами; старая, сѣдая испуганная женщина въ толстой холщевой рубахѣ и блѣдный оборванный мальчикъ, съ дикими, полными страха выпуклыми сѣрыми глазами... Ихъ руки съ такой жадностью, такъ азартно цѣплялись, скользили, обхватывали злополучную кружку, точно въ ней, въ этомъ мертвомъ предметѣ, хранился залогъ ихъ счастья, жизни, силъ.

— Оставь, баушка!... Оставь!...

Придерживая крѣпко кружку одной рукой, другой—свободной, онъ, отбиваясь, толкалъ старуху въ изсохшую смуглую грудь, а она съ каждымъ ударомъ накидывалась на него еще сильнѣе:

— Грабитель!... Иродъ окаянный!...

Темный ситцевый платокъ спелзъ съ головы, и пряди растрепанныхъ, сѣдыхъ, жидкихъ волосъ беспорядочно лохматились надъ ввалившимися старческими глазами.

— Иродъ проклятый!—прохрипѣла она, повиснувъ всею своею тяжестью на его тощихъ плечахъ.

Онъ рванулся и съ удвоенной силой отбросилъ ее полурастерзанную, освирипѣвшую, на нѣсколько шаговъ. Качнувшись раза два, какъ бы ища равновѣсія, она ударилась о каменный выступъ стѣны и, слабо вскрикнувъ, упала во весь ростъ. Кружка съ грохотомъ и звономъ покатила по полу.

Онъ бросился ее поднимать. Онъ ползалъ въ разныя стороны, дыша съ трудомъ отъ только что выдержанной борьбы, отъ нетерпѣнія и страстнаго желанія скорѣе бѣжать. Шаря въ полутьмѣ руками по полу, онъ неожиданно задѣлъ кружку ногой... онъ схватилъ ее, задыхаясь отъ радости и страха... Онъ приготовился уже бѣжать, но... видъ все недвигающейся старухи смутилъ его и какъ-то странно, помимо его воли заставилъ вздрогнуть сердце.

— Баушка... баушка...—окликнулъ онъ ее чуть слышно.

Она была безмолвна. Ея вытаращенные глаза точно застыли въ нѣмомъ ужасѣ, а нѣмой раскрытый ротъ какъ бы собирался брякнуть на помощь.

— Баушка... баушка...—звалъ онъ ее полупшепотомъ.—Баушка!—произнесъ онъ громко, и самъ испугался своего голоса.

Онъ нагнулся къ старухѣ и отпрянулъ въ смятеніи прочь: изъ небольшой разсѣчины на вискѣ текла кровь, темная, почти черная, смачивая и окрашивая своей влагой короткую прядь сѣдыхъ сбившихся волосъ.

Точно затрезвонили въ тысячу колоколовъ, гулко, раскатисто, съ мелкимъ перезвономъ, и самый большой колоколъ ударилъ прямо его по головѣ.

Какъ бозумный выскочилъ онъ на улицу, безотчетно прижимая къ груди дрожащею рукой кружку.

Темная осенняя ночь, пахнувъ въ лицо, освѣжила его. Онъ бросился бѣжать.

Онъ побѣжалъ прямо, безъ оглядки, не разбирая пути.

Его торчащія во всѣ стороны вихры совсѣмъ взъерошились отъ встрѣчнаго ночного вѣтра. Мимо мелькали слѣпыя окошки уснувшихъ домовъ, вывѣски закрытыхъ магазиновъ, церкви, ограды, сады. Въ одномъ изъ нихъ уныло каркали сонные вѣроны, на старыхъ березахъ, зловѣщими пятнами чернѣли ихъ огромныя гнѣзда. Вѣтка, перекинувшаяся черезъ заборъ, хлестнула его по лицу. Онъ все бѣжалъ.

Дыханіе со свистомъ вылетало изъ узкой тѣлешной груди, потъ струился ручьями по блѣднымъ щекамъ, рубаха на спинѣ смокла насквозь, волосы потемнѣли и прилипли ко лбу, выпуклые глаза смотрѣли вдаль безсмысленно, почти безумно, а босыя ноги быстро неслись впередъ и впередъ.

На краю города, на отлогой невысокой горѣ стоялъ бѣлый соборъ, величаво и гордо поднимая свои золоченныя главы къ небу; а внизу, у песчаного ската тихо катились волны небольшой красной рѣчки.

Бѣглець остановился, устремивъ помутившійся взглядъ на рѣчку, сморщилъ лобъ, точно напряженно хотѣлъ что-то припомнить—потомъ весь вздрогнулъ, опустился на желтый песокъ, досталъ изъ кармана обломокъ ножа и пропоролъ имъ отверстіе для монетъ въ кружкѣ,—опрокинулъ ее, и изъ чернаго пропоротаго зѣва посыпались на землю мѣдныя деньги.

Онъ, торопясь и дрожа всѣмъ тѣломъ, совалъ ихъ, не разбирая, въ карманъ драныхъ широкихъ штановъ, потомъ поднялъ высоко надъ головой опустошенную кружку и бросилъ ее надтмашъ въ рѣчку. Она исчезла, своимъ паденіемъ всколыхнувъ мирныя волны... снова показалась на поверхности, и важно, медленно покачиваясь, поплыла по теченію, играя въ тусклой полосѣ луннаго свѣта бѣлымъ щиткомъ.

Онъ жадными, полными нетерпѣнія, глазами смотрѣлъ ей въ слѣдъ. Вотъ она уклонилась лѣвѣе... пропала на одно время... опять показалась... опять пропала... блеснула послѣдній разъ и исчезла совсѣмъ.

А онъ все продолжалъ напряженно глядѣть въ поглотившую ее даль.

Рѣчка тихо, любовно журчала, точно хотѣла сказать странно-му растерзанному существу, нашедшему пріютъ на ея берегу, что міръ полонъ сказочнаго счастья, а жизнь есть праздникъ наслажденія. И какъ бы въ отвѣтъ на этотъ ласковый лепетъ водъ отрывистые, сдавленные звуки огласили окрестную тишину.

Странное растерзанное существо стонало, каталось по землѣ, борчилось отъ судорожныхъ рыданій и орошало горячими слезами холодный песокъ.

Такъ длилось нѣсколько минутъ. Наконецъ, онъ поднялъ свое искаженное, измученное лицо, на которомъ слезы смѣшались съ землею, но... то, что онъ увидѣлъ, сразу остановило его дыханіе и сковало ужасомъ сердце.

Передъ нимъ стоялъ блѣдный призракъ старухи, но не той милой и добродушной, что согрѣла и пріютила его, а другой, страшной, съ застывшимъ взглядомъ, раскрытымъ ртомъ и темною кровью на вискѣхъ.

— Нѣту баушка... не хотѣлъ!... Ей-Богу не хотѣлъ!... — брякнулъ онъ не своимъ голосомъ.

И онъ увидѣлъ, какъ сѣдая голова качнулась точно съ укоромъ, а глаза стали живыми и походили на строгіе глаза большого образа, тамъ, — въ мрачной часовнѣ.

Онъ весь застылъ; онъ чувствовалъ, что умираетъ... Вдругъ что-то подняло его съ земли и повлекло туда, наверхъ къ собору... Зачѣмъ? Онъ самъ не зналъ; но было такъ нужно, и онъ шелъ спотыкаясь, рискуя каждую минуту упасть отъ волненія и страха.

Онъ дошелъ и остановился, въ недоумѣніи, передъ массивными входными дверями собора...

Онъ смотрѣлъ на эти двери и на бѣлыя стѣны и на золоченныя главы и не могъ понять: зачѣмъ онъ здѣсь?... и ждалъ чего-то, мучительно ждалъ...

Сырой сентябрьскій воздухъ, пробираясь въ широкіе рукава рубахи, заставлялъ вздрагивать плечи, дрожь пробѣгала по всему тѣлу, но онъ не чувствовалъ холода, палимый внутреннимъ, сжигающимъ его огнемъ.

Луна пропала, близился блѣдный осенній разсвѣтъ. И рѣчка, и

песокъ, и бѣлый соборъ, и жалкій мальчикъ, у дверей храма, одѣлись легкой сѣрой дымкой тумана.

А онъ все стоялъ, все ждалъ чего-то, этотъ жалкій мальчикъ...

Можетъ быть, онъ вѣрилъ въ силу чуда... можетъ быть, думалъ, что распахнутся эти тяжелыя двери, и Богъ, живущій за ними, явится передъ нимъ?... Но двери не отворялись, а Богъ недоступный, непонятный для него, грозный и карающій, наполнял еще большею тревогою сердце...

Его потянуло опять назадъ, къ рѣкѣ; но почему-то онъ не пошелъ прямо, а сталъ огибать соборъ. Онъ двигался медленно, вяло волоча ноги... вдругъ онъ вскрикнулъ и весь задрожалъ: у иконы, вѣшанной въ наружную стѣну, висѣла небольшая мѣдная кружка.

Въ одну минуту онъ очутился возлѣ нея и, полной пригошней вытащивъ изъ кармана деньги, сталъ опускать монету за монетой... Онъ опускалъ ихъ въ узкую темную щель, съ безумной дикой радостью, и плакалъ, и приговаривалъ, захлебываясь отъ слезъ:

— Нѣту, бабушка, не хотѣлъ... Ей Богу не хотѣлъ!

Когда звякнула послѣдняя монета, онъ поднялъ вверхъ блѣдное лицо, и оскѣнивъ себя крестомъ, сталъ глядѣть куда-то далеко далеко, дальше собора, и рѣчки, и ската, и занимающейся въ небѣ зари... Онъ созерцалъ,—этотъ полуребенокъ, полужвѣрь—онъ отдавалъ во власть чему-то сильному, великому свою истерзанную душу, онъ смутно чувствовалъ Бога, не понимая этого самъ...

Грубые человѣческіе голоса вывели его изъ божественнаго оцѣпенѣнія: о чемъ-то спорили, гремѣли ключами...

Онъ испуганно спустился къ рѣчкѣ... онъ оглянулся еще разъ на соборъ, на городъ, какъ бы спрашивая ихъ о чемъ-то или прощаясь съ ними, и бросился бѣжать...

Съ высоты бѣлой колокольни грянулъ ударъ колокола, загудѣлъ и разнесся въ воздухъ... другой ударъ... третій... Звонили къ заутрени.

Солнце, спрятанное въ тучѣ, возвѣщало о мглѣ, о ненастномъ днѣ. Рѣчка слегка вздулась въ ожиданіи дождя и ея свинцовыя волны пѣнились у береговъ.

Мощно гудѣлъ колоколъ, призывая къ молитвѣ, разносясь далеко въ пространство и своимъ торжественнымъ, мѣрнымъ звономъ точно гналъ все дальше и дальше отъ города растрепанное, никому не дорогое, никому не нужное созданіе, съ жалкимъ обликомъ чловека... А онъ все бѣжалъ... бѣжалъ... бѣжалъ...

Неизданное стихотворение А. С. Пушкина.

~~С~~

Сред ^{перло} ~~тревоги~~ и волненья
 Сред ~~всечасной~~ ^{всечасной} суеты
~~Волшебной грёзой вдохновенья~~
 Перед ~~мною~~ ^{мною} ~~явилась ты!~~...
~~Мятежных бурь порывъ могучий~~
~~Души моей не возмутить~~
 И вѣрю я, за грозной тучей
 Привѣтный солнця лучъ блещетъ!

Пушкинъ

Среди тревоги и волненья,
 Среди всечасной суеты
 Волшебной грёзой вдохновенья
 Передо мной явилась ты!...
 Мятежных бурь порывъ могучий
 Души моей не возмутить,
 И вѣрю я, за грозной тучей
 Привѣтный солнца лучъ блещетъ.

Настоящее стихотворение отыскано мною среди доставшихся мнѣ бумагъ г. Калугина. Думаю, что стихотворение это представляет изъ себя перво-

начальную редакцію посвященія А. П. Кернъ и относится приблизительно къ 1823—1824 гг. Подлинность его несомнѣнна. Я вмѣстѣ съ хранителемъ рукописей Московскаго Румянцевскаго музея С. О. Долговымъ сличали почеркъ по рукописи «Цыганъ» и убѣдились въ полной его тождественности.

Исключеніе представляютъ нѣкоторыя слова, написанныя не такъ твердо, какъ остальные, но думаю, что это объясняется тѣмъ нравственнымъ состояніемъ поэта, въ которомъ онъ находился въ то время, что безусловно должно было отразиться въ почеркѣ.

Евг. Вашковъ.

Москва, 1900 г.

Изъ жизни К. Д. Кавелина во Франціи и Германіи въ 1862—1864 гг. *)

(По его перепискѣ за это время).

VI.

Въ Боннѣ и на берегахъ Рейна до половины 1864 г.

Письмо баронессы Э. О. Раденъ къ княжнѣ Е. В. Львовой, отъ 19 февр. 1864 г.—
Ея же письмо къ Кавелину.— Баронъ Августъ фонъ Гакстаузенъ.— Князя Видъ,
княгиня Марія-Вильгельмина Видъ и ея дочь княжна Елизавета Видъ, въ настоящее
время королева румынская.— Возвръненіе Кавелина на свои житейскія отношенія.—
Кавелинъ у княгини Видъ.

Первое письмо Э. О. Раденъ за 1864 г. написано не лично Кавелину,
а княжнѣ Львовой. Баронесса Раденъ проситъ ее передать содержаніе этого
письма Кавелину, потому что оно представляетъ для него несомнѣнный ин-
тересъ; будучи писано въ годовщину освобожденія крестьянъ, 19 февраля,
оно содержитъ: 1) воспоминанія баронессы Раденъ объ этомъ днѣ; 2) по-
дробности о смерти графа Д. Н. Блудова, умершаго въ тотъ самый день,
когда писала баронесса, и 3) отзывъ Э. О. Раденъ о Сонѣ, дочери Каве-
лина. Княжна Львова сдѣлала больше: она совсѣмъ передала это письмо
Кавелину, и оно сохранилось въ его бумагахъ.

Петербургъ, 19 февраля 1864 г.

Помните ли вы сегодняшній день три года тому назадъ, дорогая княж-
на? Помните ли вы опасенія однихъ, радость другихъ, удивленіе всѣхъ—
при видѣ спокойствія, съ которымъ эта добрая вѣсть была принята цѣлымъ
народомъ? Сколько удивительныхъ событій произошло съ тѣхъ поръ. Между
ними самое замѣчательное—это неожиданный оборотъ, который принялъ во-
просъ объ эмансипаціи, принадлежащій теперь къ исторіи прошлаго. Этотъ
вопросъ, кажется, сданъ въ архивъ; его приняли, его похоронили, отъ него
молча страдаютъ, а широкое развитіе двадцати милліоновъ безпрепятствен-

*) *Русская Мысль*, кн. XII, 99 г.

но идетъ впередъ, безъ ненависти и безъ недоразумѣній между крестьянами и обездоленными помѣщиками. Меня прервалъ посланный ея высочества. Только что я начала читать ей вслухъ, какъ пришло извѣстiе о смерти гр. Блудова. Онъ скончался внезапно, безъ агонiи, безъ страданiй; съ нимъ сдѣлался нервный ударъ въ ту минуту, когда онъ располагалъ перейти изъ своего кабинета въ гостиную. Правда, что онъ становился день ото дня слабѣе; по ночамъ его беспокоили сновидѣнiя и онъ безъ умолку говорилъ во снѣ, но угрожающiе признаки—водянка и раздраженiе печени, исчезли. Не подавая надежды на выздоровленiе, медики полагали, что онъ протянетъ еще нѣсколько времени; слава Богу, что его миновала агонiя, а близкiе ему люди избавлены отъ вида его страданiй. Я еще застала его сидящимъ въ креслѣ, въ которомъ онъ испустилъ послѣднiй вздохъ, съ головой склоненной на плечо, совершенно спокойнымъ, какъ будто бы онъ спалъ. Антонина *), которую онъ за минуту передъ тѣмъ выслалъ изъ своей комнаты вмѣстѣ съ m-elle Воейковой, желая поправить свой туалетъ, нашла его уже въ безсознательномъ состоянiи. Она стала возлѣ него на колѣни и сама прочитала отходную. Утромъ онъ просилъ Карелля **) сказать императору, что онъ его поздравляетъ и молится за него, и что Богъ благословитъ его за неустанныя заботы о благѣ народа. Онъ разговаривалъ съ увлеченiемъ, замѣтилъ, что погода хороша, что солнце ярко свѣтитъ, прибавивъ, что этотъ день дѣйствительно прекрасенъ во всѣхъ отношенiяхъ для отечества,—однимъ словомъ, его послѣднiя мысли были о государѣ, о Россiи, которымъ онъ послужилъ въ теченiе шестидесяти лѣтъ съ рѣдкимъ безкорыстiемъ. Антонина очень огорчена, но спокойна; въ субботу она поѣдетъ сопровождать тѣло въ Москву, гдѣ и останется шесть недѣль. Говорятъ, что императрица желаетъ, чтобы она жила во дворцѣ; сегодня вечеромъ она посѣтила ее послѣ первой панихиды. Великая княгиня Екатерина Михайловна тоже была у нея, а у великой княгини Елены Павловны гриппъ. Сегодня не пишу вамъ больше объ этомъ: я утомлена и взволнована. Тысячу привѣтствiй вашимъ. Расскажите все это Кавелину; я напишу ему на будущей недѣлѣ. Его дочь *преlestное* созданiе; она съ перваго взгляда побѣдила мое сердце. Прощайте, дорогая княжна.

Отъ всего сердца ваша Э. Раденъ.

Кавелину Э. О. Раденъ писала слѣдующее изъ Петербурга 11 (23) марта 1864 г.

Мысленно я давнымъ-давно начала писать вамъ, дорогой Константинъ Дмитрiевичъ. Избавьте меня отъ перечисленiя причинъ и препятствiй, которые помѣшали мнѣ исполнить мое намѣренiе. Предоставьте мнѣ лучше сказать вамъ, какое прекрасное впечатлѣнiе свѣжести и простоты произвела на меня ваша милая дочь. Вотъ эту молодую дѣвушку я желала бы часто видѣть и чувствую къ ней искреннее сердечное расположенiе. Ложь не схо-

*) Гр. Антонина Дмитрiевна Блудова, его дочь.

**) Лейбъ-медикъ императора Александра II.

дила съ ея чистыхъ устъ, а честные и добрые глаза ея такъ хорошо и прямо смотрятъ. Зачѣмъ живетъ она такъ далеко и зачѣмъ у меня такъ мало своего времени? Она только-что возвратилась изъ гимназіи, когда я сидѣла у вашей жены; видно, что среда, въ которой она воспитывается, совершенно по ней: уроки, подруги, даже ходьба въ гимназію и оттуда, все ей нравится, и она говорила объ этомъ съ радостью и довольствомъ. Да сохранить вамъ ее Богъ такую, какъ она есть; я понимаю, что она составляетъ вашу радость и утѣшеніе. Вы скоро вернетесь къ намъ, не правда ли?

Великая рѣшительная мѣра, предпринятая въ Польшѣ, выполняется успѣшно. Безъ сомнѣнія, въ данную минуту она будетъ имѣть самыя благотворныя послѣдствія для правительства. Но что выйдетъ изъ этого позднѣе? Во всякомъ случаѣ вѣроятность десяти или пятнадцати лѣтъ спокойствія много значить въ жизни только что пробуждающагося русскаго народа.

Ваша статья о земскихъ учрежденіяхъ чрезвычайно поразила и понравилась *). Личности самыя разнородныя отзывались мнѣ о ней съ большими похвалами. Совершенно вѣрно, что если пользуются съ умѣньемъ и пониманіемъ дарованными свободами, то могутъ получиться прочные и обильные результаты. Вопросъ, который въ данную минуту *sich in den Vordergrund drängt* (выступаетъ на первый планъ),—это вопросъ о бѣломъ духовенствѣ... Противодѣйствіе со стороны высшей іерархіи будетъ сильное, у нея слишкомъ могущественная опора, чтобы не имѣть надежды на успѣхъ,—тѣмъ не менѣе, я говорю вмѣстѣ съ однимъ, не помню съ какими именно, политическимъ дѣятелемъ конца прошлаго столѣтія: «Всѣ вопросы, касающіеся свободы—выиграны, какъ только они возбуждены, если бы даже сто разъ казалось, что они проиграны».

Смерть гр. Блудова оставила большую пустоту въ кружкѣ его друзей. Антонина Блудова очень удручена и день ото дня ей будетъ тяжелѣе. Насъ напало челоуѣкъ двѣнадцать вѣрныхъ друзей и мы стараемся собираться возлѣ нея по вечерамъ. Вы знаете, какъ я ее люблю и какое для меня счастье доказать ей мое расположеніе... Въ настоящее время ее озабочиваетъ учрежденіе братства для поддержанія въ западныхъ губерніяхъ русскаго и православнаго элемента. Слѣдуетъ ли прибавлять, что она преодолѣла тысячи затрудненій, начиная съ названія *братство*, которое представляется опаснымъ, и кончая малѣйшими подробностями устройства. Признаюсь, что практическая сторона предпріятій Антонины Блудовой представляется мнѣ не всегда безукоризненной и я не могу судить о живучести теперешняго проекта, но мысль—привлечь цѣлое общество къ дѣлу цивилизаціи, которое правительство не можетъ и никогда не будетъ въ состояніи довести до окончанія, кажется мнѣ очень справедливой. Въ этомъ отношеніи настоящее положеніе нашей публики весьма интересно. Разныя общества быстро размножаются,—естественно, что они обращены только на

*) Объ этой статьѣ см. въ V-й гл. настоящ. очерковъ, *Русск. Мысль* 1899 г., кн. XII, стр. 11, примѣч.

дѣла благотворенія: дешевыя квартиры для бѣдныхъ, мастерскія для доставленія работы нуждающимся, даровыя школы. Двѣ трети этихъ обществъ являются весьма скоро заброшенными или забытыми большинствомъ своихъ членовъ, но въ каждомъ изъ нихъ остается горсть серьезныхъ и энергичныхъ людей; для нихъ общество является школой, изъ которой они выносятъ большую и полезную опытность. При видѣ дѣйствительной жизни и безусловной реальной нищеты лучше всего можно познать, что душѣ человѣческой необходимы идеальныя вѣрованія и сознаніе вѣчныхъ началъ, — все остальное ветшаетъ отъ ежедневнаго обихода и отъ неумолимаго давленія житейскаго бремени. Я видала поразительные примѣры превращенія, или, лучше сказать, преобразованія въ нѣкоторыхъ людяхъ. Возвышенная природа такихъ людей инстинктивно влекла ихъ къ добру, а они, не зная себя, витали въ туманныхъ и неопредѣленныхъ филантропическихъ и гуманныхъ теоріяхъ. Но когда имъ приходилось *прилагать* къ дѣлу эти самыя теоріи, когда они видѣли ясно и осязали на дѣлѣ то, о чемъ прежде только мечтали, ихъ духъ окрылялся и они постигали, что нужно имѣть другой кругозоръ, чтобы идти къ цѣли прямо и твердо.

Профессоръ Утинъ совсѣмъ меня забылъ; уже нѣсколько недѣль, какъ я его не видала; одно время онъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа и даже веселъ, а потомъ опять впалъ въ меланхолію... Берхгольцъ привыкаетъ въ Ригѣ; съ годами наша старая дружба становится безусловно спокойной и довѣрчивой. Подъ его руководствомъ *Baltische Monatsschrift* превращается въ превосходный журналъ. Прилагаю нѣсколько экземпляровъ перевода статьи, относящейся до Польши, для вашихъ друзей въ Боннѣ. Ихъ посылаетъ вамъ ея высочество».

Съ апрѣля 1864 г. начинаются экскурсіи Кавелина изъ Бонна. Заработавшись и засидѣвшись зиму въ Боннѣ, Кавелинъ ощущалъ потребность проѣхаться, освѣжиться. Первый его выѣздъ въ половинѣ апрѣля былъ къ его давнишнему знакомому, извѣстному изслѣдователю русскаго общественнаго строя, въ особенности крестьянства и общиннаго быта, барону Августу Гакстгаузену. Баронъ жилъ въ своемъ родовомъ замкѣ, Тингаузенѣ, близъ Падерборна, недалеко отъ Бонна, и приглашалъ Кавелина посѣтить его. Въ началѣ іюня Кавелинъ ѣздилъ въ Крейцнахъ, на свиданіе съ женой и дочерью, пріѣхавшими туда по случаю нездоровья первой изъ нихъ; въ исходѣ іюля онъ посѣтилъ княгиню Марію-Вильгельмину Видъ, въ ея резиденціи, Нейвидѣ на Рейнѣ, близъ Кобленца, а въ августѣ поѣхалъ въ Франкфуртъ на Майнѣ, чтобы повидаться съ графиней Ант. Дм. Блудовой, отправлявшейся послѣ смерти отца на воды въ Пломбьеръ.

Весьма интересны свиданія Кавелина съ барономъ Гакстгаузеномъ и княгиней Видъ, а потому считаю необходимымъ войти въ нѣкоторыя подробности, касающіяся барона и княгини.

Фамилія Гакстгаузеновъ принадлежитъ къ старѣйшему вестфальскому дворянству и издавна владѣетъ помѣстьями въ окрестностяхъ Падерборна,

одного изъ древнѣйшихъ вестфальскихъ городовъ, основаннаго Карломъ Великимъ и еще съ его времени, т.-е. съ IX в., ставшаго резиденціей епископа. Фамилія Гакстгаузеновъ, по семейнымъ традиціямъ, отличается строго-католическимъ направленіемъ, составляя вмѣстѣ съ тремя другими фамиліями—Бренкенъ, Штапель и Креветъ «*Quatuor nobiles columnae*» придворнаго падерборнскаго собора, построеннаго въ XI—XII вв. Вмѣстѣ съ тѣмъ Гакстгаузены, въ лицѣ старшаго представителя рода, постоянно занимали наслѣдственную должность гофмейстера двора падерборнскаго князя. Баронъ Августъ ф.-Гакстгаузенъ родился въ 1792 г. († 1866 г.), слѣдовательно во время посѣщенія его Кавелинымъ былъ 72-лѣтнимъ старикомъ и, свято храня семейныя традиціи, строго слѣдовалъ ортодоксальнымъ религіознымъ принципамъ римскаго католицизма; онъ занималъ наслѣдственную должность падерборнскаго гофмейстера, состояя вмѣстѣ съ тѣмъ прусскимъ государственнымъ тайнымъ совѣтникомъ.

Извѣстность барона Августа ф. Гакстгаузена, какъ изслѣдователя аграрныхъ вопросовъ, восходитъ къ тридцатымъ годамъ текущаго столѣтія, когда онъ работалъ еще надъ поземельнымъ строемъ Пруссіи, разсматривая его по отдѣльнымъ провинціямъ этого государства. Монографическія историко-экономическія изслѣдованія сельскаго быта Пруссіи заставили барона съ должнымъ вниманіемъ отнестись къ своеобразнымъ поземельнымъ порядкамъ, сохранившимся у нѣмеченнаго славянскаго населенія, разбросаннаго въ разныхъ провинціяхъ юго-восточной и восточной Пруссіи, и не только поразившимъ его своею оригинальностью, но показавшимъ ему «загадочными». То была славянская поземельная община. Для выясненія этихъ загадочныхъ общинныхъ отношеній баронъ Гакстгаузенъ счелъ необходимымъ изучить поземельныя отношенія въ Россіи, съ каковою цѣлью и предпринялъ въ 1843—1844 гг. путешествіе въ наше отечество. Плодомъ этого путешествія былъ замѣчательный трудъ барона: «*Studien über die inneren Zustände, Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands*», появившійся почти одновременно на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ (нѣмецкій подлинникъ т. I и II въ 1847 году, т. III въ 1852 году; французскій переводъ въ 1848 и 1853 гг.). Въ этомъ трудѣ баронъ Гакстгаузенъ былъ, если можно такъ выразиться, Колумбомъ русской поземельной общины, указавъ на ея оригинальный строй не только всей Западной Европѣ, но и намъ, русскимъ. Въ немъ же онъ, какъ ревностный папистъ, первый изъ свѣтскихъ писателей обратилъ вниманіе на бытовое и общественное значеніе русскаго раскола старообрядства, открывъ нѣсколько новыхъ сектъ и «согласій» и опредѣливъ общее значеніе раскола въ русской жизни, разумѣется съ римско-католической точки зрѣнія: баронъ объяснилъ его какъ результатъ обезсиленія русской церкви, происшедшаго въ свою очередь отъ обособленія ея отъ церкви римско-католической. Изъ остальныхъ трудовъ барона Гакстгаузена по изученію русскаго крестьянскаго и земельныхъ отношеній самымъ важнымъ является: «*Die ländliche Verfassung Russlands, ihre Entwicklung und Feststellung in der*

Gesetzgebung von 1861». (Leipzig, 1866 г.), представляющий разъяснение для Западной Европы нашего «19 февраля 1861 г.».

Пребываніе въ замкѣ барона Гакстгаузена—Тингаузенѣ, произвело на Кавелина тягостное впечатлѣніе. Вотъ какъ онъ самъ передаетъ его въ письмѣ къ *баронессѣ Раденъ* отъ 28 мая (2 іюня) 1864 г.

«...Послѣ разныхъ странствованій (я оставилъ адресъ Гакстгаузена въ Боннѣ и потому ѣхалъ на-угадъ) пріѣхалъ къ нему полубольной лихорадкой. Его «Wasserburg» вы знаете и потому описывать вамъ его не для чего. На меня замокъ произвелъ чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Мнѣ было все такъ ново, такъ чудно, таинственно и даже жутко,—grieselich. Я не вѣрю привидѣніямъ; но холодный потъ выступилъ и дрожь пробѣжала по всему тѣлу, когда я, сядя у себя въ комнатѣ въ вечеру, слышалъ мѣрный стукъ, какъ будто въ дверь. Трясаясь всѣмъ тѣломъ, я однако пошелъ отыскивать причину и, разумѣется, нашелъ: отъ сотрясенія тонкаго пола качался столикъ, у котораго ножки были неровны. Но и объяснивши причину, я не могъ одолѣть страха, который еще усиливался болѣзненнымъ настроеніемъ. Не помню давно ничего, что бы произвело на меня такое тяжелое, давящее впечатлѣніе, какъ Тингаузенъ. Это живая гробница: пустота, 72-лѣтній хозяинъ, 80-лѣтній капелланъ, монастырскій образъ жизни и все окружающее напоминаетъ только умершее и отжившее. Это чувство невыразимое,—чувство, что живя, не живешь, или правильнѣе, живешь только въ прошедшемъ, а не въ настоящемъ. Еслибъ жить такъ долго, я бы стосковался, изнылъ, можетъ быть, сошелъ съ ума. Выѣхавши оттуда, я почувствовалъ, что камень гробовой спалъ у меня съ груди, и я вздохнулъ свободно.

Съ Гакстгаузенемъ мы встрѣтились старыми пріятелями и такими же разстались, хотя онъ опять пытался обратить меня къ католичеству... *), вообразите себѣ! Болѣе неблагодарной почвы трудно было найти. Наши философскіе разговоры также обнаружили, что мы стоимъ оба на двухъ полюсахъ. Это произвело между нами какое-то неловкое положеніе. Мнѣ было нѣсколько совѣстно, что опечалилъ старика и еще у него въ домѣ; но что же съ нимъ прикажете дѣлать! Вы мнѣ повѣрите, когда скажу, что я не навелъ его ни разу на щекотливыя матеріи, а онъ самъ ихъ выискивалъ, вѣроятно, въ надеждѣ доставить католицизму лишнюю заблудшую душу. Но лѣта не только не сдѣлали меня на этотъ пунктъ сговорчивѣй, а совсѣмъ напротивъ; меня просто беретъ досада, когда меня пробуютъ обращать; я чувствую себя обиженнымъ и оскорбленнымъ, когда кто-нибудь посягаетъ на мои убѣжденія, какъ будто я ребенокъ, что самъ не знаю, чему вѣрить и какъ вѣрить».

25 мая (6 іюня) 1864 г. *баронесса Раденъ* писала *Кавелину* изъ Лейпцига:

«Какъ я была вчера разочарована, не найдя васъ въ Лейпцигѣ! Не

*) Нѣсколько точекъ въ подлинникѣ.

знаю, почему я такъ увѣренно рассчитывала видѣть васъ тамъ и заранѣе радовалась двумъ-тремъ часамъ свободнаго и довѣрчиваго разговора съ такимъ другомъ, какъ вы, имѣя въ перспективѣ четыре или пять мѣсяцевъ исключительно официальныхъ разговоровъ! Выходить, что этому не суждено было исполниться, потому надо мужественно покориться своей участи. Я уже придумываю какое-нибудь другое соображеніе, чтобы встрѣтить васъ въ Германіи. Передо мной тѣмъ болѣе простора, что ваши планы мнѣ неизвѣстны; ваша жена говорила мнѣ, что вы намѣрены съѣхаться съ ней въ Крейцнахъ, а потомъ? Ѣдете ли вы въ Россію въ августъ? Возвращаетесь ли въ Боннъ зимой? Я уже очень давно не имѣю отъ васъ извѣстій. Напишите мнѣ въ Карлсбадъ хотя нѣсколько словъ,—я желала бы знать, куда могу адресовать вамъ сложившееся въ моей головѣ странное посланіе вмѣсто того разговора въ Лейпцигѣ, на который я надѣялась. А пока я получила письмо отъ вашего друга Утина—онъ оказываетъ мнѣ довѣріе, которое меня трогаетъ и позволяетъ оцѣнить его по достоинству... Н. Милютинъ теперь въ Петербургѣ, наполовину поссорившись съ Бергомъ *). Онъ очень озабоченъ насчетъ будущаго, если опять допустить, чтобы поляки опутали насъ своими коварными умствованіями. Черкасскій еще держится на своемъ посту,—онъ заручился содѣйствіемъ Соловьева и Кошелева, для приведенія въ дѣйствіе указовъ. Завтра утромъ мы ѣдемъ въ Карлсбадъ, гдѣ пробудемъ по крайней мѣрѣ мѣсяцъ, а затѣмъ отправляемся въ Рагацъ, въ Швейцарію».

Далѣе въ томъ же письмѣ баронесса Раденъ писала Кавелину слѣдующее: «Я совсѣмъ было забыла сообщить вамъ объ одномъ приглашеніи, столь же сердечномъ, какъ и безотлагательномъ, которое просила меня передать вамъ княгиня Видъ. Это мать того молодого человѣка, котораго вы нѣкогда видали въ семействѣ проф. Гельцера въ Базелѣ, и сама большой другъ Гельцера. Она живетъ въ замкѣ Монгерос, близъ Нейвида, и была бы столь же рада, какъ и признательна, если бы вы ее посѣтили. Это женщина замѣчательная, сильно испытанная судьбой и безусловно стоящая выше всѣхъ остальныхъ лицъ ея круга. Если возможно—поѣзжайте къ ней: она все лѣто проведетъ безвыѣздно въ Монгерос.

Князья Видъ принадлежатъ къ безчисленному множеству медиатизированныхъ при Наполеонѣ I и затѣмъ на вѣнскомъ конгрессѣ владѣтельныхъ князей Нѣмецко-Римской имперіи. Территорія ихъ владѣній—княжество Видъ находится въ Вестфаліи, на правомъ берегу Рейна, занимая долину рѣки Видъ, притока Рейна. Теперешняя ихъ резиденція маленькій городокъ Нейвидъ, живописно расположившійся при самомъ впаденіи рѣчки Видъ въ Рейнъ, въ разстояніи около двухъ нѣмецкихъ миль отъ Кобленца, возникъ два столѣтія съ небольшимъ тому назадъ, вслѣдъ за великой религіозно-національною борьбой въ Германіи, извѣст-

*) Намѣстникъ Царства Польскаго.

ной подъ именемъ тридцатилѣтней войны. Первыми его поселенцами были диссиденты—люди всѣхъ гонимыхъ въ Германіи вѣроисповѣданій торжествовавшимъ тогда протестантизмомъ; князь Видъ далъ имъ убѣжище въ своихъ владѣніяхъ. Уже это освѣщаетъ достаточно его міросозерпаніе, указывая на вѣротерпимость въ такое время, когда протестантская Германія способна была проявить къ «еретикамъ» приемы гоненія священной римско-католической курии.

Князья Видъ XIX в., со времени вѣнскаго конгресса, состоятъ въ прусской военной службѣ и отличаются образованностью и любовью къ наукѣ, что доказывается слѣдующими фактами. Князь Максимиліанъ Видъ (род. 1782 г., † въ началѣ 60-хъ гг.) генераль-майоръ прусской службы, будучи въ началѣ текущаго столѣтія въ Бразиліи, а въ тридцатыхъ годахъ въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, вывезъ изъ этихъ странъ весьма рѣдкія естественно-историческія коллекціи, положенныя въ основу музея княжескаго дворца въ Нейвидѣ. Племянникъ этого Максимиліана, князь Вильгельмъ-Германъ-Карлъ, старшій представитель князей Видъ, въ шестидесятихъ годахъ текущаго столѣтія, служилъ прусскимъ генераль-лейтенантомъ и былъ женатъ на родной племянницѣ вел. кн. Елены Павловны—принцессѣ Маріи-Вильгельминѣ Нассауской, унаслѣдовавшей, какъ и ея тетка, наша великая княгиня, просвѣтительныя традиціи владѣтельнаго вюртембергскаго дома. Родство принцессы Маріи-Вильгельмины Нассауской и вел. кн. Елены Павловны таково: мать принцессы—жена великаго герцога нассаускаго Вильгельма (р. 1792 г. † 1839 г.), Паулина-Фридерика Марія, урожденная принцесса вюртембергская (р. 1810 г., † 1856 года), была родною сестрой вел. кн. Елены Павловны. Кромѣ того, кн. Марія-Вильгельмина Видъ находилась въ родствѣ съ вел. кн. Еленой Павловной еще по своему брату. Ея братъ, вел. герцогъ нассаускій Адольфъ-Вильгельмъ, первымъ бракомъ былъ женатъ на дочери Елены Павловны, вел. княгинѣ Елизаветѣ Михайловнѣ († въ январѣ 1845 г., на 19 году жизни).

Находясь въ большой дружбѣ съ просвѣщеннымъ пиетистомъ, проф. Гельцеромъ, княгиня Марія-Вильгельмина Видъ довѣрила ему воспитаніе своихъ дѣтей—сына и дочери. О сынѣ Вильгельмѣ баронесса Раденъ упоминаетъ въ приведенномъ выше письмѣ. Въ 1864 г. это былъ 18-ти лѣтній юноша. Дочь княгини Видъ, княжна Елизавета, на два года старше брата, отличалась серьезнымъ умомъ и широкимъ образованіемъ, и ее особенно любила вел. кн. Елена Павловна, а баронесса Раденъ интересовалась мнѣніемъ о ней Кавелина. Эта княжна Елизавета Видъ въ 1869 г. вышла замужъ за гогенцоллернскаго принца Карла, а въ настоящее время—королева румынская, извѣстная на всю Европу писательница и поэтесса, подъ псевдонимомъ *Карменъ Сильвы*.

Въ то самое время, какъ баронесса Э. О. Раденъ писала Кавелину вышеприведенное письмо изъ Лейпцига, онъ занятъ былъ обширнымъ письмомъ къ ней. Это письмо писалось исподволь, въ теченіе девяти дней, съ 26 мая по 4 іюня (7—16 іюня нов. ст.) 1864 г. Изъ него было уже при-

ведено выше два отрывка: о чтеніи Кавелина въ боннскомъ профессорскомъ клубѣ и о поѣздѣ его къ барону Гакстгаузену; а здѣсь я останавливаю вниманіе читателей еще на третьемъ отрывкѣ изъ того же письма, отрывкѣ весьма интересномъ для характеристики возрѣній Кавелина на свою публичную дѣятельность, на свою служебную карьеру.

Передавъ подробно фактическую часть того, что испыталъ онъ «тяжелаго, горькаго и оскорбительнаго» съ 1855 г. на поприщѣ своей публичной дѣятельности, что именно и создало для него «нравственную» невозможность служить, и особенно обращая вниманіе на способъ его удаленія отъ преподаванія Наслѣднику Престола,—Кавелинъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ:

...«Руку, которая меня бьетъ по щекѣ, я никогда не поцѣлую; тѣмъ, кто меня оскорбляетъ, дѣластъ аваніи, я никогда не протяну руку, чтобы попросить милости, или милостыни. Какія бы меня бездны ни разделяли отъ людей по общественному положенію, я знаю только свои гражданскія и политическія обязанности и только въ отношеніи къ нимъ подчиняюсь и повинуюсь; лично я сознаю себя безконечно свободнымъ—въ рубищѣ, какъ и въ достаткѣ—и преклоняюсь или протягиваю руку только передъ тѣми, кто мнѣ другъ или равень. Объ *humilité chrétienne*, которая при извѣстныхъ обстоятельствахъ служить только покрывшей рабской души и холопскаго подобострастія, не чуждаго корыстныхъ расчетовъ,—я ничего не знаю и никогда не зналъ. Меня можно сломить, но не согнуть; благодарить за обиды—не въ моихъ нравахъ; я живу по Моисееву закону: око за око, зубъ за зубъ; когда сосчитаться нельзя—молчу, но отхожу прочь, а не лѣзу впередъ, чтобы заслужить милостивое прощеніе и забвеніе прошлаго. Добро и зло помню безконечно долго—всю жизнь; думаю, что передъ самой смертію вострепнусь отъ обидъ, надѣланныхъ въ жизни, если мнѣ кто о нихъ напомнитъ. Я вынесъ, Эдита Федоровна, и выношу много горя, много лишеній вслѣдствіе всего этого; но ни во снѣ, ни на яву, мнѣ не представлялась никогда мысль выйти уступкой изъ теперешняго своего положенія. Еслибъ это случилось—я бы сталъ презирать самого себя и не имѣлъ бы больше права протянуть руку моимъ друзьямъ.

...Ничто не приводитъ меня въ такое глубокое негодованіе, какъ несправедливость. По какимъ-то сплетнямъ вообразили, что я опасный чловѣкъ, какой-то сорви голова, и не пропускали ни одного случая унижать, оскорблять и отталкивать меня, точно какъ будто я чего-нибудь искалъ, интриговалъ, втирался. Теперь знаютъ, что ошиблись, и ждуть, чтобы я, какъ проворовавшійся чиновникъ, попросилъ милостиво прощенія. Этого никогда, никогда не будетъ! Я вынесу все, но никогда ротъ мой не откроется, чтобы опозорить себя какой бы то ни было просьбой у правительства; въ жизнь мою не сдѣлаю ни одного шагу, который бы походилъ издавѣка на попытку примиренія. Это я предоставляю чиновникамъ, выгнаннымъ изъ службы за взятки. Останусь какъ есть, хоть до гробовой доски. И чѣмъ больше проходитъ времени, тѣмъ болѣе и болѣе убѣждаюсь,

что теперешнее мое положеніе безъ сравненія лучше, чѣмъ эти вѣчныя щелчки и аваніи, qui ne m'ont pas été ménagées...»

Баронесса Раденъ писала Кавелину въ отвѣтъ, изъ Карлсбада 1 (13) іюля 1864 г.:

«Не извиняйтесь въ томъ, что долго не отвѣчали на мое письмо, дорогой другъ мой,—гдѣ же была бы свобода, еслибъ ея не существовало въ пріятныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ серьезныхъ дружескихъ отношеніяхъ? Благодарю васъ за объясненіе вашего образа дѣйствій; и мнѣ также, какъ вамъ, казалось бы затруднительнымъ, чтобы вы опять поступили на службу въ данную минуту. Но въ принципѣ я не допускаю, чтобы люди, какъ бы они ни были могущественны или недоброжелательны, могли помѣшать намъ служить этой вѣчной и любимой матери, которую называютъ отечествомъ и которая выше всей нашей личной вражды, выше даже справедливаго недовольства. Я не говорю это относительно васъ. Я думаю, что въ настоящее время вы поневолѣ лишены возможности посвятить ваши силы Россіи, по крайней мѣрѣ непосредственнымъ служеніемъ. Будемъ ждать съ терпѣніемъ и кротостью; мнѣ пріятно думать, что недалеко то время, когда перестанутъ ужасаться пустыхъ призраковъ. Чтò составляетъ для меня загадку—это нерасположеніе къ вамъ Государя *),—того человѣка, который могъ бы такъ хорошо понять васъ и который исполнилъ буквально все, что вы думали. Какое странное стеченіе обстоятельствъ возстановило Государя противъ васъ, по милости того самаго человѣка, послѣдніе годы котораго были посвящены выполненію идей того, кого онъ оклеветалъ **). Какое неравномѣрное распредѣленіе между сѣятелемъ и жнецами! Какія глубокія противорѣчія въ устроеніи человѣческихъ судебъ и какая у души потребность въ иномъ источникѣ свѣта и совершенства! У меня самое широкое воззрѣніе на вѣру. Сохраняя по возможности непоколебимой свою собственную вѣру, я братски привѣтствую все то, чтò *въпритѣ*, будь предметомъ вѣры идеаль, искусство, человѣческое совершенство, свобода,—лишь бы только дѣйствительно *въпритѣ*, съ готовностью положить жизнь свою за вѣру: тогда я чувствую себя удовлетворенной и увѣрена, что мы всѣ выражаемъ одно вѣчное чувство на различныхъ языкахъ. Точно также, когда искренно вѣрующіе люди, — французы, нѣмцы, эскимосы, перувіанцы или малайцы, — собираясь вмѣстѣ, взаимно обмѣниваются своими чувствами, какъ понимаютъ они другъ друга, несмотря на различныя нарѣчія; какой священный духовный огонь воспламеняетъ ихъ! И художники, мыслители, философы и богословы—всѣ они принадлежатъ къ одной церкви и приносятъ жертвы на одномъ алтарѣ!

«Я глубоко сожалею, что не увижу васъ нынѣшнимъ лѣтомъ! Когда вы поѣдете въ Россію, мы будемъ въ Швейцаріи, такъ что не представится

*) Императора Александра II.

**) М. И. Ростовцева. К. Д. Кавелинъ служилъ подъ его начальствомъ въ штабѣ военно-учебныхъ заведеній, съ 1850 по 1853 годъ.

никакой возможности встрѣтиться въ дорогѣ, а я сама не знаю почему, но думаю, что вы не пробудете въ Россіи всю зиму. Здоровье вашей жены не совсѣмъ хорошо,—ей слѣдовало бы жить въ болѣе тепломъ климатѣ, чтобы лучше себя чувствовать, по крайней мѣрѣ она такого мнѣнія, — и вы поѣдете отыскивать болѣе благоприятное небо, чѣмъ петербургское. Съ другой стороны, меня успокоиваетъ энергическая воля Сони. Это дитя такъ мнѣ нравится, что еслибъ я была независима и могла располагать своимъ временемъ, то желала бы часто видать ее и особенно заняться ею. Мое время! Оно разсѣивается подобно сухимъ осеннимъ листьямъ; я слѣжу равнодушнымъ окомъ за тѣми часами, которые улетаютъ, и часто раздумываю, сколько лѣтъ могу я еще прожить. Я охотно провожу нѣсколько недѣль въ Карлсбадѣ,—это настоящее отдохновеніе сравнительно съ Петербургомъ—и я каждый годъ встрѣчаю тамъ людей, которые меня интересуютъ. Въ этомъ году Гервинусъ *) понравился мнѣ своимъ добродушіемъ, своей ученой и нѣмецкой честностью, своей чрезвычайной наивностью. Онъ пишетъ исторію XIX в. и жаждетъ свѣдѣній о положеніи дѣлъ въ Россіи. Я говорила ему о васъ,—онъ былъ бы счастливъ познакомиться съ вами, сожалѣетъ, что не вышелъ изъ своей берлоги въ Гейдельбергъ, имѣя возможность видѣть васъ тамъ, и съ нетерпѣніемъ ожидаетъ встрѣчи съ вами въ концѣ августа новаго стиля. Въ настоящее время онъ вмѣстѣ со своей женой въ Швейцаріи. Но понадобится разсуждать съ нимъ много и по существу дѣла, потому что, какъ мнѣ кажется, у него очень своеобразныя понятія о Россіи. Княгиня Черкасская **) пишетъ мнѣ иногда изъ Варшавы. Н. Милютинъ теперь тамъ; совѣтъ управленія усиленъ группой людей одинаковаго образа мыслей; таковы, наприм.: Соловьевъ, Кошелевъ, Брауншвейгъ, де-Тодоліи и т. д. На мѣсто министра народнаго просвѣщенія Дембровскаго назначенъ Виттъ, изъ Кіева — знаете ли вы его? Catherine Черкасская пишетъ мнѣ, что всѣ предсѣдатели и многіе члены комиссій для введенія новыхъ уставовъ пріѣхали въ Варшаву во время пребыванія тамъ Милютина и что можно сказать по совѣсти, что комиссіи образованы изъ людей, неспособныхъ на произволъ и совершенно готовыхъ уиѣрить суровость закона строгою справедливостью. Земскія учрежденія введены въ губерніяхъ Петербургской, Московской, Херсонской и Симбирской, я полагаю, для того, чтобы увидать ихъ образъ дѣйствій въ различныхъ мѣстностяхъ государства. Вопросъ о классическомъ образованіи въ гимназіяхъ прошелъ въ государственномъ совѣтѣ сильнымъ большинствомъ, между тѣмъ какъ первоначальное обученіе, ввѣренное руководителству совѣта по назначенію Государя, съ митрополитомъ въ качествѣ предсѣдателя во главѣ, изъято изъ вѣдѣнія министерства народнаго просвѣщенія и повело за собой ип ешес Головинну. Оба эти вопроса отправлены къ Госу-

*) Извѣстный нѣмецкій историкъ.

**) Жена князя В. А. Черкасскаго.

дарю на его окончательное разрѣшеніе. Мы пробудемъ здѣсь еще двѣ недѣли, а 20 іюля (1 августа) мы будемъ въ Рагадцѣ. Напишите мнѣ туда, если найдете время,—вы доставите мнѣ этимъ большое и истинное удовольствіе».

7 (19) іюля *Кавелинъ* писалъ *баронессѣ Раденъ*, между прочимъ сообщая ей о своемъ посѣщеніи княгини Видъ:

«Не знаю, Эдита Федоровна, скоро ли окончу это письмо. Вѣрно то, что начинаю его сегодня и это послужитъ вамъ доказательствомъ, какъ глубоко подѣйствовало на меня письмо ваше изъ Карлсбада. Новости ваши крайне интересны. Не думайте, чтобы нынче я опять хотѣлъ надоѣдать вамъ своими личными дѣлами. Ваше сужденіе я совершенно раздѣляю; вы знаете, какъ я мало честолюбивъ; также знаете вы, какъ я выше всего на свѣтѣ люблю Россію, и какъ ничто въ мірѣ не въ состояніи заслѣпить мнѣ глаза и помѣшать безпристрастно и вполне радоваться всему хорошему и доброму, что въ ней дѣлается. Полезнымъ быть иначе, какъ въ литературной и научной сферѣ, я не могу и сознаю это очень твердо и ясно. Это вамъ лучшая гарантія моей кротости и спокойствія, что бы со мной ни дѣлали, какъ бы обо мнѣ ни думали.

«Да, работая очень усердно надъ нѣмецкими университетами (одна большая статья уже готова, другая, такая же большая, работается), читая и думая, я вполне воротился въ свою среду и вы не повѣрите, какъ этотъ образъ жизни мнѣ по душѣ. Состояніе здоровья мѣшало мнѣ долго наслаждаться моимъ досугомъ вполне, но теперь здоровье, благодаря *Geheimen Rath Wolf* (котораго я причислилъ къ лику святыхъ) поправилось и я могу работать безъ помѣхи.

«8 (20) іюля. Мнѣ хотѣлось бы поговорить съ вами въ этомъ письмѣ обо многомъ, что удалось перечитать и передумать. Политика и текущія новости меня интересуютъ только въ той мѣрѣ, какъ они прямо или косвенно касаются Россіи, или имѣютъ на нее ближайшее или отдаленное вліяніе. Къ остальному я очень равнодушенъ и, могу васъ увѣрить, не изъ квасного патріотизма, не изъ того, что для меня, какъ и всѣмъ, своя рубашка къ тѣлу ближе, а потому, что для меня стало ясно, что жизнь и будущность—у насъ, а не въ Европѣ. Пройдутъ столѣтія и ничего на свѣтѣ не произойдетъ особенно многозначительнаго. И здѣсь, и у насъ наружный шумъ и движеніе будутъ прикрывать наготу и бѣдность живыхъ и глубокихъ мыслей и стремленій; и здѣсь, и у насъ, напрягая глазъ, чтобы разглядѣть, не начинается ли что-нибудь дѣйствительно живое, ничего не разглядишь и, напрягая уши, ничего не услышишь. Но посреди этой вседневной пошлости, искусственного жару, поддѣльныхъ чувствъ и поддѣльной глубины мысли, посреди этихъ продырявленныхъ знаменъ, чувствуется какъ-то, что матеріалъ для будущаго зданія не здѣсь, а у насъ. Какое оно будетъ, я не знаю, да и кто можетъ это предвидѣть? Столѣтія пройдутъ, пока человѣкъ убѣдится, что съ тѣмъ, что есть теперь, ничего больше

начать нельзя, а незамѣтно придеть къ необходимости проложить новые пути, по крайней мѣрѣ искать ихъ. А до тѣхъ поръ еще цѣлые вѣка онъ также будетъ съ виду самодоволенъ, а внутри пустъ, съ виду самоуверенъ, а внутри исполненъ сомнѣній и разорванъ между неразрѣшимыми противорѣчiями. Гниль и теперь уже плохо прикрывается блестящей обстановкой, ослѣпляющей неопытный глазъ. Эта гниль будетъ выступать наружу все больше и больше. Не нужно быть пророкомъ, чтобы предсказать это. Ни война, ни перестройка политическаго вида Европы, ни торжество и побѣда существующихъ партій, политическихъ и церковныхъ, ни развитіе благосостоянія и просвѣщенія, никакая программа политическая, социальная и религіозная не въ состояніи остановить разхоженія, которое становится все яснѣе и яснѣе—и здѣсь, и у насъ. Изъ этого вы поймете мое равнодушіе. Мертвый сонъ въ наукѣ (кромѣ естественной исторіи), въ искусствѣ и художествѣ, въ литературѣ, въ философіи—поразителенъ и есть зловѣщій признакъ. На что стала похожа Англія? Ея дипломатическія продѣлки напоминаютъ мнѣ, въ своемъ родѣ, колоссальное чудовище, изверга въ своемъ родѣ—Кути де ла Поммерэ. А развѣ Наполеонъ III, въ своемъ родѣ, не тотъ же Поммерэ? А Бисмаркъ—не есть ли близкое подобіе того же знаменитаго Поммерэ? Вы смѣтаете, и такое сближеніе кажется вамъ чуть-чуть не разстройствомъ ума. А подумайте, не выражаютъ ли всѣ эти разныя явленія и личности одной и той же мысли, одного и того же начала—отсутствія всякихъ убѣжденій, всякихъ началъ, всякой тѣни того, что пошлые люди называютъ совѣстью, вѣрою, и безграничное служеніе потребностямъ минуты и, притомъ, потребностямъ исключительно матеріальнымъ. Человѣкъ оказывается двуногимъ животнымъ, zu einem zweibeinigen Vierfüßler. Безсмертный Поммерэ выразился въ этомъ смыслѣ въ очень ограниченной, частной сферѣ и только потому такъ страшенъ, гадокъ и отвратителенъ, что его злодѣйство доступно обсужденію каждаго. Попробуйте перевести политическія дѣйствія Англіи, Наполеона, Бисмарка на обыкновенный, ежедневный, частный языкъ и, повѣрьте, вы придете въ такой же ужасъ и содроганіе, какъ и отъ знаменитаго французскаго процесса.

«Перейдете ли къ Россіи—и въ ней страшная пустота. Только одно правительство дѣлаетъ свое дѣло какъ слѣдуетъ, ломаетъ старое зданіе, прогнившее и грозившее задавить насъ подъ своими развалинами, и посреди хаоса старается, насколько возможно, приготовить колыбель для будущаго новорожденнаго. Журналы и писатели, литература и общество, взгляды и партіи, радикалы и консерваторы—какъ все это жалко, посредственно и ничтожно! Тутъ вы встрѣтите и попытки обратиться въ четвероногихъ, и дѣйствительныхъ четвероногихъ, которые и не подозреваютъ, что значить быть человѣкомъ. Есть намеки здѣсь и тамъ на дѣйствительныя, живыя стремленія,—но какъ же они тусклы, безсознательны, слѣпы и случайны! Напрасно будете вы искать этой, широко-обнимающей мысли, хватающейся за самую

глубь дѣла; ничего такого не найдете. Лучшіе ходятъ ощупью, вяло, и если высказываютъ свѣтлую мысль, то случайно, сами не понимая, что говорятъ, и спѣшать тотчасъ же заморить ее тучею пошлостей.

«13 (25) іюля. Разныя обстоятельства прервали мое письмо, за которое принимаюсь снова. Неожиданно посѣтилъ меня въ Боннѣ К. К. Гротъ, — дорогой, милый Гротъ, который извѣстилъ о своемъ прибытіи изъ Франкфурта. Я нашелъ, что онъ слишкомъ заработался и усталъ, физически и морально. Послѣ Грота я наконецъ собрался посѣтить княгиню Видъ въ Монгерос. Послѣ приглашенія, которое вы мнѣ передали изъ Лейпцига, я получилъ отъ нея еще новое, черезъ проф. Гельпера, который тоже былъ здѣсь и съ которымъ мы провели дня два. Я былъ у княгини 22-го, въ пятницу. Принять былъ не только радушно и благосклонно, но дружески, какъ старинный знакомый. Не прошло и часу, какъ мы уже разговаривали со всею откровенностью. По крайней мѣрѣ, я чувствовалъ себя совершенно свободнымъ и несвязаннымъ и долженъ былъ напоминать себѣ не разъ, что говорю съ бывшей великой герцогиней. Вы княгиню знаете, слѣдовательно объ ея дѣйствительно замѣчательномъ и просвѣтленномъ умѣ говорить нечего. Я о ней много слышалъ прежде, знаю ея сына, знаю, что она совершила цѣлый подвигъ, отдавши его на воспитаніе изъ дома къ частному человѣку. Слѣдовательно, всевозможныя предрасположенія были у меня въ ея пользу. Однако, я представлялъ ее себѣ совѣмъ иначе. Мнѣ воображалась женщина если не черноволосая, то ужъ непременно съ очень темными волосами и глазами, живая, съ гордымъ умомъ и съ тою подвижностью, которая такъ часто переходитъ въ насмѣшливость и отчасти въ рѣзкость. Нѣкоторой сентиментальности, нѣкоторой аристократической манерности и важной восторженности я никакъ не ожидалъ въ княгинѣ, и эти черты меня смущали сначала, — такъ мало я былъ къ нимъ приготовленъ.

«Странное это дѣло! Отчего мы, даже образованные, и не только снаружи, но и внутри порядочные русскіе не можемъ побѣдить въ глубинѣ сердца ироніи и усмѣшки при видѣ непосредственно-хорошаго и добраго? Каждая Unbefangenheit, какъ бы она ни была высока и изящна, возбуждаетъ въ насъ это чувство, и его не побѣдишь никакой работой надъ собой, никакими доводами ума, никакой борьбой. Бываетъ, что презираешь себя за это невольное движеніе, но оно есть и его не вытравишь никакими разсужденіями, никакой работой. Все, что говорятъ о враждебности и ненависти русскихъ къ нѣмцамъ, если взглянуть поглубже, сводится, мнѣ кажется, къ этому коренному различію нравственного склада.

Все что нѣмцы создали великаго, все что составляетъ истинное нравственное величіе и геніальность нѣмецкаго племени состоитъ именно въ Unbefangenheit. Все, чѣмъ гордятся нѣмцы, все что составляетъ ихъ безсмертную заслугу передъ человѣчествомъ, выросло на почвѣ непосредственности, — полного, всецѣлаго, простого, дѣтски-чистаго погруженія въ предметъ. Оно было тѣмъ глубже, чѣмъ менѣе развлекалось посторонними, виѣш-

ними соображеніями. Мы, русскіе, понимаемъ это умомъ хорошо; но видя это въ дѣйствительности, на дѣлѣ не можемъ побѣдить насмѣшки, хотя она и остается глубоко затаенной внутри насъ. Отчего это? Оттого ли, что каждый изъ насъ, въ глубинѣ души, все еще татаринъ? Или на насъ наросла, вслѣдствіе нашей злосчастной исторіи, такая кора грязи, что ее не смоешь никакимъ мыломъ и ни въ какой банѣ? Или, натерпѣвшись много горя, по нашей народной пословицѣ: «напившись бѣдами, опохмѣлившись слезами»,—мы потеряли способность вѣрить непосредственно хорошему и доброму? Разберите наше слово *у-бѣжденіе* и вы увидите, что для насъ бѣда какъ будто единственный путь къ истинѣ и правдѣ. Мнѣ кажется, что въ этомъ, а не въ чемъ другомъ, лежитъ затаенная глубокая причина той горькой усмѣшки, того отчасти ядовитого и злораднаго пренебреженія, которое шевелится у насъ въ груди при видѣ непосредственно хорошаго; мы ему не вѣримъ, потому что его не видали и не знаемъ. Природа наша—печальная, исторія—самая горестная, страдальческая. Молодость наша не была радостна и всякій шагъ впередъ мы покупали страшными жертвами. Размечтаться намъ было некогда и нельзя было спокойно созерцать идеалы, погружаться въ нихъ всѣми силами души. Откуда было взять намъ горячую вѣру въ существующее добро, добро дѣйствительное, живое? Оно, когда и являлось намъ въ микроскопической дозѣ, то вслѣдствіе страшныхъ напряженій и неимовѣрныхъ усилій. У насъ привыкли почему-то смотрѣть на русскую исторію какъ на какое-то стоячее болото, въ которомъ началось что-то похожее на движеніе лишь съ Петра Великаго. Но взгляните-ка на нее повнимательнѣе: это—сплошная цѣпь смутъ и переворотовъ, и что дальше, тѣмъ глубже, тѣмъ объемистѣе, тѣмъ радикальнѣй. Вотъ среда, въ которой мы рождаемся, живемъ и умираемъ, и вотъ гдѣ коренится глубокая противоположность въ складѣ ума и всей нравственной природы нѣмцевъ и русскихъ. Наше практическое направленіе, наше отсутствіе идеализма, въ которомъ насъ упрекаютъ, происходитъ не отъ недостатка идеалитета, а есть печальный результатъ нашей печальной исторической жизни.

Молодая княжна Видъ мнѣ чрезвычайно понравилась. Это прекрасный типъ нѣмецкой дѣвушки, развившейся совершенно правильно, что дѣлаетъ большую честь матери. Ей, говорятъ, лѣтъ 20 или около, а смотритъ она 12-лѣтнимъ ребенкомъ, хотя и очень умнымъ и образованнымъ,—такъ она чиста, проста, безъ всякой тѣни умственного или нравственного жеманства. Глядя на нее, я подумалъ о моей дочери; эта поплутуватѣй, согласно съ національнымъ характеромъ, хотя между своими она—идеаль прямоты и душевной чистоты. Что прикажете дѣлать! Національныхъ свойствъ не избѣжишь, какъ физическихъ опредѣленій и условій. Они всасываются съ воздухомъ».

Отзывъ Кавелина о княжнѣ Видъ возбуждаетъ въ дальнѣйшей его перепискѣ съ баронессой Раденъ вопросы о воспитаніи вообще.

Въ письмѣ отъ 24 августа (5 сентября) *Эдита Оедоровна* пишетъ *Кавелину* изъ Рагациа:

«Я бы желала возразить вамъ относительно одного пункта вашего письма отъ 7 (19) іюня, именно того, въ которомъ вы обвиняете русскихъ въ насмѣшливой ироніи, и это по поводу княгини Видъ. Никакъ не въ ней надо искать нѣмецкой «непосредственности»; напротивъ, внутренній міръ княгини весь «дѣланный», обработанный съ большимъ трудомъ и тщаніемъ посторонней рукой; прекрасныя и гармоническія формы ея духовной природы составляютъ продуктъ долгихъ и упорныхъ стараній и заботъ извнѣ и страданій со стороны самой княгини, но страданій воспринятыхъ ею совершенно сознательно. Она производитъ на меня такое впечатлѣніе, какъ будто бы сама постоянно смотритъ на себя полу-критически и какъ бы съ удивленіемъ, а потому невольно вызываетъ такое же чувство въ другихъ. Ея дочь очень мила et une très bonne enfant. Признаться ли вамъ, совершенно между нами? Еслибъ я могла поставить ей что-либо въ упрекъ, такъ это совершенную правильность развитія въ началахъ благоразумія, которыя ей были начертаны. Въ ней нѣтъ ничего неожиданнаго, ничего противорѣчиваго. Ея духовный міръ — это прелестный садъ, въ немъ все хорошо прибрано, хорошо устроено, но тщетно стали бы вы искать тамъ отдаленнаго уединеннаго уголка, полнаго тѣни или солнца, гдѣ бы вы хотѣли отдохнуть на душистой травѣ и провести жизнь вдали отъ шумнаго свѣта. Только не слишкомъ много воспитывать! Это сдѣлалось моею любимой поговоркой. И душа не должна быть слишкомъ управляема въ своемъ развитіи даже лучшими и самыми близкими людьми; пусть она разобьетъ свои крылья въ великой жизненной школѣ, этой клѣткѣ, въ которой всѣ мы заперты, но изъ излишней предосторожности и попеченія, душа не должна быть принуждаема къ осторожному прохожденію жизненнаго пути, потому что она, по природѣ своей обладая крыльями, невольно должна парить, стремиться въ высь...

Пишу вамъ изъ страны горъ и свободы: невольно внѣшнія впечатлѣнія отражаются на внутреннемъ расположеніи духа, когда и то и другое однородно. Однако, какъ ни превосходна республиканская свобода у обитателей деревень и уединенныхъ кантоновъ, она сдѣлалась безобразной каррикатурой въ городахъ и въ кантонахъ, зараженныхъ путешественниками. Темперешніа дѣла Женевы и отвратительная деморализація радикальной партіи — подтверждаютъ это. Множество польскихъ выходцевъ, которые вносятъ въ эти кантоны театральную ложь, свойственную всей націи, придаетъ особый колоритъ этой печальной картинѣ. Покидаю васъ съ сожалѣніемъ, — почта не ждетъ. Богъ да сохранить васъ!»

«Общія ваши разсужденія о воспитаніи, — отвѣчалъ *Кавелинъ Эдитъ Оедоровна* 26 августа (7 сентября), — sind mir aus dem Herzen gesprochen: этихъ мыслей я держался какъ аксіомы въ воспитаніи моихъ дѣтей, и еслибъ вы поближе знали мою Соньку, вы бы увидали, что эти аксіомы и при-

ведены въ исполненіе. Въ этомъ отношеніи я не знаю какъ благодарить начальницу гимназіи, которая, повидимому, держится тѣхъ же самыхъ правилъ. Только позвольте не совсѣмъ съ вами согласиться насчетъ княжны Елизаветы: мнѣ кажется, что весь ея недостатокъ въ томъ, что она 14 лѣтъ, когда ей около 20, ея ростъ умственный и нравственный задержанъ. Что-то ребяческое, но доброе, честное и умное, чувствуется въ ней. Вы думаете, что она завоспитана? Но будь въ ней что-нибудь, сопротивляющееся этому, оно бы выразилось, можетъ быть, въ жесткомъ, непріятномъ, угловатомъ видѣ, но все - таки бы выразилось. Что этого не случилось, доказываетъ большая доля Unbefangenheit, которая свойственна прежде и больше всего нѣмецкой натурѣ. Мнѣ эта натура очень симпатична именно потому, можетъ быть, что во мнѣ самомъ нѣтъ и тѣни этого великаго дара природы, судьбы, неба, — какъ хотите»...

Д. Корсаковъ.

Новыя страданія.

(Романъ Жюля Боа).

Свобода развитія есть благо. Все, что стремится увѣковѣчить отжившее—зло. Въ этомъ отношеніи и духъ подчиняется неотвратимымъ законамъ природы: подобно вѣчно повторяющимся вѣстамъ, онъ сбрасываетъ съ себя покровъ за покровомъ и выливается все въ новыя формы. Тотъ, кто желаетъ воспрепятствовать возрожденію—грѣшитъ противъ свободы, творить зло и подготавливаетъ смерть.

Мальвида ф.-Мейзенбуръ.

Такъ называемый женскій вопросъ долгое время занималъ во Франціи весьма и весьма второстепенное мѣсто въ жизни этого народа. Серьезно относились къ нему только сами защитницы своихъ правъ, а общество, народъ и литература если и вспоминали о новомъ движеніи, то развѣ только съ цѣлью посмѣяться и поострить пашетъ его представительницъ. Оно и понятно—въ Парижѣ, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, внѣшность почти все; все простится женщинѣ, только не компизмъ, не отсутствіе изящества, красоты. А первымъ поборникамъ женской равноправности было не до того, чтобы думать о своей внѣшности или быть разборчивыми въ средствахъ борьбы; онѣ, какъ фанатички, шли напроломъ, вдавались въ крайности и, разумѣется, терпѣли фіаско и давали богатый матеріалъ для изощренія дешеваго остроумія. А за насмѣшками и шутками пресса, а за нею и общество забывали вдумываться въ сущность движенія.

Но вотъ мало-по-малу у передовой женщины возникаетъ сознаніе, что для достиженія своей цѣли надо прежде всего заставить отнестись къ себѣ серьезно, заставить слушать себя, а для этого, во Франціи, нельзя пренебрегать никакими внѣшними условіями. Теперь передовая женщина уже не старается выдѣлиться изъ толпы стриженными волосами, страннымъ костюмомъ, рѣзкими движеніями, — нѣтъ, она, по возможности, одѣвается такъ же красиво, какъ и всѣ, окружаетъ себя такой же обстановкой, какъ

у всѣхъ, держать себя, какъ всѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ стремится къ самостоятельному заработку, трудится на всѣхъ поприщахъ искусства, науки, литературы, думаетъ, служить, пишетъ, работаетъ... Постепенно возникъ цѣлый рядъ журналовъ и газетъ, посвященныхъ женскому движенію и издаваемыхъ женщинами. Наконецъ два года тому назадъ появилась извѣстная *Fronde*, которая издается, составляется и печатается женщинами. *Fronde* стала во главѣ движенія и быстро завоевала себѣ всеобщее вниманіе и симпатіи. Гюгъ Дестремъ въ *Rappel* прямо заявляетъ, что «въ настоящее время даже лестно быть заподозрѣннымъ въ сочувствіи феминизму; уже хотя бы потому, что его защитницами выступаютъ Северинъ и фаланга frondeuses, а нападаетъ г. Ледринъ съ реакціонерами».

Такимъ образомъ о женскомъ движеніи заговорили, сочувственно или отрицательно—на первый разъ не важно; важно, что стали вообще писать о немъ, обсуждать его. И вотъ теперь «можно безъ преувеличенія сказать, что женскій вопросъ стоитъ на очереди,—пишетъ Марія Шелига въ *Revue Parlementaire*.—Не только наши законодатели внимательно прислушиваются къ требованію женщинами новыхъ законовъ и обсуждаютъ проекты этихъ законовъ, но палата и сенатъ часто большинствомъ голосовъ принимаютъ ихъ, слѣдовательно признаютъ необходимость улучшенія положенія женщины въ обществѣ и семьѣ. Женское движеніе, освободившееся отъ разныхъ эксцентричностей, сопровождавшихъ его вначалѣ и вредившихъ его развитію, въ настоящее время вступаетъ въ фазисъ практическаго осуществленія своихъ задачъ».

А Хейльбронъ въ своей статьѣ «Die neue Frau» называетъ женское движеніе «величайшей революціей въ исторіи человѣчества». «Женщина,—говоритъ онъ,—сдѣлается иной, новой и въ свою очередь повліяетъ на характеръ и образъ жизни мужчинъ. На отдѣльныхъ личностяхъ, принимающихъ участіе въ самомъ движеніи, и теперь уже замѣчаются признаки этого возрожденія».

Итакъ, существованіе «новой женщины» было признано и нужно было ожидать, что ея типъ или ея типы появятся и въ литературѣ. Въ Германіи это случилось нѣсколько раньше, во Франціи — только въ послѣднее время. Прошлой осенью сразу появился рядъ романовъ, въ которыхъ авторы пытаются намѣтить новый, нарождающійся типъ женщины, стараются объяснить ея психологію, указать положеніе, которое она займетъ въ обществѣ, и на ту борьбу, которую она ведетъ съ нимъ. Назовемъ только нѣкоторые изъ этихъ произведеній. «Nouvelle douleur» Жюля Боа, «Hellé» Марсель Тинагръ (сотрудницы *Fronde*), «L'Aube» Жана Рейбрахъ и, наконецъ, «Lea» Марселя Прево, печатающаяся въ *Revue de Paris*.

Несомнѣнно, первый романъ, *Nouvelle douleur*, надѣлалъ больше всего шуму. «Во всѣхъ литературныхъ кружкахъ,—пишетъ *Le Journal*,—и во всѣхъ салонахъ горячо обсуждается захватывающій романъ Жюля Боа. Марсель Прево назвалъ его «настоющей книгой современной женщины». И дѣйствительно, никому еще не удавалось такъ глубоко заглядывать въ тай-

ники ея души». Съ послѣднимъ мы совершенно несогласны, но дѣло по въ томъ: Жюль Боа въ своемъ новомъ произведеніи старается разрѣшить вопросъ, какъ отнесется современный средній мужчина къ женщинѣ развитой, мыслящей, безъ какихъ-либо предразсудковъ, способной къ самостоятельному труду и заработку и стремящейся самой составить себѣ имя; словомъ, къ женщинѣ, которая не видитъ всего счастья и всего смысла своего существованія въ любви къ мужу, а живетъ и своей собственной жизнью, сообразно своимъ взглядамъ, убѣжденіямъ, вкусамъ и готова на всякую борьбу за свое право «быть личностью», а не только «половиной, хотя бы и «дражайшей», своего мужа». Способенъ ли современный мужчина — рѣчь идетъ о большинствѣ — настолько нравственно переродиться, чтобы вмѣсто традиціонной хозяйки или куртизанки, признать своей подругой женщину болѣе высокую и въ умственномъ, и въ нравственномъ отношеніи?— вотъ въ чемъ вопросъ. Захочетъ ли онъ добровольно отречься отъ предразсудковъ и правъ, которые съ колыбели казались ему истинами, не подлежащими сомнѣнію? А если бы и захотѣлъ, то сможетъ ли поборотъ въ себѣ мужское самолюбіе, сумѣетъ ли признать себя не выше женщины, а только равнымъ ей? И если нѣтъ, то сколько борьбы, какую муку придется перенести ему съ одной стороны, и сколько борьбы со своимъ чувствомъ придется вынести ей за свою свободу? Вотъ вопросы, которые ясно и опредѣленно ставитъ Жюль Боа въ своемъ новомъ романѣ. Удалось ли ему разрѣшить ихъ—другое дѣло. Но вопросъ поставленъ, и редакція *Fronde* предприняла даже цѣлое изслѣдованіе, опросила почти всѣхъ критиковъ и журналистовъ, что они думаютъ о возможности будущихъ осложненій въ отношеніяхъ между мужчиной и «новой женщиной» или женщиной «переходнаго времени», какъ называетъ ее Хейльборнъ. Прежде чѣмъ коснуться изложенія этихъ, во всякомъ случаѣ, любопытныхъ взглядовъ, мы вкратцѣ изложимъ самый романъ и постараемся очертить образъ этой женщины, какъ его намъ рисуетъ молодой романистъ.

Какъ Реваль, знаменитый романистъ, встрѣчается въ Остенде съ молоденькой, хорошенькой Эленъ. Съ первыхъ же словъ онъ видитъ, что имѣетъ дѣло не съ обыкновенной барышней, желающей во что бы то ни стало найти себѣ мужа. Нѣтъ, воспитанная чрезвычайно богомольной матерью, ушедшей въ молитвы и постъ, отцомъ скептикомъ, ученымъ, эгоистомъ, влюбленнымъ только въ свои книги и не признающимъ ничего кромѣ нихъ, и старшими сестрами — старыми дѣвами, холодными и черствыми, — она рано стала самостоятельно думать, привыкла такъ или иначе отстаивать себя въ семьѣ и всѣми силами рвалась изъ нея. Но не съ тѣмъ, чтобы подчиниться какой-нибудь иной власти, но чтобы «освободиться» и начать новую жизнь. Какъ Реваль, какъ писатель и психологъ, сразу понималъ, что передъ нимъ «возмутившаяся», une *revoltée*. Никогда раньше ему не приходилось встрѣчаться съ подобнымъ типомъ, никогда онъ не любилъ еще такой женщины... Она сразу задѣвастъ его любопытство какъ

писателя и какъ мужчины. Къ тому же Эллень умна, красива и жива «какъ ураганъ среди цвѣтовъ». Сначала Жакъ желаетъ сдѣлать изъ нея только свою любовницу и «натурщицу», испытать неизвѣданныя еще наслажденія въ покореніи строптивой и гордой натуры и воспользоваться безсознательной моделью для будущихъ своихъ произведеній. Но мало-по-малу оригинальность и смѣлость взглядовъ молодой дѣвушки, ея прямота и энергія увлекаютъ романиста дальше, чѣмъ бы онъ желалъ. Обойтись безъ ея общества, отказаться отъ чудныхъ прогулокъ вдвоемъ по берегу моря, отъ разговоровъ, полныхъ захватывающаго для него интереса, онъ не можетъ; между тѣмъ у него жена, дѣти, которыхъ онъ по-своему любитъ; на тайную связь Эллень не соглашается и готова пожертвовать для него всѣмъ, чѣмъ обыкновенно дорожитъ дѣвушка, но при условіи открытаго сожителства. Къ счастью для обоихъ Луиза, жена Реваля, со свойственной проницательностью любящей женщины, догадывается въ чемъ дѣло и вызываетъ мужа на объясненіе. Узнавъ истину, она сама отпускаетъ его къ своей соперницѣ. «Иди,—говоритъ она,—не тужи и безъ того слишкомъ тяжелой борьбы съ самимъ собой и не увеличивай моего отчаянія. Ни ревности, ни гнѣва я не чувствую... Лишь одного желаю: это—чтобы, покидая меня, ты все-таки пожалѣлъ о той, что умѣла только покоряться тебѣ. Въ этомъ моя месть!»

Жакъ виѣстѣ съ Эллень уѣзжаетъ въ Лондонъ, гдѣ они проводятъ свой медовый мѣсяцъ въ полномъ уединеніи. Первое время они чувствуютъ себя вполне счастливыми... т.-е., вѣрнѣе, счастлива только она; счастлива сознаниемъ, что освободилась изъ-подъ гнета семьи, счастлива своей любовью и смутной надеждой, что онъ, ея освободитель, поможетъ ей начать новую, «свою» жизнь. Но именно эта-то надежда, которая не можетъ ускользнуть отъ наблюдательности писателя, и поселяетъ въ скептикѣ и эгоистѣ Жака Реваля такое же смутное, такое же неясное, но, тѣмъ не менѣе, весьма сильное безпокойство, переходящее потомъ въ ревность не къ кому-либо, а къ самостоятельной умственной жизни своей подруги. Съ первой же минуты совмѣстной жизни въ немъ просыпается сознаніе, что она пойдетъ своимъ путемъ, будетъ самостоятельно развиваться, и онъ—не «господинъ сокровища», а только его «хранитель».

Но пока весь міръ для нихъ заключается въ нихъ самихъ и ихъ любви, все идетъ хорошо. Но вотъ постепенно въ молодой четѣ просыпается желаніе принять участіе въ жизни, кипящей вокругъ; городская сутолока понемногу увлекаетъ ихъ, захватываетъ, заполняетъ... Изъ Парижа привѣзжаетъ къ нимъ другъ Реваля, композиторъ Виоллисъ, и привозитъ съ собой цѣлую кучу новостей, письма, газеты, корректуры послѣдняго романа Жака... Все это, виѣстѣ взятое, сразу вырываетъ молодыхъ людей изъ искусственнаго уединенія и замкнутости, переноситъ ихъ къ прежней жизни и заставляетъ принять участіе въ окружающей. Они начинаютъ втроемъ осматривать городъ, дѣлать прогулки, посѣщать театры. Лондонъ какъ разъ въ это время былъ особенно оживленъ: приближался юбилей королевы Викто-

рии. Вездѣ дѣлались грандіозныя приготовленія, вездѣ шла лихорадочная дѣятельность; массы иностранцевъ наводнили улицы, наполнили ихъ небывалымъ движеніемъ. Въ самый день празднества Эллень въ сопровожденіи Ревалъ и Віоллисъ снимаютъ себѣ на площади балконъ и оттуда наблюдаютъ торжество. Безконечной вереницей дефилируютъ передъ ихъ глазами войска всѣхъ оружій: быстро проходятъ любимцы націи, моряки, за ними—драгуны въ роскошныхъ мундирахъ, дальше—уланъ верхами на чудныхъ лошадяхъ, живописные индійцы, изящные гусары, гвардія, войска и опять войска, и еще войска, всѣхъ странъ, всѣхъ оружій, всѣхъ націй... Толпа восторженно привѣтствуетъ ихъ, видя въ нихъ олицетвореніе своей силы и своего могущества; но когда, наконецъ, показывается коляска съ королевой, энтузіазмъ народа переходитъ въ изступленіе... Эллень кажется, что она присутствуетъ при апоѳеозѣ женщины: пусть теперь всѣ эти клики относятся къ одной королевѣ, пускай народы падаютъ теперь ницъ передъ ней одной,—но наступитъ время и вселенная признаетъ «женщину» вообще и уступить ей подобающее мѣсто!

Красота процессіи, блескъ мундировъ, энтузіазмъ народа, музыка, крики—все это опьяняетъ Эллень. Она смотритъ на эту толпу и постепенно въ ней рождается сознаніе, что она—только частица ея, что не одна она на свѣтѣ и не имѣетъ права уходить только въ свою любовь, жить только ею, что людей много, безконечно много, и она должна жить съ ними и ради нихъ; въ эту минуту она чувствуетъ живую связь съ ними, сливается съ ихъ жизнью, и Реваль инстинктивно понимаетъ, что съ этой минуты онъ становится для любимой женщины не «всѣмъ», не «единымъ во всемъ мірѣ», а только частицей вселенной; и вмѣстѣ съ этимъ онъ ясно сознаетъ, что отнынѣ его мученія, его «интеллектуальная» ревность болѣе никогда не покинутъ его...

Вернувшись къ себѣ, онъ предается мрачнымъ предчувствіямъ, которыми мучаетъ и себя, и ее. Напрасно Эллень старается успокоить его. «Пожно,—говоритъ она,—вотъ теперь-то я тебя совсѣмъ поняла! Потому что я мысленно слилась съ толпой, полчаса жила съ нею за одно, ты думаешь твой престижъ въ моихъ глазахъ уменьшается. Нѣтъ, другъ мой—для меня ты не смѣшался съ безконечнымъ потокомъ человѣчества. Когда-то давно, давно, должно быть, сама судьба предопредѣлила нашу встрѣчу и если бы теперь мы даже захотѣли разлюбить другъ друга, то между нами все-таки останется незыблемая связь».

Но все напрасно. Разъ уже вступивъ на путь сомнѣнія, Жакъ не можетъ, не хочетъ остановиться и долженъ идти по немъ до конца. Малѣйшаго повода достаточно, чтобы его ревность вспыхнула съ новой силой. Временами онъ испытываетъ мучительную ненависть къ своему сопернику «роковому и неизбѣжному развитію ума и характера» Эллень. Слѣдующее, повидимому, незначительное обстоятельство, еще обостряетъ взаимное глухое недовольство. Какъ выше сказано, Віоллисъ привезъ Жаку корректуру его новой книги. Эллень умоляетъ своего друга не печатать этихъ «пѣсенъ

порока и чувственных наслаждений», а придти на помощь страждущимъ, плачущимъ, изнемогающимъ подъ бременемъ труда и горя... вдохнуть въ нихъ вѣру въ идеалъ, облегчить имъ борьбу, вдохновить на нее; она предлагаетъ Жаку свое сотрудничество и помощь, но въ немъ просыпается самолюбіе: ему—мужчинѣ и владыкѣ стыдно поддаваться вліянію женщины и хотя онъ чувствуетъ правду въ ея словахъ, онъ рѣзко отклоняетъ предложеніе Эллень и начинаетъ издѣваться надъ ней. Своему другу Віоллису онъ со злой насмѣшкой рассказываетъ, что Эллень требуетъ отъ него превратиться въ святого и писать только о святости. «Нѣтъ,—говоритъ дѣвушка,—я не хочу чтобы вы записывались въ монахи... Дѣйствовать, я думаю, болѣе достойно человѣка, нежели созерцать... Но я желала бы, чтобы изъ подъ вашего пера выходили произведенія только достойныя васъ».

Послѣ этой сцены Жакъ, чтобы не оставаться вдвоемъ съ Эллень, ѣдетъ проводить Віоллиса на вокзалъ. Дорогой у нихъ заходитъ рѣчь о Сентъ - Гильдѣ, талантиливой поэтессѣ, африканкѣ, безумно влюбленной въ Жака. Охваченная страстью, въ порывѣ отчаянія, она прислала ему письмо, въ которомъ умоляетъ вернуться къ ней, общается сдѣлаться его работой, вещью, бросить авторство, славу, все — лишь бы онъ любилъ ее. «Вотъ вамъ и разница между этими двумя женщинами,—говоритъ композиторъ. Одна, желая во что бы то ни стало удержать васъ при себѣ, незамѣтно покорить васъ, отрекается даже отъ собственнаго генія и льститъ самымъ низменнымъ вашимъ инстинктамъ; другая, рискуя навсегда потерять, все — таки старается внушить вамъ любовь и стремленіе къ идеалу».

У Жака мелькнула фатоватая улыбка любовника.

«Увидимъ,—говоритъ онъ,—въ концѣ концовъ и эта покорится, какъ другія».

«Не рассчитывайте на это,—серьезно отвѣчаетъ Віоллисъ.—Она—характеръ! Какъ бы она не ускользнула отъ васъ».

Слова композитора открываютъ глаза Жаку. Такъ, слѣдовательно, война между ними уже объявлена? Ея умъ, жажда дѣятельности, самостоятельность мышленія, рѣшимость развиться самой и вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ направленіи вліять и на своего друга—вотъ враги Жака.

Между тѣмъ, начиная съ памятнаго дня празднованія юбилея королевы, Эллень уже ясно сознала необходимость начать болѣе дѣятельную жизнь. Она разыскиваетъ нѣкоторыхъ своихъ знакомыхъ, черезъ нихъ попадаетъ въ кругъ женщинъ, стоящихъ во главѣ женскаго движенія въ Англіи, и становится постоянной посѣтительницей всѣхъ ихъ собраній, митинговъ, лекцій и т. д.

Увлеченіе Эллень новыми знакомыми, ея восторженные похвалы имъ задѣваютъ любопытство Жака какъ писателя, и онъ начинаетъ сопровождать ее на эти собранія, гдѣ невольно проникается сознаніемъ той великой, душевной силы, что руководитъ и одушевляетъ этихъ женщинъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ начинаетъ чувствовать, какой опасностью грозитъ ему и ему подобнымъ это движеніе и сколько страданій предстоить имъ перенести отъ «новой Евы». Онѣ отдаютъ свою жизнь не мужчине, какъ вѣрныя и невѣрныя подруги прежнихъ временъ, а всему человѣчеству, живутъ для бѣдныхъ, больныхъ, проститутокъ, дѣтей, пьяницъ, всякаго отребья рода человѣческаго, стоящаго на границѣ между сумасшедшими и больными. Въ разгаръ глухой борьбы съ увлеченіемъ дѣвушки разными общественными вопросами, изъ-за боязни потерять ее, Жаку приходитъ въ голову обратиться къ своей старинной пріятельницѣ, леди Эджертопъ, съ просьбой взять подъ свое покровительство «его юную, одинокую соотечественницу». Пожилая, строгая леди охотно соглашается на эту просьбу, отчасти потому, что ей самой очень нравится живая, изящная француженка, а отчасти потому, что у нея является надежда, что сдержанность и тактичность Элленъ немного образумятъ и обуздають ея сумасбродную и эксцентричную, чтобы не сказать болѣе, дочку. Въ угоду ей, она, не признавая никакого женскаго вопроса, отъ души презирая всякихъ передовыхъ женщинъ, однако принимаетъ ихъ у себя. Такимъ образомъ Жакъ и Элленъ получаютъ приглашеніе на вечеръ, на который старая леди постаралась собрать представительницъ всѣхъ направленій женскаго движенія, эмансипированныхъ всѣхъ оттѣнковъ, всѣхъ сектъ, начинающая съ поборницъ политической равноправности, вегетаріанокъ, членовъ общества воздержанія, противницъ вивисекціи, прививки оспы, теософовъ и кончая послѣдовательницами ученія Толстого... А между этими «возмущившимся и возставшимъ» порхаетъ миссъ Виржинія, дочь леди Эджертопъ, хорошенькая, нарядная, космополитка до мозга костей, все видѣвшая, все испытывавшая, интересующаяся всѣмъ безъ исключенія, лишь бы это было ново. Не краснѣя и не опуская глазъ, она говоритъ съ мужчинами о самыхъ рискованныхъ вещахъ, называя все своимъ именемъ, и все-таки у нихъ остается впечатлѣніе, что она наполовину только дерзка, а наполовину наивна. Странная дѣвушка умѣла какъ-то въ одно и то же время стоять за свободную любовь, быть мальтузіанкой и восторженной поклонницей вѣчной дѣвственности.

Всѣ эти женщины смѣло, дерзко, почти вызывающе касались самыхъ щекотливыхъ вопросовъ, не отступали передъ самыми крайними выводами, голосъ у нихъ нервно вибрировалъ, щеки пылали, глаза блестѣли рѣшимостью, и всѣ онѣ производили впечатлѣніе борцовъ, готовыхъ вступить въ бой за правое дѣло, или вдохновленныхъ пророчицъ, призывающихъ людей къ новой жизни. И въ то время какъ леди Эджертопъ слушала рѣчи этихъ «сумасшедшихъ», «этихъ чудищъ», едва скрывая свое отвращеніе, дочь ея уже увлекалась ими, старалась понять и примкнуть къ ихъ движенію; правда, изъ снобизма, но развѣ это самое уже не доказывало ихъ силы?

Между рѣчами наибольшее вниманіе возбудила проповѣдь какой-то не то юродивой, не то пророчицы. «Напрасно, сестры, вы такъ увлекаетесь и

хлопочете, — говорила она вдохновеннымъ голосомъ, устремивъ куда-то въ даль загадочный взглядъ. — Прежде всего надо очистить свои собственные помыслы, очистить свое собственное сердце. И если это невозможно въ сей жизни, намъ остается еще безконечность будущихъ существованій. Хотите вы, чтобы человѣчество возвысилось и усовершенствовалось, такъ начните прежде всего съ изученія самихъ себя, познанія своего внутренняго я». И она прославляла жизнь браминовъ, ихъ безконечное созерцаніе голыхъ махатма, изъ глубины дѣвственныхъ гималайскихъ горъ только силой концентраціи воли и мысли, управляющихъ мірами. Но эта проповѣдь, какъ ни была поэтична и вдохновенна, оставила Элленъ холодной. Ея дѣятельную, энергичную натуру не удовлетворяло созерцаніе, она жаждала работы, дѣла. Гораздо большее впечатлѣніе произвела на нее проповѣдь высокой, красивой и гибкой, какъ змѣя, ирландки, которая краснорѣчиво и горячо оправдывала бродяжничество женщинъ. «Только онѣ, эти вѣчныя бродяги безъ крова, безъ семьи, безъ любовника—свободны!» И яркими красками описывала она ихъ жизнь, полную лишеній, горя и нужды; но зато онѣ съ гордостью могутъ сказать, что обходятся безъ покровительства какого бы то ни было мужчины, даже не принимаютъ братской поддержки такого же бродяги, какъ онѣ сами. «Женщина, сходящаяся съ мужчиной въ бракѣ, или въ свободномъ сожителствѣ, все равно связываетъ себя по рукамъ и ногамъ и неизбѣжно отдается рабству. Въ настоящемъ обществѣ немыслимо иначе: мужчина влѣдствіе атавизма не можетъ поступать по другому, а женщина, подъ вліяніемъ цѣлыхъ вѣковъ рабства, уже не умѣетъ защищаться, потому что вѣчно терпѣла поражение». И она призывала избранныхъ женщинъ освободиться отъ «гнѣта поцѣлуевъ» и оставаться свободными и гордыми. «Кто за мной?»—закончила она. «Я смѣло водружаю знамя дѣвственности и бросаю вызовъ мужу и любовнику».

Замѣтя, какое сильное впечатлѣніе слова ирландки производятъ на Элленъ, Жакъ пробуетъ шуткой парализовать ихъ вліяніе. «Да это стачка женщинъ»—воскицаетъ онъ. Но иронія безслѣдно скользитъ по дѣвушкамъ, не задѣвая ее. Какъ очарованная ходитъ она среди толпы, вся погруженная въ собственные думы.

Этотъ вечеръ имѣлъ рѣшающее вліяніе на судьбу молодой четы: она все болѣе и болѣе отдавалась общественнымъ вопросамъ, а онъ все сильнѣе ревновалъ ее къ нимъ. Къ несчастью у нихъ не было ребенка и не было надежды, чтобы Элленъ когда-либо стала матерью. Но и въ этомъ вопросѣ Жакъ остается вѣренъ себѣ—эгоистомъ до глубины души. Сначала онъ жалѣетъ объ этомъ обстоятельствѣ, потому что ребенокъ заставилъ бы Элленъ остаться такой же женщиной, какъ и всѣ, но затѣмъ мысль, «что быть можетъ, мать пересилила бы въ ней любовницу» заставляетъ его радоваться безплодію. Сама же Элленъ глубоко горюетъ, что ей не суждено стать матерью, и утѣшается только мыслью, что «материнство ума» тоже великая вещь и что за неимѣніемъ собственныхъ дѣтей

остаётся любить всѣхъ людей, быть «безплодной монахиней милосердія». На замѣчаніе леди Карденъ, что женщина создана быть супругой и матерью, она грустно отвѣчаетъ:

«А тѣмъ, у которыхъ нѣтъ дѣтей, позвольте любить человѣчество».

Вскорѣ ревность Реваля достигаетъ своего апогея, и онъ увозитъ Эллень въ Парижъ, надѣясь, что тамъ разсѣянная жизнь, новая обстановка, масса знакомствъ и удовольствій наполнятъ ея жизнь, освободятъ изъ-подъ вліянія новыхъ друзей и ему удастся такимъ образомъ сохранить ее исключительно для себя одного. Но и тутъ его ожидаетъ рядъ неудачъ: прежде всего она отказывается поселиться съ нимъ на одной квартирѣ, во-первыхъ, потому, что желаетъ жить на свои личныя средства, а во-вторыхъ, потому, что можетъ работать и чувствовать себя хорошо только въ извѣстной обстановкѣ, гдѣ каждая мелочь носила бы слѣды ея личнаго вкуса, личной заботы, отражала бы, такъ сказать, ее самоё. Тогда Жакъ рѣшается на послѣднее средство — предлагаетъ ей жениться на ней. Но и тутъ, послѣ короткой, внутренней борьбы, она очень нѣжно, но твердо отклоняетъ это предложеніе. «Мы не для того сходились, чтобы культивировать нашъ эгоизмъ, — говоритъ она. — Я люблю тебя, и твои ласки имѣютъ громадную власть надо мной. Но я умоляю тебя, не обращай моего чувства въ орудіе противъ меня самой, лучше помоги мнѣ подняться выше его и одержать побѣду надъ своими инстинктами. Мужъ всегда господинъ, а я не рождена повиноваться. У меня есть свое назначеніе. Но я нуждаюсь въ тебѣ. Будь же моимъ великодушнымъ другомъ, вѣрнымъ товарищемъ, сотрудникомъ и помоги исполненію высшихъ задачъ. Вѣдь ты освободилъ меня отъ гнета прежней жизни, увѣнчай же теперь дѣло рукъ своихъ, позволь мнѣ потрудиться на освобожденіе своихъ сестеръ. Въ этомъ направленіи такъ мало сдѣлано, и такъ много дѣла еще впереди! Въ твоихъ объятіяхъ я чувствую себя монахиней, нарушающей обѣтъ... Вѣдь я обручилась съ человѣчествомъ».

«Не жертвуешь ли ты нашимъ счастьемъ ради химеры», — говоритъ Жакъ.

«Пусть это химера, пусть!... Но она лучше, выше нашего личнаго счастья! И ради нея, я, несмотря на всю свою любовь къ тебѣ, отказываюсь быть твоей женой».

И Эллень устраиваетъ свою жизнь по личному усмотрѣнію, заводитъ знакомства, пишетъ, произноситъ рѣчи. На одномъ изъ засѣданій общества феминистокъ «Союзъ», на которое собралось довольно много публики, и публики самой разнообразной, Эллень впервые выступаетъ въ качествѣ оратора и сразу становится извѣстностью. Дѣло происходило такъ: въ программу засѣданія входилъ докладъ «объ ухаживаніяхъ мужчинъ и банкротствѣ женскаго кокетства». На эстраду одна за другой входятъ смѣшныя, уродливыя, неуклюжія представительницы женскаго движенія въ Парижѣ и, наконецъ, извѣстная анархистка Ливія Жаддингъ, и своими бѣшенными рѣчами вызываетъ среди присутствующихъ студентовъ и журналистовъ градъ

насмѣшекъ, свистъ, топотъ и шиканье. Даже находящіеся въ залѣ профессора не могутъ воздержаться отъ негодовація, и одинъ изъ нихъ, умный, но циничный Шабарда, ненавидящій всякую новую идею, если не можетъ ее присвоить, позволяеть себѣ громко и рѣзко крикнуть:

«Онѣ годятся только для постели, кухни и бала... все остальное для насъ... Сумасшедшія, право, сумасшедшія! Ни за что не повѣрю, чтобы во всемъ этомъ нашлась хотя капля здраваго смысла».

«Увидимъ!» — восклицаетъ Элленъ и, раньше чѣмъ Жакъ успѣваетъ что-либо сдѣлать, всходитъ на эстраду. Появленіе среди членовъ «союза» элегантной, красивой парижанки вызываетъ цѣлую сенсацію. «Да здѣсь есть женщины!» — восклицаютъ студенты и тотчасъ же всѣ умолкаютъ. Съ первой же минуты ясно, что уже одной силой своей красоты, только потому, что она «женщина», Элленъ покоритъ эту толпу, ея плавная рѣчь и мелодичный голосъ очаровываютъ слушателей; начала она съ того, что стала доказывать необходимость для женщины не отказываться отъ могущественнаго орудія борьбы и самозащиты, пріобрѣтеннаго цѣлыми вѣками труда и усилія, не отказываться отъ силы своей красоты, граціи и очарованія. Придетъ время и у нея въ рукахъ окажутся другія средства, новыя орудія. Вѣдь исторія учитъ насъ, что были цѣлыя эпохи, когда женщина шла рядомъ съ мужчиной, не только занимала равное съ нимъ мѣсто въ обществѣ и семьѣ, но при господствѣ матриархата стала во главѣ ихъ. Слѣдовательно, нельзя отрицать въ ней равныхъ умственныхъ способностей съ мужчиной и препятствовать добиваться равныхъ съ нимъ правъ. Правда, что за послѣдніе вѣка рабства и вынужденнаго невѣжества, мужчина въ умственномъ развитіи далеко опередилъ женщину. Но она сумѣетъ и сможетъ наверстать потерянное время. Въ нашъ вѣкъ упадка нравовъ, ея вліяніе на ходъ цивилизаціи не только неизбѣжно, но необходимо. Назначеніе современной женщины, ея миссія — вліять облагораживающимъ образомъ на сильный полъ, способствовать торжеству правды, мира, справедливости и красоты. И она займетъ въ обществѣ мѣсто, которое принадлежитъ ей по праву, добьется торжества новыхъ идей, иначе цивилизація рухнетъ и подъ ея развалинами погибнетъ человѣчество!

Громъ рукоплесканій покрылъ рѣчь ораторши. Даже профессора-скептики восклицали: «Она права, права, быть можетъ! Съ этой точки зрѣнія еще никто не разсматривалъ женскаго вопроса».

Въ эту минуту Жакъ вполнѣ искренно преклонялся передъ Элленъ, не какъ передъ женщиной, а какъ существомъ высшимъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, и онъ счастливъ, безмѣрно счастливъ ея торжествомъ.

Съ этого дня жизнь Элленъ становится сплошнымъ стремленіемъ къ идеалу, постояннымъ усиліемъ достигъ улучшенія участи своихъ сестеръ, неустанной работой. Занятая своими высокими цѣлями, она не замѣчаетъ, что рядомъ съ ней ея другъ день изо дня все сильнѣе и сильнѣе страдаетъ; то онъ преклоняется передъ ея нравственной силой, чистотой и глубиной ея задачъ, то начинаетъ ненавидѣть эти же задачи и переходитъ къ

полному отчаянію отъ сознанія, что чѣмъ больше она проникнется любовью къ идеалу, чѣмъ сильнѣе отдастся его служенію, тѣмъ меньше будетъ принадлежать ему. Сознаться Элленъ въ своихъ страданіяхъ мѣшаетъ ему ложный стыдъ, тщеславіе писателя и самолюбіе мужчины. Онъ почти ничего не пишетъ, дѣлается рѣзокъ, несправедливъ, подчасъ намѣренно оскорбляетъ Элленъ своимъ цинизмомъ, чтобы въ слѣдующую же минуту молить о прощеніи,—словомъ, совершенно теряетъ душевное равновѣсіе и самообладаніе.

Наступаетъ лѣто. Молодая чета уѣзжаетъ въ Бретань, куда за ними слѣдуютъ и новые друзья Элленъ, члены «союза» и профессор Шабардасъ, увѣровавшій въ ея новую книгу «О судьбахъ женщины», надъ которой она усердно работаетъ. Трудъ ея медленно, но непрерывно, шагъ за шагомъ, подвигается впередъ. Жакъ инстинктивно боится этой книги: ему кажется, что она, какъ псевра *), все болѣе и болѣе овладѣваетъ всѣми помыслами и чувствами Элленъ. Онъ все чаще и чаще замѣчаетъ, что даже во время прогулокъ вдвоемъ, она молчитъ и мысли ея уже не принадлежать ему. Часто на его ласки, она отвѣчаетъ: «что ей стыдно быть счастливой, въ то время какъ столько женщинъ изнемогаютъ подъ бременемъ страданій; она боится своего счастья». Все рѣже и рѣже наступаютъ моменты, когда, забывая все, она отдается своему чувству, а онъ все сильнѣе и сильнѣе ненавидитъ ея книги, ея работу, ея идеи.

Разъ поздно ночью, заставъ ее за письменнымъ столомъ, Жакъ напрасно умоляетъ ее бросить писать и подарить ему нѣсколько часовъ, она отрѣзъ отказывается прервать работу. Тогда онъ внѣ себя рветъ и уничтожаетъ ея бумаги, разбрасываетъ книги и ставитъ вопросъ ребромъ: или онъ, или ея сочиненіе. Элленъ, не колеблясь, выбираетъ послѣднее.

Въ другой разъ злоба и отчаяніе доводитъ его до желанія утопить Элленъ и утонуть вмѣстѣ съ нею, но она, почти силой, вытаскиваетъ его изъ грота, который начиналъ уже заливать морской приливъ.

По возвращеніи въ Парижъ дѣла идутъ еще хуже. Малѣйшаго повода достаточно, чтобы вывести Жака изъ себя; онъ до того теряетъ самообладаніе, что не разъ поднимаетъ на Элленъ руку. Видъ крови заставляетъ его опомниться, и онъ моментально сознаетъ, до чего онъ жалокъ и какъ подло поступилъ съ любимой женщиной. Тѣмъ не менѣе, вернувшись изъ поѣздки къ больному сыну и узнавъ, что Элленъ и безъ него продолжала свою дѣятельность, онъ чувствуетъ себя вновь оскорбленнымъ и предается разгулу и разврату въ самыхъ грязныхъ притонахъ. Домой онъ больше не показывается, и Элленъ послѣ долгихъ и напрасныхъ поисковъ застаётъ его за картами въ какомъ-то кабацѣ, въ обществѣ развратницъ самаго низшаго разбора. Она со слезами умоляетъ вернуться къ ней, идетъ на всевозможныя уступки, но онъ грубо отталкиваетъ ее и оскорбляетъ.

Но когда она уходитъ, онъ въ свою очередь пускается въ поиски за

*) Осьминогъ.

ней, пробирается въ садъ дома, въ которомъ она скрывается, проникаетъ въ ней черезъ окно, бьетъ и тащитъ обратно въ ея квартиру, гдѣ и запираетъ. Начинается жизнь почти невѣроятная. Ни нѣжности, ни взаимнаго довѣрія и уваженія не осталось и слѣда. Одна только ревность, безумная, ни на чемъ не основанная «интеллектуальная», ревность у него, жальность и полнѣйшій упадокъ энергіи—у нея. Жакъ чувствуетъ, что между нимъ и Эллень воздвиглась стѣна, и онъ въ отчаяніи говоритъ своему другу Віоллису: «Я всѣмъ пожертвовалъ для этой женщины—ради нея бросилъ жену, дѣтей, любимое дѣло и жилъ только ею. Самая послѣдняя изъ куртизанокъ была бы тронута моею страстью, а она въ отвѣтъ разсуждаетъ о томъ, что стыдно жить для себя, а надо всѣмъ жертвовать для челоуѣчества! И я не одинъ—я только открываю серію, только первый испытываю страданія черезъ «новую» женщину, но за мной и другихъ постигнетъ та же участь. Душа ея для насъ утеряна навсегда: женщина дѣлается самостоятельнымъ челоуѣкомъ, живетъ своей отдѣльной отъ насъ жизнью, отчуждается отъ насъ, а отъ отчужденія одинъ шагъ и до вражды!» И онъ раздражается проклятіемъ по адресу новыхъ женщинъ и предсказываетъ имъ наивысшую на землѣ кару—полное одиночество, такъ какъ сами онѣ отрекаются отъ счастья имѣть спутниковъ въ жизни.

Все-таки при посредствѣ Віоллиса Жаку еще разъ удастся на время приостановить окончательный разрывъ. Эллень, изнемогая отъ непрерывной борьбы между чувствомъ жалости къ другу и своимъ призваніемъ, соглашается, наконецъ, жить вмѣстѣ съ Жакомъ и на его средства, даже отказывается отъ работы въ его присутствіи и пишетъ только по ночамъ; ея уступчивость идетъ еще дальше, и она обѣщаетъ сопровождать Жака въ Италію, гдѣ ему необходимо собрать кое-какія свѣдѣнія для своего будущаго романа. Повидимому, она во всемъ подчиняется его волѣ, но и это торжество не даетъ ему желаннаго счастья и все въ ихъ обстановкѣ предвѣщаетъ близкую грозу и развязку.

Между тѣмъ силы Эллень ослабѣваютъ съ каждымъ днемъ, она еле двигается, не спитъ, иногда ночью, въ порывѣ отчаянія, встаетъ полураздѣтая, тащится въ другую комнату и цѣлые часы просиживаетъ, вся съежившись, въ темнотѣ. Временами она, какъ безумная, со стономъ принимается умолять какую-то невидимую силу: «прости, прости, прости». И онъ, и она чувствуютъ глухія угрызения совѣсти за то, что отреклись отъ своего призванія, своего дѣла и отдались только своей любви. И самыя безумныя ласки, минуты опьяняющей страсти не могутъ вознаградить ихъ за тяжесть этого сознанія. Чувство одиночества болѣе не покидаетъ Жака. Иногда ему удастся на мгновеніе вывести Эллень изъ апатіи, пробудить въ ней прежнее чувство, но за то всякій разъ потомъ она, какъ бы желая искупить свою минутную слабость, дѣлается еще холоднѣе, еще неприступнѣе. Иногда жальность беретъ въ ней верхъ и она начинаетъ просить у него прощенія: «Если бы твое чувство не было такимъ деспотическимъ,—говоритъ она,—какъ бы я любила тебя! Но меня вѣчно сковываетъ страхъ, что стоить мнѣ

поддаться твоей ласкѣ, и ты сейчасъ же поработишь меня. Пожалѣй меня, я еще такъ слаба! Позволь мнѣ не высказывать тебѣ всей своей любви».

Но чѣмъ дальше въ себя уходитъ Элленъ, тѣмъ настойчивѣе, деспотичнѣе, даже грубѣе дѣлается Жакъ. Однажды послѣ возмутительнѣйшей сцены, Элленъ, доведенная до крайности, дѣлаетъ попытку броситься въ кратеръ Везувія и туда же увлечь съ собой Жака. Ихъ спасаетъ проводникъ. Но дѣвушка не выдерживаетъ потрясенія и сильно заболѣваетъ. Просиживая дни и ночи у постели больной, прислушиваясь къ ея бреду и раздумывая надъ случившимся, Реваль начинаетъ ясно понимать мотивы, толкнувшіе Элленъ на этотъ поступокъ. Полумертвую привозитъ онъ ее въ Парижъ и въ ея квартирѣ передаетъ съ рукъ на руки отцу съ матерью. Мать ухаживаетъ за дочерью изъ-за религіозныхъ мотивовъ, а отецъ изъ эгоизма ученаго: съ тѣхъ поръ какъ Элленъ прославилась, онъ увѣровалъ въ ея умъ и жилъ надеждой, что послѣ смерти она разберетъ, приведетъ въ порядокъ и издастъ его рукописи. Что касается до Жака, то онъ долгое время не смѣетъ показываться къ ней изъ боязни напомнить прошлое и этимъ задержать выздоровленіе. Только когда она уже встала съ постели, онъ рѣшается въ первый разъ навѣстить ее вмѣстѣ съ Виоллисомъ. Дѣвушка принимаетъ его чрезвычайно просто, сердечно, по дружески. Они видятся довольно часто, иногда выѣзжаютъ вмѣстѣ; въ немъ просыпается надежда, что можетъ быть еще не все кончено, но эта надежда столь же быстро какъ появляется, такъ и исчезаетъ и смѣняется полнѣйшимъ отчаяніемъ. Въ одну изъ такихъ минутъ, чтобы развлечься, Реваль идетъ къ своей бывшей любовницѣ, поэтессѣ Сентъ-Гильдъ. Та употребляетъ всѣ усилія, чтобы удержать его при себѣ: пускаетъ въ ходъ и молбы, и слезы, и страсть, и угрозы... но Жакъ съ отвращеніемъ покидаетъ ее, и въ этомъ уже сказывается вліяніе Элленъ: онъ не въ силахъ, какъ раньше, отдаваться чисто чувственнымъ наслажденіямъ.

Между тѣмъ она списывается съ миссъ Бутлеръ, посвятившей свою жизнь спасенію падшихъ женщинъ въ Англіи, и собирается съѣздить туда, чтобы на мѣстѣ изучить постановку этого дѣла. Объявляя Жаку о своемъ отъѣздѣ, она вмѣстѣ съ тѣмъ проситъ его простить ей все причиненное ему зло и горе. «Я покидаю васъ не ради другого человѣка. Съ личной жизнью я навсегда кончаю и отнынѣ буду жить только для облегченія чужихъ страданій. Все мое тщеславіе состоитъ въ томъ, чтобы быть доброй и осушить хоть нѣсколько слезинокъ изъ того потока слезъ, что проливаютъ мои сестры».

И Реваль покоряется. У человѣка онъ могъ бы еще оспаривать ее, но у человѣчества — это невысказуемо. Но онъ не выдерживаетъ горя и тяжело заболѣваетъ. Только самоотверженный уходъ жены вырываетъ его у смерти. Послѣ выздоровленія онъ поселяется съ ней и дѣтьми въ деревнѣ и находитъ успокоеніе въ усиленной работѣ. Объ Элленъ онъ вспоминаетъ не только безъ горечи, но, наоборотъ, даже съ благодарностью. По его мнѣнію, перенесенное имъ «новое горе» подняло его въ нравственномъ отно-

пеніи. Эленъ заставила его признать за женщиной право на свободу; ей онъ обязанъ убѣжденіемъ, что не умственные и нравственные качества женщины и не чувство справедливости обусловливаютъ ея подчиненіе и рабство, а эгоизмъ и чувственность мужчинъ. Эленъ побѣдила его своей нравственной силой, но еще болѣе облагораживающее вліяніе оказала на него доброта жены. Чего не могла добиться при всей своей настойчивости Эленъ, того легко достигла Луиза своей неизмѣнной кротостью и лаской: Жакъ болѣе не пишетъ романовъ, въ которыхъ прославляется адюльтеръ и чувственные наслажденія, но старается указать человѣчеству на идеалы, подвѣннуть на борьбу за нихъ, вдохнуть вѣру и любовь къ труду... И въ сознаніи, что онъ трудится для людей, возвѣщаетъ имъ зарю новой жизни,—онъ видитъ наивысшую награду для себя.

Оставимъ въ сторонѣ литературные достоинства и недостатки романа, и вернемся къ вопросу, поставленному *Fronde*,—неизбѣжно ли должна возникнуть борьба между новой женщиной и современнымъ мужчиной и вслѣдствіе этого для нихъ настанетъ цѣлый рядъ новыхъ, неиспытанныхъ до толѣ мученій?

«Одни только люди свободные бываютъ благородными по отношенію другъ къ другу»,—говоритъ Спиноза. Исходя изъ этого, можно заключить, что чѣмъ скорѣе женщина станетъ существомъ свободнымъ, чѣмъ сдѣлается самостоятельнѣе и сознательнѣе, чѣмъ больше разовьется и умственно, и нравственно,—тѣмъ болѣе благородства ляжетъ въ основу ея отношеній къ мужчинамъ. Г-жа де-Сталь очень категорично заявляетъ: «La félicité de l'homme s'accrut de toute l'indépendance qu'obtient l'objet de sa tendresse: il put se croire aimé; un être libre le choisit; un être libre obéit à ses désirs.

«Les aperçus de l'esprit, les nuances senties par le coeur se multiplièrent avec les idées et les impressions de ces âmes nouvelles, qui s'essayaient à l'existence morale, après avoir longtemps languì, dans la vie. Tous les rapports se sont doublés pour ainsi dire...»

(По мѣрѣ того, какъ женщина приобретаетъ больше независимости,—счастье мужчины будетъ возрастать; онъ можетъ вѣрить, что любимъ; его избираетъ существо свободное и свободно подчиняется его желаньямъ, одновременно съ увеличеніемъ количества идей и впечатлѣній, которыя впитываютъ въ себя новыя существа, пытающіяся послѣ долгаго прозябанія примѣниться къ болѣе нравственному существованію,—увеличить взаимно пониманіе тончайшихъ оттѣнковъ чувствъ и проявленій ума. Точки соприкосновенія какъ бы удвоятся). Но, какъ и все на свѣтѣ, и это болѣе интенсивное, болѣе глубокое счастье въ будущемъ надо сначала заслужить и отвоевать у жизни. Надо, чтобы не только женщины, но и мужчины захотѣли его, стремились къ нему. Нѣкоторые писатели утверждаютъ, что оно такъ и есть. Леже, наприм., говоритъ, что «борьбы между мужчиной и новой женщиной быть не можетъ, ибо современный мужчина высоко цѣнитъ ее и принимаетъ», а ихъ общіе враги—«ложь соціальныхъ условій и

и разлагающееся, старое общество, одинаково не признающее как передовую женщину, так и передового мужчину».

Лезюэрь ставитъ вопросъ нѣсколько иначе: «Мы переживаемъ, — говоритъ она, — эволюцію, въ которой принимаютъ участіе оба пола. Ни тотъ, ни другой не могутъ измѣниться, не повліявъ взаимно другъ на друга». Это вѣрно, но только отчасти. Иначе нельзя было бы объяснить существующей разницы въ развитіи половъ. Вѣдь человѣчество постепенно шло впередъ, и одинъ полъ, развиваясь, понемногу вліялъ на развитіе другого, а между тѣмъ, несомнѣнно, женщины далеко отстали отъ мужчинъ. Это только доказываетъ, что отраженное вліяніе развитія слабѣе его самого. Не можетъ ли теперь случиться обратнаго, не можетъ ли повториться *en grand*, то, что мы наблюдаемъ въ сферѣ научныхъ занятій? Вездѣ, гдѣ женщины допущены въ университеты, профессора ставятъ ихъ успѣхи и прилежаніе выше успѣховъ и прилежанія большинства студентовъ. Объясняется это тѣмъ, что въ университеты попадаютъ всетаки лучшія, избранныя женщины, и предоставляется свободный доступъ *всѣмъ* мужчинамъ. Затѣмъ для женщины надо много смѣлости, энергій и любви къ избранной наукѣ, чтобы не испугаться массы затрудненій и препятствій, встрѣчающихся ей по пути къ высшему образованію. Поэтому она отдается своимъ занятіямъ со всей страстностью, свойственной ей, считаетъ науку — святыней, университетъ — храмомъ, тогда какъ для большинства студентовъ это неизбѣжная ступень для возможности имѣть заработокъ въ будущемъ. Изъ различія отношеній къ занятіямъ, вытекаютъ и различныя успѣхи.

Тоже можетъ произойти и въ эволюціи отношеній между полами. Несомнѣнно и мужчина постепенно начнетъ предъявлять новыя требованія къ женѣ и семейной жизни, но женщина, которая страдаетъ сильнѣе отъ ненормальныхъ условій этой жизни, отнесется къ своему освобожденію болѣе страстно, болѣе стремительно пойдетъ по новому пути и нѣсколько опередитъ мужчину.

Но, насколько вѣрно, что не всѣ женщины заразъ начнутъ предъявлять новыя требованія къ совмѣстной жизни и не всѣ сразу превратятся въ «новыхъ женщинъ», — настолько же вѣрно, что еще долго и много мужчинъ, и не всегда худшихъ, будутъ всѣми силами бороться противъ женскаго движенія, женскаго «освобожденія». Они возстанутъ противъ него, потому что любятъ женщину такой, какъ она есть. Идеалъ ея, выработанный вѣками, глубоко вѣдрилъ въ ихъ сердца, искусство окружило его ореоломъ. Къ тому же сама женщина раньше не *сознавала* своего унижительнаго положенія и слѣдовательно не страдала отъ него. Но теперь, когда это сознаніе въ ней пробудилось, она рано или поздно отвоюетъ себѣ иное положеніе въ обществѣ и семьѣ, и всякое сопротивленіе только усилитъ въ ней протестъ противъ несправедливости и дастъ новыя силы въ борьбѣ за освобожденіе.

Но никакая борьба не обходится безъ страданій и жертвъ. «Всякая революція начинается съ ломки, сжиганія и уничтоженія стараго. Мужчина,

прежде нежели уступить, будетъ отстаивать свои прерогативы, и его гордость, чувственность и потребность нѣжности причинять ему жестокия страданія». Вотъ что говоритъ Марсель Прево въ своемъ предисловіи къ книгѣ Жюльа Боа.

Рони держится того же взгляда, но прибавляетъ, что въ переходныя эпохи особенно сильныя страданія причинить «интеллектуальная ревность», «тонкій анализъ которой мы находимъ въ увлекательномъ романѣ «Nouvelle douleur».

Но помимо оскорбленнаго чувства собственника, теряющаго принадлежащую ему вещь,—всѣ помыслы, весь внутренній міръ женщины, всю ея душу,—помимо этого, вспомнимъ еще могущее возникнуть соперничество, задѣтое самолюбіе, зависть... Вѣдь если всѣ эти чувства съ такою силой проявляются въ отношеніяхъ артистовъ, литераторовъ, художниковъ, ученыхъ даже, то насколько же рѣзче должны они выступить по отношенію къ существу, никогда не считавшемуся, что тамъ ни говори—равнымъ въ умственномъ отношеніи съ мужчиной и за которымъ не признавалось право соперничать съ нимъ. Вспомнимъ только разсказъ Додэ («Les Femmes d'artistes») о томъ, какъ мужъ-пѣвецъ подкупаетъ клакеровъ ошибать жену.

Но если бы даже количество людскихъ страданій временно увеличилось, то и тогда во имя справедливости и ради счастья человѣчества не слѣдовало бы останавливаться передъ временнымъ кризисомъ... «Если бы дѣйствительно намъ грозила опасность (отъ женской эмансипаціи), развѣ энтузіазмъ безчисленныхъ новыхъ работниковъ (женщинъ) не можетъ обновить человѣчество и вдохнуть въ него новыя силы, и развѣ не стоитъ ради этого пойти навстрѣчу опасности?»—говоритъ Хейльборнъ. А Марсель Прево утверждаетъ, что «въ тотъ день, когда женская эволюція станетъ совершившимся фактомъ, исчезнетъ и новое страданіе. Когда это произойдетъ, черезъ сто ли лѣтъ, или двадцать, или тысячу—предсказать невозможно».

Перейдемъ теперь къ самой «новой женщинѣ», какъ ее понимаетъ романистъ. Что собственно новаго находимъ мы въ Элленъ, такого, чего не было бы въ женщинѣ прежнихъ временъ? Кромѣ чисто-внѣшнихъ формъ проявленій различныхъ чувствъ и стремленій, въ ней новъ и оригиналенъ развѣ только взглядъ на «освобожденіе» женщины. Она почему-то приурочиваетъ фактъ своего освобожденія къ моменту, когда перестаетъ быть дѣвушкой, а потому съ восторгомъ ожидаетъ его. Это было бы еще понятно, если бы рѣчь шла о барышнѣ, считающей, что съ выходомъ замужъ ей все дозволено,—но теперь мы отказываемся понять причину этого взгляда.

Затѣмъ сентиментальность, наклонность къ мистицизму (вѣра въ предопредѣленіе судьбы, въ то, что въ ней живетъ душа древней жрицы и т. д.). Мечтательность (характеренъ въ этомъ отношеніи ея разговоръ съ возлюбленнымъ о томъ, что чувствуютъ и думаютъ звѣзды), способность ради высшихъ цѣлей жертвовать собой, нѣжность во внѣшнихъ проявленіяхъ и

на ряду съ этимъ полное непониманіе и безпощадное игнорированіе мучительнаго разлада въ душѣ любимаго человѣка,—все это нельзя причислить къ отличительнымъ признакамъ новой женщины.

Г-жа Шмаль, одна изъ самыхъ видныхъ представительницъ женскаго движенія, произноситъ надъ ней весьма суровый приговоръ: «Это старая и весьма не симпатичная знакомка, не умѣющая ни любить, ни жертвовать собой. Во всемъ она ищетъ прежде всего удовлетворенія собственнаго чувства. Холодная и сухая, она вноситъ даже въ свои занятія филантропіей оттѣнокъ мрачности. Въ сущности она такая же глубокая эгоистка, какъ и Жакъ, и въ этомъ кроется причина ихъ страданій и взаимныхъ мученій». Другой писатель Салисзъ въ *Sciecle* идетъ еще дальше, онъ не признаетъ ее живой личностью, по его мнѣнію, въ ней мало жизненной правды, естественности. По натурѣ Элленъ мистикъ, фанатикъ идеи, женщина не отъ міра сего. Въ прежнее время она жила бы въ монастырѣ и тамъ посвятила бы свою жизнь служенію божественному идеалу; въ настоящее время изъ нея вырабатывается свѣтская проповѣдница, и она идетъ спасать падшихъ женщинъ. «Элленъ обладаетъ всѣмъ, чтобы увлечь писателя, но она не женщина и въ особенности не «женщина будущаго», заканчиваетъ онъ.

Болѣе удался Жюлю Боа образъ романиста Жака Реваль. Передъ нами живой человѣкъ со всѣми его слабостями и противорѣчіями. Его душевный обликъ намъ понятенъ, хотя мы можемъ и не сочувствовать ему. Мѣстами анализъ возникающей и постепенно усиливающейся въ немъ ревности такъ тонокъ, изображеніе его мученій такъ сильно, что авторъ заставляетъ насъ переживать съ своимъ героемъ всѣ перипетіи его душевной драмы. Только конецъ, примиреніе Жака съ женой, намъ кажется нѣсколько неподготовленнымъ, скомканнымъ.

Какъ бы то ни было, нельзя отрицать, что авторъ сумѣлъ затронуть весьма интересный, психологическій вопросъ и потому намъ кажутся справедливыми заключительныя слова Прево въ предисловіи въ книгѣ Жюля Боа. «Современное общество вовсе не такъ совершенно,—говоритъ онъ,—чтобы нельзя было мечтать въ будущемъ о лучшемъ. Пожалѣемъ же тѣхъ, кто въ сохраненіи его въ настоящемъ видѣ видитъ свой идеалъ. Надо отдать вамъ справедливость, дорогой Жюль Боа, что вы были однимъ изъ предвозвѣстниковъ этой эволюціи».

Такимъ образомъ, авторъ «Nouvelle douleur» получаетъ изъ устъ своего собрата по перу высшую награду, о которой едва смѣетъ мечтать его герой, Жакъ Реваль, начиная новую трудовую жизнь для блага человѣчества.

Л. Г.

Алчущія души *).

V.

Паскаль стоит первымъ среди избранныхъ нами *алчущихъ душъ* не только хронологически: онъ первый по неожиданной своеобразности своей психологiи, первый и по загадочности своей личной и писательской судьбы. По происхожденію онъ — французъ, принадлежитъ націи, психологически наименѣ сложной: недаромъ, именно, въ ея философіи возникла идея о преобладающей способности, ея ученые психологи и историки усвоили истину, будто нравственный міръ всякаго человѣка, даже гениальнаго, можно свести къ одному центральному и всерѣшающему качеству, чью угодно фізіономію можно нарисовать одной магистральной чертой, всѣ другія будутъ только подробностями, художественной ретушевкой. То же самое примѣнимо даже къ цѣлымъ національностямъ.

Столь упрощенная психологiя, очевидно, могла возникнуть только на соотвѣтственной почвѣ, т.-е. гдѣ всегда имѣется множество основаній чело-вѣческую личность отождествить чуть не съ математической формулой. И многіе французскіе великіе люди дѣйствительно поддаются такому анализу, и прежде всего сами психологи, изобрѣвшіе моральную геометрію. Поэтовъ, гениальныхъ на французскій вкусъ, вродѣ Расина, Корнеля, Шатобріана, Ламартина, замѣчательныхъ критиковъ и философовъ—вродѣ Брюнетьера, Тэна, Лемэтра, несомнѣнно можно со всѣми ихъ талантами и красотами вложить въ какія угодно рамки, о нихъ, поэтому, не можетъ быть спорныхъ мнѣній для всякаго, кто изучитъ ихъ души и умы, безъ «національной гордости» или безъ рабской оторопи и школьническаго попугайства. И сами эти знаменитости, взаимно не разъ производили операціи психологическаго упрощенія и Тэнъ, напримѣръ, почти всѣхъ отечественныхъ гениевъ разсадилъ по клѣткамъ подъ нумерами: номеръ первый—галльская веселость, номеръ второй—французское резонерство, номеръ третій—«классическій умъ» и т. д.

И вдругъ рядомъ съ этимъ фронтомъ человѣкъ и талантъ, не приспособ-

*) *Русская Мысль*, кн. III, 1900 г.

собленный ни къ какой рѣшительно этикетѣ. Въ немъ совмѣщаются способности, повидимому, совершенно исключаютія другъ друга: гениальный умъ математика, прирожденная логика геометра и экзальтація мечтательнаго, даже мистическаго чувства, строгій неумолимый анализъ разсудка и туманные, можно сказать, *для математика*, невмѣняемые порывы сердца.

Достаточно назвать два факта, чтобы выяснилась вся несообразность этого страннаго гения: въ дѣтствѣ онъ *открываетъ* геометрію, буквально безъ учителей и учебниковъ, извлекаетъ это, по мнѣнію Платона, преддверіе мудрости, изъ своего двѣнадцатилѣтняго ума, потомъ въ зрѣлый возрастъ такимъ же творческимъ путемъ *обрѣтаетъ* идеи св. отцовъ, не зная ихъ сочиненій. Современники, безусловно достойные довѣрія, освѣдомленные въ предметѣ, говорили: «Паскаль заслуживаетъ высшаго уваженія, потому что, вовсе не читая отцовъ церкви, въ самомъ себѣ, своимъ проникновеннымъ умомъ открылъ тѣ истины, какія скрыты въ ихъ книгахъ». Изобрѣсти геометрію до теоремы о суммѣ угловъ въ треугольникѣ и стать впоследствии однимъ изъ самыхъ блестящихъ религіозныхъ умовъ католической церкви. Какъ все это подчинить одной преобладающей способности? Позднѣйшіе ученые находили, что Паскаль оказалъ неоцѣненные услуги опытному знанію, а богословы и церковные моралисты разныхъ направленій изошрались всѣми силами перетянуть его высокій и благочестивый авторитетъ на свою сторону.

Столь необычной психологіи соотвѣтствуютъ и внѣшніе факты. Паскаль жилъ въ XVII вѣкѣ, въ средѣ весьма скептической и здравомыслящей. Жизнь его протекала на виду культурнѣйшаго современнаго общества, личностью его, по разнымъ причинамъ, интересовались рѣшительно всѣ, кого только могъ занимать блестящій литературный талантъ и великія научныя открытія. Казалось бы, при такихъ условіяхъ нѣтъ мѣста событіямъ таинственнымъ и чудеснымъ. Оказывается, напротивъ. Именно біографія Паскаля изобилуетъ неясностями и даже сверхъестественными происшествіями, и какъ разъ въ связи съ ними стоятъ важнѣйшіе моменты его духовной жизни.

Какъ въ такомъ случаѣ поступить? Оставить въ сторонѣ факты, и довѣриться общимъ разсужденіямъ на основаніи произведеній писателя или попытаться совлечь съ фактовъ загадочную оболочку, открыть реальное зерно и установить вліяніе событій на идеи?

Въ характеристикѣ Паскаля и то, и другое одинаково трудно. Общая разсужденія могутъ быть убѣдительны, когда въ нашемъ распоряженіи личныя признанія человѣка, напримѣръ, исповѣдь Руссо. Паскаль не оставилъ ничего подобнаго. Въ интимнѣйшихъ плодахъ его гения, въ его *Мысляхъ*, встрѣчается одинъ-два мимолетныхъ намека на одно изъ чудесъ, несомнѣнно, оставившихъ сильное впечатлѣніе въ его памяти. Какое именно — мы не слышимъ отъ него самого.

Но здѣсь, по крайней мѣрѣ, мы знаемъ, въ чемъ состоялъ самый фактъ: терпѣ отъ вѣнца Спасителя исцѣлилъ племянницу Паскаля и, по свидѣ-

тельству матери испѣленной, это чудо вызвало у него множество мыслей вообще насчетъ чудесъ. Мысли эти, какъ увидимъ, заняли очень видное мѣсто въ его философскихъ размышленіяхъ. Но имѣется еще свидѣтельство о другомъ фактѣ, повидимому, еще болѣе значительномъ, и онъ именно остается совершенно непроницаемымъ.

Паскаль въ теченіе цѣлыхъ лѣтъ носилъ зашитымъ въ платье нѣчто вродѣ стихотворенія въ прозѣ, не молитву, а рядъ безсвязныхъ лирическихъ восклицаній и фразъ. Мѣняя платье, онъ самъ выпарывалъ и снова шивалъ бумагу, и ее нашли на немъ послѣ смерти.

Откуда она взялась?

Въ отвѣтъ намъ рассказываютъ, что Паскаль пережилъ однажды ночь мистическаго восторга. Было ли ему какое видѣніе, или его просто охватилъ религіозный экстазъ, неизвѣстно, только въ результатѣ явилась записъ. Здѣсь имѣется слѣдующая вполне осмысленная и безусловно любопытная фраза: «Богъ Авраама, Богъ Исаака, Богъ Іакова—не философовъ и ученыхъ». Другія изреченія говорятъ о «самоотреченіи полномъ и спокойномъ»—*Renonciation totale et douce*, о всецѣломъ подчиненіи Іисусу Христу и духовнику—*Soumission totale à Jésus Christ et à mon directeur*, и, наконецъ, надежда на вѣчную радость за день земныхъ страданій—*eternellement en joye pour un jour d'exercice sur la terre*.

Сохранился подлинный документъ и при обзорѣннн его намъ бросилась въ глаза одна особенность, по нашему мнѣнію, очень характерная. Она показываетъ, что записка написана не сразу, не является непосредственнымъ отголоскомъ страстнаго религіознаго волненія, она *сочинялась* или, по крайней мѣрѣ, дѣлались добавленія, нѣкоторыя фразы обдумывались и исправлялись.

Такъ, напримѣръ, въ одной строкѣ Паскаль написалъ сначала два слова *Іисусъ Христосъ* и провелъ черту до другого края листа, потомъ новую строчку—я *отдѣлился отъ него* и опять провелъ черту, но потомъ, очевидно, рѣшилъ выразить свою мысль энергичнѣе и уже надъ чертой прибавилъ: я *избѣгалъ его—отвернутаго распятаго*. Добавленіе краснорѣчивое и притомъ видимо автобіографическаго характера, единственное извѣстное намъ личное признаніе. Оно, видимо, тяготѣло надъ душой Паскаля и онъ, будто казня себя, запечатлѣлъ его на бумагѣ и навсегда оставилъ при себѣ свидѣтельство своего покаянія... Трепетъ истерзаннаго сердца чувствуется въ этихъ безсвязныхъ строчкахъ, набросанныхъ дрожащей рукой и увѣнчанныхъ вверху и внизу крестообразными знаками и лучистымъ сіяніемъ.

Но это слишкомъ общее впечатлѣніе: мы не знаемъ, какъ возникли несомнѣнно жгучія страданія, какъ они привели къ полному самоотреченію геніальный умъ, какъ удрученному духу явилась единственная надежда на загробную радость послѣ великаго подвижничества. Паскаль съ особенной силой подчеркиваетъ безусловное повиновеніе духовнику, «директору совѣсти»... Эти директоры были въ большой модѣ у стараго французскаго общества, благородныя дамы обязательно запасались какимъ-нибудь «свя-

тымъ человѣкомъ», чтобы подъ его кровомъ совершенно спокойно совершать жизненный путь по самымъ кривымъ дорогамъ. Были, конечно, и исключенія, въ высшей степени рѣдкія: дѣйствительно, страдавшая совѣсть искала и находила достойнаго руководителя. Но гораздо чаще въ благочестивыхъ семействахъ повторялась исторія молюероваго Тартюфа, только безъ трагическаго конца для «директора».

Паскаль не могъ быть жертвой благочестиваго проходимца, не нуждался, повидимому, и въ чужихъ наставленіяхъ, разъ самъ былъ способенъ предвосхитить идеи отцовъ церкви. Врядъ ли кто изъ современниковъ могъ открыть ему какіе бы то ни было новые вопросы въ области нравственности; напротивъ, именно къ нему должны были обратиться за помощью ученѣйшіе богословы въ борьбѣ съ іезуитами. Зачѣмъ же тогда понадобился «директоръ совѣсти», да еще неограниченно властный надъ волей гениальнаго мыслителя? Отвѣтъ можетъ быть только одинъ. Паскаль добровольно учредилъ надъ собою верховную власть, не полагаясь на силу своей воли. Это опять свидѣтельство о грозномъ разладѣ, разразившемся въ душѣ мыслителя, о безысходной драмѣ, когда единственнымъ исходомъ человѣку кажется отказъ отъ свѣта собственной мысли и безпрекословное повиновеніе человѣку, не переживавшему никакихъ драмъ и съ младенческой невинностью созерцающему мятежный міръ.

Но этотъ выводъ не можетъ удовлетворить насъ, когда вопросъ идетъ о Паскалѣ. Мы должны знать, какіе нравственные опыты или вѣтшія испытанія могли такъ могущественно воздѣйствовать на такой аналитическій умъ и заставить его безмолвно склониться передъ догматомъ?

Отвѣта нѣтъ, и мы опять предоставлены нашимъ догадкамъ и наведеніямъ.

Но и на этихъ загадкахъ не кончается тайна, облекающая жизнь и личность Паскаля. Мы знаемъ еще нѣсколько фактовъ, не только противорѣчивыхъ, а даже отчасти разрушающихъ наше высокое представленіе о нашемъ героѣ.

Достовѣрно, напримѣръ, извѣстно слѣдующее. Еще въ ранній періодъ жизни, когда Паскаль былъ далекъ отъ аскетизма и мистическихъ намѣреній, былъ только ученый, онъ совершилъ весьма предосудительный поступокъ на самый свисходительный культурный взглядъ. Ему случилось познакомиться съ идеями нѣкоего монаха. Онъ нашелъ эти идеи еретическими и вмѣстѣ съ двумя своими пріятелями открылъ настоящее преслѣдованіе противъ еретика—съ доносомъ высшей церковной власти. Паскалю въ это время не было еще и двадцати четырехъ лѣтъ, и подобное усердіе врядъ ли входило въ добродѣтели великаго ума и гуманнаго юношескаго сердца. Монахъ, положимъ, проповѣдовалъ поразительныя нелѣпости, вродѣ, напримѣръ, будто Іисусъ Христосъ произошелъ изъ материн, нарочно для него созданной, но будущему борцу съ іезуитами менѣе всего приличествовало брать на себя роль слѣдователя по богословской части: для этого дѣла вполне достаточно было специалистовъ и добровольцевъ.

Но это единичный фактъ: его можно бы объяснить въ связи съ известными настроеніями, какія переживалъ Паскаль въ ту или другую эпоху своей жизни. Если бы мы имѣли точныя свѣдѣнія о развитіи его основныхъ нравственныхъ идеаловъ, мы приурочили бы къ нимъ его отдѣльныя дѣйствія. Но у насъ нѣтъ такой исторіи. Біографію Паскаля написала его сестра, но это наивная, поверхностная повѣсть искренней и доброй женщины о близкомъ человѣкѣ. Сестра далеко не все могла понять въ сложной психологіи своего брата и сосредоточила свое вниманіе исключительно на его религіозномъ подвижничествѣ и вообще на благочестивой красотѣ его *обращенной* души.

Мы имѣемъ убѣдительныя основанія думать, что эта душа именно *обращенная*, что она пережила многое, не вполне соответствующее благочестію и правиламъ директоровъ совѣсти. Путь къ самоотреченію лежалъ тернистый и обильный многообразными порывами впередъ и отступленіями вспять.

Изъ богобоязненного разсказа сестры ясно, что съ ея братомъ происходило, по крайней мѣрѣ, два нравственныхъ и весьма сильныхъ потрясенія. Они могли не нарушать душевнаго равновѣсія, но ихъ вліяніе на его жизненныя задачи должно быть очень велико, и ихъ можно назвать *обращеніями*.

Довольно странно звучитъ это слово во множественномъ числѣ. Истинно вѣрующій обращается только однажды. Паскаль рисуется сестрой какъ подвижникъ вѣры и религіи, и все-таки онъ пережилъ сначала одно обращеніе, потомъ измѣнилъ ему и только во второй разъ обратился окончательно, будто съ отчаяніемъ рѣшимости подчинился чужому руководству. Но и это рѣшеніе, какъ увидимъ, не отличалось устойчивостью. На поверхность укрощенной и самоотрекшейся души все еще продолжали всплывать бунтующія мысли. Этотъ фактъ, очевидный даже при бѣгломъ знакомствѣ съ сочиненіями Паскаля, не существуетъ для его перваго біографа и даже для его поздѣйшихъ горячихъ поклонниковъ.

Какъ примирить всю эту смуту съ какимъ-нибудь цѣльнымъ представленіемъ? Особенно для французовъ задача эта оказалась въ полномъ смыслѣ необыкновенной. Въ классическій вѣкъ все было такъ ясно и просто. Правительство въ лицѣ Ришелье и короля усердно и вполне успѣшно уничтожало все самобытное, нравственно и умственно независимое, вытравливало изъ высшаго и просвѣщеннаго общества всякую личную оригинальность, быстро шло къ созданію кукольной рабской среды для неограниченнаго единоличнаго властителя. Такъ дѣлалась политика. Подобнымъ путемъ создавалась и церковь. Она волновалась богословскими спорами и междоусобицами: все это было въ ея привычкахъ и преданіяхъ, но содержаніе споровъ и средства ихъ разрѣшенія не имѣли ничего общаго съ высшими задачами человѣческаго разума и муками Фауста и Гамлета. Римскій первосвященникъ, въ качествѣ верховнаго блюстителя и изобрѣтателя нравственныхъ и религіозныхъ истинъ, произносилъ безапелляціонный судъ надъ турнирами богослововъ, и турниры эти, даже затрогивая область глубокихъ

философскихъ проблемъ, непремѣнно сводились къ мелкимъ схоластическимъ дразгамъ, къ взаимному озлобленію разныхъ соревнующихъ другъ другу монашескихъ орденовъ.

Философскому уму въ этой свалкѣ нечего было дѣлать, развѣ только подвергнуть уничтожающей критикѣ оба воинствующие лагеря. Это отчасти и будетъ сдѣлано Паскалемъ, авторомъ полемическихъ писемъ противъ іезуитовъ. Но какъ искатель религіозной истины, могъ ли онъ не имѣть чего-либо общаго съ іезуитами или съ ихъ противниками, янсенистами? И его душевную драму возможно ли свести къ современной церковной междоусобицѣ?

VI.

Янсенисты—тѣ же католики во всемъ, что касается ученій церкви и ея іерархіи; они реформаторы и протестанты только въ вопросахъ церковной нравственности. Это—честныя и глубоко вѣрующія дѣти римскаго первосвященника, возмущенныя недостойными нравами привилегированныхъ исполнителей его воли. Ни одинъ изъ нихъ не посмѣлъ бы поднять руки на догматы религіи, но каждый исполненъ былъ страстнаго негодованія на пороки духовенства. Это негодованіе завлекло ихъ очень далеко, и они перенесли его во всю свою нравственную философію.

Католическая церковь чрезвычайно легко приспособлялась къ человѣческимъ немощамъ и разрѣшала не только грѣхи, но даже преступленія, не требуя отъ грѣшниковъ ни личнаго подвига, ни даже вѣры и твердаго намѣренія исправиться. Все это замѣнялось властью духовника рѣшать и вязать, стоило только обратиться къ нему съ просьбой воспользоваться ею для даннаго случая, т.-е. купить ее чисто-матеріальными средствами.

Янсенисты не могли своимъ праведнымъ гнѣвомъ миновать подобныхъ сдѣлокъ, и провозгласили старое ученіе о предопредѣленіи и благодати, вдохновлявшее одного изъ величайшихъ отцовъ западной церкви — Августина. Это ученіе совершенно устранило значеніе человѣческой воли въ дѣлѣ спасенія. Все человѣчество распадается на избранныхъ и осужденныхъ, независимо отъ личныхъ заслугъ, и, слѣдовательно, вмѣшательство церкви является столь же безцѣльнымъ, какъ и собственное стремленіе грѣшника спастись.

Католическая церковь еще въ первые вѣка пережила не мало смутъ изъ-за этого вопроса. Она разрѣшала одну изъ задачъ, непостижимыхъ для человѣческаго разума,—о необходимости и свободѣ воли, на многочисленныхъ соборахъ прокляла англійскаго монаха Пелагія за ученіе о безусловномъ вліяніи человѣческой воли на гибель или спасеніе, отрелась и отъ идеи предопредѣленія, но не дала логическаго рѣшенія, способнаго удовлетворить разумъ независимо отъ религіозной вѣры. Примирить Божіе всемогущество съ человѣческой свободой—подвигъ, лежащій за предѣлами философіи, и истинный философъ предпочитаетъ не давать на подобные вопросы философскаго отвѣта. Но схоластики въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ

изощрялась надъ сизифовой работой и кончили тѣмъ, что даже въ XVII вѣкѣ подняли страшную бурю изъ-за *благодати*.

Они изощрили тему до неувимой тонкости, открыли нѣсколько благодатей — *довлѣющую* и *дѣйственную*, т.-е. благодать, располагающую къ спасенію, и благодать, на самомъ дѣлѣ спасающую. Различіе между ними трудно было понять уму, не закаленному въ іезуитской политикѣ.

Доминиканцы объявляли себя единомышленниками іезуитовъ, признававшихъ *довлѣющую* благодать всеобщимъ достояніемъ. Но Августинъ утверждалъ, что такую благодать Богъ даруетъ по своему усмотрѣнію только избраннымъ. Надо было остаться вѣрнымъ и этому отцу церкви. Какъ поступить? Какъ совмѣстить іезуитовъ съ блаженнымъ Августиномъ?

Доминиканцы рѣшили задачу къ полной славѣ своего ордена. Они виѣстѣ съ іезуитами признали благодать *довлѣющую*, но отвергли за ней способность спасти тѣхъ, кто ею обладаетъ. Для спасенія требуется еще другая — *дѣйственная* благодать. Только она безусловно полезна.

Но что же тогда означаетъ наименованіе *довлѣющая* благодать, разъ она не довлѣетъ? Выходитъ нелѣпость.

Для католическаго богослова — нѣтъ: это только означаетъ, что іезуиты — очень большая практическая сила, спорить съ ними опасно, они безпрестанно попадаютъ въ директоры совѣсти къ королямъ и министрамъ, приходится насиловать все, что угодно, — и истину, какъ она изложена у отца церкви, и чувство личнаго, хотя бы и монашескаго достоинства, и даже здравый смыслъ.

Намъ можетъ показаться все это празднымъ препирательствомъ, тупыми отголосками затхлой средневѣковщины, но совершенно иначе стоялъ вопросъ для современниковъ Паскаля. О благодати и свободѣ воли спорили не только столпы Сорбонны, но рѣшительно всѣ, кому было досужно поговорить о жгучемъ вопросѣ дня. Свѣтскія дамы шли въ первую очередь и ломали копья съ чисто-дамской беззаботностью и даже съ романтическими чувствами.

Предъ нами, наприимѣръ, любопытное письмо г-жи Севиньи. Переписка этой дамы — настоящая лѣтопись эпохи. Болѣе досужей собирательницы новостей не зналъ даже и удручающе-праздный сплетническій свѣтъ старой Франціи. Кромѣ того, г-жа Севиньи охотилась за всѣми печатными и рукописными фурорами, и не могла пропустить бури, поднятой сорбонскими богословами по поводу книги Янсена — *Augustinus*.

Ей нравилась идея книги. Ученый богословъ всю жизнь свою посвятилъ на изученіе произведеній Августина и произнесъ смертный приговоръ чловѣческой способности совершить какое-либо богоугодное дѣло независимо отъ нарочитой воли Божіей. Страшная идея! Одни — незначительное меньшинство — до своего рожденія и несмотря на какую бы то ни было практику своей жизни — предназначены къ посмертному блаженству, другіе — и такихъ подавляющее большинство — заранее осуждены, даже еслибъ они превосходили добродѣтелями самихъ ангеловъ. Ниже поставить чловѣческую личность нельзя, чѣмъ столь рѣшительное отрицаніе всякихъ личныхъ

заслугъ человѣка предъ Верховнымъ Судіей. При всемъ ужасѣ, идея отличалась, можно сказать, ослѣпительной ясностью и романтическимъ таинственнымъ величіемъ. Отблескъ величія падалъ и на самихъ проповѣдниковъ истины: ихъ самоотреченіе граничило съ высшимъ героизмомъ и ихъ представленіе о божествѣ могло подавить самое пылкое и мятежное воображеніе. Именно съ этой стороны на ученіе янсенистовъ взглянули салоны и именно мрачная грандіозность образа поразила впечатлительность богослововъ-дамъ.

Г-жа Севиньи приходила въ восторгъ. Ей изображали Бога, какъ «господина, верховнаго творца» — непогрѣшимаго, неотразимаго, недоступнаго жалкимъ человѣческимъ волненіямъ и нашимъ понятіямъ о справедливости и милосердіи. Салонная дама находила, что обыкновенные вѣрующіе унижали Бога, приписывали ему гнѣвъ, раскаяніе, Янсений разъ навсегда покончилъ съ этими страстями и сдѣлками, во имя чего и какіе результаты могли послѣдовать изъ такого рѣшенія—эти вопросы для праздноболтающей дамы не существовали.

А между тѣмъ янсенистское ученіе создавало смутную драму для людей мнительныхъ и искреннихъ. Въ разгаръ богословской борьбы янсенистовъ съ іезуитами случилось происшествіе громаднаго нравственнаго смысла. Нѣкій несчастный католикъ впалъ въ безысходное отчаяніе, не зная, предопредѣлено ли ему спасеніе, или онъ безповоротно осужденъ еще во чревѣ матери? Богословы и схоластики не могли успокоить его, и онъ не вынесъ сомнѣній и покончилъ самоубійствомъ.

Какъ могли отнестись къ этому факту ученые изслѣдователи пути въ царство небесное? Іезуиты не преминули обвинить янсенистовъ въ смерти нищаго духомъ правовѣрнаго и даже направили свои обвиненія на опредѣленную личность, одного изъ виднѣйшихъ представителей янсенизма. Обвиняемый оправдывался тѣмъ, что онъ лично не зналъ самоубійцы. Но дѣло было, конечно, не въ личномъ знакомствѣ жертвы янсенистскаго богословія съ самими богословами, а съ ихъ идеями, и янсенистамъ нечего было привести въ свое оправданіе: тѣмъ серьезнѣе кто смотрѣлъ на ихъ ученіе, тѣмъ только глубже могъ проникнуться чувствомъ безнадежности и невыносимо жалкаго ничтожества даже благороднѣйшихъ человѣческихъ усилій.

Паскалю были въ точности извѣстны янсенистскія идеи, зналъ онъ и о трагическомъ эпизодѣ, но не эта драма поразила его умъ и сердце. Задача о благодати, столь шарлатански разрѣшенная доминиканцами, дала ему случай подвергнуть жестокому смѣху и гнѣву софистическое плутовство и монашескую трусость. И мы ни въ одномъ изъ его сочиненій не находимъ тревожныхъ отголосковъ «проклятаго» современнаго вопроса. Паскаля не мучило сомнѣніе, принадлежитъ ли онъ къ избраннымъ или къ осужденнымъ. Послѣдніе годы жизни онъ прожилъ аскетомъ и истинно-христіанскимъ подвижникомъ, очевидно, придавая извѣстное значеніе и человѣческой волѣ въ завоеваніи загробнаго блаженства. И *Мысли* онъ свои обдумывалъ, изнывая надъ другими проблемами, не тѣми, какія ставила книга

Янсенія непосредственно вѣрующимъ. И все-таки эта книга, по свидѣтельству сестры Паскаля, произвела на него рѣшительное впечатлѣніе, создала въ его жизни цѣлую эпоху: у біографовъ Паскаля эта эпоха извѣстна подъ именемъ его *перваго* обращенія.

Прочиталъ ли онъ все знаменитое сочиненіе или нѣтъ — неизвѣстно. Можно думать, — нѣтъ: книга заключала въ себѣ, по крайней мѣрѣ, двадцать томовъ по современной мѣрѣ, и у Паскаля не было ни времени, ни силъ, ни, надо полагать, и охоты углубиться въ эту чашу богословской учености. Но сущность нравственныхъ воззрѣній Янсенія онъ зналъ и именно они, говорятъ намъ, полонили его умъ и душу. Напитаться ими онъ могъ изъ бесѣдъ съ врачами-янсенистами, лѣчившими его отца. Сестра рассказываетъ все это вполне опредѣленно.

Паскаль усердно занимался математикой, производилъ опыты надъ тяжестью воздуха, и въ это же время познакомился съ янсенистами, началъ читать душеспасительныя сочиненія—*des écrits de piété*, и «Богъ просвѣтилъ его». Это, по толкованію рассказчицы, означаетъ, что Паскаль понималъ, наконецъ, истинный смыслъ христіанской религіи. Она требуетъ, чтобы человѣкъ жилъ только для Бога и не имѣлъ никакихъ другихъ интересовъ. Эта истина, продолжаетъ сестра, показалась Паскалю до такой степени очевидной, что онъ прекратилъ всѣ свои научныя занятія, отказался отъ всѣхъ другихъ знаній, кромѣ «единого на потребу», заповѣданнаго Иисусомъ Христомъ.

Это—цѣлый переворотъ, если принять рассказъ сестры Паскаля во всей его лѣтописной непосредственности. И все это, будто бы, произведено благочестивыми книгами янсенистовъ.

Положимъ, повѣсть вполне достовѣрна и психологически не подлежитъ сомнѣнію: какой бы интересъ представляла для насъ подобная исторія души? Двадцатичетырехлѣтній юноша, отрекающійся отъ положительной мысли и знанія во имя аскетическаго самосовершенствованія, — явленіе, можетъ быть, и возвышенное, но для людей, волей или неволей обязанныхъ вести борьбу съ темными силами земной жизни, мало поучительное и даже безразличное. Это—мертвецъ, собственной волей заживо похоронившій себя. Отшельники и пустынники, можетъ быть, будутъ утѣшены зрѣлищемъ его духовной красоты, но намъ, лишеннымъ прелестей и покоя пустыннаго житія, не найти въ этихъ подвигахъ ни обильной умственной пищи, ни изощреннаго оружія для повседневной борьбы съ противолучными и противообщественными теченіями. И біографія Паскаля была бы житіе святого и преподобнаго, всеблаженнаго и невозмутимо-величаваго въ своемъ отчужденіи отъ мірскаго грѣха и житейской суеты.

Мы, наконецъ, узнаемъ, что обращенный Паскаль уже нѣсколько лѣтъ страдалъ упорной неизлѣчимою болѣзнію. Съ восемнадцатилѣтняго возраста онъ не знаетъ уже ни одного безболѣзненнаго дня. Съ теченіемъ времени страданія усложняются и превращаются въ настоящую пытку. Внутренности его горятъ въ непрерывномъ жару, ноги, напротивъ, холодны, какъ мра-

морь и ихъ надо обертывать въ простыни, смоченныя спиртомъ. Лѣкарства больной можетъ принимать только подогрѣтыми, и они не вызываютъ облегченія. Страданія доходятъ до того, что больной не въ состояніи писать и вынужденъ набрасывать на бумагу мысли незаконченныя и неотдѣланныя, но даже и это требуетъ отъ него мучительныхъ усилій.

Кажется, плоть достаточно укрощена. Паскаль не удовлетворенъ. Онъ стремится смирить свой духъ и измощить тѣло до схимничества и мученичества.

Несмотря на тяжкіе недуги, Паскаль неустанно изобрѣтаетъ для себя еще новыя лишенія, истязаетъ себя физически, инквизиторскимъ окомъ слѣдитъ за всѣми настроеніями и мыслями. Онъ будто адскаго огня боится гордости, малѣйшаго признака самолюбія и вооружается противъ самого себя, какъ свой личный врагъ.

Онъ пользуется громкой славой, какъ ученый, ему нѣтъ равнаго среди современниковъ по литературному таланту, ученѣйшіе и благочестивѣйшіе янсенисты считаютъ его столпомъ мудрости и нравственности, естественно, къ нему многіе обращаются за совѣтомъ, за душевспасительной бесѣдой, не прочь его самого возвести въ директора совѣсти.

Паскалю приходится часто снисходить на подобныя домогательства и онъ не могъ не сознавать своей великой умственной и нравственной силы. Помимо всѣхъ талантовъ, онъ обладаетъ еще дивнымъ даромъ слова, говорить съ чарующей искренностью и убѣдительностью, и, разумѣется, не разъ можетъ наблюдать власть своего слова надъ другими. И вотъ, чтобы отогнать отъ себя духа тщеславія и честолюбія, Паскаль придумываетъ слѣдующее.

Онъ начинаетъ носить на тѣлѣ желѣзный поясъ, устѣянный гвоздями, и всякій разъ, когда у него мелькаетъ самодовольная мысль или просто онъ испытываетъ пріятное впечатлѣніе, онъ локтемъ ударяетъ по поясу, острія гвоздей вонзаются въ тѣло и напоминаютъ ему объ его *долгѣ*. И такъ продолжалось до самой смерти, даже въ самый тяжкій періодъ болѣзни, когда Паскаль уже не могъ ни читать, ни писать. Самые близкіе люди узнали объ этомъ искусѣ только послѣ его смерти.

Такъ рассказываетъ сестра и именно ей принадлежитъ выраженіе *долгъ*. На взглядъ благочестивой женщины ея братъ поступалъ, какъ слѣдуетъ добродѣтельному человѣку. Но даже и она приходила въ смущеніе отъ нѣкоторыхъ подробностей въ его подвижничествѣ. Ее, напримѣръ, удивляло чрезвычайно строгое отношеніе Паскаля къ самымъ обыкновеннымъ вещамъ. Онъ старался совсѣмъ заглушить у себя чувство вкуса, совсѣмъ не обращалъ вниманія на ѣду и питье, по цѣлымъ годамъ ѣлъ одно и тоже кушанье, и даже возмущался, когда въ его присутствіи начинали говорить о какомъ-либо вкусномъ блюдѣ, хвалили, напримѣръ, мясо. Все, возбуждающее аппетитъ, вызывало отвращеніе Паскаля. И эта аскетическая строгость неумолимо простиралась и на нравственные вопросы.

Здѣсь именно чаще всего приходилось смущаться родственникамъ Па-

скала. Онъ стремился до послѣдней степени *охладить* свои отношенія даже къ самымъ близкимъ людямъ, совершенно не проявлялъ ни къ кому личной привязанности и требовалъ, чтобы и другіе относились къ нему безъ всякихъ нѣжныхъ чувствъ. Сестра говоритъ, что въ этомъ вопросѣ Паскаль былъ особенно строгъ и послѣдователенъ. Окружающіе могли думать и дѣйствительно думали, что Паскаль ихъ совсѣмъ не любитъ и случилось даже, впадали въ отчаяніе отъ этой мысли. Паскаль не считалъ нужнымъ успокоить эти смущенныя души, настойчиво отвергалъ нѣжнѣйшія услуги искренне привязанныхъ къ нему людей и только послѣ его смерти узнали, что такой образъ дѣйствія былъ однимъ изъ его нравственныхъ принциповъ. Сердце должно принадлежать одному Богу, и отдавать его кому-либо изъ людей, значитъ «похищать у Бога драгоцѣннѣйшій въ мірѣ предметъ». *Il est injuste qu'on s'attache!*—таково убѣжденіе Паскаля.

Опять какая мука и какой ужасъ жить такому человѣку и какое нравственное бремя жить съ такимъ человѣкомъ! Если мы примемъ это убѣжденіе Паскаля, какъ его передаетъ намъ ближайшая свидѣтельница его жизни, у насъ опять возникаетъ тяжелое *обидное* чувство. Неужели такой высокій умъ, такая могучая воля могли внушить человѣку преднамѣренный холодъ души и принципиальную безчувственность сердца? Правда, намъ въ то же время говорятъ о неограниченномъ состраданіи Паскаля къ бѣднымъ, объ его щедротахъ къ нищимъ, о взглядѣ на богатство исключительно какъ на источникъ благотворительности, и намъ рассказываютъ множество случаевъ его трогательнаго милосердія.

Мы не сомнѣваемся въ нихъ, и самъ Паскаль засвидѣтельствовалъ ихъ достовѣрность одной изъ самыхъ сильныхъ своихъ мыслей: «Всѣ тѣла, сводъ небесный, земля съ ея царствами не стоятъ слабѣйшаго изъ умовъ, ибо послѣдній познаетъ все это и самого себя, а тѣла ничего не познаютъ. Съ другой стороны, всѣ тѣла въ совокупности, всѣ умы вмѣстѣ и всѣ ихъ произведенія не стоятъ малѣйшаго проявленія любви. Любовь—это свойство безконечно высшаго порядка».

Это одно изъ чистосердечнѣйшихъ признаній, какія только можно прочитать въ сочиненіяхъ писателей. По искренности и глубинѣ съ нимъ можно сопоставить только рассказъ о смерти Паскаля. Страдалецъ умиралъ медленно и среди жестокихъ мученій, но ни на одну минуту не забывалъ, что на свѣтѣ множество еще болѣе несчастныхъ. Онъ желалъ непременно умереть, какъ умираютъ простые бѣдняки, требовалъ, чтобы его отправили въ больницу или, по крайней мѣрѣ, нашли больного нищаго, привели къ нему и положили вмѣстѣ съ нимъ. Тогда онъ будетъ увѣренъ, что умеръ по-христіански, принявъ Іисуса Христа въ лицѣ одного изъ его меньшихъ братьевъ. Ему отказывали въ причастіи, не вѣря въ близость его кончины, и вотъ онъ нашелъ средство утѣшить себя.

Несомнѣнно, въ этомъ сердцѣ жило великое чувство христіанской любви, но Паскаль считалъ недостойнымъ христіанина отдаваться личной

привязанности, всякое проявление нѣжности, радости быть любимымъ казалось ему нарушеніемъ принятаго на себя нравственнаго подвига.

Представьте, такой принципъ добродѣтели установился бы въ человѣческомъ обществѣ, во что бы превратилось служеніе Христу? Неужели самъ учитель христіанства, имѣвшій *любимаго* ученика и благословлявшій дѣтей съ безграничнымъ чувствомъ нѣжности, призналъ бы подвигъ Паскаля евангельскимъ? Намъ рассказываютъ, что Паскаль негодовалъ на сестру, когда она принимала ласки дѣтей... Гдѣ этотъ аскетъ вычиталъ такое представленіе о любви къ Богу? Какой примѣръ изъ жизни Спасителя уполномочилъ его причинять глубокія страданія, даже слезы близкимъ людямъ своимъ напускнымъ равнодушіемъ, своимъ неумолимо-отталкивающимъ холодомъ? Какому Богу можетъ требоваться такое насиліе надъ сердцемъ и не являются ли тогда и самыя милостыни и щедроты къ нищимъ только обрядомъ, *предписаннымъ* и выполняемымъ по предписанію?

Вопросъ естественный, но онъ непримѣнимъ къ Паскалю.—Тогда что же заставило его извлечь изъ евангельскаго ученія не евангельскую практику, возложить на себя бремя вымышленное и противное духу *евангельскаго* христіанства?

Этотъ вопросъ не существовалъ для директора совѣсти Паскаля, но этотъ директоръ, очевидно, многого не зналъ и многого не понималъ въ томъ, кѣмъ онъ призванъ былъ управлять.

Одному только кающемуся было извѣстно, чего стоило его душѣ склониться подъ добровольнымъ игомъ и безпрестанно жить во всеоружіи предъ неумолкаемымъ голосомъ геніальной критической мысли и богато одареннаго человѣческаго сердца.

VII.

Когда вы перечитываете *мысли* Паскаля, вамъ невольно бросается въ глаза одинъ мотивъ, очевидно, неотступно преслѣдовавшій Паскаля, какъ моралиста. Слово *volupté*—похоть—пестритъ его книгу. Она, въ его убѣжденіи, источникъ всѣхъ человѣческихъ бѣдъ и прегрѣшеній. «Мы рабы похоти»—этотъ крикъ отчаянія ежеминутно готовъ вырваться изъ груди Паскаля. Призракъ *похоти* преслѣдуетъ его всюду—въ думахъ о будничной житейской суетѣ и на высотѣ высшей философской мысли. Предѣлы похоти неограниченны. Паскаль распространяетъ ихъ до такой степени, что, кажется, готовъ включить въ царство этого порока рѣшительно всѣ проявленія духовной и физической жизни человѣка, за исключеніемъ аскетическаго богомыслія. О наслажденіяхъ и страстяхъ нечего и говорить: лично Паскаль не допускалъ даже разговоровъ о женской красотѣ. Но это капля моря въ океанѣ похоти. Ея опаснѣйшій симптомъ—любопытность въ самомъ идеальномъ смыслѣ, т. е. стремленіе изучать тайны природы, слѣдовательно, вообще вся наука.

Въ устахъ ученаго краснорѣчивѣйшее самобичеваніе. Какъ Паскаль

рѣшился на него? И здѣсь намъ даютъ вполне опредѣленный и простой отвѣтъ: Паскаль отвращеніе къ наукѣ и презрѣніе къ похоти ума вычиталъ въ сочиненіяхъ янсенистовъ. Янсений дѣйствительно ставилъ рядомъ жажду удовольствій и страсть къ научнымъ изслѣдованіямъ и осуждалъ заразы и распутнаго прожигателя жизни и самоотверженнаго подвижника опытнаго знанія. И Паскаль въслѣдствіи запишетъ такую мысль: «Все, что есть у міра, является похотью плоти, похотью глазъ или гордостью жизни: это страсть чувствованія, страсть знанія, страсть господства. Несчастливая земля проклятія, которую эти три огненные рѣки скорѣе воспаляютъ, чѣмъ орошаютъ!»

Самый правовѣрный янсенистъ могъ бы подписаться подъ этимъ изреченіемъ. Но это не значить, будто оно вложено въ сердце Паскаля, ученически послушное и простодушно благодарное за сообщеніе невѣдомой раньше мудрости. Предъ нами одинъ изъ случаевъ весьма сложнаго психологическаго *вліянія*, когда слово *вліяніе* создаетъ множество недоразумѣній и совсѣмъ не выясняетъ явленія. Оно заставляетъ думать, будто одинъ человѣкъ воспринимаетъ отъ другого новыя для него идеи, благодаря имъ, мѣняется его міросозерцаніе, даже путь практической дѣятельности. Такъ, на примѣръ, въ нашей литературѣ школьными словесниками понималось вліяніе Байрона на Лермонтова и Пушкина. До извѣстнаго времени человѣкъ не умѣлъ какъ слѣдуетъ мыслить и чувствовать, явился «властитель думъ», и для него открылись волшебные горизонты... На самомъ дѣлѣ, если подобныя чудеса и совершаются, то о «прозрѣвшихъ» не стоитъ и толковать. Пусть какъ угодно будетъ великъ учитель, но если ученикъ всецѣло обязанъ ему своими идеями, дѣтище его внушеній—хотя бы распространенныхъ и дополненныхъ—этотъ ученикъ не заслуживаетъ ни громкаго имени, ни тщательнаго изученія.

Паскаля благочестивые психологи именно и желаютъ выставить такимъ духовнымъ чадомъ янсенизма. И вполне естественно: три выгоды заразъ: одна—благочестіе Паскаля внѣ сомнѣнія, другая—дѣтская простота этой благочестивой души, третья—самая легкая и общедоступная исторія его жизни. Текстъ и формула—и человѣкъ готовъ со всѣми его идеями, испытаніями и цѣлями.

Къ сожалѣнію, въ Паскалѣ до конца его дней и при всемъ подвижничествѣ, жилъ нѣкій духъ, не имѣющій никакихъ родственныхъ связей ни съ католическимъ, ни съ янсенистскимъ благочестіемъ.

Знаете ли какія «мысли» этотъ духъ внушалъ ему непосредственно послѣ проклятій на похоть плоти и похоть ума?

Напримѣръ, одна, бьющая янсенистамъ не въ бровь, а въ глазъ,—замѣтьте, янсенистамъ, учителямъ и директорамъ Паскаля.

«Несчастливы тѣ, которые обязали меня говорить о сущности религій!... Я вижу очищенныхъ грѣшниковъ безъ раскаянья, оправданныхъ праведниковъ безъ любви, христіанъ безъ благодати Іисуса Христа, Бога безъ

власти надъ волею людей, предопредѣленіе безъ таинственности, искупленіе безъ несомнѣнности».

Это—настоящій крикъ отчаянія, и буквально эти самыя мысли должны были поразить умъ того несчастнаго, который убилъ себя въ ужасѣ предъ тайной предопредѣленія. Чувствовалъ ли что-нибудь подобное Янсений, десяти лѣтъ работавшій надъ своимъ сочиненіемъ и съ невозмутимой покорностью предъ высшей непостижимой волей доказывавшій идеи, отразившіяся въ душѣ Паскаля смертной тоской?

Но это не все. Въ умѣ Паскаля всплываютъ еще болѣе ужасныя идеи, на янсенистскій взглядъ прямо нечестивыя. Можно ли идеально христіанскому подвижнику обдумать и записать слѣдующую мысль?

«Если бы ничего не нужно было дѣлать иначе, какъ въ виду несомнѣннаго результата, то человѣкъ не долженъ бы былъ ничего дѣлать для религіи, потому что она не носитъ въ себѣ несомнѣнности».

Дальше, записывается мысль еще болѣе смѣлая, прямо скептическая:

«Одинаково непостижимыя положенія, что есть Богъ и что нѣтъ Его, что есть душа въ тѣлѣ и, что нѣтъ въ насъ души, что сотворенъ міръ и что не сотворенъ, что есть первородный грѣхъ и что нѣтъ его».

Наконецъ, еще одинъ принципъ: онъ будто нарочно направленъ на людей, подозрѣвающихъ Паскаля въ ученической зависимости отъ какого-либо вѣшняго авторитета.

«Вѣрованіе—это ваше согласіе съ самимъ собою, упорный голосъ вашего разума, а не разума другихъ, не другіе должны дать вамъ вѣру».

Могли ли всѣ эти «мысли» придти въ голову ученику какой бы то ни было *религіозной* секты? А тѣмъ болѣе послѣдователю янсенизма, облакаваго въ трагическую тайну основной религіозный и нравственный вопросъ о спасеніи и гибели человѣческихъ душъ? Если Паскаля и увлекалъ образъ Бога, карающаго добрыхъ и спасающаго злыхъ во имя своего личнаго предопредѣленія, онъ не могъ успокоиться на подобной истинѣ. Геніальный умъ ученаго возставалъ противъ смертнаго приговора надъ всѣми человѣческими совершенствами, благородное сердце не могло допустить, чтобы втунѣ оставались усилія добровольныхъ праведниковъ стяжать утѣшеніе за гробомъ въ невыносимыхъ обидахъ и бѣдствіяхъ земли.

И Паскаль не могъ противостать возмущенію своей природы. Онъ съ чрезвычайной тщательностью обдумывалъ всякую свою мысль, до десяти разъ передѣлывалъ форму ея выраженія, и при такихъ-то условіяхъ мы читаемъ такія признанія.

Очевидно, предъ нами своеобразный аскетъ и угодникъ. Намъ рассказываютъ, съ какимъ усердіемъ Паскаль посѣщалъ церкви, запасся даже особымъ церковнымъ путеводителемъ, гдѣ указывались храмовыя праздники въ парижскихъ приходахъ. Священники приходили въ умиленіе и говорили: «Это ребенокъ! Онъ смирененъ и покоренъ, какъ ребенокъ!» *C'est un enfant!* И Паскаль, несомнѣнно, производилъ такое впечатлѣніе, когда въ

смертномъ недугѣ бродилъ по церковнымъ службамъ и велъ благочестивыя бесѣды съ аббатами.

Но тотъ же ребенокъ, возвращаясь домой, погружался въ безысходную думу, можетъ быть, какъ разъ о только что выслушанной обѣднѣ или проповѣди, о только что прочитанномъ отрывкѣ изъ св. Писанія и додумывался до истинно-трагическихъ противорѣчій.

Онъ слышалъ въ церкви повѣствованія о чудесахъ и пророчествахъ, безпрестанно и дома прочитывалъ все это, выучилъ, наконецъ, всю Библию наизусть, и все-таки не пришелъ къ одному непоколебимому взгляду на ея важнѣйшія тайны.

Одну минуту Паскаль убѣжденъ въ неопровержимомъ авторитетѣ пророчества, и онъ пишетъ цѣлое разсужденіе на тему; «Величайшее изъ доказательствъ истинности Іисуса Христа это—пророчество». Сказано, повидимому, очень рѣшительно и подтверждено дѣйствительно благочестивыми изліяніями чувства.

Но вотъ наступаетъ очередь разсудка, разума, и тогда записывается новое размышленіе: оно не столь пространно, но не менѣе краснорѣчиво, во всякомъ случаѣ, его достаточно для соблазна слабыхъ въ вѣрѣ.

«Доказательства,—пишетъ Паскаль,—которые извлекаютъ изъ св. Писанія, не совсѣмъ убѣдительны. Ссылаются только на то, что Моисей говорилъ, что придетъ пророкъ, но не доказываютъ этимъ, что это Онъ самый и есть, а въ этомъ-то и заключался весь вопросъ. Итакъ, въ этихъ мѣстахъ показывается только, что въ данномъ случаѣ нѣтъ противорѣчій съ св. Писаніемъ, а не показывается того, что въ данномъ случаѣ полное согласіе».

Если это такъ, какой же тогда выходъ?

Отвѣтовъ нѣсколько, и одинъ другого любопытнѣе. Одинъ касается вообще религіозной вѣры: мы встрѣтимся съ нимъ позже, сущность его заключается въ томъ, что вѣра дается не разумомъ и не фактами и вообще не человѣческими средствами, а исключительно *благодатью*. Можно страстно желать вѣровать и не быть въ силахъ, пока не захочетъ этого Богъ. Мы оцѣнимъ впослѣдствіи громадное значеніе этой идеи въ судьбѣ и психологіи Паскаля, теперь намъ достаточно общаго представленія касательно *пророчествъ*. «Они,—говоритъ Паскаль,—должны быть непонятны для нечестивыхъ, но понятны для тѣхъ, кто просвѣщены».

Слѣдовательно, они не могутъ служить доказательствами. Они имѣютъ силу убѣдительности, какъ факты *последующіе*, какъ сѣмена, падающія на раньше и вполне подготовленную почву. Надо предварительно вѣровать вообще, чтобы повѣровать пророчествамъ въ частности. Таковъ вѣдь смыслъ правила Паскаля, и онъ подтверждается его собственнымъ соображеніемъ о значеніи *чудесъ*. Именно они разсѣиваютъ сомнѣнія тѣхъ, для кого не убѣдительны пророчества.

Повидимому, чудеса слѣдуетъ поставить вообще выше всѣхъ доказательствъ. Въ нихъ преимущество христіанства, Христа предъ Магометомъ.

Безъ нихъ нѣтъ вѣры. «Если бы,—пишетъ Паскаль,—не было чудесъ, люди не согрѣшили бы, не вѣря въ Иисуса Христа». Въ другой разъ выраженіе еще сильнѣе: «Какъ я ненавижу тѣхъ, которые выдаютъ себя сомнѣвающимися въ чудесахъ!»

Замѣтьте—*только выдаютъ себя*; искренне сомнѣваться въ чудесахъ, по мнѣнію Паскаля, невозможно.

Но такъ думается нашему аскету далеко не всегда. Бываютъ минуты, чудеса подвергаются еще большей опасности, чѣмъ пророчества. О пророчествахъ можно, по крайней мѣрѣ, навѣрное сказать, что ихъ не знаютъ другія религіи, помимо христіанства: «Магометъ не былъ предсказанъ», но чудеса, оказывается, можетъ творить не только христіанинъ, но даже дьяволъ. Вообще, учитъ Паскаль, «есть ложныя и истинныя чудеса. Нуженъ какой-нибудь признакъ, чтобы ихъ различать, а иначе они бесполезны». Даже вредны, потому что чудеса могутъ быть между схизматиками. Это, очевидно, *ложныя* чудеса, и они не доказываютъ истинности схизматическаго ученія, а только существованіе *истинныхъ* чудесъ.

Заключеніе весьма невразумительное, но слѣдуетъ ожидать, что, по крайней мѣрѣ, одно правило установлено прочно: *по ученію* должно судить о чудесахъ. Если ученіе правовѣрно—значить чудеса, совершаемыя его послѣдователями, *истинныя*, если ученіе ложно, и чудеса не настоящія. Выводъ, повидимому, несомнѣнный. Паскаль пишетъ: «Въ Ветхомъ Завѣтѣ чудеса ложны, когда ими хотятъ отвратить отъ Бога. Въ Новомъ Завѣтѣ они ложны, если ими отвращаютъ отъ Иисуса Христа. Слѣдовательно, истинность чудесъ зависитъ отъ истинности проповѣди».

Но вотъ затрудненіе. Никодимъ увѣровалъ въ Иисуса Христа изъ-за его чудесъ. Онъ сказалъ Ему: «Такихъ чудесъ, какія ты творишь, никто не можетъ творить, если не будетъ съ нимъ Богъ». Паскаль приводитъ эти слова и поясняетъ ихъ: «Онъ не о чудесахъ судитъ по ученію, а по чудесамъ объ ученіи».

Совершенно обратное тому, что мы слышали раньше! Какъ же разобратся въ этихъ противорѣчіяхъ!

Съ увѣренностью можно сказать одно: Паскаль не удостоился благодати, необходимой для ясной и твердой вѣры. Мы увидимъ, съ какой страстью сердца и логикой ума онъ стремился къ этой вѣрѣ. Всѣ думы послѣднихъ лѣтъ его жизни были поглощены планомъ громаднаго сочиненія противъ атеистовъ. Собранныя и напечатанныя впоследствии *Мысли*—отрывки именно изъ этого сочиненія. Паскаль нерѣдко и горячо излагалъ устно свой замыселъ близкимъ людямъ. Очевидно, онъ, подобно Янсенію, высшей цѣлью своего существованія поставилъ торжество также религіозной идеи, и его работа, можетъ быть, вышла бы не менѣе обширной и навѣрное болѣе *нужной* человѣчеству. Болѣзнь помѣшала намѣренію, но она не единственное препятствіе. Мы думаемъ, даже не главное.

Паскаль ополчился противъ атеистовъ во имя откровенной религіи. Въ такомъ случаѣ онъ долженъ былъ явиться на поле брани во всеоружіи

вѣры и св. Писанія, какъ неопровержимой ея основы, преданій церкви, какъ ея истиннаго свѣта. И Паскаль пламенно жаждалъ именно такой борьбы, но подвигъ не давался.

Онъ, принципиальный искоренитель атеизма, писалъ намъ: «Атеизмъ, признакъ силы ума, но только до извѣстной степени». Еще бы Паскаль высказалъ подобное положеніе безъ ограниченій, но важно то, что онъ вообще высказалъ его хотя бы и въ такой формѣ. Могло ли оно слетѣть съ истинно-религіозныхъ, непоколебимо вѣрующихъ устъ? Такія уста говорятъ: «Рѣче *безумецъ* въ сердцѣ своемъ: нѣсть Бога». Паскаль не только не рѣшается назвать атеиста безумцемъ, но даже видитъ въ немъ положительный умъ, хотя и *до извѣстной степени*.

Но атеистъ можетъ сослаться на самого Паскаля и заявить, что вѣдь человѣкъ вообще уменъ только до извѣстной степени, абсолютная мудрость недоступна человѣческому разуму, и Паскаль основательно посвятилъ столько краснорѣчивыхъ доказательствъ этой несомнѣнной истинѣ. Слѣдовательно, и вѣрующій уменъ тоже въ предѣлахъ, а рѣшать вопросъ—кто умнѣе, т.-е. степень чьего ума выше—значитъ ставить задачу вродѣ квадратуры круга. Тѣмъ больше, что и самъ Паскаль, при всемъ своемъ стремительномъ желаніи быть христіаниномъ по Писанію, не могъ придти къ опредѣленнымъ взглядамъ на такія основы христіанской вѣры, какъ пророчества и чудеса.

Могъ ли такой мыслитель создать *Апологию христіанства*? И можно ли его мысль приурочивать къ идеаламъ какого бы то ни было древняго или новаго отца церкви? Правда, Паскаль защищалъ янсенистовъ, нанесъ тяжелый ударъ іезуитскому ордену, заклеилъ несмываемымъ презрѣніемъ монашеское двоедушіе и лживо-благочестивую схоластику, но все это онъ совершилъ вовсе не во имя какого-либо религіознаго догмата. Ратуя за янсенистовъ, онъ ни цѣлями, ни приѣмами борьбы ни на одну іоту не походилъ на своихъ друзей. Недаромъ же никто изъ нихъ не смогъ вступить въ ратоборство съ іезуитами и они вынуждены были обратиться къ генію и искусству свѣтскаго ученаго, до того времени не чувствовавшаго ни малѣйшей склонности къ богословскимъ вопросамъ и даже не читавшаго св. отцовъ.

И полемика вышла отнюдь не богословской, даже не церковной, а чисто-нравственной. Въ этомъ ея вѣчное и общечеловѣческое значеніе. Паскаль поражалъ іезуитовъ не какъ янсенистъ, а какъ благородный и свободный мыслитель, заимствовалъ свое оружіе не изъ сочиненій Янсенія, а изъ своего несравненнаго логическаго и въ то же время вдохновеннаго ума.

Нравственные и историческіе плоды борьбы всѣмъ извѣстны: они были оцѣнены еще современниками Паскаля. Но и старые и новѣйшіе критики, торжествовавшіе побѣду правды надъ «іезуитизмомъ» просмотрѣли, по нашему мнѣнію, не менѣе существенный фактъ *личнаго* значенія, фактъ въ исторіи души самого автора. *Письма къ провинціалу*—одинъ изъ глубочайшихъ моментовъ въ нравственной драмѣ Паскаля, едва ли не самый

рѣшительный эпизодъ, раздувшій огонь его душевной алчбы въ пожирающее пламя.

Не въ бесѣдахъ съ янсенистами, не въ книгѣ Янсенія должны мы искать источника такихъ мучительно противорѣчивыхъ *страстно ищущихъ* идей, какія завѣшалъ намъ Паскаль, не католикъ, и не янсенистъ, и не подвижникъ откровенной религіи, сколько бы намъ ни рассказывали объ его набожности и аскетизмѣ.

VIII.

Сестра Паскаля съ благоговѣйнымъ изумленіемъ повѣдала намъ о раннемъ развитіи математическаго генія своего брата, описала также его исполнскую любознательность, подчеркнула и его религіозность, будто бы сопутствовавшую его всю жизнь. Паскаль, говорятъ намъ, всегда проявлялъ одновременно двѣ, повидимому, совершенно несовмѣстимыя черты характера: страстное стремленіе все знать и провѣрить собственнымъ умомъ и чисто-дѣтскую покорность религіи и церкви. Сестра выражается такъ: «Этотъ умъ столь мощный, столь обширный и неустанно-любопытный, усердно добивавшійся знать причину и смыслъ всего существующаго, въ то же время подчинялся религіи во всемъ, какъ ребенокъ, и эта непосредственность владѣла имъ въ теченіе всей жизни».

Итакъ, Паскаль *sancta simplicitas*! Неужели, спросите вы, рѣшительно во всѣхъ богословскихъ открытіяхъ средневѣковой схоластики? Они вѣдь будто нарочно дѣлались, затѣмъ чтобы вызвать изъ усыпленія самый лѣнивый умъ и нарушить благоговѣйное созерцаніе самаго послушнаго сердца. Оказывается, Паскаль вовсе не обращалъ никакого вниманія именно на эти вопросы. Такъ увѣряетъ та же сестра и прибавляетъ, что и до конца дней Паскаль не занимался богословскими вопросами, а исключительно «старался усовершенствовать христіанскую нравственность».

Это неправда. Мы увидимъ,—Паскаль весьма былъ не прочь пуститься въ область, не имѣющую ничего общаго съ нравственнымъ ученіемъ христіанства. Изслѣдованія о предзнаменованіяхъ, о пророчествахъ, о тайнѣ грѣхопаденія, о загадочныхъ національных чертахъ еврейскаго народа, объ отношеніи его къ Мессіи, все это не «мораль», и Паскаль до истощенія силъ запутывался въ этихъ тайнахъ и загадкахъ, и мы уже слышали, впадалъ даже въ отчаяніе, не отъ темноты христіанской нравственности; здѣсь все ясно даже простому уму, не только гениальному мыслителю.

Не происходило ли подобнаго въ молодости Паскаля? Не приходилось ли ему задумываться хотя бы надъ смысломъ современной богословской брани, возмущавшей общественную атмосферу до послѣднихъ ея слоевъ? Паскаль, просто въ качествѣ члена интеллигентнаго французскаго общества, не могъ совершенно безучастно отнестись къ вопросамъ, затронутымъ за живое даже г-жу Свиньи.

У насъ вѣтъ положительнаго отвѣта, но есть свѣдѣніе, вполне достовѣрное и опущенное сестрой Паскаля. Ея братъ занимался не одною математикой, онъ жадно читалъ, правда, немногое, но *очень много*, у одного и того же писателя—Монтеня. Одинъ изъ остроумнѣйшихъ представителей скептическаго и эпикурейскаго міросозерцанія былъ въ полномъ смыслѣ властителемъ думъ Паскаля. Молодой ученый зачитывался *Опытами*, изучалъ ихъ съ такой же страстью, какъ впоследствии Библию, и не забывалъ о Монтенѣ въ самый разгаръ своего подвижничества. Въ эту эпоху онъ не прочь подвергнуть его критикѣ, но онъ не перестаетъ удивляться его уму и генію, неоднократно ссылается на него, даже по вопросу о чудесахъ называетъ его здравомыслящимъ—его, скептика и насмѣшника!—и считаетъ, наконецъ, *впрующимъ*. Это послѣднее слово любовной проницательности и снисходительности стараго поклонника.

Какъ же могло такъ глубоко укорениться уваженіе къ подобному философу у Паскаля! Монтень всю жизнь проповѣдовалъ только умѣнье наслаждаться жизнью, рядомъ съ этимъ правиломъ не признавалъ никакихъ принциповъ и нравственныхъ обязательствъ общаго характера, напримѣръ, борьбы за лучшій общественный строй, за безопасность и славу отечества. Эгоизмъ былъ и всегда будетъ главнымъ рычагомъ человѣческой дѣятельности, и этотъ фактъ надо признать естественной основной нравственности. Личное счастье—всепоглощающая цѣль человѣка, и всѣ другіе идеалы, привязанности, какіе бы то ни было факты и люди должны посторониться и очистить свободный путь этому стремленію.

Это положительный завѣтъ Монтеня, отрицательный не менѣе рѣшительный и необыкновенно блестящъ и остроуменъ. Никто до Монтеня не умѣлъ съ такой находчивостью высмѣять человѣческое знаніе, человѣческія понятія о добрѣ и справедливости и особенно людское честолюбіе и самоумнѣніе. Великій знатокъ души и жизни, какъ истинный артистъ подмѣчалъ и выводилъ на свѣжую воду немощи человѣческаго ума, мелочность его природы, призрачность его идеаловъ и самыхъ глубокихъ чувствъ и привязанностей. Монтеня все это забавляло и онъ въ богатомъ запасѣ своей житейской мудрости черпалъ самое жизнерадостное воззрѣніе на свои личные задачи и беззаботныя чувства предъ какими бы то ни было общественными бѣдствіями, идеальными и практическими лишеніями человѣчества.

Паскалю многое изъ наблюденій Монтеня должно было пригодиться впоследствии, когда и ему пришлось говорить о бѣдности и немощахъ человѣческой природы. Онъ только не могъ помириться съ безпечальнымъ эпикурействомъ своего учителя, и пришелъ къ совершенно другому нравственному результату. Но для насъ имѣетъ громадное значеніе роль Монтеня въ воспитаніи Паскаля и въ его умственномъ развитіи. Такъ увлекаются писателемъ въ единственномъ случаѣ, когда чувствуютъ съ нимъ извѣстное родство душъ. И Паскаль его чувствовалъ.

Въ психологіи Монтеня предъ нимъ выяснились двѣ стороны: эпикуреецъ и скептикъ. Какая изъ нихъ произвела сильнѣйшее очарованіе на

молодого философа? Мы думаемъ, ни къ той, ни къ другой Паскаль не отнесся безучастно.

Довольно странна и даже неожиданна рѣчь объ *эпикуреистахъ* Паскаля. Для иныхъ его поклонниковъ она, пожалуй, имѣетъ даже обидный смыслъ. А между тѣмъ, она вполне умѣстна и фактически основательна.

Мы не станемъ разбираться въ темныхъ извѣстіяхъ о любовномъ увлеченіи Паскаля. Позднѣйшіе его біографы не только признали эти свѣдѣнія безусловно достовѣрными, но даже открыли самый предметъ ихъ и усмотрѣли во всей исторіи цѣлую драму. Предметомъ, будто бы, оказалась дѣвица изъ высокородной семьи. Паскаль принадлежалъ къ очень почтенному «облагороженному» чиновничьему семейству, былъ красивъ и блестящъ, даже какъ свѣтскій кавалеръ, но аристократическіе предрасудки стали на пути къ счастью и разбили его жизнь.

Все это въ сильнѣйшей степени плодъ историческаго воображенія; сестра ни слова не сообщаетъ намъ о сердечныхъ страданіяхъ брата, не намекаетъ и онъ на что-либо подобное въ своихъ *Мысляхъ*. *Прямыхъ*, слѣдовательно, свидѣтельствъ о стремленіяхъ Паскаля къ интимному личному счастью у насъ нѣтъ, но зато есть косвенныя, и очень краснорѣчивыя.

Прежде всего, въ сороковыхъ годахъ текущаго столѣтія французскій ученый Кузенъ въ одномъ старомъ архивѣ нашелъ сочиненіе подъ заглавіемъ: *Discours sur les passions de l'amour*—*Разсужденіе о любовной страсти*. На рукописи значилось, что *Разсужденіе* «приписывается» Паскалю. Кузенъ, первый изучившій *Мысли* Паскаля въ ихъ подлинномъ видѣ, слѣдовательно, основательно ознакомившійся съ знаменитымъ, но до тѣхъ поръ полутайнымъ авторомъ, безъ всякихъ колебаній призналъ сочиненіе работой Паскаля. Съ Кузеномъ согласились не всѣ французскіе ученые, но большинство присоединилось къ нему, и въ настоящее время *Разсужденіе* печатается въ сочиненіяхъ Паскаля.

Въ немъ, дѣйствительно, много *паскалевскихъ* мыслей: это можетъ удостовѣрить всякій изъ его читателей, и вообще весь характеръ спорнаго сочиненія нисколько не противорѣчитъ тому, что безусловно принадлежитъ Паскалю. Надо только предположить, что авторъ писалъ *эти* мысли до «обращенія», обдумывалъ ихъ среди суеты большого свѣта и вблывалъ въ нихъ лично пережитое и выстраданное.

Предъ нами замѣчательный психологъ любовнаго увлеченія, со всѣми его отбѣнками и стадіями развитія. Любовь—одна изъ самыхъ могучихъ стихій, управляющихъ человѣкомъ: собственно только еще одну страсть можно поставить рядомъ съ ней—честолюбіе. И любовная страсть тѣмъ глубже, чѣмъ умственно-одареннѣе человѣкъ. У людей съ возвышеннымъ и сознательнымъ умомъ и любовь бываетъ благородной и вполне отчетливой: человѣкъ тогда знаетъ, за что онъ любитъ. Вліяніе любви—громоздко. Оно стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ умственными способностями влюбленнаго, отъ нихъ получаетъ направленіе и, въ свою очередь, глубоко воз-

дѣйствуетъ на нихъ, облагораживаетъ, изощряетъ ихъ и вообще восполняетъ нравственныя силы человѣка.

Такой взглядъ на любовь заставляетъ насъ предугадывать общую философію автора. Она цѣликомъ принадлежитъ Монтеню: человѣкъ созданъ для счастья, онъ это чувствуетъ и эта истина не нуждается въ доказательствахъ. Онъ, слѣдовательно, поступаетъ вполне разумно, стремясь къ наслажденію. Но оно недоступно одинокому. «Человѣкъ одинъ—ничто не-совершенное; надо быть вдвоемъ, чтобы быть счастливымъ».

И Паскаль искалъ этого счастья. Мы не знаемъ, гдѣ и когда, и у кого, но поиски въ сомнѣнія. Онъ *понималъ* всей глубиной своего великаго сердца счастье любить и горе не быть любимымъ. Обдумывая *Защиту христіанства*, онъ набросалъ на бумагу любопытнѣйшее разсужденіе о «развлеченіяхъ». Первое мѣсто принадлежитъ опаснѣйшему изъ нихъ—*комедіи*. Чѣмъ же опасна комедія?

Отвѣчаетъ Паскаль-аскетъ: «съ представленія комедіи уходить съ сердцемъ, столь наполненнымъ всѣми прелестями и всѣми сладостями любви, съ душою и умомъ, столь убѣжденными въ ея невинности, что совершенно готовы воспринять ея первыя впечатлѣнія или, скорѣе, искать случая зародить ихъ въ чьемъ-нибудь сердцѣ, чтобы получить тѣ самыя удовольствія и тѣ самыя жертвы, которыя видѣли столь хорошо изображенными въ комедіи».

Не надо особенной психологической проницательности, чтобы распознать въ такихъ лирическихъ разсужденіяхъ не одну чистую теорію, и не одну наблюдательность *со стороны*. Паскалю лично была близка психологія любовныхъ волненій, и близость эта не оставила въ немъ радостныхъ впечатлѣній. Если и было ему что вспомнить о романѣ своей молодости, въ этихъ воспоминаніяхъ невольно начинали звучать гнѣвъ и жалобы.

Вотъ еще *мысль* на ту же тему,—мысль, столь ярко и *субъективно* выраженная, что превратилась въ ходячее выраженіе всякаго злобнаго чувства противъ любовныхъ увлеченій.

«Кто захочетъ вполне узнать ничтожество человѣка, стодитъ ему только рассмотреть причины и послѣдствія любви. На вопросъ о причинѣ отвѣчаютъ: «я не знаю, почему», а послѣдствія ея ужасны. Эта неизвѣстная причина, столь незначительная, что люди ея не могутъ подмѣтить, двигаетъ всею землею, государями, арміями, цѣлымъ міромъ. Если бы носъ Клеопатры былъ короче, вся поверхность земли приняла бы другой видъ».

Будто сдержанное раздраженіе или страдальческій протестъ противъ тягостнаго прошлаго трепещетъ въ этихъ строкахъ, саркастически подчеркнутыхъ, нервно преувеличенныхъ. Такъ могъ говорить дѣйствительно человѣкъ, вѣрившій когда-то въ счастье вдвоемъ и оставшійся одинокимъ. И недаромъ *Мысли* будутъ переполнены *одинокой* тоской, безпрестанно будутъ возвращаться къ мучительному сознанію, что удѣлъ лучшихъ людей на землѣ—*одинокество*, что Спаситель до конца дней не зналъ, гдѣ преклопить голову, что Онъ единственный разъ вздумалъ было искать участія

и сочувствія со стороны людей—въ Гефсиманскомъ саду, передъ угрожающими страданіями,—и не нашелъ. И Паскаль дѣлаетъ выводъ: «Иисусъ удаляется отъ своихъ учениковъ, чтобъ предаться предсмертной скорби; нужно вырваться изъ среды своихъ близкихъ и интимныхъ друзей, чтобъ подражать Ему».

И это не фраза: Паскаль дѣйствительно будетъ избѣгать привязанностей другихъ къ нему. Откуда могло родиться подобное желаніе? Его не зналъ Паскаль до своего окончательнаго «обращенія». Напротивъ, онъ охотно посѣщалъ свѣтъ, даже вызывалъ нареканія со стороны благочестивыхъ людей за свое равнодушіе къ спасенію души,—и имъ приходилось не мало хлопотать надъ юношей, желавшимъ жить и быть счастливымъ.

Но вотъ всѣмъ хлопотамъ конецъ. Искатель счастья самъ идетъ въ руки своихъ руководителей и навсегда отрывается и отъ свѣта и отъ его родителей.

Что случилось?

Опять тайна. Сестра, рассказывающая о происшествіи, изумляется ему, какъ неожиданности. Паскаль уже былъ знакомъ съ янсенистами, узналъ и ихъ ученіе о похоти и благодати, но все это не помѣшало ему снова вернуться въ среду людей, понимавшихъ только одну благодать—наслажденіе.

Янсеній оказался плохимъ «директоромъ» при всей своей учености. Такъ и слѣдовало ожидать. Паскаля могла убѣдить только сама жизнь, а научить личный опытъ. Намъ опять рассказываютъ о нѣкомъ чудѣ. Паскаль однажды ѣхалъ по мосту безъ перилъ. Лошади чего-то испугались и бросились въ сторону. Но упряжь оборвалась, и экипажъ Паскаля остался на мосту. Событіе это будто произвело на Паскаля потрясающее впечатлѣніе, и онъ, наконецъ, опомнился среди свѣтскихъ удовольствій.

Весь рассказъ позднѣйшаго происхожденія. О немъ ни слова не говоритъ сестра Паскаля, что было бы прямо невѣроятно, если бы эпизодъ имѣлъ такое нравственное вліяніе на ея брата. И мы не будемъ считаться съ нимъ. Вмѣсто сомнительныхъ внѣшнихъ драмъ, предъ нами вполнѣ подлинное изображеніе душевной драмы. Оно принадлежитъ самому Паскалю, хотя и пересказывается другимъ лицомъ. Оно—драгоценнѣйшее свѣдѣніе среди всѣхъ рассказовъ очевидцевъ о Паскалѣ. Оно, бросая яркій свѣтъ на таинственные опыты молодой—*мірской* жизни Паскаля, даетъ единственно вѣрный ключъ и къ его предсмертному подвижничеству, ко всей драмѣ его до конца неумиротворенной души.

Ив. Ивановъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Опытъ оздоровленія деревни *).

III.

Игры и занятія дѣтей.—Отношеніе дѣтей къ яслямъ и къ надзирательницамъ.

Познакомивъ читателей съ физическимъ уходомъ за дѣтьми въ ясляхъ-пріютахъ, перейду къ уходу духовному. Послѣдній, къ сожалѣнію, сплою обстоятельствъ, которыя выясняются ниже, былъ отодвинутъ на задній планъ.

Прежде всего, надзирательницы были такъ обременены описанными въ предыдущихъ главахъ хлопотами и заботами по общему веденію дѣла, хозяйству и физическому уходу за всѣми дѣтьми вообще и, главное, за грудными, что на занятія съ дѣтьми постарше, занятія, преслѣдующія воспитательно-образовательныя цѣли, у нихъ времени почти не оставалось, какъ въ этомъ откровенно и созналась надзирательница Чеснокова (Черемисскій Малмыжъ):

«Маленькія дѣти, хозяйство и прислуга настолько отвлекали мое вниманіе, что за дѣтьми отъ 2 лѣтъ мнѣ мало приходилось смотрѣть самой».

Между тѣмъ Чесноковой еще во многомъ помогала жившая съ нею мать. У нѣкоторыхъ другихъ надзирательницъ также были временныя помощницы въ лицѣ пріѣхавшихъ къ нимъ погостить матерей, сестеръ и подругъ, но самое дѣло требовало столько труда, что и при участіи являвшихся на помощь добровольцевъ, лишняго времени и силъ у надзирательницъ не оставалось,—все уходило на вышеупомянутые труды и хлопоты. Нянькамъ довѣрить здоровье дѣтей было, какъ мы видѣли, трудно, и вотъ, тѣмъ изъ надзирательницъ, у которыхъ грудныхъ дѣтей было на попеченіи много, волей-неволей приходилось поступаться менѣе важною задачею, предоставлять нянькамъ занимать дѣтей, а себя посвящать больше физическому уходу за дѣтьми, чтобъ они хоть были цѣлы и здоровы. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ надзирательницамъ посчастливилось обезпечить себя городскими

*) *Русская Мысль*, кн. III, 1900.

грамотными и развитыми молодыми нянями, дѣло еще не особенно проигрывало отъ такого распредѣленія труда, такъ какъ такія няни умѣли, какъ описано выше, толково занять дѣтей.

Зато во многихъ мѣстахъ недосугъ надзирательницъ заняться дѣтьми-подростками имѣлъ послѣдствіемъ то, что дѣти скучали и переставали посѣщать ясли-пріюты, предпочитая имъ улицу, гдѣ они, по крайней мѣрѣ, были совсѣмъ свободны и дѣлали, что хотѣли, хотя бы и во вредъ себѣ и другимъ.

Затѣмъ, немалымъ препятствіемъ для воспитательно-образовательнаго вліянія надзирательницъ на дѣтей явилось въ ясляхъ, устроенныхъ въ селеніяхъ инородческихъ, полное незнаніе дѣтьми русскаго языка, а самими надзирательницами инородческихъ. Къ надзирательницамъ же изъ мѣстной среды, какихъ было, впрочемъ, всего двѣ, нельзя было и предъявлять какихъ-либо особенныхъ требованій въ этомъ отношеніи, въ силу недостаточной педагогической ихъ подготовки.

Наконецъ, мѣшало организаціи воспитательно-образовательныхъ занятій съ дѣтьми и различіе послѣднихъ по возрасту. Для успѣшнаго веденія такихъ занятій пришлось бы раздѣлить дѣтей на нѣсколько группъ и каждой дать особую руководительницу, а объ этомъ, при малой наличности трудовыхъ силъ, нечего было и думать.

«Дѣти по большей части занимаются одни. Общія игры и занятія устраивать съ ними трудно и многія невозможно, — пишетъ надзирательница яслей въ вотякомъ селѣ Безменшурѣ, Анна Филиппова. — Во-первыхъ, почти никто изъ дѣтей не знаетъ по-русски, во-вторыхъ, можно устроить только такую игру, въ которую можно допустить дѣтей всякаго возраста, такъ какъ маленькія дѣти ни за что не отпускаютъ отъ себя старшихъ сестеръ и братьевъ. Все-таки удалось научить ихъ самымъ простымъ играмъ: въ кошки-мышки, въ гуси-лебеди, въ уголки».

Итакъ, дѣло ограничивалось по большей части простымъ присмотромъ за незатѣйливыми играми и занятіями дѣтей, которыя они выдумывали себѣ сами, да время отъ времени устройствомъ какихъ-нибудь простыхъ общихъ игръ и прогулокъ.

Въ хорошую погоду дѣло вообще обходилось безъ особыхъ хлопотъ: подъ присмотромъ нянь или надзирательницъ дѣти почти цѣлый день гуляли и играли на дворѣ, въ саду или въ лѣсу въ игрушки, купленные для яслей за счетъ Попечительства (брусики, кубики, точеная деревянная посуда, совочки и мячки), копались въ песокъ (самое любимое занятіе маленькихъ дѣтей), рвали цвѣты и травы, устраивали садики, «стряпали» и проч., бѣгали въ лошадки, въ пятнашки, въ горѣлки, играли въ кошку-мышку, въ коршуны, въ ворота, въ короли и тому подобныя игры, водили хороводы, пѣли — и «не скучали», по общему отзыву надзирательницъ.

Въ дурную погоду дѣло значительно осложнялось. Дѣти, лишенные возможности рѣзвиться и играть на свободѣ, запертыя въ одной комнатѣ, больше капризничали, ссорились, и игры ихъ требовали болѣе активнаго

участія надзирательницъ. Последнимъ приходилось изобрѣтать такія занятія, которыя бы могли объединить всѣхъ ребятъ, столь различныхъ по возрасту, или же придумывать для нихъ разныя занятія, согласно возрасту и привычкамъ дѣтей. Кого удавалось въ такихъ случаяхъ занять шитьемъ куколъ изъ тряпочекъ, кого рисованьемъ, кого лѣпкой изъ глины, кого вырѣзываньемъ и пр. Последнимъ занятіемъ удавалось, впрочемъ, заинтересовать всѣхъ ребятъшекъ поголовно.

«Это самое любимое ихъ занятіе. Усаживаемся мы всѣ обыкновенно на полу (именно всѣ, кромѣ люлечныхъ) и начинаются заказы: «Мнѣ сдѣлай гармонь», дѣлаю гармонію, сейчасъ же на ней съ увлеченіемъ начинаютъ играть, и то, что она не издаетъ ни малѣйшаго звука, не бѣда, это пополняется языкомъ; другой проситъ вырѣзать лошадь и начинаетъ съ ней бѣгать по комнатѣ. Каждый заказываетъ, кому что надо, и не требуется артистическаго исполненія, лишь чуть-чуть было бы похоже, остальное додѣлываетъ воображеніе, и всѣ довольны, и ребята и я. Вообще стѣдуетъ войти въ комнату съ ножницами, сейчасъ: всѣ, даже маленькія, не интересующіяся обыкновенно играми и игрушками, усаживаются около и просятъ что-нибудь вырѣзать. Не знаю, какъ на долго имъ этого хватить. Обыкновенно игрушки занимаютъ ихъ три, четыре дня, потомъ надоедаютъ и перестаютъ интересовать, вырѣзываніе же повторяется довольно часто и пока не надоело. Особенно приходится къ нему прибѣгать въ дурную погоду и еще вечеромъ, когда начинаютъ разбирать дѣтей: за одними придуть, а другимъ нужно еще оставаться и ждать, вотъ въ это-то непріятное время ожиданья тоже выручаетъ вырѣзыванье» (надзират. Мещерякова, Нижняя Тойма).

Другая надзирательница, Малгинова (Черем. Малмыжъ), заставила вырѣзывать самихъ дѣтей нарисованныя ею или ими самими разныя фигурки. Дѣтишки очень увлеклись этимъ занятіемъ и «съ величайшимъ рвеніемъ» принялись рисовать фантастическихъ звѣрей, птицъ и вырѣзывать ихъ. Въ комнатѣ были слышны только восклицанія: «А у меня, посмотри-ка, Миша, коняшка!» — «А у меня человѣкъ!» Вырѣзавши фигурки, дѣти обыкновенно наклеивали ихъ на стекло, и скоро окна покрылись фигурками птицъ и звѣрей, которыя еще долго критиковались дѣтьми. Такъ незамѣтно прошелъ этотъ сѣренькій, дождливый денекъ. Кромѣ вырѣзыванья, у насъ практикуется (въ дурную погоду) вылѣпливанье изъ глины, которое тоже очень интересуется дѣтей».

За этими любимыми занятіями въ дурную погоду, — вырѣзываньемъ и лѣпкой, — идутъ изъ «общихъ» занятій пусканіе мыльныхъ пузырей, съ успѣхомъ примѣнявшееся надз. Мальковской (Малиновка) и выдѣлываніе монетъ изъ бумаги, выдуманное самими дѣтьми. «Очень любятъ дѣти, когда приходится сидѣть дома, дѣлать изображенія монетъ слѣдующимъ образомъ: подъ бѣлую бумагу подложить монету и неочиненнымъ концомъ карандаша трутъ, на бумагѣ и получается изображеніе подложенной монеты» (надз. Мальковская, Малиновка).

Очень любили также дѣти поменьше возводить постройки изъ деревянныхъ брусиковъ и кирпичиковъ, но это занятіе часто оканчивалось войной, такъ какъ кирпичиковъ иногда не хватало на всѣхъ.

«Дѣти очень любятъ строить, но только трудно занять ихъ такъ, чтобы они строили въ одномъ мѣстѣ. Пока сидишь съ ними сама и строишь имъ что-нибудь, они всѣ сидятъ вокругъ и съ интересомъ наблюдаютъ, что выйдетъ; ни шуму, ни ссоръ, ничего нѣтъ; но какъ только оставляешь ихъ самихъ строить, сейчасъ ссора, а подчасъ, если не досмотришь, и драка изъ-за того, что кубиковъ на каждого достается не такъ по многу, чтобы каждый могъ самостоятельно воздвигнуть какую-нибудь постройку. Одинъ начнетъ что-нибудь строить, но кубиковъ ему нехватаетъ, онъ возьметъ у сосѣда, а у того своя постройка; обыкновенно, кто сильнѣе, тотъ и отнимаетъ, но и побѣжденный изъ мести часто разрушаетъ постройку побѣдителя; въ общемъ тотъ и другой недовольны. Наконецъ, выдумали игру съ кирпичиками же, въ которой участвуетъ нѣсколько человекъ: ставятъ одинъ кирпичикъ, черезъ небольшой промежутокъ около него другой и такъ по всей комнатѣ по прямой линіи; когда всѣ поставятъ, то крайній кирпичикъ роняютъ; онъ, падая, задѣваетъ слѣдующій и т. д., быстро всѣ кубики принимаютъ наклонное положеніе. Игру эту они называютъ «железная дорога», о которой они имѣютъ понятіе отъ отцовъ, работающихъ на железныхъ дорогахъ разныя земляныя работы» (надзир. Мещерякова, Нижняя Тойма).

Къ заниманію дѣтей чтеніемъ вслухъ и рассказываніемъ прибѣгала, какъ видно изъ записокъ, одна надз. Мальковская, и дѣти не уставали слушать одно и то же по нѣскольку разъ. Другія надзирательницы, вѣроятно, не могли этого дѣлать за преобладаніемъ въ ясляхъ или очень маленькихъ дѣтей, или дѣтей-инородцевъ, которыя не могли понимать чтенія или рассказа. Дѣтей-инородцевъ, не знающихъ по-русски, конечно, вообще занять было труднѣе. Я уже привелъ, напримѣръ, выше объясненіе надз. Анны Филипповой, водившейся съ маленькими вотяками. Она же пишетъ слѣдующее:

«И рисовать первое время дѣти (вотяки) не любили, вѣроятно, потому, что въ ихъ рукахъ никогда не бывало ни карандаша, ни бумаги. Но когда увидали, что можно на бумагѣ изобразить лошадь, человѣка и т. п., то сами стали пытаться дѣлать то же самое и понемногу стали заинтересовываться этимъ дѣломъ. Вырѣзываніе изъ бумаги тоже занимаетъ дѣтей. Въ послѣднее время ихъ занимаетъ игра въ чижъ: на воткнутый въ землю колы кладутъ чурочку и палками ее сшибаютъ».

Эта же надзирательница пыталась заняться съ дѣтьми и русскимъ языкомъ. «Мы пробовали учить дѣтей говорить по-русски; для этого заставляли ихъ произносить названія различныхъ предметовъ и указывали на этотъ предметъ, какъ, напримѣръ, рука, нога, вода, молоко и т. п. Но дѣти не понимаютъ, зачѣмъ имъ произносить эти слова и выговаривать тоже не всѣ могутъ. Единственное, что скоро выучили, это: «хлѣбъ надо», «не

264

сь намъ самимъ выучить необходимыя для объясненія съ нами слова и съ помощью ихъ вести съ ними разговоры».

Остальныхъ надзирательницъ относительно игръ и занятій большей части сводятся къ тому, что «занимать дѣтей не играютъ сами выданными игрушками: брусиками, деревянными камнями и мячиками или въ какія-нибудь общія игры». И почти свидѣтельствуютъ о радости, доставленной деревенскимъ дѣти незатѣйливыми игрушками, которыми были снабжены ясли колыбелью. Были лица, которые находили игрушки излишней роскошью деревенскихъ яслей-пріютовъ: «были бы дѣти сыты и довольны». Но такой взглядъ, по моему, крайне неправиленъ. Кіа — тѣ же дѣти и, если въ городѣ игрушки считаются не нужными, почему онѣ менѣе нужны въ деревнѣ? Развѣ потому только, что не на что купить. Да, кромѣ того, входя въ положеніе дѣтей, и въ положеніе самихъ надзирательницъ и нянь. Любая интеллигентная женщина, у которой на рукахъ нѣсколько маленькихъ дѣтей, можетъ сказать, что безъ игрушекъ ея задача — занимать дѣтей пѣльми они не скучали, не капризничали и не ссорились, была бы чрезвычайно, почти непосильной. А любопытно знать, что сказали бы эти отвергающія игрушки въ деревенскихъ ясляхъ, еслибъ имъ пришлось мѣстѣ надзирательницъ, у которыхъ, при 3—4 помощникахъ, на рукахъ нѣсколько десятковъ ребятишекъ всѣхъ возрастовъ,

вдобавокъ еще дичащихся постороннихъ людей, а часто и не понимающихъ ни слова по-русски? Попробовали бы эти лица безъ всякихъ приманокъ оторвать этихъ маленькихъ дикарей отъ матерей и отцовъ, заставить ихъ остаться среди чуждой обстановки и затѣмъ чувствовать себя среди нея какъ дома! Задача, всякій согласится, крайне трудная, и, если эти незатѣйливыя игрушки, доставленныя въ ясли, могли хоть чуть облегчить ее надзирательницамъ — и того довольно, ничтожныя затраты на этотъ предметъ окупались съ лихвой. А будь въ распоряженіи надзирательницъ побольше интересныхъ игрушекъ и игръ, которые бы могли дать пищу для ума и развитія разныхъ способностей дѣтей постарше, послѣднія, пожалуй, не переставали бы ходить въ ясли, несмотря на всю любовь свою къ свободѣ, въ которой нѣкоторыя надзирательницы полагали главную причину, отталкивавшую этихъ ребятишекъ отъ яслей.

Насколько же въ самомъ дѣлѣ трудно было вначалѣ «приручить» деревенскихъ дѣтишекъ, показываютъ слѣдующія сцены, взятая изъ записокъ надзирательницъ.

«Сегодня привела старуха двухъ ребятъ: мальчика 3 лѣтъ и дѣвочку 1 года. Дома она остается одна съ ними, и по хозяйству надо поспѣть, и ребята одолеваяютъ, старуха старая, замучилась такъ, что ногъ таскать не можетъ, вотъ и привела она ихъ къ намъ, хотѣла только уйти домой, посидѣвъ съ ними немного, но не прошла нашъ домъ, какъ оба такъ заревѣли, забились, что страшно смотрѣть и слушать, точно въ припадкѣ.

Очень любили также дѣти поменьше возводить постройкиныхъ брусьевъ и кирпичиковъ, но это занятіе часто оканчивалось, такъ какъ кирпичиковъ иногда не хватало на всѣхъ.

«Дѣти очень любятъ строить, но только трудно занять ихъ они строили въ одномъ мѣстѣ. Пока сидишь съ ними сама и что-нибудь, они всѣ сидятъ вокругъ и съ интересомъ наблюдаютъ; ни шуму, ни ссорѣ, ничего нѣтъ; но какъ только остановились строить, сейчасъ ссора, а подчасъ, если не досмотрѣлъ изъ-за того, что кубиковъ на каждого достается не такъ по каждому могъ самостоятельно воздвигнуть какую-нибудь постройку, начнетъ что-нибудь строить, но кубиковъ ему нехватаетъ, онъ сосѣда, а у того своя постройка; обыкновенно, кто сильнѣе, мааетъ, но и побѣжденный изъ мести часто разрушаетъ постройку; въ общемъ тотъ и другой недовольны. Наконецъ, выдуютъ кирпичиками же, въ которой участвуетъ нѣсколько человѣкъ: съ кирпичикомъ, черезъ небольшой промежутокъ около него другой всей комнатѣ по прямой линіи; когда всѣ поставятъ, то край опрокинутъ; онъ, падая, задѣваетъ слѣдующій и т. д., быстро принимаютъ наклонное положеніе. Игру эту они называютъ «рога», о которой они имѣютъ понятіе отъ отцовъ, работающихъ на дорогахъ разныя земляныя работы» (надзир. Мещеряковъ Тойма).

Въ занятіи дѣтей чтеніемъ вслухъ и рассказываніемъ прибѣгала, какъ видно изъ записокъ, одна надз. Мальковская, и дѣти не уставали слушать одно и то же по нѣскольку разъ. Другія надзирательницы, вѣроятно, не могли этого дѣлать за преобладаніемъ въ ясляхъ или очень маленькихъ дѣтей, или дѣтей-инородцевъ, которыя не могли понимать чтенія или рассказа. Дѣтей-инородцевъ, не знающихъ по-русски, конечно, вообще занять было труднѣе. Я уже привелъ, на примѣръ, выше объясненіе надз. Анны Филипповой, водившейся съ маленькими вотяками. Она же пишетъ слѣдующее:

«И рисовать первое время дѣти (вотяки) не любили, вѣроятно, потому, что въ ихъ рукахъ никогда не бывало ни карандаша, ни бумаги. Но когда увидали, что можно на бумагѣ изобразить лошадь, человѣка и т. п., то сами стали пытаться дѣлать то же самое и понемногу стали заинтересовываться этимъ дѣломъ. Вырѣзываніе изъ бумаги тоже занимаетъ дѣтей. Въ послѣднее время ихъ занимаетъ игра въ чижъ: на воткнутый въ землю вѣтокъ кладутъ чурочку и палками ее сшибаютъ».

Эта же надзирательница пыталась заняться съ дѣтьми и русскимъ языкомъ. «Мы пробовали учить дѣтей говорить по-русски; для этого заставляли ихъ произносить названія различныхъ предметовъ и указывали на этотъ предметъ, какъ, на примѣръ, рука, нога, вода, молоко и т. п. Но дѣти не понимаютъ, зачѣмъ имъ произносить эти слова и выговаривать тоже не всѣ могутъ. Единственное, что скоро выучили, это: «хлѣбъ надо», «не

надо». Пришлось намъ самимъ выучить необходимыя для объясненія съ вотяцкими дѣтьми слова и съ помощью ихъ вести съ ними разговоры».

Сообщенія остальныхъ надзирательницъ относительно игръ и занятій съ дѣтьми по большей части сводятся къ тому, что «занимать дѣтей не приходится; играютъ сами выданными игрушками: брусиками, деревянною посудой, совочками и мячиками или въ какія-нибудь общія игры». И почти всѣ отзы́вы свидѣтельствуютъ о радости, доставленной деревенскимъ дѣтишкамъ этими незатѣйливыми игрушками, которыми были снабжены ясли по моему настоянію. Были лица, которыя находили игрушки излишней роскошью въ инвентарѣ деревенскихъ яслей-пріютовъ: «были бы дѣти сыты и цѣлы и того довольно». Но такой взглядъ, по моему, крайне неправиленъ. Дѣти деревенскія — тѣ же дѣти и, если въ городѣ игрушки считаются необходимыми, то почему онѣ менѣе нужны въ деревнѣ? Развѣ потому только, что тамъ ихъ не на что купить. Да, кромѣ того, входя въ положеніе дѣтей, нужно войти и въ положеніе самихъ надзирательницъ и нянь. Любая интеллигентная мать, у которой на рукахъ нѣсколько маленькихъ дѣтей, можетъ засвидѣтельствовать, что безъ игрушекъ ея задача — занимать дѣтей цѣлый день, чтобы они не скучали, не капризничали и не ссорились, была бы черезчуръ тяжелой, почти непосильной. А любопытно знать, что сказали бы эти самыя лица, отвергающія игрушки въ деревенскихъ ясляхъ, еслибъ имъ пришлось побыть на мѣстѣ надзирательницъ, у которыхъ, при 3—4 помощницахъ-нянькахъ, было на рукахъ нѣсколько десятковъ ребятишекъ всѣхъ возрастовъ, вдобавокъ еще дичащихся постороннихъ людей, а часто и не понимающихъ ни слова по-русски? Попробовали бы эти лица безъ всякихъ приманокъ оторвать этихъ маленькихъ дикарей отъ матерей и отцовъ, заставить ихъ остаться среди чуждой обстановки и затѣмъ чувствовать себя среди нея какъ дома! Задача, всякій согласится, крайне трудная, и, если эти незатѣйливыя игрушки, доставленные въ ясли, могли хоть чуть облегчить ее надзирательницамъ — и того довольно, ничтожныя затраты на этотъ предметъ окупались съ лихвой. А будь въ распоряженіи надзирательницъ побольше интересныхъ игрушекъ и игръ, которыя бы могли дать пищу для ума и развитія разныхъ способностей дѣтей постарше, послѣднія, пожалуй, не переставали бы ходить въ ясли, несмотря на всю любовь свою къ свободѣ, въ которой нѣкоторыя надзирательницы полагали главную причину, отталкивавшую этихъ ребятишекъ отъ яслей.

Насколько же въ самомъ дѣлѣ трудно было вначалѣ «приручить» деревенскихъ дѣтишекъ, показываютъ слѣдующія сцены, взятая изъ записокъ надзирательницъ.

«Сегодня привела старуха двухъ ребятъ: мальчика 3 лѣтъ и дѣвочку 1 года. Дома она остается одна съ ними, и по хозяйству надо поспѣть, и ребята одолеваяютъ, старуха старая, замучилась такъ, что ногъ таскать не можетъ, вотъ и привела она ихъ къ намъ, хотѣла только уйти домой, посидѣвъ съ ними немного, но не прошла нашъ домъ, какъ оба такъ заревѣли, забились, что страшно смотрѣть и слушать, точно въ припадкѣ.

Воротилась старуха назадъ, забрала ихъ и увела домой. Отъ многихъ женщинъ, у которыхъ грудныя дѣти въ ясляхъ, а большія (лѣтъ 5—6) дома, на вопросъ, почему не ведутъ сюда и этихъ, приходилось слышать: «Да вѣдь они у насъ дикари, развѣ останутся здѣсь безъ насъ». Сегодняшнія дѣти настоящія дикари, прямо не знаешь, что съ ними дѣлать: рвутся въ двери, запрешь ихъ—въ окна; просто, какъ сумасшедшія. Раньше я этимъ отвѣтамъ не вѣрила, теперь вижу сама, нѣкоторые ребята до того дики, что ихъ никакъ скоро не приручить» (надз. Мешерякова, Нижняя Тойма).

«Какъ только матери отходили, они (т.-е. дѣти) поднимали страшный плачь, однихъ можно было утѣшить игрушками, сушками, сахаромъ и т. п., но другихъ ничѣмъ; забирая даваемые въ утѣшеніе вещи, они кричали «апа!» (мама), отчаянно плакали и бѣжали къ дверямъ. При нашихъ попыткахъ ихъ утѣшить и увести отъ дверей, они рвались изъ рукъ, падали на полъ, бились руками и ногами; случалось, что кусали и царапали намъ руки. Въ такихъ случаяхъ приходилось отворить двери и возвратить родителей. Другія дѣти оставались отъ родителей спокойно, сами даже усылали ихъ домой, но въ серединѣ дня вдругъ кто-нибудь подымалъ страшный плачь, за нимъ начиналъ другой, третій и, наконецъ, приходилось утѣшать цѣлый десятокъ. И изъ этого десятка нѣкоторыхъ приходилось отправлять домой. Нѣкоторые дѣти ухитрились убѣгать потихоньку. Во время нашихъ отлучекъ (въ кухню, по хозяйству, къ груднымъ дѣтямъ) они отпирали двери или ворота, а то и просто черезъ заборъ убѣгали домой. Удавалось нѣкоторыхъ со слезами воротить съ дороги, а то вдругъ, смотришь, домашніе опять ведутъ какого-либо бѣглеца. Нѣсколько человѣкъ дѣтей такъ и не пришлось принять въ ясли, несмотря на сильное желаніе родителей и всѣ наши попытки заинтересовать и приманить ихъ въ ясли.

«Привязанность дѣтей вотяковъ къ родителямъ, братьямъ и сестрамъ развита въ высшей степени. Съ какими горькими слезами и неохотою остаются дѣти отъ своихъ родителей, а также не даютъ разлучить себя братишки и сестренки. Случится, если старшая сестра или братъ нѣсколько шаговъ отойдетъ отъ младшаго, то послѣдній поднимаетъ страшный плачь и не утѣшится до тѣхъ поръ, пока не явится къ нему старшій братъ или сестра. Чай пить, обѣдать не сядутъ одинъ безъ другого, и при этомъ необходимо сидѣть рядомъ; только кто-либо изъ старшихъ можетъ уложить спать сестренку или братишку» (надз. Анна Филиппова).

«Вначалѣ возни было очень много: ребята плачутъ, не остаются, крикъ страшный. Многихъ ребятишекъ пугалъ этотъ отчаянный крикъ другихъ, и они при самомъ входѣ хватались за матерей и кричали: «Домой, домой». Особенно трудно было удерживать дѣтей отъ 2 до 8 лѣтъ. Трудъ увеличивался еще тѣмъ, что у школы нѣтъ двора. Займется сначала ребенокъ игрушкой, картинкой, но скоро все это перестаетъ его интересовать, и онъ начинаетъ всхлипывать, потомъ рыдать и бѣжать домой. То и дѣло приходилось ихъ ловить и возвращать. Оставлены были одной матерью двѣ дѣвочки, годовалая и 3 лѣтъ. Обѣ кричали невозможно. Наконецъ, трех-

лѣтняя обняла маленькую я, сама страшно рыдая, утѣшаетъ ту: «Не плачь, Танюшка, не плачь, милая!» Какъ только увидить, что мы заняты, схватить сестренку и бѣжить домой, приговаривая: «Не плачь, не кричи, а то услышатъ и опять поймаютъ». Много вредили и сами матери. Возьмешь ребенка, успокоишь, а онъ опять вернутся посмотрѣть, какъ и отчего онъ утихъ, и опять все испортятъ. Ребенокъ увидить мать и подниметъ страшный крикъ. Двѣ женщины записали дѣтей, оставили, но, возвращаясь нѣсколько разъ еще посмотрѣть на своихъ дѣтей и поднимая каждый разъ страшный плачь, взяли и увели своихъ дѣтей и больше не приводили. Одна женщина оставила 3-лѣтняго мальчика въ сильныхъ слезахъ, а вечеромъ онъ не хотѣлъ идти домой и не шелъ къ ней. Ей, видимо, это очень не понравилось и больше она его не приводила» (надз. Александра Филиппова, Рожки).

Изъ послѣдняго сообщенія видно, что нѣкоторые дѣти осваивались въ ясляхъ очень скоро и прочно, такъ что не хотѣли домой возвращаться. Другія осваивались не такъ скоро, но съ теченіемъ времени все-таки настолько привязывались къ надзирательницамъ и нянямъ, что скучали дома въ праздники или въ тѣ дни, когда по какой-либо другой причинѣ ихъ не приносили или не приводили въ ясли и часто даже сами, потихоньку отъ родителей, убѣгали въ ясли, иногда въ самое неурочное время. Вотъ нѣсколько примѣровъ, иллюстрирующихъ привязанность дѣтей къ яслямъ.

«Первое время трудно было пріучить дѣтей къ яслямъ, только и смотришь, кто бы не убѣжалъ. Нѣсколько разъ ловили бѣглецовъ и бѣглянокъ. Теперь нечего бояться, всѣ дѣти чувствуютъ себя какъ дома. Плачь теперь рѣдко слышно, развѣ только поссорятся между собой. Теперь дѣти относятся къ яслямъ не попрежнему, особенно тѣ, которыя имѣютъ уже свою силу воли. Хотя бы ихъ отцы и матери не пускали, они убѣгутъ тихонько въ ясли. Также приходятъ нѣкоторыя безъ старшихъ и просятъ записать въ ясли. Поэтому ежедневно бываетъ съ 2-лѣтняго возраста и до 8 лѣтъ больше дѣтей, чѣмъ грудныхъ. Грудныя не имѣютъ своей воли; ихъ, хотятъ матери, принесутъ, не захотятъ—не принесутъ въ ясли» (надз. Чеснокова, Черемисскій Малмыжъ).

«Дѣтямъ въ ясляхъ очень нравится, и они теперь всѣ привыкли, хотя есть изъ нихъ двое, которыя еще въ настоящее время не могутъ привыкнуть къ яслямъ, это объясняется исключительно ихъ избалованностью. У насъ въ сосѣдяхъ есть дѣвочка 1 года — дочь состоятельныхъ родителей, при ней находится бабушка, поэтому она и не записана, но тѣмъ не менѣе ее приносятъ въ ясли довольно часто и она очень привыкла къ нимъ, такъ что, если ее днемъ не принесутъ, то вечеромъ несутъ обязательно. Одинъ разъ ни днемъ, ни вечеромъ не приносили ее, и она ночью не дала покоя бабушкѣ и матери, пришлось нести ее ночью въ ясли. Когда принесли ее, то дѣтей уже не было, и она стала тянуть бабушку къ люлькамъ, осмотрѣла ихъ и говорить: «Мани тю-тю»,—значить никого нѣтъ. Послѣ того попросила положить ее въ люльку. Ее положили и она преспокойно уснула,

послѣ чего бабушка тихонько унесла ее домой. Теперь ее обязательно каждый день носить къ намъ» (надз. Попова, Пахотная).

«Одна баба, у которой 3 ребятъ въ ясляхъ, говоритъ: «Сегодня совѣмъ вести не хотѣла, жать не пойду, только баню съ утра топила, да бѣлье выстирала, вести далеко, нечего, молъ, время терять, такъ вѣдь нѣтъ, не сидитъ дома, сюда просится, вотъ и привела, а сама буду дома сидѣть».

«Одна мать приноситъ свою 6-мѣсячную дѣвочку и говоритъ: «Удивила меня сегодня Душанька, реветъ все утречко, не перестаетъ, а я сегодня дома, такъ нести и не хотѣла, больно дождь; неужто, думаю, это она въ училище просится, взяла въ руки зипунъ, зову ее на руки, а она такъ и бросилась. Ну, соскучилась, такъ надо видно нести». Я подала руки,—пишетъ надзирательница,—и дѣвочка сейчасъ пошла ко мнѣ. Мать говоритъ: «Ну-ка, я ее позову, поидетъ ли теперь ко мнѣ?» Но дѣвочка, отворачиваясь отъ нея, вѣрнѣе держится за меня ручонками и, видя, что мать уходитъ одна, провожаетъ ее улыбкой.

«Сегодня, проходя по улицѣ, вижу у воротъ дома стоитъ дѣвочка изъ «записанныхъ»; увидя меня, подходитъ ко мнѣ, и на глазахъ у нея слезы. «Ты что сегодня не у насъ?» спрашиваю. Она плачетъ и говоритъ: «А вотъ бабка ушла въ поле и дома никому остаться, она и не пустила меня, а мнѣ больно охота». «Скоро ли придетъ твоя бабушка?» спрашиваю. «Да теперь ужъ, чай, скоро». «Ну, какъ придетъ она, такъ ты и приходи». Черезъ часъ или полтора является дѣвочка въ пріютъ, гдѣ ей, правда, пришлось пробыть часа три, не больше, но она очень довольна, что хоть не на долго да побывала» (надз. Мещерякова, Нижняя Тойма).

«Были случаи, что и въ праздники, когда дѣтей вообще не носили въ ясли, ребятишки не давали покоя родителямъ—все просились въ ясли, и ихъ приносили къ намъ. Одна мать рассказываетъ, что у ней дѣвочка, какъ проснется, такъ и просится «бай-бай», какъ она прозвала ясли, потому что въ нихъ качаютъ дѣтей. Сами ребятишки, уходя вечеромъ домой, всегда спрашиваютъ: «завтра придемъ?» и, получивъ утвердительный отвѣтъ, подпрыгивая, бѣгутъ домой.

«Когда грудные дѣти болѣли, то матери не приводили дѣтей побольше, оставляя ихъ дома водиться. Они же потихоньку убѣгали изъ дому въ ясли, и родители должны были приходиться за ними. Одна дѣвочка ждетъ не дожидется, когда пройдетъ праздникъ, чтобы идти въ ясли.

«Пятилѣтняя дѣвочка изъ д. Бергли не дала матери покоя, пока у той хворала девятимѣсячная дѣвочка. Принуждена была женщина привести ее въ ясли, и дѣвчурка съ радостью осталась въ ясляхъ безъ матери на всю недѣлю» (надз. Анна Филиппова, Безмепшуръ).

«Въ одинъ изъ праздниковъ, часовъ въ 8 утра является женщина и спрашиваетъ, не у насъ ли ея 3-лѣтній сынъ. Смотримъ, онъ сидитъ и играетъ съ тѣми, которые у насъ ночевали. Оказывается, что въ это утро, когда она пошла въ 2 часа утра доить коровъ, оставила его спящимъ, приходитъ, его нѣтъ, она бѣжитъ къ намъ и видитъ его стоящимъ у насъ на

крыльцѣ и утирающимъ слезы (мы всё еще спали, и крыльцо было заперто). Съ спящимъ плачемъ унесла она его домой, когда же пошла на огородъ копать картофель, онъ опять убѣжалъ и уже удачно: всё встали, и онъ достигъ своей цѣли. Вчера этотъ мальчикъ весь день спалъ, болѣли глаза, и ему держали примочку, ночью же глаза открылись, и онъ не хотѣлъ спать. Мать говоритъ, всю ночь не давъ покою, кричить: «Пойдемъ къ тетѣ». Другого мальчика два раза бралъ отецъ на праздникъ домой (изъ сосѣдней деревни). Увидитъ отца, обрадуется, ѣдетъ съ удовольствіемъ, но на другой же день пачнеть дома плакать, просится къ Падѣ (пяпѣ) и ничѣмъ не могутъ его успокоить. Въ послѣдній разъ привезли еще до обѣда. Отецъ и сушекъ ему купилъ, но тотъ только кричитъ: «Кашни хочу! Вези къ няпѣ!» Всё, бывающія съ самаго начала и постоянно, идутъ въ ясли охотно. Можетъ быть и остальные привыкли бы, но скоро перестали бывать» (надз. Александра Филиппова, Рожки).

«Вечеромъ вообще всё дѣти идутъ домой неохотно, отъ многихъ слышится: «Мы почуемъ здѣсь» (надз. Мальковская).

Дѣти, жившія въ пріютѣ, конечно, привязывались къ надзирательницамъ и нянямъ еще больше приходящихъ и нѣкоторые даже не шли къ родителямъ.

«Вчера заѣхалъ провѣдать дочь, глухонѣмую дѣвочку, крестьянинъ Толпаевъ и привезъ ей гостинца—сушку и конфетку.

«Она, увидавъ его, ни за что не только не пошла къ нему на руки, но даже не взяла его гостинцы. На мой вопросъ, почему онъ не приводитъ свою другую дочь, онъ говоритъ, что она не мѣшаетъ ему, такъ какъ маленькая, что ей въ пріютѣ будетъ неудобно, потому что она, кромѣ того, что глухонѣмая и полундѣтка, привыкнуть не можетъ долго, да кромѣ того, по ночамъ бываютъ у нея припадки». Спасибо большое и за эту, а то мнѣ совсѣмъ бѣда съ двумя пѣлыми. Вѣрно, ей здѣсь хорошо, коли она меня и знать не хочетъ, а раньше она кромѣ меня ни спать ни съ кѣмъ не поидетъ, ни куска хлѣба не возьметъ, а здѣсь привыкла, и слава Богу» (надз. Мещеракова, Пижиная Тойма).

Даже дѣти-ипородцы, жившія въ пріютѣ, такъ свыклись съ этой столь чуждой для нихъ обстановкой, что чувствовали себя счастливыми. Вотъ, напримѣръ, что сообщаетъ надз. Худякова (Бектешева). «Дѣти всё безъ исключенія говорятъ на татарскомъ языкѣ, поэтому трудно узнать отзывы ихъ о ясляхъ, но все же кое-что удалось узнать. Однажды приходитъ мѣстный священникъ въ пріютъ. Неподалеку отъ него сидятъ 2 мальчиковъ, годовъ по 5, вотъ одинъ и говоритъ другому: «Я теперь счастливѣе всѣхъ на свѣтѣ». «Почему?» спрашиваетъ другой. «Потому что живу здѣсь» (т.-е. въ ясляхъ).

Узнавъ, въ какой обстановкѣ находились дома нѣкоторые изъ дѣтей, припавшихъ въ пріюты-ясли, не станешь и удивляться, что они чувствовали себя такими счастливыми въ ясляхъ. Для примѣра можно привести хоть сообщеніе надз. Мальковской (Малиновой).

«Двое дѣтей живутъ у насъ постоянно: мальчикъ Петръ, 7 лѣтъ, и дѣвочка Анна, 2 лѣтъ. Оба приняты съ 9 іюля. Мать Анны живетъ отъ Малиновки за три версты. Мужа у нея убили одинъ мужикъ изъ Гремячки. Его присудили сколько-то времени высиживать, а дѣвочку, которой тогда было около года, опъ взялъ къ себѣ. Дѣвочка, какъ говорятъ, была здоровенькая, но въ семьѣ этого мужика удивительно какъ она выжила. Спала въ уголкѣ около двери, такъ что зимой всегда могла простудиться. Кормили чѣмъ попало, а горячей пищей положительно жгли ротъ, мыли всегда въ холодной водѣ и проч. Дѣвочкѣ минулъ третій годъ, а она еще не начинала ходить. Сельскій староста велѣлъ матери ее отъ этого мужика взять. Мать взяла ее весной, а 9 іюля принесла въ ясли. Дѣвочка оказалась слабенькой и людей ужасно боялась. У насъ ей, видимо, понравилось, дичиться перестала и ко всѣмъ стала ходить на руки. Мы ее обстригли, обмыли, и дѣвочка стала выглядѣть очень миленькой... Отецъ мальчика Пети живетъ отъ Малиновки верстахъ въ 12-ти, женатъ на второй и привелъ мальчика къ намъ оттого, что мачиха дурно съ нимъ обращается. Мальчикъ смиренный».

Еще объ одной такой крошкѣ-горемыкѣ узнаемъ изъ сообщенія надз. Мещеряковой.

«Изъ одной семьи въ ясли ходили двѣ дѣвочки—одна 3-хъ лѣтъ, любимца семьи, и другая 2-хъ лѣтъ, нелюбимая. Рано утромъ, какъ только кто-нибудь изъ семьи первый отправляется на работу, эту маленькую дѣвочку ведутъ въ ясли и оставляютъ ее на крыльцѣ; дальше ужъ она сама добирается. Приходитъ она грязная, босикомъ, даже и во время холодной погоды, такъ что ручонки и ножонки у нея не гнутся отъ холода. Другую же приводитъ сама мать или бабушка, часовъ въ 9, умытую, съ аккуратно заплетенными косичками, и обязательно въ башмакахъ и даже туфелькахъ. Меня эта разница очень заинтересовала, и я разъ спросила мать, почему это они врозь приводятъ дѣвочекъ? «Да Душка (младшая) больно ужъ надоѣдаетъ дома, все реветъ да капризничаетъ; какъ только встанетъ, запросится къ вамъ, такъ ее и тащимъ, надоѣла просто всѣмъ дома; а Пашенька-то совсѣмъ не мѣшаетъ, хоть цѣлый день дома будь, только сама сюда просится, такъ и водимъ, а то и дома бы не мѣшала». Въ ясляхъ же младшая—прекрасный ребенокъ, никогда не плачетъ, никогда не капризничаетъ, домой же вечеромъ уходила съ неохотой».

Зато съ нѣкоторыми дѣтьми надзирательницы, какъ уже упоминалось выше, потерпѣли неудачу: дѣти эти, несмотря на то, что вполне освоились съ яслями и нѣкоторое время ходили очень охотно, потомъ все-таки переставали ходить. Обсуждая причины этого, почти всѣ надзирательницы высказываютъ, что дѣтямъ постарше — особенно же мальчикамъ — «скучно» въ ясляхъ.

«Многія дѣти сначала ходили въ ясли очень охотно, говоря, что игрушки тамъ есть и каша сладкая, но потомъ скоро все это имъ надоѣло, они стали говорить, что имъ скучно», пишетъ надз. Александра Филиппова

(Рожки), а въ другомъ мѣстѣ въ своихъ запискахъ приводитъ и причину, почему имъ скучно: «Дома они привыкли бѣгать гдѣ угодно, а тутъ определенное мѣсто, игры же имъ всѣ скоро надоѣдаютъ».

Почти то же объясненіе даетъ надз. Мещерякова: «Большинство изъ записавшихся не ходятъ,—все были большіе (5—8 лѣтъ), большею частью привычные къ улицѣ и совершенной свободѣ, а тутъ бѣгать по улицѣ нельзя; побывали раза по два, по три и больше не приходятъ».

Отзывъ этотъ поддѣпляется двумя примѣрами, приведенными въ ея запискахъ.

«Сегодня, проходя мимо дома, гдѣ живетъ старикъ, просившійся въ ясли со внучкой, я увидѣла и его, и ее сидѣвшими на улицѣ (она въ пріютѣ не была дня четыре). На мой вопросъ, почему Федора перестала ходить, старикъ какъ-то сконфуженно отвѣчаетъ: «Да вотъ все она нездорова». Они живутъ недалеко отъ пріюта, и я вижу ее каждый день бѣгающей по улицѣ, поэтому и думаю, что причина—не нездоровье, а привычка къ улицѣ, что я и сказала старику. Онъ сконфузился еще больше и говоритъ: «Правда это, все вотъ по улицѣ бѣгаетъ и не загонишь ее ни домой, ни къ вамъ. Одна-то бы она може и стала ходить, да вотъ подружки больше все и смущаютъ ее бѣгать, а мнѣ бы больно хотѣлось, кабы она у васъ была, да ничего подѣлать не могу».

«... Есть у меня еще одинъ такой же экземпляръ, дочь одной вдовы изъ того же конца деревни, 5-ти лѣтъ, которую мать брала только по праздникамъ, но она сама каждый почти день убѣгала, и не домой, такъ какъ домъ далеко, а просто на улицу; но няньки, зная ее, всегда слѣдили за ней и возвращали назадъ. Дома и у ней, и у другой страшная бѣдность, даже у одной изъ нихъ чай не пьютъ, но и чай, и, сравнительно съ ихней, хорошая пища не цѣнится ими такъ, какъ свобода».

Надз. Александра Филиппова предлагаетъ еще и другое объясненіе, почему дѣтямъ постарше ясли не такъ полюбились, какъ маленькимъ.

«Мнѣ кажется, что заставляя подростковъ качать люльки, посидѣть иногда съ ползуномъ, мы тѣмъ и отбили у нихъ охоту посѣщать ясли, такъ какъ они, особенно мальчики, очень часто дѣлали это неохотно. Родители же всѣ, оставляя дѣтей, говорили, чтобы заставлять ихъ иногда покачать, понабывать. «Что имъ весь день бѣгать! Заставляйте что-нибудь дѣлать, помогать себѣ», говорили обыкновенно родители, а нѣкоторыхъ дѣтей, старше 6-ти лѣтъ, прямо приводили изъ-за хлѣба помогать намъ водиться».

Нѣкоторые же крестьяне, какъ видно изъ слѣдующаго сообщенія надз. Мещеряковой, помѣщали подростковъ въ качествѣ нянекъ при маленькихъ братьяхъ и сестрахъ.

«Еще записала двухъ дѣвочекъ: одну двухъ лѣтъ, другую семи, ея сестру, какъ няньку при ней. Мать привела ихъ и говоритъ: «Вотъ у меня здѣсь ужъ есть одна (записана 21 іюля), такъ запишите и этихъ двухъ, плоха надежда на свою няньку, самой-то 7 лѣтъ, еще баковать охота, гдѣ же

съ двоими ребятами водиться, а здѣсь при васъ она пусть гдѣ съ самой маленькой водится (4 мѣсяцевъ), гдѣ съ другой поиграетъ; при васъ баловать-то хотѣ не станетъ, да и не убѣжить отъ нихъ нигуда». ... Еще поступила дѣвочка 6-ти лѣтъ съ 2-лѣтнимъ братомъ, которыхъ отдали потому, что дѣвочка страшная драчуня, уведетъ брата куда-нибудь и прибѣтъ. «А тутъ, можетъ, драться-то не посмѣтъ», говорила бабушка, приводившая ихъ».

Нельзя, конечно, не пожалѣть о такой неудачѣ надзирательницъ приручить «свободолюбивую вольницу». Если призрѣніе въ ясляхъ въ страдающую пору маленькихъ, безпомощныхъ дѣтей, остающихся безъ надлежащаго ухода,—дѣло благое и крайне пужное въ видахъ оздоровленія деревни и спасенія сотенъ маленькихъ жизней, то призрѣніе ребятишекъ постарше, хотѣ и не требующихъ уже особеннаго ухода, по зато тѣмъ больше требующихъ присмотра,—дѣло не менѣе важное въ видахъ охраненія самихъ дѣтей отъ увѣчій, а «мира»—отъ разныхъ бѣдъ и несчастій, изъ которыхъ самое страшное—пожаръ. А какъ часто послѣдніе возникаютъ изъ-за шалостей дѣтей, оставленныхъ на цѣлые дни безъ призора на улицѣ, извѣстно.

Недаромъ, какъ сообщаетъ надз. Александра Филиппова, «одного мужика сходъ прямо заставилъ отдать въ ясли своихъ двухъ мальчиковъ 5 и 8 лѣтъ, такъ какъ они большіе шалуны, и всѣ сосѣди говорятъ, что изъ-за нихъ все время на работѣ душа не на мѣстѣ: все и поглядываемъ—не зажгли ли Игнатовы ребята деревню».

Или вотъ еще примѣръ изъ дневника надз. Мещеряковой:

«Поступило еще 4 человѣка; одинъ мальчикъ, 6 лѣтъ, настолько бойкій, что, по словамъ нянекъ, весь конецъ деревни, гдѣ онъ живетъ, радуется, что онъ не будетъ оставаться одинъ и лазить по чужимъ огородамъ, обрывая всякія овощи; удержатъ его въ пріютѣ, однако, крайне трудно: раза три убѣгалъ онъ на улицу къ товарищамъ и на мое строгое запрещеніе не дѣлать этого, общалъ больше не бѣгать».

Буяна этого такъ, къ сожалѣнію, и не удалось приучить къ яслямъ,—пришлось уступить его улицѣ.

Такихъ неудачъ надзирательницамъ, какъ уже говорилось выше, ставить въ вину нельзя,—онѣ дѣлали, что были въ силахъ. Въ общемъ, несмотря на невозможность для надзирательницъ спеціально заняться духовно-правственнымъ развитіемъ дѣтей, посѣщавшихъ ясли-пріюты, обстановка яслей все-таки успѣла оказать на дѣтей извѣстное благотворное вліяніе. Дѣти приучились къ нѣкоторой и внѣшней, и внутренней опрятности, усвоили себѣ нѣкоторыя хорошія привычки и отвыкли отъ дурныхъ, о чемъ болѣе подробно будетъ сказано въ главѣ «Чему учатъ ясли».

Въ заключеніе нѣсколько словъ объ отношеніи дѣтей другъ къ другу.

Особенно любопытнымъ представляется отношеніе дѣтей, посѣщающихъ ясли, къ «вольнымъ», или, какъ они именовали себя сами, «записанныхъ» къ «незаписаннымъ».

Разъ, находясь въ комнатѣ, слышу я на улицѣ страшный крикъ и

плачь,—пишетъ надз. Мецерыкова.—Бѣгу скорѣе къ окну, чтобъ узнать, въ чемъ дѣло, по одна дѣвочка, паходящаяся недалеко отъ окна, впередъ меня выглядываетъ изъ окна и, торопясь успокоить меня, кричитъ: «Нѣтъ, А. П., не бойтесь, это плачетъ «незаписанный», испугался собаки». Въ другой разъ я сидѣла на пескѣ вмѣстѣ съ ребятами (проулокъ, гдѣ играютъ дѣти пескомъ, отгороженъ отъ улицы жердями), къ загородкѣ подходить мальчикъ и смотритъ на насъ. Нѣсколько ребятъ, игравшихъ около меня, подбѣгаютъ и наперерывъ кричатъ: «Смотрите-ка, А. П., «незаписанный» подошелъ и смотреть». Видимо, «незаписанные», по понятіямъ ребятъ, составляютъ совсѣмъ другой міръ, до котораго намъ нѣтъ никакого дѣла и изъ котораго даже нельзя и смотрѣть на «записанныхъ». Зато «записанные» считаются своими, близкими: одна дѣвочка, привыкшая всегда быть на улицѣ, часто уходила съ песка; какъ только выйдетъ на улицу, сейчасъ же ребята кричатъ: «записанная ушла, записанная ушла», бѣгутъ и сами, безъ вмѣшательства большихъ, возвращаютъ ее обратно на песокъ».

Относительно взаимныхъ отношеній дѣтей въ ясляхъ можно сказать, что вначалѣ они были довольно грубы, — ссоры, драки и насмѣшки надъ физическими недостатками были, повидимому, обычнымъ явленіемъ. Съ теченіемъ времени смягчающее, облагораживающее вліяніе разумнаго, мягкаго и любовнаго обращенія надзирательницъ дало себя знать и тутъ. Подробнѣе объ этомъ будетъ сказано, какъ уже упомянуто, въ особой главѣ, эту же главу мы закончимъ трогательнымъ отзывомъ надз. Кобедяевой о дѣтихъ черемисахъ, которые, въ противоположность русскимъ, «никогда не смѣялись надъ физическими недостатками товарищей. А у насъ не мало было калѣкъ: слѣпыхъ, хромыхъ и горбатыхъ».

IV.

Отношеніе къ яслямъ и надзирательницамъ со стороны крестьянъ и мѣстной интеллигенціи.

Какъ уже можно было видѣть изъ главы, трактующей объ открытіи яслей и о первыхъ впечатлѣніяхъ надзирательницъ, первоначальное отношеніе крестьянъ къ яслямъ сводилось, по большей части, къ недовѣрію, причины котораго надо искать отчасти въ неподготовленности крестьянъ и отсюда—непониманіи ими истинной цѣли и значенія новаго учрежденія. Главную же причину столь недовѣрчиваго отношенія приходится, какъ это выясняется изъ отзывовъ самихъ крестьянъ, приводимыхъ въ запискахъ надзирательницъ, искать въ непривычкѣ крестьянъ видѣть себя предметомъ особой и притомъ безкорыстной заботливости. Неожиданное проявленіе такой заботливости и вызвало въ нихъ вмѣсто чувствъ радости и надежды на лучшія времена, чувства недовѣрчиваго изумленія и даже боязни. Подыскивая объясненія столь необычному для нихъ явленію, крестьяне заподозривали тутъ здѣсь ли не ловушку со стороны начальства, которое потомъ

стребуетъ-де съ нихъ плату за такую помощь или, еще хуже, отбереть дѣтей, а родителей сошлетъ въ Сибирь; болѣе же темнымъ изъ крестьянъ мерещились даже козни антихриста, который, въ виду приближающейся кончины міра, торопится заманивать людей въ свои сѣти разными благодѣяніями. Въ главѣ I уже помѣщено нѣсколько выдержекъ изъ записокъ надзирательницъ, подтверждающихъ вышесказанное, добавленіемъ же къ нимъ могутъ послужить слѣдующія сообщенія надзирательницъ.

«Между тойминцами ходятъ слухи, что ребятъ, записанныхъ въ ясли, послѣ окончанія работъ всѣхъ заберутъ и увезутъ въ города, гдѣ и будутъ держать до 18-лѣтняго возраста... Вчерашній пріѣздъ гг. Враскаго и Ганзепы, врача и др. какъ бы подтвердилъ этотъ слухъ. «Вотъ ужъ,—говорятъ,—пріѣзжали съ докторомъ осматривать, кто окажется годнымъ для отправленія, кто нѣтъ; теперь только осмотрятъ, а когда пріѣдетъ высшій начальникъ на казенномъ пароходѣ, то всѣхъ выбранныхъ ребятъ и отправятъ». Такъ что всѣ записавшія своихъ дѣтей бабы съ трепетомъ ждутъ пріѣзда въ Тойму г. Галкина-Враскаго. Одна изъ бабъ, мать 4-лѣтняго мальчугана, находящагося въ ясляхъ, пришла почти въ слезахъ и проситъ меня по совѣсти сказать ей, правдивы ли эти слухи или нѣтъ; сынъ у нея одинъ и потерять его было бы для нея ужасно. Я, какъ могла, успокоила ее, такъ что она стала сама смѣяться надъ своими опасеніями, но сегодня приходитъ опять разстроенная, говорить, что цѣлую ночь не спала. Оставляя ребенка дома одного бонсея, рѣка близко, да и сознаетъ, мало ли какими опасностямъ можетъ подвергнуться ребенокъ, оставаясь одинъ дома, и бѣдность такая, что, пожалуй, и кормить-то кромѣ чернаго хлѣба нечѣмъ, такъ что все за то, чтобы оставить его въ пріютѣ, но какъ,—говоритъ,—увидится со своими сосѣдками, опять разстроится. «Неужто,—говорятъ,—тебѣ не жаль одного сына; увезутъ—вѣдь, больше-то у тебя никого нѣтъ». Опять расплачется баба, придетъ и уведетъ своего мальчика.

«Сегодня подъ вечеръ приходитъ одна безъ мальчика и проситъ меня выписать ея сына. Я сказала, что выписать не долго, но чтобы она прежде подумала, насколько полезно для него самого и для нея его пребываніе въ ясляхъ. Какъ только я сказала, что выписать можно, то она повеселѣла и говоритъ: «Ну, вотъ, значить, бабы все врутъ; сейчасъ мнѣ сказали, что ты ни за что не выпишешь. Начальники вчера у тебя всѣхъ записанныхъ переписали, и ты не можешь ужъ вычеркнуть, а коли можно вычеркнуть во всякое время, то пусть мой Ванюшка ходитъ; я его по улицѣ-то не стану водить, а то увидятъ бабы, опять меня собьютъ, а я стану его водить по загородамъ, чтобы никто не видалъ» (надз. Мещерякова).

«Одна женщина, которая приходила ко мнѣ на другой день пріѣзда, все не ведетъ своихъ дѣтей. Спрашиваю, почему она передумала. «Да жаль съ дѣтьми разставаться. Говорятъ, кого здѣсь теперь воспитаютъ, того родителями не отдадутъ» (надз. Александра Филиппова, Рожки).

Нѣкоторыхъ матерей, впрочемъ, такая перспектива не пугала, какъ доказываетъ слѣдующій примѣръ: одна женщина привела дѣтей и говорить:

«Вотъ люди не совѣтуютъ носить дѣтей въ пріютъ, а я все-таки ношу, не слушаю ихъ». — «Почему же тебѣ не совѣтуютъ носить дѣтей?» — спросила ее надз. Чеснокова (Черемисскій Малыжъ). «Да все говорятъ, что ихъ потомъ возьмутъ въ казенный домъ на шесть лѣтъ; а я говорю: пусть берутъ, у меня ихъ много».

Не меньше, чѣмъ предположенія насчетъ отбирания дѣтей, волновала крестьянъ боязнь ссылки въ Сибирь.

«Слухи, что родителей отдаваемыхъ въ ясли дѣтей сошлютъ въ Сибирь, не прекращаются, — пишетъ надз. Мальковская (Малиновка), — и поэтому я послала въ волостное правленіе пакетъ съ просьбой пріѣхать и объяснить крестьянамъ о цѣли устройства яслей».

«Вечеромъ пріѣзжали изъ волостного правленія помощникъ писаря и сельскій староста, былъ собранъ сходъ; я тоже пошла. Помощникъ и сельскій староста говорили съ народомъ порядочно, но всё ихъ слова сводились къ слѣдующему: «Если еще гдѣ-нибудь будетъ распушенъ о ясляхъ недѣльный слухъ, то тотъ будетъ посаженъ г. земскимъ пачальникомъ на высылку; передайте женамъ, чтобы онѣ не слушали и не распускали сплетень». Мужики на сходѣ сказали, что все выдумываютъ бабы, а они ничего не говорятъ и не вѣрятъ сказаннымъ недѣлостямъ».

«Ну теперь, можетъ быть, сплетень-то не будетъ, — заключаетъ надзирательница, — а будутъ ли они относиться къ яслямъ съ довѣріемъ, это еще неизвѣстно. Довѣріе ихъ можетъ показать прибыль дѣтей».

Съ теченіемъ времени сплетни, дѣйствительно, прекратились, но, какъ вѣроятно справедливо предполагаетъ надзирательница, «кажется, на крестьянъ не угроза подѣйствовала, что они будутъ посажены, а другое, именно: они сами убѣдились, что этого, что они говорили, никогда не будетъ».

Надз. Анна Филиппова въ свою очередь сообщаетъ, что между крестьянами деревни Безменшуръ «ходитъ слухъ, будто бы зато, что теперь дѣти пользуются яслями, родители впослѣдствіи должны будутъ нести какую-нибудь казенную государственную службу».

Слѣдующее же сообщеніе надз. Александры Филипповой свидѣтельствуетъ о томъ, что крестьяне, несмотря на всё разузнаніе «боялись, что съ нихъ потомъ взыщутъ за дѣтей плату».

«Староста добавилъ, что общество не согласно, чтобы у нихъ были ясли, такъ какъ потомъ деньги взыщутся съ нихъ. На мои слова, что я ему вѣдь вчера говорила, что ничего ни съ кого не возьмутъ, онъ отвѣтилъ, что онъ такъ и говорилъ «да поди-жъ ты, столкуй съ ними».

Словомъ, крестьяне, какъ это уже отмѣчено въ главѣ 1-й, плохо вѣрили «въ безкорыстіе дѣла».

Въ этомъ недовѣріи и надо искать причину того, что слухи, подобные вышеприведеннымъ, могли оказывать на крестьянъ столь сильное вліяніе, но не малую роль сыграло тутъ, конечно, и невѣжество крестьянъ, на которое ссылается надз. Мещерякова: «Крестьяне и крестьянки, съ которыми приходится имѣть дѣло, крайне неразвиты и невѣжественны, и вся-

кий слухъ, даже самый пелѣный, принимается ими за правду, слухъ надо сказать, исходящій изъ ихъ же среды; извѣй же все прививается крайне трудно».

Кромѣ опасеній, вызванныхъ пелѣными слухами, удерживали крестьянъ отъ отдачи дѣтей въ ясли-пріюты: непониманіе истинной цѣли и значенія яслей, боязнь довѣрить родное дѣтище чужимъ людямъ, жалостливость и привязанность къ дѣтямъ, религіозные предразсудки, и, наконецъ, болѣе мелкія причины, которыя также будутъ выяснены ниже.

Прежде всего многіе крестьяне, какъ это явствуетъ изъ нижеприведенныхъ примѣровъ, смѣшивали ясли съ даровыми столовыми для дѣтей (какія были устроены зимою отъ Краснаго Креста) или съ пріютами для сиротъ и совѣстились посылать туда своихъ дѣтей.

«При опросѣ (на сходѣ) нѣкоторые изъ крестьянъ, даже изъ очень бѣдныхъ, отказывались отпустить своихъ дѣтей, говоря: «Самъ какъ-нибудь прокормлю». Очевидно, нашлись между мужиками и такіе, которые не поняли цѣли яслей и считали для себя обиднымъ пользоваться общественною помощью», пишетъ надз. Анна Филиппова (Безменшуръ).

«Моя семья, слава Богу, голодомъ никогда не сидѣла; нѣтъ своего хлѣба, такъ пойду, да займу!» (Надз. Малгинова; Черем. Малмыжъ).

«Иду по домамъ. Всѣ говорятъ, что знаютъ о ясляхъ. Спрашиваю, почему же мало ребятъ приводятъ? «Да кабы рожкинскимъ (т.-е. жителямъ с. Рожки) кормить было печѣмъ или паять паянку не на что, а то мы и прокормить можемъ и паянку нанять. Положимъ, года нынче плохіе, найдется много семей и безъ хлѣба, очень бѣдныхъ, да не привыкли мы даровымъ пользоваться, стыдно; изъ-за этого которые и не несутъ, а у другихъ есть бабушки или подростки водиться. А слышать слышали всѣ и говорили межъ собой, какое хорошее дѣло устроили. Да какъ не слышать всѣмъ? Вонъ и съ того конца, и съ этого, и изъ черемись, и изъ другихъ деревень къ вамъ припесли, значить, всѣ знаютъ, а если другіе не несутъ, такъ, стало быть, не нуждаются въ этомъ» (надзир. Александра Филиппова).

Слѣдующее сообщеніе той же надзирательницы свидѣтельствуетъ также о непониманіи крестьянами истинныхъ цѣли и назначенія яслей.

«Одна женщина пришла просить принять племянника 4 лѣтъ. Матери у него нѣтъ, только отецъ и 17-лѣтній братъ; женщина въ домѣ нѣтъ и мальчикъ безъ всякаго присмотра. Просить не оставить сироту. Самъ отецъ не пошелъ, потому что совѣстно, а просилъ сказать, что если тѣхъ, у кого отцы есть, не будутъ принимать, такъ нельзя ли за плату, хоть онъ и очень бѣденъ. Видимо, народомъ понято, что это лишь для сиротъ устроенъ пріютъ. Одна женщина при просьбѣ стала даже кланяться въ ноги. Я объяснила, что особенно просить нечего и что это не для однихъ сиротъ, а для всѣхъ, кому не съ кѣмъ оставлять дѣтей во время работы. Затѣмъ бабы сказали, что когда шли сюда, то сосѣди стали ихъ бранить, что они теперь ребятъ отдадутъ, а потомъ общество плати за нихъ. Объяс-

шла имъ на какія средства открыты ясли и что ни съ кого потомъ не возьмутъ ничего».

Не могу не привести здѣсь и одного курьезнаго примѣра непониманія назначенія яслей, сообщаемого падз. Мещеряковой.

«Одну дѣвочку привелъ дѣдушка, хромой, старый, съ которымъ она ходила въ столовую, бывшую въ Тоймѣ, и просить записать ихъ вмѣстѣ въ ясли. Я объяснила, что это учрежденіе исключительно для дѣтей, но старикъ и послѣ того просилъ записать его, говоря: «Я тоже работать ничего не могу, а кормиться надо, какъ малому, такъ и старому», и послѣ моего рѣшительнаго отказа заявилъ: «Пу такъ я, коль такъ, и дѣвочку не оставлю, будемъ вмѣстѣ дома сидѣть». Такъ дѣвочку съ собой и увелъ.

Педѣли черезъ три опъ, однако, опять привелъ ее и просить записать. Падзирательница и сказала ему: «Запишешь ее, да опять завтра выпишешь? «Пѣтъ, не буду теперь выписывать; вчера земскій начальникъ больно притакалъ отдавать ребятъ и завѣрялъ, что отбирать не будутъ; теперь и дѣвочка ужъ не бонится, что увезутъ, будетъ одна ходить». Я на минутку вышла въ свою комнату, старикъ туда же за мной и говорить: «Теперь ужъ не пропущу записывать, а ты не дашь ли мнѣ сахарку?» Я сказала, что сахаръ у меня хотя и есть, но много есть и потребителей его. Такъ старикъ и ушелъ.

Слѣдующими причинами въ ряду заставлявшихъ крестьянъ воздерживаться отъ пользованія яслями-пріютами, являлись, какъ сказано выше, недовѣріе родителей къ уходу чужихъ людей за ихъ дѣтьми, затѣмъ привязанность, или вѣрнѣе «жалостливость» къ дѣтямъ, какъ будетъ видно изъ приводимыхъ примѣровъ.

«У одной жепщины мужъ ни за что не согласился отдать своихъ дѣтей, не довѣряя ихъ чужимъ рукамъ, хотя изъ-за 2 малышей мать не ходитъ на работу, а достатковъ у нихъ нѣтъ» (падз. Александра Филиппова; Рожки).

3 іюля (воскресенье) пошли мы съ сестрой по сему, чтобы познакомиться съ пародомъ и узнать мнѣніе самихъ матерей. Но на всѣ наши доказательства, что ребятъ ихъ будутъ кормить и водиться съ ними, намъ удалось только двухъ склонить на свою сторону, которыя сказали, что ребятъ принесутъ въ ясли, а одна жепщина прямо заявила, что пусть у нея будетъ хоть 10 человѣкъ и то никогда не отдастъ къ чужимъ водиться.

«Вечеромъ я попросила волостное начальство собрать еще сходъ, чтобы спросить, будутъ они приносить дѣтей или нѣтъ? На нашъ вопросъ многіе сказали, что матерямъ жаль ребятъ отдавать водиться чужимъ; пусть онъ будетъ въ полѣ цѣлый день, хотя и поплачетъ, но при матери, такъ что на сходѣ было записано не больше 20 человѣкъ (падз. Кобедлева; Большой Киятъ).

«25 іюля, воскресенье. Ребятъ не много (15 челов.), но посѣтителей опять много. Было нѣсколько человѣкъ татарокъ. По-русски говорила

только одна и то плохо. Всѣ только качаютъ головами. Спрашиваю, что качаете: «Да какъ баранчугъ не жалко отдавать. У кого мать нѣтъ, ладно, а мать есть, не годится; плоха мать». Говорю, что въ полѣ хуже: то жарко, то холодно, какъ вчера. «Знамо хуже, да жалко».

«Зашли съ поля 3 черемисскія дѣвушки посмотрѣть ясли. Спрашиваю, что говорятъ у нихъ про ясли: «Да ничего не говорятъ». «Почему же ваши не несутъ сюда ребятъ»? Да все своя нянька есть, совсѣмъ мало одинокъ, да и жалко. Больно говорятъ, скучать безъ матери, реветъ больно, matka всѣмъ надо, ну и жалко» (надз. Александра Филиппова; Рожки).

«Одна женщина сказала: «Я парочно для своей дѣвочки корову купила, да понесу къ вамъ». Другіе говорили: «У насъ вся тутъ маленькая-то, она все на рукахъ, а у васъ у одной-то няньки ребенка по четыре, развѣ будетъ все держать мою-то». Всѣ признавали, что у насъ и уходъ хорошій и пища, но просто жаль своихъ дѣтей отдавать, потому что въ ясляхъ не будетъ исключительно для каждаго ребенка отдѣльная нянька» (надз. Мальковская; Малиновка).

«21 іюля ходила къ тѣмъ семействамъ, у которыхъ дѣти записаны, но еще ни разу не были въ пріютѣ. Мнѣ хотѣлось узнать причину отсутствія этихъ дѣтей. Прихожу въ одно семейство, вижу дѣти плачутъ. Я спросила о чемъ плачутъ: «Да вотъ сегодня только одинъ разъ поѣли утромъ, а больше и ѣсть нечего. Просятъ хлѣба, а у насъ денегъ только пятакъ, никто на пятакъ хлѣба не продаетъ, вотъ и плачутъ; ѣсть хотятъ». «Отчего же вы не приводите дѣтей въ ясли; вѣдь тамъ они будутъ сыты и спокойны, тѣмъ болѣе, что они у васъ давно записаны?»—спросила я. Бабушка и говоритъ: «Намъ сказали, что ихъ вычеркнули». «Кто сказалъ?» «Бабы говорили, что у которыхъ дѣтей есть въ домѣ бабушки, такъ ужъ тѣхъ не принимаютъ». «Но у васъ вѣдь записаны дѣти по бѣдности, значитъ, можно было вести въ пріютъ, они приняты давно». Въ это время подходитъ къ избѣ мужикъ, второй сынъ старухи, съ которой я разговаривала; онъ былъ въ отдѣлѣ отъ брата. Мать говоритъ ему: «Вотъ, Ваня, я хочу ребятъ въ пріютъ отдать, отдай и ты свою-то.» «Нѣтъ, ты какъ хочешь, мнѣ не жалко тѣхъ, а ужъ свою-то я жалѣю, не отдамъ; пусть одна сидитъ, а все-таки не отдамъ». Мнѣ такъ горько и обидно стало отъ такого невѣжества и непониманія. Я спросила: «Отчего же ты жалѣешь ее отдать въ пріютъ? Вѣдь ты ее отдаешь не навсегда, а только на время, на ночь будешь домой брать». «Да она зареветъ тамъ». «Ну, говорю, это не бѣда. Поплачетъ и перестанетъ, какъ-нибудь утѣшимъ, а вотъ дома останется одна, тогда больше наплачется, да еще и голодомъ насидится». Бабушка тоже стала уговаривать сына отдать дѣвочку, даже отказалась водиться лѣтомъ съ ней. Кое-какъ мужикъ согласился водить дѣвочку въ ясли. Дѣтямъ я велѣла придти за хлѣбомъ тогда же, а на другой день утромъ велѣла приходитъ въ ясли. Хлѣбъ получили вечеромъ, а на другой день утромъ пришли въ ясли» (надз. Чеснокова; Черем. Малмыжъ).

Смѣявшейся же надз. Чеснокову надз. Малгиновой пришлось однажды

выслушать отъ одного крестьянина такое объясненіе причины неотдачи дѣтей въ ясли: «Вѣдь ребята заплачутъ и жалъ. Вотъ я бы своихъ повелъ, да плачутъ, не идутъ».

Чаще всего эта причина—жалость—выставлялась инородцами, которые, особенно черемисы и вотяки, относятся, какъ видно, къ своимъ дѣтямъ съ большою нѣжностью *), о чемъ между прочимъ, пишетъ и надзират. Кобедеява (Б. Киякъ).

«Насколько мнѣ пришлось убѣдиться за время открытія яслей, черемисы, какъ и вотяки, жизнь которыхъ я знаю, очень любятъ своихъ дѣтей; у русскихъ крестьянъ не такъ: разъ мужикъ привелъ своего ребенка въ школу, онъ не посмотритъ ни на капризъ, ни на слезы, а еще пригрознитъ, если мальчикъ или дѣвочка не остается, а вотьякъ или черемисникъ, онъ самъ постоитъ не одинъ часъ, посмотритъ не обидятъ ли, а потомъ спроситъ, останется ребенокъ или нѣтъ, и часто бываетъ, чѣмъ бы сразу отдать ребенка, приводятъ его по нѣсколько разъ въ школу, такъ и теперь въ ясли. Чуть ребенокъ закапризничаетъ, его ужъ не оставляютъ, а на другой день опять ведутъ».

Изъ-за религіозныхъ предразсудковъ часто не отдавали дѣтей въ ясли старовѣры, боявшіеся, какъ это уже упоминалось въ главѣ 1, что дѣтей ихъ будутъ водить въ православную церковь причащаться и «щепотью приневолять креститься».

Остальныя причины, болѣе частнаго характера, выясняются изъ слѣдующихъ сообщеній надзирательницъ.

«Иду въ Малые Рожки 1½—2 в. отъ Большихъ Рожковъ. Староста собираетъ сходъ. Желających отдать дѣтей оказывается всего 8 человекъ. Остальные говорятъ, что свои домашнія няньки есть или уже наняли чужихъ до сѣнокоса. Говорятъ, что намъ совсѣмъ неудобно не имѣть своихъ нянекъ: матери уходятъ доить коровъ за р. Вятку въ часъ ночи, нельзя же ребенка такъ рано нести (грудныхъ слишкомъ мало придется кормить грудью), все равно надо съ кѣмъ-нибудь оставлять, а потомъ надо скорѣе идти жать, а тутъ еще ребенка неси. Вечеромъ тоже отъ коровъ возвращаются поздно, часовъ въ 9—10, когда же за ребенкомъ идти, и притомъ одинъ домъ неудобно оставлять, надо и воды приготовить и овечекъ загнать, все равно кому-нибудь да надо дома сидѣть».

«Сегодня (храмовой праздникъ 31 іюля) опять масса посѣтителей и, главное, черемисъ и черемисокъ. Спрашиваю, почему ихъ ребятъ мало и опять тотъ же отвѣтъ, что свои няньки есть. Такъ, видимо, имъ очень нравятся все. Придутъ, посмотрятъ, похвалятъ, смотришь, черезъ нѣсколько минутъ ведутъ другихъ смотрѣть. Говорятъ, что посылали ребятъ постарше, лѣтъ такъ съ 3—4 до 8, да не идутъ, а насильно тащить жалъ, маленькихъ же всегда съ собой въ тележкахъ возятъ,—«лучше грудь сосать».

*) См. также о привязанности дѣтей вотяковъ къ родителямъ, братьямъ и сестрамъ гл. 1, стр. 62.

Говорю, что одна черемиска мнѣ сказала, что смѣяться будутъ, если она принесетъ ребенка. «Вотъ дуракъ! Какой смѣяться, спасибо надо сказать, что одинокъ хорошо устроилъ. Дуракъ будетъ смѣяться, такъ пусть смѣется, больно надо, «отвѣтила мнѣ одна старуха изъ черемисокъ» (надз. Александра Филиппова; Рожки).

Боязнь насмѣшекъ и нареканій, однако, дѣйствительно заставляла нѣкоторыхъ воздерживаться отъ отдачи дѣтей въ ясли-пріюты, тѣмъ болѣе, что деревенскіе критики высказывали свое осужденіе довольно энергично, не стѣсняясь выраженіями. Напримѣръ, та же надзирательница сообщаетъ, что одна изъ посѣтителницъ, явившихся посмотреть ясли, старуха, папала на другую старуху за то, что та не живетъ у своей снохи и не нанчится съ ребенкомъ, котораго и пришлось отдать въ ясли. «Она прямо ругала ту, что вотъ де до чего она довела. Выходило изъ ея словъ, что отдать ребенка въ ясли, это ужъ самое послѣднее дѣло».

Дальше въ дневникѣ надз. Александры Филипповой встрѣчается еще такой отзывъ:

«Няни ходили полоскать бѣлье, встрѣтили двухъ черемисокъ, которыя имъ сказали, что тѣ только отдаютъ къ намъ дѣтей, у кого вовсе ума нѣтъ».

Не менѣе характерно сообщеніе надз. Кобедяевой (Большой Киятък):

«Дѣти приходятъ сегодня и рассказываютъ мнѣ, какъ ихъ бранила одна черемиска, когда они шли сегодня въ пріютъ, обозвала ихъ обжорами, а матерей и отцовъ ихъ лѣбиями, что посылаютъ дѣтей казенный хлѣбъ ѣсть, за который потомъ спросится съ міра, что теперь хлѣбъ у каждаго есть, можно сидѣть дома, а не бѣгать въ пріютъ. Много говорили дѣти, да я не все могла понять; видимо, что имъ это стало обидно, что попрекаетъ ихъ старуха; сказали, что если ихъ еще она будетъ бранить, то они ходить не будутъ».

Надзирательницы пытались бороться съ подобными недоброжелательными и недовѣрчивыми отношеніями крестьянъ къ яслямъ разными способами. Нѣкоторые обращались за содѣйствіемъ къ мѣстному начальству и священникамъ, другія сами обходили деревни, бесѣдовали съ народомъ и разъясняли ему суть дѣла и неосновательность его опасеній. Попытки эти приносили нѣкоторую пользу, но главное дѣло сдѣлали терпѣніе и время. Не падая духомъ, надзирательницы старались исполнять свои обязанности какъ можно лучше, и крестьяне мало-по-малу невольнo начали убѣждаться въ своей неправотѣ и пользѣ дѣла, а соотвѣтственно этому начало измѣняться и ихъ отношеніе къ яслямъ и надзирательницамъ, и стало прибывать число дѣтей въ ясляхъ. Слѣдующіе примѣры и обрисовываютъ этотъ поворотъ въ отношеніяхъ крестьянъ.

«Приходила крестьянка записывать своего 3 мѣсячнаго ребенка и говорить:—«Отъ многихъ слыхала, что здѣсь хорошо дѣтямъ, вотъ и надумала отдать своего сына; жалко было, онъ у меня первый, да одинъ еще; да ужъ попробую, люди говорятъ—хорошо, и моему, може, плохо не будетъ». (надз. Мещерякова, П. Тойма).

«Сегодня утромъ часа въ 4 будить меня та самая черемиска, которая говорила, что будь у нея хоть 10 чел. дѣтей, и то не понесетъ въ ясли, и говоритъ:—пожалуйста, ты ужъ не сердись на меня, возьми ребенка; я сперва-то къ вамъ ни за что не хотѣла отдавать и другихъ бабъ отговаривала, да онѣ меня только не послушали, всѣ принесли и не маются съ ними дель, а я вотъ измучалась; не сидитъ одинъ въ телѣжкѣ; вотъ дѣвочка-то теперь отсюда не идетъ въ поле, а то бы выѣстъ играли тамъ». Дѣвочка, про которую черемиска говорила, давно къ намъ ходить начала и была самая исправная посѣтительница» (надз. Кобедлева, Б. Киякъ).

Недовѣрчивое и недоброжелательное отношеніе къ новому дѣлу при его возникновеніи было, впрочемъ, далеко не всеобщимъ, и въ запискахъ надзирательницъ встрѣчаются также примѣры отношеній противоположнаго характера.

Въ нѣкоторыхъ деревняхъ крестьяне очень желали открытія яслей, даже изъявляли готовность со своей стороны на нѣкоторыя жертвы и очень жалѣли, что обстоятельства лишили ихъ возможности пользоваться этимъ благимъ учрежденіемъ.

Во вступительной главѣ я уже упоминалъ, что выборъ пунктовъ для устройства яслей былъ сдѣланъ на основаніи указаній уѣздной земской управы, причемъ руководились главнымъ образомъ двумя условіями: близостью врачебнаго пункта и нуждой населенія. Въ видѣ опыта рѣшено было, однако, открыть ясли и въ 2—3 болѣе зажиточныхъ селахъ. Опытъ этотъ, какъ я также уже упоминалъ, пришлось признать неудачнымъ, отпеся его насчетъ ошибокъ и промаховъ, неизбежныхъ въ каждомъ новомъ и тѣмъ болѣе столь сложномъ дѣлѣ. Особенно пришлось пожалѣть о выборѣ села Рожки; мѣстныя ясли дали въ общемъ пріютъ лишь незначительному, въ сравненіи съ другими яслями, числу дѣтей. Причины этого приходилось искать въ извѣстной зажиточности жителей, позволявшей имъ проявлять нѣкоторую разборчивость по отношенію къ уходу и пищѣ въ ясляхъ и предпочитать держать своихъ пянебъ, а также въ кое-какихъ чисто мѣстныхъ условіяхъ. Окрестныя же деревни, хотя и бѣдныя, также не дали, вопреки нашимъ ожиданіямъ, сколько-нибудь значительнаго числа питомцевъ, вслѣдствіе, какъ выяснилось уже гораздо позже, неудобства для матерей въ рабочую пору, когда каждый часъ дорогъ, носить дѣтей 2 раза въ день (въ ясли и обратно) версты за 3—5. Упомянутыя выше сожалѣнія о неоткрытіи яслей и исходили, главнымъ образомъ, отъ крестьянъ этихъ окрестныхъ деревень: Красный Ключъ, Шишинеры, Низъ-Гоньба и Культемасы.

Надзирательница Александра Филиппова, въ виду малочисленности дѣтей въ Рожкинскихъ ясляхъ, сама отправилась по сосѣднимъ деревнямъ, думая, что тамъ, можетъ быть, не знаютъ объ открытіи яслей въ селѣ и потому не несутъ дѣтей.

«Пріѣзжаю въ Красный Ключъ,—пишетъ она.—Староста собираетъ сходы. Всѣ уже слышали, всѣ говорятъ—какое нынче приволье бабамъ

устроили, а то замучаются онѣ на полѣ-то съ ребятами. Записываю желающих отдавать дѣтей, набирается всего 5 чел. ребятъ. Другіе говорятъ — какъ бы у насъ въ деревнѣ, я бы отдалъ, и я бы, и я бы. Набирается 20 чел. дѣтей, а деревня всего въ 30 дворовъ. ...Такъ нельзя ли у насъ открыть?—спрашиваютъ. Отвѣчаю, что это не отъ меня зависить. Ёду въ другую деревню Шишинеры, тоже на разстояніи 4—5 вер. отъ Рожковъ. Староста обѣщаетъ собрать сходъ завтра рано утромъ и представить мнѣ списокъ, сколько дѣтей наберется, если ясли были бы открыты у нихъ и сколько отдадутъ въ Рожки. Ёду въ д. Низъ-Гоньбу. У воротъ старосты сидятъ нѣсколько человѣкъ мужиковъ. Всѣмъ о ясляхъ извѣстно. Одинъ мужикъ спрашиваетъ,—почему не у нихъ; другой говорить, что еще, можетъ быть, и у нихъ откроютъ. Разъ въ Рожкахъ открыли, поди, вездѣ откроютъ. Говорю, что у нихъ не будетъ. Прошу старосту сдѣлать, какъ въ Шишинерахъ. Мужики говорятъ: «Ужъ какъ бы хорошо было, еслибъ у насъ открыли; больше 50 чел. ребятъ набралось бы». Ёду еще въ деревню Культемасы. Староста тоже охотно согласился исполнить мою просьбу.

«Старосты всѣхъ трехъ деревень въ точности исполнили мою просьбу. Первымъ явился ко мнѣ Культемаскій староста. На сходѣ онъ записалъ 66 чел. дѣтей, которыхъ родители желали помѣстить въ ясли, если они будутъ открыты у нихъ, сюда же носить (за 5 вер.) нѣтъ желающихъ. Кромѣ того, онъ сказалъ, что потомъ къ нему на домъ приходило еще нѣсколько человѣкъ, такъ что всего дѣтей набралось бы больше 80 чел. Вообще староста старался привести всѣ доводы, какіе могъ, что у нихъ лучше всего открыть ясли: и помѣщеніе хорошее (лучше, чѣмъ въ Рожкахъ), и бѣдныхъ одинокихъ много; словомъ, старался, чтобы склонить въ свою пользу. Затѣмъ явился староста изъ Низъ-Гоньбы. У нихъ на сходѣ записалось 50 чел., если ясли были бы открыты у нихъ, а въ Рожки отдають только 6 чел. дѣтей. Староста тоже приводитъ всѣ доводы за открытіе у нихъ яслей и ихъ пользы».

Староста же, явившійся изъ д. Шишинеръ, заявилъ, что у нихъ общество открыть ясли не соглашается, боясь платы (см. стр. 71). Нѣкоторые жители этой деревни, посѣтившіе нѣсколько позже Рожкинскіе ясли, высказались, однако, иначе.

«20-е іюля. Ильинъ день. Между заутреней и обѣдней явилось нѣсколько крестьянокъ и 2 крестьянина смотрѣть ясли. Мужики оказались изъ деревни Шишинеры. Посмотрѣли и говорятъ между собою, что ужъ очень хорошо. Одинъ и говоритъ: «Ну, что бы открыть у насъ; вотъ бы я тронхъ послалъ, а то сиди теперь изъ-за нихъ жена дома, а какъ грудного сюда привезешь?» «Да вонъ насупротивъ насъ баба изъ-за ребятъ тоже дома сидитъ, да и тотъ одинокъ, и другой»... и такъ стали перечислять своихъ мужиковъ, которые бы отдали дѣтей въ ясли. Я выѣхавъ въ разговоръ и говорю: «Вотъ староста мнѣ сказалъ, что на сходѣ всего 20 чел. дѣтей набралось, и само общество не хотѣло пускать ясли въ

деревню, думая, что за это взыщется съ него». Отвѣчаютъ: «Что староста? Онъ какъ разъ тѣхъ-то и не извѣстилъ, которые бы отдали, а что общество не хотѣло пускать—это такъ. Ну, да, вѣдь, это такъ зря болтали». «Вотъ развѣ квартиры нѣтъ?»—говорилъ другой. «Какъ нѣтъ? А вотъ у того-то, у этого-то?» «Платить бы сами стали, сложились бы у кого ребята стали бы ходить. И на керосинъ, и на дрова сложились бы, немного и пришлось бы [на человѣка!]. Такъ и ушли мужики, сожалья, что ясли открыты не у нихъ» (надз. Александра Филиппова).

Жители другихъ упомянутыхъ деревень высказывали подобныя же сожалѣнія.

«Приходилъ мужикъ изъ Низъ-Гоньбы спросить, что откроютъ или нѣтъ у нихъ ясли. У него трое ребятъ, младшему 6 мѣс., грудной; возить сюда нельзя, а водиться некому,—одна жена. Нанять няньку не на что. Очень жалѣлъ, что у нихъ не будетъ яслей.

«Вечеромъ приходила еще старуха, тоже изъ Низъ-Гоньбы, справиться, правду ли мужикъ сказалъ, что у нихъ не будетъ яслей. Когда я сказала, что вѣрно, она стала жаловаться на старосту, что не смогъ охлопотать» (надз. Александра Филиппова, Рожки).

Узнавъ изъ дневника упомянутой надзирательницы о маломъ количествѣ дѣтей, посѣщающихъ ясли — пріютъ въ с. Рожкахъ, а также о томъ, что крестьяне сосѣднихъ деревень усиленно хлопочутъ объ открытіи яслей у нихъ, я поднималъ было вопросъ о перемѣщеніи учрежденія въ д. Культе-масы, гдѣ было записано до 80 чел. дѣтей и гдѣ сами крестьяне вызывались всячески содѣйствовать новому дѣлу. Но одинъ слухъ о перемѣщеніи яслей поднялъ на ноги мѣстныя сельскія власти, начались усиленныя хлопоты, пропагандированье яслей, и 13-го іюля въ Рожкинскихъ ясляхъ оказалось уже 69 чел., и въ теченіе слѣдующихъ затѣмъ двухъ недѣль бывало отъ 35 до 50 чел. ежедневно *).

*) Число дѣтей во всѣхъ вообще ясляхъ колебалось въ зависимости отъ разныхъ обстоятельствъ. Главное вліяніе на количество дневныхъ питомцевъ яслей оказывали: состояніе погоды, праздники и болѣзни дѣтей.

Въ общемъ въ очень ненастную дождливую погоду и въ праздники дѣтей въ ясляхъ бывало мало, такъ какъ полевая работа въ такіе дни обыкновенно пріостанавливается; родители сами сидѣли дома и дѣтей оставляли, а если и приносили или приводили въ ясли, въ случаѣ какой-нибудь особенной домашней работы или сбора грибовъ или ягодъ въ лѣсу, то не рано, брали же домой, напротивъ, гораздо раньше обыкновеннаго. Меньше бывало дѣтей въ ясляхъ и въ тѣ дни, когда родители молили дома. Въ очень холодную и ненастную погоду многія дѣти, особенно живущія подальше, не приходили еще и за неизмѣнимъ обуви и верхней одежды (Дурга, Машиновка). Зато бывало, что холодная и ненастная погода загоняла въ ясли такихъ дѣтей, которыя въ хорошую погоду избѣгали посѣщать ясли, предпочитая имъ улицу; въ дурную погоду бѣгать по улицѣ непріятно, дома сидѣть скучно, вотъ они и шли въ ясли.

Кромѣ того въ холодную погоду приносили въ ясли грудныхъ малютокъ и такія матери (преимущественно изъ инородческаго населенія), которыя вообще не хотѣли

ремѣненіи яслей былъ оставленъ. Отъ открытія же яслей еще въ одномъ пунктѣ, сверхъ памѣченныхъ нами, тоже пришлось отказаться, какъ мнѣ ни хотѣлось пойти навстрѣчу желанію крестьянъ. Главной причиной явилось неимѣніе въ виду въ данное время надежнаго лица для завѣдыванія новыми яслями. Неудачи при выборѣ надзирательницы въ одномъ изъ пунктовъ *) заставляли меня быть особенно осмотрительнымъ при назначеніи надзирательницъ и предпочесть остаться при прежнемъ числѣ учреждений, обезпеченныхъ наблюденіемъ надежныхъ лицъ и снабженныхъ полнымъ инвентаремъ и обстановкой, нежели, наскоро расширивъ кругъ дѣятельности при недостаткѣ наличныхъ силъ и инвентаря, рисковать впасть въ новыя ошибки и тѣмъ ослабить общее хорошее впечатлѣніе, которое, какъ я предвидѣлъ, могли оставить въ населеніи открытыя отъ имени «Попечительства» ясли-пріюты.

Принимая во вниманіе трудность и обиліе лежащихъ на крестьянахъ заботъ и работъ въ страду, нельзя, впрочемъ, удивляться не только тому, что они не соглашались посѣть дѣтей въ ясли за 4—5 вер. изъ другой деревни, но и претензіямъ крестьянокъ, живущихъ въ той же деревнѣ, претензіямъ, вызываемымъ потерей времени на пошенье или провожаенье дѣтей въ ясли и обратно.

Нѣкоторые матери жалуются о времени, которое онѣ тратятъ на то, чтобы принести ребенка утромъ въ ясли, а вечеромъ домой,—пишетъ надз. Чеспокова (Черемисскій Мамыж).—«Лучше ужъ въ поле буду посѣть, а

разставаться съ дѣтьми и таскали ихъ за собой въ поле: отъ холода дѣти въ полѣ непрерывно плакали, и матери рады были пристроить ихъ въ ясли.

Если изъ нѣсколькихъ посѣщавшихъ ясли дѣтей изъ одной семьи заботѣвался который-нибудь одинъ и не могъ бывать въ ясляхъ, то родители обыкновенно оставляли съ нимъ дома и остальныхъ дѣтей. Такимъ образомъ, даже въ случаѣ нѣсколькихъ отдѣльныхъ заболѣваній, въ ясляхъ убывало значительное число дѣтей, не говоря уже объ эпидемическихъ болѣзняхъ (напр., въ Ральникахъ, гдѣ была скарлатина). Такая убыль бывала, впрочемъ, лишь временной, такъ какъ, къ счастью, ни одна заразная болѣзнь не приняла особенныхъ размѣровъ, и намъ не пришлось закрывать ни однихъ яслей, тогда какъ въ другихъ уѣздахъ было нѣсколько такихъ случаевъ.

*) Назначенная туда земская учительница почему-то раздумала и бросила дѣло, не давъ себѣ даже труда открыть учрежденіе. Другая надзирательница, выбранная наскоро не изъ среды учительницъ, оказалась малограмотной и была не въ состояніи справиться съ столь отвѣтственнымъ дѣломъ; пришлось, опять наскоро, замѣнить ее третьей надзирательницею. На этотъ разъ, къ счастью, нашлась опять учительница, и дѣло пошло.

Какъ уже было упомянуто во вступительной главѣ, наиболѣе подходящими лицами для завѣдыванія яслями были признаны земскія учительницы, но изъ этого, конечно, еще не слѣдовало, чтобы каждая земская учительница годилась въ надзирательницы. Изъ 30 учительницъ, бывшихъ свободными передъ открытіемъ яслей и согласившихся принять на себя завѣдываніе яслями, были выбраны 10, остальные разѣхались, и, когда вполнѣдствіи, за болѣзнь двухъ надзирательницъ, пришлось искать имъ замѣстительницъ, только въ одномъ случаѣ удалось опять заручиться вновь подходящею особою изъ учительницъ, случайно пріѣхавшею въ г. Мамыжъ.

то устанешь, надо бы дома кой-что удѣлать, а тутъ бѣги за ребенкомъ». Изъ-за этого не мало ребятъ и взяли изъ яслей».

Надзират. Мещерякова сообщаетъ слѣдующее:

«Многіе крестьяне указываютъ на неудобство—отдаленность яслей отъ середины деревни; если бы ясли помѣшались центральнѣе, дѣтей было бы больше; жители верхняго конца деревни не отдають дѣтей потому, что очень далеко два раза въ день ходить (деревня растянулась на 3 версты)».

Снисходя къ жалобамъ матерей, надзирательницы часто и оставляли дѣтей ночевать и даже жить въ ясляхъ, насколько позволяло мѣсто, а также разрешали нѣкоторымъ матерямъ грудныхъ дѣтей самимъ приходить ночевать въ ясли.

Но, кромѣ такихъ извинительныхъ претензій, предъявлялось не мало другихъ, менѣе основательныхъ, какъ это уже отчасти выяснено въ главахъ, трактующихъ о пищѣ и объ уходѣ. Приведенные тамъ примѣры можно дополнить слѣдующими:

«Няня (дѣвушка) говоритъ, что, если на будущій годъ еще будутъ въ Малиновкѣ ясли, то она больше ужъ не наймется, потому что водиться трудно съ дѣтьми, которымъ года три, а они еще ходить не начинали (у меня такихъ трое), а еще то, что часто отъ родителей приходится слышать: «Ты съ тѣмъ-то лучше водишься». — «Моего-то ребенка, что мало на рукахъ держишь?» — «Ты вотъ насказала чего-нибудь на насъ Серафимѣ Поліеветовнѣ, такъ она моему-то сыну рубашку похуже дала» *) и проч. (надзир. Мальковская).

«Какъ я раньше писала,—сообщаетъ та же надзирательница,—не всѣ довольны, есть и недовольные. На-дняхъ произошло слѣдующее. Съ самаго начала былъ приведенъ въ ясли мальчикъ, у котораго было на обоихъ глазахъ природное сращеніе вѣкъ. Видѣлъ онъ очень плохо, даже днемъ, а какъ наступитъ вечеръ, то не разъ поднималъ плачь: какъ онъ поидетъ домой? Навѣрное, вечеромъ онъ видѣлъ хуже, чѣмъ днемъ, и ему казалось, что наступаетъ ночь. Воду въ рѣкѣ разъ принялъ за траву. Когда ему начинали лицо мыть мыломъ, то поднималъ такой крикъ: «Ой, не мойте мыломъ-то; глаза у меня маленькіе, а тутъ еще меньше будутъ». Лѣтъ ему шесть. За обѣдомъ и ужиномъ ему наливали въ отдѣльную чашку и ставили ближе къ лицу. Когда шли гулять, вели его за руку; если приходилось спускаться подъ гору, онъ начиналъ ревѣть. Изъ семьи бѣдной. Я ему дала на рубашку; мать сшила. Недѣли полторы тому назадъ его водить перестали. Няня, увидавъ его отца, спросила, почему не приводятъ. Отецъ грубо ее оборвалъ: «А вамъ какое дѣло?» — «Какъ какое дѣло, — начала няня,—мы о немъ сколько заботились и на рубашку ему подарили, а онъ

*) „На этой недѣлѣ шили рубашки и платица изъ ситцу, купленнаго бѣднымъ дѣтямъ Полянскимъ врачомъ изъ какихъ-то пожертвованныхъ суммъ. Нѣкоторымъ рубашки сшили сами матери (изъ даннаго матеріала). Родители этимъ очень довольны. Бѣдные сами приходятъ просить рубашонки, а позажиточнѣе не просятъ, чему я очень удивилась“. (Изъ записокъ Мальковской).

ходить пересталъ, такъ неужели не спросить?» — «Рубашку-то онъ заходилъ давно ужъ», — сказала отецъ. — «Да мы не говоримъ, что надо рубашку захаживать, а намъ надо узнать, почему не ходить». — «А потому не ходить, — продолжалъ грубо отецъ, — что не кормите ихъ; утромъ, когда къ вамъ отвожу, кормлю, кормлю его, а вечеромъ придетъ все голодный, опять кормлю, кормлю, не могу накормить». Больше разговоръ не продолжался. Объ этомъ узнали многіе мужики и бабы, и почти всѣ говорили: «Не слушайте его, онъ самый негодный человѣкъ; не осталось въ обществѣ-то ни одного человѣка, съ которымъ бы онъ не перессорился». Сама я отца не видала; живетъ въ Гремячкѣ, а нарочно сходить къ нему не могу выбрать времени, да и боюсь натолкнуться на непріятности. Положимъ, это ничего, сходила бы въ праздничный день, да тогда его трезвымъ рѣдко можно застать».

«Нѣкоторые родители говорятъ, что у насъ пища плоха, нянекъ мало и проч. Другіе сознаютъ, что тѣ говорятъ безъ всякаго основанія, и отзываются о нихъ такъ: «Кто позажиточнѣе, такъ тотъ молчитъ, а бѣднота да голъ ворчитъ; ей все неладно, а дома-то чего видятъ?» (надзир. Мальковская).

Изъ послѣдняго сообщенія видно, что неосновательность подобныхъ претензій признавалась самими крестьянами изъ числа болѣе разсудительныхъ.

Но и кромѣ самихъ родителей находились недовольные яслями или порядками въ нихъ. Та же надзирательница сообщаетъ, напримѣръ, о курьезной выходкѣ одной старухи.

«Подошла сегодня на улицѣ къ дѣтямъ одна старуха и говоритъ: «Зачѣмъ это ребятишекъ-то вы остригли? Не разберешь теперь — русскій ли онъ, или татарченоекъ». Я ей стала говорить, что дѣтей стричь лучше, — не жарко имъ, и насѣкомыя не заводятся, а у дѣвочекъ косы будутъ больше. «Не говори, — перебила меня старуха, — все это грѣхъ одинъ, и въ Писаніи сказано: смѣшается народъ съ ордой. Вотъ и смѣшался». Проговоривъ это, старуха ушла. Хорошо еще, что не всѣ такъ думаютъ; отъ нея первой я это услышала, а то хоть не стриги дѣтей».

Недовольство, выраженное той же надзирательницѣ другой старухой, вызвано было болѣе основательнымъ поводомъ:

«Нынче, вѣрно, хотятъ насъ старухъ погнать жать, вотъ и устраиваютъ это; одно дѣло было у насъ — съ ребятами водиться, а теперь и этого не будетъ, и пойдешь жать».

Надзирательницѣ, однако, удалось втолковать старухѣ, что ясли все-таки дѣло полезное: «Не во всякомъ же домѣ найдутся бабушки, чтобы водиться; а гдѣ есть, пусть водятся».

Въ дополненіе къ приведеннымъ примѣрамъ критическаго отношенія къ яслямъ и порядкамъ въ нихъ, приведу еще критическій отзывъ одной посторонней бабы, посѣтившей ясли.

«Наѣжите вы здѣсь ребятъ-то этакой чистотой да пищей, такъ зарежутъ потомъ съ ними матери-то!» (надз. Александра Филиппова).

Вообще, крестьяне, не пользовавшіеся яслями, относились къ нимъ, по свидѣтельству надз. Мещеряковой, «съ большимъ интересомъ, какъ въ новинкѣ, но безъ особаго сочувствія. Приходилось слышать такого рода замѣчанія: «Прежде крестьяне за господами ухаживали, а нынче господа за крестьянами». Посѣщенія яслей крестьянами очень часты; первое время ежедневно бывало до 10 чел. Матери, оставившія своихъ дѣтей, приходили ихъ провѣдать, и многіе посторонніе изъ крестьянъ».

Въ другихъ ясляхъ посѣтителей бывало также не мало. Большинство оставалось довольно и выражало одобреніе яслямъ, сравнивая уходъ за дѣтьми въ ясляхъ съ домашнимъ.

«А дома-то, дома-то у насъ! У которой въ рожкѣ и черви заведутся, а ужъ кислымъ-то молокомъ, поди, всё кормили!» (надзират. Александра Филиппова).

«Все-то здѣсь бѣдо, да хорошо, а у насъ закроютъ грязнымъ сарафаномъ, да сверху-то шубу положить, чтобы не упалъ» (надз. Кобедяева; Б. Киякъ).

«Получила сегодня три дѣтскихъ платица и семь рубашекъ съ предписаніемъ раздать наиболѣе бѣднымъ дѣтямъ, находящимся въ ясляхъ, — пишетъ надз. Мальковская. — Отъ кого прислано, неизвѣстно. Принесли все это при одномъ мужикѣ. Онъ посмотрѣлъ и сказалъ: «Дуры наши бабы, и водятся-то съ дѣтьми хорошо, и рубашки высылаютъ, а еще не всё ведутъ ребятъ. Всѣмъ бы надо отдать!»

Многіе посѣтители хвалили надзирательницъ; самая характерная похвала досталась надз. Мальковской, которую одна старуха спросила: «Ты гдѣ же это въ нянькахъ-то прежде жила?» Надзирательница отозвалась, что нигдѣ. «Какъ же ты водиться-то такъ хорошо умѣешь?» — удивилась старуха.

Но бывало, что посѣтители являлись и съ недобрымъ, предвзятымъ отношеніемъ къ яслямъ, какъ видно изъ сообщенія надз. Александры Филипповой.

«8 августа. Воскресенье. Нѣсколько посѣнительницъ изъ другой деревни. Вошли молча, какъ бы сердито. «Да и ребенковъ-то ужъ нѣту», — говоритъ одна. (Дѣтей по случаю праздника было только люечныхъ двое, да семь подростковъ, которые бѣгали около дома). Говорю имъ причину. «Двое ужъ, говорятъ, у васъ умерли?» — говоритъ другая съ какимъ-то озлобленіемъ. «У насъ умерла одна черемисочка, а другой — дома», — говорю я, но, чтобы не подумали, что я стараюсь оправдаться, говорю, что заболѣлъ-то онъ у насъ и только наканунѣ смерти его отнесли домой, такъ все равно, что у насъ умеръ». То, что я не оправдываюсь, видимо, удивило бабъ, и другая уже болѣе мягко спрашиваетъ: «Поди, все отъ поносу»? Первая тоже совсѣмъ другимъ голосомъ замѣчаетъ: «Вѣдь, вотъ и у насъ въ деревнѣ какъ всѣхъ ребятишекъ смываетъ, одиѣ кости остаются». Я имъ объяснила, почему двумъ этимъ умершимъ дѣтямъ было трудно перенести такую болѣзнь. Выслушали мени, встали, попрощались и ушли, какъ мнѣ кажется, все-таки не съ добрымъ отношеніемъ къ яслямъ».

Надзирательницы вообще радушно принимали посѣтителей изъ крестьянъ, охотно показывали и рассказывали имъ все, такъ какъ вообще только радовались всякому проявленію интереса народа къ яслямъ; но надзират. Александра Филиппова отиѣтила и одно серьезное неудобство такихъ посѣщеній. Сообщая въ своихъ запискахъ о наплывѣ посѣтительницъ съ ребятиами, у которыхъ отъ страшнаго разстройства желудка и кишекъ «остались одни глаза да носъ», она резонно добавляетъ: «Боюсь, какъ бы посѣтители не нанесли нашимъ ребятишкамъ болѣзней; можетъ быть, и поносъ-то у насъ отъ другихъ; хотя, мнѣ кажется, трудно перейти этой болѣзни, когда женщины постоятъ только въ дверяхъ и посмотрятъ. Не пускать же смотрѣть, по моему, невозможно: Богъ знаетъ чего наскажутъ. Да и въ видахъ распространенія яслей лучше, если будутъ сами видѣть, какъ они поставлены. Но очень опасно всѣхъ пускать. Недавно пришла одна женщина, была минутъ 10, дала дѣтямъ гостинца—сушекъ. Оказывается, она привезла хоронить своего маленькаго сына, умершаго, судя по ея рассказамъ, отъ дифтерита, и она, дожидаясь священника, зашла къ намъ дать дѣтямъ сушекъ, чтобы помянуть сына».

Дѣйствительно, посѣтители могли сослужить службу яслямъ въ смыслѣ распространенія въ народѣ надлежащихъ понятій о ясляхъ, что и доказывается, между прочимъ, отзывомъ надз. Мальковской, которая, отиѣчая прекращеніе разныхъ недѣльных слуховъ и страховъ, волновавшихъ вначалѣ мѣстныхъ крестьянъ, объясняетъ это, между прочимъ, доброю славой о ясляхъ, мало-по-малу распространявшеюся изъ всѣхъ тѣхъ мѣстечекъ, гдѣ таковыя дѣйствовали.

«Къ тому же они слышатъ и о другихъ ближайшихъ ясляхъ много хорошаго. Такъ недавно въ Малиновкѣ ночевалъ татаринъ-торговецъ (изъ какой деревни, малиновскіе забыли), и онъ рассказалъ имъ о ясляхъ, существующихъ въ его деревнѣ: «Тамъ все такъ же, какъ и у насъ,—говорили потомъ малиновскіе,—и варятъ все разное, и пеленки бѣлыя, и все другое, похожее на наше».

Особенную же службу могла сослужить «добрая слава» въ смыслѣ побѣды надъ враждебно-боязливымъ отношеніемъ къ яслямъ со стороны татаръ-магометанъ. О томъ, что послѣдніе съ теченіемъ времени стали интересоваться яслями, свидѣтельствуетъ сообщеніе священника, отца Ильи Ефремова (Бектешево; крещенные татары и вотяки):

«Иногда изъ сосѣднихъ деревень магометане интересуются; нѣкоторые смотрятъ ясли и по выходѣ говорятъ: «это очень полезно для чернаго люда».

Однородное сообщеніе находимъ у вѣроучителя Якова Кузьмина (Дурга; крещенные татары):

«3 іюля посѣтилъ меня татаринъ-магометанинъ деревни Пижмаръ, сынъ маязина (вродѣ нашего псаломщика), копчившій курсъ въ Тунтерской татарской духовной семинаріи. Я рассказалъ ему про наши ясли-пріюты. Его обнялъ интересъ, и мы пошли въ пріютъ. Посмотрѣли на дѣтей, на ихнюю пищу, игры и проч. Въ концѣ онъ выразилъ, что это чрезвычайно полез-

ное дѣло для крестьянъ во всякомъ отношеніи, въ особенности въ пожарномъ».

Подобныя сообщенія показали мнѣ, что я не напрасно питалъ надежду на то, что татары-магометане, ознакомившись съ дѣятельностью новыхъ учреждений, дѣйствующихъ въ средѣ ихъ крещеныхъ сородичей, не замедлятъ понять всю пользу яслей и въ будущемъ сами примутъ такую помощь съ благодарностью.

Перейду теперь къ отношенію крестьянъ къ яслямъ и надзирательницамъ, установившемуся, когда крестьяне на опытѣ убѣдились, насколько это дѣло полезно, и разубѣдились въ своихъ подозрѣніяхъ и страхахъ.

«Теперь ужъ не то, что прежде,—сообщаетъ надз. Мальковская. — Ни отъ кого я не слышу, что это дѣло отъ антихриста или что-нибудь въ этомъ родѣ. Одна баба сказала: «Хоть бы подольше ты побыла тутъ; мы бы совсѣмъ отработались». — «Спасибо надо сказать, что водятся, а то бы замучились въ полѣ съ ребятишками-то», — говорила другая».

«Съ родителями отданныхъ дѣтей недоразумѣній теперь не выходитъ. Многія бабы, унося вечеромъ дѣтей, прибавляютъ: «Спасибо, поводились».

«Сегодня одинъ мужикъ спросилъ, до котораго числа я здѣсь пробуду; я сказала, что до 1 сентября. «А что бы бумага пришла, еще бы подольше тебѣ пожить», — услышала я въ отвѣтъ» (надз. Мальковская).

«Многіе говорятъ: «Эхъ, вѣдь какъ печется о насъ царь и царица; какъ они вздумали такое дѣло, хотя они этой нашей работой не занимаются? Какъ они узнали, что съ дѣтьми намъ трудно работать? Сначала благодарю Бога, а потомъ царя и царицу».

«Отзывы о ясляхъ весьма пріятны. Всѣ довольны и весьма благодарны. Приходятъ отцы и матери, весьма приносятъ благодарность и даже постороннія. Отдаемъ дѣтей въ пріютъ и не думаемъ, что они будутъ шалить со спичками и не сожжетъ домъ, не беспокоясь. И самой надзирательницѣ нѣсколько лицъ приходитъ поблагодарить. Надзирательница пока никакихъ обидъ не принимаетъ, кромѣ благодарности» (надз. Ольга Николаева, крещеная татарка, д. Нослы).

Еще ярче рисуется перемѣна въ отношеніяхъ крестьянъ къ яслямъ изъ сообщеній надз. Мещеряковой.

«Тѣ крестьяне и крестьянки, которые пользуются яслями, относятся теперь къ нимъ и къ надзирательницѣ съ довѣріемъ. Нѣкоторые записали вначалѣ только по одному ребенку, преимущественно старшему, теперь же стали приносить и совсѣмъ маленькихъ, грудныхъ. Постоянно приносятъ подарки, то молока, то сливокъ, то яицъ, вообще какихъ-нибудь съѣстныхъ припасовъ, или ягодъ. Я, конечно, ничего не беру, но это, мнѣ кажется, показываетъ, что крестьяне довольны».

«... Сегодня прибавилось четверо дѣтей; двое изъ нихъ не особенно бѣдныхъ, а двое — очень бѣдные; имѣя свой домъ на другомъ концѣ деревни, родители ихъ поселились на квартирѣ недалеко отъ яслей, чтобъ имѣть возможность каждый день, не теряя времени, приводить ихъ».

«... Подъ вечеръ мнѣ пришлось пройти по улицѣ почти до половины деревни; народу было много, особенно дѣтей и бабъ; со многими пришлось останавливаться и разговаривать, главнымъ образомъ, о ясляхъ. Одна женщина, которая вначалѣ такъ боялась, что записала своего 4-лѣтняго сына и водила его въ пріютъ не по улицѣ, а по задворкамъ, теперь сама другимъ рекомендуетъ ясли и говоритъ: «Какъ хорошо это выдумали устроить нынче; не житье, а рай намъ одинокимъ; чего стали бы дѣлать? Съ собой брать ребятъ—жарко въ полѣ, оставлять дома однихъ—того хуже, призаботишься, а это уведешь въ ясли, да жнешь день-то, горя мало. Какъ бы это поблагодарить Государыню за ея благодѣянія?»...

«15-го августа. Сегодня, по случаю праздника, дѣтей въ ясляхъ не было. Я, пользуясь свободнымъ днемъ, объѣхала нѣсколько деревень, обслѣдуя сельскія библіотеки. Вездѣ во всѣхъ деревняхъ я заводила рѣчь о ясляхъ. Всѣ очень интересуются, какъ водятся съ ребятами, какъ и чѣмъ кормятъ, и многіе высказываютъ: «Вотъ бы у насъ устроили ясли, хорошо бы было; вотъ бы тотъ-то бѣдный отдалъ своихъ дѣтей, вотъ бы другой одинокій тоже. Всѣ теперь знаютъ о ясляхъ и относятся хорошо, особенно въ деревнѣ Мухиной, гдѣ тоже пришлось мнѣ быть на-дняхъ. «Что это у насъ не открыли? Ребятъ у насъ въ деревнѣ много; кабы у насъ такая благодать, какъ въ Тоймѣ! Больно бабы одобряютъ воженъе-то; никакой, говорятъ, заботы намъ съ ребятами нынче нѣтъ: бывало уйдешь въ поле-то, да все и оглядываешься, нѣтъ ли дыму надъ Тоймой, а теперь отправишь ребятъ, да и спокоенъ».

«Чуть не каждая изъ бабъ спрашиваетъ, до какихъ поръ будутъ продолжаться ясли, и тутъ же принимаются высчитывать, сколько времени осталось. «Отойдетъ ужъ тогда намъ лафа-то! Ну, и то спасибо, нынче свободно было намъ. И по грибы ѣздили, и орѣховъ набрали, все у насъ будетъ, а съ ребятами-то просидѣли бы дома и ничего бы у насъ не было».

«... Матери почти всѣ сокрушаются, что ясли скоро кончаются, а работы еще много. «Вотъ глупыя-то были, вначалѣ боялись. Теперь до Покрова васъ здѣсь рады бы продержатъ!»

«... Чѣмъ дальше, тѣмъ больше бабы одолѣваютъ подарками, отказываться прямо нѣтъ возможности. Съѣстное беру и дѣлю между дѣтьми».

Другія надзирательницы также упоминаютъ о подаркахъ, преимущественно съѣстнымъ, которыми родители выражали благодарность за уходъ за дѣтьми.

Нѣкоторые родители, принося съѣстное и убѣждая надзирательницъ не отказываться, говорили, что хотятъ съ своей стороны чѣмъ-нибудь оказать содѣйствіе яслямъ. «Все равно вѣдь дома-то наши ребята съѣли же бы это».

Много также приходилось выслушивать надзирательницамъ отъ родителей трогательныхъ выраженій благодарности за уходъ за дѣтьми; нѣкоторые изъ нихъ ярко обрисовываютъ печальное положеніе деревенскихъ дѣтей или самихъ матерей въ страдную пору, и тѣмъ выясняютъ пользу, приносимую яслями.

«Я не знаю, какъ довольна вашимъ-то уходомъ,—говорила надз. Мещеряковой мать одной годовалой дѣвочки. — У меня дома-то она и десятой доли того не видала, что здѣсь видить. Я одинокая, пойду по воду, а ее посажу одну, такъ и сидитъ до меня; реветъ, реветъ, да и ревѣтъ-то не знаетъ какъ; я теперь и не знаю, какъ довольна, что она у васъ и сыта, и вымыта, лучше и не надо».

«... Приходить отецъ глухонѣмой дѣвочки спрашивать, когда ему приѣхать за ней. Онъ высказывалъ свою благодарность за то, что его дѣвочка пробыла рабочее время въ ясляхъ, а то бы,—говорить онъ,—мнѣ чистая бѣда съ ней: съ собой брать, работать мѣшаетъ, а няньку нанять, надо заплатить рублей пять, да прокормить ее, да и уходъ - то будетъ не такой; за эти деньги (5 р.) возьмешь какую-нибудь дѣвчонку, чего съ нею взыщешь? Спасибо, что устроили эти ясли, большая помога намъ одинокимъ (онъ вдовецъ)» (надз. Мещерякова).

«Одна мать говоритъ: «Я бывало брошу его (ребенка) въ люльку, слышу, что больно реветъ, да нечего дѣлать, запру избу и иду на работу. Покричитъ, покричитъ и уснетъ. Поди, не знаю, сколько разъ покричитъ, пока не приду въ обѣдъ. А здѣсь его успокаиваютъ, пока не уснетъ. И въ жизнь не видалъ бы онъ такой нѣги дома!»

«... Была баба изъ сосѣдней деревни, ребенокъ ея у насъ уже вторую недѣлю. Баба искренно благодаритъ, говоритъ, что совсѣмъ она теперь спокойно можетъ работать, зная, что ребенокъ въ хорошихъ рукахъ. У нея, кромѣ мужа, никого нѣтъ, и въ прошломъ году она оставляла ребенка одного въ избѣ въ люлкѣ, или же брала въ поле. Въ полѣ совсѣмъ не давалъ работать своимъ крикомъ, а, если дома оставить, вся душа избо-литъ,— все время чудится его крикъ, и работа изъ рукъ валится» (надз. Александра Филиппова).

«Дѣти-то здѣсь, какъ въ раю, я въ полѣ-то жну теперь спокойно!» услышала я отъ одной матери»,—пишетъ надз. Мальковская.

«... Изъ числа благодарныхъ есть одна черемиска, она одинокая въ хозяйствѣ, и вотъ дѣвочку 3-хъ мѣсяцевъ записала, другую дѣвочку 3-хъ лѣтъ оставила у себя. Я спросила черемиску, почему она записываетъ только маленькую, а побольше оставляетъ у себя. «У меня было 10 человекъ дѣтей и умирали все такіе, какъ Аринка (маленькая дѣвочка) и все въ этомъ мѣсяцѣ. Одинъ ребенокъ со мной былъ въ полѣ, игралъ, да вдругъ умеръ. Пожалуй, и эта также умретъ, если буду въ поле ее носить. Здѣсь ей лучше». Такъ объяснила черемиска. Всѣхъ раньше она приносила этого ребенка и послѣ всѣхъ уноситъ. Видно, что она вполне довѣряетъ свое дитя и даже видить пользу, которую ей оказываютъ ясли. Она каждый разъ находитъ, что ребенокъ у насъ дѣлается здоровѣе. Глазки у него были совсѣмъ закрыты и красные, теперь открылись и здоровые» (надз. Чеснокова, Черем. Малмыжъ).

«9-го августа. Былъ пожаръ въ д. Нослы, въ недалекомъ разстояніи отъ приюта-яслей. Играющія дѣти, которые толкуютъ уже, подняли крикъ

и вошь, такъ что няни еле могли ихъ утѣшить. Надзирательница вскорѣ, узнавъ въ чемъ дѣло, распорядилась нянямъ увести всѣхъ ребятъ къ рѣчкѣ подъ гору. Такъ и сдѣлали, увели ребятъ туда и утѣшили, что пожара нѣтъ, не плачьте. Забыли и вещи спасать, сберегая дѣтей отъ огня. Думаемъ, день вѣтреный, загорится пріютъ; еще нѣкоторые спали, унесли ихъ на рукахъ. Пожаръ прекратился вскорѣ, потому что многіе были дома и скоро затушили. Дѣтишки провели пожаръ съ нянями у рѣчки на лужайкѣ, гдѣ не ѣздитъ народъ. Привели дѣтей послѣ пожара въ пріютъ, которыя забыли и пожаръ, и тумашу, а бѣдныя няни и надзирательница не могутъ отдохнуть отъ испугу. Крестьяне говорятъ потомъ: «Нѣтъ, значить, не напрасно открылся пріютъ. Смотри-ка, они дороже всего хранятъ дѣтишекъ. Ребята не бѣгаютъ по улицѣ, не плачутъ, что сгоримъ и даже не слышали голоса собиравшихся на пожаръ. А какъ разъ у кого горѣло, у тѣхъ двѣ дѣвочки находятся въ пріютѣ. Онѣ и не знали, что у нихъ пожаръ. Мать этихъ дѣвочекъ обняла своихъ дѣтей и говоритъ: «Вотъ радуйтесь, что приняли васъ въ пріютъ, а то вы испугались бы, сдѣлались бы какъ сумасшедшія или полѣзли бы въ огонь. Спасибо вамъ,—поблагодарила надзирательницу и нянекъ.—Вотъ оно, что значить пріютъ-ясли!» (Надз. Ольга Николаева).

Кромѣ выраженій благодарности надзирательницы слышали отъ крестьянъ и выраженія удивленія по поводу готовности надзирательницъ принять на себя такіе труды, а также отзывы, свидѣтельствовавшіе о ясномъ пониманіи и сознаніи крестьянами положенія надзирательницъ и нянь и болшихъ заслугъ первыхъ.

«Одна черемиска говоритъ мнѣ: «Какъ это тебѣ охота водиться съ ребятами? Я старуха, и то свой ребенокъ надоѣлъ, какъ тебѣ охота, не знай». Кажется, ей очень нравился нашъ уходъ за ребятами, и она это сочувственно меня спросила»,—сообщаетъ надз. Александра Филиппова.

«Многіе говорятъ мнѣ, — пишетъ надз. Мальковская: — Надоѣло, поди, тебѣ самой-то это все, и какъ у тебя терпѣнія-то хватаетъ; уйдешь отсюда, такъ долго во снѣ тебѣ будетъ все это видѣться».

«... Вечеромъ одна баба и говоритъ: «Зачѣмъ это вы пеленки-то и рубашки и другое все бѣлое нашили; лучше бы темненькое, стирать скорѣе, а то съ ребятами-то устаеете, поди, а еще стирать-то сколько времени нужно» (надз. Мальковская).

Утромъ сегодня ко мнѣ приходитъ черемиска съ маленькимъ ребенкомъ, говоритъ: «оставлю его у тебя», но посмотрѣла, какъ мнѣ самой съ утра приходится возиться съ маленькими ребятами и говоритъ: «нѣтъ, не оставляю, больно ужъ ихъ у васъ много, гдѣ же тебѣ самой за всѣми поспѣть, чай, голова-то у тебя кругомъ ходитъ, какъ ты и терпишь?» Я говорю, что вотъ сейчасъ утѣшу и отдамъ нянѣ, возьму твоего ребенка, плакать не будетъ. «Нѣтъ, не безпокойся, я вѣдь все сама съ нимъ привыкла, да и ребенокъ у меня привыкъ сидѣть, такъ ужъ увезу», и повезла его въ поле, не оставила, а мнѣ хотѣлось взять этого ребенка: онъ язычникъ».

«... Крестьяне говорятъ, что жалѣтъ нашъ царь народъ свой и начальство посылаетъ хорошее. Вотъ какіе годы пошли, какъ о нашемъ братѣ крестьянахъ беспокоятся». Въ заключеніе мужики пожалѣли и начальство и меня, что много ужъ больно хлопотъ всякихъ, и говорятъ мнѣ: «чай на тотъ годъ, если еще откроютъ пріютъ, ты ужъ больше не поѣдешь къ черемисамъ, а ребята тебя любятъ, «абай» зовутъ (т.-е. мамой) и бабушку тоже (няньку-старуху)». Я говорю, если меня пошлетъ начальство опять въ пріютъ, то я попрошусь къ вамъ въ Китякъ, я немного привыкла къ вамъ, и вы меня ужъ знаете теперь» (надз. Кобедяева).

Сознавая всю трудность обязанностей надзирательницъ и нянь, крестьяне перѣдко и обнаруживали замѣчательную деликатность и совѣстливость въ пользованіи ихъ трудами, какъ показываютъ слѣдующія сообщенія надзирательницъ:

«Сегодня, наканунѣ праздника Смоленской Божьей Матери, за дѣтьми всѣ пришли очень рано, въ 5 ч. вечера, а обыкновенно нѣкоторыя матери приходили въ 10 час. вечера. Спрашиваю, почему сегодня такъ рано. «Мы видимъ, какъ вы здѣсь мааетесь, надо же вамъ отдыхъ дать; мы и рѣшили пораньше сегодня придти, работу въ полѣ раньше оставили» (надз. Александра Филиппова).

«Сегодня по случаю дождя, начавшагося съ утра, и праздника Смоленской Божьей Матери, ребятъ до 12 ч. не было, — пишетъ надз. Мещерякова. — Въ полдень одна одинокая баба принесла своего ребенка, прося поводитьсѣ съ нимъ и говоря, что у нея есть какая-то домашняя работа. «Неудобно одной съ ребенкомъ-то; начнешь чего дѣлать, а онъ кричитъ, точно руки связаны, ничего не дѣлается. Мужъ не велѣлъ носить: надо, говорить, и имъ въ праздникъ отдохнуть, а я понесла; пожалуйста, ужъ поведите». Часовъ въ 5 приходитъ мужикъ и спрашиваетъ мальчика, оставленнаго бабой; тотъ какъ разъ спалъ, и онъ ушелъ, сказавъ: «Ну, мать сама унесетъ». Видимо, его беспокоило, что ребенка въ праздникъ унесли въ пріютъ, но, видя, что онъ не особенно насъ утруждаетъ, успокоился».

«... Сегодня нѣкоторыя бабы пришли за своими дѣтьми очень рано. На мой вопросъ, почему это, одна женщина отвѣчаетъ: «Что же, развѣ у насъ ужъ и совсѣмъ стыда нѣтъ? Ну, на работу уйдешь, куда ребятъ дѣнешь? Ведешь ихъ къ вамъ, а то сама будешь дома сидѣть, а вы водитесь? Да и люди-то просто засмѣютъ. Мы сегодня молотимъ дома, а вы хоть немного отдохните *); чай, у васъ ужъ и то голова кругомъ. Я вонъ со своими пятерыми-то скружилась, а тутъ шутка ли».

«... Вечеромъ (12 августа) бабы, приходившія за дѣтьми, завели раз-

*) Нѣкоторые же родители и вовсе не пускали дѣтей въ ясли, когда сами работали дома, а не въ полѣ, говоря, что имъ хочется самимъ побыть съ дѣтьми: «Къ вамъ отпустишь и спокоенъ, и знаешь, что имъ хорошо, а почто-то соскучишься безъ нихъ, съ непривычки что ли, — все вмѣстѣ, да вмѣстѣ; да вѣдь и своя кровь, что ни говори» (надз. Мещерякова).

говоръ объ орѣхахъ, которые имъ придется брать въ праздникъ 15 августа, и спрашиваютъ, какъ имъ быть съ ребятами? Оставлять дома не съ кѣмъ; всѣ, кто только можетъ ходить, и старый, и малый, отправляются за орѣхами сами, и водиться никто не возьмется. Я сказала имъ, чтобы приносили въ пріютъ; не бѣда, что праздникъ. Бабы сначала отговаривались, но потомъ очень обрадовались и ушли домой совсѣмъ повеселѣвшія, говоря: «Ну ужъ мы тебѣ за это орѣшковъ принесемъ» (надз. Мещерякова).

Описаніе сцены, произошедшей въ ясляхъ въ день самого сбора орѣховъ, такъ интересно въ бытовомъ отношеніи, что я не могу не привести его здѣсь, хотя оно и не имѣетъ прямого отношенія къ содержанію этой главы.

«Сегодня часовъ около 5 утра — пишетъ надз. Мещерякова, — я была разбужена криками на улицѣ: «Орѣхи брать!» Черезъ нѣсколько минутъ слышится страшный стукъ въ дверь съ улицы. Прислуга также еще не встала и, пока одѣвалась, чтобы отпереть дверь, одинъ крючокъ отъ сильнаго напора оторвался, но дверь еще держалась на другомъ, и кто-то, не переставая, продолжалъ стучать. Черезъ нѣсколько минутъ влетаетъ баба съ ребенкомъ, суетъ его наскоро нянѣ и, сообщивъ, что вмѣсто завтрашняго дня орѣхи берутъ сегодня, стремительно убѣгаетъ. На улицѣ оживленіе, какъ во время пожара. Въ какіе-нибудь полчаса стащили всѣхъ маленькихъ ребятъ изъ деревни; большенькіе еще спали, ихъ привели потомъ, и все населеніе Тоймы устремилось въ орѣшникъ. Часовъ въ 12 дня всѣ возвращались съ котомками, полными орѣховъ. Одна баба, которую я видѣла въ первый разъ, проходя мимо, обращается ко мнѣ: «А что, чай, тебѣ охота орѣховъ-то?» Я отказалась. «Да, нѣтъ, какъ, поди, не охота; вотъ я начищу, такъ принесу тебѣ». Всѣ вообще бабы смотрятъ на то, что я не ходила за орѣхами, какъ на великую жертву съ моей стороны, на какую ни одна изъ нихъ не рѣшилась бы. Тойминская дѣвочка, живущая въ ясляхъ подняней, говорила нянямъ: «Если А. П. не пуститъ меня по орѣхи, я просто не знай, что сдѣлаю».

«... Сегодня у всѣхъ только и разговору, что объ орѣхахъ».

П. Ганзенъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Горнозаводскіе крестьяне во второй половинѣ XVIII в. *).

V.

Увеличеніе податей и повышеніе заработной платы.—Назначеніе вознагражденія за проходъ на заводы. — Свидѣтельства путешественниковъ о положеніи приписныхъ крестьянъ.

Мы видѣли, что горная коммиссія въ замѣчаніяхъ на докладъ генерала Ирмана считала необходимымъ увеличить имъ заработную плату, но еще прежде, чѣмъ это было сдѣлано, были на цѣлый рубль увеличены подати. Сенатскимъ указомъ 1768 г. было предписано съ іюля 1769 г. со всѣхъ крестьянъ, состоящихъ въ казенномъ вѣдомствѣ, сверхъ семигривеннаго подушнаго оклада собирать съ каждой души оброка по 2 руб. въ годъ. Прежде крестьяне платили податей 1 р. 70 к., теперь должны были платить 2 руб. 70 коп. Указъ этотъ относился, конечно, и къ приписнымъ крестьянамъ, что и было подтверждено новымъ указомъ 27 мая 1769 г., составленнымъ весьма нескладно. Въ этомъ указѣ было, между прочимъ, сказано: *«Сей прибавочный въ двурублевый окладъ сборъ до зарабатыванія приписными крестьянами не принадлежитъ»*. Это значитъ, что прибавленный рубль оброчнаго сбора крестьяне не обязаны зарабатывать на заводахъ, но выражено это крайне неясно, и крестьяне могли подумать, что они должны зарабатывать на заводѣ только семигривенный подушный окладъ, что дѣйствительно и случилось, какъ мы увидимъ ниже. Ту же неясность выраженія мы находимъ и въ другомъ мѣстѣ указа: *«Сей же прибавочный сверхъ семигривеннаго подушнаго оклада въ число новоположеннаго въ двурублевый оброчный сборъ приписнымъ къ заводамъ крестьянамъ платить самимъ въ губернскія, провинціальныя и городовыя канцеляріи въ указанные сроки, когда велѣно платить подушныя семигривенныя деньги. А буде кто изъ приписныхъ крестьянъ пожелаетъ и за прибавочный нынѣ въ двурублевый окладъ... зарабатывать на заводахъ, то*

*) *Русская Мысль*, кн. III, 1900 г.,

имъ сіе оставить на волю, однако-жь съ тѣмъ, чтобъ оныя деньги въ надлежащія мѣста вступали въ тѣ же сроки бездомочно». Это значитъ, что только прибавленный указомъ 13 ноября 1768 года рубль крестьяне должны были сами вносить деньгами, хотя по собственному желанію они могутъ и его зарабатывать на заводѣ. Но слова «прибавочный съ двухрублевый оброчный окладъ сборъ» понимались такимъ образомъ: «прибавочный двухрублевый оброчный сборъ», и крестьяне считали себя вправѣ работать только за семигривенный подушный окладъ.

Подтверждая непринятую для приписныхъ крестьянъ вѣсть объ уплатѣ лишняго рубля, указъ 27 мая 1769 г. въ то же время приносилъ имъ извѣстіе о повышеніи заработной платы.

Горная коммиссія еще до увеличенія размѣра оброчныхъ денегъ въ 1768 г. обсуждала уже, какъ мы знаемъ, вопросъ объ увеличеніи платы за трудъ крестьянамъ, приписаннымъ къ заводамъ, и о назначеніи имъ вознагражденія за время, которое они затрачиваютъ на проходъ къ заводамъ. Въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ 30 января 1767 г. она предложила назначить плату лѣтомъ пѣшему работнику по 6 к., конному—по 11 к., зимою пѣшему—по 5 к., конному—по 8 к.; за проходъ къ заводамъ и съ заводовъ къ жилищамъ крестьянъ—по 3 к. въ день, считая проходу на день по 40 верстъ. Докладъ этотъ тогда не былъ утвержденъ, но въ 1769 г. въ докладѣ сената было вновь повторено предложеніе, сдѣланное коммиссіею два года ранѣе, но только пространство, проходимое въ день, назначено было не въ 40, а въ 25 верстъ. Императрица въ своей резолюціи 3 апрѣля 1769 г. увеличила на 1 к. предложенную цифру вознагражденія конному работнику лѣтомъ.

Такимъ образомъ по указу 27 мая 1769 г. пѣшій работникъ долженъ былъ получать лѣтомъ по 6 к., конный—по 12 к., зимою пѣшій—по 5 к., конный—по 8 к. въ день *). Весьма важнымъ нововведеніемъ было также назначеніе приписнымъ крестьянамъ платы за проходъ на заводы и обратно по 3 к. въ день, полагая, что въ день рабочій долженъ пройти 25 верстъ. Деньги за проходъ было предписано платить особо, не зачитая въ подушный окладъ.

Лепехинъ сообщаетъ расчетъ, сдѣланный на основаніи этого новаго положенія полковникомъ Бибиковымъ **), служившимъ по горнозаводской части. Опытомъ дознано,—говоритъ Лепехинъ,—что одинъ человѣкъ кубическую сажень дровъ можетъ нарубить въ пять дней; считая по 6 к. въ день, ему придется получить за сажень 30 к. (прежде онъ получалъ 25 к.). За кучную работу, по расчету Бибикова, теперь слѣдовало платить 4 р. 18½ к., въ томъ числѣ лѣтомъ придется заработать 1 р. 87 к. (т.-е. сдѣлать кладку, дерненіе и осыпку), а зимою — 2 р. 31¼ к. (жженіе, раз-

*) Въ среднемъ выводѣ за 60-е годы прошлаго столѣтія тогдашній рубль равнялся 4 р. нынѣшнимъ.

**) Не слѣдуетъ смѣшивать его съ Александромъ Ильичемъ Бибиковымъ, известнымъ маршаломъ или предводителемъ законодательной коммиссіи.

ломка и конная работа). Но бергъ-коллегія въ 1770 г. нашла расчетъ относительно кучной работы неправильнымъ и, принимая количество дней, установленное по штату 1737 г., сочла, что за клажу въ кучи слѣдуетъ платить за 20 дней 1 р. 20 к., за дерненіе и осыпку—столько же, за жженіе (12 дней)—72 к., за разломку (16 дней)—96 к., да прибавляя за работу лошади въ теченіе 3 дней 18 к., получимъ за жженіе кучи угля въ теченіе 68 дней 4 р. 26 к. *).

Относительно вознагражденія, получаемаго крестьянами за проходъ до заводовъ и обратно возникъ вопросъ, платить ли его только по числу годныхъ къ труду работниковъ или за всѣ ревизскія души. Канцелярія главнаго правленія сибирскихъ, казанскихъ и оренбургскихъ заводовъ полагала, что слѣдуетъ платить за проходъ на заводъ «однимъ годнымъ, потому что негодный въ работу не ходитъ, натурально и за проходъ получить не имѣетъ, буде же крестьяне по своей волѣ или выгодѣ иначе между собою расположатъ и будетъ одинъ на двѣ работы ходить дважды или болѣе, въ томъ хотя ихъ волѣ и предоставляется, однако за то прохожихъ дней получать права не имѣютъ». Но присутствующій въ этой канцеляріи коллежскій ассес. Башмаковъ остался по этому вопросу при особомъ мнѣніи:

„За проходіе дни крестьянамъ плата полагается не за что иное, какъ за трудъ въ пути, а паче и на прокормленіе ихъ, а конному и на прокормъ лошади, слѣдовательно ежели кто пойдетъ работать за одну душу примѣрно за весь подушный окладъ къ рубкѣ дровъ, которыхъ ему надлежитъ по нынѣшнему плакату вырубить, считая по 30 к. за сажень, безъ мала 6 кубическихъ сажень, считая рубку оной въ 5 дней, а всей въ 30 дней, на которое время долженъ онъ для пропитанія своего взять съ собою на покупку хлѣба, соли и крупъ деньги или завезти за собою хлѣбъ натурою. Когда-жъ таковой же работникъ пойдетъ работать за 3, за 4 и за 5 душъ, то онъ долженъ противъ перваго втрое, вчетверо, впятеро взять съ собою денегъ, чего нынѣ рѣдкій имѣть долженъ, или столько завести съ собою пропитанія хлѣбомъ, а прохожихъ денегъ получить столько-жъ, который за одну душу будетъ работать, изъ чего одинъ противъ другого довольную въ заплатѣ восчувствуетъ обиду и разореніе, ибо первый, за одну душу чрезъ 30 дней отработавшись, а за 2—черезъ 60, довольное время можетъ для земледѣлія и пропитанія семейства своего, жены и дѣтей пробить въ дому своемъ, трудаяся непрестанно. Напротивъ того, кто за 4 души и болѣе, то почти цѣлый годъ будетъ въ работѣ и не точію въ одинъ приходъ не сработаетъ всѣ работы, но неминуемо трожды (sic) приходитъ долженъ и совершенно не можетъ имѣть надлежащаго при земледѣльствѣ времени на пропитаніе бѣдныхъ дѣтей своихъ и жены, да и во время бытности на той работѣ вчетверо противъ перваго издержитъ на свое пропитаніе. Къ тому-жъ и изъ году въ годъ бываетъ у многихъ недоработка, потому что сей тяжелой работы иногда зарабатывать не могутъ... И для того, по мнѣнію его, Башмакова, проходія деньги надлежитъ платить работникамъ за каждую душу, за сколько ему заработать будетъ повелѣно, отъ жительства ихъ до заводовъ и обратно до жительства единожды въ годъ, ибо заводчикъ равно съ каждой же души всей къ нему приписки, не обходя убылого, престарѣлаго и малолѣтняго, получаетъ заготовляемые ими всякіе къ заводу его принадлежащіе матеріалы безъ ушченія, во чтобы крестьянъ ни стало..., потому что если подлинно разсмотрѣть, то заводчики на положенный свой капиталъ, кромѣ зѣло рѣдкихъ и такихъ, которые можетъ быть безъ довольнаго разсмотрѣнія построили свои заводы или руды пресѣ-

*) Нѣсколько повышена была также плата за доставку смолы, дегтя и извести.

лись, чего уже дешевою работою не поправятъ, великіе почитаютъ проценты, напротивъ того въ сохраненіе многихъ тысячъ крестьянъ отъ разоренія, которые во обществѣ также есть нужные члены и приносящіе совершенную пользу“, необходимо вознаграждать ихъ за время, употребляемое за проходъ на заводы, считая это вознагражденіе на каждую ревизскую душу. „А хотя напередъ сего до 730 г. сія плата и производилась однимъ годнымъ работникамъ, но тогда съ крестьянъ всѣхъ сборовъ, за которые они зарабатывали“, было гораздо менѣе.

Бергъ-коллегія, представляя этотъ вопросъ на рѣшеніе сената, высказалась за то, чтобы деньги за проходъ на заводы и обратно выдавались «однимъ годнымъ и будущимъ въ пути работникамъ, *не включая* негодныхъ и престарѣлыхъ, за коихъ годный работать долженъ». Если же кто, обязанный работать, почему-либо не можетъ явиться на заводъ, то онъ обязанъ «нанимать и присылать для работы за себя особаго свободнаго челоуѣка, а не такъ, чтобы одинъ за 3-хъ годныхъ къ работамъ душъ нанимаемъ былъ, ибо по числу состоящихъ въ припискѣ душъ вообще годныхъ и негодныхъ къ работамъ крестьянъ каждому годному работнику вдвое и такъ заработать долженствуетъ». Сенатъ утвердилъ мнѣніе бергъ-коллегіи, о чемъ послѣдняя и дала знать подчиненнымъ ей учрежденіямъ указомъ 4 августа 1770 г. Но въ указѣ бергъ-коллегіи, отправленномъ въ канцелярію главнаго заводовъ правленія, вмѣсто словъ — выдавать плату за проходъ «однимъ годнымъ и будущимъ въ пути работникамъ, *не включая* негодныхъ и престарѣлыхъ», — было написано: «*не выключая* негодныхъ и престарѣлыхъ», и вслѣдствіе этого нѣсколько лѣтъ плата за проходъ на заводы, состоявшіе въ вѣдѣніи названной канцеляріи, выдавалась не только годнымъ работникамъ, но по расчету на всѣ ревизскія души. Это было отмѣнено, и истинный смыслъ указа 4 августа 1770 г. восстановленъ только указомъ бергъ-коллегіи 1776 г.

Вслѣдствіе введенія платы за проходъ на заводы и обратно, Евд. Демидовъ заявилъ, что онъ платилъ приписаннымъ къ его Авзяно-Петровскому заводу крестьянамъ плату въ 1½ раза болѣе прежняго плаката, теперь же онъ не находитъ нужнымъ давать имъ увеличенную плату въ виду назначенія вознагражденія за проходъ. Сенатъ, до котораго доходило это дѣло, постановилъ, что отъ Демидова совершенно зависитъ давать крестьянамъ плату большую, чѣмъ назначенная правительствомъ, или не давать.

Итакъ, съ 1769 г. горнозаводскіе крестьяне получали большую плату, но зато и податей платили на цѣлый рубль больше. Правда, прибавочный рубль крестьяне могли и не зарабатывать на заводахъ, а уплачивать деньгами, но такъ какъ въ глухихъ захолустяхъ восточныхъ губерній Европейской Россіи и Сибири, гдѣ преимущественно жили приписные, представлялось мало другихъ заработковъ, то нѣкоторымъ, быть можетъ, приходилось отслуживать этотъ злополучный рубль на томъ же заводѣ. Во всякомъ случаѣ важно то, что крестьяне *обязаны* были теперь менѣе времени проводить на заводской работѣ. Тѣмъ не менѣе, положеніе приписныхъ крестьянъ оставалось еще очень тяжелымъ, да имъ и невозможно было быстро оправиться послѣ того, какъ они были въ конецъ разорены прежними поряд-

ками. Это ясно видно изъ положительныхъ и безпристрастныхъ свидѣтельствъ академиковъ, путешествовавшихъ по Россіи въ 1769—1772 гг.

Въ 1768 г. Лепехинъ пріѣхалъ въ село Матюшкино, лежащее близъ Симбирска. Тутъ «примѣтили мы,—говорить онъ,—многія крестьянскія хижины безъ всякаго пріюту и почти совсѣмъ опустошенныя, и какъ мы разспрашивали о причинѣ сего опустошенія, въ отвѣтъ получили, что они ежегодно изъ своего села должны высылать часть своихъ поселенъ въ Уралъ на заводскую работу и отъ того пришли въ убожество и разореніе». Въ 1771 г., слѣдовательно уже черезъ два года послѣ введенія новаго положенія, Лепехинъ пріѣхалъ въ слободу Туринскую (въ Сибирь, близъ р. Туры, къ югу отъ г. Туринска). Здѣсь «съ самаго пріѣзду,—говоритъ Лепехинъ,—великое можно было видѣть различіе отъ другихъ крестьянъ; всякъ показывалъ смутное лицо, отменно былъ подобострастенъ, и все ихъ сельское домостроительство было въ разстройкѣ: не видно на ихъ поляхъ такого раченія, какъ у другихъ крестьянъ, многія пашни стояли запущены и обросшія волчецомъ, да и хижины ихъ почти совсѣмъ развалилися отъ ветхости и худого присмотру. Въ такое состояніе привелъ ихъ жребій, возложившій на нихъ заводскую работу, а отдаленность завода въ большее ихъ привела убожество противу другихъ крестьянъ, тому же жребію подверженныхъ». Черезъ нѣсколько дней Лепехинъ пріѣхалъ въ село Өомино, выстроенное надъ р. Тагиломъ. «Худо хиженыя дома, унылые и обветшалые жители довольно доказывали разность между собою и своими сосѣдями, которые, наслаждаясь вольностію, болѣе прилежали къ пашнѣ, а сіи были приписные къ Кушвинскому заводу» (изъ числа Гороблагодатскихъ). Н. Рычковъ говоритъ о Соликамскомъ уѣздѣ, гдѣ онъ былъ въ 1770 г.: «земледѣльцы не могутъ пропитаться собственнымъ хлѣбомъ. Сіе не столько отъ посредственнаго плодородія ихъ земель, но больше оттого, что обитатели сея области почти всѣ къ заводамъ приписные крестьяне; а потому большая часть изъ нихъ, упражнены будучи заводскими работами, не имѣютъ довольно времени къ распространенію своего хлѣбопашества. Ибо въ тотъ часъ, когда руки земледѣльцевъ должны обрабатывать свои земли и пользоваться плодами, отъ нея произрастаемыми, принуждены они идти на заводы, находящіеся отъ нихъ весьма въ дальномъ разстояніи, каковы суть заводы верхотурскаго купца Походяшина, лежащіе въ 500 верстахъ отъ тѣхъ селеній, кои къ нимъ приписаны, и еще въ такихъ мѣстахъ, куда и пѣшимъ съ великимъ трудомъ пройти возможно по причинѣ чрезъ мѣру болотистыхъ и лѣсистыхъ мѣстъ. Итакъ, большую часть времени должны приписные крестьяне употреблять отчасти въ заводскія работы, отчасти-жъ въ дороги, проходя столь далекое и неудобопроходимое разстояніе, лишашее ихъ не только плодовъ своей земли, но и самаго здѣловья, ибо, идучи болотистыми мѣстами, рѣдкій изъ нихъ возвращается, не получа цынготную болѣзнь» *).

Приведемъ еще одно мѣсто изъ записокъ Лепехина. Въ

*) То же самое говоритъ академикъ Палласъ о крестьянахъ Чердынскаго уѣзда, приписанныхъ къ Петропавловскому заводу Походяшина.

1771 г. онъ пріѣхалъ въ деревню Селище (въ нынѣшнемъ Чердынскомъ уѣздѣ, Пермской губ.), населенную новокрещенными пермяками; онъ засталъ въ ней одного дряхлаго старика, «а прочіе всѣ были на принужденномъ промыслѣ. Промыселъ сей состоялъ въ добываніи рудъ и отправленіи прочихъ заводскихъ работъ на походяшинскихъ заводахъ... Безмолвные сіи агнцы почти безвыходно на упомянутыхъ работаютъ заводахъ, какъ по отдаленію оныхъ, такъ и по набожнымъ расчетамъ... Хотя заводчикъ во всѣхъ ихъ нуждахъ не оставляетъ, надѣляетъ ихъ зипунами, обувью и рукавицами, выдаетъ по 2 пуда муки на мѣсяцъ, по 1 п. крупъ и довольно количество соли, однако не забываетъ вычитать у нихъ изъ заработныхъ денегъ по 22 к. муки,—по 40 крупы за каждый пудъ... 325 верстъ заболѣвшему челоѣку перейти трудновато, то сей набожный заводчикъ дозволяетъ больнымъ быть въ заводской больницѣ; а когда выздоровѣтъ, тогда за хлѣбъ да за соль пермячокъ поработать долженъ. Такіе несчастные люди нерѣдко года по два домовъ своихъ не знаютъ, а бѣдныхъ ихъ бабы, посѣявъ хлѣбецъ и сжавъ, возятъ на базаръ, чтобъ остальную мужней души окупить часть. Бѣдность до того ихъ довела, что они принуждены большую часть своего вѣку довольствоваться пихтовою корой, которую они, истолокши въ ступѣ и просѣявъ, примѣшиваютъ малое число ржаной муки и пекутъ лепешечки». Вотъ до какой степени разоряла крестьянъ работа на заводахъ.

Кромѣ приведенныхъ свидѣтельствъ Лепехина и Рычкова, мы находимъ у путешественниковъ екатерининскаго времени и другія указанія на то, какія громадныя разстоянія должны были проходить крестьяне до тѣхъ заводовъ, къ которымъ они были приписаны. Такъ въ 1773 г. Палласъ пріѣхалъ въ деревню Шильна, лежащую въ 6 верстахъ отъ р. Камы (въ нынѣшней Уфимской губерніи, Мензелинскаго уѣзда). «Жители этой деревни,—говоритъ онъ,—должны работать на Авзяно-Петровскомъ и прочихъ Демидовскихъ заводахъ на р. Бѣлой по ту сторону Урала, куда крестьяне съ немалымъ для себя отягощеніемъ и потерю времени должны отправляться болѣе чѣмъ за 600 верстъ по дурной горной дорогѣ; они раздѣляютъ эту тяжесть съ 5,000 другихъ крестьянъ Казанскаго уѣзда, приписанными къ этому заводу; изъ нихъ нѣкоторые живутъ еще далѣе внизъ по Камѣ и изрядную часть года проводятъ какъ въ ѣздѣ туда и назадъ, такъ и въ работахъ на заводахъ». Крестьяне, приписанные къ Аннинскому заводу гр. Чернышева, жили по р. Камѣ, и нѣкоторые изъ нихъ должны были проходить на заводъ 500 верстъ. Тамъ, гдѣ крестьянамъ не приходилось странствовать на заводъ по нѣсколько сотъ верстъ, ихъ положеніе было лучше, какъ это видно, наприм., изъ слѣдующихъ словъ Лепехина: «Юскѣвскій погостъ *), съ принадлежащими къ нему деревнями приписанъ къ Пыскорскому заводу; однако, несмотря на всѣ заводскія тягости, такой бѣдности, какова въ деревнѣ Селищѣ примѣчена»

*) Въ Чердынскомъ уѣздѣ.

(см. выше), «у нихъ не видно; сіе происходитъ отъ лучшаго работъ распорядженія и отъ заводскаго сосѣдства, гдѣ мужики исподволь положенную на нихъ тягость исправлять могутъ и имѣютъ время, чтобы не запустить и домашній свой обиходъ. Почему желать надобно,—«продолжаетъ Лепехинъ,—чтобы въ сей пунктъ вошли у насъ пообстоятельнѣе, и за нѣсколько сотъ верстъ отъ заводовъ живущихъ мужиковъ не приписывали къ заводамъ».

Но, конечно, одной близости приписного селенія къ заводу было недостаточно для благосостоянія его жителей; даже и при малой затратѣ времени на проходъ работы могли быть такъ тяжелы, что поглощали почти все время крестьянъ. Примѣромъ этого можетъ служить деревня Косой Бродъ, приписанная къ Полевскимъ и Сысертскимъ заводамъ *). Несмотря на незначительное разстояніе ея отъ заводовъ, жители ея, какъ говоритъ Палласъ, посѣтившій ее въ 1770 г. «въ теченіе всего года такъ обременены заводскою работою, что у нихъ находятъ лишь нѣкоторые слѣды земледѣлія».

Наконецъ, приведемъ свидѣтельство еще одного ученаго современника. Кн. М. М. Щербатовъ въ своей «Статистикѣ въ разсужденіи Россіи» говоритъ между прочимъ объ Оренбургской губ.: «Всѣ волости, тамъ населенныя, были государевы» (т.-е. государственныя), «которыя, по заведеніи заводовъ, къ разнымъ заводамъ приписаны были по числу домовъ и молотовъ по приписка сія учинена была не по близости и способности волостей, но приписывались тѣ, которыя не могли откупиться или за которыя заводчики болѣе денегъ давали и, наконецъ, которыя управители заводовъ хотѣли, изъ чего произошло, когда большая часть волостей стали къ заводамъ приписаны, что часто отъ близости одного завода къ другому по 700 в.; работники должны ходить работать. Тщетно на сіе сказать, что сдѣланъ плакатъ, который ограничиваетъ волю заводчиковъ: онъ болѣе въ пользу ихъ, нежели въ пользу крестьянскую сдѣланъ **). Самое обиліе минераловъ и представляющійся видъ скорого обогащенія склонилъ заводчиковъ не по размѣру числа приписанныхъ къ заводу людей, но по размѣру жадности ихъ къ корысти заводы умножать. А дабы имѣть на заводѣ работниковъ, то, презирая челоуѣколюбіе и презирая всѣ установленные плакаты, всякими способами къ работѣ приписанныхъ къ заводу крестьянъ принудить тшатся». Вслѣдствіе этого, а также и дальней ходьбы на заводы «крестьяне приходятъ въ совершенную бѣдность, не толико размножаются, коль бы безъ того могли, а земледѣліе ослабѣваетъ, такъ что тучная земля сея губерніи во многихъ мѣстахъ не обработана остается». Щербатовъ признаетъ необходимость изданія такихъ узаконеній, «гдѣ-бъ благоденствіе заводчиковъ сравнено было съ благоденствіемъ крестьянскимъ».

Однако правительство не только не рѣшалось отписать приписныхъ

*) Екатеринбургскаго уѣзда.

**) Писано въ 1776—1777 гг.

крестьянъ отъ заводовъ, но даже не пользовалось случаемъ избавить ихъ отъ заводскихъ работъ, когда представлялся къ тому удобный случай. Такъ въ 1769 г. истекъ 10-лѣтній срокъ, на который крестьяне были приписаны къ заводу Походяшина; но императрица, «въ разсужденіи имъ оказаннаго усердія къ казенному интересу», продлила этотъ срокъ еще на 5 лѣтъ. Неудивительно, что приписные крестьяне представляли весьма удобный элементъ для волненій.

VI.

Крестьяне, взятые на заводы.—Выборныя власти крестьянъ.—Манифестъ 21 мая 1779 г.—Волненіе на Авзяно-Петровскомъ заводѣ Демидова.—Истязанія на заводахъ Походяшина.—Запрещеніе заводчикамъ самимъ наказывать приписныхъ.—Донесеніе Волкова сенату въ 1792 г.

Неоднократныя волненія приписныхъ крестьянъ на Уралѣ послѣ 1760 года завершились однимъ огромнымъ возстаніемъ, охватившимъ весь юго-востокъ Европейской Россіи,—пугачевщиною. Въ этомъ сложномъ явленіи историкъ различаетъ много дѣйствующихъ силъ: тутъ мы видимъ и япцыхъ (уральскихъ) казаковъ, раздраженныхъ ограниченіемъ ихъ самоуправленія, и раскольниковъ, страдающихъ отъ гоненій за вѣру, и, наконецъ, инородцевъ, не разъ уже возстававшихъ противъ русскаго господства. Но, конечно, главный контингентъ для полчищъ Пугачева дали крестьяне, и между ними болѣе всего—въ Приуральскомъ краѣ горнозаводскіе, въ Поволжьѣ—крѣпостные.

Среди горнозаводскихъ крестьянъ было только подавлено, но не уничтожено неудовольствіе, которое они такъ часто заявляли то волненіемъ, охватывавшимъ весь Приуральскій край, то мѣстными беспорядками. Если масса этихъ крестьянъ и не была особенно дѣятельна, то все же среди нихъ находилось много людей, принимавшихъ горячее участіе въ прежнихъ возстаніяхъ, и по наказаніи плетью или батогами, оставленныхъ на прежнемъ мѣстѣ жительства. Понятно, что они должны были схватиться за прекрасный случай, какой представила пугачевщина, отомстить за вынесенныя ими истязанія; они повліяли на своихъ товарищей, и горнозаводскіе крестьяне возстали противъ порядка, такимъ ужаснымъ гнетомъ тяготѣвшего надъ ними. Но участіе горнозаводскихъ крестьянъ въ пугачевщинѣ удобнѣе разсматривать одновременно съ другими элементами этого народнаго движенія, и потому мы не будемъ говорить здѣсь о немъ.

Въ 1775 г. произошло волненіе на Авзяно-Петровскомъ желѣзодѣлательномъ заводѣ Демидова, усмирненное военною силой. Не знаемъ, до или послѣ волненія на заводѣ былъ слѣдующій случай (возможно даже, что онъ подалъ къ нему поводъ). Въ ноябрѣ 1775 г. на нижнемъ Авзяно-Петровскомъ заводѣ посланный съ указами въ одну изъ волостей казакъ Тангинъ сталъ говорить приписнымъ къ заводамъ крестьянамъ: «Молитесь вы Богу, вамъ не быть подъ заводами, а Демидовъ вашъ взятъ закованный

въ желѣза и за карауломъ отправленъ къ гр. П. И. Панину въ слѣдствіе *). Оттуда Тангинъ проѣхалъ на Качинскій заводъ, минуя поставленный караулъ, и на свадьбѣ у одного приписного крестьянина сказалъ: «Я ѣду къ старшинамъ» (инородцевъ) «съ указами, а объ васъ читали въ Табынскѣ на базарѣ указъ, что вамъ не быть подъ заводомъ, и завтра пріѣдетъ къ вамъ нашъ табынскій писарь и съ нимъ двое казаковъ съ указомъ же опредѣлить васъ на линію въ казаки, а за Демидовымъ вашимъ пріѣхали въ Уфу изъ Казани 6 человекъ гренадеръ, и заковавъ въ желѣза, увезли въ Казань». Тангинъ былъ арестованъ и заявилъ находящемуся съ военною командой на Авзяно-Петровскомъ заводѣ поручику, что говорилъ все это въ пьяномъ видѣ. Оренбургскій губернаторъ Рейнсдорпъ въ мартѣ 1776 г. велѣлъ наказать Тангина плетью на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ чинилъ свои «вымышленныя разглашенія».

Но и пугачевщина не убѣдила правительство, что паліативныхъ мѣръ относительно приписныхъ крестьянъ недостаточно, что нужно подумать о коренномъ измѣненіи ихъ быта **). Коммиссія о горныхъ заводахъ, учрежденная въ 1765 г. все еще существовала, но кромѣ нѣкотораго повышенія рабочей платы крестьянамъ, мы не находимъ другихъ слѣдовъ ея дѣятельности. Даже и послѣ пугачевщины сенатъ былъ не прочь увеличивать число приписныхъ, но императрица рѣшилась этого не дѣлать. Съ другой стороны однако не удовлетворялись просьбы тѣхъ крестьянъ, которые просили отписать ихъ отъ заводовъ.

Въ 1776 г. крестьяне Чердынскаго уѣзда, приписанные къ Аннинскому мѣдиплавильному заводу, били челомъ о томъ, чтобы, въ виду отдаленности ихъ селеній отъ заводовъ, ихъ освободили отъ заводскихъ работъ и вмѣсто нихъ приписали другихъ, а также зачли бы въ рекруты взятыхъ изъ нихъ на заводы въ ученики ***)) и выдали бы заработанныя за нихъ деньги. Сенатъ отказалъ имъ въ этой просьбѣ, что же касается до взятыхъ изъ числа приписныхъ крестьянъ въ горнозаводскіе служители «безповоротно», то такъ какъ «оставшіеся тѣхъ волостей, изъ которыхъ оныя взяты, крестьяне уже болѣе отъ нихъ никакой ни въ отработываніи заводскихъ работъ, ниже въ платежѣ государственныхъ податей помощи не имѣютъ», то сенатъ приказалъ, исключивъ ихъ изъ числа крестьянъ, считать горными заводскими служителями и за нихъ до будущей ревизіи какъ подушныя деньги, такъ и всякія государственныя подати платить изъ заводской суммы. Очевидно, просьба крестьянъ, чтобы эти взятые въ посто-

*) П. И. Панину, какъ извѣстно, было поручено окончательное усмиреніе пугачевского бунта и разслѣдованіе этого дѣла.

**) Крестьяне, приписанные къ Верхъ-Исетскому заводу и отличившіеся особеннымъ усердіемъ въ дѣйствіяхъ противъ пугачевскихъ шаекъ, хлопотали о томъ, чтобы ихъ отписали отъ этого завода, принадлежащаго частному лицу, и приписали къ казеннымъ екатеринбургскимъ заводамъ.

***)) Ср. въ моей книгѣ „Крестьяне въ царствованіе импер. Екатерины II“, т. I, стр. 437.

инные заводскіе служители были зачтены имъ въ рекруты, оставлена была безъ послѣдствій.

Черезъ три года, въ 1779 г. крестьяне Соликамскаго и Чердынскаго уѣздовъ, приписанные къ Аннинскому и Юговскимъ заводамъ, подали новую челобитную, въ которой заявили, что изъ Соликамскаго и Чердынскаго уѣздовъ взято на заводы въ ученики 406 душъ, за которыхъ подушныхъ денегъ съ 1763 г. по 1768 г. слѣдуетъ взыскать 14,159 руб. Крестьяне хлопотали о томъ, чтобы эти деньги были зачтены имъ въ уплату недоимокъ, но не добились исполненія своей просьбы. Кромѣ того они указывали въ своей челобитной, что въ Казанской губерніи есть экономическіе крестьяне и вотяки, не приписанные къ заводамъ, которыхъ можно было бы приписать, а всѣхъ крестьянъ Соликамскаго и Чердынскаго уѣздовъ отписать отъ Аннинскаго и двухъ Юговскихъ заводовъ, освободить отъ заводскихъ работъ навсегда и употреблять ихъ для построенія судовъ, для сплава соли и для поставки на варку соли дровъ и лѣсныхъ припасовъ. Сенатъ вновь отказалъ въ просьбѣ объ отпискѣ отъ заводовъ, а относительно взятыхъ изъ крестьянъ на заводы въ мастеровые предписалъ, что если они еще не исключены изъ числа крестьянъ и подушныхъ денегъ и другихъ податей за нихъ изъ заводской суммы не платится, то въ такомъ случаѣ исполнить все предписанное сенатскимъ указомъ 1776 года. Оказалось, что причисленные къ Аннинскимъ заводамъ изъ числа крестьянъ исключены, но вмѣстѣ съ ними были взяты на Юговскіе заводы въ мастерства изъ крестьянъ Кунгурскаго уѣзда 204 человѣка, которыхъ съ рожденными послѣ того дѣтьми было 318 человѣкъ; сенатъ велѣлъ и ихъ исключить изъ числа крестьянъ и всякія подати за нихъ платить до будущей ревизіи изъ заводской суммы.

Въ 1776 г. екатеринбургская контора судныхъ и земскихъ дѣлъ нашла нужнымъ точнѣе распредѣлить обязанности старостъ, выбираемыхъ крестьянами, приписанными къ заводамъ. На нихъ уже ранѣе были возложены очень разнообразныя обязанности: раскладываніе между крестьянами заводскихъ работъ и высылка на нихъ, сборъ подушныхъ и другихъ денегъ, судъ и расправа между крестьянами въ ихъ ссорахъ, присмотръ за тѣмъ, нѣтъ ли какихъ воровъ и разбойниковъ, бѣглыхъ, безпаспортныхъ, а также падежа скота и т. п. Контора судныхъ и земскихъ дѣлъ нашла, что вслѣдствіе трудности обязанностей старостъ, они не могутъ исполнять ихъ какъ слѣдуетъ, особенно же происходитъ задержка во взысканіи подушныхъ и оброчныхъ денегъ, которыхъ они никогда не могутъ взыскать въ назначенные сроки, такъ какъ имъ приходится отправляться на заводы какъ для отвода крестьянъ на работу, такъ и по другимъ случаямъ, гдѣ они и проводятъ немалое время. Вслѣдствіе этого на приписныхъ крестьянахъ накапливается недоимка, которой на нихъ всего кромѣ приписанныхъ къ Гороблагодатскимъ заводамъ, числится 192,680 руб. Вслѣдствіе этого екатеринбургская контора судныхъ и земскихъ дѣлъ приказала послать указы во всѣ приписныя къ заводамъ слободы, чтобы въ нихъ, на основаніи учрежденія

ки. Вяземскаго 9 апрѣля 1763 г., были выбраны на 1777 г. старосты, сотвики и писчики въ большихъ селеніяхъ по 3, а въ меньшихъ по 2 чел. немедленно, затѣмъ выбирать ихъ и въ будущіе годы, и того старосту, сотника и писчика, которые должны быть при сборѣ податей и управленіи «всѣхъ мірскихъ надобностей», нигуда не отлучать, а наблюденія за исправнымъ исполненіемъ работъ требовать отъ тѣхъ, которые будутъ выбраны именно для этой цѣли. Эти послѣдніе должны будутъ раскладывать на крестьянъ заводскія работы, высылать ихъ на заводы и, получая изъ заводскихъ конторъ плату, распределять ее между крестьянами. Раскладку подушныхъ денегъ и заводскихъ работъ они должны были производить «по самой справедливости, одного не отягощая, а другого не облегчая, но на каждаго по могуществу, семейству и по прожитку, несмотря ни на кого, т.-е. богатаго не обходя, а маломощнаго не притѣсяя, а паче называемыхъ въ слободахъ горлановъ ничѣмъ не щадить, но на всѣхъ равно, и для того окладчиковъ выбирать всѣмъ міромъ самыхъ справедливыхъ и прожиточныхъ и по выборѣ приводить къ присягѣ, дабы въ случаѣ несправедливаго на кого раскладка можно было бы все то взыскать съ нихъ и заводскую работу исправить имъ же, а сверхъ того за поновровку и безъ наказанія не останутся, чего тебѣ старостѣ за ними накрѣпко смотрѣть и самому къ тому отнюдь не приступать подъ опасеніемъ же жесточайшаго штрафа, буде-жь паче чаянія окажутся таковыя, т.-е. престарѣлыя, немощныя и совсѣмъ къ платежу неимущіе, на таковыхъ раскладу никакого не чинить, а на основаніи именного указа, состоявшагося въ 1742 г., ихъ души располагать на все крестьянство, смотря каждаго по могуществу и по владѣнію угодій, и кто тѣхъ неимущихъ земляными участками владѣютъ, дабы ни отъ кого никакихъ болѣе скуда жалобъ не происходило».

Наконецъ, 21 мая 1779 г. появился манифестъ, хотя и не измѣнившій радикально положенія приписныхъ, но давшій имъ значительныя облегченія. По этому закону: 1) Крестьяне казеннаго вѣдомства, приписанные къ казеннымъ и частнымъ заводамъ, должны были исполнять слѣдующія заводскія работы: рубить куренные дрова, разламывать кучи и возить изъ куреней на заводы уголь *), рубить дрова для обжого флюсовъ **), возить съ рудниковъ на заводы добытую руду, а также песокъ и всякіе флюсы, нужные для проплавки рудъ, наконецъ, строить и чинить плотины, но только въ томъ случаѣ, когда они будутъ повреждены наводненіемъ или пожаромъ ***). 2) Требовать иныхъ работъ отъ приписныхъ крестьянъ запрещалось подъ опасеніемъ штрафа, добровольно же наниматься крестьянамъ

*) Слѣдовательно, крестьяне были избавлены отъ кладки кучъ и жженія угля. Работы эти стали на уральскихъ заводахъ производить по большей части вольнымъ наймомъ, нанимая обыкновенно для этого тѣхъ же приписныхъ крестьянъ и платя съ кучи по 10—15 руб.

**) Вещества, облегчающія плавку рудъ.

***) Прежде приписные употреблялись и на другія работы.

было дозволено. 3) Работы были распределены слѣдующимъ образомъ: а) къ рубкѣ дровъ предписано было наряжать крестьянъ, *даже живущихъ отъ заводовъ*, чтобы они, будучи свободны отъ конныхъ работъ, не имѣли нужды приводить съ собою лошадей, кромѣ тѣхъ, на которыхъ они привезутъ припасы, нужные имъ для прокормленія; б) къ рубкѣ дровъ крестьяне должны были являться къ 15 февраля, а ранѣе на эту работу ихъ посылать не слѣдовало; домой имъ возвращаться къ 20 апрѣля, а позже на работѣ не удерживать; в) для возки выжженного изъ кучи угля, а также рудъ и флюсовъ наряжать тѣхъ крестьянъ, которые живутъ *ближе другихъ къ заводамъ*, по первому зимнему пути, а ранѣе не высылать; домой имъ возвращаться послѣднимъ зимнимъ путемъ. 4) Плата была увеличена вдвое противъ того, что крестьяне получали ея началѣ царствованія имп. Екатерины II, а именно: въ лѣтніе дни конный работникъ долженъ былъ получать 20 к., пѣшій 10 к., въ зимніе—конный 12 к., пѣшій 8 к. Зарабатывать они должны были попрежнему по 1 р. 70 к. съ души, а остальной рубль вносить деньгами. 5) Кто будетъ принуждать крестьянъ исполнять недозволенную этимъ манифестомъ работу, заставляя работать ранѣе или позже положеннаго срока или же требовать, чтобы они зарабатывали болѣе, чѣмъ по 1 р. 70 к. съ души, съ тѣхъ въ пользу обиженнаго взыскивать за излишніе дни плату вдвое противъ положенія. Въ заключеніи манифеста было сказано, что это учрежденіе распространяется и на тѣ заводы, которые находятся подъ управленіемъ Кабинета.

Этотъ законъ облегчилъ положеніе приписныхъ крестьянъ не только тѣмъ, что значительно увеличилъ плату за трудъ, но также точнымъ опредѣленіемъ тѣхъ работъ, на которыя они могли быть наряжаемы. Впрочемъ повышение платы оставалось важнымъ факторомъ лишь до тѣхъ поръ, пока не повышались подати, въ противномъ случаѣ оно могло оказаться совершенно фиктивнымъ; между тѣмъ не прошло со времени изданія этого манифеста и 4-хъ лѣтъ, какъ подати были значительно повышены.

Бергъ-коллегія произвела расчетъ, что за вновь установленную двойную плату крестьянинъ при рубкѣ дровъ за 1 р. 70 к. вмѣсто прежнихъ 7 долженъ поставить $3\frac{7}{9}$ сажени съ платою за каждую сажень по среднему выводу зимней и лѣтней платы по 45 к., во сколько бы дней онъ ни вырубилъ эту сажень. Бергъ-коллегія опредѣлила также, чтобы при возкѣ руды, угля и флюсовъ, въ виду гористыхъ и дурныхъ дорогъ и малосильности крестьянскихъ лошадей, класть въ зимнее время на возъ вмѣсто 25, какъ было прежде, по 20 пудовъ, а въ лѣтнее, весеннее и осеннее время, если заводская плотина будетъ требовать починки, класть лѣтомъ по 15, а весною и осенью по 10 пудовъ. Сенатъ указомъ 8 іюля 1780 г. утвердилъ оба эти постановленія, что же касается платы за провозъ, то такъ какъ плакатомъ 26 іюня 1724 г. было установлено за уѣздныя подводы платить на каждую лошадь зимою по $\frac{1}{2}$ к., а лѣтомъ по 1 к., манифестомъ же 21 мая 1779 г. плата приписнымъ крестьянамъ была повышена вообще вдвое противъ стараго плаката, то сенатъ опредѣлилъ,

чтобы крестьянамъ платили за провозъ клады зимою по 1 к., а лѣтомъ по 2 к. съ версты.

Когда сенатскій указъ 8 іюля 1780 г. былъ объявленъ крестьянамъ, приписаннымъ къ Авзяно-Петровскому заводу Демидова, то они не согласились дать подписку въ исполненіи его даже и послѣ того, какъ въ ихъ селеніяхъ были расположены 2 роты Селенгинскаго пѣхотнаго полка, и во многихъ селеніяхъ не приняли сдѣланныхъ мірскими выборными раскладокъ, сколько на основаніи манифеста 21 мая 1779 г. они должны выставить рабочихъ для возки руды и рубки дровъ, говоря при томъ, что они обязаны работать по манифесту за положенную поденную плату, а не по расчисленію. Въ село Котловку пріѣхалъ губернаторскій товарищъ и сталъ перекликать по порядку сотниковъ, выборныхъ и первостатейныхъ крестьянъ, и когда было упомянуто имя выборнаго Краснова, то крестьянинъ Логутовъ, показывая на затылокъ, сказалъ: «Красновъ и Демидовъ тутъ у всѣхъ у насъ сидятъ». Когда послѣ объясненія указа одинъ выборный далъ было подписку въ его исполненіи, то крестьяне стали шептаться, и одинъ изъ нихъ Семеновъ, а также и Логутовъ закричали, что они не подпишутся и остальныхъ не допустятъ; ихъ поддержали и другіе, утверждая, что урокъ, опредѣленный сенатскимъ указомъ 8 іюля 1780 г. не соотвѣтствуетъ установленной въ манифестѣ 21 мая 1779 г. поденной платѣ. Семеновъ, надѣвъ шляпу, кричалъ, чтобы не слушались губернаторскаго товарища и шли за нимъ. Чѣловѣкъ 50 выбѣжало со двора, а остальныхъ удержали только тѣмъ, что затворены были ворота, но дать подписку они все-таки отказались и продолжали кричать, подстрекая къ тому и малолѣтнихъ, а на другой день явились только 8 чел. Тогда арестованы были 61 чел. выборныхъ, старостъ и сотскихъ и отвезены въ Казань. Позднѣе крестьяне приняли раскладку, сдѣланную выборными, и стали готовиться къ отправленію на заводъ, крестьянинъ же Семеновъ, подговаривавшій другихъ къ неповиновенію, скрылся.

Кн. Мещерскій, исправлявшій должность генералъ-губернатора симбирскаго и казанскаго, приказалъ изъ числа арестантовъ, привезенныхъ въ Казань, 15 чел. (въ томъ числѣ крестьянина Логутова) заковать и держать при губернской канцеляріи, а остальныхъ 46 по надлежащемъ наставленіи распустить по домамъ. Крестьяне подали было чрезъ выборнаго Баженова донесеніе, что ихъ товарищи забраны въ Казань безвинно, но кн. Мещерскій приказалъ наказать Баженова плетью и отпустить домой. Командиру команды изъ двухъ ротъ солдатъ, все еще остававшейся въ селеніяхъ крестьянъ, приписанныхъ къ Авзяно-Петровскому заводу, было приказано, если бы гдѣ вновь обнаружилось неповиновеніе, наказывать наиболѣе упорныхъ плетью и ставить въ ихъ домахъ на постой солдатъ, пока крестьяне не раскаются *).

*) Сенатъ 19 января 1781 г. приказалъ изъ 15-ти арестованныхъ крестьянъ — трехъ наиболѣе виновныхъ, а если они всѣ одинаково повинны, то по жребію нака-

Въ манифестѣ 21 мая 1779 г. можно указать весьма важный пробѣлъ: въ немъ ничего не было сказано о томъ, могутъ ли управляющіе и приказчики на заводахъ наказывать приписныхъ крестьянъ. Рѣшенія по этому вопросу кн. Вяземскаго недостаточно категоричны, но, обыкновенно кара за чрезмѣрную жестокость въ этихъ наказаніяхъ, въ принципѣ онъ признавалъ, право на нихъ заводскихъ управителей. А что разъясненіе этого вопроса законодательнымъ путемъ было крайне необходимо, можно видѣть изъ слѣдующаго случая.

Въ маѣ 1775 г. съ Богословскаго завода Походяшина бѣжало 7 приписныхъ и 10 чел. крѣпостныхъ крестьянъ. Въ отвѣтъ на донесеніе объ этомъ домовая контора заводчика Походяшина послала ордеръ въ богословскую заводскую контору, въ которомъ извѣщала, что будетъ присланъ нарочный для допроса тѣхъ обывателей, у кого бѣглецы квартировали, такъ какъ они не могли не видѣть, когда бѣжавшіе уходили отъ нихъ и что виновные въ недонесеніи будутъ въ страхъ другимъ наказаны при собраніи. Здѣсь же находимъ еще одно предписаніе, относящееся, какъ видно, къ крестьянамъ, ранѣе бѣжавшимъ и уже пойманнымъ: «содержащихся понынѣ въ желѣзахъ и употребляемыхъ въ легкія только работы, пойманныхъ изъ бѣговъ, собственныхъ людей и приписныхъ крестьянъ, оставя тѣлесное наказаніе *), а обривъ всѣмъ имъ головы, употреблять въ пристойныхъ работахъ, отдавъ подъ крѣпкое надзираніе нарядчикамъ и разстановивъ по разнымъ квартирамъ по одному человѣку, приказать хозяйкамъ настраивать за ними присматривать, и если хотя чуть что подозрительное въ ихъ намѣреніи и словахъ усмотрѣно будетъ, тотчасъ же вѣдѣть въ контору о томъ давать знать».

Вслѣдъ затѣмъ повѣренный Походяшина Дрожжинъ донесъ, что виновными въ подговорѣ къ бѣгству оказались нѣкоторые приписные крестьяне. Въ отвѣтъ на это данъ былъ черезъ нѣсколько дней ордеръ изъ домовой конторы Походяшина (1 іюня 1775 г.), въ которомъ предписывалось: «хотя оныя злонамѣренные предводители сюда и отправлены, но еще не далеко отошли, то, повернувъ ихъ, сдѣлать имъ при собраніи всѣхъ становъ выборныхъ за подговариваніе къ побѣгу собственныхъ людей и предводительство ихъ жестокое розгами наказаніе и, обривъ ихъ, скованныхъ употреблять на тягчайшія заводскія работы и потомъ каждую субботу подновлять имъ при собраніи-жъ и розгами-жъ наказаніе, чтобъ впредь не повадно было никому таковыхъ продерзостей чинить». Ордеръ былъ подписанъ полковни-

затъ кнутомъ, а остальныхъ виновныхъ высѣчь кнутомъ, а „главнаго возмутителя“, крестьянина Семенова, когда онъ будетъ разысканъ, нещадно наказать кнутомъ на мѣстѣ преступленія и, вырѣзавъ ноздри и поставивъ знаки на лицѣ, сослать въ ссылку.—Въ 1780 г. начальникъ Гороблагодатскихъ и Камскихъ заводовъ Оболяниновъ за нарядъ крестьянъ на недозволенные по манифесту предшествовавшаго года работы, что вызвало волненіе среди крестьянъ, былъ отрѣшенъ отъ должности.

*) Сравнивъ съ ордеромъ домовой конторы, который мы приведемъ ниже, надо думать, что они не разъ уже были подвергнуты такому наказанію.

комъ Манаковымъ. Такіе ордера и жестокое обращеніе съ приписными крестьянами были нерѣдкою: много примѣровъ еще большихъ жестоко-стей были открыты слѣдствіемъ, произведеннымъ въ 1763 году кн. Вяземскимъ.

15 ноября 1775 г. полковникъ Масловъ написалъ изъ Екатеринбурга слѣдующее письмо оберъ-прокурору сената Н. Б. Самойлову:

„Къ свѣдѣнію в—му пр—ву имѣю честь донести о происшедшихъ притѣсненіяхъ народу при сибирскихъ заводахъ заводчика Походяшина слѣдующихъ. Минувшаго іюня и іюля мѣсяцевъ сего 775 г., пришедъ ко мнѣ съ Верхотурскихъ заводчика Походяшина мѣдныхъ заводовъ на Лялинской мой заводъ *), состоящій въ Верхотурскомъ уѣздѣ, разныхъ уѣздовъ работные люди объявили, что они находятся нѣсколько лѣтъ при заводскихъ работахъ безъ паспортовъ **) и настоящей платы не получаютъ, и требовали отъ заводской конторы за свои работы расчетовъ, чтобъ могли во исполненіе публикованнаго манифеста марта 19 числа возвращаться на прежнія свои жилища, и не получа никакого удовольствія, нѣкоторые при заводской конторѣ наказаны плетью и попрежнему въ заводскія работы употреблены, и оныя угнетенные работники начали искать своего спасенія побѣгомъ, оставя женъ своихъ и дѣтей, за которыми посылаются вооруженныя партіи, и изъ заводской конторы выдаются ружья, пули и порохъ, и при поимкѣ производится пальба и чинится смертное убійство, а пойманные приводятся на заводъ и наказываются при заводской конторѣ плетью, бьютъ головы и на канатахъ посылаются на рудники въ работы, еще-жъ къ тягчайшему онаго народа стѣсненію по просьбѣ Походяшина изъ верхотурскаго комиссарства присланъ былъ офицеръ на заводы и, безъ всякаго слѣдствія и допросовъ, работныхъ людей растагивая въ кольцахъ, сбѣкъ плетью нещадно, принуждая къ работамъ, и одна брюхатая женщина сбчена въ кольцахъ и выкинула младенца, и съ прописаніемъ всего вышеписаннаго отъ меня представлено въ екатеринбургскую главнаго заводовъ правленія канцелярію, изъ которой посланъ былъ для слѣдствія іюля 24 числа капитанъ Порѣцкой и по прибытіи своемъ на заводы Походяшина никакого удовольствія работнымъ людямъ не учинилъ и Походяшинымъ (sic) не слѣдовалъ. А сего ноября 6 числа въ екатеринбургскую канцелярію вторично представлено доношеніемъ, чтобъ благоволила капитана Порѣцкаго отъ комиссіи отрѣшить, какъ одаренный подарками правильно комиссію производить не можетъ, а самимъ Походяшинымъ и приказчикомъ его Дрожжинымъ изслѣдовать, для чего они осмѣлились... за идущими съ заводовъ его работными людьми посылать вооруженныя для поисковъ и поимки партіи и въ дачѣ изъ заводской конторы ружей, пуль и пороху и письменныхъ приказовъ при комиссіи производить пальбу и о учиненномъ смертномъ убійствѣ и о учиненіи-жъ пойманнымъ наказанія плетью и объ отсылкѣ на канатахъ, яко сущихъ злодѣевъ на рудники въ работы, и объ ономъ злоупотребленіи съ работными людьми, чтобъ благоволила канцелярія представить въ главную команду, а зашедшій народъ чрезъ нарочно посланнаго освободить“. Далѣе Масловъ сообщаетъ, что посланные на поселеніе въ Верхотурскій уѣздъ, Тобольской губ., „прямо отсылаются къ Походяшину на заводы... и опредѣляются въ заводскія работы, не получая мѣсячной и поденной платы, а изъ одного только почти пропитанія оный народъ нѣсколько лѣтъ страждетъ, не имѣя собственнаго себѣ пристанища“.

*) Заводъ этотъ былъ отданъ Маслову въ 1775 г.

**) Походяшинъ вообще охотно принималъ на свои заводы бѣглыхъ и безпаспортныхъ, такъ какъ они не могли быть требовательны относительно расчета за работу и, по преданію, работали иногда всю зиму изъ-за хлѣба да изъ-за теплаго жилья.

Сенатъ по поводу этого донесенія Маслова приказалъ въ февралѣ 1776 г. произвести разслѣдованіе. Дѣло это тянулось долго, и въ мартѣ 1778 г. Масловъ представилъ въ сенатъ копіи съ приведенныхъ выше ордеровъ 1775 г. для того, чтобы сенатъ могъ видѣть, «въ какомъ прежалостномъ состояніи приписные крестьяне на заводахъ Походяшина находятся и какія тиранства съ ними употребляютъ». Онъ просилъ сенатъ учинить съ «ссылнымъ Манаковымъ за предписанныя наказанія приписнымъ крестьянамъ въ противность заводскаго учрежденія по законамъ».

Любопытно, какъ отнесся къ этому дѣлу сенатъ, генераль-прокуроромъ котораго былъ тотъ самый кн. Вяземскій, который такъ хорошо зналъ бытъ приписныхъ крестьянъ. Дѣло это обсуждалось въ двухъ засѣданіяхъ сената: 13 и 22 марта 1778 г. Сенатъ не увидѣлъ въ заявленіи Маслова желанія обратить вниманіе правительства на вопіющіе порядки, существующіе на заводахъ, на жестокое обращеніе даже не съ крѣпостными, а съ государственными крестьянами; онъ взглянулъ на это заявленіе, какъ на доносъ, къ тому же, по его мнѣнію, не обставленный достаточными доказательствами. Вотъ постановленіе сената: «Какъ по силѣ генеральнаго регламента 19 главы велѣно доносы подавать съ показаніемъ свидѣтелей и иныхъ крѣпкихъ доводовъ, а въ томъ его полковника Маслова доношеніи никакихъ доводовъ и доказательствъ не представлено, кромѣ приложенныхъ копій съ двухъ ордеровъ, безъ разясненія и о томъ, откуда оныя къ нему дошли; къ тому же и сей доносъ его касается единственно до утѣсненія приписныхъ къ заводамъ заводчика Походяшина крестьянъ, которые и сами, яко гласъ о себѣ имѣющіе, если подлинно отъ помянутаго заводчика имѣютъ незаконное утѣсненіе, гдѣ по законамъ надлежитъ просить могутъ», а потому «оное его доношеніе, яко не принадлежащее до разсмотрѣнія сената, велѣно было возвратить полковнику Маслову съ надписью, а императрицѣ донести о томъ краткою запискою чрезъ генераль-прокурора» *).

Сенатъ находилъ нужнымъ имѣть свидѣтелей, тогда какъ представленные документы достаточно ясно показывали, какъ обращались съ приписными на заводахъ Походяшина. Въ вѣрности представленныхъ Масловымъ копій нельзя было сомнѣваться, такъ какъ онъ указывалъ, гдѣ можно было найти подлинники; наконецъ, не было никакой надобности вполне довѣрять Маслову: по поводу его донесенія можно было предписать произвести слѣдствіе. Но, отнесясь къ этому дѣлу такъ индифферентно, сенатъ своимъ поведеніемъ заставляетъ думать, что онъ очень хорошо зналъ, что творится на заводахъ, но не рѣшался наложить руку на права заводчиковъ. При этомъ не мѣшаетъ имѣть въ виду, что въ числѣ владѣльцевъ заводовъ были многія высокопоставленныя лица, и ихъ личные интересы могли не мало вліять на рѣшеніе подобныхъ дѣлъ.

*) Отчасти сенатъ отнесся такимъ образомъ къ заявленіямъ Маслова потому, что этотъ послѣдній былъ въ непріязненныхъ отношеніяхъ съ Походяшинымъ по дѣлу, къ которому были прикосновены и члены горной канцеляріи, а потому не пользовался ея расположеніемъ.

Однако это дѣло прошло не совсѣмъ безслѣдно для Походяшина. Такъ какъ въ 1779 г. истекалъ срокъ приписки государственныхъ крестьянъ къ его заводамъ, то въ концѣ того же 1778 г., въ которомъ было подано заявленіе Маслова, Походяшинъ представилъ въ сенатъ челобитную, въ которой просилъ оставить крестьянъ при его заводахъ до того времени, «пока новымъ уложеніемъ новое о семъ положеніе сдѣлано будетъ». Мы видѣли выше, что императрица прежде сама продолжила срокъ приписки крестьянъ къ заводамъ Походяшина во вниманіе къ его заслугамъ; можно было ожидать, что и теперь его просьба не встрѣтитъ отказа. Однако сенатъ въ декабрѣ 1778 г. совершенно неожиданно постановилъ такое рѣшеніе: «Какъ по справкѣ въ сенатѣ оказалось, что означенные крестьяне для работъ къ тѣмъ его, Походяшина, заводамъ приписаны были на одни только урочные годы, т.-е. по будущій 1779 г. по именному Е. И. В. высочайшему указу, послѣдовавшему на докладъ сената, то затѣмъ сенатъ не только ихъ далѣе сего срока при тѣхъ его заводахъ оставить не можетъ, но ему, Походяшину, зная о семъ высочайшемъ Е. И. В. повелѣніи, и прошенія такого въ сенатъ подавать отнюдь не надлежало, почему оное и отдать ему съ надписью обратно».

Мы упоминали выше, что императрица въ 1769 г. по сенатскому докладу рѣшила продлить срокъ приписки крестьянъ къ заводамъ Походяшина на 5 лѣтъ; слѣдовательно, срокъ истекъ въ 1774 г. Теперь оказывается, что крестьяне все еще были приписаны къ заводамъ Походяшина и что срокъ приписки истекалъ въ 1779 г. Очевидно, что срокъ приписки былъ вновь продленъ на 5 лѣтъ и, вѣроятно, тѣмъ же путемъ, т.-е. рѣшеніемъ императрицы на сенатскомъ докладѣ. То же самое могло бы быть сдѣлано и въ 1778 году, и неожиданное рѣшеніе сената, вѣроятно, объясняется такимъ образомъ. Императрицѣ, какъ мы видѣли, было доложено о донесеніи Маслова, очень вѣроятно, что она отнеслась къ нему не такъ хладнокровно, какъ сенатъ, и, узнавъ о новомъ прошеніи Походяшина о продленіи срока приписки, направила черезъ генераль - прокурора рѣшеніе сената въ томъ смыслѣ, какъ оно было сдѣлано.

Черезъ три года послѣ того, какъ сенатъ не пожелалъ обратить вниманіе на заявленіе полковника Маслова, убѣдились, что пора, наконецъ, прекратить самовольную расправу не только частныхъ заводчиковъ съ государственными крестьянами, какъ съ своими крѣпостными, но и управителей на казенныхъ заводахъ. Въ именномъ указѣ 30 января 1781 г. на имя испр. долж. пермскаго и тобольскаго генераль - губернатора Кашкина, которымъ, между прочимъ, предписывалось на каждый изъ казенныхъ заводовъ назначить по приставу для его управленія, было сказано: «Нужно запретить какъ приставамъ казенныхъ промысловъ и заводовъ, такъ и частнымъ людямъ, у коихъ къ заводамъ приписаны изъ вѣдомства казеннаго крестьяне, чтобы они тѣхъ казеннаго вѣдомства крестьянъ сами собою отнюдь не наказывали и въ споры между ними отнюдь не вступали, а оставляли бы маловажные дѣла разбору на словахъ выборныхъ и другихъ

ихъ сельскихъ начальниковъ, а въ дѣлахъ большой важности отсылали ихъ на судъ въ нижнія расправы. Но при семъ надлежитъ постановить, чтобъ для лучшаго присмотра за ними и удобнѣйшаго отвращенія всякаго непорядка и лѣности ихъ, были они раздѣлены на десятки и сотни, дабы начальные между ими всякое своеволие, развращеніе и ослушность усмирять могли».

Вмѣстѣ съ тѣмъ управленіе всѣми горными и соляными промыслами и заводами было поручено казенной палатѣ; судъ и расправа по заводамъ и промысламъ «какъ между хозяевами заводовъ, такъ и приписными къ онымъ изъ казеннаго вѣдомства крестьянами», ввѣрены общимъ судебнымъ учрежденіямъ. Нарядъ на работу приписныхъ крестьянъ былъ порученъ нижнимъ земскимъ судамъ, такъ что, въ случаѣ невысылки людей, и пристава надъ казенными заводами, и частные люди должны были обращаться за содѣйствіемъ къ исправникамъ и нижнимъ земскимъ судамъ.

Манифестъ 1779 г. значительно повысилъ вознагражденіе за трудъ приписныхъ, но черезъ четыре года послѣ него указомъ 3 мая 1783 г. было повелѣно со всѣхъ государственныхъ крестьянъ собирать оброка по 3 р. съ души, что вмѣстѣ съ семигривеннымъ подушнымъ окладомъ составляло 3 р. 70 к. Манифестъ 21 мая 1779 г. повысилъ плату вдвое противъ того, что крестьяне получали въ самомъ началѣ царствованія имп. Екатерины II, но зато податей они тогда платили не 3 р. 70 к., а всего 1 р. 70 к. На первый взглядъ можетъ показаться, что положеніе приписныхъ должно было вслѣдствіе огромнаго повышенія податей не улучшиться, а ухудшиться, но если принять во вниманіе введеніе платы за проходъ, избавленіе отъ нѣкоторыхъ работъ и т. п., и устраненіе прежнихъ вопіющихъ злоупотребленій, то должно будетъ признать, что приписнымъ во второй половинѣ царствованія императрицы Екатерины II все-таки стало нѣсколько легче сравнительно съ тѣмъ ужаснымъ положеніемъ, въ какомъ они находились въ началѣ 60-хъ гг. Однако улучшеніе было настолько невелико, что даже официальные лица опасались ихъ совершеннаго разоренія.

Опытъ доказывалъ одно: что нельзя останавливаться на полдорогѣ, что нужно, наконецъ, избавить государственныхъ крестьянъ отъ работъ на заводахъ. Эту истину стали наконецъ высказывать правительству люди высокопоставленные, хорошо знакомые съ бытомъ крестьянъ.

Огромный интересъ въ этомъ отношеніи представляетъ донесеніе сенату отъ 19 февраля 1792 г. правящаго должность генераль-губернатора пермскаго и тобольскаго, генераль-поручика Алексѣя Волкова. Изъ него прежде всего видно, что начинать рубку дровъ съ 15 февраля, какъ было предписано манифестомъ 1779 г., совершенно невозможно. Вслѣдствіе жестокихъ морозовъ и глубокихъ снѣговъ, лѣсъ бываетъ въ это время такой мерзлый и твердый, что топоры ломаются, и у крестьянъ едва хватаетъ силъ на эту работу. Если же крестьяне и рубятъ деревья, то они падаютъ въ глубокой снѣгъ, такъ что ихъ приходится выгребать. Поэтому, явившись къ рубкѣ въ назначенное время, рабочіе, не принимаясь за ра-

боту, принуждены были ждать болѣе теплаго времени; настроивъ себя шалашей, они жили въ нихъ безъ работы, поѣдая привезенныя съ собою харчи; когда же можно было приняться за работу, то, не имѣя хлѣба, они самовольно отлучались домой и потому не успѣвали нарубить положеннаго количества дровъ. Приписные крестьяне обыкновенно нанимали за себя вольнонаемныхъ работниковъ, причемъ вмѣсто 1 р. 70 к. платили по 5 р. и по 6 р. съ души. Даже жители волостей, лежащихъ близъ заводовъ, не соглашались работать менѣе чѣмъ по 5 р. 30 к., т.-е. втрое болѣе казенной платы; по скольку же должны были платить крестьяне дальнихъ волостей? Понятно, что при такихъ условіяхъ директоръ экономіи нашелъ приписныхъ крестьянъ «противъ неприписныхъ и не работающихъ на заводахъ отягощенными и совершенно бѣдными».

Волковъ указываетъ на необходимость радикальнаго средства для искорененія этого зла. Онъ основывается на указѣ 25 (12) марта 1753 года. Определеніемъ сената 17 января 1752 г., на основаніи инструкціи, данной въ 1734 г. Татищеву, было дозволено покупать къ заводамъ деревни въ слѣдующемъ размѣрѣ: содержателямъ желѣзныхъ заводовъ—ко всякому доменному водяному заводу, считая на одну домну по 100, да къ двумъ молотамъ, къ каждому по 30 дворовъ, итого 160, полагая во всякомъ дворѣ по 4 души муж. п., а владѣльцамъ мѣдныхъ заводовъ на каждую тысячу пудовъ выплавляемой мѣди по 50 дв. или по 200 д. муж. п. Указомъ 12 августа 1753 г. сенатъ предписалъ считать въ эту пропорцію, кромѣ купленныхъ и крѣпостныхъ, также и приписныхъ по переписямъ непомнящихъ родства и незаконнорожденныхъ. Если и послѣ того будетъ недоставать назначеннаго числа, то дополнять приписными крестьянами, но съ обязательствомъ, чтобы они вмѣсто приписныхъ купили къ заводамъ собственныхъ крестьянъ, и послѣ этой покупки *приписныхъ крестьянъ отъ заводовъ отрушить*, лишнихъ же приписныхъ крестьянъ отписать отъ частныхъ заводовъ къ казеннымъ.

Имѣя въ виду этотъ указъ, Волковъ потребовалъ отъ пермской казенной палаты свѣдѣнія о томъ, сколько у владѣльцевъ частныхъ заводовъ находится своихъ людей. Изъ полученныхъ такимъ образомъ цифръ оказалось, что заводчики Никита, Петръ и Александръ Демидовы, Осокниъ, Губинъ, наслѣдники Саввы Яковлева и Турчаниновъ вовсе не должны имѣть приписныхъ крестьянъ, такъ какъ у нихъ и своихъ людей болѣе назначеннаго, а между тѣмъ къ ихъ заводамъ было приписано 55,081 душъ государственныхъ крестьянъ.

Поэтому Волковъ считалъ необходимымъ отобрать крестьянъ, приписанныхъ къ ихъ заводамъ, такъ какъ и кромѣ такого излишняго «противъ заводскаго дѣйствія у заводчиковъ числа своихъ людей заводская работа исправляема быть можетъ съ удобностью вольнонаемными людьми въ разсужденіи положенія тѣхъ заводовъ, окружающихъ многочисленными селеніями, чему примѣромъ служатъ заводы, бывшіе у заводчиковъ Походяшиныхъ, а нынѣ состоящіе подъ вѣдомствомъ правленія государственнаго ассигна-

ціоннаго банка *), которые въ дѣйствиі своемъ по изобилію рудъ преимущественнѣе противъ прочихъ заводовъ, и притомъ находятся отъ крестьянскихъ жилищъ въ отдаленномъ и безхлѣбномъ мѣстѣ, тракть же къ тѣмъ заводамъ самый трудный: чрезъ горы, каменья и дикіе лѣса, гдѣ на великомъ разстояніи ни одного жила (жилища) нѣтъ и хлѣбопашества совсѣмъ не производится въ разсужденіи суровости климата, однако-жъ при всѣхъ таковыхъ къ проходу ихъ неудобствахъ, заводскія работы исправляются вольнонаемными людьми **), такъ что оныхъ противъ потребнаго числа съ превеликимъ излишествомъ для найма въ работы является, и никогда ни малѣйшаго въ нихъ недостатка не бываетъ». Что касается крестьянъ, приписанныхъ къ казеннымъ заводамъ, то Волковъ предлагалъ другую мѣру, которая, хотя и не избавляла ихъ отъ тяжелыхъ заводскихъ работъ, но, по крайней мѣрѣ, имѣла цѣлю болѣе равномѣрное и справедливое ихъ распредѣленіе. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли представить себѣ что-нибудь несправедливѣе такого порядка: часть государственныхъ крестьянъ, живущихъ не только въ одной губерніи, но и въ однихъ уѣздахъ, не приписана къ заводамъ и платитъ только денежные подати по 3 р. 70 к. съ души, другая же часть вносить 2 р. деньгами, а остальные 1 р. 70 коп. должна отработывать на заводахъ или нанимать вмѣсто себя работника за тройную и болѣе плату. Значитъ въ то время, какъ одни платятъ по 3 р. 70 к. съ души, другіе тратятъ на взносъ податей по 7—8 р. Естественно являлась мысль, что если нельзя совершенно освободить крестьянъ отъ работъ на казенныхъ заводахъ, то слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, наложить эту тяжесть на всѣхъ государственныхъ крестьянъ извѣстной мѣстности и такимъ образомъ распредѣлить ее равномѣрнѣе. Волковъ находилъ, что приписнымъ къ казеннымъ заводамъ (ихъ было тогда въ Пермскомъ намѣстничествѣ 111,937 д.) необходимо или прибавить плату, или приписать къ этимъ заводамъ и всѣхъ остальныхъ Пермскаго намѣстничества государственныхъ, дворцовыхъ и прочихъ обложенныхъ одинаковымъ съ ними окладомъ (всего 67,302 д.), а также и тѣ 55,081 д., которыя должно отобрать отъ частныхъ заводовъ, т.-е. всего 122,383 д. Такимъ образомъ число приписныхъ къ казеннымъ заводамъ увеличилось бы вдвое и тяжесть работъ для прежде приписанныхъ вдвое уменьшилась***).

Донесеніе Волкова не имѣло никакихъ послѣдствій, да это и понятно: тутъ нужна была коренная реформа, а для нея и свѣжія силы; между тѣмъ императрица состарилась, и правительство въ послѣдніе годы ея царствованія не предпринимало уже никакихъ обширныхъ преобразованій по дѣламъ

*) Дѣти Походяшина въ 1791 г. продали ихъ государственному ассигнаціонному банку.

**) По заявленію Н. и Г. Походяшиныхъ изъ „вольнонаемныхъ людей, слишкомъ 1,100 чел. добровольно на ихъ заводахъ и рудникахъ собственными своими домами выстроились и постоянно тамъ жительствоуютъ для поправленія заводскихъ работъ“.

***) Волковъ считалъ также необходимымъ измѣнить сроки, назначенные для рубки дровъ.

внутреннимъ. Все вниманіе Екатерины II сосредоточивалось въ это время на иностранной политикѣ, и главнымъ образомъ на польскомъ вопросѣ.

При императорѣ Павлѣ возникло предположеніе о замѣнѣ приписныхъ крестьянъ «непремѣнными мастеровыми»; но лишь со вступленіемъ на престолъ имп. Александра I, пробилъ, наконецъ, часъ освобожденія приписныхъ крестьянъ отъ тяжелыхъ обязательныхъ работъ. Правительство откровенно признало, что положеніе ихъ было невыносимо. «Отягощеніе крестьянъ,—сказано было въ высочайше утвержденномъ докладѣ 23 іюня 1803 г.,—происходить не отъ чрезмѣрности работъ, на нихъ налагаемыхъ, но отъ невыгодъ мѣстныхъ, изъ коихъ важнѣйшія суть отдаленность большей части селеній отъ заводовъ, простирающаяся до 500 верстъ, и жестокость климата, препятствующая крестьянину исправить нѣкоторыя изъ узаконенныхъ заводскихъ работъ въ установленное для оныхъ время, въ которое онъ бываетъ свободенъ отъ работъ земледѣльческихъ; сии двѣ мѣстныя невыгоды столько разстраиваютъ состояніе приписного крестьянина, что вытокъ, за исправленіе коего онъ получаетъ 1 р. 70 к., становится ему часто отъ 5 до 10 р., кромѣ того, что онъ несетъ всѣ повинности наравнѣ съ прочими государственными крестьянами, платить подушныя и оброчныя деньги, исправляетъ подводную гоньбу, починку дворовъ и мостовъ, а иногда ставить и дрова на войска, и провожаетъ колодниковъ».

Признавъ это, правительство произвело радикальную реформу въ положеніи крестьянъ, приписанныхъ къ уральскимъ горнымъ заводамъ. Они были освобождены отъ обязательной заводской работы, а вмѣсто того въ Пермской и Вятской губ. былъ произведенъ наборъ по 58 чел. съ тысячи. Такъ образовалось сословіе «непремѣнныхъ работниковъ», которые были поселены при заводахъ и вошли въ составъ посессионныхъ крестьянъ. Но реформа эта простиралась только на уральскіе заводы, приписные же къ Оленецкимъ, Луганскому, Колыванскимъ и Нерчинскимъ заводамъ были пока оставлены въ прежнемъ положеніи. Такимъ образомъ если не всѣ, то, по крайней мѣрѣ, большинство приписныхъ крестьянъ могли вздохнуть свободнѣе.

VII.

Крестьяне, приписанные къ Нерчинскимъ заводамъ.

Къ постройкѣ Нерчинскаго сереброплавильнаго завода было приступлено въ 1704 г. Работы на немъ первоначально производились наемными людьми, а въ 1708 г. переведены были съ р. Енисея 104 семьи изъ государственныхъ крестьянъ и поселены въ Аргунскѣ «у руднаго промысла, въ пристойныхъ мѣстахъ». Они были приписаны къ заводу и возили руду, дрова и уголь бесплатно, потому что государевой пашни не пахали и денежныхъ податей не платили. Петръ В., по докладу бергъ-коллегии о необходимости поселенія при заводѣ крестьянъ преимущественно для усиленія хлѣбопашества, повелѣлъ 10 апрѣля 1722 г. преступниковъ, освобожден-

ныхъ отъ каторжной работы и опредѣленныхъ къ отправкѣ въ Сибирь въ дальніе города «посылать съ женами и дѣтьми въ Дауры на серебряные заводы, да сибирскому губернатору выбрать изъ тамошнихъ пашенныхъ 300 семей и перевести туда-жъ съ женами и съ дѣтьми и поселить на пашнѣ-жъ». Во исполненіе этого указа были переведены и приписаны къ заводамъ въ 1725 и 1726 гг. изъ Илимскаго, Енисейскаго и Томскаго уѣздовъ 300 семей *). Во время ревизіи 1744 г. къ Нерчинскому заводу было приписано и положено въ подушный окладъ изъ крестьянъ и разночинцевъ, какъ-то: казаковъ, дѣтей боярскихъ и разнаго званія промышленниковъ, зашедшихъ туда еще съ открытія Нерчинскаго края, 2.150 душъ. Указомъ 13 октября 1759 г. сенатъ предписалъ сибирскому губернатору Соймонову, для заготовленія дровъ, угля, возки рудъ и прочихъ припасовъ и матеріаловъ, для исполненія за подушный окладъ конныхъ и пѣшихъ работъ, а также для умноженія хлѣбопашества переселить на Нерчинскіе заводы изъ прописныхъ по ревизіи и не положенныхъ въ подушный окладъ въ Сибирской губ. посадскихъ людей и крестьянъ, сколько ихъ можетъ оказаться, а если ихъ не достанетъ, то изъ имѣющихся въ Енисейской и Иркутской провинціяхъ посадскихъ и цеховыхъ, которые числятся подъ этимъ именемъ, а торговъ и ремеслъ никакихъ не имѣютъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ было указано половину изъ переселенныхъ употреблять для исполненія заводскихъ работъ, а другую — для хлѣбопашества. Въ томъ же 1759 г., указомъ 20 декабря, сенатъ предписалъ для распространенія Нерчинскихъ заводовъ и разработки рудъ и для того, чтобы люди, находящіеся при заводахъ удобнѣе могли доставать съѣстные припасы для своего пропитанія, приписать къ Нерчинскимъ заводамъ Удинскую слободу и Аргунскій острогъ, состоявшіе въ вѣдомствѣ нерчинской канцеляріи **).

Въ началѣ царствованія императрицы Еватеринѣ II начальникомъ нерчинскихъ заводовъ былъ генералъ-майоръ Суворовъ ***). Въ 1763 г. онъ прислалъ въ сенатъ донесеніе, изъ котораго видно, что еще прежній начальникъ заводовъ Клеопинъ находилъ вознагражденіе, даваемое крестьянамъ за работу, весьма недостаточнымъ, такъ какъ они получали вдвое и даже втрое менѣе того, что платили вольнонаемнымъ ****). Канцелярія нер-

*) Ранѣе, чѣмъ переселены были эти крестьяне, въ 1724 г. бергъ-коллегія предписала изъ мѣстныхъ жителей (крестьянъ и казаковъ—790 двор.) требовать для работъ на заводѣ по 100 чел. въ годъ, причемъ казакамъ платить сверхъ жалованья по 3 к. въ день, а ихъ родственникамъ, не получающимъ жалованья, и крестьянамъ въ размѣрѣ, назначенномъ въ указѣ 16 февраля 1724 г.

**) Во время третьей ревизіи къ Нерчинскимъ заводамъ были, между прочимъ, приписаны вышедшіе изъ Китая тувусы, принявшіе православіе.

***) Его не слѣдуетъ смѣшивать съ Вас. Ив. Суворовымъ, отцомъ Римникскаго, который въ 1760—1761 г. управлялъ завоеванною нами частью Пруссіи, а потомъ былъ сенаторомъ.

****) Они получали такъ же, какъ и другіе приписные крестьяне въ это время,—съ 1-го апрѣля по 1-е октября конный работникъ—10 к., пѣшій—5 к.; съ октября по апрѣль конный 6 к., пѣшій 4 к.

чинскаго горнаго начальства также высказала тогда мнѣніе, что крестьянамъ слѣдуетъ прибавить поденную плату въ виду дороговизны въ тѣхъ мѣстахъ. Суворовъ, по прибытіи на заводы, нашель, что работать тамъ крестьянамъ весьма трудно: мѣста гористыя и каменистыя, зимы малоснѣжныя, къ тому же всѣ припасы очень дороги. Поэтому онъ ходатайствовалъ у сената о повышеніи поденной платы и, по докладу сената, императрица согласилась на это.

На основаніи этого закона 1763 г. крестьяне должны были получать плату значительно повышенную; нужно, впрочемъ, оговориться, что, какъ и прежде, они получали ее не деньгами, а она зачиталась имъ въ уплату подушнаго оклада. Теперь на Нерчинскихъ заводахъ конному работнику за возку не далѣе 30-ти верстъ въ лѣтнее время, съ 1 апрѣля по 1 октября, зачиталось по 15 к., въ зимнее — по 10 к., пѣшему въ лѣтнее — по 8 коп., въ зимнее — по 5 к. За возку далѣе 30-ти верстъ предписано было платить по прежнему плакату поверстно для избѣжанія излишняго присмотра и затрудненій въ расчетахъ. Продолжительность рабочаго дня была опредѣлена въ 12 ч. *). При конныхъ работахъ въ Селенгинскомъ и Нерчинскомъ вѣдомствахъ и во всей Дауріи было положено накладывать на каждый возъ по 15 пуд.

Такое значительное возвышеніе платы было произведено только на однихъ Нерчинскихъ заводахъ, на другихъ же оставалось въ силѣ прежнее вознагражденіе. Даже и послѣ того, какъ указомъ 27 мая 1768 года была возвышена плата и всѣмъ остальнымъ приписнымъ крестьянамъ, эта увеличенная плата была все-таки ниже той, которая по ходатайству Суворова была введена на Нерчинскихъ заводахъ. Суворовъ внимательно относился къ нуждамъ приписныхъ крестьянъ и заводскихъ мастеровыхъ, то же подтверждаетъ и путешественникъ Георги, по словамъ котораго, быть переселенцевъ въ Сибири значительно улучшился во время управленія Суворова.

5 марта 1764 г. Суворову была дана инструкція объ управленіи Нерчинскими заводами. До того времени къ заводу были приписаны 2,132 д.; сенатъ велѣлъ приписать еще 2,868 д. изъ живущихъ по близости къ заводамъ «всѣхъ какъ пашенныхъ, такъ и непашенныхъ, разночинцевъ и подъ именемъ посадскихъ», такъ чтобы всего было 5,000 д., и предписалъ большую часть изъ нихъ занимать хлѣбопашествомъ, такъ какъ иначе, за недостаткомъ хлѣба, не только нельзя будетъ посылать приписныхъ на заводскія работы, но неостанетъ пропитанія и для присылаемыхъ туда людей, т.-е. ссыльныхъ. Если приписать будетъ некого, то пополнять ссыльными, и для того заранѣе прискивать мѣста, пригодныя для поселенія. Приписные крестьяне и преступники, ссылаемые на Нерчинскіе заводы,

*) Какъ и на екатеринбургскихъ заводахъ при возкѣ конный работникъ долженъ былъ проѣзжать туда и обратно по 3 версты въ часъ, одинъ путь порожнякомъ, а назадъ съ возомъ; на нагребку и свалку полагалось по часу.

должны были состоять исключительно въ вѣдѣніи заводскаго начальства и не были подчинены общимъ губернскимъ учрежденіямъ. Такъ какъ около Нерчинскихъ заводовъ бываетъ нерѣдко такой неурожай хлѣба, что многіе опредѣленные на работу распускаются для прокормленія себя, отъ чего бываетъ остановка въ работахъ, а заводскіе обыватели терпятъ великій голодъ, то Суворову предписывалось въ урожайные годы запастись столько хлѣба, чтобы на заводахъ всегда было количество, достаточное для прокормленія въ теченіе двухъ лѣтъ, для чего онъ долженъ былъ строить запасные магазины. Приписные къ Нерчинскимъ заводамъ, подобно тому, какъ это было и на Колывановоскресенскихъ, на-ряду съ мастеровыми и сосланными на поселеніе, освобождены отъ рекрутскаго набора; ихъ вѣдно не брать въ рекруты, а оставлять для пополненія нерчинскихъ горныхъ командъ, т.-е. мастеровыхъ, находящихся въ горныхъ и плавильныхъ работахъ. Это не было, впрочемъ, большою льготой, такъ какъ команды мастеровыхъ, въ которыя они зачислялись, были организованы на военную ногу. Правда, крестьяне, приписанные къ Нерчинскимъ и Колывановоскресенскимъ заводамъ, не отправлялись на военную службу въ другія мѣста Россіи, а оставались въ своемъ краю, но зато имъ приходилось вѣчно заниматься тяжелою заводскою работою.

Императрица Екатерина II еще въ инструкціи кн. Вяземскому, когда онъ отправлялся въ 1762 г. для усмиренія волненія приписныхъ крестьянъ, поручала ему собрать свѣдѣнія, нельзя ли исполнять горнозаводскія работы вольнонаемными. Вотъ что мы находимъ по этому вопросу въ инструкціи Суворову: «Позволяется вамъ всѣ горныя работы производить наймомъ по порядку съ урокомъ изъ задѣлья какъ полными наемщиками, такъ и окладными работниками, не взирая на то, хотя они противъ ихъ окладовъ и вдвое выработать могутъ. А понеже такимъ образомъ часто случается, что за такую добровольную плату предъ окладною дачею всякая работа не токмо не дороже, но и дешевле бываетъ и скорѣе происходитъ той, коя за великими присмотрами бываетъ, того ради и вамъ всѣ работы какъ горныя, такъ и заводскія, которыя можно исправлять изъ приписныхъ стороннихъ людей охотниками наймомъ и урокомъ, вмѣсто того, чтобы должно было сдѣлать опредѣленными изъ жалованья и плакатной платы подъ многими надсмотрами и принужденіями въ продолжительномъ времени, то такія исправлять вольнымъ наймомъ и уроками, какъ обыкновенно поступается на партикулярныхъ заводахъ и фабрикахъ, но токмо вамъ того смотрѣть, чтобы оныя повольные наймы не превосходили того, какъ бы тѣ работы могли исправлены быть за присмотрами и понужденіями жалованье получающими людьми». Тутъ правительство желало сдѣлать опытъ замѣны обязательнаго труда вольнонаемнымъ; но если это намѣреніе было довольно трудно осуществить тогда на Уралѣ, то въ Восточной Сибири едва ли это было даже возможно при скудномъ населеніи того края. Не знаемъ, дѣлалъ ли Суворовъ попытки примѣнить вольнонаемный трудъ, но во всякомъ слу-

чаѣ приписные крестьяне въ Сибири до половины XIX в. продолжали нести тяжелыя заводскія работы.

Мы видѣли, что, вслѣдствіе представленія Суворова, плата крестьянамъ, работающимъ на заводѣ, была значительно повышена, но, какъ было уже упомянуто, часть крестьянъ, приписанныхъ къ Нерчинскимъ заводамъ, употреблялась для обработки казенной пашни; въ какомъ же положеніи находились эти послѣдніе? Указомъ сената 1726 г. было велѣно, при опредѣленіи крестьянъ на казенную десятинную пашню, зачитать имъ за нее 40 коп. въ годъ, т.-е. сборъ, положенный съ государственныхъ крестьянъ вмѣсто помѣщичьяго дохода. На основаніи этого указа на Нерчинскихъ заводахъ крестьяне, опредѣленные на казенное хлѣбопашество, должны были ежегодно за каждую душу обработать и убрать съ поля по 2 дес. хлѣба, и за это имъ зачиталось по 40 к. съ души, а остальные 1 руб. 30 коп. взыскивались каждый годъ деньгами. Такихъ крестьянъ было прежде при Нерчинскихъ заводахъ 520 душъ, да Суворовымъ было назначено еще 134 души, всего 654 души, «цѣлыми семьями сряду между могущими и малолѣтними». Однако, потомъ, по просьбѣ крестьянъ, онъ приказалъ освободить отъ пашни малолѣтнихъ до 12 л., а остальнымъ, не исключая и стариковъ, велѣлъ исполнять эту повинность на томъ основаніи, что за нихъ могутъ исполнить ее способные къ работамъ, подобно тому, какъ и крестьяне, работающіе на заводскихъ работахъ, отбываютъ подушный окладъ за всѣ ревизскія души. Такимъ образомъ и въ казенной пашнѣ, какъ и въ горныхъ работахъ, существовала круговая порука. Плата 40 к. за обработку 2-хъ десятинъ была слишкомъ ничтожна; это призналъ и Суворовъ и просилъ сенатъ, чтобы велѣно было зачитать за 2 дес., полагавшіеся на каждую душу, за посѣвъ, уборку, молотьбу и доставку въ казенные магазины по 1 р. въ годъ, а остальные подати и за недопашку взыскивать деньгами; за малолѣтковъ же, освобожденныхъ отъ пашни, взыскивать подушный окладъ (1 р. 70 к.) сполна деньгами. По докладу сената императрица утвердила это представленіе Суворова.

Не слѣдуетъ думать, что жизнь крестьянъ, приписанныхъ къ Нерчинскимъ заводамъ, была, благодаря заботливости Суворова объ улучшеніи ихъ быта, очень красна. И здѣсь было не мало злоупотребленій со стороны заводскаго начальства. Такъ въ концѣ 1765 года Нерчинская канцелярія сообщила бергъ-коллегіи жалобы, поданныя крестьянами на шихтмейстера Павлуцкаго. Крестьяне жаловались, что въ 1764 г. Павлуцкій чинилъ имъ немалыя обиды и бралъ съ нихъ взятки себѣ и присутствующему въ Нерчинской канцеляріи капитану Кологривову «деньгами и скотомъ и прочими немалыми суммами, съ нѣкоторыхъ изъ-за побой батожемъ, а съ иныхъ страшая ихъ именемъ онаго Кологривова истязаніемъ кошками и плетьюми въ паялахъ или на доскѣ и содержаніемъ подъ карауломъ, что и дѣйствительно было». Канцелярія съ своей стороны заявляла бергъ-коллегіи, что «таковыми великими лихоимственными взятками крестьяне доведены до того, что рѣдкій у себя имѣетъ лошадь, и хотя у кого и есть, да и тѣ весьма

изпурены, такъ что ко исправленію заводскихъ работъ никакъ неспособны, а новыхъ купить не на что».

Когда вслѣдствіе жалобъ, заявленныхъ нѣкоторыми крестьянами, канцелярія стала собирать свѣдѣнія у всѣхъ, то оказалось, что Кологривовъ и Павлуцкій собрали съ крестьянъ огромное количество взятокъ, а именно: Кологривовъ взыскалъ деньгами, шкурами собольими, волчьими и бѣличьими, овсомъ и масломъ 1,814 руб., Павлуцкій же деньгами, лошадьми, рогатымъ скотомъ, звѣриными шкурами, мукою, зерновымъ хлѣбомъ и масломъ 1,368 р.

Кологривова въ это время въ Перчинскѣ не было, такъ какъ его отравили съ выплавленнымъ серебромъ въ Петербургъ. Павлуцкій же привлеченный къ слѣдствію, сваливалъ все на Кологривова и говорилъ, что онъ помогалъ ему только по принужденію. Другимъ агентомъ Кологривова для собиранія взятокъ съ крестьянъ былъ унтеръ-шихтмейстеръ Соловьевъ. Онъ и Павлуцкій обыкновенно арестовывали крестьянъ, обвиняли ихъ въ томъ, будто они переѣзжали черезъ р. Аргунь на китайскую сторону и вели тамъ съ китайцами запрещенную торговлю безъ платы пошлинъ, другимъ же говорили: «Есть до васъ не малые слѣдственные дѣла», не объясняя, какія именно. Затѣмъ они надолго задерживали ихъ въ заключеніи, и приходя къ нимъ, начинали говорить арестованнымъ, что если они не дадутъ капитану Кологривову извѣстной суммы, то тотъ не только ихъ не выпуститъ, но будетъ еще жестоко наказывать ихъ въ пятахъ плетми. Понятно, что крестьяне вынуждены были давать взятки Кологривову, да еще подносить «благодарность» Соловьеву и Павлуцкому. Соловьевъ, призванный для допроса въ канцелярію перчинскаго горнаго начальства, представлялъ дѣло такимъ образомъ, что онъ хлопоталъ у Кологривова за крестьянъ, просилъ у него о сбавкѣ той суммы, которую онъ съ нихъ требовалъ и будто бы въ благодарность зато крестьяне добровольно приносили ему деньги. Но само собою разумѣется, что Кологривовъ, Павлуцкій и Соловьевъ дѣйствовали по взаимному соглашенію. Изъ показаній Соловьева мы, между прочимъ, видимъ, что сумма взятокъ, приведенная нами выше, не полна: въ составъ ея не входятъ и взятки, данныя Соловьеву за ходатайство передъ Кологривовымъ, результатомъ котораго бывала иногда сбавка запрошенной у крестьянъ суммы; онъ получилъ однажды 25 р., другой—20 р., третій—3 рысыихъ кожи цѣною въ 12 р. Кологривову въ эти три раза было дано 450 руб., которые по всей вѣроятности, также не вошли въ вышеупомянутый реестръ.

Кологривовъ, самъ обирая крестьянъ, другихъ строго преслѣдовалъ за взятки; это, впрочемъ, понятно: дѣйствуя отдѣльно отъ него, они являлись конкурентами и истощали тотъ золотой рудникъ, который онъ такъ усердно разрабатывалъ. Такъ въ августѣ 1764 г. онъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ Соловьевымъ, въ Ундинскую слободу для слѣдствія надъ бывшимъ тамъ прикащикомъ Столовымъ. Кологривовъ нашелъ, что Столовъ виновенъ во взяткахъ, жестоко наказалъ его батогами и немедленно отрѣшилъ

отъ должности. Но, наказывая Столова за лихоимство, Кологривовъ тутъ же самъ сорвалъ съ крестьянъ крупную взятку.

Какъ уже было упомянуто, часть перчинскихъ крестьянъ не работала на заводахъ, а была опредѣлена на казенную пашню. И вотъ Кологривовъ разсылаетъ пріѣхавшихъ съ нимъ солдатъ съ приказаніемъ, чтобы они собрали первостатейныхъ крестьянъ изъ тѣхъ, что опредѣлены на пашню, а также и «нѣтчиковъ» изъ обязанныхъ работать на заводахъ, т.-е. непріходившіе въ прежніе годы на работу. Собралось болѣе 50 человекъ. Кологривовъ, обратившись къ тѣмъ, которые занимались хлѣбопашествомъ, припугнулъ ихъ тѣмъ, что заставить ихъ работать на заводахъ. «Вамъ надлежитъ быть въ заводской работѣ, а не при хлѣбопашествѣ,—сказалъ онъ имъ,—потому что вы мужики богатые, первостатейные, а хлѣбопашество могутъ отправлять и небогатые». Онъ приказалъ задержать ихъ въ Удинской слободѣ. «Я тотчасъ прикажу выписать васъ въ заводскія работы», прибавилъ онъ.

«Нѣтчиковъ» Кологривовъ велѣлъ наказатъ батогами и немедленно выслать на заводъ. Между тѣмъ Никита Павлуцкій повелъ задержаннымъ крестьянамъ, посаженнымъ на казенную пашню, такую рѣчь: «Что вы думаете? Какъ васъ теперь выпишутъ въ заводскія работы, вѣдь вы наготово разоритесь, а нынѣ, находясь при хлѣбопашествѣ, почти всегда обращаетесь въ своихъ домахъ». Крестьяне просили Павлуцкаго похлопотать за нихъ. Средство избавиться отъ работъ на заводахъ легко нашлось, но у крестьянъ не было наличныхъ денегъ. Они пришли къ Соловьеву и просили его выдать имъ изъ казны 270 р., обязуясь поставить на эту сумму муки по недорогой цѣнѣ. Съ разрѣшенія Кологривова Соловьевъ въ судной избѣ выдалъ имъ эти деньги. Въ тотъ же день Соловьевъ получилъ отъ крестьянъ 15 р., Павлуцкій—5 р., а остальные 250 р. были вручены Кологривову. Это была взятка отъ крестьянъ, сидящихъ на казенной пашнѣ. Кологривовъ не забылъ и работающих на заводахъ. Эти послѣдніе взяли изъ казны 50 р. и поднесли Кологривову 15 р. деньгами, 10 черныхъ мерлушекъ, 5 волчьихъ шкуръ и 2 пуда коровьяго масла, «чтобъ онъ былъ милостивѣе при наказаніи за неявку въ работы».

Такимъ образомъ, съ помощью всевозможныхъ вымогательствъ, у крестьянъ вынудили всего до 4.000 р., сумма огромная для того времени. Незаконные поборы, съ нихъ взимаемые, крестьяне распредѣляли между собою не поровну, а вѣроятно, смотря по зажиточности: такъ для взноса Кологривову 200 р. одинъ крестьянинъ Аргунскаго острога долженъ былъ дать 50 р. *).

*) Мы не будемъ излагать слѣдствіе, произведенное по этому дѣлу, тѣмъ болѣе, что вопросъ о взяткахъ отошелъ совершенно на задній планъ. Павлуцкаго заподозрили въ кражѣ казеннаго серебра, за что онъ однажды уже судился, былъ наказанъ плетью и опредѣленъ въ плавильные работники. Дѣло чрезвычайно затянулось и запуталось; по одному изъ донесеній, причастнымъ къ нему оказывался и начальникъ Перчинскихъ заводовъ Суворовъ. Изъ Петербурга была наряжена слѣдственная ком-

Изъ инструкціи Суворову мы знаемъ, что нерчинскіе крестьяне находились исключительно въ завѣдываніи заводскаго начальства. Вотъ какъ организовано было тамъ это управленіе по словамъ Георги: приписные крестьяне были раздѣлены на четыре округа, и въ каждый изъ нихъ горная канцелярія назначала управителя, который судилъ крестьянъ, побуждалъ ихъ заниматься земледѣліемъ и наряджалъ на заводскую работу. Этому управителю подчинялись приказчики, находившіеся въ нѣкоторыхъ слободахъ.

Даже и послѣ пугачевского бунта, въ которомъ не малую роль сыграли горнозаводскіе крестьяне, сенатъ былъ не прочь увеличивать число приписныхъ крестьянъ, но императрица рѣшилась этого не дѣлать, какъ видно изъ слѣдующаго случая.

Канцелярія нерчинскаго горнаго начальства просила сенатъ отдать къ нерчинскимъ заводамъ находящихся въ вѣдомствѣ нерчинской воеводской канцеляріи крестьянъ, разночинцевъ и такихъ, которые числятся купцами, но не имѣютъ никакихъ торговъ, а занимаются хлѣбопашествомъ. Сенатъ предписалъ иркутскому губернатору Брилю, чтобы онъ, снесясь съ главнымъ начальникомъ Нерчинскихъ заводовъ Суворовымъ, представилъ свое мнѣніе, и тотъ отвѣчалъ, что всѣхъ указанныхъ канцеляріею горнаго начальства, также и экономическихъ крестьянъ слѣдуетъ приписать для распространенія заводовъ. Сенатъ, согласно съ этимъ, представилъ императрицѣ докладъ, въ которомъ предлагалъ людей разнаго званія, живущихъ въ однихъ селеніяхъ съ нерчинскими крестьянами, и экономическихъ крестьянъ съ платежомъ въ коллегію экономіи принадлежащаго съ нихъ дохода, отдать въ вѣдомство нерчинскаго горнаго начальства. Онъ находилъ нужнымъ присоединить къ нимъ изъ ссыльно-поселенцевъ, живущихъ при Борзенскомъ озерѣ, занимающихся солянымъ промысломъ. Но императрица написала на этомъ докладѣ коротко и ясно: «не отдавать».

Что положеніе приписныхъ крестьянъ было крайне тяжело и послѣ манифеста 1779 г., это сознавали и лица официальные, близко знающія ихъ быть. Вотъ, наприм., что доносили сенату въ 1782 г. главный начальникъ Нерчинскихъ заводовъ генераль-майоръ Бекельмапъ. Вслѣдствіе увеличенія числа старыхъ и умершихъ «ежегодно тягость увеличивается, а потому и послѣдовало имущимъ и здоровымъ крестьянамъ примѣтное разореніе», что же касается бѣдныхъ, которые сверхъ работъ за собственную семью должны работать еще и за «стороннія души», то должно ожидать «ежедневно худшаго состоянія, а наконецъ и сущаго разоренія».

Бекельмапъ полагалъ, что на Гороблагодатскихъ заводахъ отработываютъ подушный окладъ только здоровые и могущіе работать, а за преста-

миссія подъ предсѣдательствомъ генерала Ивашева, ничего не слѣвавшая въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и, наконецъ, прекратившая свое существованіе въ 1771 г., послѣ чего слѣдствіе было поручено иркутскому губернатору Брилю. Суворовъ былъ отрѣшенъ, по представленію комиссара Ивашева, отъ должности, но въ концѣ концовъ былъ оправданъ и занялъ прежнее мѣсто.

рѣлыхъ, умершихъ и бѣжавшихъ платять подати деньгами, и потому онъ предлагалъ сенату разрѣшить тоже и нерчинскимъ крестьянамъ «къ предупреденію совершеннаго ихъ разоренія», «чрезъ что та польза произойти должна, что каждый, отработавъ свою семью, довольно будетъ имѣть времени къ домостроительству, и исправя оное», тѣмъ охотнѣе будетъ наниматься за вольную плату на заводскія работы. Однако на это представленіе сенатъ въ засѣданіи 24 мая 1782 г. постановилъ: такъ какъ «не только на однихъ нерчинскихъ, но подобно тому, и на всѣхъ вообще казенныхъ и партикулярныхъ заводахъ, отъ начала даже до нынѣ соблюдается одинаковый въ отправленіи заводскихъ работъ порядокъ» и наличные крестьяне обыкновенно отработываютъ и за свое семейство, и за выбылыхъ до будущей ревизіи, «пользуясь помощью подростковъ, послѣ ревизіи рожденныхъ», то сенатъ далъ знать Бекельману, что «соблюдая въ равновѣсіи единожды навсегда заведенный о подобныхъ работахъ порядокъ, на перемѣну онаго по многимъ важнымъ причинамъ поступить не можетъ, тѣмъ паче, что и на Гороблагодатскихъ заводахъ, которые онъ... примѣромъ тому поставляетъ, подобнаго положенія отнюдь нѣтъ».

Въ началѣ 80-хъ годовъ, предъ четвертою ревизіей, крестьянъ, приписанныхъ къ Нерчинскимъ заводамъ, считалось 9,999 д., изъ нихъ употреблялось въ заводскія работы 6,378 душъ, занималось казеннымъ хлѣбопашествомъ 1,260 душъ, стариковъ, умершихъ и употребляемыхъ въ цѣловальники было 1,891 д., наконецъ, ссыльно-поселенцевъ 470 душъ. Но это былъ счетъ на ревизскія души, въ дѣйствительности же въ это время приписныхъ къ Нерчинскимъ заводамъ крестьянъ было гораздо болѣе, какъ и оказалось по четвертой ревизіи, когда ихъ насчитали 11,854 д., въ томъ числѣ занимавшихся казеннымъ хлѣбопашествомъ 1,963 д. Жилища приписныхъ находились отъ заводовъ въ разстояніи отъ 3 до 591 вер.

Въ 1787 г., именнымъ указомъ 5 января, Нерчинскіе заводы были переданы въ вѣдѣніе Кабинета въ особое распоряженіе члена комитета генералъ-майора Соймонова.

В. Семевскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Пересмотръ положенія о крестьянахъ *).

Министерская программа, очевидно, придаетъ большое значеніе порядку замѣщенія должностныхъ лицъ сельскаго и волостного управленія и возвращается къ вопросу этому нѣсколько разъ, какъ бы призывая тѣмъ совѣщанія къ наиболѣе полному, наиболѣе всестороннему, вдумчивому и вполне обоснованному обсужденію. О порядкѣ замѣщенія говорятъ вопросы 18, и 21, и 23, и отчасти 22 перечня. Можно предполагать, что совѣщанія дали отвѣты серьезно обоснованные и мотивированные.

При детальномъ разсмотрѣніи сихъ отвѣтовъ обращаетъ на себя вниманіе одно обстоятельство весьма характерное для безпристрастной и правильной оцѣнки высказанныхъ мнѣній: предложеніе программы перейти отъ выборнаго начала при замѣщеніи должностей лицъ сельскаго и волостного управленія къ порядку назначенія ихъ правительственною властью вызвало большія разномыслія среди отдѣльныхъ мнѣній членовъ уѣздныхъ совѣщаній—по преимуществу земскихъ начальниковъ. Разномысліе это замѣчается и въ отвѣтахъ уѣздныхъ совѣщаній, куда вполне естественно проникла страсть или, точнѣе выразиться, пристрастность мнѣній лицъ, непосредственно заинтересованныхъ въ томъ или иномъ разрѣшеніи вопроса; болѣе хладнокровное и спокойное обсужденіе вопроса въ губернскихъ совѣщаніяхъ дало результаты поразительные по своему единодушію; ни одно губернское совѣщаніе не признало возможнымъ замѣнить выборную систему крестьянскихъ должностныхъ лицъ системой правительственнаго назначенія. Правда, что въ двухъ совѣщаніяхъ, петербургскомъ и ярославскомъ, меньшинство находило такую замѣну желательной, но мнѣніе это такъ уныло и жалко звучитъ среди стройнаго унисона единогласныхъ отвѣтовъ губернскихъ совѣщаній, что врядъ ли представляется какая-либо необходимость долго останавливаться на доказательствахъ непрактичности, несообразности этихъ желаній, предлагающихъ реформу опасную и вредную, по мнѣнію всѣхъ губернскихъ совѣщаній, не только для быта крестьянскаго, но и для нашего государственнаго управленія. Насколько желанія эти неосу-

*) *Русская Мысль*, кн. II, 1900 г.

шествыми на практикѣ, легко видѣть даже изъ того, что данную реформу, по мнѣнію одного изъ членовъ петербургскаго совѣщанія, — мнѣнію занесенному въ сводъ заключеній, — необходимо связать съ упраздненіемъ всего общественнаго управленія для крестьянскаго сословія, какъ не обезпечивающаго благоустройства въ этой средѣ. Было бы совершенно бездѣльно и бесполезно обсуждать и опровергать подобныя предложенія, составляющія своего рода уникумъ нашихъ дней.

Указанное нами свойство отвѣтовъ и заключеній уѣздныхъ и губернскихъ совѣщаній и отдѣльныхъ его членовъ вполне понятно: трудно ожидать спокойнаго, безпристрастнаго обсужденія вопроса отъ людей, непосредственно заинтересованныхъ въ его разрѣшеніи, особливо же людей не обладающихъ достаточной широтой взглядовъ, людей нерѣдко даже и мало образованныхъ; вполне естественно желаніе такихъ людей видѣть въ лицѣ сельскихъ и волостныхъ должностей послушное и безличное орудіе своей неограниченной воли, орудіе безропотное и безгласное, наемника, зависимаго отъ одного лишь приказанія, отъ одного слова высшаго правительственнаго агента; но они забыли, что сельское и волостное управленіе построено на началахъ самоуправленія, что сельскія и волостныя власти прежде всего представители и защитники интересовъ общественныхъ, что функціи административныя являются какъ бы невольны ими выполняемыми за недостаткомъ, за неимѣніемъ низшихъ сельскихъ правительственныхъ должностныхъ лицъ, что предполагаемое ими преобразование выборныхъ общественныхъ должностныхъ лицъ въ правительственныхъ низшихъ чиновъ лишитъ общественные классы ихъ представителей и создастъ новый разрядъ чиновниковъ, мало полезныхъ для государства по ихъ невѣжеству и косности, и обременитъ государственную казну непосильною затратой средствъ на ихъ содержаніе. Въ тѣхъ совѣщаніяхъ, гдѣ соображенія эти были приняты въ расчетъ, притязанія на узурпацію общественныхъ правъ встрѣтили должный отпоръ и совѣщанія отвѣтили отрицательно на вопросъ о замѣнѣ выборной системы назначеніемъ. «Назначеніе, — говоритъ спасское совѣщаніе, — не можетъ улучшить состава сельскихъ и волостныхъ должностныхъ лицъ потому, что общество несравненно лучше знаетъ своихъ членовъ, чѣмъ можетъ знать земскій начальникъ, даже живущій въ одномъ съ нимъ селѣ. Можно представить примѣръ, гдѣ земскій начальникъ, жившій болѣе 25 лѣтъ въ селѣ, служившій долго мировымъ судьей, и никогда не назначилъ бы нѣкоторыхъ лицъ въ этомъ селѣ въ старосты, еслибы это было ему предоставлено; но они, будучи избраны обществомъ, оказались вполне удовлетворительными; это произошло въ томъ же селѣ, гдѣ жилъ земскій начальникъ; есть ли какая-либо возможность земскому начальнику назначать вполне удовлетворительныхъ старостъ и старшинъ въ селеніяхъ, отстоящихъ отъ него на разстояніи десятковъ верстъ? Опытъ назначенія есть: при выборѣ въ волостные судьи земскимъ начальникамъ предоставлено изъ числа уже выбранныхъ обществомъ лицъ назначать лучшихъ въ волостные судьи, а изъ нихъ

самыхъ лучшихъ рекомендовать въ предсѣдатели судовъ—и, несмотря на это, назначенія оказывались иногда ошибочными и назначенныхъ лицъ въ судьи, даже въ предсѣдатели, сами же земскіе начальники представляли къ удаленію. Слѣдуетъ помнить, что среди земскихъ начальниковъ встрѣчаются и будутъ встрѣчаться люди не мѣстные; затѣмъ люди хотя и мѣстные, но молодые, не знающіе своего участка. Кромѣ того, если въ настоящее время сельскій староста или волостной старшина сдѣлаетъ растрату, то покрываетъ, въ случаѣ неимѣнія у обвиняемаго средствъ, общество, его избравшее, и это совершенно справедливо: если общество неосмотрительно избрало должностное лицо и небрежно его учитывало, то и должно нести послѣдовавшіе отъ того убытки. А когда староста или старшина, назначенный земскимъ начальникомъ, растратитъ общественныя суммы, неужели справедливо возложить на общество пополненіе растраты за несостоятельнаго обвиняемаго? Вина падаетъ на земскаго начальника: онъ плохо выбралъ, плохо смотрѣлъ. «Есть лица,—продолжаетъ далѣе совѣщаніе,—даже стоящія у дѣла, которыя высказываются за назначеніе; это потому, что они подчинились идеѣ, не провѣривъ ее хотя бы на своемъ хозяйствѣ. Всѣмъ намъ до крайности трудно пріискать хорошаго старосту, приказчика, даже лакея. Можно ли быть увѣреннымъ, что для многихъ десятковъ обществъ и для нѣсколькихъ волостей земскій начальникъ пріиметъ вполнѣ удовлетворительныхъ старостъ и старшинъ? А если назначенныя лица будутъ плохи, то вина справедливо будетъ приписана ближайшему начальству и подорветъ его авторитетъ и даже часто будетъ заподозрѣна его безпристрастность. Желательно ли это?»

Мы дословно привели заключеніе спасскаго совѣщанія, построенное исключительно на аргументахъ чисто-житейскаго, практическаго свойства, но до такой степени убѣдительныхъ и неотразимыхъ, что вся реформа обращается въ невыполнимую затѣю даже съ одной только стороны практической ея непригодности, не говоря уже о принципиальныхъ началахъ.

Всѣ отвѣты губернскихъ совѣщаній подобнымъ же образомъ носятъ характеръ двойныхъ возраженій: съ одной стороны возраженія чисто практическаго свойства, съ другой—указанія на несоотвѣтствіе предлагаемой системы основной идеѣ крестьянскаго самоуправленія, идеѣ однако не вполнѣ послѣдовательно проведенной въ томъ отношеніи, что весьма многія совѣщанія, предлагая сохранить выборное начало, идутъ какъ бы на компромиссъ съ защитниками системы назначенія и проектируютъ утвержденіе выборныхъ лицъ въ должности властью правительственной; имѣется нѣсколько варіацій этихъ предложеній: одни предлагаютъ утвержденіе изъ нѣсколькихъ кандидатовъ, изъ двухъ, трехъ и даже четырехъ; другіе предлагаютъ послѣдовательную отміну выборовъ, впредь до утвержденія лица, признаннаго властями пригоднымъ къ отправленію соотвѣтствующихъ обязанностей и даже допускаютъ здѣсь, въ извѣстныхъ случаяхъ, и назначе-

*) Св. уѣз. сов. Ряз. губ. ч. I, стр. 57.

ніе; третьи предлагаютъ назначеніе лишь при устраненіи выборнаго лица отъ должности; точно также существуетъ нѣсколько мнѣній и относительно того, какой именно власти должно принадлежать право утвержденія: земскому начальнику, уѣздному сѣзду, губернатору или губернскому присутствію.

Идти на такой компромиссъ значитъ въ сущности видоизмѣнить и подорвать всю выборную систему: послѣдовательно отмѣной выборовъ, въ концѣ концовъ, можно достигнуть тѣхъ же результатовъ, какъ и системой прямого назначенія, проведеніемъ въ должность лица желательнаго не обществу, а земскому начальнику; выборное начало здѣсь сохранивается лишь номинально, лишь для устраненія тѣхъ невыгодныхъ сторонъ и послѣдствій системы правительственнаго назначенія, которыя были указаны соображеніями практическаго свойства; здѣсь заботы по присканію подходящаго лица не удручаютъ власть правительственную; отвѣтственность за цѣлость суммъ лежитъ на обществѣ; труды должностныхъ лицъ также оплачиваетъ общество. Но право назначенія все же, въ сущности, принадлежит не обществу, а лицу властному отмѣнить выборы безъ указанія мотивовъ и послѣдовательно отмѣной добиться выборовъ намѣченнаго кандидата. Во что же обращается здѣсь вся система самоуправленія и въ чемъ выражается свобода выборовъ и воля избирателей? Нельзя не отдать предпочтенія болѣе прямымъ, чуждымъ всякихъ компромиссовъ, отвѣтамъ нѣкоторыхъ совѣщаній, указывающихъ на нежелательность предоставленія земскимъ начальникамъ и другимъ властямъ права утверждать въ должности выбранныхъ лицъ и считающихъ дѣйствующій порядокъ съ правомъ смѣны и отстраненія отъ должностей непригодныхъ лицъ вполне гарантирующимъ правильное теченіе сельской общественной жизни (полтавское, самарское и др.). Не можемъ обойти молчаніемъ еще одного исключительнаго мнѣнія витебскаго совѣщанія, предлагающаго, во-первыхъ, привлечь къ участию въ выборахъ мѣстныхъ священниковъ и землевладѣльцевъ, и, во-вторыхъ, въ виду явной непосильности для нѣкоторыхъ малолюдныхъ сельскихъ обществъ содержать должностныхъ лицъ, обезличить мірскіе сборы, установить, такъ сказать, общую кассу мірскихъ сборовъ по губерніи, откуда и производить необходимые мірскіе расходы, не соображаясь съ предварительнымъ поступленіемъ сборовъ этихъ не только по обществамъ, но даже по волостямъ и уѣздамъ. Отмѣчая эту искусственную конструкцію проектируемой совѣщаніемъ реформы, укажемъ съ своей стороны, не проще ли достигнуть осуществленія предлагаемыхъ мѣръ путемъ учрежденія всесловной волости, какъ первичной земской единицы?

Аномалія и несправедливость сословнаго крестьянскаго обложенія (путемъ ли денежныхъ взносовъ или путемъ отбыванія натуральныхъ повинностей) входитъ все болѣе въ сознаніе общественное, доказательствомъ чего могутъ служить отзывы губернскихъ совѣщаній по поводу существующей организаціи института сельскихъ полицейскихъ служителей—десятскихъ и сотскихъ. Какъ и въ предыдущемъ вопросѣ, отдѣльныя мнѣнія и предло-

женія были тѣмъ одностороннѣе и тѣмъ страстнѣе, чѣмъ ближе касалось разрѣшеніе этого вопроса непосредственнаго начальства проектируемыхъ властей—мѣстной уѣздной полиціи: множество уѣздныхъ совѣщаній весьма быстро схватили мысль о необходимости предоставить право назначенія и замѣщенія органовъ сельской полиціи распоряженіемъ уѣзднаго исправника, но они упустили изъ виду, въ какомъ разладѣ съ требованіями справедливости стоялъ бы такой порядокъ превращенія сельской полиціи въ органы общегосударственные, съ оставленіемъ, однако, обязанности содержанія и оплаты этихъ органовъ на сословной крестьянской повинности. Губернскія совѣщанія посмотрѣли на вопросъ этотъ шире и дали ему болѣе правильную постановку: большинство изъ нихъ находятъ повинность эту весьма обременительной для населенія, находятъ необходимымъ преобразованіе даннаго института примѣнительно къ порядкамъ обще-государственнымъ, обще-земскимъ или, по крайней мѣрѣ, обще-волостнымъ. Да и врядъ ли кто сталъ бы защищать существующую систему избранія сотскихъ и десятскихъ. Кто близко знакомъ съ деревенской жизнью и съ настоящей ея безприкрасной дѣйствительностью, кто имѣлъ возможность непосредственно наблюдать эту жизнь и вдумчиво относился къ ея проявленіямъ, тотъ могъ видѣть, изумляться, а можетъ быть и ужасаться, какъ въ непогоду, въ стужу, въ дождь, въ слякоть, весь промокшій и иззябшій, въ дырявомъ полушубкѣ и мокрыхъ лаптяхъ плетется на дежурство въ становую квартиру очередной десятскій, этотъ представитель деревенской полицейской власти. Вспомнимъ, что этотъ жалкій полицейскій долженъ пройти нерѣдко 30—50 верстъ, прежде чѣмъ добратъся до цѣли своего путешествія, что повинность эту онъ несетъ безвозмездно, что дома у него осталась семья, быть можетъ голодная, и занятія, быть можетъ спѣшныя и неотложныя, обезпечивающія ему насущный кусокъ хлѣба; вспомнимъ все это и мы поймемъ всю жестокость якобы теоретически-правильныхъ построеній о натуральной крестьянской повинности на началахъ сословности для поддержанія порядка и благочинія среди крестьянскаго населенія. Да и какую пользу, какую распорядительность можетъ проявить этотъ очередной крестьянинъ, мирно занимавшійся своимъ домашнимъ трудомъ и случайно попавшій въ число «избранной» полиціи. Большинство совѣщаній находятъ положительно необходимымъ замѣнить эту натуральную повинность денежной, съ отнесеніемъ расходовъ на средства обще-государственные. Другія совѣщанія вполнѣ сознаютъ эту необходимость, но считаютъ, что вопросъ выходитъ за предѣлы предложенной ихъ обсужденію министерской программы (см. рязанское совѣщаніе). Вятское совѣщаніе, наоборотъ, указываетъ, что по Глазовскому уѣзду давно практикуется уже то, что въ настоящее время въ другихъ мѣстахъ составляетъ лишь предметъ обсужденій и пожеланій, да и то съ оговорками и съ опасеніями: тамъ сельскія общества давно уже освобождены отъ полицейской повинности,—еще съ 1882 года,—и содержаніе десятскихъ принято на земскій счетъ, причемъ мѣра эта оказалась до очевидности выгодной для населенія, ибо прежде дежурство десятскихъ,

считалъ подешшину рабочаго въ $27\frac{1}{2}$ коп. на его харчакъ, обходилось по уѣзду въ 3,719 руб. 92 коп., земское же содержаніе этихъ десятскихъ, трехъ при полицейскомъ управленіи и по двое при становыхъ квартирахъ, обходится отъ 1,221 руб. до 1,452 руб. въ годъ.

Сопоставляя заключенія губернскихъ совѣщаній, прямо и категорически утверждающихъ, что сельская полиція должна составлять низшую часть общей полиціи и должна содержаться на средства всесословныя, земскія или государственныя (рязанское, полтавское, вятское и др.), съ предложеніями проекта петербургской земской комиссіи, полагающими необходимымъ сохранить за волостями обязанность содержанія особыхъ выборныхъ сотскихъ по одному на каждыя 300 дворовъ населенія, мы вновь должны отмѣтить нѣкоторую отсталость этого проекта сравнительно съ заключеніемъ совѣщаній и совершенно не видимъ необходимости въ выборныхъ волостныхъ сотскихъ, да еще на каждые 300 дворовъ: тѣ функціи, которыя проектъ возлагаетъ на сотскаго: слѣдить за нераспространеніемъ вредныхъ слуховъ, охранять благочиніе въ общественныхъ мѣстахъ, предупреждать и пресѣкать преступленія, наблюдать за исполненіемъ приговоровъ земскихъ начальниковъ и проч.,—положительно недоступны ни пониманію, ни силамъ современнаго типичнаго сотскаго-крестьянина; проектировать же наемъ такого огромнаго штата сотскихъ болѣе дорогихъ, болѣе расторопныхъ и грамотныхъ на подобіе нынѣшнихъ полицейскихъ урядниковъ—врядъ ли возможно безъ непосильнаго обремененія волостного мірскаго бюджета.

II.

Пріемъ новыхъ членовъ и увольненіе изъ общества.

Каждому, кто хотя нѣсколько знакомъ съ дѣйствующими у насъ законоположеніями извѣстно, что всякія причисленія, исключенія, перечисленія и приписка лицъ податныхъ сословій производятся не иначе, какъ по распоряженію казенныхъ палатъ; эти послѣднія являются учрежденіями, какъ бы санкціонирующими перемѣны общественнаго состоянія даннаго лица, причемъ всѣ остальные акты по пріему и увольненію этого лица изъ общества, по удостовѣренію его семейнаго положенія, безнедоимочнаго поступленія причитающихся съ него разнаго рода сборовъ и проч. представляются какъ бы подготовительной стадіей дѣлопроизводства, заключительнымъ и рѣшающимъ моментомъ кося является резолюція казенной палаты. Въ высшей степени жизненные, жгучіе вопросы о перечисленіи переселенцевъ, объ усыновленіи лицъ податныхъ сословій разрѣшаются тою же палатою; словомъ, казенныя палаты, повидимому, держатъ въ своихъ рукахъ самыя животрепещущія нити наиболѣе важныхъ соціальныхъ вопросовъ.

Каждый, однако, не мало будетъ изумленъ, когда увидитъ, близко познакомившись съ дѣломъ, что всѣ эти жгучіе вопросы являются въ казенной палатѣ лишь мертвой областью счетныхъ манипуляцій ревизскаго народосчисленія примѣнительно къ послѣдней десятой ревизіи. Весь интересъ,

весь смыслъ работы казенныхъ палатъ по данному вопросу сводится къ перечисленіямъ «ревизскихъ душъ» по документамъ, составленнымъ болѣе 40 лѣтъ тому назадъ: отсюда, изъ ревизскихъ сказокъ, извлекаются свѣдѣнія объ отрокахъ и младенцахъ, превратившихся въ наши дни въ почтенныхъ патріарховъ, родоначальниковъ огромныхъ семей, ищущихъ того или иного перечисленія; вся масса населенія, рожденная послѣ десятой ревизіи, не представляетъ матеріала для счетовъ палаты; послѣдняя манипулируетъ въ области фикцій, въ сферѣ ревизскихъ сказокъ и ревизскихъ душъ. Этой работой, составляющей типичный образчикъ переживанія, анахронизма, заняты сотни правительственныхъ лицъ, на содержаніе которыхъ государство затрачиваетъ не менѣе ста тысячъ рублей ежегодно.

Еще 1 февраля 1874 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ образованіи при министерствѣ финансовъ, подъ предсѣдательствомъ сенатора Гирса, особой комиссіи для составленія предположеній о мѣрахъ, какія могутъ быть приняты для введенія на будущее время правильнаго учета лицъ и для опредѣленія способовъ и порядка производства общей переписи населенія. Комиссія эта составила проектъ положенія о народной переписи и министръ финансовъ 26 февраля 1877 года представилъ его на благоусмотрѣніе государственнаго совѣта. Послѣдній, однако, нашелъ, что перепись въ имперіи, въ виду тогдашнихъ политическихъ событій и готовящейся войны, производить несвоевременно.

Впослѣдствіи, въ 1881 году, министръ финансовъ Бунге вновь обратился къ проекту переписи, выработанному упомянутой комиссіей Гирса, и передалъ его на разсмотрѣніе статистическаго совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ; въ виду начавшейся отмѣны подушной подати, статистическій совѣтъ нашелъ программу проекта устарѣвшей и выработалъ новый проектъ, препровожденный въ 1883 году въ министерство финансовъ. Это послѣднее съ своей стороны сочло преждевременнымъ давать дальѣйшее движеніе въ законодательномъ порядкѣ новому проекту переписи, которая при измѣнившихся условіяхъ могла быть установлена на иныхъ основаніяхъ сообразно съ видоизмѣненіемъ самой системы государственныхъ податей. За отмѣною подушныхъ податей и другихъ подушныхъ сборовъ, взимавшихся съ ревизскихъ мужского пола душъ бывшихъ податныхъ сословій, утрачиваетъ всякое значеніе и учетъ этихъ сословій по ревизскимъ душамъ. Но такъ какъ подобный учетъ достигался не только ревизіей, а въ промежуткахъ между двумя ревизіями также посредствомъ приписки податныхъ сословій, сопровождавшейся соотвѣтственными измѣненіями въ счетѣ податныхъ душъ посредствомъ причисленія ихъ казенными палатами въ окладъ,—то при обсужденіи вопроса о новыхъ началахъ народосчисленія необходимо было бы видоизмѣнить и узаконенія, касающіяся приписки къ обществамъ. Впослѣдствіи, въ 1888 году, министерствомъ финансовъ былъ составленъ новый проектъ, гдѣ министерство пришло къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) что счетъ бывшихъ податныхъ сословій по ревизскимъ душамъ вовсе непригоденъ для учета по воинской повинности и совершенно

ненуженъ для цѣлей податныхъ и вообще финансовыхъ; 2) что за утратой своего назначенія означенный учетъ долженъ быть замѣненъ новымъ, примѣнительно къ измѣнившимся потребностямъ народосчисленія и 3) что за измѣненіемъ означенныхъ потребностей, въ коихъ финансовое вѣдомство можетъ быть заинтересовано лишь косвенно, не должно встрѣтиться никакихъ затрудненій къ тому, чтобы и всѣ обязанности казенныхъ палатъ по перечисленію ревизскихъ душъ были теперь же отмѣнены. Приписку же въ купеческое сословіе возложить на городскія управы или думы, въ мѣщане и крестьяне—на подлежащія сословныя управленія, причемъ приписку и усыновленіе въ городскія и сельскія сословія производить согласно прежде установленному порядку, за небольшими измѣненіями, касающимися обязательности приписки и нѣкоторыхъ льготъ по увольненію изъ обществъ и по расчетамъ по выкупнымъ долгамъ.

Десятилѣтній періодъ отдѣляетъ насъ отъ того времени, когда составленъ былъ упомянутый проектъ; четверть вѣка прошло съ тѣхъ поръ, какъ дѣло народосчисленія крестьянскихъ и мѣщанскихъ сословій упорядочено путемъ составленія правильныхъ посемейныхъ списковъ въ городскихъ, мѣщанскихъ и волостныхъ управленіяхъ,—списковъ, являющихся основнымъ матеріаломъ по учету наличнаго нашего населенія; наконецъ, три года назадъ состоялась первая всеобщая перепись Россійской имперіи. А казенныя палаты все продолжаютъ свою бесплодную работу по причисленію и исключенію ревизскихъ душъ.

Казалось бы, что наканунѣ двадцатаго столѣтія положительно необходимо сдать въ архивы всѣ ревизскіе матеріалы фиктивного подсчета несуществующаго населенія временъ Чичикова и освободить живое дѣло отъ канцелярскихъ мытарствъ и рутины *).

Очень многія губернскія совѣщанія отмѣчаютъ крайнія неудобства и бесполезность обязательнаго требованія ст. 147 Общаго Положенія касательно приписки новыхъ членовъ общества не иначе, какъ черезъ посредство казенной палаты. Смоленское совѣщаніе удостовѣряетъ даже, что на практикѣ примѣняется правило, данное сенатомъ въ указѣ смоленскому губернатору отъ 10 декабря 1891 года № 9431, по которому неисполненіе формальнаго обряда приписки казенной палатой не считается препятствіемъ къ признанію правъ члена общества за лицомъ, имѣющимъ пріемный приговоръ отъ этого общества.

А разъ сенатская практика указала такой порядокъ, то нельзя не придти къ убѣжденію въ логичности и основательности предложеній смоленскаго совѣщанія, продиктованныхъ, такъ сказать, самими требованіями жизни: «Находя, что нынѣ существующій порядокъ перечисленія требуетъ двухъ условій: а) формальнаго обряда приписки казенной палатой и б) согласія общества на принятіе къ себѣ новаго члена, совѣщаніе приходитъ къ слѣ-

*) Выдержка эта напечатана мною въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* за 1899 г. № 66, см. статью „Мертвыя души“.

дующему заключенію: 1) Желательно измѣнить законъ упраздненіемъ порядка перечисленія новыхъ членовъ казенной палаты, т.-е. отиѣнить ст. 147 Общаго Положенія. Порядокъ этотъ не вызывается никакой необходимостью, не гарантируетъ ничьихъ интересовъ: ни казны, которая имѣетъ дѣло лишь съ обществомъ въ его цѣломъ, какъ платежной единицей, ни общества, ни отдѣльныхъ его членовъ. Между тѣмъ онъ осложняетъ пріемъ въ члены излишними формальностями, обременяя волостныя правленія и казенныя палаты бесполезною перепискою, и вызываетъ расходы по этому поводу со стороны заинтересованныхъ лицъ. 2) Согласіе общества на пріемъ въ члены, выражаемое непременно письменнымъ о томъ приговоромъ, должно наоборотъ считаться существеннымъ условіемъ пріема *).

Объ томъ же ходатайствуютъ рязанское, псковское, олонекое и екатеринославское и другія совѣщанія: передача дѣла приписки на предварительное разсмотрѣніе земскаго начальника или на утвержденіе уѣзднаго съѣзда и губернскаго присутствія съ обсужденіемъ приговоровъ по существу исключаетъ всякую надобность въ дальнѣйшемъ направленіи дѣла въ казенныя палаты, такъ какъ подобная санкція состоявшагося уже постановленія учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ со стороны вѣдомства министерства финансовъ являлось бы или соблюденіемъ ненужной формальности, или поводомъ къ нежелательнымъ конфликтамъ лицъ различныхъ вѣдомствъ.

По основному, кардинальному вопросу о сохраненіи за обществами предоставленныхъ имъ правъ пріема новыхъ членовъ между заключеніями совѣщаній вышли значительныя разнорѣчія: одни совѣщанія полагали возможнымъ сохранить въ силѣ всѣ дѣйствующія правила пріема членовъ, находя излишнимъ вносить въ законъ какія-либо ограниченія по этому поводу, въ виду того, что общество дорожитъ землей и само очень ревниво оберегаетъ себя отъ вступленія новыхъ участниковъ на землепользованіе надѣломъ, который все менѣе и менѣе соответствуетъ потребностямъ въ землѣ увеличивающагося въ численномъ составѣ общества (смоленское и другія); иныя совѣщанія (меньшинство) полагали наоборотъ, что законодательныя ограниченія въ виду увеличивающагося малоземелья крестьянъ положительно необходимы хотя бы установленіемъ извѣстной минимальной нормы душевого надѣла. «Какія бы мѣры ни предпринимало правительство для увеличенія крестьянскаго землевладѣнія, послѣднее не можетъ идти въ уровень съ приростомъ населенія, — говоритъ пермское совѣщаніе **), — оно всегда будетъ страдать отъ малоземелья, если не выдѣлитъ совершенно избытка населенія къ другимъ внѣземледѣльческимъ занятіямъ. Облегченіе этого процесса законодательными мѣрами отвѣчало бы интересамъ страны».

Противъ послѣдняго мнѣнія пермскаго совѣщанія необходимо возразить: именно законодательныя-то мѣры мало пригодны для развитія того или иного экономического строя народной жизни; развитіе это должно идти есте-

*) См. Сводъ, т. 2, стр. 33.

**) Т. 2 Свода, стр. 23.

ственнымъ путемъ. Особенно осторожно слѣдуетъ прибѣгать къ законодательнымъ нормамъ тамъ, гдѣ нормы эти затрогиваютъ не только экономическіе интересы отдѣльныхъ классовъ, но и личные права населенія. Пермское совѣщаніе не сомнѣвается, что полуобезпеченное существованіе значительнаго числа нашихъ земледѣльцевъ въ малоземельныхъ мѣстностяхъ въ значительной степени задерживаетъ развитіе нашей фабричной и заводской промышленности; что для экономическаго развитія страны и въ интересахъ благосостоянія народа было бы несравненно выгоднѣе, еслибъ избытокъ земледѣльческаго населенія, вмѣсто безплоднаго скитанія по Россіи для отхожихъ заработковъ, обратился въ фабричнымъ занятіямъ, оставивъ въ распоряженіе остальной части населенія земельный надѣлъ, который тогда въ значительной степени обезпечивалъ бы его бытъ. Таково убѣжденіе пермскаго совѣщанія. На это можно ему возразить, что существуютъ и другія убѣжденія, для которыхъ представляется столь же несомнѣннымъ, какъ и для пермскаго совѣщанія, что для «экономическаго развитія страны и въ интересахъ благосостоянія народа» было бы несравненно выгоднѣе, еслибъ избытокъ земледѣльческаго населенія вмѣсто скудно оплачиваемаго и разрушающаго здоровье фабричнаго труда обратился къ земледѣлію на нашихъ пустыющихъ земляхъ и окраинахъ и если бы прекращено было искусственное поощреніе фабрично-заводской промышленности, развивающейся въ ущербъ и за счетъ интересовъ класса земледѣльческаго, поневолѣ оплачивающаго весьма плохія издѣлія отечественнаго производства весьма высокими цѣнами, совершенно не соответствующими дѣйствительной стоимости товаровъ, которыхъ не берутъ чужія страны. Искусственно создавать безземельный пролетаріатъ въ интересахъ доставленія дешевой рабочей силы нашей фабрично-заводской промышленности, — что въ сущности и предлагаетъ пермское совѣщаніе, — было бы мѣрой, недостойной культурной націи и гуманнаго правительства. Да и какой % прироста населенія составляетъ пріемъ въ общество новыхъ членовъ? Скопинское совѣщаніе указываетъ, напримѣръ, что за послѣдніе 4 года всѣми обществами уѣзда при населеніи въ 80,675 душъ муж. пола, принято съ правомъ на надѣлъ 42 новыхъ члена и безъ права на надѣлъ только 5, а подобный % прироста населенія отъ пріема новыхъ членовъ можетъ ли вызывать опасеніе въ его чрезмѣрности или вредности для экономическаго строя страны?

Правительствующій сенатъ еще 31 декабря 1890 года далъ разъясненіе, что общества не могутъ принимать новыхъ членовъ безъ надѣленія ихъ землей. Изъ отвѣтовъ губернскихъ совѣщаній видно, что порядокъ этотъ и практикуется почти повсемѣстно. Вполнѣ очевидно, если признать общину единицей хозяйственной, а не административной, то много порядка пріема и быть не можетъ, ибо вся компетенція общины ограничивается предѣлами вопросовъ, связанныхъ съ распоряженіемъ надѣломъ. Многія совѣщанія указываютъ, что при надѣленіи новыхъ членовъ землей обыкновенно требуется и денежное вознагражденіе за этотъ выдѣлъ со вновь принятаго члена, — вознагражденіе, колеблющееся по мѣстностямъ отъ 3 до 300 и даже

до 500 рублей за душевой участок; совѣщанія предлагаютъ различное употребленіе этихъ денегъ: обращеніе ихъ въ мірской капиталъ, зачетъ въ погашеніе выкупного долга, приобрѣтеніе соотвѣтствующаго участка земли, граничащей съ надѣломъ, и проч. Всѣ эти предложенія одинаково желательны и цѣлесообразны, хотя рекомендовать узаконить тотъ или иной порядокъ, равно какъ и установить обязательный взносъ платы за отводимый обществомъ душевой участокъ, врядъ ли представляется возможнымъ безъ стѣсненія тѣмъ свободной воли общества; во многихъ мѣстностяхъ Россіи (для примѣра укажемъ извѣстный намъ Егорьевскій уѣздъ, Рязанской губ.) нерѣдко цѣнность надѣловъ представляется настолько ничтожной, а сумма падающихъ на него платежей настолько превышаетъ его доходность, что кореннымъ вопросомъ, затрагивающимъ имущественные интересы общины, является здѣсь увольненіе изъ общества, а не пріемъ новаго члена, всегда желательный въ смыслѣ разверстанія платежей на большее количество участниковъ надѣла. Установить въ данномъ случаѣ требованіе обязательнаго взноса платы за отводимый надѣлъ было бы положительно невозможно и даже вредно для интересовъ общества, ограничивая кругъ лицъ, желающихъ приписаться къ обществу; то соображеніе, что данное общество внесло уже за выдѣляемый участокъ извѣстную сумму выкупныхъ платежей, погасило часть первоначальнаго выкупного долга, не должно на насъ останавливать, такъ какъ обществу виднѣе, какъ ему поступить и что для него выйднѣе въ данномъ случаѣ. Поэтому компетенціи самого общества и слѣдуетъ предоставить разрѣшеніе вопроса о вознагражденіи за выдѣляемый участокъ, какъ оно и практиковалось до сихъ поръ, причемъ, конечно, вознагражденіе это никакимъ образомъ не можетъ быть дѣлимо по рукамъ участниковъ надѣла, составляя достояніе общественное, доходъ всей общины, какъ таковой.

Затѣмъ разрѣшеніе вопросовъ о причисленіи лицъ, не ищущихъ права пользованія земельнымъ надѣломъ, — по выраженію закона «для счета народнаго», — очевидно, должно составлять компетенцію той административно-территоріальной единицы, куда они причисляются, въ данномъ случаѣ — волости.

Основное правило, установленное и закономъ и сенатскими разъясненіями, что пріемъ новыхъ членовъ съ надѣленіемъ ихъ землею можетъ происходить не иначе какъ съ согласія общества, по пріемному ихъ на то приговору, въ нѣкоторыхъ случаяхъ однако теряетъ свою силу: практикой того же правительствующаго сената указаны и освящены такіе случаи, когда пріемъ новыхъ членовъ съ полнымъ правомъ ихъ на земельный надѣлъ можетъ происходить не только безъ согласія на то общества, но даже противъ воли и желанія этого послѣдняго, а именно: 1) лица, приписанныя къ семействамъ и усыновленные безъ согласія общества, имѣютъ право на землю принявшей ихъ семьи, но не могутъ лишь требовать отъ общества особаго для себя надѣла; 2) незаконнорожденные имѣютъ право на землю въ обществѣ своей матери и 3) зятья, принятые тестемъ въ домъ, (примакъ) имѣютъ право послѣ смерти тестя пользоваться его участкомъ.

При обсужденіи вопросовъ этихъ въ губернскихъ совѣщаніяхъ возникъ и принципиальный вопросъ, слѣдуетъ ли, т.-е. справедливо ли и соответствуетъ ли общиннымъ началамъ, узаконить порядокъ, указанный практикой сената. Не говоря уже о томъ, насколько разнорѣчивы оказались по данному вопросу заключенія отдѣльныхъ совѣщаній, даже среди членовъ одного и того же совѣщанія возникали столь рѣзкія разнорѣчія, аргументированныя однако такими вѣскими доводами, что трудно примирить ихъ между собой или найти между ними какую-либо середину, какой-либо компромиссъ. Такъ, въ симбирскомъ совѣщаніи *) часть членовъ находила подобную практику сената противорѣчащей правамъ общества, которое лишь по доброй волѣ можетъ принимать въ свой составъ новыхъ членовъ. По ихъ мнѣнію, усыновленіе, хотя бы и по закону, давая усыновляемому право на благопріобрѣтенное родителями имущество, не даетъ ему права на пользованіе общественной землей, связанное со званіемъ члена общества, къ которому онъ приписывается лишь для одного счета. Какъ усыновляемые законнымъ порядкомъ, такъ и принимаемые въ семью одного изъ домохозяевъ зятями, мужьями и дольниками, если только не послѣдовало согласія общества на пріемъ ихъ въ члены онаго, не имѣютъ никакихъ правъ на общественное землепользованіе. Никакое давностное фактическое надѣленіе ихъ общественною землею не создаетъ для нихъ права на землепользованіе, кромѣ лишь участія въ пользованіи подворнымъ, наслѣдственнымъ участкомъ, отведеннымъ принявшей ихъ семьѣ, и усадебной землей принявшаго ихъ двора.

Члены совѣщанія, не согласные съ такимъ мнѣніемъ, находили, напротивъ, практику сената вполне оправдываемою требованіями справедливости и существующими въ обычномъ народномъ правосознаніи представленіями о томъ, что не тѣ только лица — члены общины, кто къ ней формально приписанъ, а и тѣ, кто въ ней фактически давно состоялъ, былъ участникомъ и общихъ благъ, и общихъ несчастій, несъ съ обществомъ всѣ тяготы платежей за землю, внося въ казну иной разъ болѣе половины капитальной стоимости своего права на общественную землю. Они находили, что, въ интересахъ обезпеченія части отдѣльныхъ членовъ общества отъ произвола общины, законъ долженъ выработать особые правила, по которымъ въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ каждый членъ общества могъ бы для поддержанія своего падающаго хозяйства и вымирающей семьи усыновить единственного пріемыша, или къ дочери своей принять зятя, даже и безъ согласія общества, которому распаденіе хозяйства такого члена можетъ представлять извѣстныя матеріальныя выгоды, въ видѣ пріобрѣтенія въ пользованіе его надѣла.

Итакъ, одни совѣщанія высказываются за необходимость согласія общества при усыновленіи съ правомъ пользованія надѣломъ, за исключеніемъ лишь тѣхъ случаевъ, когда усыновляемый принадлежитъ къ тому

*) Сводъ, т. II, стр. 87.

же самому обществу, какъ и усыновитель: «Какъ ни печально положеніе этихъ неравноправныхъ членовъ общества,—говоритъ пермское совѣщаніе (стр. 73),—тѣмъ не менѣе установленіе другого порядка предоставленія имъ правъ общественныхъ, помимо согласія схода, было бы несправедливо и не согласовалось бы съ точкой зрѣнія высказанной совѣщаніемъ по вопросу о приѣмѣ новыхъ членовъ въ общества. Что касается до устройства ихъ быта, то въ крайнихъ случаяхъ, удостовѣренныхъ подлежащею властью, такимъ лицамъ слѣдовало бы предоставлять право ходатайства о водвореніи на казенныхъ земляхъ». Другія же совѣщанія (могилевское, курское, костромское и др.) удостовѣряютъ даже, что и въ настоящее время приемыши и усыновленные безъ согласія на то общества не пользуются общественной землей.

По отношенію къ незаконнорожденнымъ большое затрудненіе встрѣчается въ томъ случаѣ, когда матери возвращаются издалека въ мѣсто своей приписки со взрослыми, незаконнорожденными сыновьями и претендуютъ впервые на выдѣлъ на ихъ долю надѣла. Въ этихъ послѣднихъ случаяхъ устройство ихъ быта, по заключенію пермскаго совѣщанія, составляетъ трудно разрѣшимую задачу, ибо они являются въ свои общества совершенно посторонними людьми, встрѣчая повсюду непріязненные отношенія. Въ большинствѣ случаевъ изъ нихъ вербуются контингентъ деревенскихъ батраковъ.

Нельзя не согласиться съ заключеніемъ этого совѣщанія, что устройство быта этихъ членовъ общества, также какъ и усыновляемыхъ и приемышей, составляетъ трудно разрѣшимую задачу. Если самая идея общиннаго землевладѣнія построена на началахъ надѣленія землей всѣхъ членовъ даннаго общества, то, съ другой стороны, та же идея общины, общественнаго мірскаго разрѣшенія всѣхъ вопросовъ, возникающихъ по поводу пользованія надѣловъ, подсказываетъ, что въ этой области не можетъ быть рѣшеній, несогласныхъ съ волею общества. Повидимому, это послѣднее мнѣніе и должно быть принято въ данномъ случаѣ: въ самомъ дѣлѣ, удобно ли, возможно ли навязывать обществу такихъ членовъ, которыхъ оно не желаетъ принимать въ свою среду, не можетъ надѣлать ихъ землей, отвѣчать за ихъ платежную исправность своимъ круговымъ ручательствомъ? Если вновь вступающій членъ общины,—усыновляемый или приемышъ,—для общества является членомъ желательнымъ, добросовѣстнымъ и надежнымъ съ платежной точки зрѣнія, то общество и не будетъ имѣть основаній не давать своего согласія на приѣмъ такого члена. Всегда имѣются какія-либо причины отказа общества принять новыхъ членовъ: указываютъ или на безнравственное и нетрезвое его поведеніе, на недостаточность надѣла, малоземелье и проч. Поставить въ данномъ случаѣ условіемъ полученіе согласія общества еще не значитъ отказать въ усыновленіи; послѣднее можетъ состояться лишь съ передачей правъ на имущество благопріобрѣтенное, а не общественное. Соблюденіе тѣхъ или иныхъ условій существуетъ при совершеніи всякихъ вообще гражданскихъ актовъ; хотя

условія эти перѣдко и весьма стѣснительны для интересовъ частныхъ лицъ, но все же они соблюдаются въ интересахъ общественныхъ; самыя условія общежитія налагаютъ на насъ массу различныхъ ограниченій и требованій, которымъ мы поневолѣ должны подчиняться въ интересахъ общихъ, а не личныхъ; равнымъ образомъ нѣтъ основаній ограничивать волю общества въ распоряженіи общественнымъ имуществомъ исключительно въ интересахъ частныхъ лицъ. Говорятъ, что эти послѣднія въ правѣ распоряжаться имуществомъ, оплаченнымъ ими на половину ежегодными взносами выкупныхъ платежей; возраженіе это неправильно; надѣльная земля не составляетъ такого имущества, распоряженіе которымъ ограничено лишь правами казны по выкупнымъ долгамъ; это имущество общественное, мірское, независимо отъ того, оплачено оно выкупными платежами или нѣтъ; право распоряженія этимъ имуществомъ принадлежитъ всей общинѣ, всему міру; отдѣльные же члены общества имѣютъ лишь право пользованія—въ этомъ и заключается весь смыслъ, весь строй общиннаго землевладѣнія, иначе нельзя было бы допускать и передѣловъ общественной земли, измѣняющихъ доли участниковъ безъ всякаго соображенія съ прежними ихъ долями и платежами. Единственный компромиссъ, который возможно было бы допустить, это — признать право земской давности по владѣнію надѣльнымъ участкомъ земли. Компромиссъ этотъ устранилъ бы явную несправедливость отобранія надѣла у фактическаго давностнаго владѣльца, будь онъ усыновленный или «примакъ»—безразлично, но оградило бы общества отъ того случайнаго и непрошеннаго элемента, отъ тѣхъ спекуляторовъ, чуждыхъ деревнѣ, для которыхъ данное общество является не родиной и не близкой семьей, а лишь временнымъ пристанищемъ въ ихъ полной приключеніями жизни.

Мысль о примѣненіи земской давности въ нѣкоторыхъ случаяхъ общиннаго землевладѣнія—мысль не новая, на которой останавливались и нѣкоторыя губернскія совѣщанія *). Въ самомъ дѣлѣ, разъ въ теченіе десяти лѣтъ общество признавало своимъ полноправнымъ членомъ какое-либо вновь прибывшее лицо, скажемъ, незаконнорожденнаго или усыновленнаго, допускало его до пользованія общественнымъ надѣломъ, оно тѣмъ самымъ молчаливо санкціонировало принятіе его въ свою среду, а съ другой стороны и вновь прибывшій членъ общины доказалъ свою привязанность къ землѣ, укрѣпилъ свою связь съ общиной, воочію убѣдилъ, что онъ далекъ отъ всякихъ предпринимательскихъ аферъ.

Представимъ теперь обратное явленіе: пусть членъ общины въ теченіе 10-ти лѣтъ проживаетъ на сторонѣ и не пользуется своимъ земельнымъ надѣломъ; не порвалъ ли онъ всѣ свои связи съ этимъ участкомъ и не въ правѣ ли онъ требовать обязательнаго увольненія, хотя бы и безъ согласія на то общества? Вопросъ объ увольненіи членовъ общества вообще вызываетъ не мало весьма основательныхъ возраженій и замѣчаній со

*) Напримѣръ, костромское. См. Сводъ, т. 2, стр. 110.

стороны губернскихъ совѣщаній, указывающихъ на отсталость практикующагося порядка увольненія, требующаго соблюденія множества отжившихъ и не вызываемыхъ потребностями текущей жизни формальностей. Такъ, витебское совѣщаніе указываетъ на неопредѣленность п. 5 ст. 130 Общаго Положенія, требующаго согласія родителей совершенно безотносительно, проживаетъ ли увольняемый совмѣстно съ родителями, или состоятъ съ ними въ раздѣлѣ. Казалось бы, что въ случаѣ увольненія дѣтей отдѣленныхъ требованія п. 5-го могутъ считаться излишними, дающими лишь поводъ къ возможнымъ злоупотребленіямъ родительскими правами. Явнымъ анахронизмомъ звучать и требованія статей 173 и 174 Положенія о выкупѣ, касающихся обязательной уплаты увольняемымъ половины выкупного долга, лежащаго на его надѣльномъ участкѣ, и возможности увольненія изъ общества не болѣе $\frac{1}{3}$ всѣхъ его членовъ. При возрастающемъ изъ году въ годъ сельскомъ населеніи и при возвышающейся цѣнности земли нельзя не признать требованія эти излишними, продиктованными опасеніями, не оправдываемыми современными условіями жизни. При существованіи системы круговой поруки, конечно, можно и даже должно испрашивать на увольненіе согласіе общества; но обусловливать полученіе этого согласія выполненіемъ отжившихъ требованій, не отвѣчающихъ жизненнымъ потребностямъ, едва ли представляется какая-нибудь необходимость; оно являлось бы лишнимъ стѣсненіемъ свободы личности, свободы передвиженія. Витебское совѣщаніе позагаётъ, что требованіе примѣчанія къ ст. 173 Положенія о выкупѣ, также какъ и ст. 174, необходимо оставить въ силѣ, сохранивъ за губернскими присутствіями обязанность удостовѣренія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, что увольненіе членовъ изъ общества безъ взноса половины выкупной ссуды за ихъ участки и остающійся за обществомъ надѣлъ, не превышающій опредѣленнаго для той мѣстности высшаго размѣра, не сдѣлаетъ общества несостоятельнымъ къ исправному взносу платежей, а также и давать разрѣшенія въ случаяхъ увольненія изъ обществъ недоимочныхъ; смоленское же совѣщаніе находитъ, наоборотъ, возможнымъ и даже полезнымъ упростить весь этотъ порядокъ, представляющій въ сущности лишь сложную и ни къ чему не ведущую формальность, имѣющую, какъ показываетъ практика, «чисто бумажно-канцелярскій характеръ», ибо удостовѣреніе отъ губернскаго присутствія можетъ послѣдовать не иначе, какъ по порученію со стороны присутствія земскому начальнику повѣрки приговора; земскій начальникъ ограничится справкой волостного правленія, не имѣя возможности лично разслѣдовать каждое дѣло; присутствіе довольствуется справкой земскаго начальника, не имѣя никакой возможности провѣрить ее; въ результатъ получается масса бумагъ, тысяча журнальныхъ опредѣленій, а вопросъ, обойдя извѣстный кругъ и замкнутое кольцо инстанцій, возвращается все же къ исходной своей точкѣ, къ согласію общества, выраженному въ формѣ мірскаго приговора и удостовѣренному волостнымъ правленіемъ.

На излишній формализмъ на канцелярскую волокиту и не однихъ

только крестьянскихъ учреждений, но, главнымъ образомъ, посторонняго вѣдомства, — казенной палаты, — при разрѣшеніи вопросовъ объ увольненіи указываютъ екатеринославское, симбирское, тульское и другія совѣщанія.

Совершенно соглашаясь съ мнѣніями совѣщаній, полагающихъ, что растущая цѣнность земли исключаетъ возможность какихъ-либо потерь или убытковъ казны при сдачѣ въ общество надѣльныхъ участковъ увольняемаго, мы думаемъ, однако, что и вообще соображенія о потеряхъ казны не должны бы препятствовать правильному и свободному передвиженію народныхъ массъ, такъ какъ соображенія эти не вытекаютъ изъ дѣйствительныхъ условій нашей податной системы, основанной на принципѣ круговой отвѣтственности, и не соотвѣтствуютъ задачамъ и цѣлямъ правительства по благоустройству благосостоянія народныхъ массъ. Говоря словами казанскаго совѣщанія, «накопленіе значительныхъ недоимокъ сельскимъ обществомъ, при общинномъ пользованіи землей, служить безспорнымъ признакомъ разстройства экономическаго быта большинства членовъ этого общества и положеніе его нимало не улучшится отъ задержки тѣхъ членовъ, которые пріискали себѣ новое, болѣе обеспеченное положеніе; нѣтъ достаточныхъ основаній препятствовать выходу крестьянъ изъ тѣхъ обществъ, гдѣ надѣлъ по своимъ качествамъ не обеспечиваетъ платежей, и перелagать такимъ образомъ платежи съ общества на лицъ» *). А потому не о потеряхъ казны возможна здѣсь рѣчь, а объ убыткахъ и о необеспеченномъ положеніи остающихся членовъ общины. Какимъ же образомъ избѣжать этого послѣдняго препятствія для увольняющихся членовъ общины? Нечего и говорить, что коренною мѣрой, разрѣшающей задачу, являлась бы мѣра финансоваго характера, на которую указывали и совѣщанія: пониженіе выкупныхъ платежей до уровня платежныхъ силъ населенія.

А. Еропкинь.

(Окончаніе слѣдуетъ).

*) Свод. т. 2, стр. 109.

О задачахъ правильной организаціи труда душевно-больныхъ въ психіатрическихъ больницахъ *).

Правильная организація труда душевно-больныхъ въ психіатрическихъ больницахъ представляетъ у насъ въ Россіи все еще вопросъ, ожидающій практическаго своего разрѣшенія, такъ какъ многія больницы находятся еще въ періодѣ переустройства, другія—устраиваются заново, а третьи—только проектируются и притомъ въ однихъ больницахъ обращается большее вниманіе на работы и занятія больныхъ, въ другихъ—меньшее, смотря по воззрѣніямъ завѣдующаго и съчувствію хозяйствующихъ общественныхъ органовъ управленія, въ вѣдѣніи которыхъ находится данная больница. Желательно поэтому выработать общіе принципы организаціи работъ больныхъ и знать, чего можно достигать въ лѣчебномъ отношеніи, примѣняя трудъ у душевно-больныхъ.

Уже въ средніе вѣка были попытки примѣненія съ лѣчебною цѣлью труда у душевно-больныхъ. Такъ, Пинель, знаменитый французскій психіатръ начала этого столѣтія, рассказываетъ въ своемъ *Traité médico-philosophique*, что въ Испаніи, въ г. Сарагоссѣ существовала съ 1425 г. общественная больница для душевно-больныхъ различныхъ странъ, округовъ и религій—съ надписью: «*Urbis et Orbis*». «Здѣсь,—говоритъ Пинель,—кромѣ механическаго труда, въ основу устройства учрежденія положено было земледѣліе. Уже съ ранняго утра одни изъ больныхъ выполняли домашнія работы, другіе—направлялись въ мастерскія, большинство же по-группно, во главѣ съ умнымъ и опытнымъ надзирателемъ, расходилось по обширнымъ больничнымъ владѣніямъ и очень усердно работало тамъ, смотря по времени года. Въ работахъ проходитъ весь день, и онъ прерывается только для отдыха и сна». Далѣе Пинель указываетъ, что въ Шотландіи въ прошломъ столѣтіи пользовался большою славой въ дѣлѣ лѣченія душевно-больныхъ фермеръ, употреблявшій присылаемыхъ къ нему для лѣченія больныхъ въ качествѣ слугъ и вьючныхъ животныхъ. Эти факты

*) Читано въ первоначальномъ видѣ 9 апрѣля 1899 г. въ засѣданіи Общества невропатологовъ и психіатровъ въ Москвѣ.

и другія соображенія послужили Пинелю исходною точкой для собственныхъ опытовъ, и вскорѣ, въ 1801 году, на основаніи своихъ наблюденій онъ рѣшился объявить, что тѣлесныя упражненія и механическія занятія должны служить основнымъ закономъ всѣхъ лѣчебницъ для душевно-больныхъ, и что самымъ вѣрнымъ и почти единственнымъ ручательствомъ за сохраненіе здоровья, нравственности и порядка въ пріютахъ и лѣчебницахъ служатъ настойчивыя занятія механическимъ трудомъ. Для болѣе широкаго примѣненія труда онъ совѣтовалъ присоединять къ лѣчебницамъ обширныя поля для воздѣлыванія ихъ больными и самимъ больницамъ придавать видъ фермъ.

Самому Пинелю однако не удалось практически осуществить вышеупомянутыя идеи примѣненія труда душевно-больныхъ въ большомъ размѣрѣ на сельско-хозяйственной фермѣ, и только въ 1828 году преемникъ его Ferrus добился того, что въ сосѣдствѣ съ Бисетромъ (больницей для душевно-больныхъ въ Парижѣ) была нанята ферма St. Anne съ полуразвалившимися строеніями и мало плодородною почвой. Туда были переселены изъ Бисетра около 70 душевно-больныхъ, которые и занялись съ успѣхомъ весьма нужными работами. Этимъ было положено начало новаго направленія въ дѣлѣ лѣченія и призрѣнія душевно-больныхъ. Но эта ферма для душевно-больныхъ долго еще оставалась единственной во всей Франціи и въ Европѣ, несмотря на то, что продолжали раздаваться отдѣльныя голоса въ пользу примѣненія труда у душевно-больныхъ, какъ лѣчебнаго средства; такъ объ этомъ писали: Ferrus, P. Falret, Lamarque, C. Pinel, Sc. Pinel, Panchappe, Renaudin и др. Въ 1847 году братья Лабиттъ сдѣлали вторую попытку примѣнить трудъ у душевно-больныхъ, на этотъ разъ уже въ болѣе смѣломъ видѣ, основавъ около Клермона первую колонію (поселокъ) для душевно-больныхъ—Фицъ-Джемсъ. Колонія эта функционировала очень успѣшно, и долгое время служила образцомъ, по которому строились подобныя же колоніи въ другихъ странахъ. Новое дѣло однако не сразу встало на надлежащій путь; такъ стало обнаруживаться, что при преемникахъ Феррюса трудъ душевно-больныхъ примѣняется на фермѣ St. Anne слишкомъ односторонне—въ уходѣ главнымъ образомъ за скотомъ. Неправильная постановка труда и нѣкоторые другія обстоятельства заставили преобразовать все дѣло: ферма была упразднена, и на ея мѣстѣ въ 1867 г. открыта новая больница того же имени St. Anne. Тѣхъ же упрековъ въ эксплуатаціи труда душевно-больныхъ, правда, несправедливыхъ въ этомъ отношеніи, но заслуженныхъ въ другомъ, не избѣжала колонія Фицъ-Джемсъ, послѣ того какъ владѣтели ея нажили состояніе въ нѣскольکو милліоновъ. Обстоятельства эти, какъ увидимъ, не остались безъ вліянія на дальнѣйшую постановку труда душевно-больныхъ во Франціи. Тамъ въ настоящее время всѣ наиболѣе устроенныя лѣчебницы обладаютъ достаточно большимъ участкомъ земли, на которомъ больные занимаются садоводствомъ и огородничествомъ; при каждой изъ нихъ устроены мастерскія, большею частью просторныя, хорошо обставленныя, находящіяся въ отдѣльномъ

зданіи. Работающихъ больныхъ по даннымъ, собраннымъ недавно д-ромъ Баженовымъ, въ среднемъ 39,4%. Всѣ работающіе во избѣжаніе толковъ объ эксплуатаціи получаютъ денежное вознагражденіе, которое записывается имъ въ счетъ.

Одновременно съ Франціей, въ Англіи и Шотландіи, гдѣ уже давно готовилась почва къ реформамъ, шли преобразованія психіатрическихъ больницъ подъ вліяніемъ ученій Виллиса, Вилліама Тюка и Конолли. Между прочими усовершенствованіями при постройкѣ новыхъ больницъ стали обращать все большее вниманіе и на то, чтобы доставить больнымъ возможность заниматься физическимъ трудомъ. Въ настоящее время, по описаніямъ Kohlhaas'a *) и д-ра Шулянского **), въ англійскихъ больницахъ особенно развиты работы на фермахъ—скотоводствомъ и огородничествомъ, и занятія въ роскошно устроенныхъ мастерскихъ. Такъ, въ Эдинбургскомъ королевскомъ пріютѣ для душевно-больныхъ имѣются въ распоряженіи больныя обширныя мастерскія: портняжная, сапожная, инженерная, механическая и кузница, обойная, мебельная и матрацная, мастерская для свинцовыхъ, оловянныхъ и жестяныхъ работъ, плотницкая и т. п.; сверхъ того, женщины занимаются на кухнѣ, въ прачечной, столовой и работами въ отдѣленіяхъ. Пріютъ имѣетъ собственную типографію и издаетъ специальную газету для душевно-больныхъ. «Мастерскія великобританскихъ заведеній,—говоритъ д-ръ Шулянский,—помимо лѣчебнаго, имѣютъ еще и предохранительное значеніе: бѣдники, разъ подвергшіеся заболѣванію и попавшіе въ заведеніе, въ періодѣ выздоровленія не выписываются до тѣхъ поръ, пока не научатся мастерству, и такимъ образомъ по выходѣ изъ заведенія имѣютъ болѣе обезпеченный заработокъ и избѣгаютъ вредоноснаго вліянія плохого питанія, одного изъ главныхъ факторовъ возврата душевныхъ заболѣваній». Дальнѣйшихъ указаній относительно % работающихъ и другихъ подробностей постановки труда душевно-больныхъ въ Англіи и Шотландіи мнѣ пока въ доступной мнѣ литературѣ найти не удалось.

Въ Германіи въ 20-хъ годахъ этого столѣтія дѣятельно совѣтовали примѣнять физическій трудъ, какъ методъ лѣченія душевно-больныхъ, Reil, Horn, Heinroth, Bergmann, Leopoldt, Neumann, Niemann, Roller и др. Но, какъ пишетъ Петцъ, ихъ страстные заявленія о пользѣ труда для душевно-больныхъ долго не проводились, и практическое примѣненіе ихъ ученій составляло рѣдкія исключенія. Только въ 70-хъ годахъ въ Германіи стали общепризнанными мнѣнія Дамерова и Гризингера, что ничего недѣланіе душевно-больныхъ есть начало всѣхъ золъ психіатрическихъ больницъ, и что праздность есть самое разрушительное для ума здоровыхъ и больныхъ. Въ 1864 г. въ провинціи Ганноверъ, послѣ попытки одного

*) Kohlhaas: „Englische und Schottische Reiseeindrücke. Allgemeine Zeitschrift für Psychiatric“. 1898, № 4.

**) Шулянский: „Обзоръ психіатрическихъ заведеній Великобританіи“, „Обозрѣніе психіатріи, неврологіи и экспериментальной психологіи“, 1897 г., №№ 1, 2, 3, 4.

частнаго лица основать колонію, возникла первая въ Германіи общественная колонія Einum близъ Hildesheim'a. Въ 70-хъ годахъ вслѣдъ за ней быстро возникали одна за другой и другія колоніи. Въ колонію переселялись хроники, а острые и безпокойные оставлялись для лѣченія въ городѣ. Въ 1875 г. въ Саксоніи близъ Галле открыта колонія новаго типа Alt-Sherbitz, которая соединила въ себѣ одновременно и лѣчебницу для острыхъ, и колонію для хрониковъ.

До сихъ поръ еще Альтъ-Шербитцъ служить въ Германіи образцомъ и до нѣкоторой степени идеаломъ, къ которому стараются приблизиться другія лѣчебницы-колоніи, построенныя по ея типу. Такимъ образомъ трудъ душевно-больныхъ переносится въ Германіи изъ города въ колонію и примѣняется сначала исключительно у хрониковъ, затѣмъ переносится обратно въ лѣчебницу, построенную за городомъ, и примѣняется у всѣхъ нуждающихся въ работѣ больныхъ безъ различія формъ заболѣванія. Всѣ отрасли разумнаго хозяйства находятъ себѣ работниковъ среди больныхъ; по описаніямъ, въ нѣмецкихъ больницахъ вездѣ кипитъ работа активная и плодотворная, всюду можно встрѣтить группы больныхъ за дѣломъ: на поляхъ, въ лѣсу, на огородѣ, въ разнообразнѣйшихъ мастерскихъ; къ денежной платѣ больнымъ относятся осторожно, предпочитая другія мѣры поощренія. % работающихъ стоитъ довольно высоко, въ среднемъ—около 55%.

Въ психіатрическихъ больницахъ и другихъ западно-европейскихъ государствѣхъ введенъ трудъ, какъ методъ лѣченія.

У насъ, въ Россіи, періодъ раціональнаго лѣченія и призрѣнія душевно-больныхъ начался очень недавно, съ 1864 года, именно со времени перехода больницъ приказа общественнаго призрѣнія въ земскія руки. Въ нѣкоторыхъ земствахъ (курское, новгородское) уже въ первые годы завѣдыванія ими больницами поднимался вопросъ о введеніи сельско-хозяйственныхъ работъ для душевно-больныхъ не безъ задней, однако, мысли удешевить ихъ содержаніе путемъ ихъ труда. Д-ръ Андріолли былъ однако первый, который представилъ въ новгородскую губернскую земскую управу докладъ подъ заглавіемъ «Проектъ правильнаго устройства занятій въ колмовской больницѣ для душевно-больныхъ», и въ 1874 г. онъ первый въ Россіи организовалъ прочно, руководствуясь лишь лѣчебными цѣлями, работы душевно-больныхъ въ упомянутой больницѣ. Въ 1876 г. въ завѣдываніе колмовскою больницей, послѣ смерти д-ра Андріолли, вступилъ д-ръ Шпаковский, который съ успѣхомъ продолжалъ дѣло своего предшественника, расширивъ главнымъ образомъ внѣшнія сельско-хозяйственныя работы. Въ 1878 г. Шпаковский представилъ новгородской управѣ докладъ, озаглавленный: «Организація земледѣльческихъ работъ въ связи съ вопросомъ объ эвакуаціи больныхъ»; въ своемъ докладѣ онъ впервые въ Россіи печатно указываетъ на благотворное значеніе для больныхъ труда вообще и земледѣльческаго въ особенности. Въ Преображенской больницѣ въ Москвѣ *)

*) В. И. Константиновскій: „Историческій очеркъ Преображенской больницы для душевно-больныхъ въ Москвѣ“. Москва, 1897 г., стр. 12.

въ одной изъ первыхъ въ томъ же, историческомъ для русской психіатріи 1874 году стали обращать вниманіе на занятія больныхъ, устроивши для женщинъ «классы рукодѣлій»; въ 1878 г. для больныхъ выстраивается особый рабочій баракъ и оранжерея; но работы больныхъ долгое время не получали тамъ должнаго развитія по независимымъ отъ врачей обстоятельствамъ. Въ 1884 г. вводятся огородныя занятія для больныхъ въ казанской окружной больницѣ, и открывается колонія тверского земства въ Бурашевѣ. Въ 1887 г. на съѣздѣ отечественныхъ психіатровъ въ Москвѣ всѣми присутствовавшими членами признавалось «громадное лѣчебное значеніе физическаго труда», какъ объ этомъ заявилъ предсѣдатель съѣзда проф. Мержеевскій, резюмируя пренія по поводу доклада д-ра Ліона: «Типъ земской психіатрической лѣчебницы и пріюта». Въ своемъ докладѣ Ліонъ, слишкомъ высоко оцѣнивавшій трудоспособность душевно-больныхъ, предлагалъ устройство лѣчебницы при помощи дѣятельнаго участія больныхъ въ постройкѣ и устройствѣ ея и высказывалъ предположеніе о самоокупаемости подобной лѣчебницы, живущей трудомъ своихъ больныхъ и включенной изъ земскаго бюджета. На дѣлѣ съ 80-хъ годовъ занятія и работы для душевно-больныхъ вводятся постепенно во многихъ земскихъ и городскихъ больницахъ; особенное развитіе получили онѣ въ настоящее время, кромѣ Колмова и Бурашева, въ Галенчинѣ (Рязань), Херсонѣ, Полтавѣ, Кувшиновѣ (Вологда) и Новознаменской дачѣ (Петербургъ). Но насколько это дѣло еще ново и не установилось въ Россіи, видно изъ отчетовъ больницъ по слишкомъ большой разницѣ чиселъ работающихъ больныхъ въ каждой отдѣльной больницѣ; во многихъ лѣчебницахъ еще не введена правильная регистрація труда больныхъ, такъ какъ самыя работы носятъ случайный характеръ. При вычисленіи мною средняго % отношенія работавшихъ ко всему числу пользовавшихся въ 21 больницѣ, на основаніи 62 отчетовъ за послѣдніе годы, оно (% отношеніе) оказалось равнымъ въ среднемъ для обоихъ половъ—53,2%; % отношеніе средняго ежедневнаго числа выходящихъ на работу больныхъ къ среднему ежедневному пользуемыхъ больныхъ въ среднемъ для обоихъ половъ равно—33,3%, т.-е. изъ всего числа пользуемыхъ въ психіатрическихъ больницахъ душевно-больныхъ дѣлаются способными къ работѣ въ лѣчебницѣ болѣе половины, и изъ всего наличнаго ежедневнаго числа больныхъ могутъ быть заняты работой ровно— $\frac{1}{3}$. Числа эти ниже количества работающихъ больныхъ во французскихъ и нѣмецкихъ больницахъ и только немного выше % отношенія вообще работоспособныхъ среди душевно-больныхъ, живущихъ внѣ больницъ.

Изъ этого краткаго историческаго обзора мы видимъ, что всюду въ Европѣ трудъ душевно-больныхъ получилъ, хотя и медленно, право гражданства въ психіатрическихъ больницахъ; у насъ, въ Россіи, онъ введенъ еще совсѣмъ недавно, и мы все еще продолжаемъ относиться къ нему недобѣрчиво и осторожно.

Прошло уже однако достаточно времени для того, чтобы спросить себя,

действительно ли введение труда въ психіатрическихъ больницахъ оправдываетъ возложенныя на него надежды, действительно ли примѣняемый въ больницахъ трудъ есть нѣчто большее, чѣмъ простая гигиеническая мѣра и занятіе душевно-больныхъ отъ скуки монотонной больничной жизни, иными словами, действительно ли трудъ есть въ строгомъ смыслѣ терапевтическое средство и методъ лѣченія, оправдывающій издержки? Вопросъ этотъ не праздный, такъ какъ отъ того или иного рѣшенія зависитъ постановка всего дѣла.

Оставимъ въ сторонѣ безспорно благотворное вліяніе умѣренного ручного труда на физическое здоровье человѣка; важнѣе для насъ въ настоящую минуту недавнія изслѣдованія Крепелина, Амберга, Бетмана, Бинэ, Анри и др., которыя показали, что физическій трудъ есть мышечная и въ одинаковой или даже, быть можетъ, еще въ большей степени нервно-психическая дѣятельность. Правда, при физической работѣ имѣетъ весьма большое значеніе состояніе мышцъ, ихъ сила, ловкость и сопротивляемость утомляемости,—качества, благодаря индивидуальному различію которыхъ измѣняется качество и количество самой работы. Но еще большее значеніе имѣетъ состояніе нервной системы. Въ самомъ дѣлѣ, при выполненіи той или другой физической работы приходятъ въ дѣйствіе, какъ извѣстно, нервныя центры головного и спинного мозга. Головнымъ мозгомъ посылаются импульсы къ движенію; одновременно съ тѣмъ происходитъ измѣненіе капиллярнаго кровообращенія въ самомъ мозгу и во всемъ организмѣ; такъ, мозгъ при своей дѣятельности увеличивается въ объемѣ; безсознательныя воспріятія и тѣмъ болѣе волевыя напряженія вызываютъ притокъ крови къ мозгу и неравномѣрное распредѣленіе ея по различнымъ областямъ его. При физической работѣ двигательныя области коры большого мозга получаютъ больше крови и тѣмъ отвлекается нѣкоторое количество крови отъ другихъ областей. Равнымъ образомъ и работающія мышцы получаютъ увеличенное количество крови. Въ работающихъ органахъ усиливается обмѣнъ веществъ, соотвѣтственно чему усиливается дѣятельность сердца и дыханія и дѣятельность мѣстныхъ и общихъ выдѣлительныхъ органовъ. Всѣ эти сложныя измѣненія регулируются центральной нервной системой, отъ правильности дѣйствія которой зависитъ то или другое самочувствіе при работѣ, быстрота наступленія утомленія и возстановленія прежнихъ силъ. Далѣе при всякой цѣлесообразной физической работѣ, какъ бы проста она ни была, помимо возбужденія двигательныхъ центровъ, необходима чисто-психическая дѣятельность,—нужно нѣкоторое напряженіе вниманія и воли, нужна сообразительность. Отъ степени напряженія вниманія, способности поддерживать его на одной высотѣ въ теченіе опредѣленнаго времени, отъ способности дѣлать извѣстныя усилія воли съ достаточной интенсивностью и достаточной продолжительностью, и, наконецъ, отъ степени сообразительности зависятъ самая возможность исполненія той или другой работы, качество и количество ея. При болѣе или менѣе длительной работѣ сюда же присоеди-

няется дѣйствіе новыхъ психическихъ факторовъ — состоянія упражненія, навыка, увлеченія и утомленія.

Всякая работа разсматривается психофизиологами какъ состояніе возбужденія нервной системы, причемъ послѣ физической работы замѣчается на нѣкоторое время повышеніе и облегченіе двигательной возбудимости и пониженіе умственной работоспособности, — обстоятельство весьма важное для психіатра.

Такимъ образомъ мускульная работа не безразлично дѣйствуетъ на психику; какъ мы видѣли, при работѣ одинаково принимаютъ участіе и одинаково могутъ утомляться и мышцы, и нервы, и психика (вниманіе, воля, сообразительность). Можно ли путемъ цѣлесообразнаго упражненія, путемъ созданія привычки уменьшить утомляемость и увеличить сообразительность? Опытъ показываетъ, что такія воспитательно-образовательныя задачи достигаются даже у идіотовъ, обученіе которыхъ тому или другому ручному труду не считается бесполезною тратой времени и силъ. Тѣмъ болѣе, на достиженіе благоприятныхъ результатовъ можно надѣяться у душевно-больныхъ, умственные силы которыхъ подчасъ достаточно сохранены.

Вліяніе труда на душевно-больныхъ до сихъ поръ изслѣдовано не совсѣмъ точно. Въ этомъ столѣтіи психіатрическія лѣчебницы переживали такую массу разнообразныхъ преобразованій въ выборѣ мѣста, характерѣ построекъ и во внутреннемъ режимѣ, что судить о вліяніи труда на душевно-больныхъ по увеличенію $\%$ выздоровленій и уменьшенію $\%$ смертности—нѣтъ возможности. Равно искать выраженія этого вліянія въ какихъ-нибудь другихъ цифрахъ пока нельзя.

Всѣ психіатры, однако, отмѣчаютъ, что работающіе больные значительно поправляются физически: улучшается аппетитъ, улучшается кровообращеніе и химизмъ крови и тканей, улучшается сонъ и питаніе всего тѣла, увеличивается вѣсъ. Не менѣе благотворно вліяніе труда и на самую психику больныхъ, что наблюдалось уже давно и наблюдается и теперь. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что, помимо самаго труда, на больныхъ при работѣ дѣйствуютъ и другіе факторы: такъ, прежде всего регулярный систематическій трудъ создаетъ трудовой режимъ, дѣйствіе котораго на психику гораздо сильнѣе, чѣмъ простой случайной, эпизодической работы. Трудовой режимъ устраняетъ бездѣятельность, которая сама по себѣ дѣлаетъ человека больнымъ, устраняетъ гнетущую скуку, царящую въ лѣчебницахъ, гдѣ для больныхъ нѣтъ занятій; трудовой режимъ создаетъ далѣе привычку работать, дѣлаетъ жизнь больного осмысленной, возвращая обществу его посильный трудъ. Подчасъ работа связана съ пребываніемъ на открытомъ воздухѣ подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ красотъ природы и всегда работа связана съ нѣсколько большей свободой; всѣ эти и другія обстоятельства вмѣстѣ съ самимъ трудомъ вліяютъ на душевное настроеніе больныхъ, на ихъ волю и интеллектъ.

Больные дѣлаются бодрѣе, веселѣе и привѣтливѣе; мирятся до нѣкоторой степени съ своимъ невольнымъ пребываніемъ въ больницѣ. Настроеніе

ихъ подъ вліяніемъ вѣдшихъ впечатлѣній и правильного труда регулируется, пріобрѣтается, насколько возможно, душевное равновѣсіе. Больные съ подавленной психикой и апатичные втягиваются въ благопріятныхъ случаяхъ мало-по-малу въ работу, движенія ихъ становятся болѣе быстрыми, они дѣлаются разговорчивѣе, начинаютъ интересоваться самимъ дѣломъ, кое-когда проявлять свою собственную инициативу и чувствовать утраченную было прелесть жизни и труда. Работа даетъ далѣе нѣкоторое упражненіе для ума, въ особенности интересъ, вызванный работой, и желаніе сдѣлать ее лучше возбуждаютъ самолюбіе и заставляютъ до нѣкоторой степени напрягать оставшіяся душевныя способности. Благодаря реальной дѣятельности и опредѣленному направленію вниманія, больные отвлекаются отъ бредовыхъ идей и галлюцинацій, которыя, хотя и продолжаютъ существовать, но нерѣдко менѣе замѣтны и менѣе беспокоятъ больного. Неуживчивые, вѣчно недовольные, требовательные больные иногда мѣняются въ своемъ поведеніи, если для нихъ находится работа, удовлетворяющая ихъ индивидуальнымъ влеченіямъ. Занятія общими дѣлами пріучаютъ больныхъ къ самообладанію и подчиненію общимъ интересамъ, дисциплинируетъ ихъ. Среди нихъ при благопріятныхъ условіяхъ образуется особая партія работающихъ со своей общественной жизнью, со своимъ общественнымъ мнѣніемъ и товарищескимъ духомъ; для такихъ больныхъ работа дѣлается необходимою: безъ нея имъ скучно. Словомъ, работа оказываетъ на больныхъ *лѣчебно-воспитательное* вліяніе. Какъ велико это вліяніе, насколько оно можетъ содѣйствовать скорѣйшему выздоровленію, возстановленію утраченной работоспособности и увеличенію ослабленной, это покажутъ будущія изслѣдованія. Трудъ не можетъ, конечно, измѣнить наслѣдственнаго и личнаго предрасположенія, не можетъ остановить патологическаго процесса въ мозгу и прогрессирующаго паденія умственныхъ силъ, не можетъ, наконецъ, предотвратить наступленіе того или другаго припадка или приступа періодическаго психоза, но, давая опредѣленную, здоровую, посильную дѣятельность мозгу, способствуетъ правильному отправленію его и задерживаетъ, насколько возможно, окончательное распаденіе его. Отсутствіе труда, отсутствіе возможности прилагать свои физическія и умственныя силы къ какому-нибудь дѣлу деморализируютъ человѣка здороваго и тѣмъ болѣе душевно-больного. Петребность трудиться есть свойство здороваго человѣка, которое мы обязаны поддерживать и вызывать въ больномъ, и право каждаго, лишать котораго безъ дѣйствительной надобности было бы жестоко. Такимъ образомъ трудъ можетъ быть въ рукахъ врача важнымъ психотерапевтическимъ средствомъ, дающимъ подчасъ положительные результаты, и охраняющимъ отъ отрицательнаго вліянія бездѣйствія. Нужно только научиться умѣло варьировать примѣненіе его (труда).

Главною задачей правильной организаціи труда душевно-больныхъ въ психіатрическихъ больницахъ должно быть достиженіе наибольшаго лѣчебнаго и воспитательнаго эффекта труда. Какъ мы видѣли, благопріятное дѣйствіе эпизодической случайной работы на весь организмъ и психику чело-

бѣка можетъ быть усилено трудовымъ режимомъ, т.-е. регулярнымъ систематическимъ трудомъ.

Работа, предлагаемая нашимъ больнымъ, должна быть регулярной, т.-е. повторяться изо дня въ день извѣстное число часовъ, такъ какъ только при такой работѣ приобретається состояніе упражненія и навыка и появляются соответствующія измѣненія въ работающей ткани, препятствующія быстрому наступленію утомленія; во-вторыхъ, работа должна быть систематической, такъ какъ только путемъ постепеннаго перехода отъ простаго къ болѣе сложному работающая ткань можетъ удовлетворить предлагаемымъ ей запросамъ и повышается самая работоспособность. Наконецъ, если мы хотимъ облегчить работу и сдѣлать ее продуктивной, то должны сдѣлать ее разнообразной и придать ей интересъ, чтобы дать возможность дѣйствовать третьему психическому фактору—состоянію увлеченія. Трудъ для душевно-больныхъ въ больницѣ долженъ быть лишенъ всѣхъ непріятныхъ и вредныхъ своихъ сторонъ, доставляя одно только удовольствіе и одну пользу. Работу долженъ находить всякій нуждающійся въ ней больной, какъ бы глубоко слабоуменъ онъ ни былъ и какъ бы ни было опасно, на первый взглядъ, вручать ему инструментъ. Число нуждающихся въ работѣ больныхъ, какъ мы видѣли, равно, по меньшей мѣрѣ, $\frac{1}{3}$ наличнаго ежедневнаго числа больныхъ. Слѣдовательно, первое условіе, которое больница должна имѣть въ виду, это—необходимость ежедневно быть готовой занять производительной работой такое большое количество рукъ; работы въ больницѣ должно быть всегда много.

Изъ различныхъ категорій душевно-больныхъ нуждаются въ работѣ прежде всего больные въ періодѣ выздоровленія частью для укрѣпленія физическаго здоровья, частью вслѣдствіе прямыхъ показаній со стороны нервной системы и психики. Часто можно наблюдать, какъ во-время назначенная работа производитъ рѣшительный поворотъ къ лучшему въ теченіи болѣзни. Далѣе, у многихъ выздоравливающихъ остается, какъ извѣстно, особая нервность, легкая возбудимость сосудистой системы, малая устойчивость душевнаго равновѣсія, — симптомы, для борьбы съ которыми Mobius *) и Forel **) и теперь еще предлагаютъ, какъ лучшее средство, физическій трудъ. Быстрая утомляемость выздоравливающихъ, отмѣчаемая проф. Крепелиномъ, можетъ быть устранена постепеннымъ приученіемъ къ труду, за который больные по выходѣ изъ больницы обычно должны бывать усердно приняты для добыванія средствъ къ существованію. Научить ихъ тутъ же въ больницѣ, какъ нужно *работать*, какъ наиболѣе цѣлесообразно расходовать свои силы и какъ *отдыхать*, — словомъ, какъ жить, чтобы по возможности предупредить возвратъ психической болѣзни, есть прямая обязанность врача по отношенію къ больному и къ больницѣ.

*) P. Mobius: „О лѣченіи нервныхъ больныхъ и устройствѣ нервныхъ лѣчебницъ“. Библиотека Врача, 1896 г., № 5.

**) A. Forel: „Zum Kapitel von der Arbeit“. Centralblatt für Nervenheilkunde und Psychiatrie, 1896 г., № 12.

Слѣдующая большая категорія нуждающихся въ работѣ больныхъ есть хроники, неспособные къ самостоятельному существованію. Опытъ показалъ уже давно, что слабоуміе такихъ больныхъ искусственно увеличивается праздной, безцѣльной жизнью въ больницѣ. «Далеко не всѣ случаи вторичнаго слабоумія неизлѣчимы,—говоритъ проф. Ковалевскій *).—Многіе изъ нихъ могутъ быть исправлены настолько, чтобы быть полезными членами семьи и общества». Практика до нѣкоторой степени подтверждаетъ мнѣніе проф. Ковалевскаго. Такъ, Петцъ **), директоръ Альтъ-Шербица, пишетъ, что при колоніальныхъ условіяхъ, т.-е. при условіяхъ возможно болѣе широкаго примѣненія труда и свободы, неизлѣчимые гораздо медленнѣе впадаютъ въ слабоуміе и сохраняютъ гораздо больше психическихъ силъ, что изъ самыхъ спутанныхъ выходятъ рабочіе и что гораздо болѣе % прирѣваемыхъ дѣлается способнымъ снова возвратиться на свободу, а «это огромное преимущество не только для больныхъ и ихъ семей, но и для національнаго богатства, ибо противодѣйствуетъ постоянному переполненію больницъ». Подобнымъ же образомъ высказываются въ своихъ отчетахъ Литвиновъ, Синани, Штейнбергъ, Реформатскій, сообщая объ изумительныхъ улучшеніяхъ неизлѣчимыхъ работавшихъ больныхъ. Не думаю о полной излѣчимости подобныхъ хрониковъ, но о возможности значительнаго исправленія ихъ инвалидности и о возвращеніи ихъ въ семью въ качествѣ работоспособныхъ путемъ пріученія ихъ въ больницѣ къ разумному труду.

Издавна существовала еще третья категорія работавшихъ больныхъ—это беспокойные; въ настоящее время, благодаря постельному содержанію, число работавшихъ этого рода поубавилось, но все-таки и среди беспокойныхъ остаются нѣкоторые не вполне поддающіеся вліянію постельнаго режима: они тяготятся скукой длительного лежанія и избыткомъ накапливающихся физическихъ силъ, благодаря которому вступаютъ въ безцѣльную борьбу съ окружающими, затѣваютъ ссоры, драки, проявляютъ разрушительныя наклонности и т. п. Такого рода больнымъ слѣдуетъ давать отъ времени до времени возможность превращать въ полезную работу излишекъ своихъ силъ, но такъ какъ они болѣею частью имѣютъ склонность работать порывами, разрѣжая свою энергію, и неспособны къ сколько-нибудь продолжительной, требующей вниманія, дѣятельности, то отыскать для нихъ что-нибудь подходящее часто бываетъ затруднительно.

Въ Германіи существуетъ еще одна категорія занятыхъ работою больныхъ—это слабые на постельномъ содержаніи: они подбираютъ зерно въ зерну будущій посѣвъ, плетутъ туфли изъ бромоекъ или приготавливаютъ издѣлія изъ бумаги.

Такимъ образомъ мы видимъ, что изъ среды душевно-больныхъ, находящихся въ больницѣ, нуждаются въ работѣ больные самаго разнообраз-

*) Проф. Ковалевскій: „Психіатрія“. Изд. 4-е.

**) А. Paetz: „Die Kolonisierung der Geisteskranken“. Berlin, 1893.

наго характера: пзлѣчимые и неизлѣчимые, спокойные и безпокойные, крѣпкіе физически и слабые; для однихъ работа служить средствомъ физическаго поправленія, для другихъ и, притомъ, гораздо большей части — способомъ прямого воздѣйствія на психику и, наконецъ, для третьихъ — просто занятіемъ, а по отношенію ко всѣмъ больнымъ — способомъ моральнаго на нихъ воздѣйствія. Тѣхъ больныхъ, которые сами ощущаютъ потребность дѣятельности, просятъ работы, — слѣдуетъ удовлетворять, такъ какъ если желаніе ихъ искренно, то они будутъ на самомъ дѣлѣ работать и притомъ то, что имъ укажутъ; если же ихъ просьбы только предлогъ, то они въ первый же день проявятъ истинную цѣль своихъ посѣщеній, которую заранее соотвѣтствующими мѣрами можно предупредить. Чаше встрѣчаются больные съ нерасположеніемъ работать; однако такихъ лицъ тамъ, гдѣ работы болѣе или менѣе организованы, должно быть весьма мало: болѣею частью больные находятъ сами для себя подходящую, интересную работу и увлекаются примѣромъ другихъ, такъ что нежеланіе работать указываетъ въ большинствѣ случаевъ на какіе-нибудь недостатки въ организаціи работъ и чѣмъ упорнѣе отказъ, тѣмъ эти недостатки существеннѣе. Впрочемъ и среди душевно-больныхъ, также какъ и среди здоровыхъ, встрѣчаются люди, по природѣ своей предпочитающіе работѣ — бездѣлье. Лѣнь у душевно-больныхъ можетъ быть проявленіемъ природныхъ свойствъ, или послѣдствіемъ перепесенной психической болѣзни, или же можетъ быть привита больничнымъ складомъ жизни. Поэтому и ради этой послѣдней стороны необходимо созданіе въ больницѣ трудового режима, по которому работаютъ всѣ, кто только можетъ, столько, сколько можетъ, и такъ, какъ можетъ. Нежелающіе работать по лѣни должны быть лѣчимы, постепенно и незамѣтно приучаемы къ труду. Однако и въ Альт-Шербицѣ, гдѣ со всей послѣдовательностью проводится приученіе къ труду, насчитываютъ почти 2% (1,77%) упорно отказывающихся отъ работы больныхъ.

Вслѣдствіе вышесказаннаго разнообразнаго состава больныхъ и разныхъ цѣлей, преслѣдуемыхъ назначеніемъ на работы тѣхъ или другихъ больныхъ, самые виды работъ должны быть возможно разнообразнѣе. Я хотѣлъ бы сказать: желательно, чтобы всѣ отрасли ручнаго и частью механическаго производства были представлены въ больницѣ въ маленькомъ видѣ для того, чтобы больной подъ руководствомъ врача могъ самъ для себя выбрать подходящее, нравящееся ему занятіе. Во всякомъ случаѣ больница должна имѣть въ своемъ распоряженіи *градациіи ручнаго труда по степени трудности и сложности*: отъ наиболѣе легкаго до требующаго большаго напряженія мускульной силы, отъ чисто-механическаго, такъ сказать автоматическаго, до болѣе сложнаго, требующаго напряженія вниманія, ума и нѣкотораго эстетическаго чувства. Угадать пригодность или непригодность того или другого вида труда для всѣхъ больныхъ вообще и для каждаго въ отдѣльности не всегда возможно; приходится пробовать и, какъ показали опыты, въ этомъ отношеніи бываютъ неожиданности.

Занятія земледѣльческія, огородныя и садовыя имѣютъ преимущество

передъ всѣми прочими въ томъ отношеніи, что совершаются на открытомъ воздухѣ, требуютъ наибольшаго движенія, исполняются почти всегда при благопріятныхъ гигиеническихъ условіяхъ, наиболѣе просты по исполненію и составляютъ, по выраженію проф. Fogel'я *), «атавистическія» наши занятія. Огородныя, фермерскія и садовыя работы въ свою очередь предпочтительнѣе полевыхъ, такъ какъ онѣ сопряжены, по выраженію д-ра Штейнберга **), «съ минимальной интенсивностью, но, напротивъ, требуютъ постоянного и умѣреннаго напряженія силъ и нѣкотораго разнообразія соображенія». Но все это работы сезонныя, лѣтнія, зависящія во многомъ отъ погоды, больные же нуждаются въ трудѣ въ теченіе цѣлаго года и во всякій день; притомъ не всѣ по тѣмъ или другимъ причинамъ могутъ быть пристроены къ наружнымъ работамъ. Здѣсь на выручку являются занятія въ мастерскихъ, которыя въ свою очередь имѣютъ нѣкоторыя свои немаловажныя преимущества: такъ, они требуютъ большую систематичность, большую усидчивость, большее напряженіе вниманія и сообразительности и позволяютъ съ большей легкостью провести систему обученія, имѣющей цѣлю, помимо сообщенія больному новыхъ свѣдѣній въ какомъ-нибудь ремеслѣ, — укрѣпленіе путемъ упражненія его ослабѣвшихъ умственныхъ силъ. И здѣсь изъ всѣхъ видовъ ручного труда нужно выбирать тѣ, которые соединены съ наибольшимъ движеніемъ, даютъ разнообразіе въ предметахъ работы, требуютъ разносторонняго напряженія вниманія и возбуждаютъ интересъ. Нельзя ограничиваться одной или двумя мастерскими, такъ какъ они, во-первыхъ, не могутъ удовлетворить всѣхъ желающихъ работать и, во-вторыхъ, не даютъ возможности выбора. Душевно-больные, какъ извѣстно, и въ сравнительно здоровомъ состояніи отличаются большей неприспособленностью и неустойчивостью въ занятіяхъ (качествами, увеличивающимися во время болѣзни); если сюда же присоедипить желаніе врача отыскать для каждаго больного наиболѣе соотвѣтствующее его умственнымъ и физическимъ силамъ занятіе, то становится понятнымъ, что выборъ этихъ занятій долженъ быть достаточно великъ. Правильность организаціи работъ опредѣлится не числомъ работающих больныхъ, но тѣмъ, насколько удовлетворяется индивидуальнымъ влеченіямъ и индивидуальнымъ показаніямъ при назначеніи больному того или другого вида работъ.

Въ германскихъ больницахъ, помимо хорошо поставленнаго полевого, фермерскаго, садоваго и огороднаго хозяйства, существуетъ отъ 6—12 разныхъ мастерскихъ. У насъ въ Россіи самое большее число мастерскихъ (7—8) находится въ Колмовѣ, Бурашевѣ, Херсонѣ, Полтавѣ, Новознаменской дачѣ и Преображенской больницѣ. Больше всего распространены въ Россіи самыя негигиеничныя, но въ то же время самыя доходныя, какъ-то: сапожная, портняжная, швейная; впрочемъ, почти столь же часты — столяр-

*) Fogel: „Zum Kapitel von der Arbeit“. *Centralblatt für Nervenheilkunde und Psychiatrie*, 1896 г., стр. 655.

**) С. Штейнбергъ: „Къ психіатрическому вопросу“. *Саратовская Земская Недѣля*, 1897 г., №№ 43 и 44.

ная и переплетная. При устройствѣ и выборѣ мастерскихъ руководятся большею частью практической выгодой, т.-е. тѣмъ, насколько издѣлія больныхъ могутъ идти на потребности самой больницы, тогда какъ лѣчебныя цѣли стоятъ, повидимому, на второмъ планѣ. Слѣдовало бы, чтобы мастерскія и съ вѣншей стороны отвѣчали своему назначенію—служить мѣстомъ лѣченія больныхъ: такъ, мастерскія частью потому, что онѣ сами по себѣ требуютъ спеціальнаго устройства,—частью ради работающихъ больныхъ, чтобы занятія для нихъ сдѣлать болѣе привлекательными, и, наконецъ,—частью ради неработающихъ, чтобы избавить ихъ отъ неизбежнаго шума и стука въ мастерскихъ, должны находиться въ отдѣльномъ, спеціально для нихъ выстроенномъ, зданіи, а не ютиться, какъ это обыкновенно бываетъ, въ разныхъ случайно приспособленныхъ, подчасъ сырыхъ и темныхъ уголкахъ; наоборотъ, мастерскія должны быть свѣтлы, просторны, своимъ видомъ привлекать къ себѣ; каждая изъ нихъ должна быть обставлена всѣмъ необходимымъ, чтобы недостатокъ чего-нибудь не отбилъ у больного охоту заниматься. Что касается рода мастерскихъ, то практика Новознаменской дачи *) въ Петербургѣ показываетъ, что между профессиональными работниками мужчинами оказалось лицъ, желающихъ заняться той работой, которая до болѣзни обеспечивала имъ средства къ существованію, менѣе $\frac{1}{3}$, между таковыми же женщинами—почти $\frac{3}{4}$ (эта разница объясняется тѣмъ, что для женщинъ какъ въ общественной жизни, такъ и въ больницѣ выборъ занятій значительно болѣе ограниченъ, чѣмъ для мужчинъ). Въ Алексѣевской психіатрической больницѣ въ Москвѣ, да и на Новознаменской дачѣ, какъ видно изъ отчетовъ, самая частая профессія попадающихъ туда больныхъ, это—отсутствіе всякихъ занятій или неопредѣленные занятія; поэтому при выборѣ вида мастерскихъ не слѣдуетъ руководствоваться наибольшимъ числомъ больныхъ тѣхъ или другихъ профессій, но нужно устройство учебныхъ мастерскихъ, отвѣчающихъ вышесказаннымъ требованіямъ въ отношеніи разнообразія, интереса предмета работы и гигиеническихъ условій производства; желательно, чтобы въ этихъ мастерскихъ больной могъ научиться чему-нибудь, что впослѣдствіи могло служить для него подспорьемъ, занятіемъ между дѣломъ и путемъ цѣлесообразнаго пользованія своими силами и своимъ отдыхомъ предохраняло его, до нѣкоторой степени, отъ возврата психическаго разстройства; разумѣется, упомянутыя учебно-воспитательныя цѣли должны быть скрыты, незамѣтны и проявляться только въ умѣломъ выборѣ предмета работы, наблюденіи за точнымъ исполненіемъ ея и въ постепенномъ переходѣ отъ простаго къ болѣе сложному.

Какія мастерскія окажутся наиболѣе пригодными для предлагаемыхъ цѣлей, покажетъ будущее. По всей вѣроятности, всѣ виды кустарнаго производства найдутъ себѣ работниковъ среди нашихъ больныхъ, т. к.

*) Н. Реформатскій: „Трудъ душевно-больныхъ на Новознаменской дачѣ“. *Вестникъ общественной гигиены, судебной и практической медицины*, 1898 г., № 5.

этого рода занятія сравнительно просты и не требуют сложнаго обустройства. Нужно помнить еще одно: работа, предлагаемая больнымъ, не должна быть пустымъ времяпрепровожденіемъ, чѣмъ-то выдуманнымъ для больного, бесполезнымъ вообще; наоборотъ, она должна быть сама по себѣ дѣлесообразна, исполненіе ея налагать на больного нѣкоторую отвѣтственность, результаты ея наглядны и, по возможности, направлены въ его прямую пользу. «Употребляя продукты труда больныхъ на удовлетвореніе ихъ же собственныхъ потребностей и на улучшеніе ихъ же содержанія,—говоритъ д-ръ Синани *),—мы содѣйствуемъ развитію въ ихъ средѣ общественнаго мнѣнія, по которому трудъ ихъ принимаетъ характеръ нравственной или юридической обязанности по отношенію къ больницѣ. Лѣньность со стороны нѣкоторыхъ порицается какъ тунеядство. На больницу устанавливается взглядъ не какъ на мѣсто заключенія, а какъ на учрежденіе, близкое имъ, успѣхи котораго ихъ радуютъ, неудачи причиняютъ огорченіе». Такого добраго отношенія больныхъ къ своему труду и къ больницѣ мы можемъ добиться, идя навстрѣчу ихъ интересамъ. Всякому психіатру при введеніи занятій приходилось наталкиваться вначалѣ на недовѣріе больныхъ, на боязнъ эксплуатаціи ихъ въ качествѣ даровыхъ рабочихъ силъ, поэтому слѣдуетъ пользоваться каждымъ удобнымъ случаемъ подчеркивать обратныя отношенія; такъ, чтобы избѣжать и тѣни подозрѣнія на эксплуатацію, мастерскія слѣдовало бы передать въ хозяйственномъ отношеніи въ вѣдѣніе благотворительнаго общества, состоящаго при больницѣ, что имѣло бы въ глазахъ больныхъ большое значеніе: они постоянно видѣли бы и чувствовали, что работа ихъ—для нихъ же, и могли бы работать съ спокойной душой. Употребляемые нами обычно мѣры поощренія были бы, быть можетъ, до нѣкоторой степени излишни: для больного уже сама по себѣ работа стала бы достаточно притягательной и видимо полезной для него самого и для сотоварищей по несчастію заболѣванія; больной, не лишennyй способности чувствовать извѣстную долю нравственнаго и физическаго удовлетворенія послѣ исполненія нѣкоторой работы, находилъ бы въ этомъ чувствѣ самое главное для себя поощреніе. Большая свобода и самостоятельность, къ которой постепенно пріучается во время работы больной, тоже въ свою очередь служатъ для подъема бодрости, энергіи и желанія работать.

Не будемъ здѣсь касаться вопроса о трудоспособности душевно-больныхъ и о возможной величинѣ заработка ихъ, т. е., съ одной стороны, многое зависитъ отъ правильности постановки занятій, а съ другой—какъ бы малы они ни были, организація работъ для больныхъ необходима въ виду пользы ихъ въ дѣлѣ лѣченія: лишать больныхъ работы—это значитъ оставлять ихъ безъ лѣченія и наполнять больницу неизлѣчимыми, никуда негодными элементами. Въ настоящее время ни одна благоустроенная психіатрическая больница не можетъ обходиться безъ свободнаго участка

*) Синани: „Описаніе Колмовской б-цы душевно-больныхъ“. 1899 г., Новгородъ.

земли и мастерскихъ, составляющихъ неотъемлемую часть всякой лѣчебницы.

Одной изъ важныхъ сторонъ въ организаціи работъ для душевно-больныхъ служить надзоръ. Непосредственное участіе врача въ этомъ дѣлѣ необходимо: онъ наблюдаетъ за правильнымъ распредѣленіемъ работъ между больными, его личное иногда участіе ободряетъ ихъ, наглядно показывая имъ, что они дѣлаютъ не унижительное какое-либо дѣло, и, наконецъ, что самое важное, онъ наблюдаетъ за дозировкой труда, тщательно избѣгая утомленія. Вопросъ о числѣ часовъ занятій имѣетъ практическое значеніе. Разумѣется, каждый работаетъ столько, сколько можетъ и желаетъ; при болѣею частью сидячихъ занятіяхъ въ мастерскихъ достаточно 6 часовъ работы въ день, лѣтомъ при занятіяхъ на воздухѣ съ естественными частыми промежутками отдыха можно для болѣе послѣдовательности проведенія трудового режима увеличить число часовъ пребыванія на мѣстѣ работы до 7—8. Въ Альтѣ-Шербицѣ лѣтомъ больные работаютъ по 10 час. въ сутки, т.-е. ведутъ образъ жизни рабочаго человека, и худого никто не находитъ въ этомъ; припомнимъ, что еще Пинель совѣтовалъ, чтобы больные проводили на работѣ весь день.

Не менѣе важно найти хорошаго надзирателя за работами и обучить служителей для веденія работъ совмѣстно съ больными. «Отъ хорошаго надзирателя требуется, по словамъ д-ра Реформатскаго *), помимо извѣстной воспитанности, извѣстнаго такта въ обращеніи съ больными, еще и нѣкоторыя знанія того дѣла, которымъ заняты больные, иначе онъ будетъ недостаточно полезенъ». Особенное вниманіе надзирателя должно быть обращено, какъ мнѣ кажется, на то, чтобы научить, пріохотить и увлечь соотвѣтствующей работой новыхъ больныхъ, впервые приходящихъ работать. То же почти относится къ служителямъ, которые должны во-время умѣть помочь больному, умѣло втягивать ихъ въ работу, дѣйствуя на нихъ своимъ примѣромъ. При мастерскихъ необходимы хорошіе мастера, которые должны быть на высотѣ своего положенія—учителя душевно-больныхъ; къ словамъ и дѣйствіямъ мастеровъ больные прислушиваются и присматриваются; слѣдовательно, мастеръ долженъ внушать уваженіе къ себѣ и довѣріе къ своимъ знаніямъ, иначе больные будутъ неохотно заниматься подъ его руководствомъ.

Резюмируемъ въ короткихъ словахъ все сказанное:

1) Физическій трудъ и еще болѣе трудовой режимъ оказываютъ на душевно-больныхъ лѣчебно-воспитательное вліяніе, *дѣйствуя на всю психику* больного: воспитывая волю, упражняя соображеніе, память, вниманіе, регулируя душевное настроеніе.

2) Трудъ есть *методъ* психическаго лѣченія, отвлекающій и укрѣпляющій.

*) Реформатскій: „Трудъ душевно-больныхъ на Ново-Знаменской дачѣ. (Вѣстникъ Общественной Гигіены) 1898 г., № 5, стр. 6.

3) Трудъ, предлагаемый душевно-больнымъ, долженъ быть *регулярнымъ, систематичнымъ*, носить *характеръ обученія*.

4) Специфической чертой организаціи труда для душевно - больныхъ должно быть возможное обиліе разнаго вида работъ, различающихся *по степени трудности* въ механическомъ и умственномъ отношеніи (*градации труда*).

5) Работа для каждаго больного должна быть *интересна, цѣлесообразна и продуктивна*.

6) При выборѣ работы должно строго *индивидуализировать*.

7) Работа больного *для больного*.

8) Постельное содержаніе и трудовой режимъ, какъ гигиеническія мѣры, не препятствуютъ, но взаимно дополняютъ другъ друга.

9) Всякая лѣчебница должна быть ежедневно готовой дать работу для $\frac{1}{3}$ наличнаго числа больныхъ.

10) *Устройство мастерскихъ* при загородной, малоземельной больницѣ не роскошь, а *необходимость*: безъ нихъ больница не можетъ правильно функционировать и оправдывать свое названіе лѣчебницы.

11) Показанія и противопоказанія для работы, равно какъ и болѣе детальное разсмотрѣніе дѣйствія труда на душевно-больныхъ, опредѣленіе числа работоспособныхъ и степени ихъ трудоспособности, есть задача будущихъ изслѣдованій, возможныхъ только тамъ, гдѣ будетъ выполнено существенное условіе: все—для больного.

Въ заключеніе позволю себѣ высказать, что до сихъ поръ еще въ обществѣ не совсѣмъ правильно относятся къ этому направленію въ современномъ лѣченіи душевно - больныхъ: многимъ, преимущественно изъ интеллигентныхъ, представляется чѣмъ-то ужаснымъ то, что больного «заставляютъ» работать; повторяю, больной работаетъ самъ, по собственному желанію и по собственному ощущенію пользы отъ своей работы, наше же дѣло только внушить и поддерживать въ немъ это желаніе. На Западѣ общественныя управленія давно уже пришли къ убѣжденію, что лучше и дешевле сразу поставить лѣченіе душевно - больныхъ на извѣстную высоту, а у насъ общественныя управленія если что и дѣлаютъ для душевно-больныхъ, то, къ сожалѣнію, въ большинствѣ случаевъ только кое-что или наполовину, тогда какъ въ дѣлѣ лѣченія нужно дѣлать все, что возможно.

С. Ступинъ.

Образовательныя задачи англійскихъ рабочихъ клубовъ *)

Англійскіе рабочіе клубы поставили себѣ цѣлью способствовать правильному употребленію свободнаго отъ труда времени, находящагося въ распоряженіи рабочаго. Отдѣльныя разрозненныя попытки въ этомъ направленіи были объединены въ шестидесятыхъ годахъ основаніемъ «Союза рабочихъ клубовъ и учреждений». Благодаря особенной, присущей англичанамъ цѣпкости и умѣнію вести общественныя дѣла, этотъ «Союзъ», очень немного значившій вначалѣ, постепенно превратился въ крѣпкую и сильную организацію, умѣло направляющую и контролирующую начинанія единичныхъ клубовъ.

Въ этой организаціи есть одна черта, имѣющая громадное значеніе: клубы и «Союзъ» созданы самими рабочими на ихъ небольшія средства, а пожертвованія со стороны играютъ здѣсь очень незначительную роль. Рабочимъ, главное, *не мѣшали*. На ихъ собственныхъ плечахъ держится организація, ихъ собственными руками выстроенная, потому-то они любятъ ее и вѣрятъ въ нее. Конечно, большое значеніе имѣла безкорыстная внушенная одною только любовью къ дѣлу поддержка со стороны многихъ интеллигентныхъ лицъ, въ особенности со стороны политическихъ вождей рабочаго движенія.

«Союзъ» представляетъ изъ себя организацію всесторонне и правильно развитую, любопытную для наблюдателя во всѣхъ своихъ частностяхъ, но особенный интересъ, на нашъ взглядъ, имѣютъ образовательныя задачи, которыя стали привлекать вниманіе клубовъ за послѣднее время. Нельзя не подчеркнуть усиленно этого расширенія программы, сообщающаго клубному движенію еще болѣе важное значеніе.

Въ книгѣ Пепина «The club-land of the Toiler» указанной сторонѣ клубной дѣятельности посвящено особенное вниманіе, авторъ вводитъ насъ въ атмосферу рабочей среды, мы узнаемъ настроеніе и вкусы рабочихъ, знакомимся съ ихъ взглядами, понятіями и требованіями.

*) Эта статья является извлеченіемъ изъ имѣющей выйти на русск. яз. книги Пепина: „Англійскіе рабочіе клубы“, (изд. „Книжнаго Дѣла“).

Онъ начинается съ описанія публичной лекціи въ одномъ изъ рабочихъ клубовъ Лондона.

«Понравится ли по вашему мнѣнію, мистеръ Смитъ, лекція, назначенная на слѣдующее воскресенье?»

«Да, сударь. Видите, у нашихъ ребятъ было столько политическихъ лекцій, что имъ нужно немножко новаго».

«Такъ вы думаете «Британскіе моряки» окажутся подходящими?»

«Да, сударь. А я позабочусь, чтобы извѣщеніе объ этомъ было вывѣшено въ клубѣ».

Воскресенье наступило; мой другъ, который долженъ читать лекцію и я находимся на пути въ небольшой клубъ, расположенный въ одной изъ улицъ, выходящихъ на Безснелъ-Гринъ-Роодъ. Начало лекціи объявлено въ одиннадцать часовъ 30 минутъ, но намъ навѣрное извѣстно, что она состоится, самое раннее, въ двѣнадцать часовъ. Поэтому, когда мы приходимъ въ клубъ, въ нашемъ распоряженіи двадцать минутъ, и насъ просятъ въ комнату комитета. Въ ней заняты разговоромъ нѣсколько членовъ его, предлагающихъ намъ при нашемъ входѣ стулья и задающихъ нѣсколько вѣжливыхъ вопросовъ относительно характера предстоящей лекціи. Нѣкоторые чуточку удивлены заглавіемъ ея, прочитаннымъ ими въ объявленіи на лѣстницѣ, потому что болѣе обычны лекціи касающіяся текущей политики и текущихъ вопросовъ, а извѣщеніе сообщало, что сегодня утромъ будутъ затронуты событія, случившіяся приблизительно во времена королевы Елизаветы. Новизна сюжета, повидимому, возбуждаетъ добавочный интересъ.

Двѣнадцать часовъ.

Черезъ пять минутъ входитъ политическій секретарь клуба и приглашаетъ насъ внизъ. Мы входимъ въ залъ, видимъ ряды пустыхъ стульевъ, и съ удивленіемъ ждемъ, по крайней мѣрѣ мой другъ, что случится дальше. Затѣмъ звонятъ въ большой колоколъ, около четырехъ человѣкъ входятъ въ комнату. Проходитъ пять минутъ, даже я начинаю чувствовать легкую неловкость.

Затѣмъ входитъ предсѣдатель, жметъ руку моему другу, и оба они поднимаются на трибуну.

Проходитъ еще двѣ минуты, и заняты еще около двадцати пяти мѣстъ. Снова звонитъ колокольчикъ.

Предсѣдатель въ краткомъ обращеніи представляетъ моего друга аудиторіи, и лекція начинается. Такъ какъ дѣло идетъ о храбрыхъ романтическихъ дѣяніяхъ людей стараго времени, то комната начинается наполняться.

Публикѣ нравится лекція и по клубу рассылаются частныя извѣстія, что здѣсь есть чего послушать. Полчаса перваго въ залѣ около сотни рабочихъ, слушающихъ при безусловномъ молчаніи и вниманіи; число ихъ увеличивается до самаго конца.

У лектора нѣтъ сильнаго предубѣжденія противъ пивныхъ кружекъ, захваченныхъ съ собою нѣкоторыми изъ его слушателей, и все идетъ гладко.

Аплодируютъ въ время и многозначительно; пункты особенно интересные дѣйствуютъ зажигательно. Черезчуръ дерзкое, хотя удачное предпріятіе, насмѣшка надъ большимъ перевѣсомъ, величавыя слова или рыцарски благородный поступокъ, все это по очереди возбуждаетъ оцѣнивающіе возгласы: «Слушайте, слушайте!»

Аудиторія чувствуетъ свою близость къ такимъ людямъ и къ такимъ поступкамъ. Великіе импульсы и героическія черты, надолго заснувшіе, быть можетъ, почти заглушіе при мелочномъ разнообразіи современной гражданской жизни, заявляютъ въ эту минуту о своемъ существованіи и увлекаютъ людей въ возвышенный энтузіазмъ. Обо всемъ этомъ говоритъ восхищенное, почти мучительное выраженіе интереса, изображаемое на повернутыхъ къ лектору лицахъ и аплодисменты, раздающіеся, повидимому, нечаянно и полубезсознательно.

Но возбужденіе доходитъ до своего апогея въ концѣ рѣчи лектора, когда онъ читаетъ «Отмищеніе» Теннисона. Едва ли въ комнатѣ есть хотя одинъ человѣкъ, который ранѣе въ своей жизни слыхалъ эту поэму, не говоря уже о прочтеніи ея.

Опытъ очень интересенъ. Мы имѣемъ поэму, написанную въ духѣ непосредственнаго призыва къ самымъ глубокимъ симпатіямъ и эмоціямъ простого обыкновеннаго англичанина. Какіе бы недостатки ни были въ человѣкѣ, его способность оцѣнить съ перваго раза эту поэму доказываетъ, что въ немъ много истинно хорошихъ чертъ. Она доказываетъ, что симпатіи и эмоціи, къ которымъ поэма обращается съ призывомъ, не растрчены, а это много значить. Нервы аудиторіи натянуты теперь до послѣдней степени, и поэма выслушивается въ молчаніи, почти съ затаеннымъ дыханіемъ, исключая случаи, когда то или другое мѣсто обращается съ неотразимымъ призывомъ и вызываетъ неудержимый взрывъ аплодисментовъ.

Аплодисменты, когда они начинались, гремѣли съ такимъ единодушіемъ, что нельзя не отмѣтить вызывавшихъ восторгъ мѣстъ и не сдѣлать отсюда своихъ собственныхъ заключеній.

Первое изъ этихъ мѣстъ говоритъ о больныхъ на берегу:

«Мы взяли ихъ на корабли. И въ своихъ страданіяхъ они благославляли насъ за то, что ихъ не оставили Испаніи, не оставили, слава Богу, въ жертву пыткамъ и висѣльницѣ».

Затѣмъ возбудили энтузіазмъ слѣдующія слова:

Сэръ Ричардъ сказалъ опять: «Мы всѣ добрые англичане, станемъ рубить этихъ севидьскихъ собакъ, дѣтей дьявола. Вѣдь я никогда еще не показывалъ спину дону или чорту».

Не ускользнули и заключительныя слова одиннадцатой строфы:

«Потопите мой корабль, канониръ, потопите его, расколите на-двое! Предайте его въ руки Богу, но не въ руки Испаніи!»

Когда онъ кончаетъ, наступаетъ настоящая овація, сопровождающая взрывъ долго сдерживаемаго чувства. Публика сразу начинаетъ обсуждать лекцію. Она сильно поражена тѣмъ фактомъ, что баллада рассказываетъ

о дѣйствительномъ случаѣ. Того факта, что нѣкогда существовали люди, англичане, совершившіе такіе великіе подвиги—этого почти довольно, чтобы лишить самообладанія. Предпріятіе было безумнымъ, безнадежнымъ, но все это прощается изъ-за величія подвига, его грознаго духа.

Одинъ субъектъ изъ публики не можетъ справиться со своею досадою надъ отсутствіемъ лорда Томаса Гаурда.

«Вѣдь если бы онъ только былъ въ сраженіи со своими пятью кораблями, мы бы выиграли его!»

Изъ ста шестидесяти пяти клубовъ, принадлежавшихъ къ союзу въ этомъ году, 81 клубъ имѣлъ воскресныя лекціи, однако многіе изъ этихъ клубовъ имѣли лекціи и по буднямъ.

Среди политическихъ клубовъ, гдѣ выполняется болѣе образовательной работы, распространенъ обычай устраивать лекціи черезъ воскресенье, часто также въ одинъ изъ будничныхъ вечеровъ. Другіе имѣютъ лекціи утромъ каждое воскресенье и иногда случайно одну на недѣлѣ. Однако въ лѣтніе мѣсяцы, когда стоитъ хорошая погода, клубы посѣщаются менѣе, менѣе регулярны обыкновенно и лекціи, и сказанное распространяется на всякаго рода постоянные клубные обычаи, исключая экскурсій въ интересныя мѣста Лондона и окрестностей, естественно весьма распространенныхъ въ это время года.

Большинство этихъ лекцій, какъ уже было сказано, читаются по вопросамъ текущей политики и обыкновенно касаются той или иной стороны соціальной проблемы.

Посѣщаемость лекцій до крайности измѣнчива и много зависитъ отъ состоянія погоды и репутаціи лектора. Почти невозможно получить приблизительно вѣрную среднюю цифру, потому что колебанія въ числѣ происходятъ между пятнадцатью и двумястами. Последняя цифра иногда опять-таки превышаетъ, если на вечерней лекціи пользуются волшебнымъ фонаремъ.

Но отдѣльно отъ этихъ лекцій бываютъ курсы, на которыхъ обучаютъ такимъ предметамъ, какъ стенографія, счетоводство и даже французскій языкъ. Самымъ однако популярнымъ и значительнымъ изъ нихъ бываетъ классъ амбулаторной медицины.

Тридцать первый отчетъ за 1892—93 годъ содержитъ слѣдующія данныя подъ заголовкомъ «Классъ амбулаторной медицины»:

«Эти полезныя классы дѣйствовали въ теченіе года во все возрастающемъ числѣ клубовъ, и на ограниченное количество аппаратовъ, диаграммъ и проч., принадлежащихъ Союзу, былъ большой спросъ. Между главными клубами, составившими классы амбулаторной медицины, въ этомъ году находились Дешфордскій либеральный клубъ, Ромильи клубъ, Майльдмейскій радикальный клубъ, сѣверный Камберуэльскій прогрессивный клубъ, Брайанстонскій клубъ, центральный Финсбѣрійскій радикальный клубъ. Всѣ эти клубы подвергались испытанію и получили свидѣтельства перваго раз-

ряда, между тѣмъ какъ клубъ Гакнейскаго предмѣстья въ этомъ году добился дважды такой чести».

Но па ряду съ лекціями и классами мы не должны упускать общіе значенія клубныхъ библіотекъ. Изъ ста сорока пяти столичныхъ клубовъ, приславшихъ въ этомъ году статистическія свѣдѣнія, не менѣе ста девяти имѣютъ библіотеки. Отсюда мы исключаемъ тѣ клубы, которые получаютъ книги изъ союза взаимнѣ своей собственной библіотеки. 67 политическихъ клубовъ имѣютъ въ своемъ распоряженіи 28,292 тома, среднимъ числомъ по 422 тома на клубъ. 42 социальныхъ клуба, странно сказать, стоятъ въ этомъ отношеніи много выше; общее число томовъ въ этихъ клубахъ простирается до 36,124, на клубъ получается замѣчательно высокая цифра въ 860 томовъ.

Подобныя статистическія данныя, однако, мало помогаютъ сужденію о воспитательномъ значеніи клубныхъ библіотекъ. Библіотеки, какъ и многія другія учрежденія, допускаютъ большія уклоненія въ ту или другую сторону. Всѣ онѣ содержатъ значительный процентъ образцовыхъ произведеній, и интересно отмѣтить, что среди романовъ, пользующихся болѣе широкимъ сочувствіемъ, чѣмъ какой-нибудь другой отдѣлъ библіотеки, обыкновенно можно встрѣтить сочиненія Диккенса, Джорджа Эліота и Кингслея. «Современный романъ» еще не проникъ туда.

Шекспиръ обыкновенно фигурируетъ на книжныхъ полкахъ, но поэзія, какъ правило, не пользуется особеннымъ сочувствіемъ. Значительное пространство занято чудесными и старомодными исторіями Англіи, другими курьезами и отбросами литературы, выбранными безъ особеннаго критическаго таланта. Мы были странно удивлены однажды, открывъ экземпляръ писемъ Цицерона въ одномъ изъ истъ-эндскихъ клубовъ.

Рабочій почти на всѣ книги смотритъ съ уваженіемъ, онъ не старается неприличнымъ фамиллярнымъ обращеніемъ превратить это уваженіе въ пренебреженіе.

Лондонскій рабочій, какъ и большинство его соотечественниковъ, читаетъ немного кромѣ своей газеты.

Все это, однако, не можетъ служить аргументомъ противъ клубныхъ библіотекъ. Никто не станетъ отрицать того, что онѣ до известной степени полезны. Мы хотѣли бы только предупредить нашихъ читателей, чтобы они не ждали слишкомъ многого. Нечего удивляться тому, что послѣ длинной нерѣдко утомительной дневной работы, человѣкъ предпочитаетъ спокойный разговоръ съ друзьями или партію на билліардѣ размышленію надъ сухой и часто дурно напечатанной книгой.

Но наряду съ усиліями индивидуальныхъ клубовъ въ образовательныхъ цѣляхъ, мы не должны обходить молчаніемъ работы по этому вопросу, выполняемой самимъ «Союзомъ клубовъ и учреждений».

«Библіотека Союза давно пользовалась доброю славой за приносимую ею пользу. Это результатъ любви къ дѣлу и безпрестаннаго труда. Томы,

стоящіе рядами на полкахъ, тщательно выбраны, сюда попали многія изъ самыхъ лучшихъ литературныхъ произведеній и научныхъ изслѣдованій.

«Конечно, бібліотекой пользуются не въ такихъ размѣрахъ, какъ бы слѣдовало, но это объясняется тѣмъ же, чѣмъ объясняется и нѣскольکو невнимательное отношеніе къ клубнымъ и самостоятельнымъ публичнымъ бібліотекамъ. Однако про надежды, вдохновлявшія при ея основаніи и помогавшія ея развитію, хотя до извѣстной степени и не оправданныя, ни въ коемъ случаѣ нельзя сказать, что онѣ остались совершенно невознагражденными.

Наоборотъ, есть склонность пренебрегать дѣйствительной пользою, приносимою бібліотекой Союза клубовъ. Количество приносимой имъ пользы особенно значительно не въ Лондонѣ, гдѣ въ изобиліи есть классы, техническія школы и независимыя бібліотеки. Слѣдующая выдержка изъ тридцать перваго годового отчета можетъ послужить иллюстраціей:

«На ящики циркулирующей бібліотеки былъ настойчивый спросъ въ провинціальныхъ клубахъ за это время. Такъ, послано 138 такихъ ящиковъ, каждый изъ нихъ заключалъ 34 тома. По листамъ, посылаемымъ вмѣстѣ съ книгами, видно, что на кругъ каждая книга прочитывалась $2\frac{1}{2}$ раза, такъ что съ увѣренностью можно установить общій оборотъ въ 10,000.

«Вмѣстѣ съ тѣмъ надо помнить, что эти ящики рѣдко требовались сточными клубами, имѣющими свои собственныя бібліотеки».

Отчетъ за 1891—92 годъ содержитъ слѣдующія данныя касательно оживленнаго развитія образовательной дѣятельности:

«Было принято предложеніе образовать экономическое и дебатирующее общество въ связи съ Союзомъ клубовъ. Было предложено, чтобы члены общества встрѣчались періодически въ какомъ-нибудь центральномъ мѣстѣ — въ новомъ помѣщеніи Союза по окончаніи его постройки, ради систематическаго обсужденія экономическихъ и социальныхъ вопросовъ, интересныхъ для общества, и было предложено, чтобы общество при удобномъ случаѣ устраивало лекціи извѣстныхъ лицъ по этимъ предметамъ и по образовательнымъ вопросамъ вообще. Можно надѣяться, что это общество послужитъ средствомъ привести въ болѣе близкое соприкосновеніе другъ съ другомъ многихъ сильно заинтересованныхъ вопросахъ этого рода членовъ нашихъ клубовъ, которые путемъ правильно чередующихся собраній не только получаютъ значительное умственное наслажденіе для самихъ себя, но весьма вѣроятно явятся орудіями созданія подобныхъ обществъ въ мѣстныхъ клубахъ. Было предложено, чтобы общество находилось подъ руководствомъ образовательнаго комитета и чтобы оно составляло часть образовательной дѣятельности Союза въ его новыхъ зданіяхъ.

«Мы приглашаемъ теперь членовъ, желающихъ присоединиться къ намъ въ этой работѣ, тотчасъ же сообщить свои имена, адреса и названія клубовъ секретарю Союза, просоединивъ взносъ въ шесть пенсовъ, въ качествѣ подписной суммы на первый годъ. Какъ только будетъ вписано достаточно

именъ, будетъ созванъ вступительный митингъ, председательствовать на которомъ пригласятъ какого-нибудь авторитетнаго общественнаго дѣятеля».

Въ теченіе слѣдующаго года, однако, когда происходило переселеніе изъ 150 № улицы Гольборнъ въ новыя зданія на Клеркенуэллъ, образовательная работа клубовъ, какъ многіе другіе виды ея дѣятельности, была на короткое время прервана. Такъ, въ тридцать первомъ годовомъ отчетѣ подъ заголовкомъ «Образовательная работа» мы читаемъ:

«Эта, какъ и всякая другая, вѣтъ дѣятельности сильно пострадала вслѣдствіе переезда въ новое помѣщеніе, потому что время напряженія этой работы какъ разъ совпадало съ тѣми мѣсяцами, когда центральное управленіе было занято приготовленіями къ переезду. Были, между прочимъ, прерваны приготовленія къ основанію экономическаго и дебатирующаго общества, принадлежащаго къ союзу клубовъ. Однако, предприняты были шаги къ тому, чтобы вновь оживить его теперь, когда въ распоряженіе можетъ быть предоставлена комната, подходящая для данной цѣли. Мы будемъ рады, если члены, заинтересованные этимъ развитіемъ, сообщать свои имена секретарю Союза до вступительнаго митинга, имѣющаго произойти въ октябрѣ».

Однако, послѣдній годовою отчетъ, опубликованный въ іюнѣ 1894 *) года, показываетъ, что эта временная и неизбѣжная дезорганизація была въ широкой степени вознаграждена. Образовательная дѣятельность занимаетъ въ немъ выдающееся мѣсто.

Подъ заголовкомъ «Образовательная дѣятельность» мы читаемъ, что «сильному оживленію этой важной отрасли дѣятельности Союза содѣйствовало возведеніе центральныхъ зданій».

Отчетъ затѣмъ переходитъ къ поясненію того, какъ «отдѣльно отъ образовательной работы, выполняемой союзомъ, этотъ послѣдній служилъ *средствомъ сообщенія* **), между болѣе значительными образовательными организаціями и тѣми рабочими, съ которыми онѣ хотятъ придти въ соприкосновеніе. Мы всячески старались этимъ путемъ обратить вниманіе нашихъ членовъ на отличную систему обученія, предлагаемую Техническимъ Образовательнымъ отдѣломъ совѣта Лондонскаго Графства». Непосредственно затѣмъ мы читаемъ: «Мы также предприняли распространеніе среди лондонскихъ клубовъ ряда журналовъ, издаваемыхъ Рекреативною Ассоціаціей вечернихъ школъ, и присоединили сюда меморіаль, обращенный къ школьному отдѣлу Лондона со слѣдующими требованіями:

«1) Чтобы всѣ вечернія школы были бесплатны или практически бесплатны путемъ возврата взносовъ тѣмъ, кто ихъ регулярно посѣщаетъ.

«2) Чтобы о классахъ было гораздо болѣе извѣщеній въ каждомъ участкѣ

*) Книга Педина издана въ 1895 году.

**) Курсивъ автора книги.

«3) Чтобы рабочіе могли принять участіе въ руководствѣ этими школами и имѣли бы въ этомъ отношеніи опредѣленные назначенныя имъ обязанности (особенно въ посѣщеніи отсутствующихъ и устройствѣ специальныхъ лекцій и развлеченій), какія принимаютъ на себя руководители-рабочіе въ Поттингемскомъ школьномъ отдѣлѣ.

«4) Чтобы въ связь съ этими школами было приведено въ качествѣ регулярнаго правила гораздо болѣе социальныхъ и рекреативныхъ элементовъ.

5) Чтобы при содѣйствіи Техническаго Образовательнаго отдѣла или инымъ способомъ было болѣе облегчено элементарное техническое обученіе».

Какой бы критикѣ ни подлежали пять предложеній, мы можемъ только приветствовать выдвигающій ихъ духъ. Второе и третье предложенія вызовутъ, по нашему мнѣнію, сердечное одобреніе мыслящихъ людей. Однимъ изъ результатовъ этого обращенія къ Школьному отдѣлу было добавленіе къ числу членовъ, исполняющихъ другія обязанности, 13 человекъ, приставленныхъ въ качествѣ школьныхъ руководителей.

Подъ заголовкомъ «Англійскій гражданинъ» мы читаемъ: «курсъ лекцій съ этимъ заглавіемъ былъ прочитанъ мистеромъ Грэхемомъ Уоллесомъ въ помѣщеніи Кооперативнаго Оптоваго общества на улицѣ Леманъ. Союзъ имѣлъ возможность дать около 40 или 50 книгъ для этого курса изъ своей справочной библіотеки.

Возвращаясь къ работѣ, выполняемой въ самомъ Союзѣ, мы читаемъ, что «библіотекой,—благодаря тому, что она имѣла читальную комнату въ центральномъ клубѣ и тому, что союзъ находился въ связи съ другими рабочими организаціями,—пользовались въ этомъ году въ гораздо болѣе широкомъ размѣрѣ, чѣмъ ранѣе».

Циркулирующая библіотека также прогрессировала. Она за этотъ годъ была значительно пополнена, и «спросъ на ящики съ книгами былъ выше, чѣмъ когда-либо. Въ этомъ году было выпущено сто сорокъ шесть такихъ ящиковъ, составляющихъ оборотъ (вычисленный по «статистикѣ читателей»)—бланкамъ, посылаемымъ съ каждымъ ящикомъ) свыше 11,000».

Въ центральномъ залѣ были прочитаны за декабрь, январь, февраль и мартъ одиннадцать бесплатныхъ иллюстрированныхъ лекцій по научнымъ и историческимъ вопросамъ, — лекцій, по достоинству оцѣненныхъ многочисленными и внимательными слушателями. Мы читаемъ, что «по образцу этихъ чтеній союзъ имѣлъ возможность устроить опредѣленные курсы научныхъ лекцій въ клубахъ». Для этихъ курсовъ были избраны слѣдующіе клубы: Южный Бермондсейскій, Элевзинскій, клубъ Гакнейскаго предмѣстья и Карляйлевскій; эти лекціи сопровождаются болѣе длиннымъ и полнымъ курсомъ въ залѣ союза.

Для класса амбулаторной медицины это былъ, какъ и всегда, годъ весьма большого успѣха, и разъ мы ужъ такъ долго остановились на перечисленіи, намъ не надо опустить упоминанія о существованіи и доселѣ

успѣшной дѣятельности элементарнаго французскаго класса, класса степографіи и класса инструментальной музыки.

Затѣмъ переходимъ къ классу политической экономіи, на временное прекращеніе котораго мы указывали выше. Мы читаемъ, однако, въ послѣднемъ отчетѣ, что «классъ политической экономіи, къ счастью, получилъ согласіе доктора Дж. Бонера (доктора обоихъ правъ) председательствовать въ этомъ году. По указанію президента, данному въ его вступительномъ обращеніи, занятія собранія были сосредоточены на чтеніи и обсужденіи книги профессора Маршалля «Экономія промышленности». Пріятно отмѣтить, что многіе изъ самыхъ дѣятельныхъ участниковъ движенія присоединились къ этому классу». Годовой экзамень привлекъ болѣе народа въ указанномъ году, чѣмъ когда-либо ранѣе; въ немъ приняли участіе сорокъ девять человекъ.

Временное прекращеніе образовательной работы на дѣлѣ дало толчокъ болѣе мощному усилію.

Образовательная дѣятельность, организуемая Союзомъ клубовъ и учреждений, можетъ, какъ мы думаемъ, быть значительно расширена.

Образно выражаясь, машина, требующаяся для различныхъ полезныхъ предпріятій въ этомъ направленіи, находится подъ руками; нуженъ только энтузіазмъ, чтобъ одушевить ее. Это было хорошо выяснено мистеромъ Гордономъ Праттомъ, теперь уже столько лѣтъ председателемъ Союза, которому рабочіе обязаны гораздо болѣе, чѣмъ многіе изъ нихъ воображаютъ.

30 сентября 1893 г. происходилъ годичный митингъ въ залѣ союза клубовъ. Мистеръ Праттъ, въ качествѣ президента, произнесъ по этому поводу свою годичную рѣчь къ собравшимся делегатамъ. Эта рѣчь, прекрасная вся цѣликомъ, содержитъ нѣкоторыя мѣста, которыхъ не слѣдовало бы никогда забывать рабочимъ и особенно членамъ клубовъ. Касаясь переселенія въ новое зданіе, онъ сказалъ: «Первый вопросъ, какой я предложу вашему вниманію, возбужденъ великимъ событіемъ, только что происшедшимъ въ этомъ, тридцать первомъ, году жизни Союза клубовъ и учреждений. Я имѣю, конечно, въ виду тотъ фактъ, что вы вступили во владѣніе вашимъ собственнымъ прекраснымъ помѣщеніемъ, доставляющимъ возможность завершить столько задачъ большой общественной важности. Этотъ Союзъ съ самаго начала мѣлялъ великій идеалъ цѣли своего существованія. Онъ былъ созданъ не только для того, чтобы показать значеніе рабочихъ клубовъ и учреждений, какъ мѣстъ для отдыха и для общенія, какъ факторовъ соціальнаго и политическаго прогресса, и не только для того, чтобы давать указанія и помогать имъ въ ихъ организаціи и управленіи. Имѣлась также въ виду цѣль, чтобъ онъ былъ тѣмъ центромъ, гдѣ представители клубовъ стали бы встрѣчаться для переговоровъ и обсужденій другъ съ другомъ, равно какъ и съ представителями всѣхъ движеній, связанныхъ съ вопросами народнаго блага. И нашимъ искреннимъ намѣреніемъ всегда было, чтобы въ этомъ обмѣнѣ идей, опыта и знанія не дѣлалось никакого различія для класса или занятія, ремесла или профессіи.

Мы желали, чтобы союзъ былъ великимъ центромъ для собиранія и распространія знанія по всѣмъ вопросамъ, касающимся промышленнаго населенія. Согласно этому мы начали въ очень ранній періодъ нашей исторіи организовывать собранія въ Эксетеръ-Голлѣ, въ залѣ Общества Искусствъ, въ нашемъ собственномъ помѣщеніи и въ другихъ мѣстахъ. Весьма компетентные люди,—среди нихъ были члены той или другой палаты, руководители трѣдъ-юніонистскаго движенія, социальныя и политическія дѣятели, литераторы и другія лица,—посѣщали эти митинги, такъ какъ они видѣли, что союзъ давалъ трибуну, открытую одинаково всѣмъ для свободнаго выраженія идей,—общую почву, на которой могли встрѣчаться съ глазу на глазъ люди самыхъ противоположныхъ видовъ воспитанія и опыта и съ самыми противоположными убѣжденіями, и могли пытаться понять другъ друга при условіи полнѣйшей независимости, терпимости и добросовѣстности.

«Когда въ тѣ дни впервые было выдвинуто предложеніе о постройкѣ центрального зала и образцоваго клуба, забота о такихъ собраніяхъ и лекціяхъ на широкой и постоянной основѣ, подъ покровительствомъ Союза, была одною изъ нашихъ главныхъ задачъ; но мы не могли собрать необходимыхъ средствъ и постепенно эта часть нашей дѣятельности отпадала въ виду трудности найти соотвѣтственные приспособленія.

«Я говорю объ этомъ не ради историческаго воспоминанія, но съ тѣмъ, чтобы вы могли знать, какъ давно желали члены Союза стремиться къ великимъ цѣлямъ, для дѣйствительнаго достиженія которыхъ вы теперь имѣете средства. Я увѣренъ, что вы чутко отнесетесь къ лежащей на васъ отвѣтственности и что въ теченіе многихъ будущихъ лѣтъ у васъ и у вашихъ преемниковъ будетъ возможность слушать лекціи и рѣчи выдающихся мыслителей, писателей, государственныхъ людей и руководителей общественнаго мнѣнія по всѣмъ отраслямъ социальной и политической науки. Я думаю, что въ высшей степени необходимо, чтобы союзъ оказывалъ эту услугу государству. Одна изъ крупныхъ и исключительныхъ заслугъ Союза—это его многосторонній и безпартійный характеръ. Онъ не принадлежитъ ни къ какой партіи и ни къ какому толку. Онъ не отождествляется ни съ какою спеціальною и ограничевною или частичною цѣлью. На его трибунѣ могутъ на равной ногѣ встрѣчаться люди различныхъ мнѣній. Поэтому Союзъ можетъ оказать громадную услугу, давая, такимъ образомъ, возможность серьезнымъ людямъ всѣхъ школъ мысли встрѣчаться и слушать другъ друга безъ страха и лицепріязни».

Эта выдержка отлично иллюстрируетъ высказанное нами мнѣніе, что машина, необходимая для развитія образованія въ различныхъ направленіяхъ, готова и подъ руками. Мистеръ Праттъ указываетъ намъ, въ какихъ направленіяхъ надо намъ ждать развитія. Остается взглянуть, въ какомъ размѣрѣ члены Союза клубовъ и учрежденій сумѣли извлечь выгоды изъ тѣхъ преимуществъ, которыхъ они добивались такъ упорно и такъ долго.

Мы видимъ отсюда, что воспитательная работа такъ или иначе совершается двояко и въ самихъ клубахъ и въ Союзѣ клубовъ и учрежденій.

Многое въ ней можетъ подлежать критикѣ, но мы должны всегда помнить, что чѣмъ бы ни былъ Союзъ клубовъ и учрежденій, на клубы, принадлежащія къ нему, не слѣдуетъ смотрѣть какъ на образовательныя учрежденія и не слѣдуетъ ихъ образовательную дѣятельность, въ томъ видѣ, въ какомъ она является, судить съ подобной точки зрѣнія. Клубъ, прежде всего, мѣсто для отдыха и развлеченія и хотя это утвержденіе и не въ такой мѣрѣ приложимо къ политическому клубу, однако никто не станетъ смотрѣть и на политическій клубъ, какъ на классную комнату. На всякую образовательную работу, совершающуюся въ рабочихъ клубахъ, надо скорѣе смотрѣть съ одобреніемъ, чѣмъ судить ее за ея промахи. Это, нѣкоторымъ образомъ, трудъ сверхъ должнаго и, какъ таковой, вызываетъ скорѣе духъ одобренія, чѣмъ критики.

Вытекаетъ, повидимому, изъ природы вещей, чтобы работа этого рода пользовалась большимъ успѣхомъ въ самомъ Союзѣ, чѣмъ въ клубахъ. Этому много очевидныхъ причинъ, но самая сильная заключена въ томъ фактѣ, что Союзъ клубовъ и учрежденій находится въ большемъ соприкосновеніи съ образованнымъ міромъ, чѣмъ на то могутъ надѣяться его развѣтвленія. Должностныя лица и руководители союза являются лучшими людьми, выбранными изъ филіативныхъ клубовъ; делегаты, періодически тамъ встрѣчающіеся, являются избранными людьми мѣстныхъ клубовъ. Совѣтъ и комитеты образованы изъ тѣхъ же самыхъ источниковъ. Отборная часть людей клубной среды выдѣлена для отправленія многихъ необходимыхъ обязанностей, которыя надобно выполнять въ главной квартирѣ.

Поэтому естественно и справедливо, чтобы вся работа по организаціи совершалась здѣсь съ большимъ удобствомъ и успѣхомъ; это приложимо, разумѣется, и къ образовательной сферѣ организаціи. Опять-таки классы, дебаты, лекціи и обсужденія,—въ томъ видѣ, въ какомъ они происходятъ въ помѣщеніяхъ на Клеркенуэллѣ,—будутъ посѣщаться только болѣе предпріимчивыми людьми столичныхъ клубовъ. Менѣе честолюбивые станутъ довольствоваться тѣмъ, что имъ въ состояніи дать ихъ собственный клубъ. Поэтому мы вполне согласны въ этомъ случаѣ со взглядомъ мистера Годжсона Пратта. Мы увѣрены въ томъ, что новыя помѣщенія Союза даютъ возможность «завершить много задачъ большой общественной важности», и увѣрены въ томъ, что «Союзъ долженъ быть великимъ центромъ для собиранія и распространенія знаній по всемъ вопросамъ, касающимся промышленнаго населенія». Мы увѣрены въ томъ, что искренній энтузіазмъ сдѣлаетъ возможнымъ достиженіе этого идеала. Союзъ является, повидимому, законнымъ пространствомъ для рѣшенія такихъ задачъ, какъ эти.

Но въ самихъ клубахъ дѣло, вообще говоря, обстоитъ иначе. Нѣкоторые дѣйствительно имѣютъ обширныя помѣщенія и необычайныя удобства для образовательной дѣятельности. Но опять-таки обыкновенный членъ клуба, какъ и всякій другой обыкновенный человѣкъ, не преданъ особенно дѣлу образованія. Начать съ того, что его знанія по общимъ вопросамъ не обширны. Лекціи по англійской литературѣ, естественнымъ наукамъ,

исторіи или по политической экономіи не глубоко интересуютъ его. Рабочій скорѣе не пойдетъ на лекцію. Весьма вѣроятно, онъ лишь немного пойметъ въ ней, а то, что понялъ, онъ быстро позабудетъ. Лекція не научитъ его ничему или почти ничему. Обыкновенно она даже не возбуждаетъ въ немъ охоты къ чтенію. У него мало времени для чтенія и, какъ у большинства его сотоварищей, мало склонности къ этому.

По правдѣ удивительно, принимая во вниманіе эти обстоятельства, что на клубныхъ лекціяхъ собираются такіе благодарные слушатели.

Главной цѣлью лектора въ рабочемъ клубѣ должна быть не столько задача научить, сколько пробудить интересъ. Онъ долженъ постоянно помнить, что его аудиторія не только не образована, но лишена и привычки мыслить. Изолированная лекція по исторіи, литературѣ или наукѣ является лучомъ свѣта въ относительномъ мракѣ; добра она принесетъ мало или не принесетъ вовсе. Она стоитъ внѣ общей связи. Даже связанные курсы помогаютъ мало. Теоріи или отдѣльные отрывки бесполезны или даже хуже, разъ аудиторія не въ состояніи критически отнестись къ теоріи или расширить отдѣльный отрывокъ.

Далѣе слѣдуетъ принять во вниманіе то, что люди, наполняющіе эти аудиторіи, взрослые—многіе изъ нихъ старики съ сѣдыми головами, большинство ихъ перешло за возрастъ, въ которомъ обученіе имѣетъ особенную цѣнность. Съ своей стороны они не привыкли къ чтенію и почти глупо предполагать, что курсъ или нѣсколько курсовъ лекцій заставятъ ихъ, быть можетъ, посрединѣ жизни усвоить такую новую и несродную для нихъ привычку.

Лекціи оказываютъ клубу услуги хотя и значительныя, но косвенныя. Если онѣ занимаютъ мѣсто вечеровъ, то сберегаютъ клубу значительныя издержки и предохраняютъ членовъ отъ удовольствія, находимаго ими въ значительной долѣ, хотя и невинной, но все-таки вульгарности. Опять-таки лекціи сообщаютъ клубу извѣстное положеніе среди его сосѣдей и служатъ гарантіей порядочности, что хотя обыкновенно и не необходимо, тѣмъ не мѣнѣе полезно, принимая во вниманіе неопредѣленность свѣдѣній большинства относительно этихъ клубовъ.

Такихъ хорошихъ результатовъ однихъ достаточно для того, чтобы сдѣлать желательнымъ, дабы лекціи читались въ клубахъ и читались въ возможно большемъ количествѣ; только пусть никто не надѣется и не ждетъ, что мысль рабочихъ посредствомъ нихъ сильно разовьется.

Но это заставляетъ насъ вернуться къ вопросу, поднятому въ началѣ. Мышленіе рабочаго, какъ знаемъ, не дисциплинировано, и умѣнья читать у него такъ же мало, какъ и склонности. Его эмоціональная дѣятельность также не дисциплинирована или, вѣрнѣе, не обработана. Его вкусъ не подвергался дисциплинѣ и не служилъ предметомъ вниманія. Здѣсь, во всякомъ случаѣ, есть дѣйственная почва. Мало онъ смыслитъ въ книгахъ, но еще меньше въ музыкѣ и поэзіи. Въ обоихъ случаяхъ мы встрѣчаемся съ недостаткомъ воспитанія, но послѣдній случай соединенъ со счастливымъ сопутствующимъ

обстоятельствомъ—отсутствіемъ извращенія или ложнаго воспитанія. Къ счастью въ изобиліи есть очевидныя доказательства того, что это правда.

Мы уже останавливались на чтеніи «Отмищенія» Теннисона, но это только единичный примѣръ того, что часто встрѣчается. Многіе лекторы вознаграждались апплодисментами, цитируя простую и величественную выдержку въ прозѣ или стихахъ, среди рѣчи, которая иначе не возбудила бы большаго энтузіазма.

Но, какъ правило, на лекціяхъ можно открыть только случайные проблески того, что мы имѣемъ въ виду, ихъ задача, прежде всего, научить, и по большей части онѣ не достигаютъ своей цѣли. Мы только что сказали, что рабочій знаетъ мало или не знаетъ ничего въ поэзіи и музыкѣ, и нѣкоторые изъ лучшихъ поэтическихъ произведеній сильно на него дѣйствуютъ. Простота и величіе—вотъ качества искусства, вліяющія на него всего глубже, и оба эти качества являются характеристическими для нѣкоторыхъ изъ высочайшихъ видовъ искусства. Такъ мы видимъ, что многое въ поэзіи Шекспира и музыкѣ Генделя глубоко цѣнится слушателями изъ рабочихъ классовъ. Декламація или чтеніе нѣкоторыхъ изъ самыхъ простыхъ и въ то же время великихъ мѣстъ нашей литературы могутъ совершенно очаровать такую аудиторію. Ихъ трогаетъ простое и истинное, потому что, какъ ни плохо воспитана ихъ мысль и какъ ни плохо она развита, все же ихъ эмоциональная сторона звучитъ правдиво и способна отвѣчать на лучшіе призывы.

Въ этомъ отношеніи ихъ слабость составляетъ ихъ силу.

Въ указанномъ направленіи, мы думаемъ, есть просторъ для большой предпримчивости. Въ клубахъ слѣдуетъ поддерживать имѣющіе успѣхъ классы, но намъ невольно кажется, что болѣе выгодно замѣнить исполненіемъ балладъ и хорошихъ декламацій или чтеній—обычныя урѣзанные и сухія лекціи. При настоящей системѣ совсѣмъ нѣтъ или очень мало шансовъ за то, чтобы лекція заняла мѣсто обычнаго клубнаго развлечения, хотя совершенно безобиднаго, но обыкновенно глупаго. Если бы, однако, была произведена такая замѣна, возможно, что удалось бы постепенно совершить революцію въ указанныхъ развлеченияхъ. Вкусъ рабочаго за это время удалось бы воспитать, и его самые лучшіе и здоровые инстинкты были бы пробуждены и развиты.

А. Я.

Современное состояніе вопроса о методахъ изученія литературныхъ произведеній *).

Въ историческомъ движеніи науки замѣчается иногда, вслѣдъ за періодами усиленной дѣятельности и энергическаго проведенія определенныхъ началъ, наступленіе моментовъ нѣкотораго раздумья, самопровѣрки, когда является желаніе оглянуться на пройденный путь, подвести итоги всему сдѣланному и подсчитать результаты приложенія тѣхъ или другихъ методовъ и теорій.

Подобный моментъ, если не ошибаюсь, переживаетъ въ настоящее время молодая наука исторіи литературы, обязанная всецѣло своимъ развитіемъ истекающему столѣтію. Какъ одна изъ позднѣйшихъ отраслей историческаго вѣдѣнія, она сравнительно недавно опредѣлила свои задачи и стала выяснять свои основные вопросы. Литература долгое время оставалась излюбленною областію дилетантскихъ экскурсій для людей самыхъ разнообразныхъ спеціальностей. Новая эра въ ея изученіи настала лишь съ тѣхъ поръ, какъ достаточно окрѣпло историческое направленіе критики, необходимость котораго предугадывалъ еще въ концѣ прошлаго столѣтія свѣтлый умъ Гердера. Вырвавшись изъ тѣсныхъ оковъ догматической эстетики и узкихъ рамокъ философствующей критики, изученіе литературы начало вступать на широкій и свободный путь историческаго изслѣдованія и вскорѣ нашло себѣ могучую поддержку въ примѣненіи сравнительнаго метода и въ успѣхахъ романо-германской филологіи.

Вооруженная сравнительно-историческимъ методомъ и опираясь на филологію, историко-литературная наука стала перестраиваться на совершенно новыхъ началахъ, бодро смотря въ будущее и увлекаясь заманчивою широтою открывавшихся передъ нею горизонтовъ. Закипѣла дружная работа по собиранію и изданію уцѣлѣвшихъ остатковъ народной поэзіи и памятниковъ литературнаго прошлаго и по изученію, съ новыхъ точекъ зрѣнія, неизмѣримо-богатаго матеріала европейскаго литературнаго развитія. Около

*) Вступительная лекція, читанная въ Московскомъ университетѣ 15 сентября 1899 года.

полустолѣтія пошло на этотъ гигантскій трудъ, далеко еще не законченный, но уже давшій отчасти плодотворные результаты.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на продолжительный періодъ напряженной работы на историко-литературной нивѣ, исторія литературы не завоевала еще себѣ безспорныхъ правъ гражданства, не выработалась еще въ строгую и вполне самостоятельную науку. Находясь ранѣе въ подчиненномъ положеніи у эстетики или у философіи, она и впоследствии нерѣдко была принуждена довольствоваться скромною второстепенною ролью и, забывая собственныя задачи, служить интересамъ то общей исторіи, то филологіи, которыя преслѣдовали свои спеціальныя цѣли *).

Борьба за самостоятельность исторіи литературы, какъ науки, ведется уже не первый годъ, но никогда этотъ вопросъ не обсуждался такъ настойчиво, какъ за послѣднее время. Все болѣе плодятся попытки выяснить нѣсколько шаткое и колеблющееся понятіе «литературы», опредѣлить точно объемъ и содержаніе исторіи литературы, отграничить присущую ей область и задачи отъ области и задачъ смежныхъ дисциплинъ и указать наиболѣе вѣрные и плодотворные пути для ея ближайшаго развитія. Всѣ подобныя попытки встрѣчаются лицомъ къ лицу съ вопросомъ о методахъ изученія литературныхъ произведеній. Отсутствіе вполне точно и достаточно широко установленныхъ приемовъ литературнаго изслѣдованія, которые служили бы всестороннему выясненію разбираемаго произведенія, было одною изъ главныхъ причинъ, тормозившихъ успѣхи нашей науки.

Неудивительно поэтому, что въ настоящій моментъ самопроѣрки и подведенія итоговъ вопросъ о методахъ изученія литературныхъ произведеній составляетъ предметъ горячихъ и оживленныхъ споровъ въ западной наукѣ и критикѣ. Въ академическихъ рѣчахъ, на страницахъ спеціальныхъ журналовъ, въ отдѣльныхъ сочиненіяхъ ревностно обсуждаются существующіе приемы изслѣдованія, строятся оригинальныя теоріи, выдвигаются новые критеріумы, предлагаются комбинаціи старыхъ и т. д.

Было бы небезполезно разобратъ въ этой пестрой массѣ противорѣчивыхъ сужденій, взглядовъ, теорій и вывести какой-нибудь опредѣленный результатъ изъ борьбы различныхъ критическихъ системъ и столкновенія разнообразныхъ точекъ зрѣнія.

Присматриваясь къ существующимъ въ настоящее время на Западѣ методамъ изученія литературныхъ произведеній, мы можемъ замѣтить четыре главныхъ, основныхъ направленія, а именно: филологическое, историческое, психологическое и эстетическое. Каждое изъ нихъ заявляетъ болѣе или менѣе притязаніе на господство надъ всѣми другими и дѣлитъ критиковъ и историковъ литературы на враждебные лагери. Ведется также борьба нерѣдко и въ предѣлахъ одного и того же направленія, вслѣдствіе несогласія

*) Дашкевичъ, *Кіев. Ун. Изв.* 1877 г., окт., стр. 729—730. Колмачевскій, *Журн. М. Н. Пр.* 1884 г., май, стр. 8. Eugen Wolff, *Das wissenschaftliche Literaturbetrachtung*. Kiel, 1890 г., стр. 21.

его сторонниковъ между собою. Дѣло затрудняется еще тѣмъ, что каждое изъ указанныхъ теченій часто комбинируется съ какимъ-нибудь другимъ, вслѣдствіе чего получаются новыя сложныя направленія—филолого-историческое, историко-психологическое, эстетико-психологическое и др.

Постараемся намѣтить бѣгло основныя черты четырехъ главныхъ направлений и указать каждому изъ нихъ подобающее мѣсто въ дѣлѣ изученія литературныхъ произведеній. Обратимся прежде всего къ направленію *филологическому*, ибо оно является,—по крайней мѣрѣ, въ Германіи,—господиномъ положенія.

Со временъ Лахманна и бр. Гриммъ, считающихся основателями германской филологіи, и Дица, котораго признають отцомъ филологіи романской, обѣ эти новыя науки сдѣлали большіе успѣхи, завоевали себѣ прочное положеніе въ университетахъ Западной Европы, за исключеніемъ Англіи, и оказали глубокое вліяніе на ходъ литературныхъ изученій. Сложившись по образу и подобию классической филологіи, романо-германская филологія унаслѣдовала отъ своей старшей сестры и методъ, и общіе взгляды на свой предметъ и его объемъ. Ограничивая первоначально свою задачу изслѣдованіемъ вопроса о происхожденіи и историческомъ развитіи германскихъ и романскихъ языковъ, эта нео-филологія, по примѣру классической, постепенно расширяла поле своего вѣдѣнія, раздвигала рамки и усложняла свое содержаніе, пока не дошла до чрезвычайно широкаго пониманія своихъ задачъ, почти совпавшихъ съ задачами исторіи культуры и такъ наз. «психологіи народовъ» (*Völkerpsychologie*). Такимъ образомъ всѣ многообразныя проявленія духовной жизни и умственной дѣятельности германскихъ и романскихъ народностей стали подлежать, въ полномъ объемѣ, вѣдѣнію этой безграничной и, такъ сказать, сборной науки, представляющей изъ себя конгломератъ весьма различныхъ дисциплинъ, но продолжающей носить прежнее имя «филологіи», не особенно подходящее къ ея теперешнему содержанію. Однако, далеко не всѣ специалисты согласны съ такимъ широкимъ пониманіемъ задачъ филологіи, и нѣкоторые изъ нихъ настаиваютъ на ограниченіи ея области языкомъ и литературой. Наконецъ, и соединеніе изученій языка и изученій литературы въ одну науку встрѣчаетъ также противниковъ, въ числѣ которыхъ находится одинъ изъ видныхъ современныхъ филологовъ, проф. Шухардтъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что самый вопросъ о границахъ и задачахъ германо-романской филологіи является нѣсколько спорнымъ и недостаточно выясненнымъ, вслѣдствіе чего и слово «филологія» понимается въ различныхъ смыслахъ.

Тѣмъ не менѣе приемы филологическаго (въ собственномъ, тѣсномъ смыслѣ слова) изученія точно выработаны современною наукой и сосредоточиваются около двухъ главныхъ задачъ: критики текста и интерпретаціи его. Литературный памятникъ, дошедшій до насъ нерѣдко испорченнымъ и искаженнымъ, филологическая критика берется возстановить въ первоначальномъ видѣ, въ какомъ онъ вышелъ изъ рукъ автора. Для этого необходима мозаически-мелкая, микроскопически-точная и сложная филологическая работа,

требующая глубокаго знанія исторіи языка, его разнообразѣйшихъ діалектовъ со всѣми ихъ фонетическими и морфологическими особенностями,—да сверхъ того еще особаго критическаго такта, подсказывающаго изслѣдователю выборъ того или другаго слова, той или другой формы изъ многочисленныхъ вариантовъ и разночтеній *).

Рядомъ съ критикой текста стоитъ филологическая интерпретація, открывающая путь къ совершенно точному и ясному пониманію литературнаго памятника, перебрасывающая, такъ сказать, мостъ между авторами и читателями разныхъ временъ, народностей и языковъ **). Она можетъ быть выполнена успѣшно только въ томъ случаѣ, если, сверхъ упомянутыхъ уже знаній, критикъ обладаетъ солидными свѣдѣніями по исторіи литературы, искусства, культуры,—однимъ словомъ, по всему тому, чѣмъ составляетъ современная филологія свои толкованія.

Такова задача филологическаго изученія, подготовляющаго почву для литературнаго изслѣдованія и стоящаго, такъ сказать, въ преддверіи работы послѣдняго рода ***). Несомнѣнно, что только критически провѣренныя и удовлетворяющія строгимъ филологическимъ требованіямъ изданія памятниковъ могутъ служить вполне надежнымъ базисомъ для дальнѣйшихъ изученій. Филологическое изученіе тѣмъ необходимѣе, чѣмъ древнѣе эпоха, къ которой относится разбираемое произведеніе. Только при помощи филологіи удалось пролить истинный свѣтъ на средневѣковую литературу и сдѣлать возможной историческую оцѣнку такихъ памятниковъ, какъ англо-саксонская поэта «Beowulf», «Пѣснь о Роландѣ», «Пѣснь о Нибелунгахъ», «Poema del Cid» и др. Для литературныхъ произведеній новыхъ и новѣйшихъ временъ важность филологическаго изученія значительно меньше и область его примѣненія уже. «Кентерберійскіе рассказы» Чосера, съ одной стороны, и романы Диккенса — съ другой могутъ служить наглядной иллюстраціей высказаннаго положенія.

Въ настоящее время въ Германіи замѣчаются признаки реакціи противъ односторонностей филологическаго направленія, господствующаго въ нѣмецкихъ университетахъ. Группа молодыхъ ученыхъ ратуетъ за углубленіе и расширеніе изученія литературныхъ произведеній съ новыхъ точекъ зрѣнія. Но возставая противъ нѣкоторыхъ крайностей и увлеченій филологическаго направленія, они отнюдь не отрицаютъ его значенія и солидную филологическую подготовку считаютъ необходимой для всякаго историка литературы ****).

*) Cp. A. Tobler: „Methodik der philolog. Forschung“ („Grundriss der romanischen Philologie“, Hrsg. von Gröber“, I, 251 сл.). H. Paul: „Methodenlehre“ (Grundriss der German. Philologie, I, 170 сл.). Elze: „Grundriss der englischen Philologie“. Halle, 1887. Ss. 35—94.

**) H. Paul: „Grundriss der germ. Philologie“. I, 171.

***) Cp. Benedetto Croce: „La critica letteraria. Questioni teoriche“. Roma, 1895, стр. 28—29, 41—42.

****) Cp. Louis Betz: „Wesen, Aufgabe u. Bedeutung der vergleichenden Littera-

Историческое направлѣніе критики, исподволь подготовлявшееся съ конца прошлаго вѣка и опредѣлившееся, почти одновременно во Франціи и въ Германіи, въ трудахъ Вильмена и Гервиуса, рассматриваетъ каждое литературное произведеніе не иначе, какъ одно изъ звеньевъ длинной цѣпи историческаго и литературнаго развитія, находящееся въ причинныхъ отношеніяхъ къ предыдущимъ и послѣдующимъ звеньямъ. Недостаточно знать литературный памятникъ, какъ готовый продуктъ; необходимо изслѣдовать его происхожденіе и образованіе, его генезисъ. Поэтическое произведеніе представляетъ всегда болѣе или менѣе сложный комплексъ идей, чувствъ, впечатлѣній, настроеній и воззрѣній, пришедшихъ къ художнику съ разныхъ сторонъ, но сплавленныхъ въ горнилѣ его творческаго духа. Критика должна разложить произведеніе на его составныя части, на всѣ тѣ многоразличные элементы, изъ которыхъ оно сложилось въ душѣ автора. Элементы эти бываютъ или *чисто-литературнаго*, или *біографическаго*, или *культурнаго* характера. Вслѣдствіе этого изслѣдованіе можетъ идти въ трехъ соотвѣтствующихъ направленіяхъ.

Критикъ опредѣляетъ отношеніе даннаго произведенія къ такъ называемой *литературной традиціи*, иначе говоря—къ другимъ произведеніямъ, съ которыми оно находится въ генетической связи. Поэтъ получаетъ по традиціи поэтическій языкъ, стиль и стихотворный размѣръ закрѣпленными въ извѣстныя формы различной степени устойчивости. Измѣненія, совершенныя имъ, даютъ мѣру его оригинальности въ этомъ отношеніи. Предполагаемая свобода творчества въ изобрѣтеніи сюжетовъ, положеній и мотивовъ подлежитъ значительному огаииченію. Еще Вальтеръ Скоттъ замѣчалъ, что сравнительное изученіе сюжетовъ «значительно умалило бы наши представленія о богатствѣ человѣческой изобрѣтательности». Не только сюжеты, мотивы, положенія, но и типы часто являются традиціонными, переходящими по наслѣдству отъ одного автора къ другому, отъ одной литературной эпохи къ послѣдующимъ. Если есть страстующіе сюжеты, то есть и странствующіе типы, также служащіе предметомъ международнаго литературнаго обмѣна. Достаточно указать на традиціонныя комическіе типы, перешедшіе отъ Аристофана къ Плавту и Теренцію, затѣмъ къ Мольеру и другимъ. Каждая эпоха имѣетъ свои излюбленные типы, становящіеся нерѣдко традиціонными на долгіе годы. Наконецъ, и самыя приемы композиціи являются до извѣстной степени устойчивыми, традиціонными; существуютъ опредѣленные схемы, обязательныя для того или другаго рода и зачастую неизмѣнно сохраняющіяся, какъ запоздалые отголоски отдаленныхъ эпохъ *). Такъ вмѣшательство боговъ въ дѣла людей, отличающее

turges: hichte („Zeitschrift für franz. Sprache u. Litteratur. Hrsg. von Koerting u. Koschwitz“. В. XVIII. Berlin, 1896, стр. 154—155).

*) А. Н. Веселовскій: „О методѣ и задачахъ исторіи литературы, какъ науки“. *Журналъ Мин. Нар. Просв.*, 1870 г. Ten - Brink: „Ueber die Aufgabe der Litteraturgeschichte“. Strassburg, 1891, стр. 21—24. Н. Paul: „Grundriss der german. Philologie“ I, 220 сл.

«Илиаду» и «Одиссею» и находящее свое естественное объяснение въ вѣрованіяхъ древнихъ грековъ, было принято за неизбѣжную черту всякой поэмы и вошло въ технику ложноклассической поэмы съ эпохи Возрожденія и почти до конца XVIII в. Въ технику романа можно прослѣдить традиціонныя приемы композиціи, также какъ и въ технику драмы. Литературная традиція обыкновенно видоизмѣняется и обновляется подъ воздѣйствіемъ новыхъ культурныхъ теченій, приспособляясь къ потребностямъ новой эпохи; въ другихъ случаяхъ наблюдается переживаніе старой литературной традиціи, продолжающей существовать вопреки новымъ культурнымъ запросамъ.

При изслѣдованіи литературной традиціи главную роль играетъ такъ называемая «теорія литературнаго заимствованія», обоснованная Дэнлопомъ и Либрехтомъ и формулированная Бенфеємъ въ введеніи къ нѣмецкому переводу «Панчатантры» (1859) *). Эта теорія оказала громадное вліяніе на содержаніе историко-литературныхъ изслѣдованій послѣднихъ десятилѣтій и вызвала массу работъ по изученію странствующихъ повѣстей и сюжетовъ. Однако она нуждается въ нѣкоторыхъ поправкахъ. Мысль Бенфея о восточномъ происхожденіи большинства европейскихъ сюжетовъ (восточная теорія) значительно поколеблена новѣйшими изысканіями **). Съ другой стороны, англійская антропологическая школа выставила теорію *полтене-зиса* сказаній и сюжетовъ, которая допускаетъ возможность самостоятельнаго и независимаго зарожденія сходныхъ сюжетовъ у различныхъ народовъ, объясняя это совпаденіе сходствомъ главныхъ свойствъ человѣческаго духа и общихъ условий человѣческой жизни на одинаковыхъ ступеняхъ культуры. Въ первомъ увлеченіи теоріей заимствованія, на счетъ послѣдняго иной разъ относили многое такое, что въ дѣйствительности представляло оригинальное творчество писателя, что вело къ не совсѣмъ справедливому умаленію значенія личной инициативы. Несомнѣнно, что эта теорія должна быть примѣняема съ большою осторожностью и осмотрительностью. Простого сходства въ остовахъ сюжета недостаточно, чтобы сдѣлать выводъ о наличности заимствованія; долженъ быть доказанъ путь этого заимствованія и устранены всѣ противорѣчащіе факты.

При осторожномъ пользованіи теорія литературнаго заимствованія оказываетъ существенныя услуги литературнымъ изысканіямъ. До сихъ поръ она прилагалась преимущественно къ народной и средневѣковой литературѣ и вообще тамъ, гдѣ господствуетъ безличное творчество; но та же теорія съ нѣкотораго времени примѣняется съ успѣхомъ и по отношенію къ болѣе новымъ эпохамъ и къ творчеству личному. Изслѣдованіе Ландау объ источникахъ «Декамерона», многочисленныя изысканія источниковъ Шекспира и другихъ писателей могутъ служить достаточнымъ доказательствомъ

*) John Dunlop: „History of fiction“ etc. Edinburgh, 1814. Нѣмецкій переводъ Ф. Либрехта: „Geschichte der Prosadichtungen“ etc. Berlin, 1851.

**) Bédier: „Les fabliaux“. Paris, 1893.

громадной роли литературнаго заимствованія и въ области болѣе свободнаго личнаго творчества *).

Если теорія литературнаго заимствованія и нуждается, какъ мы видѣли, въ нѣкоторыхъ поправкахъ, все же проводимый ею методъ сравнительный является гигантскимъ шагомъ впередъ въ изученіи литературы и находитъ себѣ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе широкое примѣненіе. Въ послѣднее время возникъ вопросъ о сравнительной или интернаціональной исторіи литературы, задающей широкими задачами параллельнаго изученія европейскихъ литературъ въ ихъ культурномъ взаимодействіи, и есть уже интересныя попытки въ этомъ родѣ **).

Указанная выше поправка къ теоріи литературнаго заимствованія приводитъ насъ къ вопросу о личномъ авторскомъ элементѣ въ литературныхъ произведеніяхъ. Изученіе, имѣющее въ виду опредѣлить отношеніе литературнаго произведенія къ его автору, изслѣдовать нити, связывающія первое съ послѣднимъ, можно назвать *біографическимъ*.

Этотъ методъ обыкновенно связывается съ именемъ знаменитаго французскаго критика Сентъ-Бѣва, видѣвшаго свою задачу въ томъ, чтобы составить себѣ ясное понятіе о самой личности, которая создала литературный памятникъ. Онъ тщательно собиралъ свѣдѣнія о происхожденіи автора, его физической организаціи, средствахъ, условіяхъ развитія, привычкахъ, вкусахъ, знакомствахъ, подробностяхъ его обыденной жизни. Детальное біографическое изученіе было для него исходной точкой и необходимымъ условіемъ для объясненія произведеній какого-нибудь писателя; онъ даже отказывался говорить о сочиненіяхъ такихъ авторовъ, жизнь которыхъ ему была неизвѣстна. Очевидно, что біографическій методъ Сентъ-Бѣва приложимъ въ полномъ объемѣ только къ такимъ писателямъ, о жизни которыхъ имѣется достаточно свидѣтельствъ и, слѣдовательно, преимущественно къ современникамъ критика или дѣятелямъ ближайшаго прошлаго. Но и тутъ, по выраженію Брандеса, критику всегда представляется жестокая дилемма: истину можно знать только о живыхъ, а сказать истину возможно только объ умершихъ ***). Тѣмъ не менѣе важность біографическаго изученія не подлежитъ сомнѣнію. Литературной традиціей не исчерпываются обыкновенно источники автора: важное мѣсто занимаютъ его личные впечатлѣнія, все пережитое и пережитое имъ и переносимое въ произведеніе въ видѣ, болѣе или менѣе преобразованномъ его творческой фантазіей. Только біографія Мильтона можетъ намъ объяснить тотъ мощный духъ протеста и гордаго разочарованія, которымъ проникнуты рѣчи Сатаны

*) Ср. А. Н. Пипинъ: „Сравнительное изученіе литературы“. *Вост. Европы*, 1875 г., окт., стр. 643. *Mareus Landau*: „Die Quellen des Dekameron“. Zweite Auflage. Stuttgart, 1884.

**) *Joseph Texte*: „J. J. Rousseau et les origines du cosmopolitisme littéraire“. Paris, 1895. *Virgile Rossel*: „Histoire des relations littéraires entre la France et l'Allemagne“. Paris, 1897.

***) „О литературной критикѣ“. *Вост. Евр.*, 1897 г., октябрь, стр. 753.

въ его «Потерянномъ раѣ», восходящемъ къ сюжету, старому какъ міръ. Такъ въ «Страданіяхъ молодого Вертера», при всей зависимости Гёте отъ Ричардсона и Руссо, на первомъ планѣ стоятъ элементы лично пережитого и переживуваннаго *). Выдѣленіе личнаго элемента въ литературныхъ произведеніяхъ составляетъ одну изъ интереснѣйшихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, въ случаѣ скудости біографическаго матеріала, одну изъ труднѣйшихъ задачъ всякаго критика.

Изученіе личности автора вмѣстѣ съ ея отраженіемъ въ его творествѣ переходитъ незамѣтно въ изученіе *культурно-историческихъ* условій народа и эпохи, къ которымъ онъ относится. Произведеніе, авторъ, среда представляютъ какъ бы три концентрическихъ круга, связанныхъ между собою органически. Литературное произведеніе есть часть духовнаго міра его автора, который, въ свою очередь, есть не что иное, какъ болѣе или менѣе полное отраженіе культурнаго содержанія эпохи. Никто такъ не настаивалъ на необходимости изученія литературныхъ произведеній съ культурно-исторической точки зрѣнія, какъ Тэнъ. Его теорія, утверждающая, что всякій писатель есть только естественный продуктъ *расы, среды и историческаго момента*, вполне ими объясняемый, — встрѣтила много возраженій, нерѣдко основательныхъ и подчасъ преувеличенныхъ. Недавняя смерть знаменитаго автора «Исторіи англійской литературы» и «Философіи искусства» значительно оживила вопросъ о пригодности созданнаго имъ метода и вызвала массу новыхъ разборовъ и оцѣнокъ, одно уже число которыхъ свидѣтельствуешь о важности затронутыхъ имъ вопросовъ. Въ оцѣнкѣ теоріи Тэна замѣчается нѣкоторая двойственность: одни склонны принять ее за незыблемый законъ, который Тэнъ пытался установить, другіе — только за методъ, которымъ онъ хотѣлъ направить путь критика. У самого Тэна мы находимъ въ этомъ отношеніи колебаніе: въ «Критическихъ очеркахъ» онъ толкуетъ ее во второмъ смыслѣ метода, въ предисловіи къ «Исторіи англ. литературы» скорѣе въ первомъ смыслѣ закона **). Если посмотрѣть на ученіе Тэна, какъ на законъ, то оно обнаружитъ свою полную несостоятельность: для обоснованія подобнаго закона Тэнъ не располагалъ достаточнымъ количествомъ фактовъ, критически разработанныхъ и проверенныхъ. Его ученіе есть не что иное, какъ талантливая догадка, правдоподобное предположеніе, надъ проверкой котораго онъ самъ неустанно и нерѣдко блестяще работалъ и другихъ поощрялъ къ тому же. Если эта теорія и расшатана отчасти въ наше время, то въ ученіи Тэна есть все же одна сторона въ высшей степени цѣнная: съ большимъ талантомъ и энтузіазмомъ указалъ онъ одно изъ тѣхъ направленій, по которому должно идти изученіе всякаго литературнаго произведенія, подчеркнул и отгѣнилъ важность культурно-историческаго анализа. Если значеніе этого послѣдняго

*) Ср. *E. Schmidt*: „Richardson, Rousseau und Goethe“. Jena, 1875.

**) Ср. *В. И. Герье*: „Методы Тэна въ литературн. и худож. критикѣ“. *В. Евр.*, 1889 г., сентябрь, стр. 88—92.

указывалось и раньше его, то Тэнъ далъ одно изъ самыхъ плодотворныхъ возбужденій въ этомъ отношеніи. Изслѣдованіе тѣхъ нитей, которыми произведеніе, черезъ посредство автора, связывается съ національными особенностями и съ историческими и культурными условіями извѣстной эпохи, останется всегда одною изъ важнѣйшихъ сторонъ литературно-критическаго изученія.

Третье изъ указанныхъ основныхъ направленій критики—*психологическое* явилось дальнѣйшимъ и естественнымъ развитіемъ біографическаго и культурно-историческаго метода. Важность изученія литературныхъ произведеній съ психологической точки зрѣнія сознавалъ еще Сентъ-Бёвъ, которому изученіе біографическое служило только средствомъ для перехода къ психологическому анализу. Онъ старался постигнуть душевное настроеніе, изъ котораго вытекло извѣстное произведеніе, онъ нарисовалъ цѣлую галерею тонкихъ портретовъ, въ которыхъ, по его собственному выраженію, задавался задачей начертать «естественную исторію человѣческой души». Тэнъ пошелъ по слѣдамъ Сентъ-Бёва и сталъ примѣнять психологическій анализъ не только къ отдѣльнымъ произведеніямъ и личностямъ, но и по отношенію къ цѣлымъ народностямъ и культурнымъ эпохамъ. И именно въ этомъ видить, не безъ основанія, главнѣйшую заслугу Тэна одинъ изъ новѣйшихъ его біографовъ—Барцелотти *). Тэновская постановка вопроса была смѣлымъ шагомъ впередъ, ставившимъ литературную критику на психологическую почву и совпадавшимъ въ извѣстной степени съ нѣмецкими представленіями объ идеальныхъ задачахъ «филологіи», понимаемой въ широкомъ смыслѣ слова, какъ науки о проявленіяхъ духовной жизни народа **). Вникая въ психологію писателя, Тэнъ, всегда склонный къ преждевременной систематизаціи, старался установить теорію «господствующей способности» (*faculté maitresse*), объясняющей весь талантъ писателя изъ одного преобладающаго свойства его души. Но теорія эта не выдерживаетъ строгой критики, такъ какъ возвести къ одному источнику все разное образіе сложной психической жизни выдающагося писателя представляется едва ли возможнымъ, хотя въ извѣстныхъ случаяхъ она можетъ найти себѣ примѣненіе.

*) *Nuova Antologia*, 1893. (1 Agosto, стр. 404—405).

**) Ср. А. Н. Пытика: „Исторія русской литературы“. Спб., 1898 г., т. I, стр. 6—7. Нельзя не замѣтить, что эти представленія нѣмецкой науки оставались верными на степени теоріи, которой противорѣчитъ практика. Нѣмецкая филологія, ставя своею конечною цѣлью психологію племенъ и народовъ въ теоріи, на практикѣ ограничивалась филологическими (въ узкомъ смыслѣ слова) и отчасти историческими изученіями. Вотъ почему такъ наз. *Völkerpsychologie*, почти сливающаяся въ своихъ цѣляхъ съ филологіей (въ широкомъ смыслѣ слова), тѣмъ не менѣе сохранила свою самостоятельность относительно послѣдней, и объ науки, встрѣчаясь на одномъ полѣ изслѣдованія, нерѣдко не узнаютъ другъ друга. Ср. *Vierkandt*: „Philologie und Völkerpsychologie“ въ „Archiv für Religionswissenschaft“. Hrsg. von Th. Achelis. I. Band Heft. Freiburg i. B. 1898. Стр. 97, сл..

Тѣмъ не менѣе Тэнъ вмѣстѣ съ Сентъ-Бёвомъ возбудили большой интересъ къ психологическому изученію литературы, которое приобретаетъ все болѣе и болѣе сторонниковъ *). Датскій критикъ Брандесъ является ихъ талантливымъ послѣдователемъ за предѣлами Франціи. Въ самой Франціи можно указать на рано умершаго Геннекена, талантливаго автора интересной книги «О научной критикѣ» **).

Геннекенъ попытался обосновать новый критическій методъ, который онъ назвалъ «эстопсихологіей», т.-е. психологіей, основанной на изученіи эстетическихъ особенностей литературнаго произведенія и возбуждаемыхъ имъ эстетическихъ эмоцій. Каждое художественное произведеніе онъ предлагаетъ подвергать троякому анализу: эстетическому, психологическому и соціологическому; за анализомъ долженъ слѣдовать синтезъ въ томъ же порядкѣ. *Эстетическій* анализъ, долженствующій быть основой всего изслѣдованія, опредѣляетъ прежде всего тѣ эмоціи, которыя возбуждаются въ насъ разбираемымъ произведеніемъ, а затѣмъ выясняетъ тѣ художественныя средства, которыми достигается данное эстетическое волненіе. При этомъ Геннекенъ кладетъ въ основу положеніе, что эстетическія волненія, производимыя даннымъ сочиненіемъ въ разныхъ лицахъ, отличаются между собою только количественно, т.-е. степенью эмоціональнаго возбужденія, а не качественно, т.-е. свойствомъ, природою его. Но если бы это было такъ, то невозможно было бы объяснить одновременное существованіе разнообразныхъ и нерѣдко противорѣчащихъ другъ другу сужденій объ одномъ и томъ же авторѣ или произведеніи ***). Эстетическія волненія,—какъ замѣчалъ еще Кантъ,—субъективны, природа ихъ остается до сихъ поръ мало изслѣдованною, поэтому и выводъ, основанный на нихъ, не можетъ претендовать на «научную» точность, которой добивается Геннекенъ.

Опредѣливъ всѣ эстетическія особенности разбираемаго произведенія, Геннекенъ переходитъ къ ихъ психологическому толкованію, основываясь на положеніи, что «нѣтъ такой эстетической особенности, которая не нашла бы себѣ соответствующей психологической особенности» ****). Это онъ называетъ *психологическимъ* анализомъ, задача котораго заключается въ томъ, чтобы опредѣлить душевную организацію автора, основываясь исключительно на предшествующемъ эстетическомъ анализѣ. Поэтому Геннекенъ осуждаетъ біографическій методъ Сентъ-Бёва и изученіе жизни писателя не считаетъ необходимымъ условіемъ для возсозданія его личности. По его мнѣнію, личность писателя отражается цѣликомъ, безъ остатка, въ его произведеніи, которое является такимъ образомъ точной и полной копіей его души. Но это положеніе можетъ быть принято, конечно, только съ извѣстными ограниченіями. На основаніи произведенія можно составить

*) Ср. *Поль Бурже*. Очерки современной психологіи. Спб., 1888.

**) „La critique scientifique“ (Esthopsychologie). Русский переводъ Струнина.

***) Ср. *Tissot*: „Les évolutions de la critique française“. Paris, 1890, p. 329.

****) „Опытъ построения научной критики“. Спб., 1892 г., стр. 47.

себѣ только приблизительное представленіе о душѣ автора, выяснитъ личность котораго представится возможнымъ только въ тѣхъ случаяхъ, если мы привлечемъ на помощь біографическое изученіе. Представленія о личности поэта, основанныя исключительно на его произведеніяхъ, будутъ въ большинствѣ случаевъ довольно шатки и неопредѣленны и останутся всегда на степени болѣе или менѣе вѣроятныхъ гипотезъ. Насколько субъективны подобные выводы, достаточно доказывается шекспировской критикой, приходившей къ самымъ противорѣчивымъ сужденіямъ о личности гениальнаго драматурга, его идеалахъ, убѣжденіяхъ, симпатіяхъ и т. д. Только параллельное изученіе произведенія и жизни автора можетъ объяснить намъ тѣ нити, которыя связываютъ автора съ произведеніемъ, и раскрыть тайну его нравственной личности. Но, несомнѣнно, эмпсихологическій методъ Геннекена вполнѣ уместенъ тамъ, гдѣ біографическія свѣдѣнія отсутствуютъ; при его помощи возможно разъяснить нѣсколько личность автора. Въмѣстѣ съ тѣмъ этотъ методъ можетъ оказать значительное содѣйствіе и біографическому изученію.

Вслѣдъ за эстетическимъ и психологическимъ анализомъ Геннекенъ ставитъ анализъ *соціологическій*. Такъ онъ называетъ изученіе особенностей душевнаго строя той группы людей, среди которыхъ разбираемое произведеніе пользовалось наибольшимъ успѣхомъ *). Исходною точкой Геннекена служить здѣсь суровая критика тэновской теоріи *расы, среды и момента*. Отрицая вліяніе расы совершенно, онъ старается свести къ минимуму вліяніе среды и историческаго момента, утверждая, что согласно естественному ходу цивилизаціи, человѣкъ освобождается все болѣе и болѣе отъ вліянія окружающей среды, доходя до полнаго противорѣчія съ нею. Центръ тяжести, по его мнѣнію, лежитъ не въ средѣ, вліяніе которой ничтожно и неуловимо, а въ оригинальной личности поэта, который самъ создаетъ свою среду, иначе говоря, поклонниковъ, привлекаемыхъ къ нему сходствомъ душевной организаціи съ его собственною. Поэтому несравненно важнѣе, по его мнѣнію, изученіе вліяній, исходящихъ отъ художника на среду, чѣмъ наоборотъ.

Воззрѣнія Геннекена примыкаютъ въ значительной степени къ знаменитому «культу героевъ» Карлейля. Вліянію массы онъ противопоставляетъ вліяніе гениальной личности, которая является движущею силой въ жизни и въ литературѣ, создаетъ направленія и все за собою увлекаетъ. Если Брандесъ упрекалъ, не безъ основанія, тэновскую теорію въ томъ, что она годится только для объясненія писателей посредственныхъ, то у Геннекена быть въ глаза другая односторонность: его методъ приспособленъ исключительно для гениальныхъ писателей, насчитывающихся единицами.

*) Задача Геннекена существенно психологическаго характера. То, что онъ называетъ „соціологическимъ“ анализомъ, есть не что иное, какъ изученіе психологич. „поклонниковъ“ извѣстнаго писателя.

Онъ возвращается къ аристократическому принципу блаженной памяти эстетической критики, удостоивавшей своимъ вниманіемъ только исполиновъ поэзіи и не понимавшей необходимости изучать литературное развитіе въ полномъ его объемѣ. Несомнѣнно, что Геннекенъ идетъ слишкомъ далеко въ критикѣ тэновской теоріи. Вліянія среды не избѣгаютъ и гениальнѣйшіе изъ писателей, будь это Дантъ, Сервантесъ, Гёте или Пушкинъ, а приведенные Геннекеномъ примѣры одновременнаго существованія въ одной и той же средѣ писателей, ничуть не похожихъ другъ на друга, ничего не доказываютъ, такъ какъ среда не бываетъ однородной. Въ одномъ и томъ же обществѣ, въ одной и той же средѣ существуютъ различныя группы, различныя теченія, находящіеся между собою перѣдко даже въ антагонизмѣ. Писатель обыкновенно—за исключеніемъ дарованій исключительныхъ, отражающихъ въ своемъ творчествѣ цѣлую эпоху въ ея полномъ объемѣ—примыкаетъ къ одной изъ подобныхъ группъ, увлекается однимъ изъ теченій, выразителемъ котораго онъ выступаетъ *). Ричардсонъ и Фильдингъ—одновременное существованіе которыхъ кажется Геннекену несогласимымъ съ теоріей среды **)—оба типичные англичане XVIII в., но одинъ изъ нихъ—наслѣдникъ стариннаго англійскаго пуританизма, осложненнаго новыми сентиментальными вѣяніями, а другой—выразитель жизнерадостнаго настроенія «старой веселой Англіи», никогда вполне не вымиравшего, и присущей націи реалистической жилки. Каждый рисуетъ англійскую жизнь XVIII в. съ извѣстной стороны, но вмѣстѣ съ тѣмъ носитъ въ себѣ и нѣкоторыя общія черты эпохи.

Недостатокъ теоріи Тэна заключается въ томъ, что онъ обратилъ мало вниманія на новые элементы, вносимые отдѣльными личностями въ культурное содержаніе эпохи, что подмѣтилъ еще Сентъ-Бёвъ въ рецензіи на «Исторію англійской литературы» ***). Геннекенъ погрѣшаетъ въ противоположномъ направленіи: онъ слишкомъ преувеличиваетъ оригинальное творчество писателя и идетъ слишкомъ далеко въ отрицаніи вліянія среды. Обѣ теоріи, лишеныя своихъ крайностей, взаимно дополняютъ другъ друга: мы должны установить несомнѣнный фактъ взаимодѣйствія между средою и писателемъ. Находясь въ несомнѣнной зависимости отъ эпохи, воспринимая изъ среды важнѣйшіе элементы своей личности, своего міросозерцанія, писатель, по выраженію Ренана, принадлежитъ къ своему вѣку даже въ томъ случаѣ, если возстаетъ противъ него ****). Съ другой стороны, поэтъ пускаетъ въ обращеніе нѣчто новое, оригинальное, только ему свойствен-

*) Ср. Оболенскій: «Основы научной критики». *Русская Мысль*, 1895 г., № 5. стр. 39.

**) I. с., стр. 69.

***) «Nouveaux lundis», t. VIII.

****) Ср. Tissot: «Les évolutions de la critique française». Paris, 1890, p. 336. Б. Арсеньевъ: «Новый опытъ построенія научной критики». В. Е. 1898 года, ноябрь, стр. 318.

ное; и этотъ привносимый имъ элементъ можетъ оказаться, въ свою очередь, движущею силой, оказывающей мощное вліяніе.—Потакъ, изучая вліяніе среды, мы не должны упускать изъ виду и то, по выраженію Гоголя, «божественное пламя таланта», которое отличаетъ истиннаго художника и покоряетъ ему сердца.

Что касается до изученія психологій «поклонниковъ» писателя, называемаго Геннекеномъ соціологическимъ анализомъ, то оно встрѣчаетъ непреодолимые трудности. Определить этихъ поклонниковъ дѣло не легкое, такъ какъ различныя группы читателей могутъ увлекаться различными свойствами таланта писателя и его авторской личности. По числу читателей нельзя еще судить о числѣ поклонниковъ; соединеніе же всѣхъ читателей, увлекающихся различными сторонами таланта автора, въ одну психологическую группу, повторяющую будто бы главныя черты душевной организаціи этого писателя,—въ высшей степени произвольно и врядъ ли можетъ привести какія-нибудь цѣнные результаты.

Заслугу Геннекена можно видѣть въ томъ, что, отстаивая оригинальность писателя, онъ поддержалъ интересъ къ психологическому изученію литературныхъ произведеній.

Его методъ нашелъ себѣ послѣдователей въ Германіи. Какъ ранѣе нѣмецкая филологія оказала вліяніе на французскую науку, такъ въ настоящее время французскій психологическій методъ начинаетъ распространяться въ Германіи. Первымъ его виднымъ и талантливымъ сторонникомъ выступилъ Ветцъ, авторъ надѣлавшаго шуму сочиненія *Шекспиръ съ точки зрѣнія сравнительной исторіи литературы* *). Борясь противъ односторонностей филологическаго направленія въ Германіи, Ветцъ требуетъ психологическаго изученія литературныхъ произведеній по комбинированному имъ методу Тэна и Геннекена, идя, впрочемъ, болѣе за первымъ. Подобно автору «Научной критики», онъ рекомендуетъ извлекать всѣ наши представленія объ авторѣ и его міросозерцаніи изъ эстетико-психологическаго изученія его произведенія и ставить на задній планъ историческое изученіе. Нѣмецкая критика ставитъ Ветцу въ заслугу энергическое указаніе на значеніе тэновскихъ методовъ, которые до сихъ поръ оказывали въ Германіи очень мало вліянія на ходъ историко-литературныхъ изученій **). Но противъ рекомендуемыхъ имъ приѣмовъ можно бы повторить тѣ же самыя возраженія, которыя мы уже сдѣлали Геннекени.

Изъ всѣхъ направленій въ изученіи литературныхъ произведеній *эстетическое* является едва ли не самымъ устойчивымъ и живучимъ. Несмотря на тяжелые удары, которые были нанесены ему филологической и истори-

) Shakespeare vom Standpunkte der vergleichenden Litteraturgeschichte von W. Wetz. I Band. Worms. 1890, Einleitung. (Ueber Begriff u. Wesen der Vergleich. Litteraturgeschichte). *Его же*: „Ueber Litteraturgeschichte“. Worms, 1891.

**) Ср. „Jahresberichte für neuere deutsche Litteraturgeschichte“. II Band Stuttg. 1893.

ческой критикой, это направление, рассматривающее литературное произведение исключительно съ точки зрѣнія искусства, продолжаетъ существовать, слегка подчиняясь новымъ условіямъ и дѣлая уступки духу времени. Въ этому направлению относится и критикъ-импрессионистъ Жюль Леметръ, и критикъ доктринеръ и догматикъ Брюнетьеръ. Не говоря уже о Леметрѣ, критика Брюнетьера, воспитаннаго на французскихъ классикахъ XVIII в., остается по существу своему эстетической, несмотря на его стремленіе выдать ее за нѣчто новое, болѣе научное, осложнивъ ее теоріей эволюціи. Но его извѣстная книга объ эволюціи литературы, какъ было справедливо замѣчено, напоминаетъ тѣхъ дантовскихъ грѣшниковъ, которые шествуютъ впередъ съ лицомъ, обращеннымъ назадъ *). Въ наше время едва ли нужно доказывать всѣ недостатки эстетической критики; но нельзя отрицать и того, что изучать литературныя произведенія съ художественной точки зрѣнія необходимо, въ особенности разъ мы согласимся съ начинающимъ господствовать мнѣніемъ, что исторія литературы прежде всего имѣетъ дѣло съ поэзіей, которая занимаетъ въ ней центральное и безусловно доминирующее положеніе **). Весь вопросъ въ методѣ и задачахъ подобнаго изученія.

Въ прежнее время, въ эпоху реакціи историческаго и филологическаго направленія противъ старинной эстетики, художественная сторона литературныхъ произведеній стала совершенно игнорироваться, и лишь немногіе, подобно Гетнеру, рѣшались возставать противъ такого положенія вещей. Послѣдній писалъ въ 1874 г. Эриху Шмидту: «Какъ и прежде, я твердо убѣжденъ, что съ одной филологіей далеко не уйдешь; въ оцѣнкѣ литературныхъ произведеній главное мѣсто, въ концѣ концовъ, должны занимать художественное чувство и вкусъ. Но, съ другой стороны, и я презираю такую эстетическую оцѣнку, которая лишена историческаго основанія» ***). Примѣненіе сравнительно - историческаго метода должно было открыть новую эру въ изученіи литературы и съ художественной точки зрѣнія. Современная наука уже не отрицаетъ необходимости подобнаго изученія. «Эстетическій моментъ,—говоритъ одинъ изъ наиболѣе видныхъ ея представителей Германъ Пауль,—долженъ быть подвергнутъ разсмотрѣнію съ исторической точки зрѣнія. Ближайшая задача историка заключается не въ томъ, чтобы дѣлать оцѣнку, имѣющую притязаніе на всеобщее значеніе, но въ томъ, чтобы прослѣдить въ писателѣ и въ публикѣ тѣ эстетическія побужденія, въ силу которыхъ литературное произведеніе возникло и оказало дѣйствіе» ****). Поэтому критику приходится имѣть дѣло съ эстетиче-

*) А. Н. Веселовскій: „Введеніе въ историческую поэтику“. *Журн. Мин. Нар. Пр.*, 1894 г., май, стр. 22. Ср. *Droz. La critique littéraire et la Science*. Paris, 1893, 23—31.

**) А. Н. Веселовскій, 1. с.—H. Paul: „Grundriss der germanischen Philologie“. I, 216.

***) А. Stern: „Herman Hettner“. Leipzig, 1885, s. 244.

****) H. Paul: „Grundriss der german. Philologie“. I, 228.

скими воззрѣніями автора, которыя необходимо выяснить; иначе многое въ его произведеніяхъ можетъ остаться непонятнымъ. Оцѣнить «Эмилию Галотти» Лессинга съ художественной точки зрѣнія возможно только при свѣтѣ его «Гамбургской Драматургіи», и только трактаты Дидро о драмѣ даютъ ключъ къ его пьесамъ «Отецъ семейства» и «Побочный сынъ». Кромѣ того, нельзя миновать эстетическихъ потребностей массы, которыя обуславливаютъ успѣхъ или неуспѣхъ литературнаго произведенія. Современная строгая наука не отрицаетъ и художественной оцѣнки: «Лишь бы такая оцѣнка покоилась не исключительно на субъективномъ чувствѣ критика, но на широкомъ эмпирическомъ базисѣ и была бы также подведена подъ историческую точку зрѣнія» *). Тщательное изученіе литературныхъ произведеній съ художественной точки зрѣнія, при помощи сравнительно-историческаго метода, можетъ дать матеріалъ для новой теоріи поэзіи, опирающейся на точныя данныя. Прѣжняя метафизическая эстетика начинается въ наше время смѣняться опытной, составляющей часть психологіи. Она не ставитъ требованій, не выдумываетъ масштабовъ, но тщательно наблюдаетъ подлежащее ея вѣдѣнію факты, собираетъ ихъ, сравниваетъ, анализируетъ и старается найти ихъ первичное основаніе. Это наука, едва встающая на собственные ноги; изученіе художественнаго элемента въ литературныхъ произведеніяхъ можетъ оказать ей значительное содѣйствіе **).

Таковы четыре главныхъ направленія въ изученіи литературныхъ произведеній, примѣняемыя въ настоящее время. Бѣглое разсмотрѣніе ихъ доказываетъ, что ни одна изъ выставленныхъ до сихъ поръ критическихъ теорій не отличается безупречностью, но что вмѣстѣ съ тѣмъ каждая изъ нихъ заключаетъ въ себѣ часть истины, такъ какъ выдвигаетъ на первый планъ ту или другую дѣйствительно важную сторону литературнаго памятника. Литературное произведеніе представляетъ явленіе въ высшей степени сложное, заключающее въ себѣ не только элементы психологическіе, эстетическіе, біографическіе, историческіе, но часто и философскіе, этические, соціальныя и т. д. Ясно, что при изученіи такого сложнаго явленія, захватывающаго разнообразнѣйшія проявленія духовной жизни человѣка, мы прежде всего должны тщательно избѣгать односторонности, которая нигдѣ, можетъ быть, не приводитъ къ такимъ плачевнымъ результатамъ, какъ именно въ литературной критикѣ.

Недостаточность cadaго изъ указанныхъ направленій, взятаго въ отдѣльности, доказывается уже тѣмъ, что критики часто не довольствуются какимъ-нибудь однимъ и прибѣгаютъ къ помощи другого. Такъ, Тэнъ и Брандесъ соединяютъ психологическій методъ съ культурно-историческимъ, Геннекенъ основываетъ свою психологическую критику на эстетическомъ

*) *H. Paul: „Grundriss der german. Philologie“.* I, 229.

**) *Проф. Смирновъ: „Эстетика какъ наука о прекрасномъ въ природѣ и искусствѣ“.* Казань, 1894 г., стр. 5, 22, 24. *Л. Оболенскій: „Основы научной теоріи критики и искусства“.* Русская Мысль, 1895 г., №№ 3 и 5.

разборѣ, Брюнетьеръ эстетическую оцѣнку стремится соединить съ разсмотрѣніемъ условій исторически сложившейся литературной эволюціи, наконецъ, нѣмецкое филологическое направленіе вступаетъ на путь собственно литературныхъ изученій только въ томъ случаѣ, если оно примыкаетъ, въ большей или меньшей степени, къ направленію историческому *). Изъ трехъ намѣченныхъ мною развѣтвленій историческаго направленія—изслѣдованій литературной традиціи, личности автора и культурной среды—филологія усердно культивируетъ первое, отчасти второе и значительно менѣе интересуется культурно-историческимъ изученіемъ. Всего чаще филологическое направленіе соединяется съ изслѣдованіемъ «литературной традиціи», что и ведетъ нерѣдко къ тому, что филологи (даже такіе выдающіеся, какъ Тен-Бринкъ, всего болѣе избѣжавшій узкости чистаго филологическаго направленія) склонны преувеличивать значеніе послѣдней. Біографическое и культурно-историческое изученіе соединяется чаще, что весьма естественно, и въ Германіи съ изученіемъ психологическимъ, примѣръ чего даетъ извѣстный историкъ литературы Эрихъ Шмидтъ, авторитетомъ котораго прикрывается отчасти Ветцъ въ своей полемикѣ противъ крайностей нѣмецкаго филологическаго увлеченія **).

Такимъ образомъ многимъ уже стало тѣсно въ предѣлахъ одного направленія, и выходъ изъ этого положенія они ищутъ въ помощи другихъ методовъ. Съ каждымъ годомъ наиболѣе безпристрастные люди все болѣе и болѣе приходятъ къ сознанію, что дѣло всесторонняго изученія и выясненія литературныхъ произведеній можетъ подвинуться только въ томъ случаѣ, если указанные направленія критики, вмѣсто запальчивой полемики и взаимнаго отрицанія, придутъ къ мирному соглашенію для общей работы на одной и той же плодотворной и безконечно-обильной нивѣ ***). Прежде чѣмъ явится возможность придти относительно литературныхъ явленій къ какимъ-нибудь точнымъ выводамъ, имѣющимъ характеръ законовъ, литературныя произведенія должны изучаться съ различныхъ точекъ зрѣнія, главныя изъ которыхъ и вызвали существованіе четырехъ основныхъ направленій критики. Въ смыслѣ примиренія всѣхъ этихъ направленій задумано профес. Лейпцигскаго университета Эльстеромъ обширное сочиненіе «Основначала науки о литературѣ» («Prinzipien der Litteraturwissenschaft», I Band. Halle, 1897), представляющее первый опытъ философіи литературной исторіи. Питомецъ нѣмецкой филолого-исто-

*) Яснѣе другихъ раздѣляетъ область филологическаго и историко-литературнаго изученія К. Weinhold: „Rede bei Antritt des Rectorats“. Berlin, 1893, стр. 8.

**) Ср. Wetz: „Ueber die Aufgabe der Litteraturgeschichte“.

***) Ср. Hatzfeld et Meunier: „Les critiques littéraires“. Paris, 1894. Introduction, p. 22—24. А. Biese: „Die Aufgaben der Litteraturgeschichte“ („Neue Jahrbücher für das Klass. Alterthum“ etc., 1899, стр. 44). Arturo Graf: „Considerazioni intorno alla storia letteraria, a' suoi metodi e alle sue appartenenze“ („Rivista di filologia“, V, стр. 403, 432 и др.). Н.И. Стороженко („Энциклоп. Слов.“, XXXII, стр. 767).

рической школы, Эльстеръ, однако, особенно настаиваетъ на усиленіи психологическихъ и эстетическихъ изученій, сходясь въ этомъ съ Ветцемъ и Геннекеномъ, причемъ такого рода изученія онъ думаетъ, подобно Геннекену, поставить на почву данныхъ, добытыхъ современной психологіей и опытной эстетикой *). Эта попытка заслуживаетъ полнаго вниманія, но, къ сожалѣнію, не можетъ быть названа вполне удачной. Коренная ошибка Эльстера заключается въ томъ, что онъ считаетъ возможнымъ придти къ точнымъ научнымъ выводамъ, основываясь на изученіи исключительно нѣмецкихъ поэтовъ, тогда какъ принятая имъ на себя трудная задача требовала широкаго сравнительнаго изученія всего литературнаго развитія въ полномъ его объемѣ, не замыкая его въ узкіе предѣлы одной національности **).

Эльстеръ не стоитъ особнякомъ. Въ послѣдніе годы все болѣе умножаются попытки научно-эстетическихъ изученій по частнымъ вопросамъ, касающимся психологіи творчества и природы художественныхъ эмоцій ***). Но всѣ подобныя попытки пока еще очень затруднительны вслѣдствіе того, что опытная эстетика, опирающаяся на психологію, находится еще, можно сказать, въ зачаточномъ состояніи, а психологія далеко еще не можетъ отвѣтить на всѣ предъявляемые ей вопросы. Находясь въ зависимости отъ успѣховъ психологіи и опытной эстетики, литературныя изученія могутъ въ извѣстной степени содѣйствовать развитію той и другой ****).

Понятно, что всѣ указанные приемы изученія применимы къ различнымъ литературнымъ произведеніямъ далеко не въ одинаковой степени. Отъ такта критика зависитъ выдвинуть на первый планъ тотъ или другой приемъ, ту или другую точку зрѣнія, въ зависимости отъ свойствъ подлежащаго изученію матеріала. Такъ, филологическое изученіе въ особенности умѣстно, какъ мы видѣли, въ томъ случаѣ, если произведеніе относится къ болѣе или менѣе отдаленной эпохѣ. Съ другой стороны, психологическій анализъ, важный и неизбѣжный для поэзіи новыхъ временъ, отличающихся крайне сложною психическою жизнью, менѣе необходимъ для наивной средневѣковой поэзіи съ ея элементарностью и незатѣйливостью душевныхъ движеній. Точно также и художественный анализъ наиболѣе применимъ къ такимъ произведеніямъ искусства, которыя уже вышли изъ первобытной стадіи развитія. Изслѣдованіе отношенія памятника къ литературной традиціи имѣетъ большее значеніе въ примѣненіи къ народной и средневѣковой поэзіи, отличающихся сравнительною устойчивостью формъ и содержанія, и

*) *Elster*: „Prinzipien der Litteraturwissenschaft“, I, VI—VII.

**) Ср. рецензію *Biese* въ „Zeitschrift für deutsche Philologie“. 31 Band., Heft. 2, 1899.

***) Ср. *R. M. Werner*: „Poetik und ihre Geschichte“ („Jahresberichte für die neuere deutsche Litteraturgeschichte“. VI Band.). *Binet et Passy*. La psychologie des auteurs dramatiques, и мн. др.

****) *Троицкий*: „Современное ученіе о методахъ и задачахъ психологіи“ („Учебникъ логики“, III, вып. 1). *Смирновъ*: „Эстетика“, 1. с.

нѣсколько менѣе важно по отношенію къ новѣйшимъ временамъ, когда оригинальность творчества возрастаетъ. Возможность біографическаго изученія представляется далеко не всегда. Наконецъ, и культурно-историческое изученіе приложимо къ разнымъ произведеніямъ далеко не въ одинаковой мѣрѣ, что находится въ зависимости отъ степени отраженія эпохи и среды разбираемымъ сочиненіемъ.

Изучая литературное произведеніе съ различныхъ сторонъ, пуская въ ходъ различные приемы, исправляя недочеты одного метода при помощи другихъ, взаимно провѣряя ихъ и сравнивая добытые результаты, мы будемъ наиболѣе гарантированы отъ заблужденій и ошибокъ въ конечныхъ выводахъ. При всѣхъ подобныхъ изученіяхъ мы, несомнѣнно, должны давать самое широкое примѣненіе тому методу, которымъ, по справедливому замѣчанію Н. С. Тихонравова, молодая наука исторіи литературы должна дорожить, какъ своимъ лучшимъ завоеваніемъ,—методу сравнительно-историческому *).

М. Розановъ.

*) Сочиненія Н. С. Тихонравова. Москва, 1898 г. Т. I, стр. 3.

Болѣзнь Фр. Ницше.

Въ нѣмецкомъ журналѣ *Zukunft* (издаваемомъ Гарденомъ) недавно окончилось печатавіе воспоминаній сестры Фридриха Ницше — Елизаветы Ферстеръ-Ницше, которая до сихъ поръ безотлучно находится при больномъ братѣ.

Воспоминанія эти касаются послѣднихъ лѣтъ сознательной жизни и дѣятельности знаменитаго мыслителя, а также постепеннаго развитія его болѣзни.

Эти страницы, проникнутыя искренностью и чуткимъ отношеніемъ къ брату, развертываютъ передъ читателемъ мрачную картину страданій и одиночества одного изъ выдающихся умовъ нашего времени и читаются съ захватывающимъ интересомъ.

Позволяемъ себѣ привести наиболѣе яркія изъ этихъ страницъ, преимущественно останавливаясь на исторіи болѣзни Ницше, о которой у насъ до сихъ поръ не было ни точныхъ свѣдѣній, ни правильнаго представленія.

Вотъ что рассказываетъ г-жа Ферстеръ-Ницше:

Мой братъ былъ отъ рожденія удивительно крѣпкимъ ребенкомъ съ смуглымъ, здоровымъ цвѣтомъ кожи и розовыми щеками. Онъ самъ говорилъ, что походилъ въ дни своего дѣтства на настоящаго деревенскаго мальчуга—загорѣлаго, краснощекаго, цвѣтущаго. Если бы не его изумительно прекрасные большіе глаза и не тонкія, благородныя манеры, ни одинъ человѣкъ не могъ бы предположить въ немъ высокоодареннаго, удивительнаго ребенка. Я должна еще добавить, что густые свѣтлые волосы, легко и картинно падавшіе ему на плечи, смягчали нѣсколько общее грубоватое впечатлѣніе. Онъ былъ совершенно здоровъ, и предки наши со стороны отца и матери отличались крѣпостью и здоровьемъ, на чемъ я подробно останавливалась въ его біографіи. Наша мать была очень миловидной, свѣжей женщиной; также и отецъ пользовался всегда цвѣтущимъ здоровьемъ. Благодаря своей близорукости, онъ упалъ навзничъ съ семи каменныхъ ступеней на мощеный дворъ и одиннадцать мѣсяцевъ спустя умеръ отъ сотрясенія мозга. Моему брату было тогда пять лѣтъ.

Эта ранняя и необычайная смерть заставила возникнуть предположеніе, что нашъ отецъ страдалъ мозговой болѣзнью, которая и передалась его

сыну. Я особенно настаиваю на этомъ пунктѣ, такъ какъ это относится къ одному изъ моихъ глубокихъ убѣжденій, что великій, сильный умъ необходимо долженъ имѣть передъ собой цѣлый рядъ физически и душевно здоровыхъ предковъ. Единственная ненормальность, которую мы унаслѣдовали у отца, было расположеніе къ сильной близорукости, и это расположеніе особенно развилось въ моемъ братѣ, благодаря темной дѣтской, въ которой протекли его годы отъ пяти до одиннадцати лѣтъ. Мы съ ранняго дѣтства много учились и были то, что называется «книжными червями». Мнѣ до сихъ поръ непонятно, какъ могла наша мать, обладавшая основательными знаніями по части гигиены, помѣстить насъ въ этой мрачной комнатѣ; но тогда господствовало полное невѣдѣніе относительно потребностей человѣческаго зрѣнія. Мать рассказывала намъ, что она, будучи ребенкомъ, со всѣми своими многочисленными братьями и сестрами занималась по вечерамъ при свѣтѣ одной лампы, и что ихъ учебная комната была не свѣтлѣе нашей, а на единственное свѣтлое мѣсто у окна предъявлялъ свои права ихъ домашній учитель.

Въ училищѣ, куда потомъ отдали брата, было также жалкое освѣщеніе, какъ въ классахъ, такъ и въ рабочихъ комнатахъ. Въ продолженіе своего пребыванія тамъ братъ горячо возмущался, что такъ мало обращено вниманія на зрѣніе учениковъ; два раза онъ страдалъ переутомленіемъ глазъ, но когда его брали домой, онъ вскорѣ поправлялся.

Въ лѣченіи дѣтей мать наша признавала только гомеопатію и цѣлебныя силы природы; намъ никогда не давали лѣкарствъ, и всѣ заболѣванія лѣчились съ помощью холодныхъ обливаній, обтираній и прогулокъ на свѣжемъ воздухѣ.

Питаніе было также очень рачіонально: много овощей, фруктовъ, мучной пищи, мало мяса и полное отсутствіе вина или пива, что совершенно противорѣчило общепринятымъ тогда способамъ укрѣплять дѣтей.

И такъ какъ братъ кромѣ того былъ большимъ любителемъ всякаго движенія на воздухѣ: плаванья, катанья на конькахъ, гимнастическихъ упражненій и большихъ прогулокъ, то онъ росъ и развивался очень нормально. Когда онъ учился въ университетѣ, то онъ представлялъ изъ себя образецъ цвѣтущаго, блещущаго здоровьемъ юноши. Онъ былъ одного роста съ Гете, но сложенъ еще пропорціональнѣе его, такъ какъ его ноги были длиннѣе, и, подобно Гете, онъ казался выше, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ. Я ужъ рассказывала въ его біографіи, что, когда оба друга, Эрвинъ Родъ—въ настоящее время профессоръ классич. филологіи въ Тюбингенѣ—и онъ приходили въ коллегію послѣ верховой ѣзды, еще не остывшіе, съ хлыстами въ рукахъ, сіяющіе молодостью, физической силой и духовнымъ превосходствомъ, студенты, изумляясь имъ, говорили, что они подобны «двумъ молодымъ богамъ». Нѣкоторые находили тогда, что для такого духовно одареннаго человѣка братъ мой слишкомъ здоровъ.

Будучи ребенкомъ, онъ былъ нѣсколько угрюмъ, но въ юношескіе годы въ немъ проявилось юмористическое отношеніе къ вещамъ; при

этомъ на всемъ его существѣ, на всемъ, что онъ дѣлалъ и говорилъ, лежалъ отпечатокъ необыкновенной гармоніи,—онъ принадлежалъ къ тѣмъ непогнѣмъ людямъ, у которыхъ никогда не бываетъ дурного настроенія. Всѣ его друзья восхищались его рѣдкой уравновѣшенностью, теплымъ, сердечнымъ, пріятнымъ смѣхомъ, изливавшимся изъ глубины привѣтливой, любящей души.

Такимъ образомъ, природа создала въ немъ, какъ и въ Гете, существо, въ которомъ тѣло и духъ находились въ полнѣйшей гармоніи: необычайному развитію ума соотвѣтствовала здоровая, крѣпкая организація.

Первой серьезной болѣзнью брата, подвергшей его жизнь опасности, было поврежденіе, полученное имъ на военной службѣ.

Во время верховой ѣзды онъ при паденіи наткнулся на луку; двѣ грудныхъ мышцы были порваны; нѣсколько дней онъ пытался перевозмочь свои страданія, но произошло опасное воспаленіе мышцъ, которое на нѣсколько мѣсяцевъ приковало его къ постели и принудило выйти въ отставку. Вторая болѣзнь произошла во время войны 71 года. Онъ былъ тогда ужъ ординарнымъ профессоромъ Базельскаго университета и въ качествѣ швейцарца не могъ стать въ ряды сражающихся. Но онъ сгоралъ отъ желанія служить родинѣ, и ему разрѣшили отправиться при санитарномъ отрядѣ. При транспортѣ раненыхъ, который онъ сопровождалъ отъ Меца до Карльсруэ, онъ переутомился, ухаживая за шестью тяжело больными, довѣренными ему, и при этомъ заразился дизентеріей и дифтеритомъ, которыми, помимо всего, страдали несчастные раненые.

Братъ заболѣлъ тогда такъ сильно, что былъ при смерти (уже священникъ приходилъ, чтобы приготовить его къ послѣднему часу) и его лѣчили такими невѣроятно сильными крайними средствами, что мать потомъ съ горечью замѣчала, что она удивляется, какъ онъ не умеръ отъ однихъ этихъ средствъ. Однако, онъ выздоровѣлъ. Впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ войны, невыразимо потрясли его, и подтвердилось предсказаніе Рихарда Вагнера, что такая вѣжно, тонко чувствующая душа не могла вынести такой ужасной дѣйствительности. Во всякомъ случаѣ, если бы мой братъ далъ себѣ хоть годъ отдохнуть отъ всѣхъ этихъ душевныхъ и физическихъ потрясеній, его мощная природа переработала бы несомнѣнно и это испытаніе. Но военныя дѣйствія какъ разъ прервали его занятія древней философіей, и онъ съ величайшей страстностью вернулся опять къ своимъ научнымъ работамъ. Также и другія занятія были прерваны и запущены имъ по случаю войны, и, едва поправившись, онъ сталъ работать день и ночь, чтобы пагнать потерянное время, пока силы его не надломились, и онъ принужденъ былъ взять отпускъ, чтобы заняться своимъ здоровьемъ.

Къ сожалѣнію, съ этой зимы 1871 г. онъ началъ самъ пробовать на себѣ различные медикаменты, такъ какъ, во время своего пребыванія на войнѣ при раненыхъ, онъ приобрѣлъ нѣкоторые свѣдѣнія по медицинѣ. Да и сами врачи были въ тѣ времена болѣе склонны, чѣмъ теперь, производить опыты надъ средствами, еще недостаточно испытанными; въ 60-хъ и

70-х годах химія была самою модною наукой. На человѣка смотрѣли, какъ на ретерту, въ которой съ помощью разныхъ химическихъ элементовъ можно было вызвать самыя удивительныя измѣненія. Опыты, которые производилъ надъ собою братъ, а вмѣстѣ съ нимъ и врачи, чтобы добиться возможно скорѣе его исцѣленія, разрушили окончательно его здоровый организмъ. Съ тѣхъ поръ онъ сдѣлался жертвой постоянныхъ мигреней и желудочныхъ болей.

Къ сожалѣнію, въ руки моего брата случайно попала книжка итальянца Корнаро, которая принесла какъ ему, такъ и многимъ другимъ огромный вредъ. Онъ только въ 1887 году пришелъ къ сознанію, какъ ложны и вредны были совѣты этого итальянца (нѣкотораго рода артиста голоданія). Онъ пишетъ въ *Götzendämmerung*: «Всякій знаетъ книжку знаменитаго Корнаро, въ которой онъ прописываетъ свою строгую діету, какъ рецептъ долгой, счастливой и даже добродѣтельной жизни. Мало есть книгъ, которыя бы читались такъ усердно, и до сихъ поръ еще ее ежегодно издаютъ въ Лондонѣ въ большомъ количествѣ экземпляровъ. Ни одна другая книга не сдѣлала столько зла, не сократила такъ много жизней! Причина этого заключается въ смѣшеніи слѣдствій съ причиной. Добродушный итальянецъ видѣлъ причину своей долгой жизни въ діетѣ, а между тѣмъ эта самая діета была вызвана необычайно медленнымъ физическимъ развитіемъ его и слабой дѣятельностью его организма. Онъ не по собственной волѣ ѣлъ много или мало, его вегетаріанство не было «свободною волей»: онъ заблѣвался, когда увеличивалъ питанье.

«Современный ученый съ его чрезмѣрнымъ расходомъ нервной силы погубилъ бы себя режимомъ Корнаро. *Crede experto*».

Другими словами, братъ въ то время слишкомъ мало и недостаточно хорошо питался по отношенію къ своей повышенной психической дѣятельности. Такъ какъ болѣзнь, преслѣдовавшая его, была мигрень, во время которой больной не переноситъ никакой пищи, онъ долженъ былъ бы пользоваться промежутками между приступами боли, чтобы хорошо пищею нѣсколько восполнить расходъ нервной силы, но, какъ было сказано, эта книжка продержала его долго въ заблужденіи, что человѣку достаточно *minimum'a* питанія. Какъ я уже говорила, мы всѣ считали болѣзнь, отравлявшую жизнь брата, мигренью. Приступы мигрени и тошноты въ лучшія времена посѣщали его каждыя три-четыре недѣли, въ худшія же — каждую недѣлю. Онъ переносилъ свои страданія съ безконечнымъ терпѣніемъ; его домовая хозяйка въ Генуѣ звала его всегда «il santo».

Порой мнѣ казалось, что эти приступы мигрени были жестокимъ ухищреніемъ природы, отрывавшей его этимъ отъ работы, такъ какъ въ такіе дни онъ абсолютно не могъ заниматься. Но эта хитрость не достигала своихъ результатовъ, такъ какъ мыслить надъ труднѣйшими проблемами онъ не переставалъ въ дни самыхъ сильныхъ головныхъ болей. Слѣдующими словами онъ описываетъ свое состояніе въ одинъ изъ худшихъ дней: «Посреди

страданій, которыя мнѣ доставляла непрерывная трехдневная головная боль и одышка, я обладалъ ясными діалектическими способностями и спокойно обдумывалъ вопросы, для которыхъ въ здоровомъ состояніи я недостаточно кропотливъ, утонченъ и хладнокровенъ. Мои читатели знаютъ, можетъ быть, до какой степени я считаю діалектику симптомомъ упадка, какъ, наприм., въ лицѣ всемірно извѣстнаго Сократа. Моя кровь всегда течетъ медленно. Никто никогда не могъ замѣтить у меня лихорадки. Одинъ докторъ, долго считавшій меня нервнымъ больнымъ, сказалъ, наконецъ: «Нѣтъ, ваша болѣзнь не въ нервахъ, я самъ только нервничаю».

Доктора никогда не могли точно установить, были ли головныя боли брата причиной болѣзни глазъ, или же наоборотъ. Въ 77—79 годахъ его лѣчили одновременно четыре доктора; двое изъ нихъ видѣли причину его болѣзней въ головныхъ боляхъ, другіе же приписывали его страданія чрезмерному напряженію глазъ. Одинъ изъ этихъ послѣднихъ профессоръ Грефе сказалъ ему послѣ изслѣдованія: «Ваши глаза—яркій и печальный примѣръ того, до какой степени ученые разрушаютъ свое зрѣніе. Я долженъ бы вамъ посовѣтовать не писать и не читать въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, но я знаю, что это такъ же невозможно, какъ запретить вамъ дышать».

Тѣмъ не менѣе именно вслѣдствіе совѣта профессора Грефе братъ оставилъ каеэдру классической филологіи въ Базелѣ, такъ какъ болѣе всего утомляло его зрѣніе чтеніе и писаніе греческихъ буквъ.

Нѣкоторые доктора указывали, какъ на причину его головныхъ болей, на его цѣломудріе. Они убѣдительно совѣтовали ему жениться, но для такого тонко чувствующаго человѣка, который считалъ лучшимъ въ бракѣ—дружбу, это было слишкомъ мучительной причиной для женитьбы. Искать же половыхъ отношеній въ другой формѣ ему казалось отвратительнымъ. Его другъ Зейдлицъ пишетъ про него: «Назовите мнѣ того, кто могъ бы указать на немъ хоть одно пятно! Онъ былъ кристаленъ и прозраченъ, какъ вода горнаго ручья, что говорю я, въ чистотѣ горныхъ ключей можно еще сомнѣваться, въ немъ же чистота и цѣломудріе пріобрѣтали новую необычайную цѣнность». Другой его другъ П. Гастъ говоритъ: «Онъ былъ въ этихъ вопросахъ чувствительнѣе самой чистой дѣвушки».

Въ худшихъ случаяхъ приступы головныхъ болей длились два или три дня, въ лучшихъ—боль продолжалась непрерывно 18 часовъ. Послѣ того онъ вставалъ свѣжимъ, способнымъ къ работѣ и былъ счастливъ блаженнымъ ощущеніемъ полного здоровья. Докторъ Штейнъ, посѣтившій моего брата лѣтомъ 1884 г. въ Энгадинѣ, выражалъ мнѣ свое удивленіе по поводу поразительной эластичности его натуры. Онъ пріѣхалъ къ нему какъ разъ въ день его мигрени и видѣлъ его очень страдающимъ и жалкимъ, «а на другое утро,—разсказываетъ г. Штейнъ,—онъ пришелъ ко мнѣ блистающій умомъ и силой, привѣтливый и гордый, какъ герой послѣ побѣды». Впрочемъ, не надо думать, что братъ только терпѣливо сносилъ свои страданія,—онъ боролся съ ними, какъ герой и воинъ. Какъ только ему становилось лучше, онъ смотрѣлъ на свои страданія, какъ на средство къ по-

знанію, какъ на противника, научившаго его искусной борьбѣ, которому онъ за это безконечно благодаренъ. И онъ приносилъ своей жестокой участи не только благодарность, но и любовь... Онъ пишетъ лѣтомъ 1888 г.:

«Я часто спрашивалъ себя, не болѣе ли всего я обязанъ самымъ тяжелымъ годамъ моей жизни? Мое самое глубокое чувство учить меня, что все неизбѣжное, если смотрѣть на него съ высоты и въ смыслѣ великой экономіи, вмѣстѣ съ тѣмъ и полезно, потому его надо не только сносить, но и любить... *Amor fati*: это мое внутреннее чувство. Не обязанъ ли я гораздо болѣе моему долгой болѣзни, чѣмъ моему здоровью? Я обязанъ ей вышнимъ здоровьемъ, такимъ, которое становится лучше отъ всего того, что его не уничтожило! Я обязанъ ей всей моей философіей... Только сильное страданіе, долгое, тягучее, когда мы сгораемъ какъ на медленномъ огнѣ, страданіе, которое отнимаетъ много времени, заставляетъ насъ, философовъ, спуститься въ нашу глубочайшую глубину и отбросить отъ себя все наше довѣріе, все добродушное въ насъ, заволакивающее, мягкое, терпимое, въ чемъ мы видѣли до сихъ поръ нашу человѣчность. Я сомнѣваюсь, чтобъ такое страданіе дѣлало «лучше», но я знаю, что оно насъ углубляетъ»...

Постепенно братъ мой создалъ себѣ раціональный образъ жизни. «Средства, которыми Юлій Цезарь боролся противъ слабости и головныхъ болей,—пишетъ онъ,—были огромные переходы, самый простой образъ жизни, долго непрерываемое пребываніе на воздухѣ, постоянныя физическія упражненія—это, въ общемъ, способы охраненія этой хрупкой нѣжной машины, работающей подъ высокимъ давленіемъ, которая называется гениемъ». Кромѣ его бѣшеннаго стремленія къ творчеству именно эта исключительная хрупкость его нѣжной души, заставлявшая его такъ невыносимо мучительно переживать всѣ впечатлѣнія, препятствовала его выздоровленію. Вообще главной причиной его страданія отъ 1882 до 1888 г. была не слабость его здоровья, а гораздо въ большей степени—отсутствіе пониманія, одиночество и враждебное къ нему отношеніе.

Онъ пишетъ въ маѣ 1887 г.: «Съ каждымъ годомъ мнѣ все становится тяжелѣе; даже въ самыя мучительныя времена моей болѣзни я не былъ такимъ угнетеннымъ и безнадежнымъ, какъ въ настоящее время. Что же случилось? Ничего, кромѣ того, что было неизбѣжно: обнаружилось мое отчужденіе отъ всѣхъ людей, относившихся ко мнѣ до сихъ съ довѣріемъ и дружбой. Одинъ отпадаетъ отъ меня здѣсь, другой—тамъ, каждый возвращается въ свое маленькое стадо, въ общество себѣ подобныхъ; только самый независимый остается лишнимъ, одинокимъ, а между тѣмъ онъ менѣе всего оказывается пригоднымъ къ полному одиночеству».

Еще больше звучитъ его письмо, написанное мнѣ изъ Ниццы 10 февраля 1888 г.:

«На этотъ разъ я хочу написать моей бѣдной Лама (прозвище, данное имъ мнѣ) хорошее и доброе письмо, послѣ того какъ я ее такъ напугалъ послѣднимъ письмомъ. Но мнѣ дѣйствительно плохо въ эту зиму, и, еслибъ

ты увидѣла это вблизи, ты бы навѣрно простила мнѣ горестный тонъ, какимъ было написано то письмо. Я теряю надъ собой всякую власть, я дѣлаюсь жертвой самыхъ мрачныхъ рѣшеній. Можетъ быть, во мнѣ разливается желчь. Я изъ году въ годъ переживалъ такъ много тяжелаго, что, оглядываясь назадъ, напрасно ищу хотя бы одно свѣтлое событіе. Это въ концѣ концовъ развило во мнѣ смѣшную и жалкую раздражительность, благодаря которой почти всѣ внѣшнія впечатлѣнія дѣлаютъ меня больнымъ и всякая мелочь разрастается въ чудовище. Я чувствую день и ночь невыносимое напряженіе всего своего существа, вызванное задачей, которую я долженъ исполнить, и сознаниемъ ея неисполнимости въ такихъ неблагоприятныхъ условіяхъ—въ этомъ главное зло. Вѣчное чувство одиночества, недостатокъ въ любви, всеобщая неблагодарность и даже презрѣніе ко мнѣ. Но я не хочу продолжать въ этомъ тонѣ! Отчего нѣтъ у меня дружбы, сочувствія, любви, отчего я не вижу сердечнаго уваженія? Мое здоровье сравнительно хорошо благодаря исключительно мягкой зимѣ, хорошему питанію и долгимъ прогулкамъ. Ничего не болитъ, кромѣ бѣдной души. Я не хочу скрывать, что и въ умственномъ отношеніи эта зима дала много для моей главной задачи, такъ что и умъ не болитъ,—ничего не болитъ, «кромѣ бѣдной души»... Нельзя безъ слезъ читать эти строки, проникнутыя тоской по любви, по друзьямъ, по какимъ-нибудь сердечнымъ радостямъ,—всего этого былъ лишенъ этотъ богатѣйшій изъ богатыхъ, который говорилъ въ своей бѣдности:

«Цѣлыхъ десять лѣтъ ни влажный вѣтеръ, ни капля дождя, ни роса любви не достигали меня»...

На смѣну мѣсяцевъ труда и работы должны были бы приходиться свѣтлые, солнечные дни, дни полного умственного отдыха. Суровая судьба отняла у него въ послѣдніе годы его сознательной жизни все то, что онъ считалъ лучшимъ отдыхомъ, а именно—пребываніе съ друзьями въ теплой южной странѣ. Жизнь увлекала въ другомъ направленіи всѣхъ тѣхъ друзей, чьимъ обществомъ онъ особенно дорожилъ, и они не могли больше удѣлять ему свое время. Случилось такъ, что и мнѣ съ моимъ мужемъ надо было уѣхать въ Южную Америку въ 86 г., и такимъ образомъ подготавливалось вокругъ моего брата то безграничное одиночество, та мучительная пустота, которыя заставляли его безконечно страдать. Ничего нѣтъ удивительнаго, что онъ въ своемъ одиночествѣ утѣшался тѣмъ, что ему доставляло болѣе всего радостей и давало высшее удовлетвореніе, а именно—непрерывной умственной работой. Такимъ образомъ онъ безъ отдыха расточалъ свои умственные и нервныя силы.

Тотъ, кто просматриваетъ его работы за послѣдніе годы передъ заблѣваніемъ, считаетъ невозможнымъ, чтобы человѣкъ могъ написать все это въ такое короткое время, а именно въ 8 мѣсяцевъ—шесть произведеній: «Вагнеровскій вопросъ», «Nietzsche contra Wagner», первую часть «Воли къ власти», «Закатъ старыхъ идоловъ», «Дифирамбы Діонисіа» и, наконецъ, автобіографическія замѣтки, подъ названіемъ «Ессе homo». Мысли, лежащія

въ основѣ этихъ работъ, были по большей части задуманы имъ ранѣе этой весны 88 г., но вся разработка и изложеніе ихъ относятся къ этому времени, и даже всѣ рукописи написаны его собственной рукою, что одно составляло страшную работу для его глазъ.

Но даже и эта чрезмѣрная напряженность умственной и творческой работы не должна была привести къ такой ужасной катастрофѣ. Все, что я до сихъ поръ описывала; служить только объясненіемъ частаго разстройства его здоровья, обусловливаемого жестокими головными болями. Причину же его психической болѣзни я вижу исключительно въ употребленіи снотворныхъ средствъ, о чемъ я скажу нѣсколько словъ. Братъ никогда не принималъ морфія и опія, такъ какъ онъ былъ очень предубѣжденъ противъ нихъ, но у него было настоящее влеченіе къ снотворному средству—хлоралгидрату и главнымъ образомъ потому, что онъ на другое утро не оказывалъ никакого расслабляющаго дѣйствія и позволялъ ему работать. Онъ писалъ мнѣ по этому поводу: «Передо мной лежитъ такая огромная задача, что я не могу терять ни одного часа и долженъ прибѣгать ко всѣмъ средствамъ, которыя могутъ облегчить мнѣ работу». Онъ не заблуждался относительно вреда этого лѣкарства и даже констатировалъ совсѣмъ особое дѣйствіе его, можетъ быть исключительно индивидуальное, но тѣмъ не менѣе интересное для врача. Зимой 83 г., вслѣдствіе пережитыхъ имъ непріятностей, онъ впервые сталъ постоянно прибѣгать къ хлоралу, но вскорѣ онъ замѣтилъ его пагубныя послѣдствія. Онъ замѣчалъ, что подъ дѣйствіемъ хлорала, онъ писалъ письма, которыя потомъ признавалъ совершенно ненормальными; на другой день послѣ пріема его онъ былъ въ возбужденномъ состояніи особаго рода, подъ вліяніемъ котораго люди и вещи представлялись ему въ ложномъ свѣтѣ. Къ серединѣ дня это состояніе проходило, и къ нему возвращались «дружескія чувства къ людямъ». Когда я его однажды озабоченно спросила, не вліяетъ ли это также на работу его мыслей, онъ искренно засмѣялся и замѣтилъ, что настолько предусмотрителенъ, что въ серединѣ дня всегда перечитываетъ то, что написано имъ утромъ. Но во всякомъ случаѣ, онъ старался избѣгать хлорала, несмотря на то, что сонъ, который онъ ему давалъ, былъ необыкновенно пріятный, не тяжелый и болѣзненный, а, наоборотъ, полный ясныхъ сновидѣній.

Какъ мнѣ это ни тяжело, мнѣ хочется подробнѣе остановиться на послѣднихъ событіяхъ, предшествовавшихъ катастрофѣ. Послѣ весны и лѣта 88 г., проведенныхъ въ необычайно энергичной работѣ, братъ отправился въ Туринъ, который былъ для него связанъ съ самыми свѣтлыми воспоминаніями юности. Въ Энгадинѣ стояла всю весну и лѣто необыкновенно дурная погода, что всегда очень неблагоприятно отзывалось на его здоровье, а такъ какъ онъ себѣ намѣтилъ большія работы, то онъ мнѣ писалъ въ это время, что снова началъ прибѣгать къ хлоралу, и прибавлялъ при этомъ, что разумной діетой и хорошимъ питаніемъ онъ думаетъ обезвредить это средство. Послѣ сильного умственного напряженія въ теченіе цѣ-

лаго дня всего нужнѣ ему былъ сонъ; и все-таки умъ его не утомлялся послѣ непрерывной работы съ 6 ч. утра до поздней ночи надъ самыми мучительными для него проблемами. Въ Туринѣ онъ чувствовалъ себя необыкновенно счастливымъ; онъ самъ сознавался, что нѣсколько возбужденъ, но это казалось радостнымъ возбужденіемъ человѣка, который справился съ огромнымъ бременемъ дѣлъ и счастливъ сознаніемъ, что его физическія и духовныя силы выдержали. Въ началѣ октября онъ написалъ мнѣ вдохновенное письмо, гдѣ встрѣчаются слѣдующія слова: «Я пишу въ эту золотую осень, лучшую изъ всѣхъ, которыя я пережилъ, воспоминанія о моей жизни только для себя самого; никто не долженъ ихъ читать, кромѣ милой Лама, когда она пріѣдетъ изъ-за моря, чтобы навѣстить брата». И первыя главы «Ессе ѣнто» носятъ трогательный, просвѣтленный характеръ, подобно звучащему въ этомъ кроткомъ введеніи: «Въ эти прекрасные дни, когда все созрѣваетъ, и не однѣ только виноградныя кисти рдѣютъ,—солнечный лучъ упалъ на мою жизнь: я смотрю въ прошлое, оглядываюсь вокругъ себя, и никогда я не видѣлъ сразу такъ много красоты и свѣта. Не напрасно я похоронилъ сегодня свой сорокъ четвертый годъ, я жаждалъ его погребенія: то, что было въ немъ живого—спасено, оно бессмертно... Первая книга «Переоцѣнки всѣхъ цѣнностей, пѣсни Заратустры», «Закатъ старыхъ идоловъ», мой опытъ философствованія съ молотомъ—это все дары этого года, даже послѣдней четверти его. Какъ же мнѣ не быть благодарнымъ своей жизни? Итакъ, я себѣ рассказываю свою жизнь».

Посреди этихъ осеннихъ грезъ постигли моего брата два оскорбленія; первое было результатомъ ужаснѣйшей безтактности, второе же—злобы. Здѣсь я только укажу на нихъ, подробности же объ этомъ можно найти въ моей біографіи брата. Первый случай произошелъ съ его издателемъ Г. Фрицшемъ въ Лейпцигѣ, который ему сообщилъ, что въ его *Музыкальныхъ Листкахъ* было напечатано нападеніе на него, основанное на низкой клеветѣ и инсинуаціи; оказалось, что издатель не имѣлъ достаточно уваженія къ автору, котораго онъ самъ издавалъ, чтобъ оградить его отъ такого оскорбленія. Братъ былъ глубоко потрясенъ и чувствовалъ себя вдали безсильнымъ и беззащитнымъ отъ оскорбленій, которыя выходили, такъ сказать, изъ собственного лагера.

Другое оскорбленіе исходило изъ антисемитскаго кружка: въ анонимномъ посланіи сообщалось ему, что мой мужъ прислалъ изъ Южной Америки статью, направленную противъ Заратустры, которая съ его и даже съ моего согласія должна была появиться въ антисемитскомъ органѣ. Анонимный корреспондентъ своимъ жестокимъ сообщеніемъ хотѣлъ отомстить моему брату за выраженную имъ симпатію къ евреямъ и враждебность къ антисемитамъ и увѣрить самаго одинокаго изъ одинокихъ, что онъ потерялъ и тѣхъ немногихъ, которые были близки его сердцу.

Братъ почувствовалъ себя совершенно покинутымъ. Ни съ однимъ человекомъ не могъ онъ подѣлиться въ своемъ одиночествѣ,—а удары все повторялись и, наконецъ, разбили его сердце.

Такъ какъ мой братъ былъ совершенно одинъ въ Туринѣ, а его тамошніе домохозяева смутно припоминаютъ событія, то многое изъ того времени нельзя больше возстановить. Немногія дошедшія до насъ свѣдѣнія, почерпнуты изъ его писемъ и замѣтокъ, которыя по большей части смутны, противорѣчивы и не помѣчены числомъ. Такъ, напримѣръ, онъ пишетъ въ октябрѣ Науману, что хотя «Закатъ старыхъ идоловъ» давно законченъ, но до Пасхи 1889 г. больше не появится ни одно его произведеніе. 7 ноября, однако, онъ пишетъ, что Ессе homo, исторія его жизни, предназначавшаяся имъ, какъ было сказано выше, только для него и для меня, должна быть немедленно отпечатана въ тысячахъ экземпляровъ и переведена на нѣсколько языковъ. Между тѣмъ, въ письмѣ его ко мнѣ онъ горячо высказывается противъ обнародованія Ессе homo, что вполне понятно въ виду интимнаго характера этого произведенія. Первая половина его, написанная, вѣроятно, въ октябрѣ, вся проникнута яснымъ духомъ тѣхъ солнечныхъ осеннихъ дней; но потомъ появляется раздраженный, болѣзненный тонъ, который болѣе всего сказывается во враждебныхъ выходкахъ противъ Германіи, противъ нѣмцевъ и противъ антисемитовъ. Кромѣ того мы находимъ здѣсь болѣзненное самовосхваленіе, которое противно духу прежнихъ произведеній брата и является какъ бы защитой противъ непониманія и пренебреженія общества. Ессе homo представляетъ изъ себя рядъ автобіографическихъ замѣтокъ и будетъ издано мною въ книгѣ афоризмовъ съ пропускомъ тѣхъ мѣстъ, которыя не были бы допущены къ печатанію моимъ братомъ въ здоровомъ состояніи. Позднѣе Ессе homo будетъ обнародовано мною въ полномъ своемъ видѣ для истинныхъ друзей Ницше.

Нельзя точно устать, въ какой день обнаружилось умственное разстройство брата; во всякомъ случаѣ это было въ первыхъ числахъ декабря 1888 г. Онъ неожиданно упалъ во время прогулки и больше не могъ самъ подняться. Его домохозяинъ нашелъ его и съ большими усиліями привелъ домой. Цѣлые два дня послѣ того онъ пролежалъ на диванѣ, почти безъ движенія и не произнесъ ни слова. Когда онъ пробудился отъ этого летаргическаго состоянія, отчетливо обнаружили симптомы умственнаго возбужденія и разстройства. Онъ громко разговаривалъ самъ съ собой, пѣлъ и игралъ необыкновенно много и шумно, потерялъ представленіе о цѣнности денегъ (онъ оплачивалъ мелочи 20-франковыми и болѣе монетами) и исписалъ нѣсколько листовъ странными фантазіями, въ которыхъ сказаніе о Діонисіи мѣшалось съ евангельскими исторіями страстей и именами близкихъ ему людей. Ему представлялось, что его друзья и близкіе ему стали врагами и терзаютъ его. Эти листки предназначались Рихарду Вагиеру, Шопенгауэру, Бисмарку и его близкимъ друзьямъ: профессору Овербеку, Гасту, моему мужу, матери и мнѣ. Онъ подписывалъ всѣ эти письма «Діонисій» или «Распятый». Даже въ этихъ наброскахъ есть еще строки, блистающія красотой, но въ общемъ они характеризуютъ болѣзненный бредъ, называемый психіатрами маніей величія и преслѣдованія.

Въ первые годы болѣзни брата, когда мы еще лелѣли надежду на

его излѣченіе, почти всѣ эти листки были уничтожены. Тонкій вкусъ его неизмѣримо страдалъ бы, еслибъ ему попались впослѣдствіи эти строки, написанныя имъ. Одно изъ этихъ писемъ, подписанное «Діонисіемъ», встревожило профессора Овербека и побудило его совершить путешествіе изъ Базеля въ Туринъ на первой недѣлѣ января 1889 г. Онъ констатировалъ психическую болѣзнь въ полномъ разгарѣ, перевезъ своего друга въ Базель и помѣстилъ его въ лѣчебницу.

Періодъ бреда и видѣній (все это я приписываю злоупотребленію сподворными средствами) продолжался около года, и это время братъ провелъ въ лѣчебницѣ въ Базелѣ, а потомъ въ Іенѣ. Къ моему великому горю, находясь въ то время въ далекомъ Парагваѣ, я не могла своевременно сообщить о вредномъ дѣйствіи на него хлорала и мое предположеніе о томъ, что причиной всей болѣзни было отравленіе имъ. Я не знаю, было ли тогда еще возможно противодѣйствовать этому отравленію, или же было ужъ слишкомъ поздно. Послѣ переселенія брата въ Наумбургъ къ матери въ 1890 г. болѣзненные видѣнія совершенно исчезли. Онъ терялъ только постепенно воспоминанія обо всемъ,—все тяжелое и мучительное въ его жизни изгладилось изъ его памяти и остались только свѣтлые, ясные образы. Болѣзнь представляетъ изъ себя прогрессивный параличъ мозга, который послѣ нѣсколькихъ апоплексическихъ ударовъ распространился на все тѣло. Въ промежуткахъ между ними, особенно въ послѣдніе годы, съ тѣхъ поръ, какъ онъ живетъ въ красивомъ и уединенномъ домѣ въ окрестностяхъ Веймара, случаются дни просвѣтленія, которые давали мнѣ блаженную надежду на возможность излѣченія; но вслѣдъ за такими очевидными улучшеніями слѣдовали вышеупомянутые апоплексическіе удары, такъ что теперь я признала неотвратимую и жестокую судьбу. Врачи называютъ его болѣзнь аномальной формой паралича. И дѣйствительно, видъ больного совершенно необыкновененъ: въ то время, какъ другіе больные тою болѣзнью представляютъ изъ себя самое жалкое зрѣлище, братъ мой въ самой безпомощности своей сохранилъ благородный и мягкій образъ и одухотворенное выраженіе лица. Врачи объясняютъ это тѣмъ, что натура его настолько проникнута благородствомъ и духовною жизнью, что даже полная потеря воли и способности мыслить не можетъ измѣнить его облика. Онъ сохранилъ еще способность трогательнымъ образомъ выражать свою радость по поводу музыки, чуднаго вида, открывающагося съ его веранды, и при видѣ меня. Трудно выразить словами, сколько кротости и благодарности къ намъ—своимъ сидѣлкамъ, матери и мнѣ, сколько заботы о томъ, чтобы сказать намъ что-нибудь любящее и ласковое, проявляетъ и понынѣ мой братъ! Теперь уже три года, какъ вслѣдствіе смерти матери весь уходъ за нимъ перешелъ исключительно въ мои руки; этотъ уходъ сталъ моимъ самымъ дорогимъ долгомъ и единственнымъ счастьемъ въ моей одинокой жизни.

Е. Г.

Разрозненные силы *).

II.

За последнее время особенно часто стали возбуждаться ходатайства земских губернских и уездных собраний о различных «пользах и нуждах», но, къ сожалѣнію, *только* возбуждаться. Нерѣдко, эти ходатайства, излагаясь въ докладахъ земской управы, не доходятъ даже до земскаго собранія и снимаются съ очереди по распоряженіямъ не только губернаторовъ, но и предводителей дворянства—предсѣдателей земскаго собранія, и, такимъ образомъ, плоды труда, часто очень обширнаго, очень серьезнаго и крайне существеннаго не видятъ свѣта Божьяго.

Такимъ порядкомъ Черниговское губернское земское собраніе послѣдней сессіи (въ декабрѣ 1899 г.) получило предложеніе губернатора о снятіи съ очереди подлежащихъ разсмотрѣнію собранія вопросовъ о расширеніи программъ преподаванія въ начальныхъ школахъ, объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія и о сохраненіи за земствомъ завѣдыванія народными школами, предложеніе, послѣдовавшее вопреки существующимъ законоположеніямъ, вышестельство, не разрѣшаемое *ни одною* изъ статей пол. о зем. уч., опредѣляющихъ размѣры административнаго контроля.

Въ тверскомъ губернскомъ земскомъ собраніи (также послѣдней декабрьской сессіи) изъ ходатайствъ уездныхъ земствъ три не были включены въ докладъ управы (по распоряженію губернатора). Два изъ нихъ, повоторжскія, объ освобожденіи населенія отъ тѣлеснаго наказанія и о возстановленіи Судебныхъ Уставовъ 1864 г. и одно—ржевское, объ учрежденіи министерства народнаго здравія. На эти ходатайства было указано нѣкоторыми гласными, которые потребовали объясненія, почему они были пропущены. Однако предсѣдатель собранія не допустилъ ни обсужденія, ни баллотировки сказанныхъ ходатайствъ, признавъ ихъ выходящими изъ круга вѣдѣнія земскаго собранія. Кромѣ этихъ трехъ ходатайствъ предсѣдатель не допустилъ къ обсужденію еще двухъ, не только помѣщенныхъ въ докладъ управы, пропущенномъ губернаторомъ, но и разсмотрѣнныхъ земской

*) Русская Мысль, кн. II, 1900 г.

училищной комиссіей съ участіемъ директора народныхъ училищъ: объ уравниніи правъ на высшее образованіе окончившихъ курсъ въ классическихъ гимназіяхъ и въ реальныхъ училищахъ и о приглашеніи представителей земства въ комиссію, образованную при министерствѣ народнаго просвѣщенія для обсужденія реформы средняго образованія.

Далѣе, въ послѣдней же сессіи земскихъ уѣздныхъ собраній возбуждались ходатайства объ измѣненіи системы представительства, введеннаго положеніемъ 1890 г. на сословномъ началѣ, и о замѣнѣ ея началомъ земскимъ, всесословнымъ, о желательной реформѣ средней школы и о возстановленіи мирового института по уставамъ Александра II. Всѣ эти ходатайства превосходно мотивированы.

Это отрадное общественное движеніе можетъ съ успѣхомъ развиваться лишь тогда, когда существующій ошибочный взглядъ на ходатайства, какъ на исключительное и ограничивающее право, уступить другому, разумному и правомѣрному взгляду, въ которомъ ходатайство является не *правомъ*, а *потребностью*, — потребностью общества и культуры.

Это отрадное общественное движеніе нисколько не омрачается нѣкоторыми уклоненіями, имѣвшими мѣсто также въ послѣднихъ сессіяхъ земства, такъ какъ уклоненія эти просто и легко объясняются не внутреннимъ преимущественно характеромъ учрежденія, а внѣшними недочетами реформированной въ 1890 году его организаціи и тѣми коренными измѣненіями въ законѣ, которыя внесли въ самоуправляющуюся сферу земства совершенно ей чуждые и враждебные элементы бюрократизма и сословности, подчинивъ ее усиленному контролю администраціи.

Благотворительная инициатива не можетъ равнодушно относиться къ судьбамъ земскихъ ходатайствъ уже потому, что законъ (Полож. о зем. учр. ст. 2, п. III и VII) возлагаетъ на земство «завѣдываніе дѣлами по обезпеченію народнаго продовольствія и оказанія пособій нуждающемуся населенію», «завѣдываніе земскими лѣчебными и благотворительными заведеніями, попеченіе о призрѣніи бѣдныхъ, неизлѣчимыхъ больныхъ и умалишенныхъ, а также сырыхъ и увѣчныхъ» и «попеченіе о развитіи средствъ народнаго образованія». 14 п. 63 ст. того же закона уполномочиваетъ земство на «представленіе правительству чрезъ губернатора ходатайствъ о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ».

Отсюда очевидно, что законъ отводитъ органамъ земскаго самоуправленія очень широкій кругъ дѣйствій въ области благотворенія и, сверхъ того, предоставляетъ ему право ходатайства во всѣхъ тѣхъ благотворительныхъ начинаніяхъ, которыя выходятъ за предѣлы самостоятельной компетентности, или превышаютъ мѣстный бюджетъ.

Такъ поставлено дѣло въ законодательной нормѣ. Иначе стоитъ оно на существующей практикѣ. Ею созданъ цѣлый рядъ ограниченій и преградъ, на первомъ мѣстѣ которыхъ является искусственное и, какъ мы сейчасъ увидимъ, *невозможное* разграниченіе общегосударственныхъ интересовъ отъ интересовъ той или иной мѣстности, — разграниченіе, всего чаще

выставляемое мотивомъ отклоненія того или другого ходатайства, разъ оно представляется имѣющимъ общегосударственное значеніе и потому, якобы, выходящимъ за предѣлы земскихъ полномочій.

Мотивъ этотъ, очевидно, придуманъ, и придуманъ, надо сказать, очень неудачно.

Каждый общій интересъ есть въ одно и то же время и интересъ мѣстный, потому что разъ хотя бы одна какая-либо мѣстность не ощущаетъ его, онъ уже перестаетъ быть общимъ, и, наоборотъ, всякій мѣстный интересъ, если онъ совпадаетъ съ общегосударственнымъ, утрачиваетъ мѣстный характеръ и становится общимъ. Упорядоченіе, наприм., астраханскихъ рыбныхъ промысловъ составляетъ мѣстный вопросъ для астраханскаго земства лишь при условіи, если въ этомъ отхожемъ промыслѣ не участвуютъ рабочіе изъ другихъ губерній; вопросъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній и общій и мѣстный, потому что спина у астраханца такая же, какъ и у тамбовца и т. д. Отсюда понятно, что любой мѣстный вопросъ легко, пользуясь лишь риторикой и діалектикой, обратить въ общій и лишитъ отвѣта, а изъ общаго вопроса выкроить мѣстный и что, поэтому, подобный критерій права въ данномъ приложеніи никуда не годится. Безусловно обособленныхъ мѣстныхъ интересовъ не существуетъ и, какъ ни суженъ теперь кругъ земской компетенціи, дѣла, возложенныя закономъ на земскія учрежденія, далеко не мѣстнаго только характера: общественное призрѣніе, народное продовольствіе, народное образованіе органически сливаютъ каждую вѣдающую ихъ мѣстность съ общегосударственными интересами страны; такимъ образомъ каждая такая мѣстность оказывается частицею единого цѣлаго и, слѣдовательно, воплощаетъ его элементы въ большей или меньшей степени, но *всегда и непременно*. Наконецъ, районъ мѣстныхъ интересовъ никогда не можетъ совпадать съ территоріальными границами уѣзда или губерніи, основанными не на «пользахъ и нуждахъ» извѣстной мѣстности, а совсѣмъ на иныхъ условіяхъ. По всему этому закономѣрность земскихъ ходатайствъ, какъ это и было однажды разъяснено сенатомъ, должна опредѣляться *не мѣстными нуждами, а предметами вѣдомства*.

Указанія на то, что сфера земскихъ хозяйствъ не можетъ ограничиваться однѣми мѣстными нуждами, мы найдемъ и въ текстѣ закона. На основ. 1 ст. 3. Пол. изд. 90 г. земскія учрежденія *вѣдаютъ дѣла о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ губерній и уѣзда*, а согласно 14 п. 63 ст. того же Пол. *ходатайства о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ* представляются правительству чрезъ губернатора. «Вѣдать» и «ходатайствовать» — далеко не синонимы: нельзя *вѣдать* то, о чемъ дозволено лишь *ходатайствовать*, и нелѣпо ходатайствовать о томъ, что можно вѣдать, т.-е. рѣшать самостоятельно. Всѣ «мѣстныя пользы и нужды» подробно, до мелочей перечислены въ 72, 62 и 63 Зем. Пол.; удовлетвореніе нѣкоторыхъ изъ нихъ подчинено контролю и ограниченіямъ, но *не выходитъ* изъ круга земскаго вѣдомства и потому предметомъ *ходатайства* быть, понятно, не можетъ. О чемъ же въ такомъ случаѣ земству предоставляется «ходатай-

ствовать?—О томъ, очевидно, что выходить за предѣлы его вѣдѣнія, т.-е. о пользахъ и нуждахъ *общегосударственныхъ*. Нельзя отрицать этого права, прирожденнаго и не разнорѣчающаго съ положительнымъ закономъ; нельзя сказать человѣку: думай и хлопочи только о своемъ уголкѣ, забудь о другихъ, забудь о томъ, что ты не только тамбовецъ, вологжанинъ, или астраханецъ, но и гражданинъ земли русской, членъ общества, и если тебѣ пришлось по опыту узнать что-либо ему полезное или вредное—молчи о томъ,—молчи, хотя ты и «гласный», хотя «гласъ народа—гласъ Божій»!...

Да простить мнѣ благосклонный читатель, если, заговоривъ о земствѣ, я нѣсколько уклонился отъ своей основной темы, но, во-первыхъ, дѣло благотворенія вообще и трудовой помощи въ особенности такое великое и всеобъемлющее дѣло, что интересъ къ нему не сосредоточивается въ одномъ центральномъ пунктѣ, но стремится и къ окраинамъ, какими бы отдаленными ни казались онѣ съ перваго взгляда; во-вторыхъ, у земства и благотворительности такъ много общихъ задачъ, общихъ невзгодъ, общихъ цѣлей и путей къ ихъ достиженію; ихъ будетъ еще больше со введеніемъ готоваго уже проекта министерства вн. д. объ измѣненіи устава общественнаго призрѣнія предоставленіемъ земству учреждать въ качествѣ мѣстныхъ органовъ участковыя попечительства о бѣдныхъ, и, въ-третьихъ, вышеизложенными (въ г. I-й) соображеніями о природѣ права ходатайства достаточно выяснена общедоступность этого права (если допустить что это «право»), и потому всѣ органы благотворительности несомнѣнно обладаютъ имъ *de jure* и, если рѣдко пока пользуются имъ *de facto*, то лишь въ виду тѣхъ ограниченій и запретовъ, которыми пользованіе это обставлено на практикѣ.

Обходить эти ограниченія и запреты, жертвовать своимъ самолюбіемъ, «входить въ окно, когда гонять изъ двери» могъ только такой рыцарь благотворительности, какъ знаменитый д-ръ Гаазъ. Основнымъ мотивомъ и побѣдоноснымъ оружіемъ всей его дѣятельности были *ходатайства* за страждущихъ и обездоленныхъ во всѣхъ видахъ и формахъ отъ докладныхъ записокъ до словесныхъ, колѣнопреклонныхъ просьбъ. Рѣдкій, разумѣется, способенъ на *такое* самопожертвованіе, и потому государство, возлагая на общественную заботу земства и благотворительности часть своихъ функцій, должно подѣлиться съ ними и частью своихъ полномочій, или, по крайней мѣрѣ, оградить и охранить право ихъ на ходатайство за тѣхъ, быть и нужды которыхъ извѣстны и близки имъ болѣе, нежели кому пному.

По историческому изреченію германскаго императора Вильгельма I-го «государство существуетъ лишь для защиты слабыхъ отъ сильныхъ», а попеченіе объ этихъ слабыхъ—основная задача благотворительности; цѣли такимъ образомъ, совпадаютъ органически, создаютъ необходимость общенія, отъ котораго равно выигрываютъ обѣ стороны: государство, принимая ходатайства земствъ и благотворительныхъ обществъ, пріобрѣтаетъ цѣн-

ный и незамѣлимый источникъ къ усовершенствованію законодательства и жизненныхъ условій, правдивый, безкорыстный и нелицепріятный. Что за бѣда, если указанія на ту или иную общегосударственную потребность будутъ исходить изъ одной какой-либо мѣстности: благопріятныя условія, удачный составъ дѣателей, большая или меньшая опредѣленность назрѣвшей потребности, случай, наконецъ, могутъ вѣрнѣе обусловить выясненіе ея и удовлетвореніе путемъ ходатайства отъ одной группы или мѣстности, счастливіе другихъ обставленной въ этомъ отношеніи. Прислушиваясь къ подобнымъ указаніямъ, пользуясь изслѣдованіями какъ земства, такъ и благотворительности, администрація отъ мертвящаго бюрократизма можетъ переходить къ оживляющей дѣятельности, освѣжаться и обновляться, причемъ общественный элементъ будетъ исполнять ту же оздоравливающую задачу, какую исполняетъ хорошо устроенный вентиляторъ въ запертомъ и душномъ помѣщеніи. Зачѣмъ же ограничивать притокъ свѣжаго и чистаго воздуха, ломать вентиляторъ и закрывать даже простыя форточки?...

А между тѣмъ двѣ единныя въ своей задачѣ силы—государственная и общественная—разъединены въ практикѣ. Единеніе это, какъ видно изъ указа при новомъ изданіи земскаго Положенія 1890 года, было главнѣйшею цѣлью пересмотра; но возможно ли единеніе тамъ, гдѣ одна сторона обладаетъ правомъ властнаго надзора и вмѣшательства, а другая—только повиновеніемъ, причемъ обѣимъ дозволено жаловаться другъ на друга? Понятно, что желаемое единеніе должно было очень скоро выродиться въ раздоръ, въ антагонизмъ, плодомъ которыхъ явилась длинная вереница «преповѣй и преткновеній». Таможенные инстанціи не должны существовать на пути, на которомъ не можетъ быть никакой контрабанды. Путь этотъ долженъ быть прямою линіей между двумя точками—исходною и конечною. Чѣмъ прямѣе, чѣмъ короче эта линія, чѣмъ ближе и чаще происходитъ по ней общеніе, тѣмъ лучше, конечно. Въ этомъ первостепенный интересъ государства. Къ сожалѣнію эта линія на дѣлѣ идетъ капризными зигзагами, обрываясь на промежуточныхъ станціяхъ. Мы видимъ нѣчто вродѣ строящейся желѣзной дороги, съ остановками, пересадками и столкновеніями. Но тамъ имѣется впереди надежда: достроить дорогу и откроется прямое сообщеніе. Такъ открылся «великій сибирскій путь», объединившій Европу съ Азіей для общепользующей эксплуатаціи. Но страна ждетъ еще открытія другого также *великаго пути*, который также долженъ объединить центръ съ окружностью и также для общепользующей эксплуатаціи пока нетронутыхъ богатствъ—тѣхъ неслыханныхъ богатствъ, которыя не разъ выручали Россію въ годы тяжкихъ испытаній. У этихъ богатствъ также есть свои «скаратели»; они добываютъ золото изъ нѣдръ земли, везутъ его, но не довозятъ до монетнаго двора: лихіе люди расхищаютъ его по пути.

Устраненіе всѣхъ этихъ невзгодъ въ особенности необходимо теперь, когда содержаніе понятія о благотворительности пополняется и возрастаетъ съ небывалою быстротой. Въ область благотворенія включаются функціи, составлявшія доселѣ исключительную задачу государства: судебная защита

дѣтей, надзоръ за эксплуатаціей дѣтскаго труда, патронатъ надъ выпускаемыми изъ тюремъ, организація помощи голодающимъ, всѣ виды и формы трудовой помощи, бесплатное народное образованіе—все это исполняется теперь органами общественнаго и частнаго благотворенія. Необходимость ихъ содѣйствія признается правительствомъ въ высшихъ сферахъ его дѣятельности; и лишь мѣстныя власти до сихъ поръ не раздѣляютъ такого взгляда, смотря на благотворителя, какъ на человѣка безпокойнаго, мѣшающагося не въ свое дѣло, «колеблющаго основы» и, главное, небезопаснаго для нихъ самихъ, какъ независимаго и смѣлаго обличителя.

III.

Признавая насущность благотворительной помощи и содѣйствія правительственнымъ начинаніямъ, государство должно вооружить дѣятелей благотворенія извѣстною долей власти, или, по меньшей мѣрѣ, признать ихъ самостоятельность и оградить ихъ дѣятельность отъ препонъ, волокиты, формальныхъ задержекъ и недовѣрія, которыми теперь такъ щедро умышленъ ихъ трудный, тернистый путь.

Необходимость такого отношенія къ дѣлу будетъ съ теченіемъ времени возрастать и сказываться еще сильнѣе, еще чаще, по мѣрѣ дальнѣйшаго развитія того пути, на который вступила современная благотворительность и о которомъ сказано было выше. Значеніе частной благотворительности, добровольно и безкорыстно принимающей на себя выполненіе задачъ государственнаго характера, такъ высоко цѣнимое въ Западной Европѣ, является у насъ драгоцѣнною новинкой, которая, подобно растенію, перенесенному съ теплаго юга на суровый сѣверъ, требуетъ самаго тщательнаго, самаго нѣжнаго за собою ухода, самой кропотливой защиты отъ снѣжныхъ бурь и вредныхъ насѣкомыхъ. На дѣлѣ, однако, мы видимъ совершенно обратное, несмотря на то, что двѣ вынесенныя страной голодовки выдвинули на сцену цѣлый легіонъ безкорыстныхъ, самоотверженныхъ борцовъ, государственная заслуга которыхъ внѣ всякаго сомнѣнія; а рядомъ съ этою доблестною арміею мы видимъ другую, хорошо государствомъ оплачиваемую, одѣтую въ установленные мундиры, но подобно войску, выстроенному на парадѣ, лишь тѣшащую взоры любителей фронта и совершенно уклонившуюся отъ своего прямого назначенія бить врага и охранять страну. Итоги дѣятельности первыхъ и послѣднихъ діаметрально противоположны одинъ другому: на одной сторонѣ—мертвая форма, на другой—жизнь и развитіе. Точно также далеки другъ отъ друга и стимулы дѣятельности: основная цѣль чиновника получить больше жалованья, сдѣлать карьеру и угодить начальству; инициатива же благотворенія самозабвенно и свободно стремится къ общему благу въ неустанной борьбѣ съ социальнымъ зломъ.

Самарскій частный кружокъ, напр., изготовляетъ, какъ видно изъ газетъ, обширный сводъ наблюденій и изслѣдованій, предпринятыхъ его многочис-

левыми членами въ голодающихъ мѣстностяхъ. Понятно, какимъ цѣннымъ матеріаломъ будутъ эти свѣдѣнія для государственныхъ соображеній и мѣропріятій; понятно также, во сколько обошелся бы такой трудъ государственному казначейству, если бы за дѣломъ работали не безвозмездные добровольцы, а чиновники съ окладами, суточными, столовыми, разъѣздными и «ассигновками въ безотчетное распоряженіе». Вообще, судя по доходившимъ изъ голодающихъ мѣстностей вѣстямъ, дѣло помощи частныхъ кружковъ и отдѣльныхъ лицъ шло несравненно лучше и успѣшнѣе сравнительно съ тою же задачей, исполняемою органами официальной благотворительности. Такъ, г. Кетрицъ, посѣтившій одинъ изъ наиболѣе пострадавшихъ уѣздовъ Казанской губерніи, въ которомъ больныхъ цыугою было около 12,000, пишетъ между прочимъ слѣдующее *): къ концу мая число это сильно уменьшилось, большинство больныхъ совсѣмъ выздоровѣло, положеніе трудно больныхъ сильно облегчено. Преобладающее мнѣніе населенія уѣзда, видѣвшаго весь ходъ этого дѣла, — что этотъ спасительный, благодатный исходъ полученъ, *благодаря главнымъ образомъ частной помощи*, что пока столовые были отъ одного Краснаго Креста, цынга дошла мѣстами до ужасныхъ формъ: то и дѣло таскали гробы. Когда же въ апрѣлѣ открылись въ самыхъ пострадавшихъ мѣстахъ частныя столовыя московскихъ кружковъ, то черезъ мѣсяцъ большая часть цыготныхъ не только легкихъ, но и трудныхъ формъ, выздоровѣла. *Работа молодежи здѣсь выше всякихъ похвалъ*. Молодая худенькая дѣвушка работала ежедневно съ 6 часовъ утра до 9 часовъ вечера безъ перерыва, изводя себя. У одного студента на рубашкѣ истлѣли дыры, и онъ мнѣ признался, что не мѣнялъ бѣлья три недѣли, потому что некогда было. И много, много такихъ подвижницъ и подвижниковъ и ангеловъ-хранителей работало въ частныхъ столовыхъ и больничкахъ безъ всякаго жалованья, съ рискомъ заразиться цыугою, трихиною и т. п. Такого труда не купить ни прогонными, ни суточными, ни крестами». То же самое подтверждаетъ и сотрудникъ *Одесскихъ Новостей* г. Федоровъ. «*Молодежь*, — пишетъ онъ, — *проявляетъ сверхчеловѣческую энергію*, изнемогаетъ, заболѣваетъ отъ адскихъ впечатлѣній и непосильнаго труда. Нѣсколько студентовъ заболѣли цынгой, потому что въ лихорадочномъ трудѣ, въ заботахъ о ближнемъ имъ некогда было спать, некогда было ѣсть, и они не замѣчали, что истощенный организмъ поддался цынгѣ. Фельдшерица рождественскихъ курсовъ, Березовская, заражается тифомъ, ухаживая за больными, и, едва оправившись отъ болѣзни, снова работаетъ среди голодныхъ и больныхъ».

«Русское интеллигентное общество, — сообщаетъ г. Пругавинъ въ письмѣ изъ Самары (*Русск. Вѣдом.*, № 300), какъ извѣстно, отнеслось съ несомнѣннымъ сочувствіемъ къ голодающимъ. Пожертвованія деньгами и вещами стекались со всѣхъ сторонъ. Независимо отъ этого, *сотни лицъ изъ разныхъ слоевъ общества* явились на мѣста, пораженные голодовкой,

*) № 158 С.-Петербург. Вѣдом.

явились съ горячимъ желаніемъ помочь народу. Они посѣлялись въ деревняхъ и селахъ, наиболѣе потерпѣвшихъ отъ неурожая, устраивали столовые, открывали больницы, ясли, дома трудолюбія, кормили дѣтей, стариковъ и старухъ, лѣчили больныхъ, ухаживали за ними, раздавали неимущимъ бѣлье, платье, обувь, помогали выкупать вещи, заложенные бѣдняками, выдавали деньги погорѣльцамъ, покупали лошадей и коровъ, давали сѣмена для посѣва и т. д. Сколько вниманія и любви, сколько трогательной заботливости вдругъ неожиданно вылилось на это населеніе, нерѣдко состоящее изъ инородцевъ — «пасынковъ Россіи». Съ глубокою любовью проводилъ ихъ народъ, прощаніе было трогательное, сердечное съ обѣихъ сторонъ».

Придетъ время, когда имена этихъ подвижниковъ — піонеровъ новой формы благотворенія будутъ увѣнчаны ореоломъ самой горячей общественной симпатіи, какъ высшее и благороднѣйшее воплощеніе гражданской доблести и христіанскаго милосердія. Пока мы ихъ едва знаемъ, не знаемъ даже сколько ихъ, знаемъ только, что ихъ много, очень много, что тяжелъ избранный ими путь, что, высоко поднимаясь надъ легіонами непроходимой пошлости и сѣрой заурядности, которыми кипитъ жизнь человѣческая, они свѣтятъ міру и искупаютъ грѣхи его.

Но зато мы хорошо ознакомлены съ отрицательными бытовыми условіями той среды, въ которой развивается ихъ изумительная для современнаго человѣка дѣятельность.

У всѣхъ, вѣроятно, еще въ памяти печальная исторія благотворительныхъ школъ, устроенныхъ стараніями г-жи Штевенъ. Ея дѣлу суждено было внезапно прекратиться *по простому распоряженію мѣстной епархіальной власти*. Тяжело было ей покидать любимое дѣло; она хлопотала, жаловалась и, не добившись ничего, уѣхала въ Англію. Извѣстныя сельскохозяйственныя артели Левицкаго, оклеветаннаго въ замаскированной якобы имъ противуправительственной пропагандѣ, уцѣлѣли *лишь благодаря дознанію* чиновника министерства земледѣлія, обнаружившему и эту клевету, и несомнѣнную пользу предпріятія. Бессарабскій землевладѣлецъ г. Анушъ, желая лично помочь голодающимъ, отправился въ наиболѣе пораженные неурожаемъ мѣстности, чтобы на свой собственный счетъ устроить бесплатныя столовые. Для этой цѣли г. Анушъ пожертвовалъ 30 тыс. пуд. кукурузной муки и закупилъ въ Бессарабіи огромное количество овечьяго сыра, сала и масла, а въ Подольской губ. — партію картофеля (около 30 тыс. пудовъ), бураковъ и т. п. Для организаціи столовыхъ жертвователи привлекъ большой кружокъ добровольцевъ сотрудниковъ (среди нихъ были и дамы), которые должны были отправиться на мѣсто вмѣстѣ съ нимъ и на его счетъ. Самарскій губернаторъ разрѣшилъ г. Анушу участвовать въ дѣлѣ помощи голодающимъ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы районъ самостоятельной его дѣятельности былъ выбранъ по соглашенію съ мѣстнымъ управленіемъ «Краснаго Креста». Г. Анушъ не пожелалъ дѣйствовать при такомъ условіи и перенесъ свою благотворительную дѣятельность въ Ка-

занскую губернію. По поводу этого инцидента наша охранительная пресса назвала поступокъ г. Ануша дерзновеннымъ и неумѣстнымъ, а самарскій губернаторъ счелъ нужнымъ оправдываться. Какъ бы то ни было, *благодаря поставленному условію*, голодающее населеніе Самарской губерніи лишилось щедрой и обильной помощи. «Если въ настоящемъ году, — пишетъ врачъ Николаевъ въ № 236 *С.-Петерб. Вѣдом.*, — инициатива частныхъ лицъ не получала такого широкаго развитія, какъ раньше, то причины этого лежатъ въ тѣхъ *препятствіяхъ, непріятностяхъ, а подѣ часъ и серьезномъ рискѣ*, каковыхъ страннымъ образомъ могъ ожидать всякій доброволецъ на этомъ поприщѣ». Тверское земство, какъ это видно изъ доклада школьной коммисіи 12 января, въ теченіе двухъ лѣтъ вынуждено было ограничивать свою просвѣтительную дѣятельность *только* «въ виду сложной пропедуры, которою обусловлено разрѣшеніе народныхъ чтевій и популярныхъ курсовъ». Московское «Общество попеченія о нуждающихся въ защитѣ дѣтяхъ», ходатайствовавшее о разрѣшеніи для своихъ членовъ свободнаго входа въ ремесленные заведенія, гдѣ работаютъ и обучаются дѣти, лишь черезъ *десять лѣтъ* добилось своей цѣли, а петербургская полиція возбудила даже *уголовное* преслѣдованіе противъ одного семейства, дававшего *изъ состраданія* приютъ въ своемъ домѣ нищимъ уличнымъ дѣтямъ. Но этого мало: запреты и ограниченія не только сопровождаютъ уже начатую благотворительную дѣятельность, но намѣчаются и для предстоящей, еще неосуществленной на дѣлѣ и лишь регулированной въ уставѣ. Таковъ уставъ только что сформировавшагося «Московского общества улучшенія участи женщинъ».

То дореформенное міросозерцаніе, въ силу котораго «все, что дѣлается безъ разрѣшенія начальства, есть безпорядокъ», и о которомъ было говорено въ началѣ моего очерка, очевидно, легло въ основу этого любопытнаго устава. Любопытенъ и своеобразенъ этотъ уставъ тѣмъ, что всѣ полномочія, которыя предоставляются частнымъ благотворительнымъ обществамъ статьями того или иного устава, получаютъ въ данномъ случаѣ не иначе, какъ «съ особаго разрѣшенія начальства» на каждый разъ спеціально испрашиваемаго, такъ что собственно правомочнаго устава никакого нѣтъ, а вся предстоящая обществу дѣятельность поставлена въ прямую и безусловную зависимость отъ той или иной судьбы испрашиваемаго для каждаго шага разрѣшенія. Къ довершенію бѣды нѣтъ и точныхъ указаній: у кого этихъ разрѣшеній слѣдуетъ испрашивать, — сказано только, — отъ начальства, а начальства у насъ, какъ извѣстно, «не занимать стать». Поэтому, дѣятелямъ будущаго общества придется затрачивать массу времени и хлопотъ лишь на хожденіе по разнымъ мытарствамъ, изъ канцелярій въ канцелярію, на ожиданія въ пріемныхъ, по обыкновенію весьма томительныя и столь же продолжительныя, на выправку всякихъ бумагъ и т. д. Чтобы не быть голословнымъ, я выпишу § 2 этого устава. Гласитъ онъ *буквально* слѣдующее: «Для осуществленія своихъ цѣлей общество предполагаетъ: 1) оказывать женщинамъ нравственную и матеріальную поддержку; 2) способство-

вать распространію образованія и также ея (?) техническихъ знаній; 3) устраивать *съ особаго разрѣшенія* и на основаніи отдѣльныхъ уставовъ убожища и пріюты для падшихъ женщинъ и для малолѣтнихъ, впавшихъ въ пороки разврата (sic); 4) устраивать *съ особаго разрѣшенія* и на основаніи особыхъ уставовъ столовыя, общежитія, временныя помѣщенія, кассы взаимопомощи; 5) имѣть бюро для облегченія сношеній съ частными лицами и съ другими «обществами» для пріисканія занятій и мѣстъ; 6) устраивать библіотека и читальни *на основаніи существующихъ узаконеній*; 7) устраивать *съ разрѣшенія властей* (?) засѣданія (!) для обсужденія вопросовъ и рефератовъ, имѣющихъ отношеніе къ задачамъ общества; 8) издавать брошюры и журналы *съ соблюденіемъ правилъ* устава цензуръ (sic); 9) устраивать лекціи, драматическія представленія, музыкальные вечера, популярныя чтенія и т. д. *съ разрѣшенія начальства* и съ соблюденіемъ установленныхъ правилъ; 10) открывать вечерніе курсы, воскресныя школы и мастерскія *съ надлежащаго разрѣшенія*; 11) устраивать выставки съ продажею выставляемыхъ предметовъ *съ надлежащаго разрѣшенія*; 14) *съ разрѣшенія надлежащей власти* (?) комитетъ, въ случаѣ необходимости дальнѣйшаго пресѣченія зла, принимаетъ потерпѣвшихъ несовершеннолѣтнихъ на попеченіе общества, помѣщая ихъ въ своихъ убожищахъ или у благонадежныхъ лицъ»...

Общество имѣетъ цѣлью «бороться противъ разврата и тѣсно связаннаго съ нимъ пьянства», какъ значитса въ параграфѣ 1-мъ устава. Чего бы, казалось, благонамѣреннѣе? Однако, эта непререкаемо-благонамѣренная цѣль, какъ мы видѣли, достигается средствами, зависящими не отъ самостоятельности общества, а отъ дискреціонной воли начальства, вслѣдствіе чего обществу придется начать свою дѣятельность ходатайствомъ о возможномъ избавленіи его отъ заготовленныхъ наручней и кандаловъ, просить о томъ, чтобы передъ дѣломъ развязали ему руки, какъ это и случилось въ преобразованномъ «комитетѣ грамотности».

Рядомъ съ «разрѣшеніемъ начальства» стоитъ въ уставѣ и другое условіе — «соблюденіе установленныхъ правилъ». Но развѣ возможно ставить правила для благотворительности, которая диктуется сердцемъ и творится благонаправленною волей; развѣ возможно требовать «разрѣшенія» для исполненія евангельскихъ заветовъ, развѣ возможно къ благотворителю предъявлять тѣ же требованія, какія предъявляются къ эксплуататору-промышленнику, къ антрепренеру театра, цирка и т. п. «зрѣлищъ и увеселеній?»... Вѣдь не станетъ же Общество, задавшееся цѣлью бороться съ развратомъ и пьянствомъ, ставить скабрѣзныя оперетки, спазивать посѣтителей водкой и свои пріюты для исправленія падшихъ женщинъ превращать въ публичные дома!...

Поучительна въ этомъ отношеніи исторія устройства библіотекъ и чтеній въ мѣстахъ заключенія. Инициаторомъ этого насущнѣйшаго въ исправительныхъ цѣляхъ дѣла былъ покойный О. С. Хановъ, извѣстный въ Москвѣ своею широкою и энергическою благотворительною дѣятельностью. Цѣлые

дни приходилось ему затрачивать на поиски за всяческими «разрѣшеніями». Придетъ, бывало, ко мнѣ усталый и измученный нравственно и физически. «Ну, какъ дѣла, Ѳ. С.?»—махнетъ рукой и начинаетъ рассказывать, какъ ходилъ онъ къ А., какъ тотъ сказалъ ему, что это зависитъ отъ Б., какъ онъ пошелъ затѣмъ къ Б. и отъ него узналъ, что это зависитъ отъ А., и какъ, не добившись ничего отъ нихъ, думаетъ отправиться къ В.... Перескажетъ все, что накопило на сердцѣ, схватится за грудь, глубоко вздохнетъ и вскопичитъ. «Куда же вы, Ѳ. С.?» — «Домой, надо немножко успокоиться»... Но успокоился онъ только въ гробу — единственное дѣло, которое удалось ему совершить, не испрашивая предварительно «надлежащаго разрѣшенія». Горько жалуется онъ на отовсюду встрѣчаемыя имъ затрудненія въ своей запискѣ о ходѣ дѣла, составленной по моей просьбѣ. Лишь въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ,—пишетъ онъ,—*согласились принять собранныя имъ отъ жертвователей книги и допустить къ чтенію имъ же завербованныхъ лекторовъ*. Но это длилось лишь до замѣны зрителей новыми лицами съ инымъ, враждебнымъ взглядомъ на дѣло. Въ другихъ же мѣстахъ заключенія ему напрямикъ объявили, что для людей нравственно испорченныхъ чтеніе излишне и неудобно, что заниматься чтеніемъ арестантамъ некогда (на дѣлѣ они изнывали отъ праздности), что раздавать книги некому и т. п. Въ третьихъ—книги запирались въ шкапъ безъ всякой пользы для арестантовъ, а то и пропадали совсѣмъ. Ѳ. С. обращался за содѣйствіемъ и письменно, и словесно къ высшимъ духовнымъ и гражданскимъ властямъ, но то не получалъ отвѣта, то встрѣчалъ упорный отказъ. «Изъ всего вышеннеложеннаго видно, — заключаетъ свою записку г. Хановъ,—что дѣло организаціи тюремныхъ чтеній не могло устроиться потому, что у начальства не было яснаго и твердаго сознанія въ необходимости и пользѣ этого дѣла...

То же самое пришлось вытерпѣть г. Ханову въ его заботахъ по устройству бесплатныхъ народныхъ читаленъ, открытыхъ имъ въ нѣсколькихъ пунктахъ Москвы, и лишь благодаря его настойчивости и безпредѣльной любви къ дѣлу удалось ему одолѣть противодѣйствіе «охранителей» и положить начало общепользному дѣлу, очевидная безвредность котораго не помѣшала, однако, усматривать и въ данномъ случаѣ возможность «безпорядка» на фабрикахъ, владѣльцы которыхъ сами охотно содѣйствовали открытію читаленъ для работающаго у нихъ народа!

Требуя всякаго рода «разрѣшеній», мы запутались до того, что на практикѣ возникъ вопросъ о *правѣ* земскихъ собраній *выражать признательность* лицамъ, оказавшимъ услугу земству. Правительствующій сенатъ, какъ сообщаетъ *Юридическая Газета*, обсудивъ жалобу московской земской уѣздной управы на постановленіе московскаго губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія по поводу выраженной земствомъ благодарности одному извѣстному профессору и сожалѣнія по поводу оставленія имъ Москвы, разъяснилъ, что каждому общественному учрежденію закономъ предоставлено выражать по своему усмотрѣнію признательность лицамъ за

услуги, оказанные ими по службѣ или въ сферѣ предоставленной имъ закономъ дѣятельности. Возникъ затѣмъ и другой «вопросъ», — вопросъ о *правѣ молиться*. *Подольскія Губернскія Вѣдомости* сообщаютъ, что прихожане кладбищенской церкви пожелали отслужить молебенъ о здравіи о. Іоанна Кропштадскаго: Для этого понадобилось «разрѣшеніе» духовной консисторіи и было произведено дознаніе о пожертвованіяхъ о. Іоанна; разрѣшеніе было дано, но не своевременно, «благодаря чему на молебенъ пришло мало народу, и прихожане были искренне огорчены». «Кому и зачѣмъ понадобилась вся эта исторія? — спрашиваютъ по поводу этого извѣстія *С.-Петербургскія Вѣдомости*. — Неужели право молиться за кого бы то ни было у православныхъ не полное и можетъ находиться подъ запретомъ и быть связуемо съ вопросомъ о пожертвованіяхъ?»...

«Страшно подумать, — говоритъ авторъ общественной хроники въ іюльской книжкѣ *Вѣстника Европы*, — сколько хорошихъ дѣлъ остается у насъ не предпринятыми или недоконченными вслѣдствіе того, что противъ нихъ поднимаютъ вопль самозванные охранители вѣры, нравственности и общественного порядка. Какъ бы велико, однако, ни было вниманіе и вліяніе, выпадающее на долю псевдо-охранителей, имъ самимъ оно кажется все еще недостаточнымъ. Отсюда нѣжное чувство, питаемое ими къ «доброму старому времени», къ тому времени, когда охраной, если можно такъ выразиться, была пропитана вся атмосфера, когда единственнымъ лозунгомъ государственной и общественной жизни была неподвижность».

IV.

Естественно, что въ каждой не затуманенной головѣ, въ каждомъ не замороженномъ сердцѣ встаетъ мучительный вопросъ: отчего же происходитъ все это, отчего преграждается путь къ добру, проложенный самоотверженной любовью къ попираемой правдѣ и къ страждущему человѣчеству, отчего по лицу «великой земли русской» ходитъ дозоромъ какая-то темная сила, рветъ зеленую новь и топчетъ цвѣты, но шадитъ и охраняетъ высохшія старыя березы, по которымъ перелетаютъ стаи черныхъ воронъ и привѣтствуютъ ее своимъ карканьемъ?...

Отвѣта на этотъ мучительный вопросъ слѣдуетъ искать въ томъ до-реформенномъ міросозерпаніи, о которомъ говорено было выше, и въ томъ нашемъ современномъ общественномъ настроеніи, которое изловчилось сочетать былую «охрану неподвижности» съ новѣйшими теоріями Ницше и его многочисленныхъ послѣдователей. Много виновато въ этомъ, такъ сказать, *попустительствъ* и прирожденное, неистребляемое школьнымъ воспитаніемъ свойство покладливой славянской натуры, въ которой воспринимаемыя извнѣ впечатлѣнія скользятъ по поверхности, не проникаютъ въ глубь и потому не претворяются въ дѣло.

Есть, конечно, и пророки, способные «глаголомъ жечь сердца людей», но ихъ ждетъ неизбѣжная казнь «съ урѣзаніемъ языка», да и сердца эти теперь насквозь пропитаны огнеупорнымъ составомъ, дающимъ на опытахъ

самые блестящіе результаты. Если же гдѣ-нибудь невзначай и вспыхнетъ священное пламя, то сейчасъ же является вольная пожарная дружина, чтобы залить его потоками грязной воды.

Наша интеллигенція (молодежь въ особенности) подѣлилась на два лагера: одни идутъ воевать съ голодомъ, болѣзнями и невѣжествомъ; другіе, быть можетъ, большинство, твердо увѣровавъ, что «слабыя особи должны погибать, чтобы очистить дорогу сильнымъ», предпочитаютъ сидѣть дома, боготворить красоту... Имъ, конечно, нѣтъ никакого дѣла до тѣхъ преградъ и затрудненій, какія встрѣчаетъ дѣятельность первыхъ, и они лишь смѣются надъ ними. Мѣстные Держи-Морды, Сквозники - Дмухановскіе, Колунаевы и Разуваевы, вполне раздѣляя такое міровоззрѣніе, идутъ дальше: видя, какъ молодой человѣкъ лѣзетъ въ петлю изъ-за чужой бѣды, рискуетъ жизнью, раздаетъ большія деньги, а самъ одѣтъ какъ оборванецъ, они не могутъ понять величія подвига, не могутъ найти мотива и потому начинаютъ «читать въ сердцахъ»; затѣмъ, раздается страшное слово «сицилистъ», облетаетъ всю округу, и благотворителю приходится укладываться. Безкорыстные альтруистическія стремленія, самоотверженная, дѣятельная любовь, лишенія и опасности, добровольно принимаемыя безстрашными благотворителями, до того чужды пониманію этой среды, что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ проявленія этихъ высшихъ духовныхъ свойствъ заподозрѣвается какое-либо злоумышленіе, или замаскированный подвохъ, или, наконецъ, тотъ «безпорядокъ», который такъ смущаетъ нѣкогда замоскворѣцкихъ обывателей. Изъ этого-то стоячаго болота, какъ весеннія ядовитыя испаренія, поднимаются вверхъ всѣ эти предательскія легенды о развращающемъ вліяніи даровыхъ столовыхъ и продовольственной помощи, о лѣности и тунеядствѣ мужика, о вредѣ народнаго просвѣщенія и т. д., и жадно подхватываются охранительной прессой, чтобы смущать и дискредитировать святое, великое дѣло.

Всякій, слѣдящій за движеніемъ нашей общественной мысли, не разъ, вѣроятно, призадумывался надъ причиной той судорожной отрывочности, незаконченности и изумительной забывчивости, какими движеніе это выражается. Поднимается какой-нибудь «вопросъ», два-три раза перевертывается съ боку на бокъ, а тамъ и на покой, въ архивъ, какъ рѣшенное дѣло, съ резолюціею: «предать волѣ Божіей», хотя къ этому дѣлу успѣли только подойти и познакомиться съ заглавною описью. Мы точно путешественники, вербуемые извѣстною компаніею Кука для кругосвѣтныхъ турпѣ. Приѣдемъ въ городъ, обѣжимъ съ Бедкеромъ въ рукахъ достопримѣчательности, не досмотримъ и половины, какъ руководитель зоветъ уже дальше, въ другіе города, къ другимъ достопримѣчательностямъ. О цѣльности впечатлѣнія, о какихъ-либо усвоенныхъ итогахъ ни тамъ, ни здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Едва раскроются глаза, едва задвигнутся онѣмѣвшіе члены, какъ снова раздается традиціонный хралъ «спящаго богатыря». Возьмемъ, для примѣра, хотя бы вопросъ объ отмигѣ тѣлесныхъ наказаній, упраздненныхъ для пелудикихъ инородцевъ и оставленныхъ Богъ вѣсть до ка-

кихъ поръ у насъ, чтобы позорить родную, алчущую свѣта, землю. У этого вопроса дѣлая литература, но копца нѣтъ. Давно его ждемъ, но вмѣсто того наблюдаемъ лишь покладливость русской натуры, сживающейся со всѣмъ и со всѣми; дѣло, очевидно, «притерпѣлось», «надоѣло», какъ надоѣли голодь, безработица, переселенія и тому подобныя факты и явленія, которые у свѣжаго, нормальнаго человѣка никогда не выходятъ изъ головы и не престанно терзаютъ сердце. Поговорили, пописали, поспорили — и баста. Розга, напр., уже не реагируетъ на впечатлительность и трактуется, какъ совершающійся фактъ, признанный и допустимый. Устанавливается какой-то тусклый *modus vivendi*, отъ котораго еще страшнѣе становится на душѣ. Изъ отчета министерства финансовъ, напримѣръ, о ходѣ взысканія податей за прошедшій годъ, видно, что въ одной Тверской губ. за недоимку высѣчено 154 человѣка и 1,500 высидѣло подъ арестомъ — мѣра, никакимъ закономъ не дозволяемая. Подверглось ли отвѣтственности грубое превышеніе власти, приняты ли мѣры къ прекращенію безчеловѣчной практики, были ли жалобы — мы ничего не знаемъ и, вѣроятно, знать не хотимъ: «надоѣло!»

Та же самая духовная неуязвимость еще нагляднѣе наблюдается въ устныхъ собесѣдованіяхъ: кто-нибудь ихъ присутствующихъ, пока раздвигаютъ карточные столы, расскажетъ новость или событіе, отъ которыхъ волосы встаютъ дыбомъ, которыя приковываютъ къ себѣ все вниманіе человѣка, ищутъ объясненія, защиты, дебатовъ... и ничего подобнаго не происходитъ. Вслѣдъ за разговоромъ садятся за карты, завязывается разговоръ о вчерашнемъ балѣ, становится общимъ и, вмѣсто ожидаемыхъ дебатовъ, вы слышите, что г-жа Б. была не къ лицу одѣта, а за ужиномъ рябчики были пережарены — и потрясающій душу рассказъ забыть, погребенъ!

Когда же «ликующіе и праздноболтающіе» заглянутъ «въ станъ погибающихъ за святое дѣло любви»? Когда же сойдутъ, наконецъ, со сцены Держи-Морды и Разуваевы, когда же смолкнутъ газеты, умѣющія отвѣчать лишь на одинъ вопросъ «чего изволите», когда же страхъ замѣнится довѣріемъ, и добрый человѣкъ получить свободу дѣлать доброе дѣло?

Объ этой «свободѣ» часто поминали въ рѣчахъ и рефератахъ, нѣсколько оживившихъ общество въ дни послѣднихъ пушкинскихъ торжествъ: «Зная жизнь Пушкина, — говорилъ Н. И. Стороженко, — зная сколько ему приходилось терпѣть отъ подозрительности властей и цензуры, можно только изумляться, какъ онъ уцѣлѣлъ, какъ онъ не ожесточился, не впалъ въ отчаяніе, не былъ увлеченъ мутнымъ потокомъ современной дѣйствительности, а донесъ до могилы въ незапятнанной чистотѣ свое поэтическое знамя, на которомъ ярко горитъ его тройственный поэтическій девизъ: красота, свобода и гуманность. Идти по слѣдамъ Пушкина, значитъ вѣрить въ конечное торжество свѣта надъ тьмой, свободы надъ деспотизмомъ... значитъ отрѣшиться разъ навсегда отъ всякаго фанатизма, какъ религіознаго, такъ и политическаго, и помнить, что въ глазахъ нашего великаго поэта инте-

ресы свободы, человечности и правды всегда стояли выше всякихъ политическихъ и національныхъ соображеній».

Неужели теперь, три четверти вѣка спустя, не найдется у насъ этой «свободы» хотя бы для такого святого дѣла, какъ та или иная помощь «страждущимъ и обремененнымъ»?

Пора признать благонамѣренность общественнаго и частнаго почина, пора снять обезсиливающій ихъ надзоръ, пора широко распахнуть дверь, въ которую стучатся правда и милосердіе и, вмѣсто обычныхъ пока терніевъ, усыпать пальмами избранный ими путь. Это будетъ много дѣльнѣе того своеобразнаго юридическаго творчества, которое навязываетъ правовой области совершенно чуждые ей элементы, изобрѣтая разныя права (право ходатайствовать, право благодарить, право дѣлать добрыя дѣла и даже право молиться), но дозволяя пользованіе этими «правами» не иначе, какъ съ особаго, на каждый разъ нарочито испрашиваемаго «разрѣшенія начальства». Свободнымъ пока остается лишь право... испрашивать разрѣшенія и получать отказы.

Пользуясь междоусобицей двухъ родственныхъ, но разрозненныхъ силъ, эти новоявленные права и ветхозавѣтные запреты все шире и шире захватываютъ территорію, покидаемую отступающими въ область свѣтлыхъ преданій былыми правомочіями и растроченнымъ наслѣдіемъ эпохи, когда не было этой междоусобицы, когда обѣ силы работали въ дружномъ и плодотворномъ сліяніи и успѣли въ изумительной быстротѣ создать на развалинахъ дореформеннаго строя величавый рядъ монументальныхъ памятниковъ законодательства—славу прошлаго и... лишь надежду будущаго.

«L'union fait la force!»

П. Обнинскій.

Женское движеніе въ современной Англіи.

Послѣдній годъ XIX вѣка естественно выдвигаетъ вопросъ: что внесено имъ новаго въ область культуры? Что создано имъ самостоятельнаго на пути человѣческаго прогресса?—Мы думаемъ, что потомки, подводя итоги XIX вѣка, отмѣтятъ одну идею, одно теченіе, какъ отличительную характерную черту этой эпохи: мы говоримъ о такъ называемомъ женскомъ вопросѣ. Правда, и въ XVIII вѣкѣ, и даже много ранѣе встрѣчаются попытки преобразовать правовое и фактическое положеніе женщины, но это были попытки частныя, изолированныя.

Быть можетъ, спросятъ: гдѣ же результаты? Можно ли отмѣтить замѣтный прогрессъ въ политическомъ и экономическомъ положеніи громаднаго большинства женщинъ, коренную реформу ихъ правового положенія? И не сводится ли прогрессъ къ немногимъ исчезающимъ въ массѣ единицамъ? Но такъ кажется лишь съ перваго взгляда. Современникамъ и участникамъ движенія трудно быть безпристрастными свидѣтелями: трудно оцѣнить результаты, когда стоишь на полѣ-пути.

Такъ бываетъ и въ нашей ежедневной жизни. Когда мы поднимаемся на высокую гору, намъ кажется сначала, что мы едва-едва отдѣлились отъ подножія. Только взобравшись на значительную высоту, мы замѣчаемъ громадность пройденнаго разстоянія.

Приближаясь къ концу XIX вѣка, интересно прослѣдить главные моменты въ политической жизни современной западно-европейской женщины. При этомъ, имѣя въ виду лишь краткій обзоръ, мы остановимся на Англіи, гдѣ эволюція женскаго вопроса, хотя далеко еще не завершившаяся, вошла въ наиболѣе опредѣленныя, твердыя рамки.

Прежде чѣмъ обратиться къ англійской женщинѣ XIX вѣка, бросимъ мимолетный взглядъ на положеніе и условія жизни женщины въ предыдущемъ вѣкѣ; условія эти болѣе или менѣе тѣ же во всѣхъ западно-европейскихъ странахъ.

Вотъ жилище достаточной женщины средняго класса. Она—мать семейства, и первая служанка своего мужа. Районъ ея дѣятельности ограничивается предѣлами кухни и дѣтской. Она надзираетъ за порядкомъ дома,

за слугами: она нянчить дѣтей, иногда учить ихъ чтенію и письму. Этими ограничиваются ея обязанности. Да болѣе этого отъ нея и не требуется. Средства существованія доставляетъ ей мужъ; взаимно этого она обязана во всемъ слѣпо ему повиноваться.

Тѣ же, приблизительно, отношенія мы находимъ и въ низшихъ классахъ: женщина, жена и мать,—прикрѣплена къ домашнему очагу. Но здѣсь положеніе ея иногда смягчается благодаря экономическимъ условіямъ. Ограниченность средствъ побуждаетъ женщину обратиться къ домашнему производству: ручнымъ трудомъ она доставляетъ заработокъ, помогаетъ мужу содержать семью. Тѣмъ не менѣе, женщина, даже помощница мужчины, находится въ подчиненіи.

Всю жизнь она—его раба. Изъ подчиненнаго положенія дочери она переходитъ подъ власть мужа. Онъ—ея господинъ и повелитель. Онъ можетъ безнаказанно злоупотреблять своей силой: законъ во всемъ на его сторонѣ и противъ женщины. Онъ имѣетъ право отнять у нея дѣтей, отдать ихъ на воспитаніе другому лицу; онъ можетъ располагать ея средствами и личнымъ заработкомъ. Она, съ своей стороны, не имѣетъ никакихъ правъ, а только обязанности. Спрашивается, какъ же относится женщина къ своему порабощенію? Какъ переноситъ она иго мужчины?—Возмущеніе проявляется лишь въ единичныхъ случаяхъ. Лишь изрѣдка раздается громкій протестъ энергичной, безстрашной женщины. Такъ въ концѣ XVII вѣка, ученая и талантливая Мэри Астель, проникшись идеями Платона, Сенеки, Эпиктета, Марка Аврелія,—одна изъ первыхъ выступаетъ въ защиту женскихъ правъ. Доказывая, что безправность женщины зависитъ отъ ея неразвитости, а неразвитость—отъ невѣжества, она предлагаетъ учредить нѣчто вродѣ свѣтскаго монастыря, гдѣ женщины могли бы жить свободно и независимо, дѣля время между книжными занятіями и обученіемъ дѣтей *).

Но такія женщины, какъ Мэри Астель, представляютъ и рѣдкое исключеніе.

Да и могло ли быть иначе? Атмосфера, въ которой онѣ воспитывались, слишкомъ душная, спертая; нѣтъ простора для свободного индивидуаль-

*) Въ трактатахъ Мэри Астель нерѣдко встрѣчаются ѣдкія нападки на мужчинъ. Такъ, говоря о недостаткахъ женскаго образованія, авторъ замѣчаетъ:

„Представьте, что такъ же мало заботились бы о развитіи мужчинъ: они не только не превосходили бы тѣхъ, кого они теперь презираютъ, но сами впали бы въ тупоуміе и звѣрство“.

Въ трактатѣ, озаглавленномъ „Защита женскаго пола“, посвященномъ датской принцессѣ Аннѣ (впослѣдствіи королева Анна), авторъ (1696 г.) юмористически спрашиваетъ: „Кому же обязаны подчиненіемъ вдовы и сироты, лишившіяся своихъ повелителей? Не всему же мужскому роду вообще,—развѣ что всѣ мужчины сговорятся отдавать одни и тѣ же повелѣнія; или же мы, какъ сбившіяся съ пути, попадаемъ власти перваго, кого встрѣтимъ?“... Но кто бы ни былъ нашъ господинъ, если онъ признаетъ насъ за существа разумныя... онъ, въ собственныхъ интересахъ, долженъ бы совѣтовать намъ пользоваться нашимъ разумомъ... Если же, отрицая въ женщинахъ разумъ, насъ признаютъ почти за звѣрей, такъ лучше всего посадить насъ на цѣпь“...

наго развитія; нѣтъ стимуловъ для самостоятельности; нѣтъ твердаго оплота ни въ законѣ, ни въ обычномъ правѣ. Въ узкой домашней средѣ природныя способности женщины систематически атрофировались, притуплялись.

Слѣдуетъ ли изъ этого, что женщина не создана для свободы?

Дѣлать подобный выводъ равно несправедливо, какъ доказывать, что рабскія свойства были присущи крѣпостному сословію въ дореформенной Россіи. Свобода для крѣпостного была лишь пустымъ звукомъ; и даже въ видѣ отвлеченнаго представленія она не достигала его пониманія. То же можно сказать и о масѣ женщинъ XVII и первой пол. XVIII вѣковъ. Книгъ было мало. Обмѣна мыслей въ общественныхъ группахъ-кружкахъ, клубахъ и т. д. для женщины почти не существовало. Политическія и общественныя дѣла не касались ея. Интересы научные, коммерческіе, административные—всѣ монополизировались мужчиной. Жизнь женщины, однообразная и монотонная, почти не выходила изъ будничной домашней рутины.

Лишь изрѣдка вырывался въ это стоячее болото притокъ свѣжаго воздуха. Такъ было въ концѣ XVIII вѣка. Французская революція 1789 г., провозгласивъ идеи свободы и равенства, не могла не вызвать отклика въ сердцѣ женщины. Лучшія изъ нихъ, наиболѣе талантливыя и развитыя, встрепенулись. Казалось,—вотъ насталъ моментъ освобожденія: двери ихъ тѣснаго жилища растворятся, и передъ женщиной откроется широкій горизонтъ, цѣлый новый міръ интересовъ, стремленій и цѣлей. Свобода, равенство и братство,—какъ заманчиво звучали эти слова!

«Настали дни, когда,—по словамъ поэта Уордсворта,—жить было счастьемъ; столько было безграничной вѣры и надежды,—вѣры и надежды, сливавшихся въ гимнъ любви ко всему человѣчеству».

Общій подъемъ духа охватываетъ и женщину. Всего горячѣе откликнулась она на движеніе XVIII в. во Франціи. Здѣсь женщина уже ранѣе эмансипировалась, благодаря не закону, а жизни. Въ обществѣ, въ салонахъ, въ литературѣ—ее окружалъ ореолъ поклоненія; и хотя ореолъ этотъ осыпалъ лишь немногихъ избранныхъ, но слава г-жъ дю Деффанъ, Жоффренъ, Жанлисъ, Неккеръ, Сталь и др. отражалась и на женщинѣ вообще, подымая ея престижъ. И французская женщина первая откликается на просвѣтительное движеніе XVIII в. Въ 1789 году женщины обращаются къ національному собранію съ петиціей, требуя, чтобы имъ предоставили одинакія со всѣми французскими гражданами права и преимущества. Знаменитая *Olympe de Gouges* печатаетъ «Декларацию женскихъ правъ», принципиально доказывая, что передъ закономъ всѣ равны, а потому «всѣ граждане и гражданки имѣютъ равныя права на общественныя должности, соотвѣтственно способностямъ cadaго»...

За женскія права горячо вступается Кондорсэ. Въ «Письмахъ Ньюгавенскаго мѣщанина», онъ доказываетъ, что права для всѣхъ разумныхъ человѣческихъ существъ должны быть равны, помимо пола, расы, религіи,—идея, не утратившая современности даже въ наше время, слишкомъ 100 лѣтъ позднѣе. «Не въ качествѣ ли разумныхъ существъ,—спрашива-

еть онъ въ «Письмахъ Ньюгавенскаго мѣщанина», — пользуются правами мужчины? А если такъ, женщины должны имѣть рѣшительно тѣ же права. Никакой индивидуумъ человѣческаго рода не имѣетъ своихъ особыхъ правъ, или вѣрнѣе — всѣ имѣютъ тѣ же; и тотъ, кто выступаетъ противъ правъ другого лица, къ какой бы религіи, расѣ или полу онъ ни принадлежалъ, — тѣмъ самымъ отрекается отъ собственныхъ правъ... Всѣ, конечно, соглашались съ принципомъ англичанъ, что по закону налоги обязанъ платить лишь тотъ, кто участвовалъ въ ихъ установленіи, хотя бы чрезъ своихъ представителей; и изъ этого принципа слѣдуетъ, что каждая женщина имѣетъ право отказывать въ уплатѣ парламентскихъ налоговъ».

Взгляды Кондорсэ, какъ видно изъ этихъ выдержекъ, и въ наше время могутъ вызвать филиппики со стороны приверженцевъ старины. Въ концѣ XVIII вѣка взгляды эти представляли явленіе исключительное и настолько революціонное, что передъ нимъ отступили даже самые ярые революціонеры.

Однимъ изъ главныхъ проповѣдниковъ закрѣпощенія женщины явился великій проповѣдникъ свободы — Ж. Ж. Руссо. Защитникъ всѣхъ униженныхъ и оскорбленныхъ, Руссо совѣмъ иначе чувствуетъ и мыслить, когда рѣчь идетъ объ интересахъ женскаго рода; и здѣсь, вмѣсто просвѣщеннаго, гуманнаго мыслителя, на сцену выступаетъ проповѣдникъ традиціонной теоріи, — ограниченный и близорукій. «Женщина, — по его мнѣнію, — создана, чтобы нравиться мужчинѣ. И все воспитаніе ея должно быть сообразовано съ этой цѣлью... Нравиться мужчинѣ, быть ему полезной... заботиться о немъ, помогать совѣтомъ, утѣшать его, дѣлать ему жизнь пріятной и веселой, — такова, — по мнѣнію Руссо, — испоконъ вѣковъ миссія женщины» *). Полное подчиненіе необходимо даже въ религіозныхъ вѣрованіяхъ. Также, какъ Плутархъ, Руссо утверждаетъ, что жена не должна знать другой религіи, кромѣ религіи мужа. «Если религія эта и ложная, — говоритъ Руссо, — покорность, съ какой жена и дочь подчиняются закону природы, изглаживаетъ передъ Создателемъ грѣхъ заблужденія. Неспособныя судить самостоятельно, онѣ должны принимать рѣшеніе своихъ отцовъ и мужей такъ, какъ еслибъ оно исходило отъ самой церкви».

Такъ было въ литературѣ того времени, — такъ было и въ жизни, при практическомъ примѣненіи идей XVIII вѣка. Въ 1789 г. авторы деклараціи человѣческихъ правъ не включили женщину въ понятіе человѣческаго существа, отказали ей въ тѣхъ правахъ, которыя предоставлялись рабамъ.

И въ ряду первыхъ противниковъ женской эмансипаціи выступили первые апостолы равенства — Мирабо и Робеспьеръ. А въ 1793 г., по предложенію Комитета Общественной Безопасности, конвентъ издалъ постановленіе о закрытіи женскихъ клубовъ, обществъ и собраній...

Факты, однако, нерѣдко расходились съ закономъ, съ абстрактными теоріями. Законъ, игнорируя женщину какъ индивидуальное существо, не

*) Примѣръ такого идеальнаго для женщины воспитанія мы встрѣчаемъ въ „Эмилѣ“ Руссо, гдѣ воспитаніе Софьи и Эмиля представляетъ полную противоположность.

предоставлять ей никакихъ правъ; зато онъ признавалъ за ней обязанности и, требуя подчиненія *statu quo*, ревниво слѣдилъ за ея мыслями и словами. Женщинѣ въ эпоху террора воспрещалось имѣть о вопросахъ социальныхъ и политическихъ особое мнѣніе, — мнѣніе, не совпадающее съ официально признаннымъ. Тѣ, которыя проявляли хотя бы пассивное сочувствіе не получившимъ правительственной санкці партіямъ, объявлялись подозрительными и нерѣдко жизнью платились за свое *profession de foi*.

Такимъ образомъ создавалось странное положеніе: не пользуясь никакими преимуществами закона, женщина несла на себѣ всѣ его тягости; лишенная всякихъ политическихъ правъ, она призывалась къ суду какъ представительница той или другой партіи, — слѣдовательно фактически признавалась членомъ государства *). Противорѣчіе это не разрѣшилось въ концѣ XVIII вѣка никакимъ законодательнымъ актомъ; но оно дало лучшимъ женщинамъ того времени нравственную силу и престижъ. Самоотверженной борьбой за идею г-жа Роланъ, Шарлотта Кордэ и другія знаменитыя ихъ современницы высоко подняли знамя женщины, и никакой законъ не могъ изгладить потрясающее впечатлѣніе ихъ геройской смерти.

Въ то время какъ во Франціи государственные реформаторы отстраняли женщину отъ братскаго пира свободы, а гуманные писатели проповѣдовали ея закрѣпощеніе, въ сосѣдней странѣ зарождалось въ пользу ея либеральное движеніе. Въ 1792 г. появилось сочиненіе извѣстной англійской писательницы, Мэри Уольстонкрафтъ, подъ заглавіемъ «Защита женскихъ правъ». Книга эта — тоже революціонный документъ, проектъ реформы всей социальной жизни, — реформы, основанной на разумѣ и отвлеченной справедливости: это своего рода декларация человѣческихъ правъ. Мэри Уольстонкрафтъ останавливается на вопросѣ: какъ относятся къ женщинѣ государство, общество и ея собственная семья? Какую роль играетъ она въ общественной и семейной жизни? Роль эта противорѣчитъ понятію о разумномъ существѣ. Все то, что дается мужчинѣ, — образованіе, умственные интересы, участіе въ политической и общественной жизни, — все это для женщины закрыто. Единственное призваніе ея — быть семьянишкой; но и къ этой цѣли она вполне не подготовлена. «Никогда, — говоритъ авторъ, — женщины не будутъ въ состояніи выполнить спеціальныя обязанности своего пола, пока онѣ не станутъ просвѣщенными гражданками, пока не будутъ въ состояніи самостоятельно зарабатывать себѣ средства существованія, независимо отъ мужчинъ; независимо — въ томъ же смыслѣ, въ какомъ одинъ мужчина независимъ отъ другого»... «Несовершенно то правительство, которое равнодушно ко благу половины своихъ членовъ и не заботится о томъ, чтобы открыть женщинамъ полезныя сферы дѣятельности. Чтобы част-

*) Разсказываютъ, что Наполеонъ, встрѣтивъ однажды вдову Кондорсе, убѣжденную республиканку, рѣзко замѣтилъ: „Сударыня, я не люблю женщинъ, вмѣшивающихся въ политику“. — „Вы правы, генераль“, — отвѣчала она, — но въ странѣ, гдѣ женщинъ гильотинируютъ, естественно, что онѣ желаютъ знать, почему это дѣлается“.

ныя добродѣтели ихъ были плодотворны для общества, женщины, въ бракѣ и внѣ брака, должны имѣть гражданское бытіе въ государствѣ»... Авторъ совѣтуетъ женщинамъ изучать политику, дабы на широкихъ основахъ строить благотворительность... При болѣе осмысленномъ воспитаніи, онѣ могли бы занимать различныя должности. Тогда дѣвушки не выходили бы замужъ изъ-за матеріальныхъ расчетовъ, подобно тому, какъ мужчины берутъ государственныя должности... «Притомъ, — замѣчаетъ авторъ, — что можетъ быть неприличнѣе, какъ вывозить въ свѣтъ молодую дѣвушку? Выставлять ее напоказъ въ богатыхъ нарядахъ, не значить ли, другими словами, выставлять ее на рынкѣ?»

Авторъ останавливается затѣмъ на двойственности въ положеніи женщинъ: съ одной стороны, онѣ—рабы, съ другой—деспоты. Та и другая роль недостойна разумнаго существа. «Когда я называю женщину рабой, — говоритъ авторъ, — я разумію ея гражданское и политическое значеніе, ибо косвенно у нея слишкомъ много власти... Исторія обнаруживаетъ цѣлый рядъ преступленій, совершенныхъ рабынями, хитростью восторжествовавшихъ надъ своими повелителями... Пусть же просвѣщенная нація попытается разумомъ возвратитъ женщинъ къ природѣ и къ долгу, и, позволивъ имъ раздѣлить съ мужчиной преимущества образованія и управленія, пусть испытаютъ, не станутъ ли онѣ лучше благодаря развитію и свободѣ. Женщина во всякомъ случаѣ не пострадаетъ отъ такого опыта, ибо еще болѣе принизитъ ее—не во власти мужчины». Для практическаго проведенія реформы авторъ предлагаетъ ввести совмѣстное обученіе мальчиковъ и дѣвочекъ. Преобразование должно было носить демократическій характеръ, а именно: для младшаго возраста (т.-е. до избранія специальныхъ предметовъ изученія) предполагалось учредить совмѣстную школу для всѣхъ классовъ—низшихъ и высшихъ, богатыхъ и бѣдныхъ, установивъ для всѣхъ одинаковую дисциплину и одинаковую форму одежды. Совмѣстное воспитаніе, не только дома, но и въ общественной школѣ, должно вести ко благу обоихъ половъ. «Если бракъ есть связующее звено общества, то человѣчество должно воспитываться по одному образцу, иначе мужчина и женщина никогда не будутъ идти рука объ руку въ жизни». Авторъ доказываетъ, что реформа образованія и положенія женщины столько же нужна для нея, сколько и для мужчины, столько же для общества, сколько и для семьи. «Тогда только, — говоритъ она, — женщина станетъ хорошей семейницей, когда ее освободятъ отъ всякихъ стѣсненій, позволивъ ей участвовать въ прирожденныхъ человѣчеству правахъ».

Книга Мэри Уольстонкрафтъ произвела тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе, что многіе ея взгляды были иллюстрированы жизнью самого автора. Съ юности Мэри Уольстонкрафтъ избрала тернистый путь соціального піонера. Она жила сама по себѣ, сбросивъ цѣпи свѣтской условности, не обращая вниманія на раздававшуюся кругомъ критику и брань, признавая единственнымъ авторитетомъ собственную совѣсть. Въ то время, въ концѣ XVIII в., общество стояло на рубежѣ между двумя міросозерцаніями. Время

было смутное. Отжившее старое не уступало добровольно новому теченію; на его сторонѣ былъ перевѣсъ традицій, укоренившася вліянія на массу. Лишь весьма немногіе передовые умы рѣшались перейти Рубиконъ, смѣло порвавъ съ отжившей стариной. Къ этимъ рѣдкимъ исключеніямъ принадлежала Мэри Уольстонкрафтъ. Вмѣстѣ съ Бёрнсомъ, Годвиномъ, Уордсвортомъ, она внесла свѣжую струю въ культурную исторію своей страны, пропагандируя новые взгляды на человѣка и его задачи, соціальныя и политическія. Роль новатора обыкновенно является ролью неблагодарной. Современники не могли простить брошеннаго имъ женщиной смѣлаго вызова; и образъ Мэри Уольстонкрафтъ, забрызганный грязью, дошелъ до насъ въ искаженномъ видѣ. Лучшее оправданіе ея—въ свидѣтельствѣ близко знавшихъ ее друзей, также въ ея собственныхъ письмахъ и мемуарахъ.

Въ своей пропагандѣ Мэри Уольстонкрафтъ является приемной дочерью французской революціи, болѣе вѣрной и послѣдовательной, чѣмъ родные сыны ея во Франціи. Реформаторы конца XVIII вѣка включили въ деклараціи правъ лишь половину человѣческаго рода, оставляя другую половину въ узахъ невѣжества и рабства: Мэри Уольстонкрафтъ мечтала о болѣе широкой реформѣ—о реформѣ для всего человѣческаго рода, безъ различія пола, расы и сословія.

Первая половина XIX вѣка не внесла никакихъ существенныхъ измѣненій въ положеніе англійской женщины. Мэри Уольстонкрафтъ, Сидней Смитъ, выступившій въ 1810 г. съ требованіемъ реформы женскаго образованія, Бэйли, авторъ трактата «Рациональное политическое представительство», и др. защитники женской эмансипаціи лишь подготовили почву для дальнѣйшаго развитія этого движенія: непосредственныхъ практическихъ результатовъ проповѣдь ихъ не имѣла.

Зачинается оно на почвѣ экономической. Въ концѣ XVIII и началѣ XIX в. женщина низшихъ классовъ поневолѣ бросаетъ домашній очагъ и выходитъ на рабочій рынокъ: машина повсемѣстно замѣнила ручной трудъ, вытѣснила классическую прядку.

Переворотъ сопровождается для женщины экономическимъ кризисомъ. Неопытной и безпомощной, нелегко было ей добывать себѣ мѣсто на рынкѣ труда. Какъ тяжелы были первые шаги ея на этомъ пути свидѣтельствуется знаменитая «Пѣснь о рубашкѣ», англійскаго поэта Томаса Гудъ. Въ ней рассказывается о горькой долѣ труженицы - швеи.

«Пѣснь о рубашкѣ», перепечатанная во всѣхъ англійскихъ періодическихъ изданіяхъ, переложеная и на музыку, приобрѣла громадную популярность. Она стала появляться даже на бумажныхъ носовыхъ платкахъ, возбуждая вездѣ горячій энтузіазмъ; она перешла Ламаншъ и облетѣла почти всю Европу...

Литература явилась, такимъ образомъ, выразительницей злобы дня.

Навстрѣчу экономическимъ запросамъ, тѣсно съ ними связанное, шло другое теченіе,—теченіе политическое.

Впервые вопросъ о женскихъ политическихъ правахъ выдвигается на первый планъ, привлекаетъ общее вниманіе въ эпоху дѣятельности Стюарта Милля. Эпоха эта имѣетъ настолько важное значеніе въ исторіи женскаго вопроса, что мы остановимся на главныхъ ея моментахъ.

Въ 1866 г. выступившій на первый планъ вопросъ о парламентской реформѣ въ Англіи естественно выдвинулъ вопросъ о политическихъ правахъ женщины. Съ цѣлью пропаганды этихъ правъ, въ Лондонѣ образовалось женское общество, въ которомъ приняли участіе выдающіяся общественныя дѣятельницы этого времени: миссъ Дэвисъ, миссъ Буперетъ, г-жа Бодিশонъ и др. Въ слѣдующемъ году общество это преобразовалось, принявъ названіе «Національнаго общества политическихъ правъ женщины», и въ томъ же году, 26 мая, президентъ его, Джонъ Стюартъ Милль внесъ въ парламентъ предложеніе о предоставленіи женщинамъ парламентскихъ избирательныхъ правъ. Предложеніе это явилось въ формѣ поправки къ биллю Дизраэли (лорда Биконсфильда) о реформѣ избирательныхъ правъ; а именно, Стюартъ Милль предлагалъ, говоря объ избирателяхъ, замѣнить слово «мужчина», выраженіемъ «лицо». Въ произнесенной 20 мая блестящей рѣчи, Стюартъ Милль остановился на вопросѣ, есть ли законная причина исключать изъ предѣловъ конституціи половину всей государственной общины? Можно ли утверждать, что женщины, которыя управляютъ помѣстьями, уплачиваютъ подати и налоги, которыя нерѣдко стоятъ во главѣ семьи, или же, въ качествѣ преподавательницъ, учатъ гораздо большому, чѣмъ знаютъ многіе и многіе изъ избирателей - мужчинъ, можно ли утверждать, что женщины эти неспособны исполнять тѣ функціи, для которыхъ пригоденъ каждый домовладѣлецъ-мужчина?

Между тѣмъ, лишеніе женщины представительства нарушаетъ одинъ изъ старинныхъ конституціонныхъ принциповъ, предоставляющій избирательныя права всѣмъ плательщикамъ податей. Развѣ женщины не платятъ податей? Развѣ онѣ «*sui juris*» не приносятъ казнѣ столько же доходовъ, какъ мужчины, пользующіеся избирательными правами? Конституціонныя лѣтописи свидѣтельствуютъ, что женщины имѣли нѣкогда избирательныя права въ графствахъ и нѣкоторыхъ городахъ.

Указавъ на отсутствіе всякихъ законныхъ поводовъ для отстраненія женщинъ отъ участія въ представительствѣ, Стюартъ Милль замѣтилъ, что возраженія на этотъ вопросъ главнымъ образомъ сводятся къ обычаю; «но вѣдь въ палатѣ общинъ, надо полагать, существуетъ аппеляція отъ обычая къ высшему трибуналу, въ которомъ судьей является разумъ». Стюартъ Милль подробно разбираетъ тѣ афоризмы, на которые обыкновенно ссылаются, отказывая женщинамъ въ политическихъ правахъ. Говорятъ, во-первыхъ, что политика не касается женщинъ и отвлекаетъ ихъ отъ исполненія свойственныхъ имъ обязанностей. Во-вторыхъ, женщины сами не желаютъ права голоса. Въ-третьихъ, женщины въ достаточной степени представляемы своими родственниками мужчинами; и, въ-четвертыхъ, онѣ и такъ имѣютъ достаточно вліянія. Отвѣчая на первое возраженіе, что

политика—не женское дѣло, Стюартъ Милль замѣтилъ, что она не является и спеціальностью мужчины, исключая тѣхъ, которые за жалованье отдають свое время общественной службѣ, или же состоятъ членами парламента. Громадное большинство избирателей имѣютъ каждый свое собственное дѣло, поглощающее почти все его время; но развѣ немногіе часы, отнимаемые разъ въ нѣсколько лѣтъ выборами, отвлекаютъ ихъ отъ лавки или конторы? Неужели тѣ, у которыхъ есть право голоса, худшіе торговцы, худшіе адвокаты или доктора?

Обычныя занятія женщины—домашняго характера, но развѣ занятія эти не совмѣстимы съ живымъ интересомъ къ великимъ вопросамъ, касающимся націи и всего человѣчества? Предположеніе это такъ же неосновательно, какъ опасеніе, что ремесленники оставлятъ свои мастерскія и фабрики, если ихъ научатъ читать.

Нѣтъ, дѣло не въ томъ, но есть смутное чувство, чувство, которое стыдятся открыто высказывать, что женщина ничѣмъ не должна интересоваться, что единственная ея забота—быть полезной и преданной слугой какого-нибудь мужчины. Но такое стремленіе—конфисковать все существованіе половины человѣчества для предполагаемаго удобства другой половины—стремленіе не только низкое, но и нелѣпое. «Понятіе о демаркаціонной линіи между занятіями мужчины и женщины—принадлежитъ къ отжившему общественному порядку. Говоря о политическихъ революціяхъ, не обращаютъ вниманія на совершившійся въ нашей семейной жизни безмолвный переворотъ: мужчина и женщина впервые дѣйствительно являются товарищами. Въ прежнее время мужчина проводилъ жизнь въ мужскомъ обществѣ—съ товарищами и друзьями. Теперь въ интеллигентномъ обществѣ все измѣнилось: жена—главный товарищъ, другъ, часто совѣтчикъ мужа. Хорошо ли мужчйнѣ жить въ тѣсномъ сообществѣ мыслей и чувствъ съ существомъ, которое тщательно стараются держать въ подчиненіи,—котораго всѣ земные интересы сужены четырьмя стѣнами ея жилища. Настало время когда или женщина поднимется до уровня мужчины, или мужчина унижится до ея уровня. Женщина въ семьѣ является или тормозомъ, или стимуломъ для высшихъ его стремленій».

Милль переходитъ затѣмъ ко второму аргументу, будто бы женщины не желаютъ права голоса. «Еслибъ это было такъ,—замѣтилъ онъ,—это бы только доказывало, что, благодаря притупляющимъ вліяніямъ, сознаніе и умъ женщины все еще дремлютъ. Но это не такъ: масса женщинъ желаютъ имѣть право голоса, и выражали это желаніе въ петиціяхъ къ парламенту. Тѣ, которыя не нуждаются въ этихъ правахъ, не будутъ ими пользоваться. Тѣ же, сколько бы ихъ ни было, которыя цѣнятъ это преимущество, воспользуются имъ. Въ то же время мѣра эта сниметъ позорное пятно съ половины человѣческаго рода. Законъ не будетъ игнорировать мѣншія и желанія женщинъ по вопросамъ, которые ихъ касаются столько же, сколько мужчинъ, иногда даже болѣе, чѣмъ мужчинъ. Женщины не будутъ болѣе причислены къ разряду дѣтей, идиотовъ и психопатовъ, неспо-

способных заботиться о себѣ и другихъ и нуждающихся, чтобъ все для нихъ дѣлалось безъ ихъ согласія.

Стюартъ Милль разсматриваетъ затѣмъ третій аргументъ, будто бы женщины не нуждаются въ политическихъ правахъ, такъ какъ уже обладаютъ ими черезъ свое вліяніе на мужчинъ—родныхъ и близкихъ.

«Разовьемъ этотъ аргументъ далѣе,—говоритъ Милль.—Богатые пользуются большимъ косвеннымъ вліяніемъ. Развѣ это причина, чтобъ отказывать имъ въ правѣ голоса? Да, женщины имѣютъ большое вліяніе, но онѣ пользуются имъ при наихудшихъ условіяхъ, ибо вліяніе это—косвенное и, слѣдовательно, не влечетъ за собой отвѣтственности. «Желательно, чтобъ власть эта была отвѣтственна. Желательно, чтобъ женщина видѣла въ ней не одно средство личнаго вліянія, чтобъ вліяніе ея проявлялось въ человѣческомъ обмѣнѣ мыслей, а не посредствомъ лести. Желательно, чтобъ въ ней пробудилось чувство гражданской чести. Въ настоящее время власть женщины подобна пробирающейся съ задняго крыльца куртизанкѣ. Быть можетъ скажутъ, что отсутствіе права голоса не повлечетъ за собой практическаго ущерба для женщинъ. Интересы ихъ, скажутъ, въ рукахъ ихъ отцовъ, мужей, братьевъ, и интересы тѣхъ и другихъ—тождественны. То же самое говорилось о всѣхъ лишенныхъ представительства сословіяхъ. Развѣ въ принципѣ рабочіе не представлены ихъ нанимателями? И развѣ правильно понимаемые ихъ интересы не совпадаютъ? Развѣ арендаторъ не заинтересованъ столько же, сколько землепашецъ въ процвѣтаніи земледѣлія? Всѣ эти афоризмы такъ же справедливы и цѣлесообразны, какъ и соответствующія утвержденія относительно мужчинъ и женщинъ. Но вѣдь мы живемъ не въ Аркадіи, а *in foese Romuli*. И прежде чѣмъ утверждать, что женщины не страдаютъ отъ лишенія права голоса, надо разсмотрѣть, нѣтъ ли у нихъ повода для жалобъ? Такъ же ли благоприятны имъ законъ и практика жизни, какъ мужчинамъ? Возьмемъ для примѣра вопросъ обученія. Мы постоянно слышимъ, что важнѣйшая часть національнаго обученія въ рукахъ матерей, воспитывающихъ будущихъ гражданъ. Но много ли есть отцовъ, которые столько же заботятся и тратятъ на образованіе дочерей, какъ и сыновей? Гдѣ же предназначенные для нихъ университеты, высшія учебныя заведенія? Что случилось съ пожертвованіями нашихъ предковъ, предназначенными на цѣли образованія обоихъ половъ? Одно изъ самыхъ крупныхъ пожертвованій, такъ называемое Christ's Hospital, прямо предназначено для дѣтей обоюбого пола; между тѣмъ на эти средства содержатся и воспитываются въ настоящее время 1,100 мальчиковъ и всего 26 дѣвочекъ».

Стюартъ Милль говоритъ далѣе о недопущеніи женщинъ къ различнымъ отраслямъ дѣятельности, о неравенствѣ въ бракѣ, неравенствѣ въ имущественныхъ правахъ и т. д. И доказывая несправедливость къ женщинамъ закона и обычая, онъ требуетъ для нея избирательныхъ правъ,—правъ, принадлежащихъ членамъ каждой мелкой торговли или профессіи,—выбирать нѣсколько лицъ для защиты тѣхъ или другихъ своихъ интересовъ.

Мы подробно остановились на главныхъ аргументахъ Стюарта Милля въ пользу женской политической эмансипаціи, такъ какъ аргументы эти и донынѣ сохраняютъ свое значеніе и практическій интересъ. Рѣчь его нашла горячій откликъ во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ Европы. Не такъ отнесся къ ней парламентъ: изъ всѣхъ членовъ палаты общинъ всего 81 членомъ высказалось за предложеніе Стюарта Милля.

Реформа была отвергнута; тѣмъ не менѣе толчокъ былъ данъ. Съ 1867 года агитація въ пользу политическаго уравниенія женщинъ принимаетъ уже характеръ не случайной вспышки, а постоянного, правильно организованнаго движенія. Минутами оно ослабѣваетъ, какъ бы замираетъ, чтобъ возгорѣться затѣмъ съ новой силой.

Но въ моменты ослабленія, также какъ энтузіазма, такъ называемый женскій вопросъ въ Англіи никогда не сходилъ съ той строго-легальной, практической почвы, на которую поставилъ его Стюартъ Милль въ знаменитой своей рѣчи 25 мая. Нападая на старинную крѣпость отжившихъ обычаевъ и предразсудковъ, Стюартъ Милль всегда строго придерживался умѣренности и здраваго смысла. Онъ требовалъ для женщины политическихъ правъ въ силу не отвлеченныхъ теорій, а главнымъ образомъ на основаніи практическихъ соображеній. «Я не хочу сказать,—говорилъ онъ въ своей рѣчи 20 мая,—что избирательное право или какая-либо другая общественная должность—есть право отвлеченное... Мой аргументъ основанъ на цѣлесообразности. Но существуютъ различнаго рода цѣлесообразности, и всѣ не на одномъ и томъ же уровнѣ: есть важный родъ цѣлесообразности, именуемый справедливостью; и хотя, во имя ея, мы не обязаны каждому предоставлять политическія функціи, тѣмъ не менѣе справедливость требуетъ, чтобъ мы безъ уважительныхъ причинъ не отказывали одному въ томъ, что даемъ другому».

Прежде чѣмъ переходить къ дальнѣйшей судьбѣ женскаго политическаго движенія, скажемъ нѣсколько словъ объ отношеніи его и связи съ пропагандой Стюарта Милля. Противники знаменитаго ученаго нерѣдко приписываютъ ему преувеличенную роль въ исторіи женскаго движенія. По ихъ словамъ, не будь Стюарта Милля, не было бы тѣхъ жалобъ, недовольства, требованій, которыя раздаются теперь со стороны женщинъ какъ въ частной жизни, такъ въ печати и въ обществѣ. Это онъ, Стюартъ Милль, внесъ раздоръ и несогласія въ отношенія мужчинъ и женщинъ; онъ пошатнулъ семейные устои, поджогъ мирные очаги; и теперь пожаръ грозитъ захватить всю страну. На эти упреки мы отвѣтимъ вопросомъ: возможенъ ли пожаръ, если нѣтъ горячаго матеріала? Могло ли пошатнуться старинное зданіе социальныхъ отношеній, еслибы устои его были тверды? Нѣтъ, великіе социальные перевороты не совершаются по волѣ отдѣльныхъ лицъ. Стюартъ Милль явился первымъ инициаторомъ, первымъ общественнымъ дѣятелемъ, серьезно поставившимъ вопросъ о правахъ и обязанностяхъ женщины. Онъ ярко и конкретно выразилъ взгляды, уже смутно сознаваемые въ массѣ,—взгляды, которые и раньше высказывались въ сочиненіяхъ пе-

редовыхъ мыслителей. Въ то время не настала еще минута для проведенія этихъ взглядовъ въ жизни: Стюартъ Милль отмѣтилъ и выразилъ давно уже подготовлявшійся культурный переворотъ.

Говоря о своей литературной и политической пропагандѣ женскихъ правъ, онъ самъ всегда отрицалъ приписываемую ему преувеличенную роль. Въ своей рѣчи (въ Гринвичѣ) въ 1870 году онъ поправилъ оратора, назвавшего его первымъ адвокатомъ эмансипаціи женщинъ. «Тѣ же взгляды, — замѣтилъ онъ, — и въ прежніе вѣка высказывали нѣкоторые выдающіеся философы и многія благородныя женщины». Тѣмъ не менѣе, пропаганда Стюарта Милля составляетъ эпоху въ исторіи женскаго политическаго движенія. Никогда еще, послѣ французской революціи, не открывалось передъ женщиной такой широкой, заманчивой перспективы. До этого времени она жила въ четырехъ стѣнахъ своего «home», подчиняясь специально для нея выработанному узкому кодексу морали и права. Но сознаніе несправедливости этихъ порядковъ уже смутно носилось въ воздухѣ, выражаясь въ частныхъ, единичныхъ случаяхъ.

Пропаганда Стюарта Милля ярко выразила то, что многими неясно сознавалось; объединила подъ однимъ флагомъ всѣхъ тѣхъ, кто стоялъ за справедливость противъ устарѣвшихъ предразсудковъ. Послѣ 1867 г. женское политическое движеніе уже входитъ въ анналы исторіи. Какъ практическій результатъ поднятой агитаціи, явилось предоставленіе женщинамъ муниципальных правъ: въ 1863 г. онѣ получили право участія въ муниципальных выборахъ. Въ 1870 г. билль Форстера далъ имъ право избранія и участія въ школьныхъ совѣтахъ.

Горячій энтузіазмъ, вызванный пропагандой Стюарта Милля, постепенно уступилъ мѣсто болѣе спокойному, трезвому отношенію къ дѣлу: бурный потокъ вступилъ въ русло, принялъ правильное теченіе.

Понесенное въ парламентъ пораженіе не охладило единомышленниковъ Стюарта Милля. Оно лишь отодвинуло конечную цѣль.

Послѣ 1867 года движеніе сосредоточивается въ «Національномъ обществѣ избирательныхъ правъ женщинъ». Посредствомъ литературной пропаганды, ассоціацій, митинговъ оно вліяетъ на традиціонныя общественныя взгляды, внося новыя, болѣе спрavedливыя понятія, расшатывая ту китайскую стѣну, которая отдѣляла, въ общественномъ мнѣніи, дѣятельность мужчины и женщины. «Мы не хотимъ, — читаемъ мы въ воззваніи одного женскаго политическаго союза, — мы не хотимъ стоять на одной доскѣ съ душевно-больными, если мы въ здоровомъ умѣ; съ преступниками, если мы исполняемъ законы; съ нищими, если мы уплачиваемъ налоги; съ дѣтьми, если мы совершеннолѣтнія».

Въ то же время, петиціями, представленіемъ въ парламентъ биллей, Національное общество изъ года въ годъ напоминаетъ правительству о желаніяхъ и требованіяхъ значительной части націи. Правда, и петиціи, и билли систематически отклонялись. Противъ политическихъ правъ женщины выставлялся цѣлый арсеналъ традиціонныхъ аргументовъ: говорили, что мѣсто

женщины — у семейнаго очага; что политическія права лишать ее присущихъ ей внѣшнихъ и внутреннихъ качествъ и т. п. Опровергнуть всѣ эти аргументы было не трудно; и тогда противники женской эмансипаціи прибѣгали къ тому оружію, противъ котораго всего труднѣе бороться: къ ироніи, къ насмѣшкѣ.

Женское политическое движеніе старались изобразить въ комичномъ свѣтѣ, какъ жалкій фарсъ, затѣянный горстью синихъ чулковъ, и ихъ рыцарей—современныхъ Донъ-Кихотовъ. Но «Національное общество» не унывало, не падало духомъ; оно спокойно и стойко продолжало идти по намѣченному пути.

Дѣятельность «Національнаго общества» можно подраздѣлить на 3 главныхъ періода. Время отъ 1867 до 72 года, когда адвокатура Стюарта Милля въ пользу политическихъ правъ женщинъ впервые открыто выдвинула вопросъ этотъ передъ парламентомъ и обществомъ: это періодъ рекогносцировки,—общей подготовительной дѣятельности. Вопросъ о женскихъ правахъ сталъ предметомъ полемики и преній. Къ изученію его обратились многіе адвокаты, съ юридической стороны высказывавшіе тѣ или другіе взгляды. Тотъ же вопросъ, о внесеніи женщинъ въ списки избирателей, былъ представленъ въ королевскій судъ, причемъ послѣдній высказался отрицательно.

Въ 1872 году въ Лондонѣ организовался центральный комитетъ, объединившій образовавшіяся въ различныхъ мѣстностяхъ женскія политическія общества. Періодъ этотъ, отъ 1872 до 1886 гг. можно назвать временемъ сосредоточенной дѣятельности поборниковъ женскихъ правъ. Каждый годъ либеральные и консервативные члены парламента представляли билли о женскихъ правахъ; каждый годъ, во время парламентской сессіи, въ Лондонѣ собирались митинги депутатовъ всѣхъ провинціальныхъ женскихъ политическихъ обществъ; повсемѣстно устраивались лекціи, собранія, подавались петиціи, издавались брошюрки и *Журналъ избирательныхъ правъ женщины*.

Съ 1886 года начинается 3-й періодъ—раздробленной дѣятельности. До этого времени политическія стремленія женщинъ направлялись къ одной опредѣленной цѣли: къ участію въ избирательныхъ правахъ. Теперь стремленія ихъ дробятся. Основывается рядъ другихъ новыхъ женскихъ обществъ, съ иными задачами и цѣлями; одни, преслѣдуя общія политическія цѣли, поддерживаютъ либеральную партію въ парламентѣ; другія стремятся поднять экономическое положеніе женщины; третьи добиваются для нихъ участія въ мѣстномъ самоуправленіи, въ приходскихъ, муниципальных совѣтахъ и т. д.

Но рядомъ съ этими новыми разнообразными движеніями, продолжается изъ года въ годъ и дѣятельная пропаганда въ парламентѣ и обществѣ въ пользу женскихъ избирательныхъ правъ: какъ тутъ, такъ и тамъ намѣчаются двѣ партіи, враговъ и сторонниковъ этого вопроса. Интересно взглянуть, на какіе аргументы опираются тѣ и другіе? Какъ ведется борьба?

Обратимся сначала къ парламенту.

Послѣ знаменитаго парламентскаго засѣданія 20 мая 1867 г., въ палату общинъ много разъ вносился билль о женскихъ избирательныхъ правахъ, и столько же разъ онъ отвергался болѣе или менѣе значительнымъ большинствомъ—судя по данному составу парламента.

Какіе же аргументы и мотивы приводились при этомъ оппонентами билля?

Чтобъ ознакомиться съ ними, бросимъ взглядъ на парламентское засѣданіе 27 апрѣля 1892 г. Въ этотъ день сэръ Роллитъ внесъ билль, предоставлявшій парламентскія избирательныя права всѣмъ женщинамъ, имѣющимъ право участвовать въ муниципальных выборахъ. Предложеніе его, подтвержденное историческими, юридическими и практическими доводами, встрѣтило рядъ возраженій.

Одинъ изъ оппонентовъ, м-ръ Смитъ, обратился къ сочленамъ съ предостереженіемъ. Что станетъ съ этимъ великимъ законодательнымъ учрежденіемъ, если женщины, не удовольствовавшись избирательными правами, потребуютъ еще права засѣдать въ парламентѣ?! Закрывать глаза на эту опасность—все равно, что «летѣть въ экипажѣ по крутому спуску, который ведетъ въ пропасть». Видано ли, чтобъ некомпетентной массѣ когда-либо вручали такія отвѣтственныя обязанности? Ежедневно обсуждая политическіе вопросы, мужчины составили себѣ образъ мнѣній. Почти всѣ читаютъ газеты и посѣщаютъ митинги. А женщины? Едва ли одинъ милліонъ изъ 10—11 мил. женщинъ прочтутъ политическую рѣчь, интересуются политикой... Ораторъ доказываетъ далѣе, что сфера женщины совсѣмъ иная; что она живетъ болѣе сердцемъ, чѣмъ умомъ; что по словамъ Мильтона:

«Для созерцанія и доблести онъ созданъ;

«Она—для кротости и женственной красоты;

«Онъ—поклоняться Богу созданъ,

Она—чтобъ поклоняться Богу въ немъ».

Поэтически настроенный, ораторъ великодушно признавалъ, что женщины нравственно выше мужчины, сердечнѣе и чище; но именно, чтобъ сохранить эти прекрасныя качества, не слѣдуетъ пускать ихъ за семейную черту. «Отъ начала до конца, Библія требуетъ подчиненія женщины—мужу, въ бракѣ особенно. И этотъ божественный законъ подтверждается всей исторіей». Къ тому же, громадное большинство женщинъ не желаютъ избирательныхъ правъ; зачѣмъ же ничтожное меньшинство навязываетъ имъ эти права?

Установивъ нравственную высоту женщины рядомъ съ ея политическимъ индифферентизмомъ, м-ръ Смитъ развернулъ передъ парламентомъ страшную картину всѣхъ ожидающихъ страну бѣдствій въ случаѣ принятія билля.

Въ разгоряченной фантазіи оратора рисуется нѣчто вродѣ паденія Римской имперіи. Дарованіе имъ правъ будетъ началомъ государственнаго разложенія. Женщины примкнутъ къ соціальному и клерикальному движенію.

Можно ли поручиться, что страна выдержитъ подобную революцію! А результаты многолѣтняго опыта — политическаго, финансоваго, коммерческаго? Все будетъ ввергнуто въ плавильный котелъ, и кто вѣдаетъ — что отсюда возникнетъ?

Эту трагическую картину другой ораторъ, сэръ Бартелотъ, дополнилъ описаніемъ крушенія семейной жизни. Эмансипированная женщина не будетъ исключительно стремиться къ браку. Общее теченіе захватить и замужнихъ женщинъ; и онѣ потребуютъ себѣ правъ, промѣняютъ на политическую арену все, что дорого имъ и свято; возстанутъ противъ мужчинъ, противъ собственныхъ мужей. Онѣ проникнутъ въ святая святыхъ — въ парламентъ, и не успокоятся, пока не получатъ всѣ присущія намъ, какъ членамъ парламента, привилегіи. «И даже вамъ, г-нъ Спикеръ, — воскликнулъ ораторъ, — быть можетъ, пришлось бы имѣть своимъ оппонентомъ даму!»

Рядомъ съ этими полными гиперболей и пафоса рѣчами, отвѣты защитниковъ билля поражаютъ умѣренностью, выдержкой, спокойствіемъ тона. Буря смѣнилась затишьемъ. Въ отвѣтъ на аргументъ — будто бы женщины сами не желаютъ правъ, м-ръ Вудаль замѣтилъ, что то-же самое говорилось во время борьбы за освобожденіе негровъ: увѣряли, что рабы сами не желаютъ свободы. То-же повторилось, когда поднялся вопросъ о расширеніи парламентскихъ избирательныхъ правъ: говорили, что крестьяне не хотятъ этихъ правъ. Но значительное количество женщинъ несомнѣнно желаютъ правъ, — доказательствомъ служатъ ихъ петиціи. Почему же отказывать имъ въ справедливомъ требованіи на томъ основаніи, что есть другія, которыя къ нимъ равнодушны? Послѣднія могутъ ими и не пользоваться: никто не принуждаетъ ихъ къ политической дѣятельности. И какъ примирить два противоположныхъ возраженія? Если женщины добиваются правъ, представляютъ петиціи, — ихъ называютъ агитаторами, дѣйствующими посредствомъ организацій. Если женщина не агитаторъ, — говорятъ: «вотъ видите, онѣ сами не желаютъ избирательныхъ правъ».

Переходя къ аргументу, будто бы политическая эмансипація женщинъ пошатнетъ семейный очагъ, м-ръ Вудаль напомнилъ, что у массы женщинъ такого очага нѣтъ и быть не можетъ, какъ по экономическимъ причинамъ, такъ и вслѣдствіе численнаго перевѣса женщинъ. Многія принуждены тяжелымъ трудомъ зарабатывать себѣ жизнь; не справедливо ли предоставить имъ участіе въ рѣшеніи непосредственно ихъ касающихся вопросовъ? Гладстонъ самъ призналъ и прямо высказалъ, что «мужчины часто не честно охраняли женскія права по отношенію къ соціальному и экономическому равенству». И какая иронія въ постановкѣ всего вопроса! Тѣ, которые такъ возстаютъ противъ женской эмансипаціи — сами первые вовлекаютъ женщину въ потокъ политической борьбы, первые стараются воспользоваться ея вліяніемъ во время парламентскихъ выборовъ!

Мы привели главные аргументы pro и contra во время парламентскихъ дебатовъ 27 апрѣля 1892 года. Они характеризуютъ постановку даннаго вопроса такъ же, какъ отношеніе къ нему представителей той и другой

партія. Отрицательный результат дебатовъ выразился въ большинствѣ 22 голосовъ: 183 человѣка голосовали за билль и 202—противъ него. Интересно сравнить съ засѣданіемъ 27 апрѣля 1892 г.—позднѣйшую аналогичную попытку друзей женской эмансипаціи 3 февраля 1897 года. Въ этотъ день билль о женскихъ правахъ былъ представленъ членомъ парламента мистеромъ Бэгъ. Въ предупрежденіе всѣхъ обычныхъ традиціонныхъ возраженій, м-ръ Бэгъ провелъ параллель между женщинами, которыя добиваются политическихъ правъ, и той массой избирателей, которая уже ими пользуется. Доводы свои м-ръ Бэгъ иллюстрировалъ статистическими цифрами. Онъ указалъ, что въ послѣднихъ выборахъ участвовало 73,000 безграмотныхъ избирателей. Между тѣмъ добивающіяся правъ женщины не только всѣ грамотны, но большинство съ среднимъ или высшимъ образованіемъ. Также благоприятны женщинамъ и цифры, свидѣтельствующія о нравственномъ развитіи населенія. Уголовная статистика показываетъ, что несмотря на численный перевѣсъ женщинъ, перевѣсъ преступленій на сторонѣ мужчинъ: за 1896 г. судами присяжныхъ и мировыхъ судей приговорено было: 8,426 мужчинъ и всего 1,267 женщинъ.

Между тѣмъ женщины, по политической безправности, стоятъ на одной доскѣ съ несовершеннолѣтними, душевно-больными, нищими и преступниками. Что же касается до обычнаго аргумента, что женщины физически слабѣе, что онѣ не могутъ нести военной повинности,—то многіе ли изъ членовъ парламента подготовлены для такой дѣятельности? Изъ всей палаты общинъ не болѣе 2 человѣкъ владѣютъ оружіемъ. Слѣдовательно, участіе ихъ въ войнѣ—лишь косвенное, а военные налоги и контрибуціи налагаются на всѣхъ жителей имперіи, безъ различія пола. Нельзя въ настоящее время опираться и на аргументы несостоятельности и неспособности женщинъ. Въ послѣдніе годы мѣстные избирательныя права ихъ расширены; онѣ получили доступъ въ попечительныя, муниципальныя и школьныя совѣты; онѣ участвуютъ въ выборахъ графскихъ совѣтовъ; и опытъ вполне подтвердилъ ихъ способность отправлять всѣ эти общественныя должности. Наконецъ, способности ихъ были испробованы и на болѣе широкой политической аренѣ. Съ 1894 г. женщины въ Южной Австраліи получили равныя съ мужчинами политическія права; и мѣра эта, по общимъ отзывамъ, дала одни благое результаты. Та же реформа, годомъ ранѣе, съ такимъ же успѣхомъ введена была въ Новой Зеландіи.

Фактически агитація женщинъ на выборахъ не только допускается въ Англіи, но и поощряется самыми ярыми врагами реформы. Заискивать передъ женщинами на выборахъ, и въ то же время отрицать ихъ право голоса,—гдѣ же тутъ послѣдовательность?

Возражаютъ иногда, что женщины слишкомъ чисты, слишкомъ хороши для политики. М-ръ Гладстонъ говорилъ, что дать женщинамъ политическія права, это значитъ лишить се той чистоты, деликатности и изящества, которыя являются теперь источникомъ ея силы. Но если политика унижаетъ женщину,—она унижаетъ и мужчину; а если такъ,—лучше устраниваться отъ политики

и предоставить ее отребью человѣческаго рода. Ораторъ остановился далѣе на вопросѣ,—какой вредъ можетъ принести реформа? Въ продолженіе нѣсколькихъ тысячелѣтій мужчины управляли міромъ; и результатъ ихъ управленія—страшнѣйшій безпорядокъ и хаосъ; 100 миллионные бюджеты, избіенія, голодъ, мятежи, военныя вооруженія и т. д. Неужели участіе въ управленіи женщинъ можетъ ухудшить положеніе дѣлъ!

Мистеру Бэгъ возражали два оратора—Кукъ и Лабушеръ, извѣстный представитель радикальной партіи: господа эти выдвинули новый любопытный аргументъ. М-ръ Кукъ представилъ краткую картину развитія и образованія имперіи. Всѣ великіе памятники цивилизаціи—пути сообщенія, зданія, порты и т. д.—все создано руками мужчинъ; отсюда выводъ: одни мужчины достойны управлять имперіей! Оппоненты такимъ образомъ перешли къ новой постановкѣ вопроса: до сихъ поръ доказывали, что политическая арена недостойна женщины, что она оскверняетъ, забрызгиваетъ грязью ея чистый, прекрасный образъ. Теперь, наоборотъ, утверждали, что женщина недостойна политическихъ правъ; что все оправданіе ея существованія—въ семьѣ, въ продолженіи человѣческаго рода; что, согласно греческимъ взглядамъ,—лучшая женщина та, о которой менѣе всего слышно; а по римскимъ—та, которая, живя безпорочно, прядетъ шерсть и смотритъ за домашнимъ хозяйствомъ.

За эту сомнительную аргументаціей послѣдовали столь же сомнительнаго свойства остроты, вродѣ того—что парламентъ не въ состояніи измѣнить различія половъ; что если женщина пойдетъ въ политику, то мужчинамъ придется нянчить дѣтей, готовить обѣдъ, вести домашнее хозяйство и т. п.

Въ это самое время м-ръ Кукъ съ пафосомъ говорилъ о величій законодательнаго собранія, а м-ръ Лабушеръ предсказывалъ, что это священное собраніе въ присутствіи женщинъ обратится въ клубъ, что въ концѣ концовъ ничего болѣе не останется святого, заветнаго. Рядомъ съ этими пересыпанными буффонствомъ декламаціями, на свѣтъ проявились и любопытныя разоблаченія. Доказывая несостоятельность и ничтожество женскаго движенія, м-ръ Кукъ бросилъ инсинуацію на цѣлый рядъ своихъ товарищей—защитниковъ билля. Одинъ, по его словамъ, признавался, что стоялъ за билль лишь въ угоду своей матери; другіе подали за него голосъ въ оплату тѣмъ женщинамъ, которыя агитировали за нихъ на выборахъ, третьи тоже, такъ или иначе, являлись жертвами женщинъ, и только шепотомъ высказывали надежду, что билль провалится...

Самъ Лабушеръ признался, что въ 1867 г. онъ вотировалъ за одно со Стюартомъ Миллемъ лишь смѣху ради; съ тѣхъ поръ онъ исправился и искупаетъ свою шутку тѣмъ, что всѣми средствами противится полученію женщинами политическихъ правъ.

По общему признанію, противники билля сыграли 3 февраля 1897 года въ руку его защитникамъ. М-ры Лабушеръ и Кукъ скомпрометировали собственныхъ единомышленниковъ; и поведеніе ихъ отразилось на баллоти-

ровѣ: 228 членовъ высказались за билль, 157—противъ него. Билль былъ принятъ большинствомъ 71 голосовъ. Громадный энтузіазмъ привѣтствовалъ эту побѣду не только среди женскихъ политическихъ организацій, но также въ филантропическихъ, педагогическихъ и многихъ другихъ обществахъ. Но побѣда была лишь временная, призрачная. Чтобы стать закономъ, всякій билль въ Англіи долженъ пройти 3-е чтеніе. Не допустить его до 3-го обсужденія — къ этому направилась вся изобрѣтательность его противниковъ. Законъ предоставлялъ для этого цѣлый рядъ парламентскихъ уловокъ; ими и воспользовалась партія Лабушера, Кука и комп., оставшись при этомъ вѣрной своей первоначальной тактикѣ. Всѣ аргументы противъ женскихъ политическихъ правъ были уже давно исчерпаны; гораздо удобнѣе было отнестись къ биллю, какъ къ веселой, забавной шуткѣ. И вотъ, когда въ концѣ парламентской сессіи, 7 іюля 1897 года, насталъ день, предоставленный для 3-го чтенія билля, палата общинъ усердно занялась разборомъ другого, назначеннаго на тотъ же день вопроса: о борьбѣ съ наѣзковыми, которыя ввозятся въ Англію переселенцами. Вопросъ этотъ ни для кого не представлялъ интереса; но надо было выиграть время, не допустить чтенія билля о женскихъ правахъ. И при общемъ хохотѣ, шуткахъ и островахъ (причемъ особенно отличался м-ръ Лабушеръ) депутаты въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ дебатировали вопросъ о разновидностяхъ наѣзковыхъ, о томъ, кто долженъ съ ними бороться и т. д. Палата разошлась, прежде чѣмъ очередь дошла до билля о женскихъ избирательныхъ правахъ. Многіе органы печати, даже враждебные биллю, строго осуждали продѣланную палатой общинъ комедію.

Такъ закончилась исторія послѣдняго парламентскаго билля о женскихъ правахъ. Этотъ новый ударъ не ослабилъ движенія, не лишилъ энергіи его приверженцевъ. Катастрофа къ тому же не представляла ничего новаго: и ранѣе (въ 1870 г.) подобные билли проходили во второмъ чтеніи, не достигая третьяго. Неудача показывала лишь необходимость удвоить энергію и силы. «Национальный союзъ женскихъ избирательныхъ правъ» обратился въ прошломъ году къ новой системѣ пропаганды. Въ каждомъ избирательномъ округѣ рѣшено назначать спеціальнаго мѣстнаго почетнаго секретаря: секретарь, отвѣтственный передъ центральнымъ комитетомъ, даетъ мѣстному обществу свѣдѣнія о женскомъ политическомъ движеніи, ведетъ литературную пропаганду, вербуетъ въ національный союзъ новыхъ членовъ и т. д.

Нельзя предсказать, какіе результаты дастъ централизованная дѣятельность женскихъ политическихъ обществъ въ Англіи; но нѣтъ сомнѣнія, что успѣхъ движенія—лишь вопросъ времени.

Правда, въ парламентскихъ анналахъ исторія женскаго вопроса не представляетъ значительнаго прогресса. Со времени Стюарта Милля, палата общинъ попрежнему остается, по отношенію къ этому вопросу, неприступной крѣпостью предразсудковъ. Но есть одно орудіе, противъ котораго едва ли устоитъ эта крѣпость; и это орудіе постепенно склоняется на сторону женщины. Мы говоримъ объ общественномъ мнѣніи. Обществен-

ное мнѣніе въ Англии—это рычагъ, направляющій всю социальную и политическую жизнь. Центральное правительство, палата общинъ, палата лордовъ,—всѣ, въ концѣ-концовъ, должны склониться предъ высшимъ ареопагомъ, который именуется общественнымъ мнѣніемъ. Трудно статистическими цифрами прослѣдить отношеніе къ женскому движению англійскаго общества. Такія цифры существуютъ лишь въ немногихъ документахъ, какъ, наприм., въ петиціяхъ къ парламенту. Мы знаемъ, что первая петиція въ 1867 г. была подана за подписью 1,499 женщинъ; въ 1873 году петицію подписали 11,000 женщинъ, а въ 1896 г.—257,000. Можно также приблизительно опредѣлить число членовъ многочисленныхъ политическихъ женскихъ обществъ.

Вотъ и всѣ статистическія данныя.

Но что сказать объ общественномъ мнѣніи вообще? О мнѣніи той массы, которая не выражается ни въ петиціяхъ, ни въ митингахъ, ни въ ассоціаціяхъ? Въ этомъ отношеніи англійская общественная жизнь даетъ намъ интересный матеріалъ: взгляды главныхъ ея представителей выражаются въ печати и на трибунѣ. И печать свидѣтельствуешь, что съ каждымъ годомъ возрастаетъ число приверженцевъ женской политической эмансипаціи. Къ нимъ принадлежать выдающіеся представители церкви и государства, науки и литературы: м-ръ Бальфуръ, Джакобъ Брайтъ, сэръ Лоусонъ, лордъ Кольриджъ, сэръ Джонъ Горстъ, профессоръ Джебъ и др.—въ парламентѣ; Гербертъ Спенсеръ, историкъ Макъ-Карти, Сидней Уэббъ, Альфредъ Уоллэсъ, Бэджотъ и т. д. — въ научной сферѣ; архіепископы Кентерберійскій и Вестминстерскій, профессора Линдслей и Робинсонъ, Уикстидъ, Вильберфорсъ и многіе другіе представители церкви.

Къ этому перечню, кромѣ цѣлаго ряда дѣятелей различныхъ политическихъ партій, можно прибавить и не мало представителей государственной власти. 29 апрѣля 1896 года на торжественномъ митингѣ одного извѣстнаго политическаго общества (Primrose League) премьеръ заявилъ, что вліяніе женщинъ стало послѣднее время великой силой и является однимъ изъ могучихъ факторовъ, опредѣляющихъ политическую исторію страны. И онъ прибавилъ, что «женщины лишены того голоса, который онѣ должны бы имѣть въ выборѣ представителей англійскаго народа».

На годичномъ митингѣ въ Лондонѣ общества политическихъ правъ женщинъ, 15 іюля 1898 г., генеральный агентъ Южной Австраліи (м-ръ Кокбёрнъ) сообщилъ о результатахъ политической эмансипаціи женщинъ въ этой странѣ. «Въ продолженіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ,—сказалъ онъ,—женщины пользуются у насъ политическими правами наравнѣ со своими братьями, мужьями, сыновьями... Вся страна относится съ полнымъ сочувствіемъ къ этой реформѣ, и никто не желаетъ возвращенія къ старой системѣ. Оппозиція,—ибо не одна реформа безъ нея не обходится,—оппозиція совершенно исчезла... Великая реформа, удвоившая количество избирателей, совершилась мирно и тихо... Вліяніе женщины въ политикѣ отразилось на вопросахъ нравственнаго и матеріальнаго благосостоянія всего на-

рода... Теперь болѣе значенія придается вопросамъ семейнаго и наслѣдственнаго права... фабричнаго законодательства и т. п. Никакого не совершилось внезапнаго переворота, но во всей политической атмосферѣ мы могли прослѣдить благотворное вліяніе женщинъ... Онѣ возвысили всю политическую сферу, ни на іоту не утративъ присущей имъ нравственной чистоты».

Сочувственное отношеніе генеральнаго агента Южной Австраліи къ общественной дѣятельности женщинъ подтверждается и мѣстными административными учрежденіями въ Англіи. Здѣсь политическая арена женщины сравнительно ограничена и узка; каждый шагъ впередъ уступается ей неохотно и скупомъ *). И несмотря на всѣ предубѣжденія, популярность женщины, какъ общественной дѣятельницы, повсемѣстно возрастаетъ. Въ прошломъ 1898 году лондонскій совѣтъ графства обратился къ нижней и верхней палатамъ съ петиціей о допущеніи женщинъ въ члены совѣта. «Комитетъ,—читаемъ мы въ петиціи,—считаетъ, что было бы весьма полезно заручиться содѣйствіемъ женщинъ въ работѣ совѣта, и полагаетъ, что если избирательные округа желаютъ ихъ избирать, нѣтъ основанія этому препятствовать».

Быть можетъ, возражать, что всѣ сторонники женскаго движенія, частные и официальные, въ концѣ концовъ, все же составляютъ меньшинство. Правда. Но вѣдь судить о движеніи можно не только количественно, но и качественно; и меньшинство, опирающееся на принципъ справедливости, не имѣетъ ли часто свойство превращаться въ большинство?

Перелистывая исторію народовъ, мы видимъ, что всѣ движенія, стремившіяся уничтожить несправедливыя привилегіи одной соціальной жизни—въ пользу другой, встрѣчали по пути тупое упорное сопротивленіе; и масса, глухая и слѣпая ко всему, что не касается ея собственныхъ выгодъ, всячески отстаивала *statu quo*. Почти всѣ великіе перевороты совершались по инициативѣ одного лица или незначительнаго меньшинства, увлекавшаго за собой другихъ,—подобно тому, какъ одна скатившаяся лавина увлекаетъ за собой по пути десятки и сотни другихъ. Такъ совершилось освобожденіе негровъ и уничтоженіе крѣпостнаго права; то же мы видимъ и въ настоящемъ движеніи женской эмансипаціи. Большинство противъ реформы; но почему? Потому что расширеніе женской дѣятельности невыгодно для этого большинства; невыгодно прежде всего экономически. Многіе мужскіе рабочіе союзы (*trade union*) систематически стараются вытѣснять женщинъ изъ цѣлаго ряда выгодныхъ ремеселъ.

Но на почвѣ экономической оппозиціи есть хоть нѣкоторое смягчающее обстоятельство: матеріальная нужда, толкающая на борьбу за существованіе—борьбу жестокую. И на экономической почвѣ борьба ведется открыто, прямо, не прикрываясь красивыми фразами и сентиментальными воздыханіями. Въ рабочихъ классахъ не умиляются надъ добродѣтелью и чистотой женщины, не ставятъ ее на пьедесталъ, не лицемѣрятъ: нѣтъ, здѣсь прямо,

*) Въ попечительныхъ, муниципальных и участковыхъ совѣтахъ могутъ участвовать только незамужнія или вдовы.

откровенно заявляютъ, что женскій трудъ становится поперекъ дороги рабочему мужчинѣ,—и что послѣдній, закономъ и силой будетъ вытѣснять ее: всякъ за себя, а Богъ—за всѣхъ.

Иначе ставятъ вопросъ средніе и высшіе классы. Здѣсь соображенія личной выгоды пытаются прикрыть ложной маской цѣлесообразности, природы, пользы и т. д. И въ результатѣ получается рядъ самыхъ странныхъ противорѣчій. Такъ, съ одной стороны, доказываютъ, что женщины, имѣя на своей сторонѣ численный перевѣсъ, все захватятъ въ свои руки; съ другой стороны, что онѣ не въ состояніи справиться съ общественной дѣятельностью. Не ясно ли, что оба довода взаимно другъ друга уничтожаютъ?

Если на сторонѣ женщинъ численный перевѣсъ, это, казалось бы, лишній мотивъ, чтобъ предоставить имъ избирательныя права. «Отказывать классу въ правахъ на томъ основаніи, что онъ составляетъ большинство,—замѣчаетъ историкъ Макъ-Карти,—не есть ли это самый изумительный и неконституціонный мотивъ какой только могла придумать изобрѣтательность мужчины?... И почему ожидать, что женщина станетъ въ оппозицію мужчинѣ? Одно только можетъ вызвать враждебное ея отношеніе,—если мужчина будетъ попрежнему предъявлять надменные притязанія на исключительное управленіе дѣлами страны». Такъ же шатокъ противоположный аргументъ, что женщины не въ состояніи соперничать съ мужчинами. «Если,—говоритъ Джибонъ *),—онѣ отъ природы слабѣе и глупѣе мужчины, если онѣ вездѣ будутъ побиты, такъ зачѣмъ же прибѣгать противъ нихъ еще къ закону? Естественная неспособность не является ли и такъ достаточной преградой?». Аргументъ о неспособности женщинъ часто подтверждается ссылкой на ихъ природу, на свойственную имъ сферу дѣятельности. Но судить о ихъ природѣ нельзя, пока онѣ не будутъ такъ же свободны какъ мужчины и не станутъ на равную съ ними ногу передъ закономъ. «Ссылаться на ихъ природу—вообще рискованно, ибо часто мы отождествляемъ природу съ нашимъ собственнымъ представленіемъ о ней; и какъ провести границу между природой и нашей собственной фантазіей?»

Разсказываютъ, что однажды въ Англіи при судебномъ разбирательствѣ одного дѣла, адвокатъ съ паѳосомъ началъ свою рѣчь словами: «Милордъ, въ книгѣ природы начертано...»—Судья прервалъ его вопросомъ: «Виновать—на какой страницѣ?»

Одна изъ самыхъ стойкихъ и энергичныхъ поборницъ женской эмансипаціи, извѣстная экономистка м-съ Фаусеттъ, разбираетъ обычное возраженіе противниковъ движенія: говорятъ, женщина прежде всего жена и мать.

М-съ Фаусеттъ доказываетъ, что именно потому-то и необходимо предоставить имъ политическія права. «Женщина,—говоритъ м-съ Фаусеттъ,—по воспитанію и по природѣ болѣе привыкла сосредоточиваться на вопросахъ семьи. Но это различіе между мужчиной и женщиной не

*) Издатель газеты *Cambrian News*.

только не препятствіе, но сильный аргументъ въ пользу предоставленія ей политическихъ правъ. Мы хотимъ, чтобъ въ политикѣ и въ администраціи общественныхъ дѣлъ вопросы семьи болѣе принимались въ расчетъ, чѣмъ это дѣлается въ настоящее время... Мы хотимъ, чтобъ законодатели наши сообразовались не только съ политической, но и съ семейной точкой зрѣнія при всякомъ законодательномъ актѣ»...

М-съ Фаусеттъ разбираетъ цѣлый рядъ общественныхъ вопросовъ, въ которыхъ женщина является наиболѣе компетентнымъ судьей: вопросы воспитанія, призрѣнія дѣтей и бѣдныхъ, фабричныхъ законовъ для женщинъ и дѣтей, трезвости, гигиены и т. д.—вопросы, тѣсно связанные съ семейной жизнью. «Семья,—говоритъ м-съ Фаусеттъ,—это жизненный нервъ страны. Если семья чиста, если въ ней высоко стоитъ принципъ долга и справедливости,—націи нечего опасаться; если же основы семьи поколеблены, паденіе націи лишь вопросъ времени. Донинѣ вопросы семейные и политическіе слишкомъ были разобщены, какъ будто между ними нѣтъ никакой связи. Передъ нами возстаетъ картина вооруженной съ головы до ногъ Европы; великія сосѣднія державы, какъ дикіе звѣри, готовы схватить другъ друга за горло... и все это во имя воображаемыхъ политическихъ выгодъ, тогда какъ, въ случаѣ войны, семейные интересы столько же пострадали бы отъ *побѣды*, сколько отъ пораженія».

Приведенные аргументы представляютъ какъ бы дополненіе къ парламентской полемикѣ по женскому вопросу. Они показываютъ, какъ непроченъ и шатокъ фундаментъ аргументаціи противниковъ женскаго политическаго движенія: это зданіе, построенное на пескѣ,—зданіе, которое приходится искусственно подпирать и которое распадается при малѣйшемъ прикосновеніи логики. Отношеніе къ женщинѣ сторонниковъ регресса основано на логическомъ абсурдѣ: возводя женщину на пьедесталъ, воспѣвая ея нравственные добродѣтели, они, въ то же время, обрекаютъ ее на рабство. Въ концѣ концовъ, взгляды ихъ—не отголосокъ ли древняго закона Ману, обрекавшаго женщину быть «тѣнью своего мужа, смѣющейся, когда онъ смѣется, и плачущей, когда онъ плачетъ»?—Правда, современные представители древней теоріи вносятъ въ нее элементъ сентиментально-романтической; но ложная маска измѣняетъ ли суть дѣла?

Въ одной сказкѣ для дѣтей рассказывается о бѣломъ человѣкѣ, потерпѣвшемъ крушеніе на островѣ людодѣвъ. Людодѣды, принявъ его за бога, не съѣли его. Но они такъ во всемъ стѣснили его, что, осыпанный почестями, онъ не могъ дѣлать того, что хотѣлъ.

Подведемъ итоги женскому движенію въ современной Англіи. Мы видимъ, что оно зиждется на твердыхъ основахъ—соціальныхъ, экономическихъ и юридическихъ. Заглядывая въ далекую старину, мы видимъ, что духъ англосаксонскаго права благопріятствовалъ женщинѣ; подчиненіе ея явилось какъ результатъ римскаго вліянія. Великая хартія вольностей, въ свою очередь, не исключала женщину изъ списка гражданъ; политическія права постепенно были у нея отторгнуты во время государственныхъ

смуть и неурядицъ. Такія недоразумѣнія между закономъ и жизнью являются не единичнымъ фактомъ: нерѣдко духъ закона, оказываясь выше данной среды, постепенно подвергается искаженію.

Лишеніе женщины политическихъ правъ—фактъ, противорѣчащій всей англійской конституціи. Англійская конституція зиждется на принципѣ представительства: всякій, кто уплачиваетъ государственныя подати, — *eo ipso* получаетъ право участвовать, прямо или косвенно, въ распредѣленіи государственныхъ суммъ. Этотъ основной принципъ закона, все болѣе расширяемый по отношенію къ низшимъ классамъ, нарушается исключительнымъ положеніемъ женщины. Но законъ глухъ къ ея интересамъ не только въ политическомъ, но и въ гражданскомъ отношеніи *). Несмотря на совершившіяся въ послѣдніе годы преобразованія, мать до сихъ поръ не имѣетъ равныхъ съ отцомъ правъ на дѣтей, за исключеніемъ незаконнаго брака, гдѣ она является единственнымъ отвѣтственнымъ лицомъ. Въ случаѣ развода, виновная мать безусловно отстранена отъ своихъ дѣтей; виновный отецъ—далеко не всегда; и не такъ давно былъ случай, когда наслѣдникъ герцогскаго дома былъ отнятъ у невинной матери и переданъ виновному отцу. Бракоразводный законъ также благопріятенъ мужу, въ ущербъ женѣ: мужъ можетъ получить разводъ на основаніи одного факта измѣны жены; для жены мотива этого не достаточно,—кромѣ измѣны ею долженъ быть установленъ фактъ жестокаго обращенія съ ней мужа. То же неравенство наблюдается въ цѣломъ рядѣ другихъ вопросовъ семейнаго права: законъ до сихъ поръ во многомъ еще игнорируетъ права женщины—нравственныя и юридическія, и гдѣ же? Въ семьѣ, въ той самой сферѣ, гдѣ испоконъ вѣковъ женщина признавалась царицей!

Такое же неравенство наблюдается и въ другихъ вопросахъ публичнаго права. Только недавно передъ женщиной открылись въ Англіи двери университетовъ—но равенства все-таки нѣтъ: предъявляя къ женщинѣ тѣ же требованія, какъ къ мужчине, законъ и здѣсь видитъ въ ней какъ бы парію—отверженную. Студентка, выдержавшая университетскія испытанія, получаетъ соотвѣтствующее званіе, но не допускается въ составъ университетской корпораціи. Во всемъ мы видимъ, что законъ, заботливо охраняя интересы мужчинъ, относится къ женщинѣ, какъ къ чаду нелюбимому и незаконному. По свидѣтельству сэра Коллериджъ, законъ по отношенію къ женщинѣ болѣе достоинъ варварскаго, чѣмъ цивилизованнаго государства.

Въ такомъ же исключительномъ положеніи стоитъ она и въ экономическомъ отношеніи. Въ цѣломъ рядѣ профессій, мужчина—творецъ законовъ, ревниво охранялъ отъ женщины право свободной конкуренціи, великодушно предоставляя ей лишь самый неблагодарный и непроизводительный трудъ. «Женскій трудъ,—читаемъ мы въ одномъ изъ отчетовъ лондонскаго союза переплетчиковъ за 1891 г.,—пока еще не вопіющее зло въ нашемъ ремеслѣ;

*) Только недавно женѣ предоставлено право распоряжаться собственнымъ имуществомъ и заработкомъ.

было бы безуміемъ дать ему развиваться». А когда въ комиссіи по рабочему вопросу спросили однажды у свидѣтеля стачки, организованной противъ женщинъ рабочими на одной суконной фабрикѣ: «Развѣ женщины не имѣютъ права на кусокъ хлѣба?» Свидѣтель отвѣчалъ: «Да, онѣ имѣютъ это право, пока не стоятъ намъ поперекъ дороги».

Среди рабочаго класса преобладаетъ стремленіе силой или закономъ вытѣснять женскій трудъ *вездѣ*, гдѣ онъ вступаетъ въ конкуренцію съ трудомъ мужчинъ. Въ настоящее время, въ вопросѣ фабричнаго труда, многіе стоятъ за ограниченіе рабочихъ часовъ для женщинъ и дѣтей. Въ этомъ смыслѣ былъ проведенъ въ парламентѣ цѣлый рядъ законовъ, которые строго взыскиваютъ съ предпринимателей, переступающихъ опредѣленную норму рабочаго времени. Мѣры эти имѣютъ въ виду охраненіе силъ и здоровья слабѣйшей половины человѣческаго рода. Но это филантропическое теченіе часто приводитъ къ самымъ печальнымъ результатамъ и идетъ навстрѣчу эгоистической политикѣ мужскихъ рабочихъ союзовъ (Trade-union). Въ результатѣ, мы видимъ ограниченіе спроса на работницъ и замѣну ихъ мужчинами. Принудительное сокращеніе рабочихъ часовъ вытѣснило цѣлую массу женщинъ изъ рабочаго рынка. Согласно послѣднему отчету главнаго фабричнаго инспектора, въ 1890 г. въ бѣлѣнии и крашеніи было занято 49,453 мужчинъ и 19,907 женщинъ. Въ 1895 году насчитывалось уже 57,741 мужчинъ и всего 18,554 женщины. Такое же явленіе наблюдается во многихъ отрасляхъ фабричнаго производства, гдѣ установлено принудительное сокращеніе рабочихъ часовъ для женщинъ: огражденіе работницъ отъ переутомленія нерѣдко лишаетъ ихъ единственнаго куска хлѣба.

Противъ такого стѣсненія свободнаго труда возстаютъ многія поборницы женскаго движенія — м-ссъ Фаусеттъ, м-ссъ Уинфордъ Филлипсъ, м-ссъ Бюшеретъ и др. Не отвергая государственнаго вмѣшательства въ области фабричнаго труда, онѣ требуютъ одинакихъ законовъ для всѣхъ взрослыхъ рабочихъ, мужчинъ и женщинъ. «Ввести 8-мичасовую норму фабричнаго труда — прекрасно, — говорятъ онѣ, — но пусть норма эта будетъ равно обязательна для всѣхъ рабочихъ, мужчинъ такъ же, какъ женщинъ». Принципы ихъ — одинаковая плата за одинаковое количество и качество работы. «Здоровье фабричнаго рабочаго, — замѣтила на годичномъ митингѣ Женской Либеральной Федерациі (въ маѣ 1897 года) м-ссъ Макъ Ларенъ, — такъ же важно, какъ и здоровье работницы. Если извѣстные регламенты необходимы для женщины, почему не распространить ихъ и на мужчинъ?... Надо быть осторожными въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мужчины отказываются подчиняться. Будемте поступать, какъ восточные монархи, которые требовали, чтобы поваръ первый отвѣдывалъ приготовленнаго имъ блюда».

Одновременно съ этимъ наблюдается другое явленіе въ женскомъ фабричномъ трудѣ: между тѣмъ какъ заработная плата мужчинъ поднимается, заработная плата женщинъ падаетъ. Статистическія цифры показываютъ, что плата эта, за послѣдніе 5 лѣтъ, для нѣкоторыхъ предметовъ фабричнаго и домашняго производства уменьшилась почти вдвое.

Въ доказательство приводимъ нѣкоторыя сравнительныя статистическія цифры:

1893 годъ *).

1897 годъ **).

Щеточное производство.

Средняя заработная плата въ недѣлю—10 шил.

Средняя заработная плата въ недѣлю—7—8 шил.

Отдѣлка мѣховъ.

Высшая заработная плата въ день—2½ шил.

Высшая заработная плата въ день—1 шил. 7 пенсовъ.

Башиачное производство.

Высшая заработная плата въ недѣлю—18 шил. и болѣе.

Высшая заработная плата въ недѣлю—15 шил.

Портняжное ремесло.

Средняя заработная плата за домашнее производство—около 14 ш. 11 п. въ недѣлю.

Средняя заработная плата — 1 шил. 3 пенса въ день.

Причины паденія заработной платы женщинъ весьма многочисленны и сложны; главная — это возрастающая конкуренція на рабочемъ рынкѣ. Рабочіе для охраненія своихъ интересовъ обращаются къ закону черезъ своихъ представителей въ парламентъ; они соединяются въ рабочіе союзы, ассоціаціи и т. д. Среди женщинъ такія организаціи развиты сравнительно еще слабо; и эти слабыя попытки встрѣчаютъ сопротивленіе со стороны мужчинъ. Такъ, по свидѣтельству компетентнаго лица ***), предприниматели враждебно относятся къ такимъ организаціямъ и нерѣдко отказываютъ работницѣ, узнавъ, что она принадлежитъ къ союзу ****). Въ результатѣ всѣхъ этихъ отрицательныхъ условій, въ настоящее время около 4-хъ милліоновъ женщинъ на рабочемъ рынкѣ въ Англии съ трудомъ добываютъ себѣ кусокъ хлѣба. Цифры эти всего краснорѣчивѣе доказываютъ необходимость реформы.

Въ послѣдніе годы, благодаря энергичному воздѣйствію женскихъ ассоціацій, учреждена должность фабричныхъ инспектрисъ ****), которыя, до извѣстной степени, имѣютъ возможность охранять сложные интересы фабричныхъ работницъ. Въ то же время и въ законодательной сферѣ, благодаря энергичному протесту тѣхъ же женскихъ ассоціацій, были проведены въ послѣдніе годы нѣкоторыя реформы въ экономическихъ условіяхъ жен-

*) Отчетъ членовъ комиссіи, представленный парламенту въ февралѣ 1893 г.

**) Отчетъ Женскаго Ремесленнаго Совѣта, напечатанный въ январѣ 1898 г.

***) М-съ Гиксъ—членъ „Женской Либеральной Федераци“, въ теченіе 10 лѣтъ занималась организаціей женскихъ рабочихъ союзовъ.

****) По свидѣтельству м-съ Гиксъ, 40 дѣвушекъ, принадлежавшихъ къ рабочему союзу, были расчитаны на фабрикѣ и въ теченіе полугода не могли найти себѣ работы.

*****) Хотя число ихъ ограничено, также какъ ограничены ихъ права сравнительно съ фабричными инспекторами.

скаго труда. Но всё эти мѣры—лишь палліативы. «Что бы мы ни дѣлали,—говоритъ одна дѣятельница, миссъ Дэвисъ (секретарь Женской Кооперативной Гильдіи),—что бы мы ни дѣлали въ смыслѣ расширенія нашей сферы дѣятельности, улучшенія семейнаго и соціальнаго нашего положенія,—нельзя отрицать основнаго факта: безъ избирательнаго права голоса мы безсильны; это все равно, какъ если бы мы толкали поѣздъ руками вмѣсто того, чтобы двигать его паромъ».

Таковъ выводъ, къ которому приходятъ почти всё женскія политическія и соціальныя общества въ Англіи. Справедливость ихъ требованій признается, какъ мы видѣли, далеко не всѣми. Многіе еще рекомендуютъ женщинѣ исключительно держаться семейнаго очага, хотя въ немъ часто нечѣмъ поддерживать огонь. Но знаменателенъ тотъ фактъ, что эти самые яростные поборники домашняго очага первые втягиваютъ женщину въ политическій водоворотъ, первые ищутъ ея поддержки въ мѣстныхъ и парламентскихъ выборахъ. Такъ, въ 1880 г., въ разгаръ избирательной борьбы, Гладстонъ обратился къ своимъ соотечественницамъ съ воззваніемъ, убѣждая ихъ употребить все свое вліяніе для поддержки либеральной партіи. Онъ доказывалъ, что это ихъ долгъ, пренебрегать которымъ онѣ не имѣютъ права. «Исполненіе этого долга,—говорилъ онъ,—дастъ вамъ утѣшительное сознаніе, что каждая изъ васъ на своемъ мѣстѣ и въ своей сферѣ подняла голосъ во имя справедливости и ради облегченія печалей и бѣдствій человѣчества».

Такимъ образомъ жизнь нерѣдко расходится съ закономъ и обычаемъ; и женщины, при экономическомъ неравенствѣ и политическомъ безправіи, являются въ Англіи силой, съ которой принуждены считаться самые ярые враги реформы.

Не доказываетъ ли этотъ фактъ, что кромѣ элементовъ политическаго, соціальнаго и экономическаго, въ жизни играетъ роль другой факторъ—элементъ нравственный?

Заявляя свои права, женщина въ Англіи опирается на высшія требованія справедливости. Протестуя противъ тѣхъ или другихъ актовъ правительства или законодательныхъ его мѣропріятій, она дѣйствуетъ во имя интересовъ всей націи. И тѣ же принципы она проводитъ въ доступныхъ ей общественныхъ сферахъ. Честь націи женщина понимаетъ часто гораздо вѣрнѣе и шире, чѣмъ многіе государственные мужи. Такъ, Женская Либеральная Федерация въ Англіи одна изъ первыхъ протестовала противъ избіеній въ Армении и Критѣ; одна изъ первыхъ открыла и разоблачила остатки рабовладѣнія въ Занзибарѣ и Капской колоніи, она же всегда энергично стояла за проведеніе Home Rule въ Ирландіи.

Вездѣ и во всемъ женскія политическія и соціальныя общества стояли за принципы справедливости и челоуѣколюбія. Не красивыми фразами, а энергичнымъ, упорнымъ трудомъ пробиваетъ себѣ женщина дорогу въ Англіи. Дѣла ея соотвѣтствуютъ словамъ *).

*) Запросы и стремленія женщины оправдываются жизненными фактами. Про-

Стремясь, ради общаго блага, достигнуть по праву ей принадлежащаго соціальнаго положенія, она въ то же время ревниво поддерживаетъ основныя принципы англійскаго либерализма: «Вѣра въ народъ; вѣра въ представительное правительство; справедливость для всѣхъ».

Въ настоящую минуту мы стоимъ у преддверія рѣшенія женскаго вопроса.

Друзья соціальнаго прогресса не сомнѣваются, что и здѣсь идея справедливости одержитъ верхъ надъ вѣковымъ предразсудкомъ: они не сомнѣваются, что побѣда ея—лишь вопросъ времени. «Мы пережили,—говоритъ одинъ американскій авторъ,—возрожденіе искусства и литературы; мы видѣли слабый разсвѣтъ человѣческаго братства; не настала ли теперь эпоха возрожденія женщины? Заря этого возрожденія уже занялась въ XIX в. Но заря—предвѣстникъ солнца. Мы твердо вѣримъ, что въ XX в. солнце разсвѣтъ туманъ и озаритъ насъ своимъ животворящимъ свѣтомъ.

Н. Мировичъ.

цлымъ лѣтомъ (22 іюня 1898 г.) на митингѣ федераціи женскихъ клубовъ въ Денверѣ (въ штатѣ Колорадо) губернаторъ штата Колорадо произнесъ рѣчь, въ которой остановился на общественныхъ заслугахъ мѣстныхъ женщинъ. „Я не понимаю,—сказалъ онъ въ заключеніе,—какъ порядочный, справедливый человѣкъ можетъ отказывать своей матери и женѣ въ тѣхъ правахъ, которыми онъ самъ пользуется... Великъ долгъ націи по отношенію къ женскимъ клубамъ. Поддерживая энтузіазмъ въ своихъ членахъ, клубы эти явились центрами, изъ коихъ исходили электрическіе токи нравственной и политической реформы. Они расширили свой собственный горизонтъ и горизонтъ всего народа... Ту вѣру, которую Римъ возлагалъ на своихъ весталокъ, Колорадо возлагаетъ на своихъ матерей, женъ и дочерей; имъ мы съ радостью вручаемъ священный огонь цивилизаціи и охрану нашей свободы“...

Беллетристы новѣйшей формациі *).

М. Горькій: «Очерки и рассказы». Томъ III. Спб., 1899 г. *Танъ*: «Чукотскіе рассказы». Спб., 1900 г. *В. Вересаевъ*: «Очерки и рассказы». Спб., 1899 г.

III.

Имя г. Тана извѣстно читающей публикѣ гораздо меньше, нежели имя г. Горькаго и даже г. Вересаева, но по таланту г. Танъ не уступаетъ г. Горькому и значительно превосходитъ г. Вересаева. Причина этой относительной малоизвѣстности г. Тана очевидна: «Чукотскіе рассказы» — кто станетъ читать чукотскіе рассказы? Кого заинтересуетъ чукотская жизнь? Если же иной читатель заглянетъ въ книжку г. Тана, чтобы хоть бѣгло ознакомиться съ ея содержаніемъ, его отпугнутъ самыя имена персонажей, о которыхъ повѣствуетъ авторъ. Не угодно ли: Агомлюка, Кэргакъ, Этынькэу, Умка, Кителъкутъ, Нувать, Яякъ, Уквунъ, Ятиргинъ, Энмувія и пр., и пр. Оно, конечно, все это не только люди, но и сограждане, соотечественники наши, но сограждане столь отъ насъ во всѣхъ смыслахъ отдаленные, что заинтересоваться ихъ жизнью довольно трудно. Для этого надо быть большимъ любителемъ этнографіи, — науки, положимъ, интересной, но съ художественной литературой не имѣющей почти ничего общаго. Угораздило автора выбрать уголокъ для наблюденій! Чукчи? Вѣдь это, должно быть, на Чукотскомъ носу, т.-е. почти на лунѣ и ужъ во всякомъ случаѣ на краю свѣта, куда никакой воронъ костей не заносилъ и никакой Макарь телятъ не гонялъ. Всѣмъ медвѣжьимъ угламъ уголь! Вотъ куда судьба забросила г. Тана и вотъ мѣста и люди, о которыхъ онъ намъ рассказываетъ! Ну, Богъ съ ними... Курьезно, по всей вѣроятности, но ужъ, конечно, не интересно и нисколько не поучительно. Судьба всѣхъ этихъ Яяковъ, Ятиргиновъ и пр. давно предрѣшена и извѣстна: это все та же судьба, которая ждетъ и ихъ антиподовъ, — разныхъ готтентотовъ, кафровъ, папуасовъ, общая судьба всѣхъ некультурныхъ и не историче-

*) *Русская Мысль*, кн. III, 1900 г.

скихъ племенъ и народцевъ. Уже сочтены дни ихъ зоологическаго существованія и нѣтъ такой силы, которая бы отмѣнила приговоръ надъ ними исторіи и самой природы. Пусть ужъ «Вэйпъ, пишущій человѣкъ» (такъ звали г. Тана любезные чукчи) хоронитъ самъ своихъ мертвецовъ, а намъ до нихъ, право, дѣла нѣтъ.

Такъ разсуждать многіе читатели, такъ разсуждалъ и я, пропуская очерки г. Тана, когда они печатались въ журналахъ, — и совершенно напрасно. Прочтите со вниманіемъ въ книжкѣ г. Тана только *первыя двѣ* страницы — и этого будетъ достаточно, талантливый авторъ уже не отпуститъ васъ и заставитъ прочесть книгу до конца. Если вы обладаете достаточно живымъ воображеніемъ, то, читая эти первыя страницы, вы, пожалуй, *озябнете* въ своей теплой комнатѣ, почувствуете просто физическій холодъ. Дѣло въ томъ, что на этихъ страницахъ г. Танъ описываетъ полярную вьюгу, но не просто описываетъ, а живописуетъ, да такъ, что вы какъ бы видите эти безграничныя ледяныя равнины и слышите вой страшнаго сѣвернаго вѣтра, проносащагося надъ ними. А не хотите ли посмотрѣть шамановъ? Слыхать о нихъ, вы, конечно, слыхали, но я говорю — не хотите ли вы *видѣть* шаманское дѣйствіе? Прочтите 46—60 страницы книги г. Тана — и вы увидите. Къ этимъ страницамъ приложена иллюстрація, съ подписью «Шаманство», но два сморщенныхъ, старообразныхъ человѣчка съ бубнами, изображенные на ней, ровно ничего вамъ не объясняютъ, ничего не прибавляютъ къ тому впечатлѣнію, которое производитъ описаніе г. Тана, преисполненное дикой и своеобразной поэзіи. Вотъ хоть бы этотъ приступъ шамана къ *дѣйствию*: «Э-ге-ге-ге-гей! Гей, гей! — протянулъ тьвунъ (шаманъ). — Гей, гей! *Я человѣкъ, я пишущій, я зовущій!*» Какова чукотская лирика? Въ одной строчкѣ цѣлое стихотвореніе — съ мыслью и со страстью. А дальше не хуже и не слабѣе, — съ тѣмъ же удивительнымъ нервнымъ подъемомъ, съ такими же оригинальными и яркими образами. Выписокъ я дѣлать не стану, а рекомендую обратиться къ г. Тану непосредственно.

Изобразительная способность молодого автора *) въ самомъ дѣлѣ замѣчательна. Вѣдь трудно найти болѣе неблагоприятный сюжетъ для художественнаго воспроизведенія, нежели скудная, простая, полувѣтриная жизнь дикарей, затерявшихся въ необозримой тундрѣ. Г. Танъ, однако, справился съ этой задачей, какъ настоящій мастеръ: его герои не только живутъ, но живутъ полною жизнью, богатою и впечатлѣніями, и страстями. Въ тепловатомъ и слезливомъ участіи, которымъ мы привыкли награждать разныхъ униженныхъ и оскорбленныхъ, они совсѣмъ не нуждаются. Кто они такіе? «Они принадлежали къ племени людей, рожденныхъ отъ «бѣломорской жены» (такъ, — замѣчаетъ авторъ въ выноскѣ, — называютъ себя чукчи въ эпическихъ разсказахъ и преданіяхъ) и отъ поколѣнія къ поколѣнію, съ неза-

*) Я, впрочемъ, не имѣю никакого понятія о возрастѣ автора и если называю его молодымъ, то, во-первыхъ, потому, что имя его появилось въ литературѣ очень недавно, во-вторыхъ, потому, что онъ пишетъ *молодо*, такъ, какъ въ старости могутъ писать только такіе таланты, какъ Гюго, Толстой и пр'.

памятныхъ временъ, такъ привыкли къ борьбѣ съ моремъ, морозомъ и вѣтромъ, что безъ нея жизнь показалась бы имъ лишенной содержанія и смысла. Это были охотники, нападавшіе съ копьемъ въ рукахъ на огромнаго бѣлаго медвѣдя; мореплаватели, на утлыхъ кожаныхъ лодкахъ державшіе лавировать на негостепримномъ просторѣ полярнаго океана, люди, для которыхъ холодъ былъ стихіей, океанъ—нивой, а ледяная равнина—поприщемъ жизни, вѣчные борцы съ природой, тѣло которыхъ было закалено какъ сталь и мышцы не уступали неустойчивости ни одному изъ дикихъ звѣрей, пробѣгавшихъ среди пустыни, воины, привыкшіе считать естественную смерть постыдной и бессильную старость — наказаніемъ судьбы, которое слѣдуетъ сокращать добрымъ ударомъ ножа или копья...» Какъ видите, это совершенно наши давнишніе знакомые — герои Купера, дѣйствующие въ иной средѣ, точнѣе—подъ иной географической широтой, но съ тѣми же стремленіями, вкусами, цѣлями и нравами. Между знаменитымъ Чингачуккомъ Купера («Послѣдній изъ могиканъ») и Кителькутомъ г. Тана трудно найти какое-нибудь серьезное психологическое различіе. Но Куперъ былъ не только романистъ, но и романтикъ, тогда какъ г. Танъ—реалистъ чистѣйшей крови, а сближеніе его съ чукчами происходило на прозаической почвѣ статистики: авторъ дѣлалъ имъ перепись для всероссійской переписи 1897 года. «Я переѣзжалъ со стойбища на стойбище (на собакахъ), отдаваясь интересу этой своеобразной жизни. Въ одномъ мѣстѣ наблюдалъ, какъ чукотки длинными ножами разрѣзываютъ трупъ, чтобы, обнаживъ сердце, собственными глазами изслѣдовать причину смерти, въ другомъ слушалъ хитросплетенныя сказанія «временъ сотворенія міра и еще раньше того», а въ третьемъ старался укрѣпить свой слухъ предъ оглушительнымъ трескомъ бубна во время торжественнаго служенія богамъ. Чукчи успѣли привыкнуть къ моимъ разпросамъ и не оказывали мнѣ недовѣрія». Ролью статистика г. Танъ не ограничился, да не удовлетворился и ролью этнографа, а явился въ своихъ разсказахъ истиннымъ художникомъ-психологомъ. Собственно говоря, онъ одновременно и одинаково удачно рѣшаетъ двѣ различныхъ задачи,—рисуетъ быть, какъ обстоятельный этнографъ, и рисуетъ людей, характеры, какъ художникъ. Въ разсказѣ «На рѣкѣ Россомашей» г. Танъ рассказываетъ о чукчахъ такіа изумительно-курьезныя и неожиданныя вещи, которымъ настоящее мѣсто только въ какомъ-нибудь специальномъ изданіи по этнографіи или, пожалуй, по антропологии. Зато главный разсказъ книжки — «На каменномъ мысу» — по содержанію и по исполненію представляетъ собою настоящую драму съ ярко очерченными характерами, суровыми и цѣльными, какъ воспитавшая ихъ природа. Вотъ Кителькутъ, вотъ Якъ, вотъ Коравіа, вотъ Нуватъ—главные персонажи разсказа; все это дикари-чукчи, но все это въ то же время *личности*, которыя вы рѣзко отличаете другъ отъ друга и къ которымъ относитесь совѣтъ неодинаково: Кителькуту симпатизируете, Яка ненавидите, Коравіа жалѣете, Нуватомъ живо интересуетесь. Да, симпатизируете и ненавидите, какъ *равныхъ* себѣ людей,—не по развитію, не по культурности рав-

ныхъ вамъ, а по волнующимъ ихъ и васъ чувствамъ и страстямъ. Далеко ли ушли въ смыслъ культурности различные Отелло, Яго, Макбетъ, Лиръ да и самъ Гамлетъ? Всѣ они чистосердечно вѣрятъ въ привидѣнія и во всякую чертовщину не хуже какого-нибудь Нувата, но это не является препятствіемъ къ тому, чтобы насъ глубоко интересовалъ ихъ внутренний міръ, сложная и мучительная борьба ихъ страстей.

Должную эстетическую дань мы г. Тану отдали. Что будемъ говорить мы дальше? Вѣдь статья эта преслѣдуетъ совсѣмъ не эстетическія цѣли. А я попрошу читателя припомнить стихотвореніе г. Тана, цитированное нами въ первой главѣ этой статьи, рядъ нравственныхъ требованій, представляемыхъ человѣку въ этомъ стихотвореніи, оказался, если припомнить, не по плечу намъ съ вами, но Кителькутъ съ Нуватомъ стоятъ вполне на высотѣ требованій г. Тана. «Не бойся вѣчности, не уступай судьбѣ, будь смѣлъ, будь дерзокъ и безстрашенъ, огромный этотъ міръ принадлежитъ тебѣ», такъ взывалъ г. Танъ, и Кителькутъ съ Нуватомъ должны были бы сказать тутъ: такъ, такъ, Вэйпъ, пишущій человѣкъ, такъ! Бояться вѣчности и судьбы? Но мы съ ними, благодаря нашимъ шаманамъ, за панибрата, ничего таинственного, непонятнаго въ нихъ для насъ нѣтъ. Эка важность—вѣчность! Эка штука—судьба! Какъ теперь мы жремъ оленину и пьемъ тюлений жиръ, такъ будетъ жрать и пить и въ вѣчности. Насчетъ дерзости и безстрашія насъ учить нечего, а что касается до этого огромнаго міра, то конечно, онъ принадлежитъ намъ. И тундра наша, и океанъ нашъ, со всѣми оленями, тюленями, медвѣдями, песцами и прочей благодатью. «Владѣй же имъ какъ богъ. Живи въ его чертѣ какъ гордый и счастливый геній». А какъ же иначе: власть наша въ тундрѣ безгранична, а за черту ея мы переходимъ только затѣмъ, чтобы табаку и сердитой воды (водки) достать. «Какъ новый Прометей, найди въ себѣ самомъ свою защиту и опору и вѣчно будь готовъ къ отпору». Ну, еще бы! У насъ кто сильнѣе, тотъ и правѣе и чуть заѣваешься, не остережешься—тотчасъ горло перерѣжутъ! Изъ-за табаку, Яякъ зарѣзалъ Кителькута (см. рассказъ «На каменномъ мысу»), а сынъ Кителькута—Нуватъ за это зарѣзалъ старика Уквуна и двухъ женщинъ—Анеку и Вельвуну, зарѣзалъ не потому чтобы они были какъ-нибудь причастны къ убійству Кителькута, а потому что не можетъ же отецъ Нувата «уйти изъ этого свѣта безъ свиты» (стр. 95). Стариковъ и женщинъ рѣзать безопасно, сдачи не дадутъ, такъ что же задумываться? «Дерзай господствовать!» Вотъ, вотъ это самое! Ахъ, какъ ты уменъ, Вэйпъ, пишущій человѣкъ! Если ты сильнѣе—ты господинъ; если ты слабѣе—ты слуга и рабъ. Вездѣ такъ: большая рыба глотаетъ маленькую, тюлень ловитъ рыбу, бѣлый медвѣдь ловитъ тюленя, я, Кителькутъ, бью бѣлаго медвѣдя, а Яякъ, который оказался сильнѣе нежели я, убилъ меня. Не сносить и ему головы, найдется кто-нибудь посильнѣй его. Самъ видишь Вэйпъ, мы, чукотцы, живемъ точно такъ, какъ ты учишь. Правда, наѣзжаютъ къ намъ иногда какіе-то люди—миссіонерами, что ли, ихъ зовутъ, которые говорятъ совсѣмъ не то, что ты говоришь, да мы

ихъ не слушаемъ. Любите, говорить они, другъ друга, не ссорьтесь, не обижайте слабыхъ, стариковъ, женщинъ, дѣтей, не лгите, не воруйте, не убивайте. Есть чего слушать! Когда тюлень медвѣдя полюбитъ, тогда и я, Китилькутъ, люблю Яка. Ты самъ, Вэйпъ, слышалъ какъ нашъ шаманъ пѣлъ: «я поднимался за предѣлы вселенной, ноги мои топтали изнанку неба; глаза мои видѣли шатры верхнихъ странъ; незримый я смотрѣлъ... Я видѣлъ, какъ ушибленный мѣсяцъ столкнулся съ нарождающимся и одинъ изъ нихъ упалъ мертвымъ... Я видѣлъ какъ Восходъ и Закатъ состязались, прыгая взапуски черезъ черное ущелье, утыканное острыми осколками костей... (стр. 57). Ужъ если мѣсяцъ съ мѣсяцемъ на смерть дерутся, ужъ если восходъ съ закатомъ состязаются, ужъ если за предѣлами вселенной такъ дѣла устроены, такъ намъ, въ нашей тундрѣ, и думать не о чемъ. Будемъ жить, какъ жили и какъ ты, Вэйпъ, учишь:

Землѣ владыкой будь.
И пѣлый мѣръ собой наполни.

Буду владычествовать и господствовать насколько кулака хватить. Свернуть шею—туда мнѣ и дорога, но до тѣхъ поръ сколько я шей посвертываю, сколько горлъ перерѣжу! Да здравствуетъ чукотская мораль! Многая лѣта Вэйпу, пишущему человѣку!

Если г. Тану не понравится эта наша страница, то мы будемъ очень мало огорчены этимъ обстоятельствомъ: на зеркало нечего пенять... Правда, для характеристики литературной личности г. Тана мы воспользовались матеріаломъ, не входящимъ въ составъ его «Чукотскихъ разсказовъ», но, во-первыхъ, матеріаломъ (стихотвореніемъ) все-таки ему принадлежащимъ, а во-вторыхъ, *манера* автора «Чукотскихъ разсказовъ» вполне отвѣчаетъ *тенденціямъ* автора стихотворенія. Надо только взглянуть въ эту манеру, понять ея настоящій смыслъ,—иначе рискуешь принять ее за безстрастную художественную объективность, въ которой очень многія видятъ большое достоинство. Среди чукчей г. Танъ совершенно какъ дома. Не въ томъ смыслѣ дома, что онъ приобрѣлъ полное довѣріе дикарей, а въ томъ, что онъ чувствуетъ себя въ ихъ средѣ нравственно-свободно. Физически ему часто бывало душно въ ихъ шалашахъ и онъ не разъ упоминаетъ объ этомъ, но нравственно—никогда. Нѣтъ, это не объективность, это... неужто солидарность? А, право, не знаю какъ сказать. Я увѣренъ только въ томъ, что какъ бы ни высоко стоялъ цивилизованный человѣкъ надъ умственнымъ и нравственнымъ уровнемъ дикарей, онъ все-таки не можетъ вполне безразлично относиться къ ихъ дѣйствіямъ и даже понятіямъ. Кошка, собака могутъ вызвать въ немъ искреннее негодованіе своимъ поведеніемъ («ахъ, лукавая тварь!» «ахъ, подлая трусиха!»), такъ неужели же люди, хотя бы они были изъ дикарей дикарями, не въ состояніи взволновать насъ? Ну, хоть что-нибудь, какое-нибудь чувство, смотря по темпераменту человѣка: одинъ скажетъ—тѣфу! вотъ скоты! другой скажетъ: несчастные, не вѣдаютъ что творятъ! третій скажетъ:—темнота, темнота безпросвѣт-

ная! Четвертый, пятый, десятый, вы, я,—всѣ мы что-нибудь скажемъ, потому что всѣ что-нибудь отъ омерзѣнія до состраданія,—почувствуемъ, глядя на жизнь этихъ людей - звѣрей. А г. Танъ невозмутимъ. Онъ невозмутимъ какъ... я хотѣлъ сказать,—какъ скала, но скажу гораздо правильнѣе—невозмутимъ какъ Кителькутъ. Кителькутъ лучше, симпатичнѣе своихъ соплеменниковъ, но, будучи выше ихъ ростомъ, онъ все-таки стоитъ на одномъ съ ними нравственномъ уровнѣ, на томъ уровнѣ, который съ нашею христіанскою моралью лежитъ, говоря языкомъ математики, въ различныхъ плоскостяхъ.

Дальше распространяться объ этомъ не стоитъ—читатель понимаетъ нашу мысль. Да, господа, вы правы (см. главу I), вы намъ, а мы вамъ дѣйствительно *чужіе*.

IV.

Съ чукотскаго носа, изъ общества Кителькутовъ и Яковъ, читателю надлежитъ перенестись мыслью въ самый центръ высшей культуры, туда, гдѣ «гремятъ витіи, кипитъ словесная война». Путеводителемъ нашимъ будетъ теперь г. Вересаевъ, утонченѣйшій джентльменъ, съ изящными манерами, съ ласковымъ взоромъ, съ тихо-журчащей рѣчью. Они никому не скажетъ, какъ г. Горькій,—«ахъ, вы морды»! Мягко-премягко стелетъ г. Вересаевъ... Если бы отъ насъ потребовали выразить въ одномъ словѣ основную сущность таланта г. Вересаева, мы сказали бы, что это *уклончивый* талантъ. Г. Вересаева очень озабочиваютъ судьбы и пути нашего народничества и нашего марксизма, и его главнѣйшіе рассказы «Безъ дороги» и «Повѣтріе» написаны на тему борьбы этихъ двухъ теченій нашей мысли. Но кто такой самъ г. Вересаевъ? Онъ не народникъ—я имѣю и представлю на то доказательства; онъ и не марксистъ,—я и на это имѣю и представлю доказательства. «Ну, что жъ, скажетъ мнѣ кто-нибудь изъ моихъ постоянныхъ читателей, вѣдь и вы не народникъ, и не марксистъ—что тутъ худого? Быть можетъ, г. Вересаевъ занимаетъ какъ разъ ту позицію, на которой и вы утвердились». Не совсѣмъ такъ, читатель. Моя позиція состоитъ въ томъ, что я говорю народникамъ: *вы ошибались и ошибаетесь*, а марксистамъ: *вы совершенно не правы*, тогда какъ г. Вересаевъ говоритъ народникамъ: *вы правы*, а марксистамъ: *не могу съ вами не согласиться*. Это отнюдь въ г. Вересаевѣ не хамелеонство, это именно чрезмѣрное джентльменство, избытокъ любезности и учтивости. Г. Вересаевъ какъ будто руководствуется двумя правилами, изъ которыхъ одно гласитъ: *les présents sont exclus*, а другое—*les absents ont toujours tort*. Въ силу этихъ свѣтскихъ правилъ, г. Вересаевъ пожимаетъ плечами при словѣ «марксизмъ», когда разговариваетъ съ народникомъ, и лукаво улыбается при словѣ «народничество», когда находится въ обществѣ марксистовъ. Это онъ изъ вѣжливости.

Въ книжкѣ г. Вересаева семь рассказовъ, изъ которыхъ можно и должно

остановиться только на двухъ уже упомянутыхъ выше,—«Безъ дороги» и «Повѣтріе». Остальные представляютъ собою средняго разбора фелъетоны, которые читаются обыкновенно или послѣ обѣда, или на сонъ грядущій. *Безъ дороги* — это народники идутъ безъ дороги. *Повѣтріе* — это нашъ марксизмъ повѣтріе. А впрочемъ, г. Вересаевъ готовъ сопутствовать первымъ и не принимаетъ никакихъ предохранительныхъ мѣръ, чтобы не заразиться вторымъ. А впрочемъ... ничего положительнаго *впрочемъ* я сказать не могу, потому что манеры г. Вересаева сбиваютъ меня съ толку. Это слишкомъ тонкій и тонный для моего грубаго пониманія авторъ. Что такое, наприм., вотъ это: «Какимъ чудомъ могло случиться, что въ такой короткій срокъ все такъ измѣнилось? Самыя свѣтлыя имена вдругъ потускнѣли, слова самыя великія стали пошлыми и смѣшными; на смѣну вчерашнему поколѣнію явилось новое и не вѣрилось, неужели *эти*—всего только младшіе братья вчерашнихъ? Въ литературѣ медленно, но непрерывно шло какое-то общее заворачиваніе фронта, и шло вовсе не во имя какихъ-либо новыхъ началъ,—о, нѣтъ! Дѣло было очень ясно: это было лишь ренегатство,—ренегатство общее, массовое и, что всего ужаснѣе, бессознательное. Литература тщательно оплевывала въ прошломъ все свѣтлое и хорошее, но оплевывала наивно, сама того не замѣчая, воображая, что поддерживаетъ какіе-то «завѣты»; прежнее чистое знамя въ ея рукахъ давно уже обратилось въ грязную тряпку, а она съ гордостью несла эту опозоренную ею святыню и звала къ ней читателя; съ мертвымъ сердцемъ, безъ огня и безъ вѣры говорила она что-то, чему никто не вѣрилъ...» (стр. 102).

Что бы это такое могло означать? Это одинъ народникъ («Безъ дороги») разсуждаетъ такъ у г. Вересаева, человѣкъ довольно интеллигентный, врачъ... За что онъ клеймитъ литературу? Какую именно часть ея онъ обвиняетъ въ ренегатствѣ? Если марксистскую,—какъ этого можно ожидать отъ народника,—то онъ очевидно и грубо неправъ: заворотъ фронта произошелъ у марксистовъ именно *во имя новыхъ началъ*, о которыхъ можно имѣть всякое мнѣніе, но наличности которыхъ невозможно отрицать. Однако, нѣтъ: та же ренегатская литература, оплевывая прошлое, воображала, что *поддерживаетъ какіе-то завѣты*... Никакихъ завѣтовъ марксисты не поддерживаютъ, потому что до народническихъ завѣтовъ имъ дѣла нѣтъ, а своихъ собственныхъ у нихъ еще не выработалось за недавностью. Или это народники—ренегаты? Они *опозорили святыню*? Они *чистое знамя* превратили въ *грязную тряпку*? Ничего подобного, въ сколько-нибудь значительныхъ проявленіяхъ, не было въ народнической литературѣ (совершенно даже наоборотъ: вѣрность народниковъ своему—не опозоренному, а изстрѣлянному—знамени внушаетъ и симпатію, и почтеніе),—ну, а въ жизни, конечно, всякое бывало. Чтобы не далеко ходить за примѣромъ, взять хотя бы того же героя г. Вересаева, тутъ же дѣлающаго такіа признанія: «При этомъ я не могъ не видѣть и всей чудовищной уродливости моего собственнаго положенія: недовѣрчиво встрѣчая всякое новое вѣяніе, я обрекалъ себя на мертвую неподвижность; мнѣ грозила

опасность обратиться въ совершенно «обезсмысленную щепку» когда-то «побѣдоноснаго корабля». Путаюсь все больше въ этомъ безвыходномъ противорѣчіи, заглушая въ душѣ горькое презрѣніе къ себѣ, я пришелъ, наконецъ, къ результату: уничтожиться, уничтожиться совершенно—единственное для меня спасеніе» (стр. 103). А, вотъ что! Такъ какъ на людяхъ и смерть красна, то земскій врачъ Чекановъ (имя героя), разочаровавшись въ народническихъ идеалахъ, приписываетъ свое разочарованіе и литературѣ, свое личное отступничество поставляетъ подъ сѣнь общаго будто бы отступничества. Это очень не новая и обыкновенная исторія, валить съ своей больной головы на чужую здоровую—это излюбленный пріемъ мелкихъ и трусливыхъ натуръ. Дальше Чекановъ обнаруживаетъ себя еще яснѣе: «Въ разговорахъ ея проскальзываютъ слова: «долгъ народу», «дѣло», «идея». Мнѣ же эти слова рѣжутъ ухо, какъ визгъ стекла подъ тупымъ шиломъ» (стр. 137).

И вотъ этого-то человѣка, опустошеннаго до того, что даже слово «идея» вызываетъ въ немъ нервное раздраженіе, эту слезливую старую дѣву со свѣтильникомъ безъ масла, г. Вересаевъ ставитъ въ драматическое положеніе: появилась въ губерніи холера, и Чекановъ, въ качествѣ врача, явился бороться съ нею. То-то борецъ! Онъ ведетъ дневникъ, въ которомъ изливаетъ свои чувства (самое время для такого занятія!) и мы узнаемъ изъ этого дневника объ его подвигахъ. Подробно анализировать эти подвиги я не стану, но два-три указанія сдѣлаю. Чекановъ не лѣчитъ, а все только убѣждаетъ простонародье лѣчиться. На первыхъ же порахъ онъ встрѣчается съ сопротивленіемъ, — ему не позволяютъ сдѣлать въ комнатѣ холернаго дезинфекцію, — и онъ говоритъ: «Ну, какъ хотите. Заставлять я васъ не стану. Но только помните, если теперь кто поблизости заболѣетъ, вы будете виноваты! Прощайте!» Сказавъ это, онъ поспѣшилъ къ своему дневнику и записалъ: «Скверно и тяжело на душѣ, мучить совѣсть: произвести дезинфекцію было необходимо, но что же я могъ сдѣлать? Оставалось только прибѣгнуть къ помощи полиціи; дезинфекцію мы бы произвели, а дальше?» (стр. 201). Бываютъ же такіе кисляки на свѣтѣ! Мнѣ больше всего нравится этотъ дневникъ, который аккуратно ведетъ Чекановъ на полѣ битвы (какъ же иначе?), эта бухгалтерская книга всѣхъ содѣянныхъ имъ глупостей. Считаетъ онъ свои глупости вѣрно, но избавиться отъ нихъ не въ состояніи. Пишетъ онъ, наприм., объ одномъ дезинфекторѣ, своемъ подчиненномъ: «Съ какимъ апломбомъ онъ является въ жилище холернаго, съ какимъ авторитетнымъ и снисходительнымъ видомъ объясняетъ родственникамъ заболѣвшаго суть заразы и дезинфекціи! И его презрѣніе къ ихъ невѣжеству дѣйствуетъ на нихъ сильнѣе, чѣмъ всѣ мои убѣжденія...» (стр. 212). Повліялъ ли этотъ примѣръ на Чеканова? Нисколько! Онъ продолжаетъ ходить и убѣждать, ходить и убѣждать: лѣчитесь, ахъ, пожалуйста, лѣчитесь! Чуть ли даже на самую холеру онъ не надѣется подѣйствовать краснорѣчіемъ. По крайней мѣрѣ, на стр. 206 онъ пишетъ въ дневникъ: «Меня удивило, какъ часто Рыковъ (больной) просился въ ванну: сидитъ въ ней съ

полчаса, затѣмъ походитъ по комнатѣ, полежитъ—и опять въ ванну; и все просить воды погорячѣе». А на стр. 210 мы вотъ что читаемъ: «Рыковъ почти не выходилъ изъ ванны. Я опасался, чтобы такое продолжительное пребываніе въ горячей водѣ не отозвалось на больномъ неблагоприятно, и нѣсколько разъ укладывалъ его въ постель. Но Рыковъ тотчасъ же начиналъ безпокойно метаться и требовать, чтобы его посадили обратно въ ванну. Въ одиннадцатомъ часу больной попросился въ постель и заснулъ; пульсъ былъ твердый и полный. Около четырнадцати часовъ Рыковъ, почти не выходя, просидѣлъ въ ваннѣ,—и я вынесъ впечатлѣніе, что спасла его именно ванна». Онъ вынесъ впечатлѣніе... Выносить впечатлѣнія, разносить убѣжденія и все это заносить въ свою тетрадку, копается въ своей душѣ, анализируетъ свои чувства,—вотъ гдѣ уместно воскликнуть, какъ однажды воскликнулъ Глѣбъ Успенскій: «Тьфу! И жалъ, и, кажется, убилъ бы!» Русский народъ—народъ дѣловитый, своихъ жалѣльщиковъ и плакальщиковъ онъ не любитъ или, по крайней мѣрѣ, относится къ нимъ какъ къ «блаженненькимъ». Онъ любитъ и уважаетъ именно разумную энергію, толковую распорядительность. Что сказали бы солдаты, еслибъ ихъ командиръ, въ пылу битвы, подбѣгалъ къ каждому раненому и елеиннымъ голосомъ говорилъ ему: «Ахъ, голубчикъ ты мой! Не больно ли тебѣ?»—«Да отойди ты отъ меня, ваше благородіе,—сказалъ бы раненый,—гляди лучше впередъ, на непріятеля, вонъ онъ какъ напираетъ!» А холера—тотъ же атакующій непріятель.

Копчилось тѣмъ, что народъ на смерть избилъ любвеобильнаго доктора-народника, и, Боже мой, какія рѣки слезныя разливаютъ и цвѣты красно-рѣчія разсыпаютъ по этому поводу какъ самъ авторъ, такъ и его умирающій герой. Они взапуски взываютъ: за что? за что? По *горькому* мнѣнію доктора вотъ за что: «Они меня били за то, что я пришелъ къ нимъ на помощь, что я несъ имъ свои силы, свои знанія,—все... Господи, Господи! Что-жъ это—сонъ ли тяжелый, невѣроятный или голая правда? Не стыдно признаваться, я и въ эту минуту, когда пишу (а все-таки пишеть!), плачу, какъ мальчикъ. Да, теперь только вижу я, какъ любилъ я народъ и какъ мучительно горька обида...» (стр. 233).

Вотъ о народникахъ этого толка и сказано мѣткое словцо, что они *обсахариваютъ* народъ. Затѣмъ пришелъ Чекановъ? Затѣмъ, чтобы бороться съ болѣзнію, спасти безпомощно гибнущихъ людей. Земство, платившее ему жалованье, ожидало отъ него не красно-рѣчія, не проповѣдей, а разумныхъ мѣропріятій. Неужели, видя захлебывающагося въ водѣ чело-вѣка, вы закричите: «милый другъ, сердечный другъ! Сдѣлай ручками вотъ такъ-такъ, а ножками вотъ этакъ-этакъ и ты выплывешь!» Да не умѣетъ онъ плавать, почтеннѣйшій, и выучиться этому искусству можно только постепенно и ужъ, конечно, не передъ лицомъ смертной опасности! Бросайтесь въ воду и тащите его къ берегу за волосы, а не хотите, уходите по добру, по здорovu. «Ну, какъ можно, за волосы! Это не гуманно!» Тьфу! И жалъ и кажется, убилъ бы!

Г. Вересаевъ хлопочетъ изъ всѣхъ своихъ силъ, чтобы представить своего героя невиннымъ страдальцемъ и вызвать въ читателей участіе къ нему. У него есть при этомъ своя цѣль (сознательно или бессознательно поставленная—намъ все равно), которую мы должны обнаружить. Для этого необходимо привести заключительныя строки разсказа, т.-е. дневника Чеканова. «Передо мною стоитъ Наташа. Она горько плачетъ, закрывъ глаза рукою. И я тихо гляжу на трепещущую отъ рыданій руку и не могу оторвать отъ нея глазъ. И я говорю ей, чтобы она любила людей, любила народъ, что не нужно отчаиваться, нужно много и упорно работать, нужно искать дорогу, потому что работы страшно много». О, какъ благороденъ и великодушенъ этотъ народникъ! Онъ умираетъ отъ руки народа и говорить своей единомышленницѣ въ видѣ послѣдняго завѣта: люби народъ. Не чувствуете ли вы, какъ закипаетъ въ вашей душѣ раздраженіе и негодованіе противъ этого неблагодарнаго народа, этого звѣря бессмысленнаго, готоваго разорвать тѣхъ, кто служить ему? О, да, г. Вересаевъ—тонкій писатель! Запомните, пожалуйста, эту Наташу-народницу, она сейчасъ явится передъ нами въ новомъ обличій и къ этой метаморфозѣ авторъ васъ и подготавливалъ, заблаговременно и искусно внушая вамъ мысль о совершенной законности этой метаморфозы.

Передъ нами разсказъ «Повѣтріе». Я не знаю съ точностью, гдѣ первоначально былъ напечатанъ этотъ разсказъ, но полагаю, что въ народническомъ или близко къ народничеству стоящемъ журналѣ. Полагаю такъ потому, что въ разсказѣ этомъ г. Вересаевъ отзывается непосредственно отъ своего лица крайне неодобрительно о марксизмѣ: «онъ (одинъ изъ героев разсказа) уже не разъ слышалъ подобные взгляды и по журнальной полемикѣ былъ знакомъ съ этимъ недавно народившимся у насъ безобразнымъ, доктринерскимъ ученіемъ, пріивѣтствующимъ развитіе въ Россіи капитализма и на мѣсто живой, дѣятельной личности кладущимъ въ основу исторіи слѣпую экономическую необходимость» (стр. 246). Это ужъ даже и не по джентльменски. Однако за эту рѣзкость г. Вересаевъ съ лихвою вознаграждаетъ марксистовъ, изображая «повѣтріе» марксизма въ очень привлекательныхъ образахъ. Наша знакомка Наташа очень выросла умственно и нравственно съ тѣхъ поръ, какъ мы ее видѣли у постели умирающаго доктора-народника, пожила, побывала за границей и теперь ее беспокоить отнюдь не какой-то «долгъ народу», а «развитіе промышленности» и «расширеніе внутренняго рынка». Мудрыя слова Наташи заслуживаютъ быть приведенными въ подлинникъ: «по-моему, переселенія прямо желательны, потому что они повысятъ благосостояніе и переселенцевъ, и остающихся, а это поведетъ къ расширенію внутренняго рынка. Промышленность сразу не разовьется, для этого нужно время, число же безработныхъ растетъ, и нельзя забывать, что дѣло тутъ идетъ о живыхъ людяхъ, уже поэтому одному переселенія желательны; притомъ, повысивъ благосостояніе мужика, переселенія увеличили бы его покупательную силу, а это важно для развитія той же промышленности» (стр. 265). Самъ г. Скальковскій лучше не

скажетъ... Просто, у этой дѣвицы ума палата! Присутствовавшій тутъ народникъ заикнулся было, что *теперешней* Наташѣ о «живыхъ людяхъ» совсѣмъ не подобаешь говорить: «будьте ужъ откровенны до конца, говорите о вашей промышленности и оставьте живыхъ людей въ покоѣ. Если бы они грозили остановить развитіе вашего милаго капитализма, то развѣ вы стали бы съ ними считаться? (слѣдовало, очевидно, сказать—*церемониться*) Что значить для васъ эта сотня тысячъ какихъ-то «живыхъ людей», умирающихъ съ голоду?» (стр. 266).

Народникъ, однако, былъ тотчасъ же разбитъ въ пухъ и прахъ, причемъ у Наташи «свѣтилось въ глазахъ сожалѣніе къ нему», а у ея союзника-марксиста былъ «снисходительный тонъ выражений». Такіе жалкенькіе эти народники...

Испо, что марксисты могутъ легко простить г. Вересаева, что онъ называлъ марксизмъ *безобразнымъ доктринерскимъ ученіемъ*. Въ изображеніи г. Вересаева это «повѣтріе» охватываетъ наиболѣе чуткія и живыя натуры, вроде Наташи, а безсильные народники умѣютъ только повторять свои вокабулы, давно всѣмъ надоевшіе. Наташа, въ изображеніи г. Вересаева, нисколько не ренегатка, она—*обновившаяся, возродившаяся*. Она говоритъ тѣмъ энергичнымъ языкомъ, какимъ говорятъ Павлы, переставшіе быть Савлами, не только не боится упрековъ со стороны прежнихъ своихъ единомышленниковъ, но сама упрекаетъ и обличаетъ ихъ. «Какъ можете вы съ этимъ жить?—спрашиваетъ она одного народника.—Во что вѣрите вы? Въ окружающей жизни идетъ коренная, давно невиданная ломка, въ этой ломкѣ падаетъ и гибнетъ одно, незамѣтно нарождается другое, жизнь перестраивается на совершенно новый ладъ, выдвигаются совершенно новыя задачи. И вы стоите передъ этимъ хаосомъ, потерявъ подъ ногами всякую почву; старое вы бы рады удержать, но понимаете, что оно гибнетъ безповоротно; къ нарождающемуся новому не испытываете ничего, кромѣ недовѣрія и ненависти. Гдѣ же для васъ выходъ?» (стр. 277). Предоставляя народникамъ самимъ защищаться, если пожелаютъ, отъ нападеній этой бѣдовой барышни, я спрошу только: гдѣ идетъ коренная невиданная *ломка*? Гдѣ и какой хаосъ? Ломка, правда, идетъ въ понятіяхъ нѣкоторой части нашего общества и она сопровождается, пожалуй, хаосомъ въ міросозерцаніи, но обстоятельство это имѣетъ нѣкоторое общественное значеніе и несомнѣнный литературный интересъ, но историческаго, всенароднаго смысла оно не имѣетъ никакого. Экономическіе процессы, совершающіеся въ жизни нашего народа, представляютъ собою отнюдь не *ломку*; это процессы органическія, начало которыхъ можетъ быть указано во времени съ полной точностью: 19 февраля 1861 года. «*Старое гибнетъ безповоротно*»,—нѣтъ, кажется, все слава Богу. Неурядицы и всякой чепухи, разумѣется, не мало, но *старое* наше, старое-престарое, не только не гибнетъ, а растетъ и крѣпнѣетъ. Это старое—многомилліонный русскій народъ, тотъ народъ, который вынесъ на своихъ плечахъ всю нашу нелегкую исторію, который только вчера освободился отъ двухсотлѣтняго крѣпостнаго ига и который не спасуетъ передъ вашими

капитализмъ, передъ этимъ капитализмъ, шагу не умѣющимъ сдѣлать безъ государственныхъ помочей, безъ протекціонистскихъ костылей. Вы, госпожа марксистка, разочаровались въ русскомъ народѣ, въ его духѣ и разумѣ, потому что воочию видѣли проявленіе его бессмысленнаго звѣрства, а намъ разочароваться нельзя по той причинѣ, что мы никогда себя и не очаровывали. «Такъ русская печь печетъ», не помню кому принадлежитъ это выраженіе, но въ немъ есть смыслъ и отнюдь не *квасной*. Въ *этомъ* не разочаруютъ насъ никакія проявленія народной темноты, и мы надѣмся полюбоваться не тѣмъ, какъ нашъ пахарь будетъ вывариваться въ фабричномъ котлѣ, а тѣмъ, какъ западный капитализмъ будетъ выпекаться въ нашей печи. А пока прищипите хоть *одно* западное явленіе или учрежденіе, отъ табели о рангахъ до литературныхъ ученій и школъ, которое, будучи перенесено на нашу почву, не измѣнило бы своего первоначальнаго характера самымъ существеннымъ образомъ. Милитаризмъ? Да, это единственное, на что вы могли бы указать съ нѣкоторымъ правдоподобіемъ, но лишь до недавняго времени: милитаризмъ, взывающийъ къ разоруженію, къ самоограниченію, напоминающій о «мирѣ всего міра»—это не западный, не подлинный, не злостный милитаризмъ. Въ призмѣ русскаго характера (а не *навыковъ*, почтеннѣйшіе господа) преломляются и мѣняютъ свой цвѣтъ самыя яркіе лучи, идущіе отъ запада. Вашъ учитель-космополитъ, какъ извѣстно, понималъ это очень хорошо, а вы, русскіе люди, понять этого не въ состояніи. Смотрять и не видать, слышать и не внемлуть.

Приглядываясь къ литературной личности г. Вересаева, мы въ концѣ концовъ можемъ сравнить этого своеобразнаго народника-марксиста только съ Иваномъ Ивановичемъ Полумраковымъ, извѣстнымъ героемъ Глѣба Успенскаго. *Полумраковъ*—эта фамилія точно нарочно придумана для нашего полумарксиста, полународника. «Довольно, довольно, довольно! Дайте и намъ, и намъ... не все же мужикъ, мужикъ, мужикъ!» Такъ вопіалъ разочаровавшійся въ народѣ Полумраковъ и то же самое въ сущности говоритъ г. Вересаевъ, но не съ грубою прямою героя Успенскаго, а съ мягкой уклончивостью, съ красивыми изворотами рѣчи, съ вѣжливыми оговорками. То ли дѣло г. Горькій, у котораго что на умѣ, то и на языкѣ!

У.

Все имѣетъ свою причину и понять—значитъ простить. Какъ часто повторяются эти афоризмы и какъ рѣдко они получаютъ практическое значеніе! Не трудно понять, а значитъ возможно простить (однако, *такого* рода прощеніе вовсе не освобождаетъ отъ борьбы) и успѣхи у насъ нищіанства съ марксизмомъ. Я ставлю эти два теченія мысли въ тѣснѣйшую зависимость и, пожалуй, въ причинную связь: безъ дерзкаго нищіанства не было бы и самоувѣреннаго марксизма. Нашъ русскій марксизмъ не только экономическое, но и этическое ученіе. Что такое русскій мужикъ? Не сѣя-

тель и не хранитель родной земли, какъ это утверждалъ сантиментальный поэтъ-народникъ, это экономическій факторъ, рабочая сила, подчиненная власти желѣзныхъ экономическихъ законовъ. C'est le ventre qui fait les révolutions, какъ сказалъ Наполеонъ I, и не только революціи, но и всякія общественныя эволюціи происходятъ изъ того же источника. Le ventre—это основаніе, на которомъ, воздвигаются разнаго рода «надстройки», имѣющія только производное, второстепенное значеніе.

Такой взглядъ на человѣка уже самъ въ себѣ заключаетъ цѣлое нравственное ученіе. Вотъ человѣкъ, нашъ ближній, нашъ братъ,—это одинъ взглядъ; вотъ человѣкъ, т.-е. брюхо, которое погребляетъ, и руки, которыя производятъ,—это другой взглядъ. «И ближняго я не люблю, какъ не люблю себя», такъ выразился одинъ нашъ поэтъ-ниціанецъ и совершенно резонно: если человѣкъ не болѣе какъ орудіе производства, то намъ *нечего* любить и чтить ни въ другихъ, ни въ самихъ себѣ. А работа нашего духа, а мысли о безконечности, а стремленіе къ идеалу, жажда вѣры и любви? Это все въ насъ, должно быть, *надстройки*, которыя могутъ быть, но могутъ и не быть, смотря по обстоятельствамъ.

Позвольте, читатель. Я вовсе не приглашаю васъ къ тому необузданному идеализму, который договаривается до разрѣшенія дикарю терзать на вашихъ глазахъ вашихъ собственныхъ дѣтей или разбойнику выкалывать глаза ребенку. Любить ближняго — это прекрасно, но кто нашъ ближній? Всѣхъ любить—сердца не хватитъ, да это было бы и несправедливо, и неразумно. Вотъ г. Горькій, цѣною тяжелаго личнаго опыта пришедшій къ убѣжденію, что homo homini lupus, человѣкъ человѣку—волкъ. Въ разсказѣ «Мой спутникъ» онъ съ своею обычною яркою изобразительностью рассказываетъ намъ о человѣкѣ, его случайномъ спутникѣ, котораго онъ по-христіански пожалѣлъ, пріютилъ, защитилъ и который постыднѣйшимъ образомъ въ концѣ концовъ обманулъ его. «Я,—говоритъ г. Горькій,—никогда больше не встрѣчалъ этого человѣка—моего спутника въ теченіе почти четырехъ мѣсяцевъ жизни, но я часто вспоминаю о немъ съ добрымъ чувствомъ и веселымъ смѣхомъ. Онъ научилъ меня многому, чего не найдешь въ толстыхъ фоліантахъ, написанныхъ мудрецами, ибо мудрость жизни всегда глубже и обширнѣе мудрости людей» (стр. 309). Чему же именно научилъ г. Горькаго примѣръ его спутника? Мудрости, о которой авторъ напрасно говорить, что ее не найдешь въ толстыхъ фоліантахъ мудрецовъ. Нѣтъ, философія эгоизма и индивидуализма, резюмирующаяся въ извѣстномъ правилѣ—«каждый за себя, каждый для себя», что въ вольномъ переводѣ на босяцкій языкъ значитъ просто «не зѣвай»—эта философія довольно тщательно разработана. Каждому доброму человѣку, вѣроятно, приходилось встрѣчаться съ людскою неблагодарностью, иногда поистинѣ вопіющею и... что же изъ этого слѣдуетъ? На этотъ вопросъ пусть отвѣтитъ намъ Марья Павловна, одна изъ героинь «Воскресенія». «Марья Павловна никогда не думала о себѣ, а всегда была озабочена только тѣмъ, какъ бы услужить,

помочь кому-нибудь въ большомъ или маломъ. Одинъ изъ теперешнихъ товарищей ея, Новодворовъ, шутя говорилъ про нее, что она предается спорту благотворенія. И это была правда. Весь интересъ ея жизни состоялъ, какъ для охотника найти дичь, въ томъ, чтобы найти случай служенія другимъ. И этотъ спортъ сдѣлался привычкой, сдѣлался дѣломъ ея жизни. И дѣлала она это такъ естественно, что всѣ, знавшіе ее, уже не цѣнили, а требовали этого». Если примѣръ лживаго, наглаго и подлаго человѣка «научилъ многому» г. Горькаго, то неужели ничему не научилъ бы его примѣръ Марьи Павловны? Толстой указываетъ не личную и не случайную, а общую, типическую черту людей: всѣ знавшіе Марью Павловну уже не цѣнили, а требовали отъ нея самоотверженія и помощи. На *этомъ* наблюденіи могутъ быть построены нѣкоторые общіе выводы, тогда какъ ни примѣръ «спутника», ни примѣръ Марьи Павловны ровно ничего не говорятъ намъ. Разные люди на свѣтѣ есть — вотъ все, что мы можемъ сказать, глядя на Шакро («спутника» г. Горькаго) и на Марью Павловну. Мы слишкомъ выше Шакро, чтобы поучаться его примѣромъ и слишкомъ ниже Марьи Павловны, чтобы надѣяться достигнуть ея чистоты, ея неистощимой любвеобильности. Всесовершенная безсовѣстность Шакро, точно также какъ часто евангельская доброта Марьи Павловны — ихъ личныя, стихійныя свойства, ихъ, я готовъ сказать, *таланты*, а талантамъ подражать нельзя. Намъ, среднимъ людямъ, нужно искать пригодную для насъ истину между этими двумя нравственными полюсами — въ срединѣ же. Если наша добродушная услужливость, наша искренняя доброжелательность порождаетъ со стороны людей все только новыя и большія претензіи, мы начинаемъ испытывать негодованіе и вспоминаемъ, что у насъ есть не только шея, на которой можно ѣздить охочимъ людямъ, но и руки, чтобы защищаться, и зубы, чтобы кусаться. Хроническое самопожертвованіе Марьи Павловны для насъ не образецъ, и святыню своей личности мы не отдадимъ въ безконтрольное распоряженіе всякому встрѣчному. Съ другой стороны, ничего кромѣ отвращенія мы не можемъ чувствовать къ Шакро, потому что въ насъ не молчить голосъ совѣсти, живое чувство правды. Обмануть человѣка, сдѣлавшаго намъ добро (см. рассказъ), для насъ такъ же трудно и даже невозможно, какъ вѣчно прощать обманывающихъ насъ. Мы не скоты, какъ Шакро, и не святые, какъ Марья Павловна. Завѣтъ «любви» мы знаемъ и помнимъ, но на ряду съ нимъ помнимъ и другой завѣтъ: не метать бисера передъ свиньями. Марья Павловна неисчерпаемо богата и можетъ быть расточительной, а намъ этого *бисера*, драгоценнаго бисера любви отпущено судьбою въ обрѣзъ, такъ что намъ поневолѣ приходится быть экономными. Ну, попробуйте любовно и сердечно относиться ко *всѣмъ* людямъ, что получится въ результатѣ, къ чему вы придете? Къ ожесточенію, къ челоуѣконенавистничеству, т.-е. къ нравственному банкротству. Это случится всенепременно, потому что вашу любовь будутъ злостно эксплуатировать, ваше добродушіе обзовутъ глупостью, вашу личность по клочкамъ расхитятъ.

Господь Шакро въ нашей жизни — не початой край. Но не они съ ихъ волчьей моралью олицетворяютъ въ себѣ «мудрость жизни», какъ это слишкомъ поспѣшно заключилъ г. Горькій, а также — увы! — и не Марья Павловны. Мы живемъ не «по ту сторону добра и зла», не по ту и не по эту, а въ самомъ ихъ круговорѣ, и «мудрость жизни» состоитъ въ томъ, чтобы не терять нравственнаго равновѣсія, чтобы любить лишь достойное любви, сердце имѣть отверзтымъ, но и камнемъ за пазухой не пренебрегать. Любите ближняго, но Зулу, поджаривающій дѣтей, но разбойникъ, выкалывающій глаза, но Шакро, платящій зломъ за добро, не ближніе мои, а худшіе изъ враговъ, — враги по человѣчеству. *Беллетристы новѣйшей формации* въ значительной мѣрѣ утратили это чувство нравственнаго равновѣсія

М. Протопоповъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Проектъ объ улучшеніи участи незаконнорожденныхъ дѣтей.—Вопросъ объ экзаменахъ въ средней школѣ.—Введеніе института земскихъ начальниковъ въ юго-западномъ краѣ.—Печальныя вѣсти изъ южныхъ уѣздовъ.—Луганское дѣло о сопротивленіи властямъ.—Неурядицы въ петербургскомъ городскомъ самоуправленіи.—Враждебное отношеніе къ гласности.—Пониженіе крѣпости казенной водки и мѣры борьбы съ алкоголизмомъ.—Въ чемъ нуждаются наши попечительства для успѣха своей дѣятельности?—Промышленный кредитъ.—Государственныя сберегательныя кассы.—Петербургскій расчетный отдѣлъ.

Коммиссіей по составленію гражданскаго уложенія изготовленъ и внесенъ уже на разсмотрѣніе государственнаго совѣта проектъ правилъ объ улучшеніи участи незаконнорожденныхъ дѣтей. Еще въ 1890 г. государственный совѣтъ, при обсужденіи сдѣлавшагося впоследствии закономъ проекта объ усыновленіи и узаконеніи, «привѣтствуя единодушно законопроектъ министра юстиціи, стремящійся исправить судьбу дѣтей несчастныхъ по своему рожденію», замѣтилъ, что лишь ничтожная часть незаконнорожденныхъ дѣтей воспользуется благодѣяніями новаго закона, и что поэтому желателенъ общій пересмотръ постановленій о незаконнорожденныхъ дѣтяхъ, какъ завершеніе законопроекта объ усыновленіи и узаконеніи. Результатомъ этого пересмотра и является новый проектъ редакціонной коммисіи.

Самымъ важнымъ постановленіемъ новаго законопроекта является предоставленіе незаконнорожденному права на искъ о материнствѣ. Постановленіе это вызвало и въ спеціальной и общей литературѣ много возраженій. Указываютъ на то, что иски о материнствѣ будутъ служить источникомъ всякаго рода скандаловъ и вымогательствъ, что они вредно отразятся на общественной нравственности, что въ тѣхъ случаяхъ, когда у отвѣтчицы есть мужъ и законная семья, такой искъ тяжело отразится на чести семьи и т. д. Лучшій отвѣтъ на эти возраженія дала сама коммиссія въ мотивахъ къ проекту.

«Предполагая допускать искъ о материнствѣ, коммиссія не скрывала отъ себя, что предъявленіе и удовлетвореніе подобныхъ исковъ, когда ребенокъ родился отъ дѣвушки, принадлежащей къ интеллигентнымъ клас-

самъ общества и его рожденіе было скрыто, для матери и ея семьи несомнѣнно будетъ сопряжено съ значительными нравственными страданіями. Возможность предъявленія такихъ исковъ иногда, когда фактъ разрѣшенія дѣвушки отъ бремени сталъ извѣстенъ хотя бы ограниченному кругу лицъ, можетъ служить средствомъ и къ вымогательству. Не слѣдуетъ, однако, упускать изъ виду, что случаи, когда внѣбрачный ребенокъ рожденъ интеллигентною дѣвушкою или женщиною, хотя невольно обращаютъ на себя вниманіе, но въ дѣйствительности, къ счастью, встрѣчаются настолько рѣдко, что не могутъ вліять на установленіе въ законѣ общаго правила. Это правило должно быть приноровлено къ тѣмъ условіямъ, которыя въ случаяхъ внѣбрачныхъ рожденій представляются нормальными; въ этомъ отношеніи не можетъ подлежать сомнѣнію, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ внѣбрачныхъ рожденій матерями являются дѣвушки, принадлежащія къ низшимъ сравнительно классамъ общества, въ которыхъ внѣбрачное рожденіе, а слѣдовательно, и предъявленіе иска о материнствѣ не вызываютъ столь рѣзкаго нравственного осужденія, какъ среди образованныхъ классовъ, и въ которыхъ виѣстѣ съ тѣмъ больше сознается обязанность внѣбрачной матери нести всѣ послѣдствія своего преступленія. Но если бы даже указанные выше случаи встрѣчались значительно чаще, чѣмъ въ дѣйствительности, или если бы можно было предполагать, что именно въ этихъ случаяхъ и будутъ предъявляться указанные въ ст. 3-й иски, то и тогда правило этой статьи не подлежало бы измѣненію. Тамъ, гдѣ сталкиваются интересы виновной матери и интересы невиноваго съ своимъ рожденіемъ ребенка, вторые несомнѣнно заслуживаютъ предпочтенія. Устраненіе исковъ о материнствѣ дало бы матерямъ возможность произвольно уклоняться отъ исполненія святой обязанности, которую на нихъ возлагаетъ природа, а такое уклоненіе должно отразиться на общественной нравственности вредаѣе, чѣмъ возможная огласка факта внѣбрачнаго рожденія».

Къ этому можно прибавить, что именно боязнь будущихъ исковъ заставитъ многихъ матерей во время принять мѣры къ лучшему воспитанію и обезпеченію своихъ незаконныхъ дѣтей. Хорошая мать и безъ угрозы закона никогда не оставитъ своего незаконнаго ребенка; тамъ же, гдѣ нѣтъ сознанія нравственныхъ обязанностей, вполне умиѣстно вмѣшательство закона, хотя бы это вмѣшательство и происходило въ формѣ, причиняющей крупныя неудобства и даже страданія виновному. Притомъ же искъ о материнствѣ логически вытекаетъ изъ основной точки зрѣнія комиссіи, исходившей въ своемъ проектѣ изъ того положенія, что необходимо создать для внѣбрачнаго ребенка (комиссія замѣняетъ терминъ «незаконнорожденныя дѣти» терминомъ «внѣбрачныя дѣти»; замѣтимъ кстати, что въ свое время императрица Анна Іоанновна предлагала терминъ «несчастнорожденныя») хоть какое-нибудь подобіе семьи и установить между ними и матерью естественную связь, какую устанавливаетъ между ними природа. Въ виду этого проектъ предоставляетъ родительскую власть надъ внѣбрач-

нымъ ребенкомъ матери и въ отношеніи къ ней приравниваетъ его права къ правамъ законныхъ дѣтей. Къ сожалѣнію, коммиссія не развила этой точки зрѣнія до конца и исключила вѣнбрачныхъ дѣтей изъ рода матери, не предоставивъ имъ никакихъ правъ наслѣдованія послѣ ея родственниковъ. На эту непослѣдовательность указывали въ коммиссіи нѣкоторые члены ея, которые справедливо находили, что предоставленіе вѣнбрачнымъ дѣтямъ права наслѣдованія послѣ родственниковъ матери ничуть не противорѣчило бы даннымъ исторіи нашихъ гражданскихъ законовъ и даже было бы согласно съ основнымъ воззрѣніемъ православной церкви на бракъ и значеніе законнаго родства, такъ какъ и въ Византіи, когда уже христіанство сдѣлалось господствующей религіей, вѣнбрачныя дѣти также пользовались этими правами. Но коммиссія не только исключила вѣнбрачныхъ дѣтей изъ рода матери, но и ограничила ихъ въ правѣ наслѣдованія родового имущества, оставшагося послѣ самой матери. По проекту наслѣдователь, если у него есть законные нисходящіе, можетъ устранить по завѣщанію вѣнбрачнаго ребенка отъ наслѣдованія въ родовомъ имуществѣ, а если у него законныхъ нисходящихъ нѣтъ, то онъ можетъ завѣщать родовое имущество одному изъ родственниковъ того рода, откуда это имущество досталось ему. Мало того, по ст. 32 проекта законные родственники наслѣдователя, унаслѣдовавшіе вмѣстѣ съ вѣнбрачными дѣтьми его недвижимое имущество, въ правѣ удовлетворить ихъ за причитающуюся имъ часть денежной суммой по законной оцѣнкѣ. Значеніе этого правила станетъ понятно, если мы замѣтимъ, что законная оцѣнка недвижимаго имущества всегда значительно ниже его настоящей цѣны.

Что касается отношеній вѣнбрачнаго ребенка къ отцу, то они по проекту ограничиваются тѣмъ, что отецъ обязанъ давать на содержаніе своего вѣнбрачнаго ребенка. Ребенокъ не имѣетъ права отыскивать своего отца, ни требовать отъ него признанія. Даже искъ къ отцу о содержанія подвергнутъ разнымъ ограниченіямъ. Истецъ долженъ доказать, что у ребенка или его матери нѣтъ средствъ для содержанія или воспитанія его, а размѣръ содержанія опредѣляется не положеніемъ отца, а общественнымъ положеніемъ матери. Даже въ случаѣ признанія отцомъ ребенка послѣдній наслѣдуетъ лишь половину того, что ему причиталось бы, еслибъ онъ былъ законнымъ ребенкомъ наслѣдователя.

Эта снисходительность къ отцу вѣнбрачнаго ребенка составляетъ на нашъ взглядъ самую слабую часть проекта. Совершенно непонятно, почему мать вѣнбрачнаго ребенка должна нести всѣ послѣдствія своего увлеченія, а отецъ ограждается отъ всѣхъ законныхъ требованій своего ребенка, за исключеніемъ требованія о содержаніи. Отецъ въ этихъ случаяхъ чаще всего виновникъ матери; кромѣ того и общественное мнѣніе относится гораздо снисходительнѣе къ отцу вѣнбрачнаго ребенка чѣмъ къ матери. Право или неправое общественное мнѣніе—это другой вопросъ, но таковъ фактъ и несомнѣнно, что искъ объ отцовствѣ причинитъ отцу гораздо меньше страданій, чѣмъ искъ о материнствѣ матери. Еще несправедливѣе

постановленіе, по которому отецъ даетъ на содержаніе ребенка, сообразно съ общественнымъ положеніемъ матери. Положеніе матери, обращающейся съ искомъ о содержаніи ребенка къ отцу, отъ котораго она его прижила, всегда незавидно и во всякомъ случаѣ значительно хуже положенія отца ребенка. Такимъ образомъ проектъ даетъ отцамъ возможность довольно легко отдѣлываться отъ послѣдствій своихъ незаконныхъ увлеченій.

Несмотря, однако, на всѣ указанные недостатки, проектъ все же является шагомъ впередъ въ улучшеніи участи того многочисленнаго класса дѣтей, которыхъ по мѣткому выраженію императрицы Анны Іоанновны, дѣйствительно, умѣсто было бы звать «несчастнорожденными». По крайней мѣрѣ, теперь для этихъ безъ вины виноватыхъ дѣтей создается, посредствомъ иска о материнствѣ, хоть нѣкоторое «подобіе семьи», какъ выражаются составители проекта.

Среди вопросовъ средней школы вопросъ объ экзаменахъ несомнѣнно является однимъ изъ самыхъ жгучихъ. Время экзаменовъ по справедливости называется страдною порой для учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній. Тысячи дѣтей сидятъ въ это время за учебниками, которые уже успѣли до смерти надоѣсть за цѣлый годъ, и нервно, торопливо готовятся «по программамъ» къ экзаменамъ. Сидятъ цѣлые дни, сидятъ нерѣдко ночи напролетъ, заучиваются до одурѣнія, до болѣзни иногда. Какой смыслъ этого усиленнаго, напряженнаго подготовленія къ экзаменамъ въ теченіе мѣсяца? Если ученикъ цѣлый годъ плохо учился, то, очевидно, онъ за мѣсяцъ не усвоитъ того, чего не усвоилъ за годъ, а если онъ учился въ году хорошо, то усиленное подготовленіе къ экзаменамъ ничего къ его знаніямъ не прибавитъ. Въ смыслѣ проверки знаній учащихся экзамены также значенія не имѣютъ. Если учитель не составилъ себѣ въ теченіе года точнаго представленія о знаніяхъ ученика, то тѣмъ болѣе онъ не составитъ его себѣ въ теченіе тѣхъ 10 минутъ, какія онъ можетъ удѣлить на экзаменъ каждаго ученика. Кромѣ того, экзаменъ въ значительной степени является случайностью: часто хорошій ученикъ, подъ вліяніемъ ли переутомленія или волненія, отвѣчаетъ плохо, а плохой ученикъ, которому случайно достался знакомый вопросъ, отвѣчаетъ хорошо. Тѣмъ не менѣе хорошаго ученика все-таки переведутъ въ слѣдующій классъ, а плохого, несмотря на хорошій отвѣтъ, оставятъ на второй годъ. Зачѣмъ же тогда экзамены, самымъ гибельнымъ образомъ вліяющіе на здоровье и безъ того измученныхъ и переутомленныхъ дѣтей?

Вопросъ объ экзаменахъ не разъ уже поднимался въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ попечитель петербургскаго учебнаго округа Капустинъ установилъ въ учебныхъ заведеніяхъ своего округа порядокъ, въ силу котораго ученики, имѣющіе по двумъ изъ главныхъ предметовъ годовой баллъ 4 при удовлетворительныхъ баллахъ по всѣмъ другимъ предметамъ, переводились въ слѣдующій классъ безъ экзаменовъ. Затѣмъ былъ введенъ опытъ перевода хорошихъ учениковъ

безъ экзаменовъ въ рижскомъ и московскомъ учебныхъ округахъ. Не довольствуясь этимъ, министерство образовало особую комиссію для обсужденія вопроса объ отиѣтѣ экзаменовъ. Въ настоящее время въ газетахъ появились свѣдѣнія о проектѣ, выработанномъ комиссіей.

Согласно этому проекту, переводные экзамены изъ класса въ классъ вовсе отмиѣняются; ученики будутъ переводиться по годовымъ отиѣткамъ, причемъ достаточно имѣть удовлетворительные баллы по всѣмъ предметамъ. Что касается неуспѣвающихъ учениковъ, то имѣющіе неудовлетворительный баллъ только по двумъ предметамъ подвергаются экзамену по этимъ предметамъ до каникулъ; имѣющіе же неудовлетворительный баллъ болѣе чѣмъ по двумъ предметамъ, остаются на второй годъ. Переэкзаменовки отмиѣняются совсѣмъ. Экзамены будутъ производиться только устные; лишь для оканчивающихъ курсъ оставляется одинъ письменный экзаменъ по русскому языку, причемъ нынѣшній порядокъ, по которому темы присылаются изъ округа, отмиѣняется совсѣмъ. Темы будутъ выбираться самимъ учителемъ. Ученикамъ будутъ предлагаться четыре темы, изъ которыхъ они сами будутъ выбирать одну.

Этотъ проектъ нельзя не признать цѣлесообразнымъ. Онъ устраняетъ недостатки нынѣшней системы и отвѣчаетъ давно назрѣвшей потребности. Очень разумно комиссія устраняетъ переэкзаменовки: каникулы должны посвящаться отдыху, а не занятіямъ. Точно также цѣлесообразенъ и новый порядокъ письменныхъ экзаменовъ по русскому языку. До сихъ поръ темы присылались изъ округа въ запечатанныхъ конвертахъ, которые должны были вскрываться на глазахъ учениковъ, и учитель до послѣдней минуты не зналъ, какая тема будетъ предложена ученикамъ. Такой порядокъ не только оскорбителенъ для педагогическаго персонала, которому этою присылкой темъ въ запечатанныхъ конвертахъ выражается явное недовѣріе со стороны учебнаго округа, но и неудобенъ въ другихъ отношеніяхъ. Иногда учитель цѣлый годъ задаетъ, такъ называемыя, курсовыя темы, а изъ округа присылаютъ тему отвлеченную, и наоборотъ. Въ этихъ случаяхъ ученики оказываются неподготовленными, и количество неудовлетворительныхъ отиѣтокъ получается огромное. И дѣйствительно, изъ всѣхъ экзаменовъ обыкновенно наиболѣе неудачный—экзаменъ по русскому языку. Сплошь и рядомъ первые ученики получаютъ за экзаменаціонныя сочиненія тройки, да и то «по снисхожденію» и лишаются медали, на которую они имѣютъ право по годовымъ отиѣткамъ. Объясняется это, впрочемъ, кромѣ неудобствъ экзаменаціонныхъ порядковъ и тѣмъ, что при нынѣшней постановкѣ образованія въ средней школѣ, оканчивающіе курсъ юноши не обладаютъ достаточнымъ развитіемъ для того, чтобъ удачно справиться съ заданнымъ «сочиненіемъ». Чаше всего даже бываетъ такъ, что именно первые ученики являются наименѣ развитыми учениками въ классѣ. Новый порядокъ будетъ, по крайней мѣрѣ, имѣть то удобство, что темы будутъ приноравливаться учителемъ къ уровню раз-

витія учениковъ и кромѣ того ученики изъ четырехъ темъ смогутъ выбрать ту, которая лучше всего имъ знакома.

Остается пожелать, чтобы проектъ комиссіи былъ принятъ министерствомъ народнаго просвѣщенія и какъ можно скорѣе получилъ осуществленіе.

Московскія Вѣдомости сообщаютъ, что въ юго-западномъ краѣ вводятся съ 1901 г. земскіе начальники.

Согласно выработанному проекту участки каждого земскаго начальника будутъ содержать отъ 3 и не болѣе 6 волостей съ населеніемъ отъ 10 до 20 тысячъ. Городскіе судьи будутъ учреждены лишь въ губернскихъ и болѣе значительныхъ уѣздныхъ городахъ—всего около 50 судей во всемъ краѣ. Самымъ важнымъ отличіемъ мѣстной реформы является то, что мелкіе уѣздные города, а также многочисленныя въ краѣ мѣстечки, населенныя преимущественно мѣщанами-евреями, будутъ подчинены власти земскихъ начальниковъ наравнѣ съ сельскими мѣстностями. Эта мѣра мотивируется тѣмъ, что мѣстные «мѣщанскіе сходы и управы съ ихъ ни для кого не понятнымъ жаргономъ напоминаютъ прежнее кагалное управленіе и что только непосредственнымъ вторженіемъ сильной власти въ эту темную область можно расшатать и разрушить такую вредную анти-государственную организацію, какъ кагалный строй». Въ виду введенія земскихъ начальниковъ въ городахъ и мѣстечкахъ, число ихъ въ каждой губерніи будетъ значительно больше, чѣмъ во внутреннихъ губерніяхъ. Всѣхъ земскихъ начальниковъ въ трехъ губерніяхъ намѣчено около 330, т.-е. по 9—10 на уѣздъ. Всѣ они будутъ русскіе. А такъ какъ мѣстный русскій дворянскій элементъ довольно незначителенъ, то придется назначать въ земскіе начальники дворянъ изъ внутреннихъ губерній. Вслѣдствіе этого, съ цѣлью привлеченія такихъ лицъ, а также въ виду того, что пріѣзжимъ придется нанимать помѣщенія для себя и камеръ, усиленъ окладъ для земскихъ начальниковъ до 3 т. р. въ годъ.

Съ введеніемъ въ краѣ земскихъ начальниковъ будутъ уничтожены должности мировыхъ посредниковъ и мировыхъ судей. Послѣдніе будутъ сохранены только въ Кіевѣ.

Такъ какъ мы неоднократно высказывались принципиально объ институтѣ земскихъ начальниковъ, то мы на этотъ разъ ограничимся лишь нѣсколькими замѣчаніями относительно тѣхъ особенностей, какія допущены проектомъ при введеніи земскихъ начальниковъ въ юго-западномъ краѣ. Раньше всего непонятно, чѣмъ вызвано расширеніе компетенціи земскихъ начальниковъ на мѣстные города и мѣстечки. Проектъ мотивируетъ это необходимостью вѣдательства твердой власти въ мѣстное мѣщанское управленіе. Мы не станемъ спорить противъ того, что мѣстное мѣщанское управленіе представляетъ организацію, исполненную всѣхъ недостатковъ. Но въ такомъ случаѣ ее, очевидно, надо отмѣнить и реорганизовать на новыхъ началахъ, между тѣмъ проектъ оставляетъ ее существующей

и лишь подчиняетъ ее надзору земскихъ начальниковъ. Кромѣ того мѣшанскія управленія въ другихъ мѣстахъ ничуть не лучше, чѣмъ въ юго-западномъ краѣ. Почему же они тамъ не подчинены власти земскихъ начальниковъ? Кромѣ того подчиненіемъ земскимъ начальникамъ городовъ и мѣстечекъ нарушается то самое единообразіе въ управленіи, интересами котораго, между прочимъ, и мотивируется введеніе въ краѣ земскихъ начальниковъ.

Непоследовательностью, хотя и вынужденной, является и то, что должности земскихъ начальниковъ въ юго-западномъ краѣ будутъ въ большомъ количествѣ заниматься не мѣстными дворянами, а дворянами другихъ губерній. Между тѣмъ при введеніи института земскихъ начальниковъ именно имѣлось въ виду дать народу власть, близко стоящую къ нему по мѣстнымъ интересамъ.

Непонятно, наконецъ, почему мировые судьи, признанные вредными или нежелательными въ другихъ городахъ края, оставляются въ Кіевѣ. Одно изъ двухъ: или мировые судьи хороши—тогда зачѣмъ ихъ уничтожать? или они плохи—тогда зачѣмъ ихъ оставлять въ Кіевѣ, Москвѣ, Одессѣ и т. д.? Это сосуществованіе рядомъ новыхъ судебно-административныхъ и прежнихъ мировыхъ учреждений создаетъ такую смѣшанную, пеструю юстицію, что иной разъ и опытный юристъ не знаетъ, въ какой судъ ему обратиться съ даннымъ дѣломъ.

Въ газетахъ продолжаютъ появляться тревожныя извѣстія о положеніи населенія въ пострадавшихъ отъ недорода южныхъ уѣздахъ. Все чаще и чаще встрѣчаются въ этихъ извѣстіяхъ указанія на распространеніе эпидемическихъ болѣзней на почвѣ голодовки. Вопросъ объ эпидемическихъ болѣзняхъ обсуждался, между прочимъ, на недавно происходившемъ въ Елизаветградѣ сѣздѣ земскихъ врачей. По сообщенію корреспондента *Roscin*: «одипъ изъ врачей констатировалъ на этомъ сѣздѣ, что процентъ заболѣванія населенія эпидемическими болѣзнями значительно повышентъ, особенно въ Вознесенской волости, гдѣ господствуетъ сильная нужда въ продовольствіи. Не отрицая того обстоятельства, что въ указанныхъ мѣстахъ, дѣйствительно, господствуютъ тифъ и скарлатина, членъ земской управы, завѣдующій этимъ участкомъ, никакъ не могъ согласиться съ мнѣніемъ врачей о томъ, что причиной этого явленія служитъ недоѣданіе населенія, и спорилъ съ ними довольно энергично. Врачъ другого участка (еланецкаго) сообщилъ, что въ его районѣ, въ теченіе текущаго года, наблюдалось 13 цынготныхъ заболѣваній, вызванныхъ тоже, несомнѣнно, голодовкой. Такъ какъ цынга—болѣзнь въ нашемъ краѣ чрезвычайно рѣдкая, не всегда наблюдающаяся даже при недородахъ,—то врачъ еланецкаго участка представилъ полное описаніе болѣзни, засвидѣтельствованное особою комиссіей. Сѣздъ врачей, ознакомившись съ описаніемъ и обсудивъ симптомы болѣзни, пришелъ къ несомнѣнному выводу, что здѣсь приходится имѣть дѣло съ вызванною голодовкой цынгой, хотя пока

и въ слабой формѣ. При этомъ врачи постановили отчислять изъ получаемаго имъ жалованья по 2 процента въ пользу пострадавшихъ отъ недорода. Вообще у насъ только земская управа продолжаетъ упорствовать въ своемъ мнѣніи, что недородъ не такъ великъ и что въ уѣздѣ нѣтъ вопіющей нужды. Лица же, стоящіе ближе къ населенію, какъ, на примѣръ, земскіе врачи, держатся того мнѣнія и настаиваютъ на принятіи экстраординарныхъ мѣръ. Уступая ихъ настоянію, земство выдало имъ раньше 1,500 руб. на удовлетвореніе наиболѣе вопіющихъ продовольственныхъ нуждъ. Теперь деньги эти уже израсходованы, и земскіе врачи просили у земской управы отпустить еще извѣстную сумму на удовлетвореніе тѣхъ же нуждъ. Имъ отпущено 1,500 р., однако, при этомъ выставленъ былъ мотивъ, что расходъ этотъ вызывается не экстраординарностью настоящаго положенія, а постоянно существующимъ контингентомъ лицъ, нуждающихся въ усиленномъ питаніи. Такова сила упорства!»

Г. Ив. Новиковъ въ *Курьеръ* пишетъ, что въ аккерманскомъ и измаильскомъ уѣздѣ *сильно развивается тифъ*, такъ что предсѣдатель аккерманской уѣздной управы обратился въ пироговскій комитетъ съ просьбой командировать врачей.

Между тѣмъ, несмотря на усиленіе нужды, общество остается довольно равнодушно къ бѣдствію, постигшему населеніе южныхъ уѣздовъ, и многія лица, работающія на голодѣ, сообщаютъ, что они вынуждены будутъ бросить работу за неимѣніемъ денегъ въ своемъ распоряженіи. Такъ, въ томъ же *Курьеръ* В. Я. Веселовская пишетъ слѣдующее: «Больше мѣсяца работаю я на голодѣ въ Измаильскомъ уѣздѣ; открыла 5 столовыхъ на 750 человѣкъ. Въ трехъ селеніяхъ (Мартаза, Будуръ и Балабанка) удалось дать небольшой заработокъ крестьянамъ устройствомъ и поправкой плотины. Грустное впечатлѣніе производитъ эта работа: человѣкъ 200 крестьянъ цѣлый день копаютъ и возятъ землю, лошади еле-еле тащатъ тачку съ землей, такъ какъ за цѣлую зиму онѣ не выдали ячменя и были на одной соломѣ,—лошади падаютъ, выбиваются изъ силъ и останавливаются; подходит самъ хозяинъ, а за нимъ и семья, впрягаются вмѣстѣ въ тачку и такъ добираются до плотины... Много работаетъ на плотинѣ и безлошадныхъ: мужикъ, баба и ребятишки выкапываютъ за день $\frac{1}{2}$ кубической сажени земли, взрослые впрягаются въ тачку, а ребятишки переносятъ землю въ шапкахъ и фартукахъ. Въ четвертомъ селеніи Шаганахъ сдѣланъ маленькій ставъ (прудь для скота); за работу уплачено мукой и ячменемъ. А вотъ большое село Золокары остается безъ трудовой помощи, за неимѣніемъ денегъ. Теперь въ концѣ марта и апрѣлѣ настаетъ самое горячее время: нужно пахать и сѣять, а ни сѣмянъ, ни лошадей нѣтъ. Особенно печально положеніе маленькой деревни Балабанки въ 44 двора; деревня эта основалась только годъ тому назадъ переселенцами, которые поселились на арендованной землѣ, платя по 8 р. 69 к. съ десятины въ годъ; поля засѣять нечѣмъ—нѣтъ сѣмянъ; пахать не на чемъ—нѣтъ лошадей, а подойдетъ осень—нужно платить аренду за два года, такъ какъ и

за первый годъ она еще не внесена,—иначе землю отберутъ и балабанскіе переселенцы превратятся въ вѣчныхъ странниковъ... Горячо прошу всѣхъ добрыхъ людей помочь голодающимъ. Если же не послѣдуетъ скорой помощи, то я вынуждена буду закрыть столовыя, прекратить начатыя работы и оставить поля безъ посѣва, такъ какъ денегъ у меня осталось всего на нѣсколько дней» (Адр. Бессарабія, Аккерманскіе Татарбунары, въ село Мартазу, Измаильскаго уѣзда, Варварѣ Яковлевѣ Веселовской). То же самое пишетъ г-жа Успенская въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*. Она тоже торопитъ съ подачей помощи, иначе поздно будетъ.

По опыту прошлыхъ голодовокъ мы знаемъ, что именно къ веснѣ нужда населенія становится особенно обостренной. Будемъ же надѣяться, что горячія воззванія лицъ, работающихъ на голодѣ, не останутся безъ отклика.

Недавно въ Таганрогѣ особымъ присутствіемъ харьковской судебной палаты разбиралось интересное въ бытовомъ отношеніи дѣло о 16 жителяхъ г. Луганска, обвиняемыхъ въ сопротивленіи властямъ и насиліи надъ полицейскими чинами. Среди обвиняемыхъ мужчинъ и женщинъ находились лица въ возрастѣ отъ 20 до 70 лѣтъ. Обстоятельства, по отчету *Приазовскаго Края*, заключались въ слѣдующемъ.

20 мая 1899 г. были арестованы въ Луганскѣ за буйство и пьянство двое мѣстныхъ обывателей. При арестованіи городовые нанесли имъ тяжкіе побои, отъ которыхъ одинъ изъ арестованныхъ, Зайкинъ, умеръ. Трупъ умершаго былъ перевезенъ на кладбище въ мертвецкую для вскрытія. Во время вскрытія на кладбищѣ собралась значительная толпа, челоѣкъ въ 300, которая громко выражала свое негодованіе по поводу случившагося.

По требованію толпы полицейскій врачъ прочелъ ей протоколъ вскрытія тѣла. Послѣ этого толпа стала выказывать еще большее возбужденіе: раздались угрозы противъ полиціи и крики, что полиція убиваетъ людей, что надо перебить всю полицію, что прежде въ Луганскѣ полиціи не было и никто людей не убивалъ. Среди крикуновъ особенно отличался нѣкто Чукинъ, находившійся въ нетрезвомъ состояніи. Онъ стрѣлялъ въ воздухъ изъ револьвера, подставляя его къ самому лицу полицейскаго надзирателя и говорилъ: «вотъ чтѣ вамъ слѣдуетъ». Наконецъ, онъ былъ обезоруженъ и задержанъ. На слѣдующій день толпа опять собралась на кладбищѣ, требуя новаго вскрытія тѣла Зайкина. Явившемуся для успокоенія толпы земскому начальнику Самойлову оборвали портупею и китель. Точно также не удалось успокоить толпу и священнику. Толпа требовала, чтобъ о случаѣ съ Зайкинымъ было дано знать по телефону губернатору. Требованіе это было исполнено. Вечеромъ того же дня толпа собралась около зданія полицейскаго управленія, кричала, свистала и осыпала зданіе камнями. На слѣдующій день тѣло Зайкина было предано землѣ при огромномъ стеченіи народа. Послѣ похоронъ толпа вновь перешла на площадь, но здѣсь была разогнана при помощи нагаекъ прибывшими по вызову казаками. Всѣмъ за тѣмъ, въ видахъ успокоенія толпы, былъ освобожденъ арестованный

наканунѣ Чукинѣ, послѣ чего толпа разошлась по домамъ, и безпорядки болѣе не возобновлялись.

На судѣ дѣло представилось въ нѣсколько иномъ видѣ, чѣмъ по обвинительному акту. Полицейскіе чины показали, что толпа только шумѣла, но никакого насилія не производила. Главнымъ обвинителемъ явился земскій начальникъ Самойловъ, который, по собственнымъ его словамъ, очень любимъ жителями Луганска. Онъ представилъ безпорядки въ Луганскѣ грандіозными, хотя призналъ, что толпа не осаждала полицейскаго управленія, а только шумѣла и галдѣла возлѣ него. Главными коноводами, по его мнѣнію, были Чукинъ и Шириева. Последняя, по его словамъ, пріѣхала изъ Петербурга съ какими-то идеями и въ день безпорядковъ возбуждала толпу. Шириева же увѣряла на судѣ, что земскій начальникъ счелъ ее бунтовщицей оттого, что на вопросъ его, какія книги она читала, она отвѣтила: «Я читала французскій романъ «Капитанъ Дрейфусъ»!...

Прокуроръ отказался отъ обвиненія противъ восьми подсудимыхъ, но настаивалъ на немъ по отношенію къ остальнымъ.

Судебная палата восемь человѣкъ оправдала, Чукина приговорила къ 1½ мѣсяцамъ ареста, Шириеву — къ семидневному аресту, а остальныхъ къ штрафу отъ 3 до 10 руб.

Въ Петербургскомъ городскомъ самоуправленіи творится что-то чрезвычайно странное. Газетные отчеты о засѣданіяхъ петербургской думы производятъ такое впечатлѣніе, точно они сочинены какимъ-нибудь юмористомъ для увеселенія почтеннѣйшей публики,—до такой степени не похоже на дѣйствительность то, что происходитъ въ думѣ. Даже въ отчетахъ о засѣданіяхъ думы въ какой-нибудь Кинешмѣ или Малмыжѣ мы не встрѣчали ничего подобнаго. До сихъ поръ петербургская дума была извѣстна какъ одна изъ самыхъ интеллигентныхъ и энергичныхъ думъ, болѣе или менѣе достойно представлявшая столичное населеніе; теперь она, по справедливости, можетъ считаться одной изъ самыхъ юмористическихъ думъ. Этой почетной юмористической извѣстностью петербургская дума обязана не кому иному, какъ своему городскому головѣ г. Леянову. Г. Леяновъ до того, какъ сталъ петербургскимъ головой, торговалъ мѣховымъ товаромъ. Это почтенное занятіе выработало въ немъ извѣстныя привычки, отъ которыхъ онъ не можетъ отказаться и въ должности городского головы. Г. Леяновъ принялся распоряжаться въ городскомъ хозяйствѣ приблизительно такъ, какъ онъ, вѣроятно, распоряжается въ своемъ магазинѣ, т.-е. самоуправно и самовластно. Между тѣмъ гласные петербургской думы, по крайней мѣрѣ, часть ихъ, никакъ не могутъ забыть, что они представители общественныхъ интересовъ, а вовсе не «молодцы» г. Леянова, обязанные безпрекословно подчиняться «хозяину». Благодаря этому, въ думѣ происходятъ вѣчныя недоразумѣнія, которыя особенно обострились въ послѣднее время. Вотъ, наприм., заимствованное нами изъ *Новаго Времени* извлеченіе изъ отчета о засѣданіи, происходившемъ 1 марта. Въ засѣданіи этомъ, между прочимъ,

были прочитаны два предложенія петербургскаго градоначальника крайне непріятнаго для думы свойства: одно указывало на неправильное составленіе смѣты на 1900 г., другое напоминало о томъ, что дума до сихъ поръ не дала объясненій по дѣлу о постройкѣ Алафузовской больницы. Эти предложенія вызвали горячую рѣчь гласнаго П. П. Дурново, который рѣзко и энергично напалъ на бездѣйствіе городской управы и другихъ городскихъ исполнительныхъ органовъ, вызывающихъ своими затѣжками дѣлъ и докладовъ обидныя для самолюбія думы предложенія и постановленія. «Къ 1-му марта,—продолжалъ г. Дурново,—намъ были обѣшаны управою объясненія и доклады по многимъ весьма важнымъ вопросамъ. Сейчасъ первое марта и докладовъ этихъ нѣтъ. Дума узнаетъ о многихъ дѣлахъ своихъ только черезъ градоначальника или черезъ газеты, какъ, напримѣръ, подобное событіе: привлеченіе къ слѣдствію городского головы и членовъ управы за бездѣйствіе власти (по дѣлу Дворцоваго моста). Я думаю, что подобный порядокъ веденія дѣлъ несомнѣстимъ съ достоинствомъ городскихъ выборовъ и оскорбителенъ для думы».

Г. Леляновъ выслушиваетъ рѣчь г. Дурново стоя и молчить.

Гл. Стасюлевичъ. Прошу г. городского голову сообщить, получено ли имъ отъ особаго присутствія по городскимъ дѣламъ предложеніе по поводу Дворцоваго моста?

Г. Леляновъ молчить.

Гл. Стасюлевичъ. Я прошу городского голову отвѣтить.

Г. Леляновъ (нерѣшительно). Не получено.

Гл. Стасюлевичъ. Не получено?

Г. Леляновъ. Не получено.

(По этому поводу *Новое Время* замѣчаетъ: «Это невѣрно. Дѣло получено»).

Гл. Стасюлевичъ. Гм... Прошу городского секретаря сообщить намъ: не получено ли имъ это дѣло?

Г. Зубаревъ. У меня его нѣтъ.

Гл. Стасюлевичъ. Тогда прошу городского голову сообщить, получено ли имъ заключеніе городского присутствія по жалобѣ городского головы на управу въ полномъ ея составѣ?

Г. Леляновъ. Получено.

Гл. Стасюлевичъ. Почему же оно не доложено думѣ?

Г. Леляновъ. Оно не подлежитъ по закону къ докладу думѣ.

Гл. Стасюлевичъ. Вы ошибаетесь. Дума обязана знать, за что городской голова приноситъ жалобу на управу въ полномъ ея составѣ. Я прошу васъ дать объясненія.

Г. Леляновъ молчить.

Гл. Стасюлевичъ (къ думѣ). Я прошу васъ, господа, поддержать достоинство представителей городского общественнаго управленія и спросить у городского головы, въ чемъ виновны ваши выборные, члены управы? Какаѣ вина съ ихъ стороны побудила городского голову жаловаться на

нихъ особому присутствію по городскимъ дѣламъ. Инцидентъ безпримѣрный и неслыханный! Такой разладъ прямо опасенъ, не говоря уже о томъ, что подобный образъ дѣйствій дискредитируетъ дорогой намъ принципъ городского самоуправленія. Какія причины побудили городского голову поступить такъ? Прошу объяснить это.

Голоса. Просимъ объяснить.

Г. Леляновъ молчитъ.

Голоса. Просимъ объяснить! Дать объясненія!

Г. Леляновъ, очень красный, молчитъ.

Гласные въ недоумѣніи смотрятъ другъ на друга (*Новое Время* дѣлаетъ въ этомъ мѣстѣ подстрочное примѣчаніе: Мы можемъ отвѣтить за г. Лелянова и объяснить думѣ въ чемъ дѣло: вотъ уже два года, какъ водопроводная коммиссія тѣтено старается избавиться отъ техника г. Алтухова, насильно водвореннаго г. Леляновымъ въ коммиссію вопреки ея желанію. Коммиссія два раза постановляла уволить г. Алтухова и два раза г. Леляновъ «на зло» коммиссіи оставлялъ г. Алтухова. Въ послѣдній разъ уже управа сдѣлала постановленіе объ увольненіи г. Алтухова. Но г. Леляновъ не захотѣлъ и здѣсь разстаться со своимъ протеже и не задумался пожаловаться на управу особому присутствію).

Гл. Стасюлевичъ (къ думѣ). Господа, совершенно случайно я узналъ что вы постановили поздравить меня съ празднованіемъ моего десятилѣтняго служенія городскому дѣлу народнаго обученія. Благодарю васъ, господа, но все, что сдѣлано для этого дѣла—сдѣлано вами, думой, а я только былъ исполнителемъ вашего желанія. Отъ лица училищной коммиссіи благодарю васъ, господа, за то, что сдѣлали вы въ этой отрасли для петербургскихъ обывателей.

Общіе апплодисменты по адресу М. М. Стасюлевича (г. Леляновъ рукоплещетъ также).

Гл. Ждановъ. М. М. Стасюлевичъ говоритъ, что онъ узналъ случайно о постановленіи думы. Просимъ городского голову объяснить намъ, почему не исполнено было постановленіе думы поздравить юбиляра отъ лица думы?

Г. Леляновъ опять молчитъ.

Голоса. Просимъ объяснить.

Г. Леляновъ молчитъ... (и вдругъ вдохновенно). Перехожу къ очереднымъ дѣламъ.

Гл. Веретенниковъ. А ваше объясненіе?

Г. Леляновъ. Не даю вамъ слова.

Гл. Веретенниковъ. Да я и не прошу у васъ его. Я нахожу, что ваше молчаніе оскорбительно для собранія, которое проситъ отъ васъ отвѣта.

Г. Леляновъ. Перехожу къ очереднымъ дѣламъ.

Гл. Веретенниковъ. Значитъ, вы не можете дать объясненія?

Г. Леляновъ молчитъ.

Такъ дума отъ г. Лелянова ничего и не добилась.

Черезъ нѣсколько времени г. Лелянова спрашиваютъ, почему онъ, по-

пирая всякую справедливость, увольняетъ служащихъ безъ объясненій причинъ. Опять молчаніе и переходъ къ очереднымъ дѣламъ.

Въ слѣдующемъ послѣ этого засѣданія 8 марта г. Стасюлевичъ, одинъ изъ самыхъ почтенныхъ и полезныхъ дѣятелей петербургскаго городского самоуправленія, отказался отъ должности предсѣдателя коммисіи по народному образованію, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что состоя по должности членомъ городской управы, онъ не можетъ далѣе оставаться въ ея составѣ, такъ какъ городской голова, какъ онъ самъ сознался, ведетъ тамъ свои собственныя дѣла, останавливаетъ постановленія управы, не сообщая думѣ объ этихъ своихъ распоряженіяхъ и не только отказывается объяснять свои служебныя дѣйствія, но даже скрываетъ получаемыя имъ бумаги, касающіяся общественныхъ дѣлъ.

И что же? Даже на эти серьезные обвиненія г. Леляновъ отвѣтилъ «перехожу къ очереднымъ дѣламъ!»

Голова, который все молчитъ, а когда раздражается рѣчью, то только и умѣетъ произнести «перехожу къ очереднымъ дѣламъ»... Не вспоминаете ли вы, читатель, того глуповскаго градоначальника, котораго звали «Органчикомъ» и который, по описанію Щедрина, всегда былъ «молчаливъ и угрюмъ» и только и умѣлъ произносить двѣ фразы: «Не потерплю!» и «Раззорю!»

Какъ бы то ни было, очень печально, что во главѣ столичной думы оказался человѣкъ, который своимъ поведеніемъ роняетъ престижъ городского самоуправления. Замѣтимъ, что первымъ кандидатомъ на должность городского головы петербургскою думою былъ избранъ графъ Мусинъ-Пушкинъ.

Наша печать, какъ извѣстно, далеко не избалована благосклоннымъ отношеніемъ къ ней. Тѣмъ болѣе, казалось, она могла бы рассчитывать на дружеское отношеніе къ себѣ со стороны лицъ, имѣющихъ прямое отношеніе къ печатному слову. Между тѣмъ ей и здѣсь приходится испытывать горькое разочарованіе.

Недавно петербургскіе типографы затѣяли почтить память изобрѣтателя книгопечатанія Гуттенберга. Собрались для того, чтобы обсудить программу и способъ чествованія. На собраніе явились и репортеры съ тѣмъ, чтобы на слѣдующій день оповѣстить столицу о томъ, къ какимъ рѣшеніямъ пришли поклонники Гуттенберга. Присутствіе репортеровъ сейчасъ же обратило на себя вниманіе собравшихся типографовъ, и вотъ вмѣсто того, чтобы обсуждать вопросъ о чествованіи Гуттенберга, они занялись обсужденіемъ вопроса о томъ, не слѣдуетъ ли удалить изъ собранія репортеровъ.

Первымъ высказался по этому вопросу *редакторъ-издатель Биржевыхъ Вѣдомостей* г. Проперъ. Онъ требовалъ немедленнаго изгнанія репортеровъ въ виду того, что собраніе было предварительное. Это собраніе частное,—говорилъ онъ,—мало ли что могутъ на немъ говорить. Репортерамъ здѣсь не мѣсто! Остальные присутствующіе почти всѣ согласились съ

миѣніемъ г. Проппера, который поэтому обратился къ репортерамъ съ слѣдующимъ заявленіемъ: «Если вы, господа, пришли только затѣмъ, чтобы писать, то можете уходить».

Однако, репортеры отказались послѣдовать этому любезному приглашенію. Тогда г. Пропперъ предложилъ собранію перейти въ отдѣльную комнату для секретнаго совѣщанія. Репортеры остались въ пустой залѣ, по г. Пропперъ съ коллегами почему-то скоро вышли изъ «отдѣльной комнаты», и г. Сабининъ открылъ собраніе, внушивъ, однако, репортерамъ, что собраніе это только первоначальное и что въ газетныхъ отчетахъ они должны придерживаться редакціи секретаря собранія.

Такъ отнеслись къ гласности столичные владѣльцы типографій и въ томъ числѣ редакторъ-издатель газеты, нерѣдко занимающейся изобличеніемъ враговъ гласности. Что-жъ сказать послѣ этого о всякаго рода случаяхъ враждебнаго отношенія къ гласности со стороны провинціальныхъ общественныхъ «дѣятелей»? А эти случаи въ послѣднее время особенно участились. Такъ, на происходившее недавно въ Саратовѣ дворянское собраніе корреспонденты газеты не были допущены; въ томъ же Саратовѣ былъ удаленъ изъ губернскаго земскаго собранія сотрудникъ *Саратовскаго Листка*; въ Тифлисѣ городской голова запретилъ служащимъ въ управѣ выдавать какія бы то ни было свѣдѣнія о городскихъ дѣлахъ сотрудникамъ мѣстныхъ газетъ. Такое распоряженіе сдѣлалъ, какъ сообщаетъ корреспондентъ *Сѣвернаго Курьера*, и воронежскій городской голова. Въ *Костромскомъ Листкѣ* вмѣсто отчета о происходившемъ въ мартѣ дворянскомъ собраніи въ Костромѣ встрѣчаемъ слѣдующія строки:

«Къ сожалѣнію, обсужденіе всѣхъ вопросовъ нашимъ дворянствомъ происходитъ при закрытыхъ дверяхъ. Благодаря этому, мы, несмотря на все желаніе, лишены возможности познакомить нашихъ читателей какъ съ содержаніемъ дворянскихъ ходатайствъ, такъ и съ характеромъ и направленіемъ дебатовъ по поводу этихъ ходатайствъ, которые, какъ мы имѣемъ основаніе предполагать, имѣютъ довольно важное общественное значеніе».

Словомъ, всюду и вездѣ гласность преслѣдуется какъ что-то преступное и назойливое, отравляющее существованіе и спокойствіе мирныхъ людей.

Мы не станемъ здѣсь говорить о пользѣ и значенія гласности: это было бы слишкомъ элементарно. Но вотъ любопытный примѣръ того вреда, который можетъ принести вынужденное молчаніе печати, примѣръ, подвернувшийся намъ подъ руку одновременно съ перечисленными выше фактами. Въ *Новомъ Времени* напечатана корреспонденція изъ Орла, начинающаяся такимъ образомъ:

«Давно уже ходили въ обществѣ очень странные слухи о томъ, что творится въ одномъ изъ нашихъ уѣздовъ. Передавались довольно печальныя вѣсти о дѣятельности его властей административныхъ, городскихъ, акцизныхъ, а частью даже судебныхъ и земскихъ. Оптимисты не придавали, однако, этимъ розсказнямъ особаго значенія именно въ виду огульности обвиненій. Не вѣрилось, чтобы въ наше время могъ осуществиться цѣлый

рядъ злоупотребленій при молчаливомъ взаимномъ потворствѣ различныхъ властей и при долговременной, совершенной ихъ безнаказанности. Однако, въ самое послѣднее время всплыли на поверхность уѣзднаго болота двѣ исторіи, которыя заставили призадуматься самыхъ упорныхъ оптимистовъ.

Затѣмъ рассказываются двѣ «всплывшія на поверхность уѣзднаго болота» исторіи. Одна изъ нихъ состоитъ въ томъ, что правительственная ревизія городского банка, по слухамъ, открыла множество самыхъ непозволительныхъ дѣяній бухгалтера банка, который фактически совмѣшалъ въ своемъ лицѣ всѣ банковскія власти, не исключая даже кассирской. Хозяйничанье бухгалтера длилось десятки лѣтъ и ни въ комъ не встрѣчало отпора. Бухгалтеръ считалъ себя, наконецъ, до того неуязвимымъ, что началъ скупать земли на очень крупную сумму, гораздо болѣе крупную, чѣмъ та, которою еще располагаетъ ревизуемый банкъ.

Другая исторія повѣствуетъ о двухъ мѣстныхъ коммерсантахъ, которые самымъ безперерывнымъ образомъ занимались тайнымъ винокурениемъ въ центрѣ города, на одной изъ лучшихъ улицъ его. Раскрылось это благодаря тому, что взрывомъ какого-то аппарата обваренъ рабочий, который черезъ 7 дней и умеръ. «Хотя,—говоритъ корреспондентъ,—лѣчившій его уѣздный-врачъ далъ заключеніе о причинѣ смерти, якобы ничего общаго съ ожогами не имѣющей (хроническій алкоголизмъ), и трупъ, никѣмъ не освидѣтельствованный, поспѣшили похоронить гдѣ-то въ деревнѣ, но правда обнаружилась вслѣдствіе жалобы жены покойнаго, недостаточно вознагражденной. Тѣмъ не менѣе мѣстныя власти, административныя и судебныя довольно долго оставались глухими къ пересудамъ возмущенныхъ обывателей, а гг. тайные винокуры (два брата) даже открыто грозили местию «клеветникамъ». Такой удивительной слѣпотѣ властей дивились тѣмъ болѣе, что братцы скупаютъ хлѣбъ въ значительномъ количествѣ, но никогда и никому не продаютъ его и что, имѣя свой складъ вина, но не винокуренный заводъ, пріобрѣтаютъ, однако, покупкою сравнительно весьма мало спирта. Обыватели единогласно вопіютъ о необходимости поручить разборъ дѣла о тайномъ винокурении и смерти рабочаго братцевъ лицамъ и властямъ, постороннимъ уѣзду; иначе-де правды не добьются ни казна, ни потерпѣвшая семья покойника».

Надо полагать, что теперь, когда печать подпяла шумъ, на интересный уѣздъ будетъ обращено вниманіе высшей власти. Но почему же до сихъ поръ ничего не писалось о злоупотребленіяхъ въ уѣздѣ? Вѣдь корреспондентъ сообщаетъ, что слухи о нихъ въ обществѣ шли уже давно?

А. С.

За послѣднее время министерствомъ финансовъ возбужденъ вопросъ о пониженіи крѣпости спиртныхъ напитковъ, составляющихъ монополію казны. Этотъ вопросъ переданъ на обсужденіе губернскихъ комитетовъ попечительства народной трезвости. Въ своемъ предположеніи понизить крѣпость водки министерство финансовъ исходитъ изъ теоріи, что чѣмъ выше об-

ложенье, тѣмъ менѣе развитъ алкоголизмъ въ Западной Европѣ, и по этому поводу оно приводитъ нѣкоторыя цифровыя данныя. Но дѣло въ томъ, кажется намъ, что такія огульныя экскурсіи въ область статистическихъ изысканій едва ли даютъ какую-нибудь надежную почву для вывода и заключеній. Размѣръ обложенія, быть можетъ, играетъ нѣкоторую роль въ уменьшеніи потребленія спиртныхъ напитковъ, но это потребленіе зависитъ отъ массы факторовъ другого порядка, на которые министерство финансовъ, выступая съ этимъ своимъ проектомъ, не обращаетъ вниманія.

Въ самомъ дѣлѣ, въ Западной Европѣ такая масса разнаго рода учреждений, гдѣ рабочій человѣкъ можетъ проводить разумно свое свободное время, что уже это одно служитъ достаточнымъ тормозомъ противъ чрезмернаго употребленія спиртныхъ напитковъ. Вспомнимъ хотя бы, наприм., сѣть бесплатныхъ народныхъ читаленъ, которыми опутанъ Лондонъ, массу всякаго рода обществъ, непременно соединенныхъ съ клубами, гдѣ опять-таки прекрасно обставленныя библіотеки, читальныя залы, непрерывный рядъ лекцій и т. д.

Министерство финансовъ, повидимому, при введеніи монополіи, прекрасно само сознавало, гдѣ лежитъ корень алкоголизма и какимъ образомъ вѣрнѣе всего его можно подсѣчь. Такъ, оно, создавъ попечительства о народной трезвости, дало имъ нѣкоторыя руководящія начала, и здѣсь оно указывало на необходимость составленія и распространенія попечительствами изданій о вредѣ алкоголизма, устройства народныхъ чтеній и собесѣдованій, особенно выдвигая этотъ послѣдній пунктъ. Рекомендовало устройство чайныхъ, притомъ выразительно говорило, что эти чайныя не должны быть только буфетами, но должны представлять изъ себя нѣчто вродѣ народныхъ клубовъ съ достаточно обширными и чистыми помѣщеніями, гдѣ бы населеніе могло получать нехмѣльные напитки. Министерство финансовъ рекомендовало, чтобъ эти чайныя непременно обзаводились періодическими изданіями — ежедневными или ежемѣсячными журналами... Рекомендовалось созданіе народныхъ читаленъ, при этомъ нельзя не поставить въ заслугу министерству финансовъ, что оно очень предостерегало отъ односторонняго подбора книгъ въ этихъ читальняхъ, книгъ исключительно направленныхъ на борьбу съ пьянствомъ, говоря, что такой подборъ книгъ можетъ легко оттолкнуть отъ читальни и что это было бы грубою ошибкой со стороны учредителей. Рекомендовалось народнымъ читальнямъ обзаводиться картами, глобусами, альбомами съ видами и т. д., такъ, чтобы всякій проходящій могъ наглядно пополнять свои знанія. Рекомендовалось создавать народныя библіотеки для выдачи книгъ на домъ. Мало того, говорилось объ устройствѣ попечительствами особыхъ книжныхъ складовъ, гдѣ бы желающіе могли пріобрѣтать интересующія ихъ книги, а если по мѣстнымъ условіямъ трудно было бы учредить такой книжный складъ, то, по мысли министерства финансовъ, читальни, организуемыя попечительствами, должны брать на себя посредничество по выпискѣ книгъ. И съ этой цѣлью въ этихъ читальняхъ должны быть разложены каталоги наиболѣе извѣстныхъ изда-

тельскихъ фирмъ, мало того, рекомендуется устраивать въ этихъ читальняхъ по праздникамъ музыкальные и танцевальные вечера, театры, при этомъ министерство финансовъ указываетъ, что эти народные театры могутъ явиться не только средствомъ развлеченія, но и нравственнаго воздѣйствія на массы при извѣстномъ умѣломъ подборѣ пьесъ.

Рекомендовалось устроителямъ народнаго театра приучать само населеніе играть маленькія роли и постепенно изъ самого населенія организовать театральныя труппы. Однимъ словомъ, какъ не разъ министерство финансовъ упоминало, эти учрежденія, создаваемые попечительствами, должны являться чѣмъ-то вроде «народнаго дома». Вотъ тѣ благія пожеланія, которыя были намѣчены въ руководящихъ началахъ, преподанныхъ попечительствамъ.

Правда, самое устройство попечительствъ, при самомъ проведеніи законопроекта, уже встрѣчало нападки, говорили, что заботиться о нравственности вовсе не дѣло министерства финансовъ, что эта дѣло скорѣе школы, религіи и полиціи въ широкомъ смыслѣ этого слова.

Проведеніе въ жизнь отдѣльныхъ цѣлей, намѣченныхъ въ руководящихъ началахъ нерѣдко въ жизни встрѣчало упорное недружелюбіе. Въ то время, какъ, наприм., въ Англіи роль народнаго театра въ дѣлѣ разрѣшенія проблемы «свободнаго времени» давно уже признана и во главѣ этого движенія стоятъ лучшіе люди Англіи вмѣстѣ съ англійскимъ духовенствомъ, у насъ нерѣдко устройство народнаго театра подвергалось суровому осужденію и, конечно, это тормозило дѣло, такъ, напримѣръ, въ «Отзывахъ о результатахъ веденія казенной продажи питей въ восточныхъ и южныхъ губерніяхъ» (изд. мин. финансовъ въ 1897 г.) мы находимъ иногда рѣзкое порицаніе этой политики министерства финансовъ. Въ одномъ изъ отзывовъ говорится: «думать, что театрами, спектаклями и разными потѣхами можно сохранить русскій народъ отъ пьянства, значить подобиться такому домохозяину, который, чтобъ избавиться отъ вылазки крысъ и мышей, приказалъ бы всѣ дыры въ своихъ комнатахъ замазать сдобнымъ тѣстомъ или заткнуть кусками пирога» (стр. 54). «Извѣстно,—говоритъ тотъ же авторъ,—что въ театрахъ, клубахъ и спектакляхъ многіе изъ посѣтителей ихъ постоянно осаждаютъ буфеты, можно тамъ встрѣтить и пьяныхъ до потери сознанія, ссорящихся и дерущихся. Значить, эти развлеченія не сокращаютъ порывы одержимыхъ страстями къ пьянству». «Умные крестьяне съ удивленіемъ смотрятъ на эти затѣи, именно будто бы спектаклями и народными театрами можно прекратить пьянство». Далѣе, тотъ же авторъ утверждаетъ, что будто бы «давно замѣчено, что великіе артисты бываютъ часто и великими грѣшниками, поэтому увлекаться и услаждаться ими и съ этой стороны не безопасно. Если провѣрить статистику преступленій между лицами, любящими театръ, то окажется, что нравственность ихъ стоитъ гораздо ниже тѣхъ людей, которые вовсе не знакомы съ театрами. Распушенность нравовъ, увлеченіе чувственными наслажденіями до забвенія высшаго нравственнаго долга, слабохарактерность, неспособность къ серьезному мышленію и терпѣливому труду, невоздержность и раздражительность,—всѣ эти нравственные педо-

статки скорѣе можно встрѣтить въ людяхъ, воспитанныхъ на эстетическихъ наслажденіяхъ» (стр. 52). Говорится далѣе о томъ, «что и церковь не благословляетъ театралныхъ зрѣлищъ и если они будутъ устроены среди православнаго народа по распоряженію начальства, то послѣднее оказывается виновнымъ въ разрушеніи вѣры его въ авторитетъ христіанскаго ученія»...

Конечно, такіа осужденія являются не часто въ нашей литературѣ, но въ всякомъ случаѣ въ отдѣльных мѣстностяхъ они не могли не оказывать вліянія на развитіе попечительствами ихъ дѣятельности по намѣченной мисіонерствомъ финансовъ программѣ.

Намъ думалось бы, что едва ли уменьшеніе крѣпости спиртныхъ напитковъ можетъ повести къ ослабленію пьянства въ населеніи, если одновременно не будетъ создана густая сеть такихъ учреждений, гдѣ бы населеніе могло проводить свое свободное время. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ, какъ справедливо писалъ *Сынъ Отечества* въ 1897 г., № 296, нужно дать народу что-нибудь взамѣнъ того, что онъ утратилъ. Разъ ему закрыли двери кабака, который былъ для него въ дѣтствѣ мѣстомъ игры и забавы, въ юности—школой, въ зрѣлые годы—клубомъ, а въ старости—единственную утѣху, разъ эти двери теперь закрыты, то надо указать ему другой способъ, какъ провести свободные часы, и другое мѣсто, гдѣ бы онъ могъ съ пользой для себя посидѣть это время.

«Мы, думающіе и говорящіе о высокихъ матеріяхъ, мы, имѣющіе въ своемъ распоряженіи и свѣжую газету, и книгу, и теплый уютный уголокъ дома, и то убѣгаемъ изъ дому, стремимся въ клубъ, гдѣ отсиживаемъ за зеленымъ столомъ цѣлыя ночи. Почему же крестьянину, живущему при несравненно худшихъ условіяхъ, не искать себѣ также общества? Нѣтъ у него ни клуба, ни театра, ни лѣтнихъ садовъ, ни скачекъ, ни тотализатора, нѣтъ Монте-Карло и Біарица. Былъ одинъ только кабакъ, онъ туда убѣгалъ. Закрылся кабакъ и онъ бѣжитъ на улицу. Только въ сказкахъ все дѣлается по щучьему велѣнію и пастухи вдругъ превращаются въ принцевъ отъ одного слова какой-нибудь волшебной феи, а въ жизни не то: коли Сидоръ пилъ въ теченіе 20 лѣтъ, то онъ и на двадцать первомъ году пить будетъ и водку себѣ достанетъ, несмотря на всѣ ограниченія. Не будетъ водки, станетъ пить суррогаты, нельзя пить внутри винной лавки, пойдетъ на улицу. При всякой ломкѣ обычаевъ и привычекъ жизни нужны и указанія новыхъ путей, при постановкѣ преграды извѣстному теченію нужно и указаніе новаго русла».

Повиженіе крѣпости спиртныхъ напитковъ должно непременно сопровождаться и пониженіемъ цѣны, иначе все дѣло сведется къ увеличенію налогового бремени, лежащаго на населеніи: населеніе не только не будетъ пить меньше, если не будетъ этого «новаго русла», а просто уплатитъ въ казну большую сумму. Поэтому на нашъ взглядъ не съ этой стороны нужно вести борьбу съ пьянствомъ, а прежде всего *дѣйствительно*, а не на бумагѣ только развить ту дѣятельность, которая такъ полно и подробно на-

мѣчена была министерствомъ финансовъ въ руководящихъ началахъ, предложенныхъ попечительствамъ.

Министерство финансовъ, создавъ попечительства о народной трезвости для борьбы съ алкоголизмомъ, указало имъ рядъ функций, какъ-то: устройство чайныхъ, читаленъ, бібліотекъ, народныхъ чтеній и т. д. Несомнѣнно, устройство народныхъ чтеній у насъ имѣетъ, при малограмотности нашего населенія, особенно большое значеніе, но въ отчетѣ главнаго управленія неокладныхъ сборовъ за 1896 годъ мы встрѣчаемъ не разъ указаніе на то, что эти чтенія не состоялись за неполученіемъ отъ начальства разрѣшенія на нихъ. Такіе случаи были: въ Пермской губ., въ Соликамскомъ уѣздѣ, Ирбитскомъ, Кунгурскомъ и т. д.

Въ самомъ дѣлѣ, порядокъ разрѣшенія народныхъ чтеній, существующій въ настоящее время, чрезвычайно затруднителенъ: такъ, по положенію комитета министровъ 1894 г., эти чтенія въ уѣздныхъ городахъ и селеніяхъ допускаются не иначе, какъ съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія по предварительному его соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, и оберъ-прокурора св. синода, притомъ на практикѣ установилось, что разрѣшеніе министерства народнаго просвѣщенія необходимо не только для организаціи вообще, въ данномъ случаѣ, народныхъ чтеній, но и для каждаго отдѣльнаго чтенія. Правда, допускается одновременно испрашивать разрѣшеніе на рядъ чтеній, но при этомъ устроители обязаны за мѣсяцъ впередъ указать, что и кѣмъ будетъ прочитано,—конечно, это чрезвычайно трудно. Когда получалось разрѣшеніе, которое, обычно, требуетъ большого періода времени, иногда оказывалось, что лицо, желавшее произнести то или другое чтеніе, уже было переведено на другое мѣсто и для устройства чтенія этимъ же лицомъ въ другомъ мѣстѣ опять требовалось новое разрѣшеніе, основанное на соглашеніи трехъ центральныхъ вѣдомствъ. Такой порядокъ обязательнаго испрашиванія разрѣшенія изъ центра очень затрудняетъ попечительства о народной трезвости при организаціи ими народныхъ чтеній.

Народныя чтенія организуются попечительствами о народной трезвости, являющимися почти правительственнымъ органомъ и состоящими изъ официальныхъ лицъ (предсѣдатель въ губерніи — губернаторъ, въ уѣздахъ — предводитель дворянства), и стѣсненія ихъ не имѣютъ за собой никакого оправданія. Министерство финансовъ входило поэтому въ сношеніе съ министерствомъ народнаго просвѣщенія о желательности предоставить губернскимъ и уѣзднымъ комитетамъ попечительствъ о народной трезвости право самимъ самостоятельно разрѣшать народныя чтенія и по этому поводу министерствомъ финансовъ была составлена очень интересная записка.

Въ самомъ дѣлѣ, при новой постановкѣ народныхъ чтеній, организуемыхъ подъ эгидой попечительствъ о народной трезвости, трудно собственно сказать, что остается утверждать центральнымъ учрежденіямъ: народныя чтенія организуются учрежденіемъ (попечительствомъ), которое по закону призвано къ организаціи народныхъ чтеній, слѣдовательно, самимъ закономъ

признана его компетентность въ этомъ дѣлѣ, министерство финансовъ побуждаетъ это учрежденіе къ развитію дѣятельности, затѣмъ, къ прочтенію назначаются сочиненія уже заранѣе одобренныя въ законномъ порядкѣ,—вѣдь вопросъ здѣсь идетъ не о произнесеніи рѣчей, а о простомъ чтеніи по ранѣе напечатанному тексту,—затѣмъ, самая благонадежность лицъ, которыя должны произвести чтеніе, опять-таки уже заранѣе удостовѣрена и кромѣ того чтеніе предполагается произвести тамъ, гдѣ оно опять-таки законнымъ порядкомъ допущено.

Еще могло бы требоваться, быть можетъ, одобреніе на разрѣшеніе чтеній въ томъ только случаѣ, если самое чтеніе будетъ произноситься какимъ-нибудь лицомъ, не входящимъ въ составъ попечительства, но и въ этомъ случаѣ эта благонадежность могла бы быть удостовѣряема просто губернскимъ начальствомъ. Вѣдь и члены-соревнователи попечительствъ, какъ извѣстно, утверждаются въ своемъ званіи не ранѣе, какъ будутъ собраны свѣдѣнія объ ихъ благонадежности. Слѣдовательно, произнесеніе народныхъ чтеній членами-соревнователями опять-таки не должно вызывать никакой повѣрки пригодности этихъ лицъ для этой цѣли, и потому министерство финансовъ предполагало предоставить губернскимъ комитетамъ попечительства о народной трезвости право разрѣшать самимъ всякаго рода народныя чтенія, а также открывать народныя читальни и библіотеки безъ предварительнаго сношенія съ министерствомъ народнаго просвѣщенія.

Этотъ проектъ министерства финансовъ былъ разосланъ на заключеніе управляющихъ акцизными сборами въ губерніи, гдѣ введена казенная продажа питей. Управляющіе въ своихъ отвѣтахъ придавали особенное значеніе устройству народныхъ читаленъ и чтеній, какъ мѣрѣ борьбы населенія съ алкоголизмомъ и какъ средству дать возможность хорошо заполнить досугъ, но при этомъ управляющіе подтверждали, что существующія формальности, съ которыми соединяются открытіе народныхъ читаленъ и организація народныхъ чтеній, крайне задерживаютъ ихъ осуществленіе, и что этимъ объясняется нѣкоторая вялость въ дѣятельности комитетовъ попечительствъ и что поэтому осуществленіе проекта министерства финансовъ крайне желательно для оживленія дѣятельности попечительствъ.

Точно также высказался и бывшій пермскій губернаторъ, т.-е. чтобы право разрѣшенія народныхъ чтеній, какъ въ городахъ, такъ и въ селеніяхъ, принадлежало бы губернскимъ комитетамъ попечительствъ...

Въ самомъ дѣлѣ, такое упрощеніе порядка народныхъ чтеній, особенно въ уѣздныхъ городахъ и селеніяхъ, крайне необходимо именно теперь, въ моментъ борьбы съ алкоголизмомъ при той малограмотности населенія, которая у насъ царитъ, между тѣмъ потребность къ чтенію все болѣе и болѣе развивается въ населеніи. Такъ, наприм., характерно, что въ Харьковѣ недавно, по сообщеніямъ газетъ, на базарѣ появились представители оригинальной профессіи—бродячіе чтецы; по обоюдному соглашенію, они подѣлили площадь базара на нѣсколько участковъ и каждый вѣдаетъ строго-опредѣленный ему районъ. Съ разсвѣтомъ появляются они на базарѣ со

свѣжими газетными номерами, спуютъ здѣсь между прїѣзжимъ людомъ, предлагая желающимъ прочитать новости. Группы желающихъ собираются вокругъ чтеца, вносятъ ему, кажется, по копейкѣ, и чтецъ прочитываетъ имъ ту или другую газету, при этомъ нерѣдко это свое чтеніе онъ сопровождаетъ нѣкоторыми объясненіями. Слушатели при этомъ сами строго слѣдятъ, чтобы въ ихъ числѣ не было бесплатныхъ и при приближеніи новаго лица обыкновенно лекторъ прерываетъ чтеніе и требуетъ съ пришедшаго полагающуюся себѣ плату. Если статья интересна, то лекторъ не стѣсняясь требуетъ прибавки и такимъ образомъ номеръ прочитывается иногда двадцать-тридцать разъ (*Е. Варбъ*: «Общественно-педагогическое значеніе дѣятельности попечительствъ о народной трезвости». 1899 г.).

Помимо чтеній, министерство финансовъ предполагало ввести еще собесѣдованія, при которыхъ слушатели принимаютъ активное участіе и могутъ ставить тѣ или другіе вопросы лицу, которое ведетъ эти собесѣдованія. Между тѣмъ эти собесѣдованія ранѣе вовсе не допускались и введены впервые лишь въ уставѣ попечительства, и опять-таки и съ этой стороны слѣдовало бы освободить устройство этихъ собесѣдованій отъ формальностей.

Въ этомъ смыслѣ былъ составленъ проектъ министерства финансовъ, который долженъ былъ подвергнуться рассмотрѣнію особой комиссіи при министерствѣ народнаго просвѣщенія.

По слухамъ, теперь министерство народнаго просвѣщенія вноситъ въ комитетъ министровъ положеніе объ измѣненіи порядка разрѣшенія народныхъ чтеній въ городахъ и поселеніяхъ, предоставляя это попечителю даннаго учебнаго округа, по соглашенію съ епархіальными архіереями и губернаторами; въ тѣхъ же случаяхъ, когда предполагается устроить не болѣе трехъ чтеній, право давать это разрѣшеніе будетъ предоставлено мѣстному директору народныхъ училищъ. Такой порядокъ, конечно, составляетъ значительный шагъ впередъ. Онъ значительно развяжетъ руки попечительствамъ въ дѣлѣ устройства народныхъ чтеній, хотя и не въ той степени, въ какой это сдѣлалъ бы проектъ, намѣченный министерствомъ финансовъ.

Сверный Курьеръ (20 марта), останавливаясь на дѣятельности попечительствъ и отмѣчая ея ничтожность, говоритъ: «Это и неудивительно, если принять во вниманіе составъ попечительствъ, состоящихъ изъ отягощенныхъ иными обязанностями должностныхъ лицъ, при ничтожномъ участіи общественнаго элемента.

«Между тѣмъ, такое сложное и живое дѣло, какъ устройство чтеній, изданіе народныхъ книгъ и пр. требуетъ для удовлетворительной своей постановки непремѣннаго участія такого элемента. Для успѣшнаго веденія подобной работы нужно слишкомъ много любви и интереса къ ней и къ той средѣ, для которой она дѣлается, слишкомъ много знанія этой среды и живого отношенія къ ней, чтобы возлагать все дѣло на губернской комитетъ, составленный по образцу другихъ провинціальныхъ правительственныхъ коллегіальныхъ учреждений. Считаая культурную дѣятельность, намѣченную въ задачахъ попечительствъ, сильнѣйшимъ орудіемъ борьбы съ

пьянствомъ, надо прийти къ заключенію, что изъ всѣхъ правительственныхъ мѣропріятій, имѣющихъ цѣлью уменьшеніе его, главнымъ должно являться коренное видоизмѣненіе попечительствъ о народной трезвости».

Въ министерствѣ финансовъ по слухамъ подъ вліяніемъ послѣдняго денежнаго кризиса, вскрывшаго, что многія предпріятія у насъ работаютъ безъ оборотныхъ капиталовъ, есть идея созданія особыхъ промышленныхъ банковъ. А. Н. Гурьевъ составилъ по этому поводу особую записку, съ которой мы вкратцѣ и познакомимъ здѣсь, попутно давая нашу оцѣнку.

Съ необычайнымъ развитіемъ за послѣднее время русской промышленности, многія банковыя учрежденія должны были принять на себя новыя функціи: снабженіе капиталами вновь возникающихъ предпріятій, притомъ, при скудости нашихъ капиталовъ и при тѣхъ высокихъ дивидендахъ, которые даетъ наша промышленность, многія предпріятія стали возникать, не только не обладая даже въ достаточныхъ размѣрахъ оборотнымъ капиталомъ, но и не располагая даже средствами для капитальныхъ затратъ. Въ настоящее время въ Европѣ ни одно крупное предпріятіе не обходится безъ того, чтобы его не финансировало какое-нибудь банковое учрежденіе, но эти банки тамъ особеннымъ образомъ приспособили себя къ этой функціи: такъ какъ финансированіе новыхъ промышленныхъ предпріятій вызываетъ долгосрочное помѣщеніе капитала, то естественно, что и банки, ставящія себѣ эту задачу, должны обладать крупными своими собственными капиталами; такъ на первое января 1899 г. основные капиталы крупныхъ нѣмецкихъ банковъ (за исключеніемъ банковъ съ основнымъ капиталомъ ниже одного милліона марокъ), составляли одинъ милліардъ 688 тысячъ марокъ, а ихъ резервные капиталы—330 мил. мар. При такихъ условіяхъ, конечно, банки могутъ тамъ оказывать дѣятельную помощь растущей германской промышленности; они могутъ извѣстное время выдерживать бумаги даннаго предпріятія у себя въ портфель при какомъ-нибудь затрудненіи на денежномъ рынкѣ, они не вынуждаются, какъ у насъ, выбрасывать бумаги цѣлыми партіями на рынокъ и тѣмъ самымъ подвергать опасности новое предпріятіе.

Совсѣмъ иное положеніе у насъ: на 1 января 1899 г. основные капиталы всѣхъ нашихъ акціонерныхъ банковъ коммерческаго кредита составляли всего 185 м. р., запасные и резервные—85 м. р., и средства, которыми оперируютъ наши банки, главнѣйшимъ образомъ состоятъ изъ частныхъ вкладовъ, которые превышаютъ основные капиталы банковъ болѣе, чѣмъ вътрое. И вотъ съ этими-то незначительными средствами наши банки ставятъ себѣ тѣ же цѣли, какія преслѣдуютъ и нѣмецкіе, и получается слѣдующее: легкость кредита въ этихъ банкахъ поощряетъ учредительство, но при первой же заминкѣ новое учрежденіе безжалостно бросается банкомъ. Удивительно то, что наши банки не сознаютъ даже необходимости въ увеличеніи своихъ собственныхъ капиталовъ при такомъ характерѣ ихъ операций, а между тѣмъ при всякомъ денежномъ затрудне-

ніи начинается отливъ вкладовъ изъ коммерческихъ банковъ, и это-то и вызываетъ ту поспѣшность, съ которой банки тотчасъ же начинаютъ сокращать кредиты промышленнымъ предпріятіямъ.

Такимъ образомъ широкое развитіе онкольнаго кредита со стороны нашихъ коммерческихъ банковъ какъ бы разжигаетъ страсть къ учредительству искусственно, а затѣмъ, при первомъ затрудненіи, этотъ кредитъ быстро сжимается, и промышленное предпріятіе лишается оборотныхъ средствъ, чѣмъ въ значительной степени объясняются тѣ крахи, которые имѣли мѣсто во время послѣдняго денежнаго кризиса.

Такимъ образомъ финансовая организація нашихъ коммерческихъ банковъ не соответствуетъ той функціи, которую они теперь на себя берутъ; а прежде всего для этой функціи нужно, чтобы промышленные банки могли вкладывать въ предпріятіе капиталы на долгій срокъ, а для этого очень важно, чтобы они оперировали главнымъ образомъ на свои собственные средства.

Такимъ образомъ, ростъ экономической жизни вызываетъ дифференціацію въ банковомъ дѣлѣ, заставляетъ коммерческіе банки, какъ учрежденія, специально назначенныя для краткосрочныхъ кредитовъ, выдѣлить изъ себя особыя банковыя организаціи главнымъ образомъ для цѣли долгосрочнаго промышленнаго кредита. Тогда коммерческіе банки исключительно сосредоточатся на своей главной функціи—развитіи краткосрочнаго оборотнаго кредита.

Операціи промышленныхъ банковъ могли бы заключаться въ принятіи на себя комиссіи по подпискѣ на паи и акціи, въ покупкѣ и продажѣ за свой счетъ паевъ и акцій промышленныхъ предпріятій и выдачѣ ссудъ подъ залогъ промышленныхъ паевъ и акцій.

Учрежденіе такихъ банковъ навѣвается за послѣднее время и ростомъ русской промышленности, и тѣмъ, что государственный банкъ въ своей новой функціи—регулятора денежнаго обращенія страны,—долженъ теперь фактически все болѣе и болѣе сокращать долгосрочный промышленный кредитъ. По новому уставу государственнаго банка 1894 г. была прямо введена организація промышленнаго кредита на оборудованіе промышленныхъ предпріятій, на покупку инвентаря и т. д. въ максимальной суммѣ до 500,000 р. на одно предпріятіе; но съ возложеніемъ на государственный банкъ новой роли—регулированіе денежнаго обращенія—эта форма кредита, какъ и форма кредита землевладѣльцамъ подъ соло-векселя съ обезпеченіемъ, должна отпасть, и мы видимъ, что землевладѣльцы, напримѣръ, сами начинаютъ думать о созданіи себѣ такого кредита, которымъ они пользовались прежде въ государственномъ банкѣ. (Мы имѣемъ при этомъ въ виду проектъ общества взаимнаго страхованія посѣвовъ отъ градобитія объ организаціи краткосрочнаго кредита для землевладѣльцевъ). Но надо чрезвычайно рѣшительно высказаться противъ организаціи такого промышленнаго кредита въ рукахъ государства, что очень энергично и дѣ-

ласть упомянутая нами записка, и безъ того теперь промышленники при каждомъ случаѣ обращаются за подачкой къ правительству, а тогда такой банкъ сдѣлался бы лакомою приманкой для всякаго рода домогательствъ: на казнѣ лежалъ бы тогда матеріальный рискъ за неосмотрительную раздачу капиталовъ, а распоряженіе средствами находилось бы въ рукахъ очень сильныхъ промышленныхъ сферъ, поэтому какъ можно рѣшительнѣе надо высказаться противъ такой организаціи; но полезность промышленнаго кредита трудно оспаривать. Такъ, часто лицо можетъ обладать естественными богатствами, залежами каменнаго угля, лѣсными площадями и т. д. и въ то же время у него можетъ не быть средствъ для эксплуатаціи, въ данномъ случаѣ ему можетъ прійти на помощь промышленный банкъ, который, конечно, будетъ, можно ожидать, очень остороженъ въ оцѣнкѣ этихъ естественныхъ богатствъ, разъ онъ будетъ находиться въ частныхъ рукахъ. Кромѣ того и уже организованныя предпріятія могутъ нуждаться въ средствахъ для расширенія своихъ операцій (приобрѣтеніе инвентаря, новыхъ машинъ и т. д.).

У насъ въ данное время промышленный долгосрочный кредитъ существуетъ только въ одной формѣ облигаціоннаго займа, и съ этой стороны промышленные банки могутъ облегчить пользованіе этою формой кредита, такъ какъ теперь размѣщеніе въ публикѣ облигаціонныхъ займовъ новыхъ предпріятій представляетъ большія трудности, промышленный же банкъ, стоя на стражѣ промышленнаго развитія Россіи и зорко слѣдя за перипетіями этого роста, за судьбою развитія отдѣльныхъ отраслей нашей промышленности и въ то же время побуждаемый собственнымъ интересомъ, будетъ обладать вѣрными свѣдѣніями о положеніи той или другой отрасли промышленности и, сообразно съ этимъ, будетъ оказывать то или другое содѣйствіе въ размѣщеніи облигаціонныхъ займовъ предпріятій—въ формѣ ли открытія на комиссіи подписки на облигаціи, производства конверсіи ихъ, покупки облигацій за свой счетъ или за счетъ этихъ лицъ и т. д.

Но помимо этого, помимо снабженія предпріятія капиталами на оборудованіе предпріятій, предполагается промышленнымъ банкамъ разрѣшить и операціи краткосрочнаго кредита и въ особенности пріемъ къ учету болѣе долгосрочныхъ векселей, нежели это имѣетъ мѣсто въ коммерческихъ банкахъ: промышленные банки могли бы иногда выдерживать эти долгосрочные коммерческіе векселя до того срока, когда они могутъ быть учтены государственнымъ банкомъ или банкомъ краткосрочнаго кредита; кромѣ того въ сферу дѣятельности промышленныхъ банковъ могутъ быть включены ссуды подъ товары и подъ соло-векселя, обезпеченные промышленными предпріятіями.

Для осуществленія такой функціи, главнымъ образомъ, снабженія промышленнаго предпріятія долгосрочнымъ кредитомъ, естественно, что эти промышленные банки должны обладать и собственнымъ капиталомъ въ большихъ размѣрахъ и средства, которыя они отъ другихъ лицъ приобрѣтаютъ,

должны носить долгосрочный характеръ, такъ какъ только при этихъ условіяхъ въ случаѣ какихъ-нибудь денежныхъ затрудненій на рынкѣ они не будутъ вынуждаться стягивать средства, розданныя ими для финансированія промышленныхъ предпріятій.

Ростъ промышленности требуетъ организаціи такого рода банковъ. Конечно, вѣроятно, вслѣдствіе большаго риска такихъ банковъ ихъ бумаги будутъ реализоваться изъ болѣе высокаго процента, нежели, напримѣръ, закладные листы, но съ этимъ, конечно, нужно будетъ мириться, и это обусловливается новизной этого дѣла у насъ.

Такіе банки должны будутъ, перенеся часть функцій съ коммерческихъ банковъ къ себѣ, освободить отъ работы значительное количество средствъ коммерческихъ банковъ, которые и пойдутъ на питаніе краткосрочнаго коммерческаго кредита. Съ созданіемъ долгосрочнаго кредита для промышленныхъ предпріятій будетъ созданъ болѣе спокойный ходъ развитія этихъ послѣднихъ, такъ какъ теперь стѣснить только какому-нибудь банку коммерческаго кредита выбросить партію бумагъ даннаго предпріятія и продать ее по пониженнымъ цѣнамъ, какъ тотчасъ же начинаетъ колебаться кредитъ этого предпріятія.

Намъ думается, что и положеніе нашего государственнаго банка, вынужденнаго съ введеніемъ золотой валюты отказаться отъ этой операціи, и огромныя богатства Россіи, жаждущія капиталовъ, которые бы ихъ оплодотворили, и высокіе дивиденды, обусловленные нашей покровительственной политикой, а отсюда большое стремленіе къ основанію все новыхъ и новыхъ предпріятій, все это говорить въ пользу учрежденія банковъ только что описаннаго типа, которые должны взять въ свои руки тѣ функціи, которыя, за отсутствіемъ приспособленныхъ организацій для этой цѣли, лежали частью на государственномъ банкѣ, частью на банкахъ краткосрочнаго кредита и создавали то неестественное положеніе, которое въ значительной степени объясняетъ тѣ крахи, свидѣтелями которыхъ мы были за послѣднее время, но мы должны повторить еще разъ, что такой банкъ можетъ быть основанъ исключительно на частныхъ средствахъ и не пользоваться никакими субсидіями изъ государственнаго казначейства, такъ какъ это дѣло у насъ вполнѣ новое и притомъ же очень трудное, то естественно, что все оно должно покоиться на самоинтересѣ лицъ, учредителей этихъ банковъ, притомъ банкъ этотъ долженъ оперировать, главнымъ образомъ, своими собственными средствами, что и будетъ служить гарантіей того, что лица, стоящія во главѣ этого учрежденія, будутъ внимательно относиться къ новымъ и очень нелегкимъ функціямъ.

Недавно опубликованы предварительныя свѣдѣнія о дѣятельности государственныхъ сберегательныхъ кассъ за 1899 годъ (*Вѣстникъ финансовъ*, № 11). Изъ этихъ данныхъ мы видимъ, какъ быстро растутъ народныя

сбережения; такъ еще въ 1895 г. общій итогъ народныхъ сбереженій, находящійся въ государственныхъ сберегательныхъ кассахъ составлялъ 390 милл. руб., въ 1896 г.—442 милл. руб., въ 1897 г.—510 милл. руб., въ 1898 г.—593 милл. руб. и, наконецъ, за послѣдній 1899 г. — 678 милл. руб. Такимъ образомъ за послѣдній годъ приростъ вкладовъ выразился въ суммѣ 85 милл. руб. Такой приростъ является по своей величинѣ максимальнымъ за все время существованія сберегательныхъ кассъ. Этому содѣйствовало, какъ говорится въ *Вѣстникъ финансовъ*, расширеніе сѣти сберегательныхъ учреждений: въ 1899 г. вновь прибавилось 194 кассы, и нѣтъ сомнѣнія, что въ будущемъ притокъ народныхъ сбереженій еще болѣе поднимется съ введеніемъ сберегательныхъ марокъ. Введеніе послѣднихъ будетъ равносильно созданію новой густой сѣти сберегательныхъ учреждений. Въ виду промышленнаго развитія Россіи слѣдовало бы государственныя сберегательныя кассы болѣе приноровить къ усиленному промышленному темпу страны, а съ этой цѣлью нужно по возможности побольше отбросить формальностей, которыми обставлено теперь полученіе денегъ изъ сберегательныхъ кассъ, и ввести въ нихъ чековую и переводную операціи, какъ это введено и съ успѣхомъ существуетъ въ Австріи (см. *Вѣстникъ финансовъ*, 1898 г., № 49). Въ этомъ же смыслѣ недавно высказалась и *Торгово-Промышленная Газета*.

Общезвѣстна фраза Бисмарка, что золото—это золотое одѣяло, которое тянуть всѣ, но оно слишкомъ узко, чтобы всѣхъ покрыть. За послѣднее время эта фраза въ устахъ всѣхъ, и поэтому много говорить и пишутъ о томъ, какъ бы это одѣяло растянуть настолько, чтобы оно могло прикрывать всѣхъ; намъ уже приходилось касаться этого вопроса во «Внутреннемъ обозрѣніи» за декабрь прошлаго года, когда мы говорили о денежномъ кризисѣ и о средствахъ ослабить его. Мы тогда упоминали о необходимости улучшенія платежной техники, о болѣе широкомъ распространеніи операцій расчетныхъ палатъ, которыя достигли теперь огромнаго распространенія въ западной Европѣ и въ особенности въ Америкѣ и Англіи (см., наприм., статью проф. А. Миглашевскаго въ *Русскомъ экономическомъ обозрѣніи* за 1898 г. «О расчетныхъ палатахъ въ Сѣверной Америкѣ»). Съ введеніемъ золотого обращенія и у насъ открываются расчетные отдѣлы, а недавно появился отчетъ расчетнаго отдѣла въ С.-Петербургѣ за первый годъ его существованія.

Оказывается, что черезъ него предъявлено было къ расчету требованій на сумму въ 1.525,754 руб. Изъ этой огромной суммы свыше миллиарда рублей было покрыто безъ всякаго употребленія денегъ, а просто путемъ зачета встрѣчныхъ требованій, и только остальная сумма была покрыта ордерами или чеками (*Русское экономическое обозрѣніе*, февраль, стр. 171).

Конечно, введеніе такихъ расчетныхъ отдѣловъ должно въ значительной

степени ослабить потребность въ золотѣ: то же количество оборота при существованіи расчетныхъ палатъ мы будемъ въ состояніи совершать съ меньшимъ количествомъ золота.

Одновременно съ этой экономизаціей орудій обращенія у насъ недавно разсматривался въ особой комиссіи вопросъ о развитіи русской золото-промышленности. Сколько мы можемъ судить по газетнымъ слухамъ, между прочимъ, здѣсь рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ очень важный вопросъ, вопросъ о свободномъ обращеніи шихового золота. Теперь казна имѣетъ право закупки такого золота и этотъ порядокъ чрезвычайно вредно отражался на мелкой золотопромышленности, такъ какъ мелкій золотопромышленникъ, всегда нуждающійся въ деньгахъ, долженъ былъ продавать свое золото одному изъ богатыхъ своихъ сосѣдей.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Недавно вышло новое сочиненіе одного изъ знаменитѣйшихъ французскихъ мыслителей, Альфреда Фуилле, посвященное изученію современной Франціи съ нравственной точки зрѣнія *). Авторъ довольно бодро смотритъ впередъ и не видитъ ничего ужасающаго даже въ дѣлахъ, связанныхъ съ именемъ Дрейфуса. Тѣмъ лучше, если оптимизмъ этотъ основателенъ. Далеко не все, однако, благополучно во Франціи и по мнѣнію Фуилле. Очень онъ недоволенъ повременною печатью. Ея могущественное развитіе признается имъ существеннѣйшею особенностью оканчивающагося XIX столѣтія. Но печать во Франціи злоупотребляетъ своимъ вліяніемъ. На-ряду съ широкимъ распространеніемъ идей и знаній идетъ не менѣе широкое распространеніе скандаловъ, личныхъ оскорбленій, вздорныхъ сообщений и т. п. Относительное легкомысліе принадлежитъ къ числу недостатковъ французскаго народа, и на этой почвѣ вредъ такой печати особенно значителенъ. Мы добавимъ, что указанный недостатокъ и вызываетъ злоупотребленія со стороны многихъ органовъ печати. Конечно, съ этими злоупотребленіями все-таки должно бороться; но какимъ образомъ? Отъ многихъ разсужденій Фуилле вѣтъ напрасными опасеніями, его мысль напугана отголосками разрушительныхъ теорій и злодѣяніями, которыя недавно совершались во Франціи. Конечно, непродуманныя идеи, перепутанныя истины и заблужденія, падая на неуравновѣшенныхъ людей, могутъ приносить и дѣйствительно приносить огромный вредъ, ведутъ даже къ преступленіямъ. Но вспомнимъ, сколько и какихъ жестокихъ преступленій совершалось во имя Христа! Необходимо позаботиться объ утвержденіи справедливости въ общественныхъ отношеніяхъ и о разумной постановкѣ воспитанія, тогда не страшны будутъ никакія сумасбродныя теоріи. Самъ Фуилле горячо настаиваетъ на преобразованіи учебной системы, на объединеніи преподаванія наукъ соціологическими и философскими обобщеніями, духомъ солидарности. Школа,—говоритъ онъ,—должна воспитать убѣжденіе, что отечество—это одна душа

*) *Alfred Fouillée: „La France au point de vue moral“, Paris, 1900.*

въ миллионѣхъ тѣлъ. Все въ школахъ необходимо представлять *sub specie societatis universae*. Но Фуилье признаетъ необходимость во Франціи и юридическихъ, и политическихъ реформъ. Онъ находитъ неправильною нынѣшнюю практику всеобщей подачи голосовъ и, оставляя неприкосновеннымъ принципъ, требуетъ улучшенія дѣйствующей системы: введенія дѣйствительно пропорціональнаго населенію представительства и представительства меньшинства.

Фуилье указываетъ на то, что президенты французской республики не пользуются правами, предоставленными имъ конституціей: они не издають посланій къ парламенту, въ которыхъ вся страна видѣла бы личныя мнѣнія главы государства, они ни разу не отказали въ обнародованіи принятаго палатами закона и также ни разу не отсрочили засѣданій на мѣсяцъ и не распускали, съ согласія сената, палаты депутатовъ. Русскій читатель можетъ подуматъ, что президентъ республики, избранный большинствомъ на конгрессѣ (сенатъ и палата депутатовъ вмѣстѣ), можетъ въ продолженіе срока своихъ полномочій и не расходиться съ этимъ большинствомъ въ существенно важныхъ вопросахъ. Право, предоставленное президенту республики законами 1875 г., — выбирать министровъ виѣ парламента, — имѣетъ и очень опасную сторону: его осуществленіе можетъ вызвать столкновеніе между законодательною и исполнительною властью. Чтобы поднять значеніе президента республики, какъ главы государства, философъ предлагаетъ производить выборы на эту должность сенаторами, депутатами и представителями важнѣйшихъ государственныхъ учрежденій (*grands corps de l'État*). Вѣроятно, Фуилье разумѣетъ государственный совѣтъ, высшія судебныя установленія и т. д. Во всякомъ случаѣ, проектъ его не ясенъ. Онъ обѣщаетъ рассмотреть эти вопросы въ приготавливаемомъ имъ сочиненіи о социальномъ и политическомъ прогрессѣ во Франціи. Рѣдко случается, чтобы философы и психологи оказывались и практическими политическими мыслителями, и мы мало надежды возлагаемъ на новый трудъ Фуилье. Но благородный строй его міровоззрѣнія не можетъ не оказывать благого вліянія на нравственное обновленіе французскаго общества, необходимость же этого обновленія въ концѣ концовъ признаетъ самъ Фуилье.

Мысль французскаго общества, отвлекаемая страстною враждою партій, тѣмъ не менѣе часто обращается къ вопросамъ, которыми глубоко заинтересованъ Фуилье, и стремится улучшить государственный механизмъ Франціи, открыть новые пути для ея общественнаго развитія. Для иностраннаго обозрѣвателя имѣють значеніе въ особенности законопроекты и практическія соображенія, имѣющія въ виду ближайшее будущее. Отмѣтимъ по этому статью Гатцфельда объ избирательномъ полномочіи въ послѣднемъ номерѣ такого серьезнаго изданія, какъ *Revue Politique et Parlementaire* *).

Многіе полагають, какъ говоритъ Гатцфельдъ, что депутатъ обязанъ

* *Ad. Hatzfeldt*: „Le mandat électoral“ (*Rev. Polit. Parl.*, 10 mars).

повиноваться своимъ избирателямъ, и съ этой точки зрѣнія было бы усовершенствованіемъ подачи голосовъ, если бы депутатъ заранѣе вручалъ избирателямъ подписанную имъ отставку, которую они и предъявляли бы въ случаѣ недовольства его образомъ дѣйствій. Гатцфельдъ рѣшительно возстаетъ противъ этого требованія, являющагося отголоскомъ теоріи Ж. Ж. Руссо, и оцѣниваетъ значеніе представительства въ духѣ другого великаго писателя, Монтескьё. Повелительное полномочіе связываетъ волю депутата, не даетъ ему возможности поступать сообразно съ обстоятельствами даннаго случая. Депутатъ при этомъ является представителемъ не народа, а только своего округа, его нерѣдко эгоистическихъ интересовъ. Къ этому мы можемъ добавить слѣдующее: если избиратели ошиблись въ своемъ кандидатѣ, они его не выберутъ въ слѣдующій разъ, а срокъ полномочій обыкновенно коротокъ.

Кабинетъ Вальдека-Руссо, стремящійся къ укрѣпленію республики и умиротворенію политическихъ страстей, проектировалъ амнистію, которая должна была бы потушить дѣла Дрейфуса, Золя, Пиккара и др. Одна часть республиканцевъ отнеслась къ этой мысли сочувственно, но сами заинтересованные и ихъ многочисленные сторонники горячо протестуютъ противъ амнистіи, потому что желаютъ суда и справедливости. Дрейфусъ пишетъ Кламажерану, предсѣдателю комиссіи, рассматривающей законопроектъ объ амнистіи, что этою мѣрою отнимается у него самая дорогая надежда дожидаться законнаго провозглашенія его невинности. Золя протестуетъ съ обычною ему энергіею.

Проектъ амнистіи,—говоритъ онъ,—отнимаетъ у него права гражданина, онъ добровольно выступилъ съ обвиненіемъ и требуетъ, чтобы его за это судили, провѣрили основательность этихъ обвиненій. Невозможно, чтобы амнистія нарушила ходъ справедливости. Сильно протестуетъ противъ правительственнаго законопроекта и полковникъ Пиккаръ, а также Рейнакъ. Они требовали, чтобы ихъ выслушала комиссія сената, которая и удовлетворила это желаніе. Золя, Пиккаръ, Рейнакъ въ краснорѣчивыхъ и горячихъ выраженіяхъ развили свои протесты противъ амнистіи.

Сторонники амнистіи продолжаютъ утверждать, что страна нуждается въ успокоеніи и личныя мнѣнія того или другого изъ амнистированныхъ не должны приниматься въ соображеніе. Амнистія не прошеніе, а забвеніе. Но съ такимъ взглядомъ нельзя согласиться людямъ, на которыхъ судебными приговорами введено было позорное обвиненіе.

Скоро палаты разойдутся, и по всей вѣроятности законопроектъ объ амнистіи будетъ обсуждаться не скоро, по возобновленіи засѣданій парламента. Кабинетъ Вальдека-Руссо, несмотря на всѣ происки Мелина и его единомышленниковъ, открываетъ выставку. Палатамъ придется рассмотреть и другой важный законопроектъ о подоходномъ налогѣ. Министръ финансовъ предполагаетъ получить съ этого налога 310 милліоновъ франковъ

(нѣкоторые существующіе налоги при этомъ имѣется въ виду отмѣнить). Проектъ Кайльо вызвалъ большую тревогу въ значительной части печати. Противъ него, какъ и вообще противъ подоходнаго налога, выступаетъ даже *Temps*. Французская буржуазія особенно цѣпко отстаиваетъ свои финансовые интересы.

Злосчастная война англичанъ съ бурами продолжаетъ привлекать къ себѣ бесплодное вниманіе со стороны нашей и европейской печати. Во Франціи дѣятельно разрабатываются вопросы о военномъ флотѣ и защиты колоній, являются проекты протектората надъ Марокко, двигаются войска вглубь Сахары и т. д. Раздаются тревожные голоса въ Италіи, которая переживаетъ тяжелый внутрѣнный кризисъ, но никакъ не можетъ отказаться отъ великодержавной политики. Сочувствіе бурамъ, повидимому, возрастаетъ и въ Италіи. Такъ, недавно одна изъ наиболѣе вліятельныхъ и распространенныхъ газетъ, римская *Tribuna*, выражаетъ надежду, что конецъ войны не будетъ концомъ независимости буровъ, что на югѣ Африки восторжествуютъ принципы свободы и прогресса *). Но образъ дѣйствій англичанъ и открытыя заявленія ихъ правительства не подкрѣпляютъ подобныхъ надеждъ, возбуждая почти вездѣ общественное негодованіе систематическимъ насиліемъ. Мы отмѣчали уже попытки распространенія мысли о пользѣ сближенія между Франціей, Германіей и Россіей для того, чтобы положить предѣлъ англійскимъ захватамъ. Защитѣ этой мысли посвящена интересная статья князя С. Н. Трубецкого въ *Петерб. Вѣд.* **).

«Въ настоящее время,—пишетъ кн. Трубецкой,—англо-трансваальская война сильнѣе, чѣмъ когда-либо захватываетъ общій интересъ, соединяетъ всѣ народы континентальной Европы въ одномъ скорбномъ и негодующемъ протестѣ противъ вопіющаго злодѣянія, совершаемаго Великобританіей надъ маленькимъ геройскимъ народомъ, подвиги котораго достойны стать наряду съ самыми славными и доблестными въ исторіи. Въ среднеевропейскихъ государствахъ говоритъ и чувство вполне законнаго личнаго интереса. Осуществленіе мечтаній англійскаго имперіализма въ Африкѣ, подчиненіе всего чернаго материка отъ Египта до Капштата—если не полному господству, то, во всякомъ случаѣ, безспорному преобладанію Англіи—представляется дѣломъ недалекаго будущаго. Солсбери былъ правъ, говоря, что результаты настоящей войны во всемъ ея значеніи для Англіи и для Европы выяснятся вполне лишь черезъ нѣсколько десятилѣтій и что цѣль, преслѣдуемая его кабинетомъ, оправдываетъ усилія англійскаго народа и тѣ громадныя жертвы, которыя онъ приносить въ настоящее время. Это не можетъ не чувствоваться во Франціи, которая не забудетъ Фашоду, и въ Германіи, африканская политика которой будетъ обречена на полное ничтожество побѣдами Англіи».

*) *Tribuna*, № 72.

**) № 68.

А между тѣмъ именно Франція и Германія и парализируютъ другъ друга. Въ свою очередь и Россія «не можетъ съ легкимъ сердцемъ двинуться на Индію, какъ это совѣтуютъ ей иные патріоты, плохо знакомые съ географіей, и съ нашимъ военнымъ и политическимъ положеніемъ въ Азіи. Создать теперь же серьезныя осложненія на Дальнемъ Востокѣ, потерять тысячи жизней въ опасномъ и трудномъ походѣ съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ успѣха заставить Англію искать союза съ Германіей на какихъ бы то ни было условіяхъ—все это едва ли входитъ въ наши разсчеты».

По мнѣнію автора статьи въ *Петерб. Вѣд.* «только сближеніе между Россіей, Германіей и Франціей можетъ облегчить бремя европейскаго милитаризма и вмѣстѣ обезпечить мирное политическое преуспѣяніе трехъ названныхъ державъ, освободивъ ихъ отъ страшнаго и непродолжительнаго напряженія всѣхъ ихъ силъ, направленныхъ исключительно на оборону другъ отъ друга».

«Это—не утопія, не мечта, а дѣйствительная и осуществимая цѣль, достойная стремленій государственныхъ людей и общественныхъ дѣятелей Европы. Мы не закрываемъ глаза на трудности, которыя лежатъ на пути къ достиженію этой цѣли; но разъ изъ современнаго, воистину бѣдственнаго паралича европейскихъ народовъ нѣтъ иного выхода, то къ этой цѣли взаимнаго сближенія надо идти, каковы бы ни были наши симпатіи или антипатіи».

Намъ кажется, что осуществленіе этой цѣли труднѣе, чѣмъ это думаетъ кн. Трубецкой. Статуи Страсбурга и Меца на парижской площади *Согласія* сильно еще говорятъ оскорбленной народной гордости. Но утопіей эту мысль и мы не считаемъ. Во Франціи идея примиренія съ Германіей, повидимому, распространяется.

Событія въ Южной Африкѣ заслоняютъ вниманіе отъ того, что происходитъ въ относительно небольшихъ государствахъ. Съ [милановскимъ] режимомъ въ Сербіи общественное мнѣніе Европы какъ будто примирилось. Нѣсколько суетливая дѣятельность болгарскаго князя и ссора между черногорскимъ и сербскимъ правительствами также не возбуждаютъ интереса, а между тѣмъ несомнѣнно, что положеніе вещей на Балканскомъ полуостровѣ осложняется и, что румыны, болгары и сербы никакъ не могутъ ужиться въ согласіи.

На сѣверѣ Европы не разрѣшенъ еще норвежскій вопросъ. Государственный строй Швеціи,—сословный, съ преобладаніемъ крупныхъ землевладѣльцевъ—дворянъ, не содѣйствуетъ примиренію съ демократической Норвегіей. Экономическіе интересы раздѣляютъ и крестьянъ отъ буржуазіи. Первые стремятся устранять налоги, падающіе на землю, города противятся, въ мѣру возможности, другимъ видамъ обложенія. Мелкое крестьянство не желаетъ покровительственнаго тарифа, крупное землевладѣніе и буржуазія стоятъ за него. Последнее направленіе преобладаетъ. Сторонники его яв-

ляются въ то же время и, горячими противниками норвежскихъ стремленій къ государственной самостоятельности.

Старый споръ Норвегіи за особый морской флагъ кончился ея побѣдою. Послѣ долгаго сопротивленія король долженъ былъ утвердить постановленіе норвежскаго парламента. Шведскіе шовинисты забили тревогу, повели дѣятельную агитацію противъ новаго закона, вполне согласнаго съ конституціей Норвегіи, и не останавливались даже передъ угрозами войною. Но осенніе выборы прошлаго года явились чувствительнымъ пораженьемъ этихъ шовинистовъ. Шведскій министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Дугласъ принужденъ былъ подать въ отставку и законъ объ особомъ торговомъ флагѣ для норвежскаго флота вступилъ въ силу. Въ Норвегіи надѣются теперь добиться самостоятельнаго назначенія консуловъ въ иностранныя государства. Въ самой Швеціи увеличиваются голоса, требующіе признанія полной независимости Норвегіи.

Недавнее рѣшеніе третейскаго суда по дѣлу о желѣзной дорогѣ отъ Лоренцо-Маркеза (бухта Делагоа) вызвало въ Англіи сильное неудовольствіе. *Сѣверный Курьеръ* *), напоминаетъ исторію этого дѣла. Въ 1883 году американецъ Макъ-Мурдо получилъ концессию отъ португальскаго правительства на постройку желѣзной дороги отъ порта Лоренцо-Маркезъ въ бухтѣ Делагоа до трансваальской границы. Для осуществленія этого предпріятія Макъ-Мурдо образовалъ акціонерное общество, уставъ котораго утвержденъ португальскимъ правительствомъ. Обществу было предоставлено исключительное право постройки и эксплуатаціи названной линіи, причемъ португальское правительство обязывалось никому не разрѣшать постройки другой дороги на разстояніи 100 километровъ къ югу и къ сѣверу отъ этой линіи. Съ другой стороны, обществу было предоставлено право самому устанавливать и регулировать свои тарифы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Португалія заключила договоръ съ трансваальскимъ правительствомъ, которое обязалось провести дорогу дальше по своей собственной территоріи, какъ только постройка дороги на португальской территоріи будетъ закончена и достигнетъ трансваальской границы. Договоръ этотъ былъ утвержденъ Англіей, въ качествѣ сюзерена Трансвааля. Впослѣдствіи Макъ-Мурдо уступилъ свои права англійской компаніи. Такъ какъ, однако, нѣкоторые требованія концессіи остались не исполненными, то Португалія признала концессию не дѣйствительной и наложила секвестръ на желѣзную дорогу. Требованія вознагражденія за убытки со стороны англійской компаніи въ 1891 г. простирались на 1.750,000 фунт. стерлинговъ.

Стороны прибѣгли къ третейскому суду (двое швейцарскихъ союзныхъ судей и базельскій профессоръ). Судъ этотъ (въ Бернѣ) постановилъ, что Португалія должна уплатить 15,3 милл. франковъ, а вмѣстѣ съ 5-ю про-

*) № 139.

центами, начиная съ 1889 г., въ размѣрѣ $8\frac{1}{2}$ милл. фр. въ общей сложности около 24 мил. фр. Между тѣмъ съ англійской стороны еще въ 1891 г., какъ было упомянуто выше, было заявлено требованій на $1\frac{3}{4}$ милл. фунт. стерл. что составляетъ около 43 милл. фр., а вмѣстѣ съ процентами около 67 милл. фр.

Англія рассчитывала, что Португалія не въ состояніи будетъ уплатить денегъ. Тайный англо-германскій договоръ, о которомъ проникло извѣстіе въ нѣмецкую печать, имѣетъ въ виду именно финансовыя затрудненія Португаліи; разрѣшеніе ихъ предполагается уступкою португальскихъ колоній. Теперь эта цѣль отодвигается, но Португалія вынуждена была, нарушая нейтралитетъ, пропустить англійскія войска черезъ свою территорію для войны съ бурами. Трансвааль и Оранжевая республика, конечно, протестуютъ, Европа молчитъ.

В. Г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Апрѣль

1900 года.

Содержаніе. I. Книжки: Беллетристика.—Публицистика.—Философія.—Исторія, исторія литературы.—Географія.—Медицина.—Учебники, книги для дѣтей.—Изданія для народа.—Словари, сборники.—II. Периодическія изданія: «Жизнь», январь. — «Русское Богатство», февраль.—«Миръ Божій», мартъ.—III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1-го марта по 1-е апрѣля 1900 г.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Въ степи“. Романъ *Вл. Немировича-Данченка*. — „Петербургскіе очерки“. *В. Аз-сенька*. — „Подъ гору“. *Р. М. Хинъ*. — „Перкыя ласточки“. *А. Вербицкой*. — „На память“. Соч. *А. И. Паскевича*. — „Въ старыхъ стѣнахъ“. Повѣсти *А. Воротникова*. — „Собраніе сочиненій Генриха Гейне“.

Въ степи. *Вл. Немировича-Данченко*. Романъ. Ц. 1 р. 25 коп. Мы не назвали бы эту книгу романомъ: вѣрнѣе, это очень большой, умно задуманный этюдъ, недостаточно округленный и законченный для романа. Тема оригинальна. Городскіе люди, инженеръ Истоковъ съ женой, попали въ степную южную деревню, къ бывшему товарищу Истокова, Берестову. Истоковъ—здоровый, умный, практическій человѣкъ, относящійся къ жизни, какъ къ сложной работѣ, которую надо выполнить добросовѣстно и спокойно. Жена его, женщина съ яснымъ умомъ и глубокой душой. Имъ нова и странна жизнь Берестова, слабого, опустившагося человѣка, барина-кулака, оправдывающаго себя какой-то странной теоріей, въ которую и самъ онъ не вѣритъ твердо. Берестовъ пьетъ, ожесточенно воюетъ съ мужиками, которыхъ не понимаетъ и не любитъ, живетъ въ связи съ истеричной, болѣзненной и ординарной женщиной, которую не любитъ, и тяготится своей пустой и некрасивой жизнью. Истоковы наблюдаютъ, думаютъ и разговариваютъ, гуляя по ночамъ въ степи, гдѣ все такъ ново и необычно для нихъ. Имъ кажется, что Берестова нужно и можно спасти: стоитъ ему бросить свое кулацкое хозяйство и ограниченную любовницу,—уйти въ городъ и работать какою-нибудь живую и честную работу. Берестовъ не глупый и не плохой человѣкъ, онъ можетъ ожить, проснуться. Но онъ слабъ и безволенъ. Истоковы уѣзжаютъ съ глубокой любовью къ обездоленной и жалкой деревнѣ и съ большой жалостью къ Берестову. А съ нимъ произошло то, что бываетъ со слабыми людьми, которые безотвѣтно отдаются власти случая. Случай былъ самый обыкновенный: пришлось ему по дѣламъ ѣхать въ городъ. Городская жизнь послѣ долгаго затворничества въ деревнѣ была такъ же нова для него, какъ деревня для Истоковыхъ. Она разбудила его, увлекла и довела до рѣшимости бросить все старое, уѣхать за границу, добыть себѣ

трудъ и свободу. Новый случай не допустилъ Берестова до этого. Женщина, съ которой онъ жилъ, беспокоясь о немъ, пріѣхала въ городъ. Старое осталось по старому. Ему никогда не освободиться, онъ не можетъ бросить нелюбимую женщину, больную, почти умирающую, а она приковываетъ его къ деревнѣ, къ кулачеству,—ко всей его мертвой жизни. Въ романѣ есть удачныя фигуры и положенія; степные пейзажи, картины деревни выказываютъ тонкую наблюдательность.

Петербургскіе очерки. В. Авсѣенка. Томы I и II. Цѣна каждаго тома 1 р. Намъ удалось прочитать оба тома рассказовъ г. Авсѣенка—всего 50. Говоримъ „удалось“ потому, что это очень трудно. Представьте себѣ, 50 маленькихъ набросковъ, сдѣланныхъ на скорую руку и довольно неряшливо. Вы прочитываете одинъ рассказъ и къ своему удивленію получаете такъ же мало впечатлѣнія, какъ если бы вы десять минутъ перечитывали одно заглавіе. Если первая неудача васъ не смутила—вы прочтете еще одинъ набросокъ и съ тѣмъ же результатомъ. Будете искать, какое же изъ 50 произведеній г. Авсѣенка лучше, значительнѣе,—и совершенно напрасно: они все по достоинству одинаковы. А если прочтете обѣ книжки за разъ, вамъ станетъ грустно.

Въ самомъ дѣлѣ, нельзя такъ писать. Намъ вѣжется, что г. Авсѣенко пишетъ, такъ сказать, насильно: его темы точно выдуманы съ большимъ затрудненіемъ, онъ не нравятся самому автору, ему трудно ихъ разработать, оживить. Возьмемъ наудачу одинъ изъ рассказовъ, положимъ хоть „Атлета“. Михайло Ивановичъ Бизюкинъ, бухгалтеръ, три года занимается атлетикой и доходитъ на этомъ поприщѣ до высокаго совершенства. Въ одинъ скверный день онъ донесъ велосипедистку, потерпѣвшую крушеніе и ушибленную, къ мужу, который былъ очень благодаренъ. Атлета угостили такъ радушно, что онъ въ благодарность моментально положилъ на обѣ лопатки какого-то благодѣтеля хозяина. Сдѣлалъ онъ это потому, что благодѣтель бранилъ мужа спасенной велосипедистки.

Подъ гору. Р. М. Хинъ. М., 1900 г. Ц. 1 р. 25 к. „Подъ гору“ сборникъ рассказовъ, связанныхъ однимъ общимъ настроеніемъ. Это настроеніе,—грусть, иногда доходящая до глубокой печали или тяжелой тоски. Все идетъ „подъ гору“, такъ какъ всему положены извѣстные предѣлы, изъ которыхъ главный, очевидно, время. И большинство рассказовъ Хинъ посвящено описанію того, что было. Это прошедшее такъ хорошо, чисто и свѣтло, жизнь была въ немъ и эта жизнь билась сильно и развѣтывалась часто такъ широко и радостно, что заслоняла собой человѣческіе недостатки и даже горе и несчастье. Это прошедшее—молодость, а съ нею вѣра и не отравленное житейскимъ опытомъ довѣріе къ людямъ. Но время прошло и все измѣнилось: сила чувства стихла, красота исчезла или выродилась въ безобразіе, надежды стали смѣшны и жалки, вѣра утратилась подъ гнетомъ тяжелой и безотрадной дѣйствительности (*Мечтатель*), въ сердцѣ поселилась горечь (*Одиночество*), иногда презрѣніе къ самому себѣ (*Устроились*). Что дѣлать тому, кто пришелъ къ сознанію, что его жизнь прожита, время уже прошло, а онъ ничего не сдѣлалъ или, вѣрнѣе, всю жизнь обманывалъ самого себя тѣмъ, что онъ будто что-то дѣлалъ? Остается,—или обманывать себя до конца, до послѣдней минуты жизни (*Послѣдняя страница*), или сидя въ своемъ одинокомъ кабинетѣ за своимъ письменнымъ столомъ, горько зарыдать и дать накопившейся скорби излиться въ слезахъ (*Послѣ праздника*). Все рассказы Р. М. Хинъ

проникнуты тою добротой и любовью, тѣми вѣрованіями и мыслями, которыми очерчиваются люди прошлаго поколѣнія. Отсюда для автора и оцѣнка теперешняго времени и главный интерес—прошедшее. Въ то время жилось куда лучше настоящаго, можетъ быть, поэтому и во всѣхъ разсказахъ описывается жизнь неудачниковъ. Начинали они хорошо, въ шестидесятые годы, а кончали плохо, вступали въ жизнь полными силъ и энергіи, а уходили разбитые, больные, искалѣченные (*Одиночество, Елка*), иногда даже сами лишали себя жизни (*Мечтатель*). Но вообще это слабые люди, не сильные духомъ; они не были въ состояніи сломить жизнь и жизнь сломила ихъ. Иногда они мелочно злобны (*Елка, Послѣдняя страница*), но въ большинствѣ случаевъ это простые люди, дѣлающіе простыя дѣла, неспособные даже и на большую злобу. Дѣйствіе часто переносится за границу, въ Швейцарію и Германію. Автору, очевидно, хорошо извѣстны бытъ и характеръ иностранцевъ. Послѣдній разсказъ „Тифена“ изъ жизни французскаго монастыря Mont St.-Michel, стоитъ совершенно отдѣльно отъ другихъ. Въ немъ нѣтъ скорби и сѣрыхъ тоновъ, а заканчивается онъ радостными и свѣтлыми словами юной и цвѣтущей жизни „иди и люби“. Это поэтическая сказка, изящная и безыскусственная, красивая по своему содержанію и радостная по впечатлѣнію.

Первые ласточки. А. Вербицкой. Повѣсть. 1900 г. Ц. 80 к. „Мы первые ласточки грядущей весны“, таковъ эпиграфъ и такова идея произведенія г-жи Вербицкой. Героиня повѣсти Валентина борется за свое независимое положеніе, отталкиваетъ помощь любимаго и любящаго человѣка и умираетъ отъ чахотки, оставляя по себѣ трехъ маленькихъ дѣтей.

Ставится большой, важный вопросъ, но знаетъ ли г-жа Вербицкая, что всякій вопросъ, оторванный отъ того общаго, съ чѣмъ онъ долженъ бы былъ составлять одно неразрывное цѣлое, тѣмъ самымъ является уже ложнымъ по своей постановкѣ, иногда вреднымъ, а въ лучшемъ случаѣ мертворожденнымъ и схоластичнымъ? Таковъ и женскій вопросъ. Только въ связи съ вопросомъ общечеловѣческимъ, въ связи съ увеличеніемъ суммы счастья и нужной для будущаго разумной работы на землѣ,—онъ и получаетъ свой смыслъ и свое оправданіе.

Но этого, вѣроятно, не знаютъ героини многочисленныхъ романовъ и повѣстей г-жи Вербицкой, онѣ не знаютъ словъ великаго философа: „Не говорите мнѣ, стать свободнымъ отъ чего-либо, но—стать свободнымъ для чего-либо“. Нѣтъ, героини г-жи Вербицкой не первые ласточки грядущей весны, а запоздалыя птицы давно ушедшаго лѣта.

На память. Сочиненія А. И. Паскевича. Т. I. Спб., 1900 г. Ц. 75 к. Изд. т-ва „Книговѣдъ“. „На память?“ Merci... Хотя мы нѣсколько смущены, такъ какъ не имѣемъ удовольствія знать г. Паскевича. „Ничего, ничего,—успокаиваетъ г. Паскевичъ,—прочтете книжку, узнаете“. Мы прочли и, дѣйствительно, г. Паскевичъ предсталъ передъ нами во весь ростъ. Дѣло въ томъ, что г. Паскевичъ удивительно наивный человѣкъ: онъ думаетъ, повидимому, что умѣнье излагать болѣе или менѣе грамотно свои мысли вполне достаточно для того, чтобы выпускать ихъ въ свѣтъ подъ названіемъ „сочиненій“; страусъ, когда хочетъ скрыться отъ охотника, прячетъ голову подъ крыло, такъ и г. Паскевичъ напрасно сталъ бы увѣрять насъ, будто онъ „сочинилъ“ свои сочиненія. Вдобавокъ спряталъ-то г. Паскевичъ не всю голову, не прикрывъ почему-то макушки: *все* разсказы ведутся отъ перваго лица.

Хотите знать, кто такой г. Паскевичъ? Въ каждомъ русскомъ за-
холустѣ есть такой почетный обыватель, при обращеніи къ которому
недостаточнымъ считается эпитетъ „многоуважаемый“ или даже „глубоко-
уважаемый“; это — „всѣми уважаемый“. „Всѣми уважаемый“ какъ социаль-
ная единица — рантье или статскій генералъ на пенсіи. Популярность его
такова, что любой пятилѣтній мальчуганъ проведетъ васъ къ нему, стоить
вамъ назвать его имя и отчество. Онъ и почетный попечитель мѣстныхъ
школъ, и почетный церковный староста, и почетный предсѣдатель ком-
мисіи по сломкѣ старой полицейской будки. Населеніе гордится сво-
имъ „всѣми уважаемымъ“, потому что у него останавливаются всѣ
высокопоставленные лица, которыхъ судьба заброситъ въ захолустье
на день на два, и находять у радушнаго хозяина и приличный обѣдъ,
и бутылку хорошаго вина, и разрѣзанную послѣднюю книжку журнала.
Не принимая непосредственнаго участія въ официальной жизни за-
холустя, „всѣми уважаемый“ косвеннымъ образомъ выполняетъ из-
вѣстную культурную миссію. Такъ разбираясь въ такомъ мудреномъ
вопросѣ, какъ „что лучше: прибавить жалованье предсѣдателю или
построить лишнихъ три школы?“ излюбленные люди однимъ глазомъ
косятся черезъ окошко на уголъ Базарной площади, гдѣ красуется
домъ „всѣми уважаемаго“. Въ этомъ смыслѣ онъ является какъ бы
неофициальнымъ блюстителемъ интересовъ прогресса и хранителемъ
„послѣднихъ словъ“ обѣихъ столицъ и Европы. Сograждане ходятъ въ
„всѣми уважаемому“ играть на билліардѣ, пить водку и поговорить „о
серьезномъ“.

Da ist des Hund begraben! Люди болтаютъ себѣ такъ, зря, а хо-
зяинъ между тѣмъ слагаетъ ихъ слова въ сердцѣ своемъ. Только ушли
гости, онъ садится за письменный столъ и тщательно записываетъ раз-
говоръ съ становымъ о народномъ образованіи, мнѣніе акцизнаго о
финансовой политикѣ, свои собственныя соображенія объ обязатель-
ности собачьихъ намордниковъ и т. п. Когда ему покажется, что ма-
териала накопилось достаточно, онъ соединяетъ его въ хронологическомъ
порядкѣ подъ общимъ, ни къ чему въ сущности не обязывающимъ за-
главіемъ.

Такъ возникъ самый большой разсказъ 1-го тома — „Въ захолустѣ“.
Здѣсь собраны „разговоры“ о нашемъ бездорожьи, о малорусской ли-
тературѣ, о народной литературѣ, о народномъ образованіи, о рефор-
мѣ средней и высшей школы, высказываются здравыя мысли о жела-
тельности замощенія улицъ и тротуаровъ, о пользѣ образованія, о
безполезности карточной игры и многое другое, все столь же благона-
мѣренное, резонное, но и столь же скучное, тягучее, никому не инте-
ресное и раздражающе самодовольное.

Всѣхъ разсказовъ въ „первомъ томѣ сочиненій А. И. Паскевича“
семь, но намъ кажется, читатель и такъ удержится отъ покупки этой
книжки; поэтому о нихъ не стоитъ и говорить. Мы не распростра-
нялись бы такъ много о г. Паскевичѣ, если бы, во-первыхъ, онъ не гро-
зилъ намъ „вторымъ“ томомъ, а, во-вторыхъ, еще одно обстоятель-
ство: къ сожалѣнію, книжка издана опрятно и довольно заманчиво,
ее удобно положить въ карманъ. Поэтому мы особенно предупреждаемъ
пассажировъ на желѣзныхъ дорогахъ не соблазняться форматомъ „со-
чиненій г. Паскевича“.

Другое дѣло, на узкоколейныхъ желѣзныхъ дорогахъ, тамъ съ
отчаянья можно читать и г. Паскевича.

Въ старыхъ стѣнахъ. Повѣсти южныхъ береговъ. А. Воротникова. Г. Воротниковъ очень любитъ путешествовать. Однажды, будучи въ Сициліи, онъ попалъ въ старый монастырь, въ которомъ старый монахъ показалъ ему двѣ старыхъ картины. На одной пять монаховъ несли въ монастырь свои собственныя отрубенныя головы, а на другой—пѣсколко монаховъ съ удивленіемъ смотрѣли на трупъ женщины, изъ котораго вылеталъ злой духъ съ отвратительнымъ лицомъ и съ крыльями летучей мыши. Г. Воротниковъ моментально написалъ рассказъ, въ которомъ есть и старый замокъ, и прекрасная Адельгейда, которая выходитъ замужъ за стараго, но богатаго графа Рольфа. Ну, разумѣется, кромѣ того, у Адельгейды есть еще старая нянька Мальфрида, она же и колдунья, и молодой человѣкъ съ длинными кудрями и задумчивыми глазами. Молодого человѣка зовутъ Альдо. Узнавъ, что Адельгейда выходитъ замужъ, онъ натурально очень огорчается и поступаетъ въ монастырь по совѣту, полученному лично отъ св. Георгія. Адельгейда же, выйдя замужъ, тоже огорчается въ свою очередь: ей противенъ старый мужъ.

Нянька Мальфрида начинаетъ колдовать и читаетъ заклятіе, слегка заимствованное изъ „Пѣсни торжествующей любви“.

Мѣсяцъ стоитъ надъ змѣиной порою,
Стояетъ волкъ передъ крѣпкой стѣной.
Мертвыя кости на землю зоветъ.
Тихо змѣй черный ползетъ...
Стѣны, въ тоскѣ, распадитесь! и т. д.

Заклятіе почему-то ни къ какимъ практическимъ результатамъ не приводитъ, но зато являются арабы, все грабятъ, отрубаютъ головы вышеупомянутымъ пяти монахамъ. Монахи, какъ ни въ чемъ не бывало, подбираютъ раскатившіяся въ разныя стороны головы и несутъ ихъ въ монастырь. Арабы разбѣгаются и т. д., до того самаго момента, пока изъ Адельгейды не вылетаетъ злой духъ съ отвратительнымъ лицомъ. Это первый рассказъ „Въ старыхъ стѣнахъ“. Относительно же второго рассказа „Волны“ г. Воротниковъ увѣряетъ, что это блѣдный пересказъ древней рукописи, сообщенной ему среди развалинъ арабскаго замка однимъ молодымъ ученымъ, ушедшимъ отъ новой жизни въ глубь средневѣковья. Но это, разумѣется, выдумка, потому что тутъ появляются опять тѣ же лица только подъ другими именами. Стараго мужа здѣсь зовутъ Теодардомъ, молодую жену Кристиной, а интереснаго молодого человѣка Алессіо. А потомъ въ „Мститель“ у г. Воротникова дѣйствуютъ кастелланъ города Каффы, прекрасная, но коварная гречанка Евфимія, прекрасный незаконнорожденный молодой человѣкъ Дмитрій, пустынный Іовъ, скелетъ молодой женщины, озлобленный еоодосіецъ Аццолино, большой пріятель Тамерлана, и т. д. Нѣкоторые объясненія всему творчеству г. Воротникова даетъ послѣдній рассказъ „Ночь“, носящій автобіографическій характеръ. Здѣсь г. Воротниковъ описываетъ, какъ онъ ночевалъ съ своимъ пріятелемъ опять-таки въ одномъ старомъ замкѣ, и подъ вліяніемъ галлюцинацій чуть не зарѣзалъ своего пріятеля. Очевидно, г. Воротникову нужно совершенно прекратить посѣщенія всѣхъ этихъ старыхъ замковъ и монастырей, которыя на него дѣйствуютъ очень вредно.

Собраніе сочиненій. Генриха Гейне. Редакція Петра Вейнберга. Томъ VII. Спб., 1900 г. Цѣна 1 р. 75 к. Въ седьмой томъ сочиненій Гейне вошли *Алманзоръ* (пер. Ѳ. Б. Миллера), *Вильямъ Ратклиффъ* (пер. г. Орлова), посмертныя стихотворенія (въ переводѣ П.

И. Вейнберга, нѣкоторыя появляются впервые), *Книга пѣсенъ* (предисловіе въ переводѣ М. Л. Михайлова), *Путешествіе на Гарцъ*—П. И. Вейнберга, *Интермеццо* (прологъ покойнаго Ѳ. Б. Миллера)—П. И. Вейнберга, *Сѣверное море*—(Вейнберга, Михайлова, Прахова) и *Атта Троль*, въ новомъ переводѣ г. Брянскаго.

Новые переводы близки къ подлиннику, редактированы опытною рукою, но отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ отлетѣло вѣяніе гейневской поэзіи. Съ какимъ наслажденіемъ перечтешь михайловскій переводъ предисловія къ третьему изданію *Книги пѣсенъ*:

«Снова я въ сказочномъ старомъ лѣсу,
Липы осыпаны цвѣтомъ;
Мѣсяцъ, чаруя мнѣ душу, глядитъ
Съ неба таинственнымъ свѣтомъ.
Лѣсомъ иду я. Изъ чащи вѣтвей
Слышатся чудные звуки,
Это поетъ соловей про любовь
И про любовныя муки», и т. д.

А еще лучше, конечно, перечтешь *Buch der Lieder* въ подлинникѣ.

П. И. Вейнбергъ составилъ къ сочиненіямъ Гейне очень интересныя примѣчанія. Къ седьмому тому приложены портретъ Гейне, рѣдкій, въ юные годы, и факсимиле стихотворенія.

ПУБЛИЦИСТИКА.

„Голосъ семьи о школѣ“. Сост. С. А. Золотаревъ. — „Народъ-богатырь“. Очерки. С. И. Рапопорта.

Голосъ семьи о школѣ. Состав. С. А. Золотаревъ. Изд. кн. маг. Башкировыхъ. Рига, 1900 г. Ц. 30 к. (Чистый сборъ поступаетъ въ пользу Литературнаго кружка). Педагогическое отдѣленіе существующаго въ г. Ригѣ русскаго литературнаго кружка пришло въ сентябрѣ прошлаго года къ благому рѣшенію оказать съ своей стороны содѣйствіе разрѣшенію интересующаго всѣхъ вопроса объ улучшеніи нашей средней школы, возбужденнаго извѣстнымъ циркуляромъ министра народнаго просвѣщенія. Съ этою цѣлью оно поручило особой комиссіи выработать рядъ вопросовъ, исчерпывающихъ разныя стороны школьнаго дѣла и распространить ихъ между родителями учащихся и др. лицами, желающими высказаться. Но уже при самой выработкѣ программы вопросовъ обнаружилось то невозможное положеніе, въ которомъ находится въ настоящее время наша школа. Составители вопросовъ, напримѣръ, справедливо находили, что для оцѣнки отвѣтовъ на нихъ въ высшей степени важно знать, кто ихъ далъ (общественное положеніе, возрастъ, образовательный цензъ и т. д.), но встрѣтили дружный протестъ большинства противъ соответствующихъ вопросовъ. Было высказано, что подобная откровенность можетъ навлечь на учащихся непріятности со стороны учебнаго начальства, „поставить ихъ подъ ножъ“. Обнаружилось, иначе говоря, что *родители боялись учителей!* Пришлось допустить анонимность отвѣтовъ. Но и этого мало. Когда выработанные вопросы были напечатаны въ мѣстныхъ газетахъ, то настоящая попытка почтеннаго кружка „пролить струйку свѣта на дѣятельность приверженцевъ рутины, формализма и канцелярщины“—вызвала *взрывъ негодованія и даже угрозы* противъ инициаторовъ предпріятія со стороны мѣстныхъ педагоговъ. Они испу-

гались, что отдѣленіе, собравъ эти голоса семьи, укажетъ на нихъ пальцами! Обнаружилось, такимъ образомъ, что и *учителя боялись родителей*. А одинъ изъ этихъ „человѣковъ въ футлярѣ“ выступилъ даже съ печатнымъ произведеніемъ, въ которомъ, возмущаясь „затѣй“ отдѣленія, наивно недоумѣвалъ „какъ можно считать родителей компетентными въ вопросѣ объ ихъ дѣтяхъ, какъ можно ожидать дѣльныхъ отвѣтовъ отъ сапожниковъ, мызниковъ и т. п. родителей“ и въ концѣ концовъ не удержался отъ обвиненія отдѣленія—въ политической неблагонадежности, конечно. Наивенъ и дикъ этотъ „человѣкъ въ футлярѣ“, но, увы, мы знаемъ уже теперь, что онъ не является исключительнымъ украшеніемъ педагогическаго персонала только города Риги. Родители вообще вѣдь не были нигдѣ приглашены къ подачѣ ихъ мнѣній по этому важному для нихъ дѣлу. А между тѣмъ, уже скромный опытъ рижскаго кружка показываетъ, что родителямъ было что сказать, а руководителямъ было что послушать въ отвѣтахъ родителей, хотя изъ числа 500 разосланныхъ вопросныхъ листовъ было получено только 50 отвѣтовъ (въ томъ числѣ 11 на нѣмецкомъ языкѣ). Лежащая передъ нами книжка является обработкой полученныхъ отдѣленіемъ письменныхъ отвѣтовъ и заслуживаетъ, по содержанію, самаго серьезнаго вниманія всѣхъ истинныхъ друзей просвѣщенія. Вопреки приведенному мнѣнію футлярнаго педагога, родители учащихся оказались вполне компетентными „въ вопросѣ о ихъ дѣтяхъ“ и дали, по словамъ составителя книжки, прекрасный и цѣнный (хотя къ сожалѣнію, небольшой) матеріалъ для составленія курса практической педагогики, дидактики и методики. Мы, конечно, лишены возможности реферировать подробно интересное содержаніе отвѣтовъ, сгруппированныхъ г. Золотаревымъ въ нѣсколькихъ главахъ книжки (Умственное развитіе учащихся въ современной ея школѣ, нравственное развитіе учащихся, состояніе здоровья учащихся, желательная постановка школы), но привести здѣсь нѣкоторые мнѣнія родителей считаемъ необходимымъ. „Отвѣты“ даютъ,—говоритъ авторъ,—прежде всего полное основаніе признать вредъ и неумѣстность ранней специализаціи, хотя и есть указанія на то, что ученики интересуются *нѣкоторыми* отдѣльными частями *разныхъ* предметовъ. Полное единодушіе замѣчается въ отзывахъ о грамматикахъ всѣхъ языковъ: ребенокъ не терпитъ, не усваиваетъ ничего отвлеченнаго, сухого, стѣсняющаго его фантазію. Что касается всего другого матеріала школьныхъ программъ, то родители отмѣчаютъ тотъ интересный фактъ, что успѣшность въ прохожденіи курса чрезвычайно много зависитъ отъ личности учителя: „Дѣти любятъ предметы по расположенію къ учителю, а учителя располагаютъ къ себѣ дѣтей гуманностью обращенія“. Последнее явленіе, однако, наблюдается преимущественно въ приготовительномъ классѣ. Указывается, далѣе, что средняя школа совершенно отказалась отъ пользованія наглядными пособиями, она всему хочетъ учить при помощи книги; что преподаватели передъ экзаменомъ зрѣлости рекомендуютъ ученикамъ *остерегаться ссылокъ на русскихъ знаменитыхъ критиковъ*; что учителя древнихъ языковъ бываютъ плохо подготовлены и потому педантичны, что въ авторахъ ученики видятъ все только новые и новые „грамматическіе фокусы“, все же разумное, живое, интересное теряется для впечатлительнаго ума и сердца ребенка“, что „Цезарь, Саллюстій и Цицеронъ провалились бы на гимназическомъ экзаменѣ по латинскому языку, если бы не держали подъ партой принятаго въ гимназіи учебника“. Вообще, большинство ясно понимаетъ, что качество препода-

ваемаго матеріала, его полезность является въ тѣсной зависимости отъ методовъ преподаванія и личности учителя. Недовольны родители и неизбѣжной въ нашей школѣ системой репетиторства неусиѣвающихъ учениковъ, предпочитая совместное приготовленіе уроковъ товарищами по классу. Не однажды встрѣчаются въ отвѣтахъ горькія жалобы родителей на „общія условія“, въ какія поставлено наше образованіе и между прочимъ на недостаточное количество школъ, ведущее за собою ихъ переполненность. Въ результатѣ, не признавая дѣленія „человѣкъ“ и „ученикъ“, на практикѣ школа цѣнитъ только успѣвающихъ учениковъ, не думая о человѣкѣ. Изъ 90 учениковъ, поступившихъ въ 1-й классъ одного учебнаго заведенія, до 7-го дошло 6 учениковъ, а 84 человѣка застряли или выброшены за бортъ. Къ стыду школы она не умѣетъ или къ несчастью не можетъ вообще дать дѣтямъ понятіе объ удовольствіи знанія, ученики не имѣютъ аппетита къ знанію, къ самодѣятельности, не обнаруживаютъ пылкости ума. Въ цѣломъ рядѣ писемъ, говорить г. Золотаревъ, рисуется печальная картина постепенной потери этого „аппетита къ знанію“. Думаемъ, что приведенныхъ нами, для образца, мнѣній, вполне совпадающихъ по существу съ таковыми же лучшихъ и наиболѣе компетентныхъ знатоковъ современной средней школы, достаточно, чтобы судить о ихъ дѣйствительной цѣнности. Самый текстъ 56-ти вопросовъ, вмѣстѣ съ предисловіемъ, которые были разосланы педагогическимъ отдѣленіемъ Рижскаго литературнаго кружка родителямъ мѣстныхъ школъ, — приложенъ въ концѣ книги. Здѣсь же приложена и „Примѣрная схема курса законовѣдѣнія въ общихъ чертахъ“, предложенная однимъ изъ корреспондентовъ, желающимъ ввести въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ преподаваніе законовѣдѣнія. Книгу можно выписать изъ магазина издателей (Рига, Б. Песочная, 32).

Народъ-Богатырь. Очерки политической и общественной жизни Англіи. С. И. Рапорта. Спб., 1900 г. Цѣна 1 р. 50 коп. Появленіе этой книги, носящей столь лестное для англійской націи заглавіе, случайно совпало съ временемъ, когда общественное мнѣніе почти всѣхъ европейскихъ странъ осуждаетъ эту націю за некрасивую ея роль въ южно-африканской войнѣ. Нельзя скрыть того, что уваженіе, которымъ пользовалась Англія до сего времени, въ наши дни уменьлось и померкло. Справедливость требуетъ, однако, замѣтить, что современники историческихъ событій обыкновенно бываютъ плохими и пристрастными ихъ судьями и цѣнителями и что есть болѣе надежный судъ—судъ исторіи, который въ свое время сумѣетъ воздать каждому по его заслугамъ. Намъ же остается пока не забывать того, что позорящая достойную страну и убыточная для ея населенія война возникла по инициативѣ консервативнаго министерства Англіи, преслѣдующаго главнымъ образомъ интересы мѣстныхъ капиталистовъ, что находятся и въ самой Англіи значительныя группы ея гражданъ, протѣствующихъ противъ этой войны, остальные же увлечены возникшимъ потокомъ шовинизма просто въ силу личныхъ потерь и огорченій, испытанныхъ особенно въ первые мѣсяцы борьбы съ бурами, оказавшимися стойкими и храбрыми защитниками своей свободы и независимости, и что, наконецъ, великія заслуги англійскаго народа передъ человѣчествомъ на поприщѣ высокаго развитія культуры, науки, образованности, свободы и самоуправления всегда останутся въ глазахъ передовыхъ слоевъ всѣхъ націй предметомъ удивленія и преклоненія.

Авторъ настоящей книги, впрочемъ, и не могъ сопоставить въ ней упомянутыя заслуги Англіи съ ея поведеніемъ текущихъ дней просто потому, что издалъ рядъ своихъ статей, печатавшихся ранѣе въ цѣломъ рядѣ русскихъ періодическихъ изданій. Здѣсь онъ касается послѣдовательно многихъ достойныхъ вниманія и характерныхъ для Англіи сторонъ ея общественной жизни. Въ восьми главахъ книги читатель знакомится въ живомъ изложеніи непосредственнаго и внимательнаго наблюдателя съ политическою жизнью страны, съ наиболѣе выдающимися ея государственными дѣятелями, съ ея клубами и печатью, попеченіемъ о бѣдныхъ и различными лондонскими типами; особая глава посвящена также народному образованію и просвѣщенію. Не всѣ статьи книги обработаны съ должною обстоятельностью и серьезностью, которой и нельзя требовать отъ газетныхъ и журнальныхъ статей, но въ общемъ г. Рапопортъ даетъ все-таки довольно интересную и назидательную картину мѣстной жизни. Между прочимъ, авторъ задается вопросомъ: чѣмъ объясняется культурный успѣхъ Англіи, ея умственный и матеріальный ростъ? И приходитъ къ тому заключенію, что самая главная причина подобнаго роста государства это—размѣры территоріи. „Есть,—говоритъ онъ,—какой-то максимумъ территоріи, которою государство можетъ владѣть съ пользою для своего внутренняго развитія, но разъ этотъ нежелательный предѣлъ перейденъ, государство обрекается на застой и въ концѣ концовъ на смерть“. Въ подкрѣпленіе этой мысли, авторъ указываетъ на процвѣтавшія когда-то умственно и политически маленькія древне-греческія государства, пока они не расширились до предѣловъ Византійской и Римской имперій. Огромный Китай заснулъ и умираетъ въ то время, какъ маленькая Японія „сумѣла пробиться на дневной свѣтъ сквозъ чащу восточныхъ предрассудковъ“. Аналогичное явленіе авторъ видитъ далѣе въ судьбѣ маленькихъ—Швейцаріи, Голландіи, Даніи и т. д. Сильна и Англія тѣмъ, что, окруженная водою, она не можетъ подаваться далѣе въ сторону, а ея заморскія владѣнія составляютъ ея силу тамъ, гдѣ они независимы отъ нея, и слабость, гдѣ находятся въ зависимости, какъ, наприм., Индія. (А Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты?). Въ этомъ отношеніи, какъ видимъ, взгляды г. Рапопорта совпадаютъ съ тѣми, которыя высказываются теперь въ печати по поводу дѣлаемой Англіей попытки подчинить своей власти независимыя республики Южной Африки. Касаясь въ первыхъ главахъ книги политической жизни Англіи и давая характеристику дѣйствующихъ партій и ихъ дѣятелей, авторъ нѣсколько разъ возвращается къ той мысли, что борьба политическихъ партій является двигателемъ всякой конституціонной машины. Не будь этой борьбы, не было бы и движенія; колеса и винты покрылись бы ржавчиной, общественная жизнь застоялась бы и государственный организмъ началъ бы разлагаться. Оппозиція—это дрожжи, поднимающія хлѣбъ жизни, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ книги. Одновременно онъ указываетъ и на ту характерную черту англійскихъ дѣятелей, что будучи честными и горячими противниками въ стѣнахъ парламента, они въ частной жизни нерѣдко являются большими друзьями.

ФИЛОСОФІЯ.

„Ученіе о Логосѣ въ его исторіи“. С. Н. Трубецкого. — „Талмудъ. Мишна и Тосефта“. Критич. пер. Н. Переферковича.

Ученіе о Логосѣ въ его исторіи. Философско-историческое изслѣдованіе. Кн. С. Н. Трубецкого. Томъ первый. М., 1900 г. Ц. 2 р. 60 к. Эта книга, заслуженно доставившая автору ученую степень доктора философіи, представляетъ собою выдающееся явленіе въ современной научной литературѣ. Въ ней счастливо сочетаются тонкость отвлеченнаго умозрѣнія съ тщательностью историческаго анализа, глубокая эрудиція и прекрасное изложеніе. Кн. Трубецкой задался цѣлью выяснить внутреннее отношеніе тѣхъ началъ, которыя лежатъ въ основѣ европейской цивилизаціи, взаимную связь греческой культуры и христіанства. Однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ звеньевъ между этими двумя моментами является великая идея универсальнаго разума, Логоса. Она зародилась въ системахъ греческихъ мыслителей, и Евангеліе признало ея живое воплощеніе во Христѣ. Генезисъ и ростъ этой идеи, разнообразныя вліянія, которыя она испытывала, ея постепенная трансформация—вотъ что составляетъ предметъ названнаго изслѣдованія,—предметъ, находящійся на грани философіи и религіи. И авторъ сумѣлъ вездѣ удержаться на той границѣ, за которой его сочиненіе потеряло бы характеръ философско-исторической монографіи и сдѣлалось бы произведеніемъ богословскимъ. Сокровенные вопросы и чаянія религіозной вѣры онъ предоставилъ совѣсти каждаго, а самъ коснулся только той стороны христіанства, которая поддается научно-му изысканію. Онъ сдѣлалъ это такъ умѣло и талантливо, что его книга въ данномъ отношеніи можетъ служить образцомъ. Хотѣлось бы вѣрить, что она явится первой ласточкой той весны духа и умственной свободы, когда, по примѣру запада, у насъ найдется себѣ почву объективное научное отношеніе ко всѣмъ областямъ человѣческой исторіи.

Талмудъ. Мишна и Тосефта. Критическій перев. Н. Переферковича. Томъ второй (книга 3 — 4). Спб., 1900 г. Ц. 2 р. 50 к. На страницахъ *Русской Мысли* мы отмѣтили уже появленіе I тома этого замѣчательнаго изданія. И второй выпускъ Талмуда представляетъ много интереснаго для гебраиста, и знатока и любителя еврейской старины. Онъ трактуетъ о праздникахъ, объ ихъ времени и значеніи, о законахъ и обрядахъ, съ ними сопряженныхъ. Утомительныя подробности культа, мелочная регламентація, обиліе формальнаго и вѣдшаго въ ущербъ духу и смыслу религіи—все это не дѣлаетъ Талмуда книгой нравственно-поучительной и возвышенной. Много тонкой мысли, истраченной на толкованіе закона, много усилій діалектики, направленной на бесплодныя темы—все это звучитъ для современнаго ума странно и чуждо. Но все это,—фактъ огромнаго историко-культурнаго значенія, а факты надо изучать. Во всякомъ случаѣ, трудъ г. Переферковича открываетъ всѣмъ возможность непосредственнаго ознакомленія съ тою книгой, на которую много клеветали и которая поэтому сдѣлалась причиной великихъ бѣдствій для евреевъ. Теперь станетъ видно для тѣхъ, кто захочетъ видѣть, что Талмудъ заключаетъ въ себѣ, правда, очень много схоластики, но не злобной, не отравленной враждою ко всему не еврейскому.

ИСТОРИЯ, ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

„Римъ и имперія въ первые два вѣка новой эры“. Э. Тома.—„Частная и общественная жизнь римлянъ“. П. Гиро.—„Римская имперія“. Сборникъ статей въ переводѣ А. С. Милюковой.—„Регестъ надписи“. Сводъ матеріаловъ для исторіи евреевъ въ Россіи.—„Очерки исторіи сербо-хорватской литературы“. А. Степовича.—„Древніе армянскіе историкъ, какъ историческіе источники“. Александра Аннинскаго.—„Къ исторіи народнаго образованія въ Туркестанскомъ краѣ“. Личныя воспоминанія Н. Остроумова — „Первобытныя общества“. Л. Г. Мопля.

Римъ и имперія въ первые два вѣка новой эры. Э. Тома. Перев. съ франц. Я. И. Рудневъ. Изд. Пантелѣева. Спб., 1899 г. Частная и общественная жизнь римлянъ. П. Гиро. Перев. съ франц., подъ редакц. С. П. Моравскаго. Изд. Пантелѣева. Спб., 1899 г. Римская имперія. Сборникъ статей въ переводѣ А. С. Милюковой. М., 1900 г. (Библіотека для самообразованія). Изъ трехъ названныхъ сочиненій наиболѣе легковѣснымъ оказывается книжка Тома, съ вѣйшей стороны и на первый взглядъ всего болѣе обставленная ученнымъ аппаратомъ. Цѣлью автора, судя по словамъ его въ предисловіи, было „пріобрѣсти общій взглядъ на римскую жизнь въ началѣ имперіи... исходя изъ новѣйшихъ пособій“. Въ сущности онъ не только исходитъ отъ этихъ пособій, но и цѣликомъ зависитъ отъ нихъ; мало замѣтно, чтобы въ свое изложеніе онъ вносилъ что-либо отъ себя. Но это еще не такая большая бѣда: лучше хорошее, хотя бы и чужое, чѣмъ плохое свое. Гораздо хуже то, что авторъ не сумѣлъ воспользоваться какъ слѣдуетъ своими, большею частью прекрасными, пособиями. Онъ самъ замѣчаетъ горестно въ предисловіи: „Вездѣ я чувствовалъ сожалѣніе, что не могъ близко и на досугъ изучить иную проблему, интересъ которой я предугадывалъ“. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „Я не буду заниматься детальнымъ изслѣдованіемъ помпейской живописи, такъ какъ не обладаю необходимою компетентностью, да и вполнѣ очевидно, что у меня для этого не хватило бы мѣста“. На это можно возразить, что отъ популярной книжки никто и не подумаетъ требовать „детальнаго изслѣдованія проблемъ“; но, конечно, авторъ ея долженъ быть настолько знакомъ съ дѣломъ, чтобы изложить его въ общихъ чертахъ, не торопясь и не стѣсняясь мѣстомъ. Иначе вмѣсто поучительнаго и интереснаго чтенія получится поверхностная болтовня. Г. Тома все боится вдаваться въ подробности изъ опасенія „техническихъ споровъ“, но подробности подробностямъ рознь: безъ однихъ обойтись легко, другія для пониманія предмета существенно необходимы. Авторъ отбрасываетъ и тѣ и другія, довольствуясь вербальными опредѣленіями и случайными указаніями, не дающими полнаго понятія о вещахъ. Объ этомъ приходится жалѣть тѣмъ болѣе, что иные изъ затронутыхъ имъ вопросовъ представляютъ значительный интересъ, наприм., вопросъ о любви римлянъ къ природѣ или о роли искусства въ римской жизни. Но и тутъ авторъ только затронулъ вопросы, но не далъ имъ мало-мальски удовлетворительнаго разрѣшенія, оставивъ читателя въ большомъ недоумѣніи. Зато другія темы отличаются иногда такою мелочностью, что приходится пристегивать къ нимъ посторонніе вопросы, чтобы ихъ микроскопичность не такъ ужъ бросалась въ глаза (см. главу о новогоднихъ подаркахъ). Общія замѣчанія автора иногда поражаютъ своею наивностью. Напримѣръ, главу о похоронахъ онъ начинаетъ вопросомъ: „Какъ по похороннымъ церемоніямъ можно судить о климатѣ страны, гдѣ онѣ совершаются, и часто узнавать, какихъ вѣрованій держался

народъ, среди котораго онѣ сохранились?“ (стр. 116). Строки эти представляются буквально выхваченными изъ плана плохого ученическаго сочиненія. Хороши также и такіе афоризмы: „Все (въ римской имперіи) рухнуло вслѣдствіе разстройства финансовъ“, или: „императоры гибли отъ своей щедрости къ народу, сдѣлавшейся мало-по-малу обязательною“ (стр. 54, 74). Сравнительно сносно у автора отдѣлы о литературѣ и искусствахъ. До смѣшного мало содержанія въ главѣ о моралистахъ: М. Аврелію, наприм., отведена всего одна страничка.

Достаточно бѣгло сравнить соотвѣтственные отдѣлы книгъ Гиро и Тома, чтобы тотчасъ почувствовать разницу между поверхностной компиляціей и серьезной работой. *Жизнь римлянъ* едва ли не лучший изъ выпусковъ въ серіи *Историческихъ чтеній*, которые намъ уже приходилось разбирать въ свое время на страницахъ *Русской Мысли*. Въ книгѣ Гиро помѣщено около двухсотъ большею частью некрупныхъ статей, охватывающихъ всѣ главныя стороны римской жизни. Это по преимуществу выдержки изъ различныхъ пособій; особенно много заимствованій сдѣлано у Дезобри, Буасье, Фюстель де-Куланжа и Словаря древностей Салло. Но встрѣчается также не мало характерныхъ выдержекъ и изъ источниковъ, а извѣстный анкирский памятникъ приведенъ въ переводѣ почти цѣликомъ; нельзя, впрочемъ, при этомъ не замѣтить, что безъ подробнаго комментарія значеніе отдѣльныхъ его указаній для читателя едва ли можетъ представляться яснымъ. По характеру своему сборникъ Гиро—книга не столько для чтенія, хотя бы и серьезнаго, сколько для внимательнаго изученія, изъ котораго можно вынести отличное понятіе о римскомъ бытѣ.

Середину между книгами Тома и Гиро занимаетъ выпускъ *Библиотека для самообразованія* подъ названіемъ *Римская имперія*. Это именно книга для серьезнаго чтенія. Въ отличіе отъ Гиро большая часть ея состоитъ изъ крупныхъ статей; исключеніе составляютъ только взятые у Гиро отдѣлы о Юліяхъ-Клавдіяхъ и о христіанствѣ. Болѣе крупныя статьи, конечно, производятъ и болѣе цѣльное впечатлѣніе, но зато ихъ размѣры не позволяютъ коснуться многихъ другихъ вопросовъ. Притомъ, какъ части большого цѣлага, онѣ требуютъ значительной переработки, а это представляетъ большія трудности. Иныя изъ этихъ статей (по Дюрюи, Буркхардту, Лекки, Фридендеру) являются въ русскомъ переводѣ впервые; другія (по Буасье—*Оппозиція при Цезаряхъ*, Ревиллю—*Ремія при Северахъ*) переведены только недавно. Несмотря на оговорки предисловія, выборъ главы изъ Гиббона для общей характеристики римскаго права представляется все-таки немного страннымъ; неужели нельзя было подыскать для этого чего-нибудь болѣе свѣжаго? Для порядочно-таки суховатой статьи объ Адріанѣ цѣлага отдѣла право слишкомъ много. Отдѣлъ VIII сборника озаглавленъ такъ: *Диоклетіано—константиновская имперія*, а между тѣмъ въ немъ идетъ рѣчь только о Диоклетіанѣ и его реформахъ. Наоборотъ, въ отдѣлѣ подъ заглавіемъ „Христіанство“ излагаются не только церковныя преобразованія Константина Великаго, но и прочія его реформы. Наконецъ, не слишкомъ ли много мѣста отведено описанію (по Буасье) эфемерной попытки Юліана возстановить язычество? Прекрасная сама по себѣ статья Лекки о стоицизмѣ по своему резучуръ отвлеченному изложенію можетъ, пожалуй, оказаться для читателей не совсѣмъ доступной. Нельзя также не отмѣтить слишкомъ ужъ суммарнаго для многихъ отдѣловъ оглавленія; къ этому прежніе выпуски *Библиотеки для самообразованія* насъ не приучили.

Что касается качествъ перевода, то и книга Гиро и сборникъ по римской имперіи переведены хорошо; разница между ними только въ томъ, что первый переводъ ближе къ оригиналу, а второй носитъ болѣе вольный характеръ. Очень небезполезными могутъ оказаться для читателя и примѣчанія редактора *Жизни римлянъ*. Гораздо слабѣе переводъ книжки Тома. Тутъ переводчикъ оказывается недостаточно знакомымъ съ предметомъ. Нельзя, конечно, ставить ему въ вину, если онъ не исправилъ ошибки автора, смѣшавшаго Каракаллу съ Калигулой, или не догадался, что подъ Ж. де-Мюллеромъ разумѣется пресловутый Іоганнъ ф.-Мюллеръ; но не слѣдовало замѣнять Тибулла Катуллою и окрещивать *Willems'a* Вильямсомъ, а *Maui*—Мо. Нельзя было также оставлять безъ перевода такіа выраженія, какъ томбола монстръ (? стр. 85), писцина, *cella* раба, теріакъ (? стр. 239), редюитъ. Наконецъ, *dédaigneux* слѣдовало перевести не презрѣнный, а презрительный, *défenseurs attitrés*—не довѣренные, а присяжные или завзятые защитники. Списокъ этихъ погрѣшностей легко можно было бы увеличить, но, зная, какъ низко въ большинствѣ случаевъ оплачивается у насъ трудъ переводчика, мы не рѣшаемся ставить ихъ въ особенную вину: при такихъ условіяхъ тщательной работы можно только желать, но нельзя требовать. Въмѣстѣ съ тѣмъ у насъ замѣчается высокая расцѣнка книгъ. Тома и Гиро, наприм., стоить въ переводѣ дороже, чѣмъ въ оригиналѣ, гдѣ и бумага, и рисунки много лучше, а авторскій гонораръ выше переводческаго. Какъ это ни странно, но въ данномъ случаѣ самымъ дешевымъ оказывается вообще вовсе не дешевое изданіе *Библиотеки для самообразованія*, къ тому же лучше оплачивающей трудъ своихъ переводчиковъ.

Регесты и надписи. Сводъ матеріаловъ для исторіи евреевъ въ Россіи (80 — 1800 г.). Т. I. (до 1670 г.). Изданіе общ. для распростран. просвѣщ. между евреями въ Россіи. Спб., 1899 г. Большой еврейскій вопросъ, въ послѣдніе годы такъ мучительно обострившійся, побудилъ интеллигентныхъ евреевъ, оторванныхъ отъ массы своего племени въ сторону общеевропейской и русской культуры, ближе ознакомиться съ многовѣковой исторіей народа-скитальца и подняться на высоту національнаго самосознанія. Въ совместной работѣ съ русскою молодежью, проникнутые тѣми же общественными идеалами, страдавшие тѣми же страданіями, образованные евреи чувствовали себя за одно съ лучшими представителями Россіи, — и именно Россію, а не Сіонъ, не Палестину, считали они своей духовной родиной. Но печальныя событія погромовъ, злобныя вспышки нетерпимости, ограниченія въ гражданскихъ правахъ—все это показало, что еврею нельзя забыть про свое еврейство, что въ немъ признаютъ пасынка, а не сына. Русская рѣчь и русскія думы, посильные и часто цѣнные вклады въ общее братское достояніе русской науки, литературы, искусства—все это не оградило еврея отъ незаслуженно-обиднаго недовѣрія, и еврейскій вопросъ не былъ введенъ въ то естественное русло, гдѣ рано или поздно слились бы въ культурномъ единствѣ, въ союзѣ помысловъ и трудовъ, граждане-русскіе и граждане-евреи. Для послѣднихъ вмѣстѣ съ дверью въ гимназію и университетъ закрылся и доступъ въ наиболѣе высокія и облагораживающія сферы русской жизни. Интеллигентный еврей сталъ одинокимъ; насильственно-разлученный съ своими недавними товарищами, онъ вспомнилъ про свое собственное прошлое и сдѣлалъ его предметомъ своего изученія. Книга, заглавіе которой мы выписали, является од-

нимъ изъ результатовъ этого движенія въ еврействѣ. Она имѣетъ свою цѣлью „представить въ хронологическомъ порядкѣ сводъ всѣхъ свѣдѣній по исторіи евреевъ въ Россіи“. Матеріалы заимствованы изъ множества самыхъ разнообразныхъ источниковъ; „содержаніе историческихъ документовъ передано въ сжатомъ изложеніи, съ строгимъ соблюденіемъ точности и полноты; непремѣннымъ правиломъ составителей было—сохранять въ изложеніи мельчайшія подробности въ бытовой жизни евреевъ“ (стр. IX). И, дѣйствительно, эта жизнь ярко отразилась въ замѣчательномъ трудѣ составителей. Именно, трепетными кусками жизни, вырванными изъ ея общей ткани, являются всѣ эти надгробныя надписи, жалобы, грамоты, привилегіи, описи, лѣтописныя показанія. Перелистывая книгу, вы точно бродите по отжившему кладбищу столѣтій, и блѣдныя тѣни далекой старины облекаются въ плоть и кровь. „Этотъ камень я поставилъ у изголовья на могилѣ Іосифа, сына Іліи, умершаго, да будетъ душа его вплетена въ узелъ жизни“ читаете вы надпись 370 г. въ Чуфуть-Кале, и подъ этимъ лаконизмомъ надгробнаго памятника, въ его восточномъ колоритѣ чувствуется цѣлое міросозерданіе и плачъ семейнаго горя. Краткое извлеченіе изъ хроники Александра Гавалины сообщаетъ, что при взятіи русскими войсками г. Полоцка (1563 г.) „всѣхъ жидовъ, которые не захотѣли принять св. крещеніе, велѣлъ (царь московскій) утопить въ славной рѣкѣ Двинѣ“. Изъ эпохи Богдана Хмѣльницкаго 1648 г. оставилъ много свѣдѣній вродѣ такихъ: „Жида всѣ вырѣзаны, дворы и корчмы сожжены“. Какъ говорятъ въ предисловіи составители сборника, всякая апологетическая и реабилитационная тенденція была отъ нихъ далека. И въ самомъ дѣлѣ, книга носить на себѣ печать полной объективности. Созданная огромнымъ трудомъ, она обладаетъ научными достоинствами и въ исторической литературѣ займетъ видное мѣсто. Надо пожелать ея составителямъ, чтобы они нашли въ себѣ бодрость и силы для продолженія своего патріотическаго труда. Исторія евреевъ въ Россіи—это трудъ, въ которомъ давно уже чувствуется не только научная, но и нравственная потребность; такая книга сослужила бы великую службу не только евреямъ, но и христіанамъ, она разрѣшила бы много тягостныхъ недоразумѣній, ибо отъ знанія прошлаго сильно выигрываетъ въ справедливости настоящее.

Очерки исторіи сербо-хорватской литературы. А. Степовича. Съ 2 снимками. Кіевъ, 1899 г. Ц. 3 р. Приватъ-доцентъ кіевского университета А. Степовичъ, уже ранѣе извѣстный какъ авторъ *Очерковъ исторіи чешской литературы*, *Очерковъ изъ исторіи славянскихъ литературъ* и другихъ трудовъ по языку и исторіи литературы славянскихъ племенъ, выпустилъ въ настоящее время этюдъ, посвященный литературѣ сербскаго народа и притомъ преимущественно произведеніямъ книжной письменности на *сербскомъ* языкѣ; что же касается письменности *хорватской*, то авторъ рѣшилъ „ограничиться лишь самымъ краткимъ обзоромъ историческихъ судебъ той мѣстной письменности, которая, явившись на этомъ (хорватскомъ) нарѣчій, такъ и не могла выйти изъ предѣловъ тѣснаго простонароднаго значенія и въ концѣ концовъ должна была примкнуть къ обще-сербскому литературному языку“ (Предисловіе, стр. II).

Всѣхъ *Очерковъ*, посвященныхъ сербо-хорватской литературѣ, три. Первый (стр. 1—34) отведенъ *первымъ въкамъ сербской письменности*, т.-е. періоду, простирающемуся до конца XIV или начала XV вѣка, когда сербы окончательно подпали подъ власть турокъ. Характерною

чертою литературы этого періода, основанной „на старыхъ византійско-болгарскихъ преданіяхъ“, является ея тождественность съ древне-болгарскою и древне-русскою. Поэтому авторъ этотъ періодъ въ исторіи литературной дѣятельности сербскаго народа излагаетъ гораздо короче, нежели два послѣдующихъ, съ одной стороны, имѣя въ виду его незначительную оригинальность, а съ другой — предполагая, что онъ „въ сущности извѣстенъ русскому читателю изъ большихъ общихъ сочиненій по исторіи русской литературы“ (Предисловіе, стр. II). Второй очеркъ (стр. 35—158) знакомитъ насъ съ *среднимъ періодомъ сербской литературы*. Эта „средняя пора“, простирающаяся до конца XVIII столѣтія, разсматривается нашимъ авторомъ въ четырехъ отдѣлахъ: а) дубровницкая литература; б) босанская и славонская литература; в) собственно хорватская литература; г) славяно-сербская школа писателей. Наиболѣе подробно г. Степовичъ съ полнымъ правомъ останавливается на дубровницкой литературѣ (отъ половины XV до конца XVIII вѣка), оставившей блестящіе образцы во всѣхъ областяхъ поэтического творчества и представляющей собою „золотой вѣкъ“ сербской поэзіи. Помимо этого обстоятельства, дубровницкая литература заслуживаетъ особой обстоятельности также въ виду того значенія, какое она имѣетъ въ исторіи развитія сербскаго литературнаго языка. Въ противоположность литературѣ предыдущей эпохи, — литературы собственно старо- (или церковно-) славянской, — дубровницкіе писатели, принадлежавшіе католической средѣ, сдѣлали органомъ литературы *народный сербскій языкъ*. Вліяніе дубровницкой школы въ этомъ отношеніи сказалось и позже, когда съ начала XIX столѣтія начался новый періодъ сербской словесности и его представителями выборъ былъ остановленъ опять на живой народной рѣчи („штокавщина“). Излагая исторію *новаго періода сербской литературы* (стр. 159—376), г. Степовичъ знакомитъ насъ какъ съ собственно сербскими писателями (Миловановъ Лука, Караджичъ Вукъ, Негошъ и др.), такъ и съ такъ называемыми писателями „иллирскаго“ возрожденія, а въ заключеніе посвящаетъ нѣсколько интересныхъ страницъ обзору современной *научной и повременной* сербской литературы.

Очерки г. Степовича, которые читаются съ тѣмъ болѣе большимъ интересомъ, что авторъ свое изложеніе иллюстрируетъ многими отрывками изъ произведеній сербской литературы (иногда въ сопровожденіи русскаго перевода), заканчивается *Заключеніемъ* (стр. 379—380), въ которомъ авторъ касается взаимныхъ непріязненныхъ отношеній, существующихъ между сербами и хорватами, причемъ выражаетъ надежду, что „передовыя мысли лучшихъ сербо-хорватскихъ дѣятелей единенія въ ближайшемъ будущемъ войдутъ въ кровь и плоть „юго-славянской“ массы и помогутъ ей, преодолѣвъ силу старинныхъ враждебныхъ пережитковъ національной и религіозной исключительности и нетерпимости, слиться умомъ и чувствомъ воедино“ (стр. 388), обстоятельство, которое должно явиться важнымъ факторомъ въ политической и культурной жизни обѣихъ вѣтвей сербскаго племени.

Древніе армянскіе историки, какъ историческіе источники. Александра Аннинскаго. Одесса, 1899 г. Авторъ поставилъ себѣ задачей разсмотрѣть древнихъ армянскихъ историковъ съ точки зрѣнія времени ихъ жизни, характера ихъ произведеній и степени исторической ихъ достовѣрности. Давъ общій очеркъ содержанія и характеристики армянскихъ историковъ, — пользуясь ими въ переводахъ, но не въ оригиналѣ, — въ общепринятомъ порядкѣ: Моръ-Аббасъ-Котино, Ла-

бубна, Агаѳангелъ, Зенобъ-Глакъ, Фавстъ Византійскій и Моисей Хоренскій, авторъ переходитъ къ разбору сочиненій каждаго изъ нихъ. Прежде всего, вездѣ пользуясь исключительно французскими переводами, онъ останавливается на вопросѣ о времени жизни и написаніи исторіи Арменіи Моисея Хоренскаго. Личность этого писателя, прозваннаго „отцомъ армянской исторіи“, вызываетъ въ настоящее время рядъ противорѣчивыхъ отзывовъ и оцѣнокъ. Время его жизни по традиціи относили къ V в. (по Р. Х.), золотому періоду армянской литературы. Но вотъ нѣмецкій ученый Гутшмидъ и французъ Корьеръ открыли въ его исторіи массу неточностей, ошибокъ и искаженій съ одной стороны и рядъ признаковъ поздняго происхожденія, заставившаго отодвинуть Хоренскаго на три вѣка позже, чѣмъ онъ самъ выдаетъ. Эту новую точку отстаиваетъ г. Халатьянцъ въ своемъ трудѣ „Народный эпосъ въ исторіи Моисея Хоренскаго“, о которомъ г. Аннинскій, впрочемъ, не упоминаетъ. „Критика Корьера, — какъ выражается авторъ разбираемаго сочиненія, — ниспровергла авторитетъ Моисея, какъ историка, лишила его добраго имени, какъ писателя, обличивъ въ литературномъ мошенничествѣ. Г. Аннинскій проникся благороднымъ желаніемъ защитить честь инкриминируемаго историка противъ Гутшмида и Корьера, но порывы его ограничились діалектическимъ опспариваніемъ прочности тѣхъ научныхъ базисовъ, которые поддерживаютъ школу арменистовъ, отодвигающихъ исторію Хоренскаго съ V в. къ VII в. Это мнѣніе, какъ извѣстно, основано на томъ, что Хоренскій пользуется такими источниками въ армянскомъ переводѣ, которые появились лишь въ VII в. („Vita Silvestii“, церковная исторія Сократа, Хроника Іоанна Малалы). Г. Аннинскій безъ доказательствъ, если не считать его умозрительныхъ построеній, предполагаетъ, что армянскіе переводы съ иностранныхъ писателей, которыхъ привлекаетъ Хоренскій, могли существовать въ V и даже IV в. Этотъ аргументъ а silentio въ данномъ случаѣ совсѣмъ не разрѣшаетъ поставленнаго критическаго школоу вопроса. Уже то обстоятельство, что Хоренскій даетъ относительно просвѣщенія Грузіи христіанствомъ св. Ниной больше, чѣмъ въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ имѣется у церковнаго историка Сократа, даетъ основаніе думать, что „Исторія“ Моисея сочинена значительно позже V в., по крайней мѣрѣ, въ VII в., къ которому относятся первыя записи въ грузинской хроникѣ о св. Нинѣ. Съ большимъ умѣніемъ и тактомъ авторъ разбираетъ Агаѳангела и Фавста. Исторію перваго, по справедливости, онъ называетъ агиографическимъ разсказомъ-легендой. Главный предметъ исторіи Агаѳангела, вопреки ея заглавію, не царствованіе Тиридата Великаго, а жизнь св. Григорія—просвѣтителя Арменіи. Въ этой исторіи нѣтъ ни одного мѣста, которое бы носило малѣйшіе слѣды очевидца: вездѣ одна и та же черта—скрупулезная точность въ передачѣ рѣчей и баснословность при изображеніи политическихъ событій. Подлинникъ исторіи былъ написанъ грекомъ на греческомъ языкѣ, —объ этомъ свидѣтельствуетъ имя автора—Агаѳангелъ. Армянскій текстъ есть переводъ съ первоначальной греческой редакціи Агаѳангела. Сопоставляя свѣдѣнія Агаѳангела и западныхъ историковъ объ Арменіи, получается весьма любопытная картина: гдѣ первый трактуетъ о невѣроятныхъ побѣдахъ, тамъ вторые о слабости, бѣгствѣ и зависимости. Относительно Фавста Византійскаго г. Аннинскій пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ. Время его жизни онъ отодвигаетъ къ V в. Онъ не соглашается съ мнѣніемъ, что Фавстъ — ненавистникъ армянъ. Въ „Исторіи“ своей онъ описываетъ

хорошія стороны армянской жизни, съ восторгомъ рассказываетъ о доблестяхъ и героизмѣ армянъ. Но онъ не умалчиваетъ о дурныхъ сторонахъ армянской жизни, говоря, что армяне, принявши христіанство, все-таки въ дѣйствительности оставались язычниками, что въ странѣ были развиты отвратительные противоестественные пороки и пр. Феодалное дворянство стояло за свои интересы противъ царей; изъ-за личныхъ выгодъ армянскіе князья охотно измѣняли своимъ царямъ и присоединялись къ врагамъ своего отечества, иные изъ этихъ князей объявляли себя независимыми и, сражаясь съ своими царями, производительно истощали народныя силы. Народъ, который считалъ своимъ девизомъ „лучше жить свободнымъ на чужбинѣ, чѣмъ рабомъ на родинѣ“, не могъ много думать объ общей пользѣ. Сопоставивъ различныя мѣста изъ историковъ, г. Аннинскій устанавливаетъ годомъ обращенія армянъ не принятый нынѣ 301 годъ, а 316 годъ; годъ опредѣляетъ порядокъ и время жизни армянскихъ и персидскихъ царей и армянскихъ патріарховъ III — V вв. Признаетъ онъ порчу сочиненій писателей V в. Егише, Зеноба и Лазаря Парбскаго (а не Фарбскаго, какъ пишетъ подъ вліяніемъ французскихъ переводовъ г. Аннинскій). Авторъ продолжаетъ признавать существованіе Моръ-Аббаса-Котины, относитъ его къ V в. и признаетъ его лицомъ, записывавшимъ эпическія преданія, которыя вскрываются въ исторіи Хоренскаго. Авторъ совершенно упустилъ изъ виду, что Моръ-Аббасъ нынѣ многими считается миеомъ. Съ этимъ мнѣніемъ видно онъ незнакомъ. Да и providенціальная точка его зрѣнія является устарѣлой. Въ заключеніе нужно сказать, что авторъ, повидимому, незнакомъ со многими трудами русскихъ арменистовъ, установившихъ новые взгляды на произведенія древнихъ армянскихъ историковъ.

Къ исторіи народнаго образованія въ Туркестанскомъ краѣ. Константинъ Петровичъ фонъ-Кауфманъ, устроитель Туркестанскаго края. Личныя воспоминанія Н. Остроумова. Ташкентъ, 1899 г. Ц. 1 р. 50 к. Г. Остроумовъ чрезвычайно скромнъ. Сознавая, что его „воспоминанія не имѣютъ надлежащей полноты“, онъ „не считалъ себя вправѣ дѣлать изъ нихъ общей характеристики покойнаго фонъ-Кауфмана“ (Пред.). Тѣмъ не менѣе, однако, онъ надѣется, что въ его „воспоминаніяхъ покойный является передъ глазами читателя болѣе „человѣкомъ“, чѣмъ „генераль-губернаторомъ“ (Пред.). Мы же, съ своей стороны, можемъ сказать, что въ „воспоминаніяхъ“ г. Остроумова К. П. фонъ-Кауфманъ не „является“ ни генераль-губернаторомъ, ни человѣкомъ, и если читатель вынесетъ изъ этой книги представленіе о чемъ-нибудь, такъ это о томъ, какъ покойный генераль-губернаторъ относился къ самому г. Остроумову. На стр. 11 подробно рассказывается о томъ, какъ г. Остроумовъ получилъ изъ собственныхъ рукъ генерала лучшій персикъ; на стр. 16 сообщается о томъ, какъ 7 сентября генераль былъ не въ духѣ и поэтому даже сначала не подаль руки г. Остроумову, а подаль ее лишь по окончаніи доклада. На стр. 30 читатель можетъ убѣдиться въ томъ, что фонъ-Кауфманъ совѣтовался съ г. Остроумовымъ о дѣлѣ, и такъ какъ мнѣніе этого послѣдняго было отрицательное, то и мнѣніе генераль-губернатора получилось такого же характера. Стр. 33 повѣствуетъ о томъ, какъ однажды, обѣдая у генераль-губернатора и, „получивъ приглашеніе садиться“, г. Остроумовъ „хотѣлъ было сѣсть на концѣ стола“, но генераль указалъ ему „мѣсто рядомъ съ собою по правую руку“. На стр. 98, г. Остроумовъ рассказываетъ: „22 февраля, четвергъ. Генераль-губер-

наторъ встрѣтилъ меня очень привѣтливо, подалъ руку и спросилъ: „какъ себя чувствуете?“ Я сказалъ: „хорошо“. А онъ на это замѣтилъ: „это лучше всего“; и т. д. Въ такомъ же духѣ написаны всѣ „воспоминанія“ г. Остроумова. Впрочемъ, справедливость требуетъ отмѣтить еще одну сторону, на которую г. Остроумовъ обратилъ вниманіе, это—на любовь фонъ-Кауфмана къ анекдотамъ. И г. Остроумовъ очень добросовѣстно передаетъ въ своихъ „воспоминаніяхъ“ анекдоты, не только рассказанные самимъ покойнымъ генераломъ, но и рассказанные кѣмъ-нибудь постороннимъ въ его присутствіи.

Первобытное общество. Л. Г. Моргана. Спб., 1900 г. Ц. 3 руб. Знаменитое изслѣдованіе Моргана переведено на русскій языкъ г. Румянцевымъ, подъ редакціей проф. Кудрявскаго. М. М. Ковалевскій написалъ предисловіе, въ которомъ подчеркнул выдающіяся достоинства труда американскаго этнографа. За предисловіемъ помѣщена коротенькая біографическая замѣтка (Морганъ родился въ 1818 г., скончался въ 1881 г.). „Мы имѣемъ всѣ основанія не забывать,—говоритъ Морганъ въ концѣ книги,—что нашими современными условіями жизни, съ ея многочисленными средствами личной безопасности и благосостоянія, мы обязаны борьбѣ, страданіямъ, героическимъ усиліямъ и упорному труду нашихъ варварскихъ и еще болѣе раннихъ, дивныхъ прелковъ. Ихъ труды, опыты и успѣхи сдѣлали изъ дикаря варвара, а изъ варвара цивилизованнаго человѣка“. Этою эволюціонною мыслью проникнуто все изслѣдованіе Моргана.

ГЕОГРАФІЯ.

„Письма о Грузіи“. Л. С. Исарлова. — „Россія“. Похъ общ. рук. П. П. Семенова.

Письма о Грузіи. Л. С. Исарлова. Изд. 3. Чичинадзе. Тифлисъ, 1899 г. Ц. 80 к. Подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ изданы статьи, частью появившіяся въ газетахъ (*Тифлис. Вѣстн.*, *Кавказъ*, *Голосъ*), частью оставшіяся въ рукописяхъ покойнаго цензора грузинскаго языка Л. С. Исарлова. Родился онъ въ 1814 г., на литературное поприще вступилъ въ 1840 г. сотрудникомъ грузинскаго журнала *Цискари*, умеръ въ 1893 г. Статьи, вошедшія въ сборникъ, изданный З. Чичинадзе, разнообразнаго характера: однѣ касаются археологіи („Христіанскія древности въ Турецкой Грузіи“, „Изъ путевыхъ записокъ“, „По пути на Ахталы“), другія относятся къ исторіи („Взятіе Эрзерума русскими въ 1829 г.“, „Краткій историческій очеркъ Грузіи съ 1801 по 1831 г.“, „Взятіе Ахалциха русскими въ 1828 г.“, „Турецкая Грузія“ и др.), третьи заключаютъ въ себѣ справки юридическаго свойства („Крѣпостное состояніе въ Имеретіи и Грузіи“, „Узури“—вопросъ изъ обычнаго права); есть статьи этнографическаго содержанія („Сваденія“, „Замѣтки объ Абхазіи“, „Еще о мешехахъ, шувалахъ и тогорахъ“, „Евреи въ Грузіи и Имеретіи“), наконецъ, обстоятельная работа о грузинскихъ католикахъ и мелкія путевыя замѣтки туриста и старожила. Статьи не расположены по отдѣламъ и наша попытка распредѣлить ихъ по рубрикамъ можетъ оказаться не вполне соотвѣтствующей содержанію работъ покойнаго автора, такъ какъ онѣ весьма рѣдко носятъ опредѣленный обликъ, захватывая въ одной и той же статьѣ вопросы разнообразнаго характера. Другими словами, изданный сборникъ сохранилъ въполнѣ особенности газетныхъ фельетоновъ. Въ нихъ есть и любопытныя подробности, свѣжія мысли, но есть рядъ не про-

вѣрныхъ сообщеній и устарѣлыхъ, отвергнутыхъ нынѣ историческихъ выводовъ. Наприм., храмъ въ Пицундѣ построенъ не во II в., какъ полагаетъ авторъ, а нѣсколькими столѣтіями позже, проповѣдь Андрея Первозваннаго подлежитъ большому сомнѣнію. Очень интересна замѣтка объ Узури и его толкованіе. Въ грузинскомъ долговомъ обязательствѣ встрѣчается слово „Узури“, которое въ позднѣйшихъ документахъ замѣняетъ отвѣтственность по праву. Откуда же вошло въ употребленіе слово „Узури“. Авторъ производитъ его отъ латинскаго *jus* и отъ послѣдняго *jusuri*. Слово это считаетъ занесеннымъ въ Тифлисъ генуэзцами или венеціанцами. Въ Неаполѣ,—говоритъ онъ,—до сихъ поръ встрѣчается *banco usuri*. Статья его „Грузинскіе католики или католицизмъ въ Грузіи и Имеретіи“ слѣдитъ за исторіей распространенія католицизма въ Грузіи и даетъ рядъ свѣдѣній въ оправданіе существованія грузино-католиковъ. Впечатлѣніе, оставляемое сборникомъ-статьей Л. С. Исарлова, подкрѣпляетъ увѣренность въ добросовѣстности автора, въ усвоеніи имъ нѣкоторыхъ историческихъ свѣдѣній, въ любви къ предмету, но вмѣстѣ съ тѣмъ становится очевиднымъ, что авторъ не подготовленъ къ разрѣшенію многихъ изъ затронутыхъ вопросовъ и къ критическому ихъ обслѣдованію. Эрудиція автора, насколько можно еще судить по ссылкамъ его на небольшой кругъ источниковъ, поражаетъ ограниченностью и неразборчивостью въ достоинствахъ того или другого источника. Какъ бы то ни было, статьи Исарлова прочтутся съ интересомъ и онѣ не бесполезны въ нашей исторической литературѣ.

Россія. Полное географическое описаніе нашего отечества. Подъ общимъ руководствомъ: П. П. Семенова, вице-предсѣдателя Имп. рус. геогр. общ., и В. И. Ламанскаго, предсѣд. отдѣленія этнографіи Имп. рус. геогр. общ. Подъ редакц. В. П. Семенова. Томъ I. Изд. А. Ф. Девріена. Спб., 1899 г. Ц. 1 р. 75 к., въ мягкой папкѣ—2 р. Цѣль настоящаго изданія заключается въ томъ, чтобы дать „въ одной, строго-научной, общедоступно-изложенной и недорогой книжкѣ какъ общія, по возможности широко представленныя географическія понятія о каждой части Россіи, такъ и болѣе или менѣе полныя частныя географическія свѣдѣнія о каждомъ сколько-нибудь замѣчательномъ ея населенномъ пунктѣ“ (Пред., VI). Такимъ образомъ, по плану составителей, изданіе это должно представлять изъ себя нѣчто вродѣ энциклопедіи по географіи нашего отечества въ широкомъ смыслѣ этого слова. Такая идея сама по себѣ уже заслуживаетъ большого вниманія, трудность же ея выполненія и громадная, въ высшей степени кропотливая работа, которой она требуетъ, очевидны для всякаго. Все изданіе распадется на двадцать два тома, причемъ каждый будетъ заключать въ себѣ описаніе одной изъ областей Россіи. Судя по первому тому, въ которомъ помѣщены свѣдѣнія о московской промышленной области и Верхнемъ Поволожѣ, изданіе обѣщаетъ быть интереснымъ и полезнымъ для самой разнообразной публики. По крайней мѣрѣ, разбираемый первый томъ оправдываетъ надежду составителей и „послужить на пользу не только путешествующимъ по Россіи съ общеобразовательными, промышленными и иными цѣлями, но будетъ также пособіемъ всѣмъ тѣмъ любознательнымъ людямъ, которые пожелаютъ познакомиться“ съ этой частью Россіи „не по сухимъ даннымъ учебника или путеводителя, а по болѣе живому изложенію“ (Пред., VI). Разумѣется, въ виду коллективности работы, всѣ отдѣлы отличаются далеко не одинаковою обстоятельностью и не одинаковою степенью интереса, но такія главы, какъ, наприм., глава о формахъ поверхно-

сти и строеніи земной коры въ описываемой области или глава о растительномъ и животномъ мірѣ, могутъ весьма заинтересовать несвѣдущаго, но любознательнаго читателя.

МЕДИЦИНА.

„Основы противопаразитнаго способа лѣченія ранъ“. Проф. П. И. Дьяконова.— „Пораненія при современномъ оружіи“. „Невозможность помощи раненымъ на полѣ битвы“. И. С. Блюха.

Основы противопаразитнаго способа лѣченія ранъ (антисептическая и асептическая повязка). Проф. П. И. Дьяконова. Изданіе 2-е, просмотрѣнное и дополненное. М., 1900 г. Ц. 1 р. 80 к. При составленіи настоящей книги проф. Дьяконовъ имѣлъ въ виду кратко изложить главнѣйшіе выводы изъ собственныхъ наблюденій и литературы, относящіеся къ современному способу лѣченія ранъ. Послѣ великихъ открытій Lister'a въ концѣ шестидесятихъ годовъ вопросъ о лѣченіи ранъ въ продолженіе 30 лѣтъ по преимуществу занималъ умъ хирурговъ, отодвигая всѣ другіе вопросы на задній планъ. О такъ называемыхъ „антисептикѣ“ и „асептикѣ“ создался цѣлый отдѣлъ медицинской литературы. Работы по этимъ вопросамъ выходили изъ хирургическихъ клиникъ, изъ бактериологическихъ, фармакологическихъ и гигиеническихъ институтовъ и помѣщались въ соотвѣтствующихъ специальныхъ журналахъ. Разобраться во всей этой массѣ статей врачу-практику, а тѣмъ болѣе студенту, не представлялось никакой возможности. Потребность въ краткомъ руководствѣ, выполнявшемъ эту задачу, являлась необходимою. Мы подчеркиваемъ слово—краткій, такъ какъ многотомная работа, безъ сомнѣнія, осталась бы достояніемъ однихъ специалистовъ. Поскольку намъ извѣстно, въ русской медицинской литературѣ, кромѣ нѣскольکو устарѣвшей работы Монастырскаго (1886 г.) и устарѣваго перевода книжки Schimmelbusch'a, до сихъ поръ не появлялось ни одного сочиненія ни оригинальнаго, ни переводнаго, бравшаго на себя эту задачу. Книга проф. Дьяконова въ высокой степени удачно заполнила собою этотъ пробѣлъ. Въ предисловіи проф. Дьяконовъ совершенно основательно указываетъ на то, что такъ называемая „антисептика“ и „асептика“ вовсе не представляютъ собою двухъ особыхъ способовъ и по существу не отличаются другъ отъ друга. Напротивъ, все заставляетъ видѣть въ асептикѣ лишь еще одинъ шагъ впередъ на томъ пути, который открытъ намъ работами Pasteur'a, Lister'a, Koch'a и др.— шагъ не первый и, безъ сомнѣнія, не послѣдній. „Съ этой точки зрѣнія,—говоритъ проф. Дьяконовъ,—я считаю, что самое существованіе двухъ названій (антисептика, асептика) способно только вносить путаницу въ наши представленія, тѣмъ болѣе, что названія эти вообще неопредѣленны и не отвѣчаютъ соотвѣтствующимъ, выработаннымъ современной наукою, понятіямъ. Я замѣняю ихъ однимъ общимъ названіемъ: противопаразитный способъ, присоединяясь къ тѣмъ авторамъ (Senger, Küster), которые уже прежде меня предложили такую перемѣну названій“. Согласно этому взгляду обработанъ весь фактическій матеріалъ, содержащійся въ книгѣ. Въ рядѣ главъ послѣдовательно разсматриваются: химическія противопаразитныя средства, физическіе противопаразитные дѣтели, перевязочныя вещества и противопаразитныя предосторожности. Заключительная глава посвящена обзору способовъ перевязки ранъ. Отличительною чертой книги проф. Дьяконова является отсутствіе догматизма, такъ непріятно поражающаго въ большинствѣ

медицинскихъ руководствъ и столь вреднаго для начинающихъ врачей и студентовъ. Весь фактическій матеріалъ проф. Дьяконовъ стремится расположить такимъ образомъ, чтобы дать возможность читателю самому разобраться въ приводимыхъ фактахъ и, поскольку возможно, составить о нихъ собственное мнѣніе. Изъ книги проф. Дьяконова видно, что онъ далеко не раздѣляетъ тѣхъ оптимистическихъ взглядовъ, еще широко распространенныхъ въ настоящее время, что въ тщательномъ примѣненіи уже выработанныхъ наукою приѣмовъ противопаразитарнаго лѣченія ранъ мы имѣемъ безусловно вѣрное средство для борьбы съ инфекціей. Напротивъ, съ каждой страницы его книги строго обоснованные факты постоянно говорятъ намъ, что, несмотря на значительные успѣхи, достигнутые нами при лѣченіи ранъ за послѣднія 30 лѣтъ, мы все еще недалеко ушли по пути, указанному Lister'омъ, и намъ предстоитъ еще длинная дорога. Читатель видитъ, что лѣченіе ранъ—дѣло въ высокой степени трудное, требующее большихъ знаній, большой наблюдательности, большого опыта. Даже примѣненіе на практикѣ положеній, уже болѣе или менѣе прочно установленныхъ въ наукѣ, все не такая легкая вещь, какъ объ этомъ принято думать среди публики, среди большинства студентовъ и среди многихъ врачей не хирурговъ. Книга проф. Дьяконова написана сжатымъ, выразительнымъ языкомъ, прекрасно издана, содержитъ много рисунковъ, азбучный указатель и подробный указатель литературы предмета.

Пораненія при современномъ оружій.—Невозможность помощи раненымъ на полѣ битвы. И. С. Бліоха. Спб., 1899 г. Обѣ названныя книжки, по словамъ автора, представляютъ собою извлеченія изъ соответствующихъ отдѣловъ его работы „О будущей войнѣ“. Особеннаго интереса, по нашему мнѣнію, заслуживаетъ первая книжка, рассматривающая дѣйствіе оболочечныхъ пуль, введенныхъ въ настоящее время во всѣхъ европейскихъ арміяхъ. Данные о дѣйствіи этихъ пуль получены изъ опытовъ падъ трупами, изъ наблюдений во время послѣднихъ колониальныхъ войнъ и при усмиреніи уличныхъ беспорядковъ. Всѣ эти данные согласно указываютъ, что современные оболочечныя пули на разстояніи до 300 метровъ (при уменьшеніи калибра разстояніе это должно увеличиться) производятъ дѣйствіе взрыва; черепъ, напримеръ, раскалывается на мелкіе куски, причемъ мозгъ разбрасывается вокругъ на большое разстояніе; кости конечностей дробятся въ мелкіе осколки, которые въ свою очередь рвутъ мягкія ткани и т. п. При увеличеніи разстоянія это ужасное дѣйствіе соответственно ослабляется. Пули, попадающія въ тѣло рикошетомъ, т.-е. предварительно ударившись о землю или задѣвши о какое-либо препятствіе, производятъ также очень тяжелыя поврежденія — получаютъ раны, какъ если бы ружья были заряжены нарубленными кусками свинца. Дѣйствіе новыхъ пуль рассматривается авторомъ по отношенію къ различнымъ органамъ, различнымъ разстояніямъ, различнымъ калибрамъ ружья и нѣкоторымъ измѣненіямъ въ формѣ самой пули. Изложеніе поясняется большимъ количествомъ рисунковъ, сдѣланныхъ по препаратамъ, снимками по Röntgen'у, схемами и графическими таблицами. Рассматриваемая книжка предназначена авторомъ не для врачей специалистовъ, а для большого круга читающей публики; написана она просто, сжато и читается съ большимъ интересомъ.

Вторая книжка того же автора пытается воспроизвести судьбу раненыхъ на полѣ битвы во время будущихъ войнъ. По мнѣнію военныхъ писателей, въ виду усовершенствованій въ современномъ оружій, способы

веденія войны въ будущемъ должны рѣзко измѣниться. Сраженія будутъ болѣе кровопролитными и болѣе продолжительными. Основываясь на этихъ мнѣніяхъ, а также на мнѣніяхъ хирурговъ, уже принимавшихъ участіе въ предыдущихъ войнахъ, авторъ полагаетъ, что помощь раненымъ на полѣ битвы будетъ невозможна, раненые будутъ оставаться неубранными съ поля сраженія по нѣскольку дней, и большинство ихъ погибнетъ отъ кровотеченія, отъ голода, отъ жажды, отъ холода. Насколько предположенія автора соотвѣтствуютъ дѣйствительности, конечно, покажетъ будущее. Книжка эта, какъ и предыдущая, содержитъ массу чертежей и рисунковъ, написана легко и читается съ интересомъ.

УЧЕБНИКИ, КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

„Учебникъ всеобщей исторіи“. Сост. В. Казанскій. Ч. I. — „Учебникъ ариметики для начальныхъ народныхъ училищъ“. Сост. И. Шафровъ. — „Первоучка“. К. С. Славника. — „Сборникъ арифметическихъ задачъ для начальныхъ училищъ“. Ч. I и II. А. Я. Юревича. — „Пособія для учащихся. В. Г. Бѣлинскій“. Подъ ред. А. Е. Ермилова. — „Царь-Освободитель“. Ломана. — „Царь-Освободитель и его реформы“. В. Ермилова. — „Басни Крылова на сценѣ дѣтскаго театра“. Сост. А. А. — „Калевала“. Финскія быльы въ пересказѣ Н. А. Борисова.

Учебникъ всеобщей исторіи. Сост. В. Казанскій. Ч. I. Древній міръ. Орелъ, 1899 г. Ц. 60 к. Составляя свой учебникъ, г. Казанскій, по собственному выраженію, исходилъ изъ того положенія, что „учебникъ долженъ сообщать, излагать, учить, но отнюдь не *разсказывать* и тѣмъ не отнимать у преподавателя самой важной доли его дѣятельности“ (Пред.); такимъ образомъ, главною заботой составителя было „дать сжатое, но въ то же время связное изложеніе событій древней исторіи“ (Пред.), которое конспектировало бы то, что ученикъ услышитъ въ классѣ. Такая задача, разумѣется, возбуждаетъ сочувствіе. И, дѣйствительно, учебникъ г. Казанскаго вышелъ и достаточно сжатымъ, и довольно связнымъ. Тѣмъ не менѣе, однако, учить по нему все-таки не цѣлесообразно. Какъ бы ни былъ кратокъ учебникъ, онъ непременно долженъ хоть съ какой-нибудь стороны освѣщать событія, — въ разбираемомъ же учебникѣ составитель тщательно избѣгаетъ этого. Точно также избѣгаетъ онъ всего того, что имѣетъ отношеніе къ культурѣ народа и къ причинамъ, вызвавшимъ то или иное событіе, или переворотъ. Такимъ образомъ, если учебникъ г. Казанскаго на самомъ дѣлѣ не „разсказываетъ“, а только „сообщаетъ, учить и излагаетъ“, но онъ „сообщаетъ и излагаетъ“ одни только голые факты, безъ всякой прагматической связи, а учить приблизительно такъ, какъ учить учебникъ Иловайскаго.

Учебникъ ариметики для начальныхъ народныхъ училищъ в. м. н. пр. и для первыхъ трехъ отдѣленій городскихъ учил. по Положенію 1872 года. Сост. по программѣ народныхъ училищъ, утвержд. 7 февраля 1897 г., И. Шафровъ. Москва, 1898 г. Ц. 25 к. Г. Шафровъ недоволенъ тѣмъ, что въ современной начальной школѣ обращаютъ слишкомъ мало вниманія на теорію ариметики, тогда какъ „сила образовательнаго вліянія ариметики больше всего заключается въ послѣдовательной разработкѣ теоріи“ (стр. IV Пред.); недоволенъ онъ также тѣмъ, что существующіе учебники по ариметикѣ, „забывая общеобразовательную цѣль предмета, придаютъ громадное значеніе живому слову педагога и ставятъ себѣ узкую цѣль помогать

при повтореніи“ (Пред.), между тѣмъ какъ, по убѣжденію г. Шафрова, учебникъ въ начальной школѣ „долженъ насколько возможно замѣнять собою учителя“ (Пред.). Итакъ, лежащій передъ нами учебникъ г. Шафрова, повидимому, преслѣдуетъ двѣ цѣли: 1) онъ долженъ оказать образовательное вліяніе на учениковъ и 2) замѣнить имъ учителя. Что касается до первой, то г. Шафровъ совершенно забываетъ, какимъ ничтожнымъ количествомъ времени располагають учителя низшей школы сравнительно съ требованіями той же программы, на которую онъ ссылается. Относительно же того, можетъ ли учебникъ ариметики замѣнять собой учителя, лучшимъ опроверженіемъ служить собственный учебникъ г. Шафрова. Онъ составленъ и обстоятельно, и довольно просто, и въ немъ, насколько возможно, соблюдены и „ясность, и точность“, о которой хлопочетъ составитель (Пред.)—и, несмотря на это, онъ ни въ какомъ случаѣ не замѣнитъ „живого слова учителя“. Пусть ученикъ начальной школы цѣлый день твердитъ, что „число, выражающее площадь прямоугольника въ квадратныхъ единицахъ, равно произведенію чиселъ, выражающихъ основаніе и высоту его въ соответствующихъ линейныхъ единицахъ“ (стр. 54),—и все-таки онъ ничего не пойметъ тутъ безъ „живого слова учителя“.

Первоучка. Азбука для самоучекъ и учащихся въ школахъ. К. С. Славника. Изданіе 2-е, исправленное. Цѣна 20 коп. Екатеринбургъ. Въ свое время мы указывали на *Азбуку первоучку*, какъ на хорошую книжку, которая заслуживаетъ распространенія. То же самое мы можемъ повторить. Въ этой азбукѣ нѣтъ тѣхъ мудрствованій, съ какими обыкновенно подходятъ составители азбукъ къ обученію первоначальной грамоты: тутъ дѣло обставляется гораздо проще, зато матеріала для чтенія легкаго и занимательнаго въ *Первоучкѣ* достаточно вполне.

Сборникъ ариѳметическихъ задачъ для начальныхъ училищъ. Часть первая. Первый и второй годъ обученія. Цѣна 10 к. Часть вторая. Третій годъ обученія. Цѣна 10 к. А. Я. Юревича. Спб., 1899 г. Сборникъ задачъ г. Юревича заслуживаетъ вниманія какъ по своимъ достоинствамъ, такъ и по цѣлямъ, какія онъ преслѣдуетъ. Составитель совершенно справедливо указываетъ въ предисловіи на недостаточность единственнаго задачника въ школѣ, какъ на одну изъ причинъ неуспѣшности учениковъ по ариѳметикѣ. При существующихъ порядкахъ, когда ученикамъ обыкновенно не дается въ руки задачника, масса времени уходитъ на ни къ чему не нужное записываніе задачъ, а между тѣмъ у сельскаго школьника и безъ того мало времени. Цѣль г. Юревича заключается въ томъ, чтобы дать возможность ученикамъ обзавестись собственными задачниками, почему цѣна назначена имъ самая низкая. „Деревенскія дѣти,—говоритъ г. Юревичъ,—очень любятъ заниматься ариѳметикой, дайте только возможность удовлетворить этой любви; дайте каждому ученику въ руки задачникъ, и дѣло сразу измѣнится, не говоря уже объ облегченіи тяжелаго труда народнаго учителя“ (пред., стр. II). Г. Юревичъ не ограничивается изданіемъ одного только своего дешеваго изданія; какъ видно изъ предисловія, имъ предпринятъ цѣлый рядъ дешевыхъ изданій для народной школы и другихъ авторовъ, и предпріятіе это нельзя не приветствовать, тѣмъ болѣе, что въ собственномъ задачникѣ онъ обнаруживаетъ пониманіе условій и требованій начальной школы.

Пособіе для учащихся. В. Г. Бѣлинскій. Литературныя характеристики: Онѣгинъ, Ленскій, Печоринъ, Татьяна. Издано

подъ редакціей В. Е. Ермилова. Москва. Мы не согласны съ основной идеей этого изданія. Какія и чьи потребности могли вызвать его появленіе? Почтенный редакторъ утверждаетъ въ предисловіи, что „учащимся въ старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній всего чаще приходится *пересматривать* сочиненія Бѣлинскаго въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ нужно изучать тотъ или иной классическій литературный типъ“. Если это и случается иногда, къ несчастію,—то всякій добросовѣстный преподаватель долженъ посоветовать ученикамъ не „пересматривать“, а *внимательно читать и изучать важнѣйшія сочиненія Бѣлинскаго*, — долженъ указать имъ, какъ неудобно знакомиться только съ отдѣльными мѣстами цѣльнаго сочиненія, выхваченными изъ контекста и не вполне понятными внѣ связи со всей статьей. Затѣмъ, если бѣ и понадобилось почему-либо познакомиться съ отдѣльной характеристикой, ее можно легко подыскать въ доступномъ каждому полномъ собраніи сочиненій великаго критика или сборникъ его избранныхъ статей. Врядъ ли нужно было для такихъ исключительныхъ случаевъ затѣвать цѣлое изданіе... Для этой брошюры можно предположить единственное *raison d'être*,—она должна служить руководствомъ для учениковъ при составленіи характеристикъ вообще и разобранныхъ Бѣлинскимъ типовъ въ частности. Но чужія характеристики, собственно, почти ничему не научаютъ въ методическомъ отношеніи, талантливое же изложеніе всякаго сложившагося писателя подавить самодѣятельность еле „бредущаго по чернилу“ новичка, взявшагося за ту же тему; въ частности, извлеченныя г. Ермиловымъ характеристики могутъ вызывать серьезныя возраженія и со стороны построенія и изложенія, и со стороны содержанія. Не надо забывать, что это—журнальныя статьи, написанныя съ извѣстной цѣлью, для извѣстной публики, и что написаны онѣ болѣе 50 лѣтъ тому назадъ. Наука многое съ тѣхъ поръ измѣнила и въ своихъ общихъ взглядахъ, и въ своемъ содержаніи. Время Онѣгиныхъ и въ особенности Печориныхъ было слишкомъ близко къ Бѣлинскому, будило слишкомъ живой откликъ въ его сердцѣ, чтобы онъ могъ вполне объективно и всесторонне охватить и оцѣнить его, посмотреть на него съ исторической точки зрѣнія. Мы глубоко убѣждены, что нельзя сдѣлать учебника изъ сочиненій Бѣлинскаго. Педагогическое значеніе В. Г. для современныхъ поколѣній и учащейся молодежи въ особенности сводится, главнымъ образомъ, къ обаянію его нравственной личности, поучительной картинѣ его личнаго развитія, потрясающей исторіи его трагической жизни, *общему* строю и тону его произведеній, а не отдѣльнымъ мѣстамъ и подробностямъ его сочиненій...

Царь-Освободитель, царь-мученикъ императоръ Александръ II. Чтеніе для народа съ 92 картинами. Ломана. Изданіе 2-е. Спб.—Царь-Освободитель и его реформы. В. Ермилова. Москва. Недавнее торжество открытія памятника Александру II вызвало цѣлый рядъ дешевыхъ и популярныхъ брошюръ. Лучшія изъ нихъ принадлежатъ гг. Ломану и Ермилову.

За 25 коп. г. Ломанъ даетъ около сотни прекрасно исполненныхъ рисунковъ, прекрасную бумагу и печать, легкое и мѣстами даже красивое изложеніе главныхъ фактовъ жизни и дѣятельности Царя-Освободителя, проникнутое теплымъ и гуманнымъ чувствомъ, искреннимъ уваженіемъ къ лучшимъ сторонамъ „эпохи великихъ реформъ“. Брошюра г. Ермилова очень неровна по своему составу. Первый періодъ

жизни Александра II освѣщенъ довольно живо, подробно и ярко, реформы же изложены всего на 2-хъ страницахъ, и изложены слишкомъ бѣгло.

Басни Крылова на сценѣ дѣтскаго театра. Сост. А. А. Одесса, 1899 г. Ц. 15 к. Г. А. А. взялъ на себя трудную задачу приспособить басни Крылова для постановки на сценѣ дѣтскаго театра. Что задача эта до нѣкоторой степени осуществима, видно изъ того, что въ самой разбираемой книжкѣ есть довольно удачныя сценки. Но г-ну А. А. зачѣмъ-то понадобилось, чтобы пьесы его были какъ можно длиннѣе, и, благодаря такой точкѣ зрѣнія составителя, получилось совмѣщеніе несовмѣстимаго. Если бы г. А. А. для каждой пьесы ограничился соединеніемъ двухъ-трехъ басенъ, было бы вполне достаточно, но составитель беретъ сразу за 8—9 басенъ и желаетъ ихъ связать въ одну пьесу. Разумѣется, въ результатѣ явилась большая путаница, неестественность въ положеніяхъ и слишкомъ смѣлое обращеніе съ текстомъ Крылова, который пришлось видоизмѣнять по собственному усмотрѣнію автора.

Калевала. Финскія народныя былины. Для юношества пересказалъ Н. А. Борисовъ. Изд. 2-е, съ рисунками. Изд. кн. маг. Луковникова. Спб. Ц. 50 коп., въ папкѣ—75 к. Книжка г. Борисова можетъ быть рекомендована какъ для юношества, такъ и для дѣтей старшаго возраста. Она написана хорошимъ языкомъ и въ живой повѣствовательной формѣ знакомитъ читателя съ главнымъ произведеніемъ финскаго народнаго творчества, причемъ интересъ чтенія не ослабѣваетъ до конца.

ИЗДАНІЯ ДЛЯ НАРОДА.

„Какъ живутъ японцы“. В. Овчинниковой.

Какъ живутъ японцы. В. Овчинниковой. Изданіе „Посредника“. 1899 г. Ц. 50 к. Книжка въ общедоступныхъ очеркахъ даетъ обстоятельное понятіе о трудолюбивѣйшемъ народѣ на свѣтѣ, о географическомъ положеніи его страны, объ особенностяхъ быта и о религіозныхъ вѣрованіяхъ японцевъ. Здѣсь, главнымъ образомъ, мы находимъ современное положеніе Японіи, хотя, впрочемъ, есть свѣдѣнія и объ ея прошломъ. Выдѣляются обстоятельностью изложенія очерки „О буддѣйской религіи“ и „Объ общественномъ строѣ Японіи“. Нынѣшній императоръ Мутсу-Гито по силѣ воли и энергіи напоминаетъ величайшихъ политическихъ дѣятелей исторіи, которымъ многія государства обязаны своимъ возрожденіемъ. Поражаетъ насъ, европейцевъ, еще то обстоятельство, что японская цивилизація постепенно вводитъ дѣйствительно умиротворяющія средства для подданныхъ: правосудіе, милосердіе (гдѣ нужно), гуманность законодательства, свободу вѣроисповѣданія, постепенное уничтоженіе военщины и доступность просвѣщенія бѣднымъ наравнѣ съ богатыми. Нѣкоторыя курьезныя церемоніи японцевъ, остатокъ (переживаніе) старины, искупаются вполне ихъ желаніемъ быть добродушными, образованными и честными людьми. Книжка разумная и, слѣдовательно, полезная грамотнымъ людямъ. Цѣна ея дорога (сравнительно съ другими изданіями „Посредника“) по множеству рисунковъ въ текстѣ, исполненныхъ весьма удовлетворительно.

СЛОВАРИ, СБОРНИКИ.

„Малый Энциклопедический словарь“—„Юбилейный сборникъ въ честь В. О. Миллера.—„Настольный энциклопедический словарь“. А. Граната. 4-е изд.

Малый Энциклопедический Словарь. Выпускъ пятый. Новый выпускъ *Словаря* составленъ такъ же обстоятельно, какъ и прежніе. Въ него вошли слова отъ *Гибдона* до *Гяура*. Въ приложеніи напечатаны: *Гигіена* проф. Ф. Эрисмана, что очень хорошо, и *Греческій языкъ*, грамматика и словарь, что напрасно: взрослые по этому учебнику не станутъ учиться, а для учащихся, которымъ греческій языкъ обязателенъ, есть и обязательные учебники.

Юбилейный сборникъ въ честь Всеволода Федоровича Миллера. М., 1900 г. Ученики и почитатели знаменитаго московскаго ученаго и профессора издали ко дню его юбилея, подъ редакціей Н. А. Янчука, сборникъ своихъ статей и изслѣдованій. Во главѣ идетъ очеркъ научной дѣятельности В. О. Миллера, составленный В. М. Михайловскимъ, съ хорошимъ портретомъ юбиляра. Далѣе напечатаны статьи проф. Кирпичникова, Мищенка, Сумцова, Милюкова, Шахматова, гг. Каллаша, Харузина, Янчука и многихъ другихъ изслѣдователей. Есть немного и стихотвореній. Книга отлично издана и представляетъ значительную научную цѣнность. Намъ очень симпатиченъ такой способъ чествованія заслуженнаго ученаго. Сборникъ въ небольшомъ числѣ экземпляровъ поступилъ и въ продажу (3 рубля). Доходъ предполагается употребить на фондъ для преміи по этнографіи (при этнограф. отд. *Общества любителей естествознанія*).

Настольный Энциклопедический Словарь. Томъ I. Четвертое изданіе. Товарищества А. Граната и К^о. М., 1900 г. *Словарь* г-на Граната и К^о выходитъ четвертымъ изданіемъ. Этотъ успѣхъ можно только привѣтствовать: *Словарь* постоянно улучшается, даетъ массу строго-провѣренныхъ свѣдѣній, дополняется новѣйшими данными и является такимъ образомъ настольною справочною книгою для образованныхъ людей. Въ четвертомъ изданіи,—очень и удачно переработанномъ,—есть, напримѣръ, въ *Дополнительномъ Листкѣ*, такія новинки, какъ замѣтка,—короткая, но дѣльная,—о Бернштейнѣ, вызвавшемъ въ прошломъ году расколъ среди марксистовъ. Нѣкоторыя статьи *Словаря* по важнѣйшимъ вопросамъ являются обстоятельными, отлично составленными монографіями. Въ первомъ томѣ помѣщены и карты. Портреты не всегда удачны (наприм., ученаго и композитора А. П. Бородина), но въ общемъ изданіе заслуживаетъ полной похвалы. Оно имѣетъ не только справочный характеръ,—что и само по себѣ важно,—но и общеобразовательный, въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Въ первый томъ четвертаго изданія вошли слова до Ботническаго залива. Есть кое-какіе, неизбѣжные, конечно, пропуски (не упомянутъ, напримѣръ, А. М. Бобріщевъ-Пушкинъ, авторъ капитальнаго труда *Эмпирическіе законы дѣятельности русскаго суда присяжныхъ*). Мы увѣрены въ дальнѣйшихъ успѣхахъ *Словаря* и искренно, въ интересахъ просвѣщенія, желаемъ ихъ.

ПЕРИОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

„Жизнь“, январь.—„Русское Богатство“, февраль.—„Миръ Божій“, мартъ.

Январская книжка *Жизни* содержитъ въ себѣ среди другихъ беллетристическихъ произведеній повѣсть г. Чехова *Въ оврагѣ*. Само собою разумѣется, что произведение это чрезвычайно интересно. Тонкая наблюдательность и яркія краски такого таланта, какъ талантъ г. Чехова, даютъ себя знать съ первыхъ же страницъ повѣсти *Въ оврагѣ*, и читатель не можетъ остаться равнодушнымъ къ изображеннымъ въ ней лицамъ и явленіямъ. Безотрадное и тоскливое чувство вызываетъ она: какъ и всегда, г. Чеховъ съ свойственнымъ ему умѣньемъ освѣщаетъ такія стороны современной житейской неурядицы, которыя наводятъ на самыя тяжелыя мысли. Дѣло происходитъ въ селѣ Уклеевѣ, которое лежитъ въ оврагѣ. Живетъ тутъ епифанскій мѣщанинъ Григорій Петровичъ Цыбукинъ и держитъ бакалейную лавочку, но „только для вида“, на самомъ же дѣлѣ онъ торговалъ водкой, скотиной, кожами, хлѣбомъ въ зернѣ, свиньями,—торговалъ чѣмъ придется, и когда, напримѣръ, за границу требовались для дамскихъ шляпъ сороки, то онъ наживалъ на каждой парѣ по тридцати копеекъ; онъ скупалъ лѣсъ на срубъ, давалъ деньги въ ростъ, вообще былъ человѣкъ оборотливый“. Такой человѣкъ, при его взглядѣ на жизнь и требованіяхъ отъ нея, долженъ былъ бы пользоваться полнымъ счастьемъ и благополучіемъ, — но нѣтъ! — г. Чеховъ съ удивительной правдивостью показываетъ, что если Цыбукинъ и благоденствовалъ до поры до времени, то благоденствіе его было шито живыми нитками: его ждали удары судьбы, которые по вѣтру развѣяли все его благополучіе и уравнилошанность. Изъ двухъ сыновей Цыбукина младшій Степанъ пошелъ по торговой части и помогалъ отцу, но былъ слабого здоровья и глухъ; зато у него была жена Аксинья, красивая, стройная женщина, „ходившая въ праздники въ шляпкѣ и съ зонтикомъ“, и притомъ необыкновенно дѣловитая хозяйка, торговавшая въ лавкѣ у свекра съ большимъ успѣхомъ. Старшій сынъ Анисимъ служилъ въ полиціи въ сыскомъ отдѣленіи и рѣдко бывалъ дома, но присылалъ письма съ земляками, и тогда отецъ говорилъ про него: „вотъ не захотѣлъ дома жить, пошелъ по ученой части. Что-жъ, пускай! Кто къ чему приставленъ“; женатъ Анисимъ не былъ. Сына-сыщика и невѣстку старикъ Цыбукинъ любилъ больше всего на свѣтѣ, а такъ какъ у него всегда была склонность къ семейной жизни, онъ недолго вдовѣлъ и женился во второй разъ на пожилой уже, но видной дѣвушкѣ Варварѣ Николаевнѣ, которая отличалась добрымъ сердцемъ и всячески покровительствовала нищимъ, странникамъ, богомолкамъ и уволеннымъ съ фабрики за пьянство. Старикъ Цыбукинъ не мѣшалъ женѣ заниматься благотворительностью, хотя самъ гонялъ отъ себя всѣхъ безпріютныхъ и просящихъ и, не смущаясь противорѣчіемъ своего поведенія съ поведеніемъ жены, продолжалъ сбывать мужикамъ протухлую соловину, принимать отъ пьяныхъ въ закладъ косы, шапки, платки и проч. и копить всѣми правдами и неправдами деньги. Такъ шла жизнь въ домѣ Цыбукина, и онъ по-своему наслаждался ею. И вдругъ все переменялось. Пріѣхалъ разъ совсѣмъ неожиданно къ отцу Анисимъ и, противъ обыкновенія, не спѣшилъ уѣзжать. „Видъ онъ имѣлъ безпокойный, и похоже было, какъ будто его уволили со службы“. Однако, никто въ домѣ Цыбукина не замѣтилъ послѣдняго и, по мысли Варвары Нико-

лаевны, Анисима задумали женить. Самъ Анисимъ, въ угоду отцу и мачихѣ согласился жениться; ему подыскана была невѣста, бѣдная дѣвушка, дочь поденщицы—Липа, также занимавшаяся поденщиной и извѣстная въ околоткѣ своей красотой. Это была дѣвушка „худенькая, слабая, бѣдная, съ тонкими нѣжными чертами, смуглая отъ работы на воздухѣ; грустная, робкая улыбка не сходила у нея съ лица и глаза смотрѣли по-дѣтски довѣрчиво и съ любопытствомъ“. Свадьба была сыграна съ возможнымъ блескомъ и роскошью, причемъ Анисимъ по этому случаю надарилъ всѣмъ своимъ домашнимъ много серебряныхъ рублей и полтинниковъ, главная прелесть которыхъ заключалась въ томъ, что они всѣ были новенькіе и блестяли на солнцѣ. Черезъ пять дней послѣ свадьбы Анисимъ уѣхалъ, признавшись передъ отъѣздомъ мачихѣ, что одинъ пріятель впуталъ его въ такое дѣло, черезъ которое онъ или богатъ будетъ или пропадетъ. Мачиха, однако, не придавала никакого значенія этому признанію и ни въ чемъ не заподозрила пасынка. Ей было жалъ только одного, что онъ уѣзжаетъ, не приласкавъ хорошенько жену, съ которой онъ даже простился холодно. Что же касается до Липы, то она всѣ пять дней своей супружеской жизни имѣла такой видъ, „какъ будто только что очнулась отъ обморока“ и не интересуясь, зачѣмъ уѣзжаетъ мужъ,—послѣ его отъѣзда сразу повеселѣла. Жизнь въ домѣ Цыбукиныхъ опять пошла по старому, такъ какъ робкая и застѣнчивая Липа не внесла въ нее ничего новаго. Но вотъ изъ сосѣдняго села пришла тревожная вѣсть: на ярмаркѣ вдругъ появились въ ходу поддѣльныя монеты, причемъ, какъ узналъ старикъ Цыбукинъ, исходили онѣ отъ Анисима. Вспомнивъ о подаркѣ сына, Цыбукинъ самъ удостовѣрился въ томъ, что рубли, подаренные ему Анисимомъ—фальшивые, и поспѣшилъ отдѣлаться отъ нихъ. Между тѣмъ, стало извѣстно, что Анисима посадили въ тюрьму за поддѣлку и сбытъ фальшивыхъ денегъ. Послѣ этого старикъ Цыбукинъ „потемнѣлъ какъ будто“: онъ уже садился въ тарантасъ безъ подскока и не кричалъ нищимъ: „Богъ дастъ“. Онъ часто ѣздилъ къ сыну, нанималъ кого-то, подавалъ кому-то прошенія, пожертвовалъ куда-то хоругвь. Но судъ все-таки приговорилъ Анисима въ каторгу на шесть лѣтъ. Старикъ совсѣмъ былъ сраженъ. Въ довершеніе всего, оказалось, что часть Анисимовыхъ рублей онъ смѣшалъ съ своими деньгами и теперь никакъ не могъ различить настоящихъ денегъ отъ фальшивыхъ. Единственнымъ его утѣшеніемъ былъ внучекъ Никифоръ, родившійся у Липы передъ постомъ, котораго онъ очень любилъ и на котораго, по совѣту жены, рѣшилъ записать свою землю, чтобы обезпечить его еще при жизни. Однако, благодаря этому обстоятельству, надъ домомъ Цыбукина стряслась новая бѣда. Акинья, узнавъ, что земля достанется не ей, а Никифору, подняла страшный бунтъ, и, наконецъ, совершенно разъяренная, схватила ковшикъ съ кипяткомъ и выплеснула на Никифора. Никифоръ скоро умеръ отъ ожога, и отчаяніе Липы было безгранично. Акинья же, выгнавъ изъ дому Липу, сама превратилась въ Ксенію Абрамовну, сдѣлалась полной хозяйкой всего добра Цыбукиныхъ и вошла въ компанію съ фабрикантами Хрыныными, изъ которыхъ со старшимъ она давно уже была „въ близкихъ отношеніяхъ“. Старикъ Цыбукинъ съ тѣхъ поръ уже не вмѣшивается въ дѣла. Онъ не держалъ при себѣ денегъ, потому что никакъ не могъ различить настоящихъ отъ фальшивыхъ, но молчалъ, никому не говоря объ этой своей слабости. Онъ „сталъ какъ-то забывчивъ, и если не дать ему поѣсть, то самъ онъ не спросить“.

Такимъ-то образомъ было нарушено равновѣсіе Цыбукина, и отъ его благоденствія не осталось ровно ничего. Разумѣется, можно было бы сказать: „по дѣломъ вору и мука“, но въ томъ-то и дѣло, что Цыбукинъ вовсе уже не былъ такимъ воромъ съ извѣстной точки зрѣнія, а, главное, мука-то его ужъ очень безтолкова. Цыбукинъ любитъ дѣтей, любитъ семью, не препятствуетъ женѣ заниматься добрыми дѣлами, и если въ своей торговлѣ не обнаруживаетъ совѣсти, то оправдываетъ же это, напримѣръ, сынъ его Анисимъ, когда говоритъ мачихѣ про отца: „кто къ чему приставленъ“. И вотъ этотъ самый судьбой „приставленный“ къ лихоимству человѣкъ терпитъ муку. Кому же стало лучше отъ этой муки? Аксинѣ? Но вѣдь и она рано или поздно также будетъ застигнута врасплохъ и поплатится, подобно старику Цыбукину, по слѣдамъ котораго идетъ. Всѣ же остальные, конечно, ничего не выиграли отъ удара, разразившагося надъ Цыбукинымъ. Эти остальные, всѣ поголовно, являются теперь, какъ и ранѣе, только жертвами безтолковщины, которой нѣтъ начала и нѣтъ конца. Пострадавшій за поддѣлку и сбытъ фальшивыхъ денегъ, Анисимъ при всей своей прямолинейности, въ минуты вѣячанія, молился и просилъ Бога, чтобы неминуемая несчастія „обошли его какъ-нибудь“, вспоминая при этомъ, „сколько грѣховъ наворочено имъ въ прошломъ“, а мачихѣ тотъ же Анисимъ говоритъ: „человѣкъ сидитъ въ трактирѣ, и вамъ такъ кажется, что онъ чай пьетъ, а я, чай-то чаемъ,—вижу, что въ немъ совѣсти нѣтъ. Такъ цѣлый день ходишь—и ни одного человѣка съ совѣстью“. Ужъ если Анисимъ такъ разсуждаетъ о совѣсти, стало быть на сердцѣ у него давно смута, разобраться въ которой онъ по неразвитости своей совершенно не въ состояніи. У Липы своя смута: она ничѣмъ не выражала протеста противъ своего замужества съ Анисимомъ, но выйдя замужъ и проживъ нѣкоторое время въ домѣ Цыбукиныхъ, она съ неутѣшною скорбью задаетъ вопросъ матери: „зачѣмъ ты отдала меня сюда, маменька?“ На такой вопросъ у той нашелся только одинъ отвѣтъ: „замужъ нужно, дочка. Такъ ужъ не нами положено“. Но смута въ душѣ безответной, неповинной Липы еще болѣе усиливается, когда ея сыночка, въ которомъ она души не чаяла, Аксинья обварилась кипяткомъ, и вся эта смута сразу вылилась въ одномъ вопросѣ, который такъ наивно и вмѣстѣ съ такимъ глубокимъ страданіемъ задаетъ Липа мужику, везшему ее съ мертвымъ уже сыномъ на рукахъ изъ больницы: „Скажи мнѣ,—спрашиваетъ Липа мужика,—зачѣмъ маленькому передъ смертью мучиться?“ Варвара, жена Цыбукина, также испытываетъ какую-то смутную тревогу, о которой такъ говоритъ пасынку Анисиму: „Живемъ мы хорошо, всего у насъ много, и свадьбу твою сыграли порядкомъ, правильно; старикъ сказывалъ: двѣ тысячи пошло. Одно слово, живемъ, какъ купцы, только вотъ скучно у насъ. Ужъ очень народъ обижаемъ. Сердце мое болитъ, дружокъ, обижаемъ какъ—и Боже мой! Лошадь ли мѣняемъ, покупаемъ ли что, работника ли нанимаемъ—на всемъ обманъ. Обманъ и обманъ. Постное масло горькое, тухлое, у людей деготь лучше. Да нешто, скажи на милость, нельзя хорошимъ масломъ торговать?“ Однимъ словомъ, если кто изъ семейства Цыбукиныхъ не испытывалъ тревоги и смущенія, такъ это былъ одинъ младшій сынъ Цыбукина, Степанъ,—но вѣдь онъ былъ и слабъ здоровьемъ, и глухъ. А выхода изъ этой тревоги, смущенія и безтолковщины пока невидно: г. Чеховъ, при тѣхъ богатыхъ средствахъ, которыми онъ располагаетъ, конечно, показалъ бы его, если бы онъ былъ. Юморъ автора, который на каждомъ шагѣ даетъ себя чувствовать въ повѣсти *Въ огрѣтъ*, зву-

читъ тутъ особенно грустно, и правдивое сказаніе г. Чехова о томъ, какъ люди жили въ этомъ оврагѣ, производить, какъ уже было сказано, безотрадное впечатлѣніе.

Невеселое впечатлѣніе производить и другой рассказъ въ январской книгѣ *Жизни*, подъ заглавіемъ *Дворецъ Дима*. Рассказъ принадлежитъ г. Гарину. Въ немъ рассказывается совсѣмъ уже жестокая правда. У мальчика Дима есть мама, но нѣтъ папы, а дядя его, котораго онъ очень любитъ, приходитъ рѣдко. Мальчику Диму всего лѣтъ 7; онъ желтый и сгорбленный, какъ старикъ, и взглядъ его большихъ черныхъ глазъ жгучій и напряженный. Онъ боленъ, три доктора приѣзжаютъ въ началѣ рассказа къ Диму, выстукиваютъ его и повторяютъ то, что „все уже знаютъ,—что у Дима порокъ сердца“. „Въ дѣтствѣ,—прибавляютъ они,—это иногда и проходитъ: не надо только бѣгать, не надо волноваться, надо принимать лѣкарства“. Но не могла пройти болѣзнь Дима: онъ очень впечатлителенъ, его дѣтски-чуткая душа ищетъ сочувствія, сближенія съ кѣмъ-нибудь, участія,—а онъ, между тѣмъ, совершенно одинокъ и поэтому поневолѣ постоянно волнуется. Предоставленный самому себѣ и вслѣдствіе своей болѣзни проводившій большую часть времени на одномъ мѣстѣ, онъ вѣчно грезитъ, мечтаетъ, и при болѣзненно настроенной фантазіи, ему достаточно посмотрѣть на освѣщенный солнцемъ тюльпанъ, чтобы вообразить въ этомъ маленькомъ цвѣткѣ цѣлый заколдованный замокъ. А потомъ его мысли постоянно направлены на его одиночество; онъ тоскуетъ о томъ, что у него нѣтъ ни братьевъ, ни сестеръ, а есть одна только мама,—даже папы нѣтъ. Но вотъ разъ—дѣло происходило на дачѣ—въ саду, гдѣ сидѣлъ Дима, появилась сосѣдская дѣвочка Наташа. Они познакомились. Димъ „долго не могъ придти въ себя“ отъ радости, а Наташа, узнавъ, что у Дима нѣтъ ни братьевъ, ни сестеръ, даже папы, рѣшила, что онъ бѣдный, и каждый день по нѣскольку разъ приходила къ нему. Такъ время шло гораздо веселѣе прежняго, какъ вдругъ ему случилось сдѣлать крупное открытіе. Обыкновенно, если матери не бывало дома, онъ отправлялся гулять съ Егоромъ, который зимой топилъ печи, а лѣтомъ возился въ саду. И вотъ одинъ разъ, когда мать уѣхала въ городъ, Егоръ, выпившій нѣсколько въ этотъ день, повелъ гулять Дима. Сначала они побывали въ церкви, гдѣ онъ любилъ слушать „Свѣте тихій“, а когда они вышли оттуда, мальчикъ завелъ съ Егоромъ разговоръ на свою любимую тему о братикахъ и сестричкахъ: онъ увидалъ на одной иконѣ изображеніе какихъ-то братьевъ и сестеръ. И Егоръ, заставивъ предварительно мальчика поклониться, что онъ не выдастъ Егора, открылъ мальчику, что дядя его—не дядя его, а папа, что у него есть братья и сестры и что его папа съ мамой „не въ законѣ“. Далѣе, по настоянію Дима, Егоръ повезъ его къ оградѣ того дома, гдѣ жили его братья и сестры. Изъ-за ограды онъ увидалъ ихъ, потому что они бѣгали на дворъ; тутъ же, наконецъ, появился и папа Дима, котораго Димъ такъ долго признавалъ за дядю. „Точно буря пронеслась“ надъ Димомъ, но страшная клятва, данная имъ Егору, мѣшала ему рассказать кому-нибудь про то, что такимъ гнетомъ лежало на его душѣ. Отъ Наташи онъ не могъ, однако, скрыть своей тайны и открылъ ей ее также подъ клятвой никому не говорить. Между тѣмъ Наташа только передъ этимъ рассказала ему сказочку, которую сама слышала отъ дяди Коли и въ которой описывался чудный дворецъ, построенный ангелами для дѣтей изъ дѣтскихъ же слезъ, которыя

ангелы превратили въ жемчугъ. И вотъ Димъ объявляетъ, что онъ знаетъ, гдѣ этотъ дворецъ; ему кажется, что онъ „видѣлъ его тамъ, гдѣ солнце, небо и земля сходятся вмѣстѣ“, гдѣ „все прозрачное“. И тутъ же Димъ съ Наташей мечтаютъ о томъ, какъ они сведутъ въ жемчужный дворецъ братьевъ и сестеръ Дима, причемъ Димъ рѣшаетъ, что это можно сдѣлать только послѣ смерти. Послѣ того какъ у Наташи съ Димомъ завелась общая тайна, дружба ихъ должна была еще больше укрѣпиться, но вышло совсѣмъ по другому. Наташа проговорила насчетъ тайны своей матери, та запретила ей видаться съ Димомъ, и бѣдный Димъ лишился въ ней единственного друга, оставшись такимъ образомъ снова наединѣ со своими мыслями и грезами, а грезы эти были ему совершенно не по силамъ. Онъ все слабѣлъ и слабѣлъ, когда же пришла зима, онъ уже не могъ ходить, но и лежа въ кровати, онъ продолжалъ грезить все о томъ же, о братикахъ и сестрицахъ, о Наташѣ, о жемчужномъ дворцѣ. Наконецъ, въ сочельникъ онъ умеръ.

Нельзя не согласиться, что крайне неприглядно и чрезвычайно печально было существованіе бѣднаго Дима. Ужъ конечно онъ не въ состояніи былъ выздороветь, да, пожалуй, и сожалѣть объ этомъ не приходилось—слишкомъ невзрачно складывалась жизнь этого маленькаго человѣка. Гдѣ же однако искать причины такой жестокой несправедливости? Мать и отецъ горячо любили сына, и благодаря именно горячей любви своей и старались скрывать отъ него истинное положеніе дѣла относительно себя самихъ, его сестеръ и братьевъ. Съ другой стороны невозможно обвинять и Егора: вѣдь имъ руководило хорошее побужденіе. Правда, онъ былъ пьянъ, когда раскрылъ тайну передъ мальчикомъ, но „что у трезваго на умѣ, то у пьянаго на языкѣ“, и Егоръ изъ глубокаго сожалѣнія къ Диму и желанія обрадовать его, рассказалъ о „дядѣ“, братьяхъ и сестрахъ. Виновата, такимъ образомъ, сила вещей и та сложность и запутанность житейскихъ отношеній, которыя въ данномъ случаѣ, какъ нерѣдко и въ другихъ, произвели драму. Что Диму было слишкомъ тяжело,—это г. Гаринъ показалъ съ большимъ мастерствомъ; показалъ онъ также и свое тонкое пониманіе дѣтскаго духовнаго міра. При чтеніи его разсказа невозможно не растрогаться.

Есть въ томъ же январѣ *Жизни* еще переводные разсказы съ малорусскаго Д. Стефаника изъ крестьянскаго быта. Ихъ стоитъ отмѣтить: при всей своей краткости, они будятъ мысль и волнуютъ. Въ разсказѣ, наприм., *Новость* изображено, какъ крестьянинъ Грыць Летучій послѣ смерти жены утопилъ отъ „горькой бѣдности“ въ рѣкѣ свою маленькую дочь. Читатель понимаетъ по разсказу г. Стефаника, что это страшное происшествіе вполнѣ правдоподобно.

Въ февральской книгѣ *Русскаго Богатства* напечатано окончаніе повѣсти г. Михеева *На выставкѣ*. Повѣсть представляетъ изъ себя, какъ и значится въ заголовкѣ, *прерванный дневникъ* и ведется отъ перваго лица. Это даетъ автору возможность высказываться довольно опредѣленно о различныхъ явленіяхъ окружающей жизни, и мнѣнія его мѣстами довольно интересны; но идею своего произведенія онъ высказываетъ устами нѣкоего Харламова, когда-то жизнерадостнаго политико-эконома въ новомъ вкусѣ, вѣрующаго въ торжество капитализма, а впослѣдствіи превратившагося въ аскета и вегетаріанца. „Я вдругъ понялъ,—говоритъ Харламовъ:—всякія стадіи, капиталистическія и другія, могутъ наступать въ свой чередъ, и теоретически можно тѣшиться безстрашіемъ, призна

вать ихъ неизбежность, но живой человѣкъ, живая душа... Эхъ — понималъ я, на себѣ почувствовалъ самый разсубъективнѣйшій субъективизмъ; страданіе, страданіе души человѣческой! Понялъ, и задумался объ этой душѣ, объ ея сути, объ ея безпомощной обнаженности, объ убѣжищѣ для нея“. Ту же живую душу и живое страданіе, независимо отъ капиталистическихъ и всякихъ другихъ стадій, имѣетъ въ виду и авторъ дневника *На выставкѣ*, когда онъ, негласный редакторъ распространенной газеты, очутившись на выставкѣ въ Нижнемъ, вмѣсто того, чтобы писать отчеты о выставкѣ, занялся личнымъ дневникомъ, въ которомъ онъ, по собственному выраженію, „копался въ себѣ“. Причина для этого была: редакторъ только что пережилъ казусъ, т.-е. влюбился, но не женился, и равновѣсіе пока не было восстановлено. Какъ бы то ни было, но редактору въ его дневникѣ удается показать законность интереса къ живой душѣ человѣка, хотя бы и своей собственной, законность опѣнки своихъ собственныхъ ощущеній, имѣющихъ право на существованіе внѣ связи съ тѣми или иными направленіями или теченіями. Живая душа и живое страданіе все-таки всегда остается при человѣкѣ, и это читатель чувствуетъ, читая въ повѣсти *На выставкѣ* наблюденія, замѣчанія и мысли „редактора распространенной газеты“. Этотъ послѣдній излагаетъ различные разговоры, комментируя ихъ, и такимъ способомъ довольно живо очерчиваетъ и того же Харламова, „впавшаго въ праздное личное усовершенствованіе“, и оказавшагося на выставкѣ же Гужовскаго, который знакомъ былъ ему раньше и который представлялъ изъ себя финансовую звѣзду, такъ какъ состоялъ въ 35 лѣтъ уже директоромъ одного изъ крупныхъ частныхъ банковъ, и „шумнаго“ Дрюкова, изучающаго, по порученію земства, кустарный промыселъ, и одного „милліонщика“. Изъ отношеній ко всѣмъ этимъ господамъ обнаруживается и душа самого редактора, его ощущенія, впечатлѣнія и чувства. Но еще болѣе нравственный обликъ его выясняется изъ его отношеній къ пѣвицѣ увеселительнаго сада при томъ отелѣ, гдѣ онъ остановился. Тутъ даетъ себя знать „эстетика“ редактора, всегда характерная для опредѣленія индивидуальныхъ свойствъ человѣка, и тутъ же изъ разговоровъ съ названной пѣвицей Соней, или Софьей Михайловной, обрисовывается и душа этой послѣдней. И „наивно чуткій, нравственно умственный организмъ“ Сони невольно привлекаетъ вниманіе читателя, и онъ задумывается надъ судьбой этого граціознаго, деликатнаго созданія, искалѣченнаго обстоятельствами, но сохранившаго при этомъ довольно большую долю непосредственности. Она любитъ даже цвѣты, и при видѣ ихъ ей „такъ хочется жить, жить!“ Любопытно, что это-то восклицаніе, вырвавшееся у нея однажды, и заставило редактора заинтересоваться Соней; познакомившись же съ ней, онъ скоро узналъ, что на ея долю выпало, по ея собственному выраженію, „трепаться по хорамъ“, да „нацѣлываться всякихъ губъ“, зато цвѣты она любитъ потому, что когда она смотритъ на нихъ „въ ней все вдругъ зашевеливается“. Этимъ наивнымъ объясненіемъ своей любви къ цвѣтамъ Соня весьма образно, хотя безсознательно, характеризуетъ лучшую сторону своего существа. Теплится и въ ней живая душа и живое страданіе, когда, несмотря на окружающую ее жизнь и грязь, ее все-таки тянетъ къ цвѣтамъ, которыя являются въ данномъ случаѣ эмблемой чистоты. И тоска по всему чистому проявляется также въ отношеніяхъ Сони къ редактору. Онъ держался относительно нея дружески, „не обнаруживая никакихъ дву-

смысленныхъ поползновеній“; и она пѣнила это и готова была искренно привязаться къ нему, на каждомъ шагу выражая ему свою признательность. А какъ благодарна она была, когда онъ повезъ ее слушать оперу и настоящее пѣніе, которое она такъ любила. Денегъ она отъ редактора совсѣмъ не принимала, и, когда уѣзжая въ Петербургъ, онъ оставилъ Харламову сто рублей на всякій случай, если Софья Михайловна будетъ нуждаться, причемъ извѣстилъ ее объ этомъ, она ни подъ какимъ видомъ не пожелала воспользоваться деньгами. Однимъ словомъ, достаточно было удобнаго случая, чтобы Соня, давно вступившая на свой скользкій путь и уже обжившаяся въ грязи, проявила и нравственность, и чуткость, и жажду всего хорошаго. Душа человѣческая и человѣческое страданіе глубоко интересны сами по себѣ, независимо отъ всякихъ стадій, теченій и направленій, и напомнить объ этомъ, какъ дѣлаетъ г. Михеевъ въ своей повѣсти, иногда умѣстно. Во всякомъ случаѣ, читатель можетъ понять автора, который въ концѣ дневника съ досадой отрывается отъ него, такъ какъ ему нужно возвращаться къ своимъ дѣламъ и обязанностямъ. „Къ шуту дневникъ и собственные ощущенія!“ — восклицаетъ редакторъ, недовольный тѣмъ, что ему теперь приходится вернуться изъ міра этихъ ощущеній къ жизни. Временами собственные „ощущенія“ прямо-таки необходимы. Жизнь не должна укладываться въ тѣсныя рамки житейской прозы. Невозможно и нежелательно для того же редактора, на примѣръ, вѣчно, по его выраженію, „плестись съ кошолкой своего немудреного ржаного постѣва по кочковатой „пахотѣ“, спотыкаясь шагъ за шагомъ“. Надобно, чтобы и „собственные ощущенія“ говорили о себѣ.

Въ мартѣ *Міра Божьяго* окончены *Письма ненормальнаго человѣка* Андрея Немоевского, въ переводѣ съ польскаго г-жи Траповской. Авторъ съ самаго начала объявляетъ, что „ненормальный“ человѣкъ видитъ многое такое, чего не видятъ „нормальные“ люди, и что, съ другой стороны, „ненормальный“ человѣкъ всегда „последователенъ“. И на протяженіи всѣхъ писемъ авторъ остается вѣрнѣйшей такой характеристикѣ. Дѣлая главнымъ предметомъ своихъ разсужденій искусство и современныхъ художниковъ или, какъ онъ ихъ называетъ, „сверхъ-людей“, „ненормальный человѣкъ“ попутно затрогиваетъ самыя разнообразныя темы и рѣшаетъ ихъ иногда чрезвычайно остроумно. Точка зрѣнія ненормальнаго человѣка опредѣляется убѣжденіемъ, что на землѣ царитъ ложь, фальшь и несправедливость. Особенно наглядно старается онъ показать справедливость своей точки зрѣнія на изображеніи полной печальныхъ приключеній жизни натурщицы Брониславы, или Бронки. При этомъ художники, или, по терминологіи „ненормальнаго человѣка“, „сверхъ-люди“, подвергаются со стороны его самымъ откровеннымъ разоблаченіямъ и служатъ предлогомъ для высказыванія самыхъ смѣлыхъ обобщеній, проникнутыхъ горечью и злобостью. „Ненормальному“ человѣку, однако, пришлось пострадать за свою откровенность; когда онъ не скрылъ своего насмѣшливаго отношенія къ одному изъ художниковъ за какое-то его произведеніе, тотъ вызвалъ его на дуэль, а на дуэли „ненормальный человѣкъ“ получилъ рану, заставившую его лечь въ постель. „Ненормальный человѣкъ“ постоянно философствуетъ, причемъ часто дѣлаетъ это съ большимъ остроуміемъ и оригинальностью. Вотъ, на примѣръ, характерный образчикъ его философствованій: „Я до самаго полудня безцѣльно бродилъ по улицамъ. Экая огромная мельница эта наша Варшава! Тысячи извозчичьихъ колесъ неутомимо вертятся день и ночь, сотни тысячъ ногъ топчутъ тротуары. Длинные ряды

домовъ воздвигаются по улицамъ, а люди копошатся, копошатся, словно огромный муравейникъ, и каждый тащить на своихъ плечахъ свой мѣшокъ дѣлъ, занятій, проектовъ! Ежегодно на лошадахъ и на желѣзныхъ дорогахъ доставляются все новыя и новыя партіи людей, и всѣ они разсыпаются въ разные стороны, теряясь въ общемъ роѣ. Всякій новый пришлецъ за что-нибудь ухватывается въ этой мельницѣ, пѣпляется за какое-нибудь колесо, беретъ какой-нибудь мѣшокъ и тащить его дальше. А мельничные жернова вертятся и вертятся безъ конца—и не дай Богъ кому-нибудь зацѣпиться за нихъ—въ мигъ измелютъ въ муку! А вѣялка, приводимая въ движеніе какой-то невидимой силой, все выбрасываетъ одинъ за другимъ людскіе плевелы, все дальше и дальше съ первоклассныхъ улицъ на второстепенныя, на предмѣстья, за заставы, а временами въ Вислу-матушку, либо подъ колеса объѣгающихъ Варшаву поѣздовъ“.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію жур- нала „Русская Мысль“ съ 1 марта по 1 апрѣля 1900 г.

- Абрамовъ, Я. В.** 1) Бракъ и семья. Ц. 25 к. 2) Личный наемъ и служба. Ц. 25 к. Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1900 г.
- Алферовъ, А. и Грузинскій, А.** Сборникъ вопросовъ по исторіи русск. литературы. (Курсъ сред. школы). Изд. книж. маг. В. В. Думнова. М., 1900 г. Ц. 25 к.
- Амфитеатровъ, А.** Столичная без-
дна. Спб., 1900 г. Ц. 2 р.
- А. С.** Стихотворенія и замѣтки. Спб., 1900 г.
- Архиповъ, С.** Общедоступныя бесѣды по лѣсоводству. Изд. К. И. Тихомирова. М., 1900 г.
- Ахелисъ, Г.** Современное народовѣ-
дѣніе. Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1900 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Базентъ, Ренэ.** Умирующая земля. Спб., 1900 г. Ц. 50 к.
- Ватуевъ, Н.** Простые способы сухой
перегонки дерева. Изд. книж. маг. „Де-
ревня“. Спб. 1900 г. Ц. 50 к.
- Брандесъ, Г.** Литература XIX в. въ
ея главн. теченіяхъ. Нѣмецкая литера-
тура. Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1900 г. Ц. 1 р.
- Брокгаузъ, Ф. и Ефронъ, И.** Эн-
циклопедическій словарь. Т. 56-й. Спб., 1900 г.
- Бунгертцъ, И.** Почтово-голубиный
спортъ. Изд. А. М. Осипова. Спб., 1900 г. Ц. 1 р. 80 к.
- Бунинъ, Н. Г.** Разсказы охотника. Спб., 1900 г. Ц. 2 р.
- Вѣлавскій, Л.** Смута. Драма въ 5-ти
дѣйствіяхъ. Одесса, 1900 г. Ц. 75 к.
- Вѣлецкій, И. Г.** Въ пользу голодаю-
щихъ. Наброски въ стихахъ. 1896—99 г.
Одесса, 1900 г.
- Введенскій, Арс.** Обществен. само-
созваніе въ русской литературѣ. Изд.
- М. П. Мельникова. Спб., 1900 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Вересаевъ, В.** Конецъ Андрея Ива-
новича. Повѣсть. Спб., 1900 г. Ц. 50 к.
- Вигуру, Л.** Рабочіе союзы въ Сѣвер-
ной Америкѣ. Изд. т-ва „Знаніе“. Спб.,
1900 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Вилинскій, Д. А.** Бытовые охот-
ничьи разсказы. Изд. 2-е. Изд. В. П.
Смирнова. Спб., 1900 г. Ц. 1 р.
- Вологжане-писатели.** Матеріалъ для сло-
варя писателей уроженцевъ Вологодск.
губ. Вологда, 1900 г.
- Гауптманъ, Г.** Драматическія про-
изведенія. Изд. кн. маг. „Трудъ“. М.,
1900 г. Ц. 1 р. 80 к.
- Глаголевъ, С.** Религія и наука въ
ихъ взаимоотношеніи къ наступающему
XX столѣтію. Свято-Троицкая Сергіева
Лавра, 1900 г. Ц. 50 к.
- Годлевскій, С. Ф.** Смерть Неволіна
и его скитанія по Сибири. Спб., 1900 г.
Ц. 1 р.
- Головачевскій, С.** Стихотворенія.
М., 1900 г. Ц. 80 к.
- Гранатъ, А. и К^о.** Настольный эн-
циклопедическій словарь. Т. I. М., 1900 г.
- Гурвичъ, А. О.** Бугорчатка какъ на-
родная болѣзнь и общ. борьба съ ней.
Изд. медиц. департ. мин. внутр. дѣлъ.
Спб., 1900 г.
- Гюйеръ, Эт.** Исторія міра. Съ 101
рис. въ текстѣ. Изд. Ф. Павленкова.
Спб., 1900 г. Ц. 1 р.
- Давыдовъ, І.** Что же такое экономиче-
скій матеріализмъ? Критико-методологич.
очеркъ. Харьковъ, 1900 г. Ц. 80 к.
- Делажъ, Ивѣ.** Наслѣдственность. Изд.
журнала „Русская Мысль“. М., 1900 г.
Ц. 50 к.
- Деревенскіе дѣтніе ясли-пріюты въ Во-
ро-
нежской губерніи дѣтомъ 1899 г.** Воро-
нежъ, 1900 г.

- Жиркевичъ, А. В. (А. Нивинъ).** Картины дѣтства. Поэма. Изд. 2. Вильна, 1900 г. Ц. 1 р. 25 к. безъ перес.
- Задачи Россіи въ Средней Азіи въ связи съ вопросомъ о провѣненіи средне-азиатской ж. д.** Спб., 1900 г. Ц. 40 к.
- Ибсенъ, Г.** „Когда мы мертвые прощаемся“. М., 1900 г. Ц. 50 к.
- Ивановъ, Д.** О посѣвахъ льна въ крестьянскихъ хозяйствахъ. Изд. К. И. Тихомирова. М., 1900 г. Ц. 10 к.
- Ивановъ, И. И. А. Н. Островскій,** его жизнь и литературная дѣятельность. Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1900 г. Ц. 25 к.
- Иллюстрированная сказочная библіотека.** Съ № 97—104. Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1899 г.
- Карамзинъ, Д.** Почвовѣдѣніе для крестьянъ. Изд. К. И. Тихомирова. М., 1900 г. Ц. 15 к.
- Клоповъ, А. Къ** вопросу о школьной реформѣ. Слово къ родителямъ. Вып. I. Спб., 1900 г. Ц. 50 к.
- Коломійцевъ, Дан.** Стихотворенія. Симферополь, 1899 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Крюковъ, Н.** Сельское хозяйство въ Норвегіи въ связи съ общимъ развитіемъ страны. Спб., 1899 г.
- Кукъ, В.** Утки и какъ сдѣлать уководство доходнымъ. Изд. А. И. Осипова. Спб., 1900 г. Ц. 50 к.
- Лампертъ, К.** Жизнь прѣсныхъ водъ. Вып. IX. Изд. А. Ф. Девриена. Спб., 1900 г. Подп. к. 6 р.
- Левитъ, I. М.** Деньги, деньги — въ нихъ вся суть. Комедія въ 4-хъ дѣйств. Бендеры, 1900 г. Ц. 40 к.
- Лейкинъ, Н. А.** Липочка. Пустой домъ. Спб., 1900 г. Ц. 75 к.
- Лейрицъ, А.** Противныя животныя. Спб., 1900 г. Ц. 50 к.
- Литвиновъ-Фалинскій, В.** Отвѣтственность предпринимат. за увѣчья и смерть рабочихъ по дѣйствующимъ въ Россіи законамъ. Изд. 2-е. Спб., 1900 г. Ц. 3 р.
- Лобановъ, Д.** Губернія и уѣздъ, какъ единицы земскаго самоуправленія. Калуга, 1900 г.
- Лоренсъ.** Психологія театральн. жизни. М., 1900 г. Ц. 50 к.
- Лункевичъ, В.** „Научно-популярная библіотека для народа“. №№ 7, 8, 12, 13, 14, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23. Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1900 г.
- Среди животныхъ и растений. Съ 99 рис. въ текстѣ. Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1900 г. Ц. 75 к.
- Максимовъ, А.** Проекты: I. Двѣ кузницы. II. Жилой домъ въ усадьбѣ. III. Усадебныя постройки. Спб., 1900 г. Ц. 75 к.
- Малисъ, Ю. Г. Р. Вирховъ,** его жизнь и научно-обществен. дѣятельность. Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1900 г. Ц. 25 к.
- Матеріалы для торгово-промышлен. статистики.** Спб., 1900 г.
- Милль, Дж. Стюартъ.** Утилитаріанизмъ. О свободѣ. Спб., 1900 г. Ц. 2 р.
- Навроцкій, А. А.** Драматическія произведенія. Т. III. Спб., 1900 г. Ц. 1 р.
- Нефедовъ, Ф. Д.** Сочиненія. Т. III и IV. Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. Спб., 1900 г. Ц. к. т. 1 р.
- Нижегородскій край.** Памятная книжка Нижегород. губ. на 1900 г. Н.-Новгородъ, 1899 г. Ц. 1 р.
- Осиповъ, Е. А., Поповъ, И. В. и Куркинъ, П. И.** Русская земская медицина. XII-й международный съездъ врачей. М., 1900 г. Ц. 3 р.
- Отчетъ аккорм. общ. библ. за 6-й годъ ея существованія и протоколъ общ. очер. собр. ея членовъ.** Аккерманъ, 1900 г.
- Отчетъ бюро московскаго союза потребителей обществъ за 1-й годъ дѣят. союза съ 1 ноября 1898 г. по 1 ноября 1899 г.** М., 1900 г.
- Отчетъ о движеніи денежныхъ суммъ херс. уѣздн. земск. управы за 1898 г.** Херсонъ, 1899 г.
- Отчетъ о дѣятельности херс. уѣздн. земск. управы за 1898 г.** Херсонъ, 1900 г.
- Отчетъ о дѣят. библиотекъ служащихъ въ управленіи дорогъ, на станціяхъ и библиотеки-вагона за 1897 и 1898 гг.** Кіевъ, 1900 г.
- Отчетъ общества взаимн. вспом. учащимъ и учившимъ Смоленской губ. (2-й годъ).** Смоленскъ, 1900 г.
- Отчетъ о состояніи и дѣят. обществ. вологодской бесплатной библиотеки за 7-й годъ ея существованія.** Вологда, 1900 г.
- Отчетъ русскаго хороваго общества въ Москвѣ за сезонъ 1898—99 г. (XXI годъ).** М., 1900 г.
- Отчетъ по устройству народн. чтеній и литер. утръ въ г. Самарѣ за 1899 годъ.** Самара, 1900 г.
- Отчетъ пензенск. общ. библиотеки имени М. Ю. Лермонтова.** Пенза, 1900 г.
- Отчетъ крестьянскаго поземельнаго банка за 1898 г.** Спб., 1899 г.
- Отчетъ Иваново-Вознесенскаго общества трезвости за 2-й годъ, съ 1898—1899 г.** Иваново-Вознесенскъ, 1900 г.
- Отчетъ госуд. дворянск. земельнаго банка за 1898 г.** Спб., 1899 г.
- Отчетъ госуд. дворянск. земельнаго банка по ликвидаціи саратовско-сибирск. земельнаго банка за 1898 г.** Спб., 1899 г.
- Отчетъ особаго отдѣла госуд. дворянск. земельнаго банка за 1898 г.** Спб., 1899 г.
- Отчетъ библиотеки общества взаимнаго вспомош. приказчиковъ-евреевъ г. Одессы имени учредителей ея С. Л. Берпфельда за 24-й годъ ея существованія.** Одесса, 1900 г.
- Plato v. Reussner.** Morceaux choisis de lecture française. 1-re édition. Varsovie, 1900.
- Планкъ, М.** Лекціи по термодинамикѣ. Спб., 1900 г. Ц. 2 р. 40 к.

- Поповъ, И.** Краткій курсъ сельскаго хозяйства. Изд. К. Тихомирова. М., 1900 г. Ц. 50 к.
- Постановленія херс. уѣздн. земск. собранія** очередной сессіи 1899 г. и доклады управы. Херсонъ, 1900 г.
- Пуанкаре, А.** Теорія Максвелла и герцовскія колебанія. Спб., 1900 г. Ц. 1 р.
- Путникъ (Н. Лендеръ).** Черное море и Кавказъ. Изд. А. С. Суворина. Спб., 1900 г.
- Пѣтуховъ, Е.** Каѳедра русск. языка и словесности въ Юрьевскомъ университетѣ. Юрьевъ, 1900 г. Ц. 1 р.
- Роледеръ** (по монографіи). Онанизмъ, какъ слѣдствіе дурного воспитанія. Одесса, 1900 г. Ц. 30 к.
- Руководство къ плодоводству для практиковъ** (по Гоше). Вып. 7-й. Изд. А. Ф. Девриена. Спб., 1900 г.
- Сахаровъ, Н. А.** О химической основѣ жизненныхъ явленій. Тифлисъ, 1900 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Сводъ данныхъ о торговыхъ сборахъ въ Россіи за 1897 и 1898 гг.** Спб., 1900 г.
- Сизерантъ, Р.** Рёскинъ и религія красоты. Пер. Т. Богдановичъ. Спб., 1900 г. Ц. 80 к.
- Скугаревскій.** Очерки и замѣтки. Вып. 1-й. Вильва, 1900 г. Ц. 75 к.
- Смѣта расходовъ и доходовъ херс. уѣздн. земства на 1900 г.** Херсонъ, 1900 г.
- Соттири, С. Ю.** Экономическая программа тульск. губернскаго земства. Тула, 1900 г.
- Стахановъ, С.** Народная бібліотека-читальня и ея посѣтители. М., 1900 г. Ц. 25 к.
- Степовичъ, А.** Изъ пушкинской юбилейной литературы у славянъ. Кіевъ, 1900 г.
- Стороженко, Н. И.** Апостолъ гуманности и свободы Теодоръ Паркеръ. М., 1900 г. Ц. 20 к.
- Сутерландъ, А.** Происхожденіе и развитіе нравственнаго инстинкта. Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1900 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Толстой, А.** 1) Упырь. Ц. 1 р. 2) Проектъ постановки на сцену траг. „Смерть Іоанна Грознаго“. Ц. 50 к. Спб., 1900 г.
- Томпсонъ, Сильванусъ.** Свѣтъ видимый и невидимый. Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1900 г. Ц. 60 к.
- Труды комиссіи по вопросу объ алкоголизмѣ.** Вып. IV. Изд. Русск. общ. охр. нар. здравія. Спб., 1900 г. Ц. 1 р.
- Тютчевъ, Э. Н.** Граничъ. Повѣсти рассказы. М., 1900 г. Ц. 1 р.
- Уоллестъ, А. В.** Чудесный вѣкъ. Положительные и отрицательные итоги девятнадцатаго столѣтія. Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1900 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Урусовъ, С. И.** Породы рабочихъ лошадей. Изд. А. И. Осипова. Спб., 1900 г. Ц. 1 р.
- Уэббъ, С. и В.** Исторія рабочаго движенія въ Англіи. Спб., 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Фаресовъ, А. И.** 1) Тертій Ивановичъ Филипповъ. Ц. 30 к. 2) Мои мужики. Ц. 1 р. Спб., 1900 г.
- Фейгинъ, Ф.** Въ чемъ должна заключаться задача образованія? Каковыми должны быть въ учебныхъ заведеніяхъ способъ преподаванія и преподаватели? Нуженъ ли латинскій языкъ для изучающихъ врачебныя науки? Спб., 1900 г. Ц. 40 к.
- Фулье, А.** Свобода и необходимость. Изд. К. Т. Солдатенкова. М., 1900 г. Ц. 2 р.
- Харламовъ, В.** Проекты: 1) Домъ. 2) Постройки усадебнаго двора. Спб., 1900 г. Ц. 50 к.
- Хвольсонъ, О. Д.** Краткій курсъ физики. Ч. 1, 2, 3. Изд. К. Л. Риккера. Спб., 1900 г. Ц. каждой части по 2 р. 50 к.
- Холодковскій, Н. А. и Силантьевъ, А. А.** Птицы Европы. Вып. 6-й. Спб., 1900 г. Подп. п. 14 р.
- Цюлковскій, К.** Давленіе воздуха на поверхности, введенныя въ искусственный воздушный потокъ. Одесса, 1899 г.
- Черкуновъ, Н.** Каталогъ географической коллекціи. Изд. 2 е. Кіевъ, 1900 г. Ц. 20 к.
- Шателье, А.** Исламъ въ XIX вѣкѣ. Изд. А. Л. Кирснера. Ташкентъ, 1900 г. Ц. съ перес. 1 р.
- Эвансъ, Э.** Эволюціонная этика и психологія животныхъ. Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1899 г. Ц. 75 к.
- Энгельгардтъ, М. А.** Прогрессъ какъ эволюція жестокости. Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1899 г. Ц. 75 к.
- Якобовскій, Р. Р.** Этюды, эскизы и наброски. Кіевъ, 1900 г. Ц. 50 к.
- Яковенко, Е.** Медико-санитарный обзоръ Херсонскаго у. за 1898 г. Херсонъ, 1899 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ

„БИБЛИОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА“.

I. Книги.

	Стр.
Беллетристика: „Въ степи“. Ром. <i>Вл. Немировича-Данченка</i> . — „Петербургскіе очерки“. <i>В. Асѣенка</i> . — „Подъ гору“. <i>Р. М. Хинъ</i> . — „Первыя ласточки“. <i>А. Вербицкой</i> . — „На память“. Соч. <i>А. И. Паскевича</i> . — „Въ старыхъ стѣнахъ“. Пов. <i>А. Воротникова</i> . — „Собраніе сочиненій Генриха Гейне“.	119
Публицистика: „Голосъ семьи о школахъ“. Сост. <i>С. А. Золотаревъ</i> . — „Народъ-богатырь“. Очерки. <i>С. И. Рапопорта</i>	124
Философія: „Ученіе о Логосѣ въ его исторіи“. <i>С. Н. Трубецкой</i> . — „Талмудъ. Мишна и Тосефта“. Крит. пер. <i>Н. Переферковича</i>	128
Исторія, исторія литературы: „Римъ и имперія въ первые два вѣка новой эры“. <i>Э. Тома</i> . — „Частная и общественная жизнь римлянъ“. <i>П. Гиро</i> . — „Римская имперія“. Сборникъ статей въ переводѣ <i>А. С. Милкозой</i> . — „Регесты и надписи“. Сводъ матеріаловъ для исторіи евреевъ въ Россіи. — „Очерки исторіи сербо-хорватской литературы“. <i>А. Степовича</i> . — „Древніе армянскіе историки, какъ историческіе источники“. <i>Александра Аннинскаго</i> . — „Къ исторіи народнаго образованія въ Туркестанскомъ краѣ“. Личныя воспоминанія. <i>Н. Остроумова</i> . — „Первобытное общество“. <i>Л. Г. Морана</i>	129
Географія: „Письма о Грузіи“. <i>Л. С. Исарлова</i> . — „Россія“. Подъ общ. рукъ. <i>П. П. Семенова</i>	136
Медицина: „Основы противопаразитнаго способа лѣченія ранъ“. Проф. <i>П. И. Дяконова</i> . — „Пораненія при современномъ оружіи“. „Невозможность помощи раненымъ на полѣ битвы“. <i>И. С. Блюга</i>	138
Учебники, книги для дѣтей: „Учебникъ всеобщей исторіи“. Сост. <i>В. Казанскій</i> . Ч. I. — „Учебникъ ариметики для начальныхъ народныхъ училищъ“. Сост. <i>И. Шафровъ</i> . — „Первоучка“. <i>К. С. Славника</i> . — „Сборникъ арифметическихъ задачъ для начальныхъ училищъ“. Ч. I и II. <i>А. Я. Юревича</i> . — „Пособіе для учащихся. В. Г. Бѣлинскій“. Подъ ред. <i>А. Е. Ермилова</i> . — „Царь-Освободитель“. <i>Ломана</i> . — „Царь-Освободитель и его реформы“. <i>В. Ермилова</i> . — „Басни Крылова на сценѣ дѣтскаго театра“, Сост. <i>А. А.</i> — „Калевала“. Финскія былины въ пересказѣ <i>Н. А. Борисова</i>	140
Изданія для народа: „Какъ живутъ японцы“. <i>В. Овчинниковой</i>	143
Словари, сборники: „Малый энциклопедическій словарь“. — „Юбилейный сборникъ въ честь В. О. Миллера“. — „Настольный энциклопедическій словарь“. <i>А. Граната</i> . 4-е изд.	144

II. Периодическія изданія.

„Жизнь“, январь. — „Русское Богатство“, февраль. — „Міръ Божій“, мартъ.	145
---	-----

III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 марта по 1 апрѣля 1900 г.

ИЗДАНІЯ РЕДАКЦІИ журнала „Русская Мысль“

находящіяся въ книжномъ магазинѣ „Русской Мысли“.

Москва, Б. Никитская, д. Вельтищевой.

Библиотека „Русской Мысли“.

I. Сенкевичъ, Генр. Черезъ степи, Перев. В. М. Лаврова. Ц. 40 к. II. Ремезовъ, М. Н. Клеопатра. Картинки античнаго міра. Ц. 40 к. III. Альбовъ, М. Н. Юбилей. Не совѣтъ обыновенн. исторія. Ц. 1 р. IV. Баранцевичъ, К. С. Побѣда. На сѣверѣ дикомъ. Ц. 1 р. V. Ожешкова, Элиза. Милордъ. Бабушка. Ц. 50 к. Особымъ отдѣломъ Учен. Комитета. Министерств. Народн. Просв. допущена въ народные библиотекы и читальни. VI. Ремезовъ, М. Н. Иудея и Римъ. Картинки античнаго міра. Ц. 50 к. VII. Немировичъ - Данченко, Вл. И. Драма за сценой. Ц. 1 р. VIII. Корелинъ, М. С., проф. Очерки Итальянскаго Возрожденія. Ц. 1 р. Особымъ отдѣломъ Учен.	Ком. Мин. Нар. Просв. эта книга допущена въ бесплатныя народныя библиотекы и читальни. IX. Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. Братья Гордѣвы. Охонинны брови. Ц. 1 р. X. Ладыженскій, В. Н. Стихотворенія. Ц. 25 к. XI. Немировичъ - Данченко, Вас. Ив. Лялька. Ц. 60 к. XII. Ожешкова, Элиза. Памна Роза. Великій. Среди цвѣтовъ. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 50 к. XIII. Ремезовъ, М. Н. По Шлюмберже. Картины жизни Византіи въ X вѣкѣ. Ц. 50 к. XIV. Ремезовъ, М. Н. Византія и Византійцы конца X вѣка. Ц. 50 к. XV. Ремезовъ, М. Н. Эпилоги византійскихъ драмъ. Ц. 50 к.

Научно-популярная библиотекa „Русской Мысли“.

(подъ редакціей К. А. Тимирязева и В. А. Гольцева).

I. Нассе и Лексисъ, В. Металлическія деньги и валюта. Ц. 60 коп. II. Пере. Умственное воспитаніе ребенка въ колыбели. Ц. 60 к. III. Дюкло. Пастёръ. Исслѣдованіе о броженіи и самозарожденіи. Ц. 40 к. Одобрено Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. для фундаментальн. и ученическихъ, старшаго возраста, библиотекъ среднихъ учебныя заведеній. IV. Бартъ, А. Религія Индіи. Ц. 1 р. V. Гауппъ, Отто. Гербертъ Спенсеръ. Ц. 50 к. VI. Погожева. Шериданъ. Школа злословія. Біографическій очеркъ Шеридана. Ц. 60 к. Допущена Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пр. въ уче-	ническія, старшаго возраста, библиотекы среднихъ учебныя заведеній вѣдомства Мин. Нар. Просв. VII. Гиро, П., проф. Фюстель де-Куланжъ. Перев. А. Н. Чеботаревской. Ц. 50 к. Допущена Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пр. въ бесплатныя народныя библиотекы и читальни. VIII. Дюкло. Пастёръ. Заразныя болѣзни. Ц. 40 к. IX. Галле, Андре. Бомарше. Перев. М. В. Лаврова. Ц. 40 к. X. Бертло. Наука и нравственность. Ц. 60 к. XI. Геккель. Натуралистъ подъ тропиками. Ц. 60 к. XII. Делажъ. Наслѣдственность. Ц. 50 коп.

Изданія редакціи журнала „Русская Мысль“:

Астыревъ, Н. М. Въ волостныхъ писаряхъ. Ц. 1 р. 50 к. Бобрищевъ - Пушкинъ, А. М. Эмпирическіе законы дѣятельности русскаго суда присяжныхъ (съ атласомъ). Ц. 4 р.	Бурже, Поль. Трагическая идиллія. Пер. М. Н. Ремезова. Ц. 1 р. Де-Мопассанъ, Гюи. Наше сердце. Романъ. Пер. М. Н. Ремезова. Ц. 1 р. Додэ, Альфонсъ. Портъ-Тарасконъ. (Послѣднія приключ. знаменит. Тарта-

- репа). Переводъ М. Н. Ремезова. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.
- Его же.** Меланхолики. Повесть. М. Н. Ремезова. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.
- Женщина.** Страницы жизни. Ожешковой, м-ше Афонсе. Дюде. П. Одобрянъ. Лавуры Маргольи, Карьеръ Сильва. D. Menant. Ц. 40 к.
- Козловъ, П. А.** Полное собраніе сочиненій въ 4-хъ т. Ц. 5 р. Каждый томъ отдѣльно по 1 р. 50 к.
- Корелинъ, П. С., проф.** Иллюстрированные чтенія по культурной исторіи. Вып. I: Египетскіе боги. Вып. II: Средневѣковая церковная готика. Вып. III: Финикійскіе мореплаватели и ихъ культура. Одобрено Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. для ученическихъ, старш. возр., библ. средн. учебн. заведеній мужск. и женск. Ц. за I вып. 50 к., за II и III вып. по 30 к. Вып. IV: Ассирійскій народъ и его боги-покровители. Ц. 30 к. Вып. V: Кто были наши предки и гдѣ они жили. Ц. 30 к.
- Мачтетъ, Г. А.** Силуэты. Томъ II. Въ гундрѣ и въ тайгѣ. Заклятый казакъ. Жидъ. Бѣлая Панна. Хамелеонъ. Песимистка. Холера. Добрый волкъ. Ц. 1 р. 50 к.
- Ожешкова, Элиза.** Повѣсти и рассказы. Томъ I: Сѣренская идиллія. Сильный Самсонъ. Хамъ. Подвижница. Ц. 1 р. 50 к. Томъ II: Ни клочка. Смерть дома. Съ пожара. Четырнадцатая часть. Юльянка. Моментъ. Ц. 1 руб. 50 к. Перев. В. М. Лаврова.
- Ея же.** Надъ Нѣманомъ. Романъ въ 3 частяхъ. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к.
- Ожешкова, Элиза.** Сильвекъ. Ромъ въ 2-хъ част. Ц. 1 р.
- Ея же.** Меланхолики. Ц. 1 р. 50 к.
- Послѣ Пушкина.** Сборникъ стихотвореній русскихъ поэтовъ. Ц. 2 р.
- Ремезовъ, М. Н.** (М. Анятинъ. Нашихъ поляхъ ягоды. Романъ. Ц. 1 р.
- Сенкевичъ, Генрикъ.** Повѣсти и рассказы. Изд. 2-е, удешевленное. Та Третья. Поѣздка въ Аяны. Янко музыкантъ. Старый слуга. Галя. У источника. Идилія. Фонарщикъ на маякѣ. Бартекъ побѣдитель. Пойдемъ за нимъ. Перев. В. М. Лаврова, съ предисловіемъ В. А. Гольцева. Ц. 1 р. Особ. Отд. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущена въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни.
- Его же.** Безъ догмата. Романъ. Перев. В. М. Лаврова. Изд. 3-е. Ц. 1 р.
- Путевые очерки. Письма изъ Африки. Письмо изъ Венеціи. Письмо изъ Рима. Нерви. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к. Особымъ отдѣломъ Учен. Комит. Мин. Нар. Просв. одобрена для бесплатныхъ народныхъ бібліотекъ и читальн.
- Семья Поданецкихъ. Романъ. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 3 р.
- Камо грядеши? (Quo vadis). Историческій романъ изъ временъ Нерона. Переводъ В. М. Лаврова. Съ примѣчаніями С. И. Соболевскаго. 2-е удешевленное изд. Ц. 1 р.
- Чеховъ, Мих. Закомъ.** Словарь для сельскихъ хозяевъ. Ц. 1 р.
- Эртель, А. И.** Гарденины, ихъ дворня, приверженцы и враги. Ц. 2 р.
- Юноша, Клеменсъ.** Сизифъ. Картинки деревенской жизни. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 50 к.

Народныя изданія редакціи журнала „Русская Мысль“.

- Что такое подати и для чего ихъ собираютъ? 3-е издан. Ц. 1 к. Особ. отд. Учен. Комит. Министерства Народнаго Просвѣщенія одобрена для бесплатныхъ народныхъ читальнъ и для публичныхъ народныхъ чтеній.
- Народный поэтъ И. С. Никитинъ.** 2-е изд. Ц. 1½ к.
- Сенкевичъ.** Янко музыкантъ. Ц. 1 к.
- Пойдемъ за нимъ! 2-е изд. Ц. 4 к.
- Ожешкова, Элиза.** Юльянка. Ц. 15 коп.
- Списокъ книгъ для народныхъ бібліотекъ,** на сумму отъ 5 до 500 р. Ц. 10 к.
- Сенкевичъ.** Бартекъ-Побѣдитель. Ц. 12 коп.

Подписчики „Русской Мысли“ на всѣ изданія редакціи, кромѣ народныхъ, пользуются уступкой 10%.

Въ книжномъ магазинѣ журнала „Русская деревня“ В. М. Лаврова

(Москва, Больш. Никитская ул., 10, Вежищевъ)

- продаются слѣдующія книги изданія **М. П. Писарева** и **В. М. Лаврова**:
- Магайтъ.** Профессиональные рабочіе союзы. Ц. 1 р. 25 к.
- Гиббинсъ.** Англіійскіе реформаторы. Ц. 1 р. 25 к.
- Гурвичъ.** Экономическое положеніе русской деревни. Ц. 1 р. 25 к.
- Землевладѣніе и сельское хозяйство.** Статьи изъ Handw. der Staatsw. Ц. 1 р. 50 к.
- Народонаселеніе.** Статьи отсюда же. Ц. 1 р. 50 к.
- Промышленность.** Статьи отсюда же. Ц. 1 р. 50 к.
- Освобожденіе крестьянъ на Западѣ.** Статьи отсюда же. Цѣна 1 р. 50 к.
- Исторія труда.** Статьи отсюда же. Ц. 1 р. 50 к.
- Водовозовъ.** Экономическіе этюды. Ц. 2 р.
- Эшли.** Историческая географія Англіи. Ц. 2 р.
- В. Ильинъ.** Экономическіе этюды и статьи. Ц. 1 р. 50 к.
- Развитие капитализма въ Россіи. Ц. 2 р. 50 к.
- К. Бюхеръ.** Происхожденіе народн. хозяйства. Ц. 50 к.
- Четыре очерка изъ области народ. хозяйства. Ц. 60 к.
- Э. Мейеръ.** Экономическое развитіе древняго міра. Ц. 60 к.
- С. Булгаковъ.** О рынкахъ. Ц. 1 р. 25 к.
- Очерки изъ экономич. и социальной исторіи древняго міра и среднихъ вѣковъ.** Ц. 1 р. 75 к.
- Э. Мейеръ.** Рабство въ древности. Ц. 40 к.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1900 ГОДЪ

иллюстрированный сельско-хозяйственный журналъ

V-й (1900)
годъ
изданія

ДЕРЕВНЯ

Цѣна за
годъ
ТРИ руб.

(подъ редак. П. Н. ЕЛАГИНА)

имѣющій задачей распространять практически-полезныя по сельскому хозяйству свѣдѣнія, пригодныя главнымъ образомъ для хозяевъ-практиковъ, связанныхъ своею дѣятельностью и жизнью съ землею.

Допущенъ въ бібліотеки всѣхъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, въ бесплатныя народныя читальни и въ бібліотеки церковно-приходскихъ школъ.

выдержки изъ отзывовъ о журналѣ „ДЕРЕВНЯ“.

1) Газета Новое Время. „При цѣнѣ всего въ три рубля съ пересылкой, ДЕРЕВНЯ выходитъ ежемѣсячно хорошенькими книжками съ множествомъ рисунковъ, исполненныхъ очень хорошо. Содержаніе каждой книжки состоитъ изъ короткихъ, но дѣльных и ясно написанныхъ статей на самыя разнообразныя темы, но всегда чисто практически излагающихъ предметъ. Это направленіе намъ кажется очень цѣннымъ для сельско-хозяйственного журнала. Многие изъ деревенскихъ жителей читали въ книжкахъ и журналахъ и знаютъ, что имъ надо было бы у себя сдѣлать, но какъ это сдѣлать—тутъ они запинаются на первыхъ же шагахъ и... откладываютъ задуманное до лучшихъ временъ. Помочь имъ перейти отъ словъ къ самому дѣлу—эту задачу и поставилъ себѣ журналъ. Среди сельскихъ хозяевъ журналъ былъ принятъ очень сочувственно и нельзя не сказать, что успѣхъ этотъ—добросовѣстно заслуженный успѣхъ“.

2) Новости Печати. ДЕРЕВНЯ журналъ интересно и популярно составляемый, заключающій въ себѣ много полезнаго, изящно издаваемый и очень дешевый.

3) Вокругъ Свѣта. ДЕРЕВНЯ на запросы своихъ подписчиковъ даетъ отвѣты черезъ свѣдующихъ лицъ. При журналѣ рассылаются приложенія—сѣмена, не говоря уже о многочисленныхъ чертежахъ и рисункахъ въ текстѣ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА: отрасли сельскаго хозяйства, ремесла и домоводство. **Бесплатныя приложенія:** сѣмена хорошихъ сортовъ сельско-хозяйственныхъ растений, планы и чертежи хозяйственныхъ построекъ.

Срочъ выхода: ежемѣсячный, сброшюрованными книжками, съ рисунками. **Подписная цѣна на журналъ ДЕРЕВНЯ:** за годъ, 12 выпусковъ, съ пересылкою **ТРИ** руб.

Адресъ: ДЕРЕВНЯ. С.-Петербургъ, Демидовскій пер., д. 2.

Громадный выборъ новыхъ изданій по сельскому хозяйству, ремесламъ, домоводству и пр.

Адресъ: ДЕРЕВНЯ. С.-Петербургъ, Демидовскій пер., д. 2.

Полный каталогъ высылается бесплатно.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1900 ГОДЪ на ежедневную, политическую, общественную и литературную газету **КРЫМСКІЙ ВѢСТНИКЪ**

издаваемая въ гор. СЕВАСТОПОЛѢ
(ГОДЪ ИЗДАНІЯ ТРИНАДЦАТЫЙ).

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Безъ пересылки и доставки: На годъ 7 р., на $\frac{1}{2}$ —4 р., на $\frac{1}{4}$ —2 р. 50 к., на 1 мѣсяцъ—1 р. Съ доставкой и пересылкою: На годъ 8 р., на $\frac{1}{2}$ —5 р., на $\frac{1}{4}$ —3 р., на 1 мѣсяцъ—1 р. 25 к.

Допускается разсрочка: при подпискѣ вносится 3 р., къ 1-му апрѣля—3 р., къ 1-му іюля—остальные 2 р.

Подписка и объявленія принимаются въ г. Севастополь—въ редакціи *Крымскаго Вѣстника* Екатерининская улица, домъ Спиро, въ гор. Симферополь—въ отдѣленіи конторы, на Екатерининской улицѣ, домъ Спиро, въ Ялтѣ—въ магазинѣ г. Синани, въ Феодосіи—въ отдѣленіи конторы *Крымскаго Вѣстника*, Городской домъ противъ бульвара, въ Курманъ-Кемельчи у М. Гуревича.

Открыта подписка на 1900 годъ

на общественную, литературную, политическую, торгово-промышленную газету

Уральская Жизнь.

Форматъ газеты въ 1900 году будетъ значительно увеличенъ.

„Уральская Жизнь“ самая доступная по цѣнѣ изъ мѣстныхъ газетъ—5 руб. въ годъ, выходить ежедневно, не исключая дней послѣ праздни., 360 №№, изд. по программамъ большихъ столичныхъ газетъ, болѣе 15 отдѣловъ.

Получая за пять рублей 360 №№, читатель „Уральской Жизни“ имѣть возможность непрерывно слѣдить за всѣми выдающимися событіями жизни мѣстной—уральской, общерусской и заграничной.

Въ 1900 г., кромѣ обычныхъ отдѣловъ, въ газетѣ будутъ помѣщаться: Литературныя обзорнія * * *. Очерки земской жизни—В. Владимірецъ, П. А. Астафьевъ. Мелочи всенедельной жизни—Дядя Листаръ. По роднымъ угламъ—В. А. Весновскій. Изъ жизни и изъ записокъ обывателя—Константиновичъ. Собственные корреспонденціи съ Парижской всемірной выставки, изъ Петербурга, Москвы и др. городовъ.

Желая своевременно давать сообщеніе о всѣхъ выдающихся событіяхъ и явленіяхъ жизни обширнаго Уральского края, редакція обратитъ особенное вниманіе на отдѣлъ корреспонденцій.

Постоянныя сообщенія съ линій Самаро-Златоустовской и Пермь-Тюменской желѣзныхъ дорогъ.

Подписная цѣна: съ дост. и перес. на годъ 5 р., на 8 м. 4 р., на 6 м. 3 р., на 3 м. 2 р., на 1 м. 75 к. Допускается разсрочка: при подпискѣ 1 р., къ 1 марта 1 р., къ 1 мая 1 р., къ 1 іюля 1 р. и къ 1 сентября 1 р.

Подписка принимается въ Екатеринбургѣ: въ конторѣ редакціи „Уральской Жизни“ (Колобовская ул., д. № 21); въ Челябинскѣ: 1) въ отдѣленіи конторы редакціи, 2) въ библиотекѣ бр. Покровскихъ и 3) въ желѣзнодорожной библиотекѣ; въ Тюмени: въ отдѣленіи конторы редакціи; въ Н.-Тагильскомъ заводѣ: 1) въ магазинѣ Ирославцева и 2) у агента конторы „Надежда“ В. И. Кларкъ; въ Перми: 1) въ агенствѣ „Уральской Жизни“ и 2) въ книжномъ магазинѣ О. Петровской; въ Троицкѣ: въ книжномъ магазинѣ Долбневой; въ Слободскомъ: въ книжномъ магазинѣ Платунова; въ Ирбитѣ: у П. А. Астафьева.

Редакторъ-издатель П. И. Птакинъ.

Отъ редакціи газеты Харьковскій вѣстникъ и востокъ.

СЪ 1 ЯНВАРЯ 1900 ГОДА

ВЫХОДИТЬ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ

НОВАЯ ГАЗЕТА

ХАРЬКОВСКІЙ СПРАВОЧНЫЙ ЛИСТОКЪ,

ЗАКЛЮЧАЮЩАЯ ВЪ СЕБѢ

извѣстія по всѣмъ отраслямъ торговли, промышленности, техники, искусствамъ и ремесламъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Въ годъ съ доставкой и пересылкой 4 рубля.

Подписка на газету и объявленія принимаются:

въ редакціи—Харьковъ, Сумская ул., № 18 (ходъ въ ворота), и въ конторѣ газеты — типографія Зильбербергъ, Рыбная, № 30.

Редакторъ-издатель Н. І. Стопинскій.

Открыта подписка на 1900 годъ

на ежедневную морскую, общественную и литературную газету

У годъ
изданія.

КОТЛИНЪ,

У годъ
изданія.

ИЗДАЮЩУЮСЯ ВЪ КРОНШТАДТѢ.

„КОТЛИНЪ“ единственная въ Россіи морская газета.

Въ газетѣ сотрудничаютъ извѣстные ученые и специалисты по всѣмъ отраслямъ морского дѣла. Въ теченіе года помѣщаются отчеты о всѣхъ засѣданіяхъ кронштадтскаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Техническаго Общества и до 600 разныхъ статей научно-техническаго содержанія.

Кромѣ сообщений отъ специальныхъ корреспондентовъ, „Котлинъ“ имѣетъ корреспонденціи изъ всѣхъ приморскихъ городовъ Россіи, изъ портовъ Тихаго океана, изъ Греціи и нѣкоторыхъ столичныхъ и промышленныхъ городовъ Западной Европы и Америки.

Газета освѣдомлена о дѣятельности многочитимаго протоіерея о. Іоанна Ильича Сергіева (Кронштадтскаго) и печатаетъ его слова и рѣчи.

Вступая въ пятый годъ изданія, редакція такъ же, какъ и раньше, полагается на общественное сочувствіе и надѣется попрежнему служить своему дѣлу, стараясь развивать программу шире и лучше.

Подписная цѣна: съ пер. иног. на годъ 7 р. 50 к., на полг. 4 р., на 3 м. 2 р. 25 к., на 1 мѣс. 85 коп. За границу—на годъ 12 р., на полг. 6 р. 50 к., на 3 м. 4 р., на 1 м. 2 р. Разсрочка допускается на слѣдующихъ условіяхъ: иногородн. съ пересылк. при подпискѣ 3 р., мартъ—2 р. 50 к., июнь—2 р.

Подписка принимается въ Кронштадтѣ: въ конторѣ газеты (Господская улица, д. Кредитнаго Общества); въ С.-Петербургѣ: въ конторѣ объявленій „Метдль и К^о“ (Б. Морская, № 11), въ книжномъ маг. Н. Г. Мартынова (Александровская площ., между Кредитнымъ Общ. и Публичной библиот., д. гр. Бенкендорфа).

Редакторъ-издатель полковникъ Е. П. Тверетиневъ.

ПОДПИСКА

на издаваемый в Баку съ ноября 1899 года
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ФОТОТИПИЯМИ ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

КАВКАЗЪ И СРЕДНЯЯ АЗІЯ

въ фотографіяхъ и описаніяхъ.

ФОРМАТЪ in quarto.

Подписная цѣна съ пересылкою и до-
ставкою:

На годъ	12 руб.
„ 1/2 года	7 „
„ 3 мѣсяца	4 „
„ 1 мѣсяць	2 „
Учебныя заведенія пользуются 25% скид- кой.	

Плата за напечатаніе объявленій въ отдѣлѣ
публикацій:

	Впередъ текста.	Позади текста.
За цѣлую страницу . . .	50 р.	30 р. — к
„ 1/2 страницы . . .	30 „	20 „ — „
„ 1/4 „ . . .	15 „	10 „ — „
„ 1/8 „ . . .	8 „	5 „ — „
„ 1/16 „ . . .	5 „	2 „ 50 „
„ 1/32 „ . . .	3 „	1 „ 50 „

При многократныхъ публикаціяхъ дѣ-
лается скидка.

Допускается разсрочка платежа.

Адресъ: Баку, въ контору редакціи „Кавказъ и Средняя Азія“.

Отъ редакціи: Утвержденная г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ обширная программа нашего журнала—позволяетъ редакціи заняться всестороннимъ изученіемъ Кавказа и Средней Азіи и быть иллюстраторами текущей въ нихъ жизни, призван-
ной къ прогрессивному оживленію съ начала цивилизаторской миссіи нашего правитель-
ства въ этой части свѣта.

Придавая особенное значеніе роду иллюстрацій — редакція избрала только фото-
графію, передающую абсолютную дѣйствительность—всегда желательную, а въ из-
ученіи естественнаго, географіи, этнографіи и археологіи—положительно необходимую.

За художественную и техническую сторону фототипій—можетъ ручаться двадца-
тилѣтнее занятіе этимъ искусствомъ, какъ профессіей, редактора-издателя, положив-
шаго много труда на составленіе научно-интересной коллекціи снимковъ Азіи, смѣю-
щихъ, главнымъ образомъ, появляться на страницахъ журнала.

Текушія событія будутъ иллюстрироваться нашими сотрудниками-фотографами,
находящимися во всѣхъ мѣстахъ Азіи. Каждый № будетъ содержать 5 листовъ печ-
атнаго текста и отъ 8 — 10 отдѣльныхъ рисунковъ на брестолѣ, составляющихъ къ
концу года богатый альбомъ оригинальныхъ фототипій.

Редакторъ-издатель А. М. Мишонъ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ

въ 1900 году (девятнадцатый годъ изданія)

будетъ издаваться по прежней программѣ и при прежнемъ составѣ сотрудниковъ.
Журналъ выходитъ книгами, въ 12 и болѣе листовъ, въ началѣ каждого мѣсяца, за-
ключая въ себѣ статьи, представляющія изслѣдованія по исторіи, литературѣ и этнографіи юга Россіи, а равно цѣнные матеріалы, касающіеся той же области; сверхъ того,
будутъ печататься русскія и малорусскія биллетристическія произведенія, а также библиографическія извѣстія о книгахъ и журнальныхъ статьяхъ, касающихся юга Россіи.

Подписная цѣна 10 руб. въ годъ съ доставкою и пересылкою, а на мѣсть—8 р.
50 коп.; за границу — 12 руб. Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціей.
Отдѣльныя книги журнала по 1 руб.

Подписка принимается въ редакціи журнала „Кіевская Старина“ (Тарасовская, № 15), въ книжной торговлѣ журнала „Кіевская Старина“ (Безаковская, № 14), а также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами, под-
писавшимися въ редакціи и въ книжной торговлѣ „Кіевской Старины“.

Издатель К. М. Гамалѣй.

Редакторъ В. П. Науменко.

Продолжается подписка на 1900 год (1-й выпуск)

на еженедельный иллюстрированный сельскохозяйственный журнал

ХОЗЯИНА

(без предварительной цензуры).

Кромѣ статей по всемъ отраслямъ хозяйства, въ журналѣ помѣщаются передовыя статьи, статьи по экономіи, финансамъ и статистикѣ, обзоры сельско-хозяйственной дѣятельности земства, обзоры научно-хозяйственной литературы, русская сельско-хозяйственная и техническая печать, хозяйственная жизнь въ Россіи, библиографія, рынки, отвѣты на вопросы.

Годовые подписчики получаютъ въ 1900 г. (бесплатно) слѣдующ. сочиненія въ 5-ти «Книжкахъ Хозяина»:

Культура хлѣбовъ. Д-ръ *Ад. Бломейеръ*. Перев. завѣдующій Валуйской опытной станціею—*В. С. Боданъ*. 2 книжки.

СОДЕРЖАНІЕ: Введеніе. (Классификація воздѣлываемыхъ растений. Новыя растенія и сорта. Сѣмена. Посѣвъ. Сѣвооборотъ и проч.). Общая характеристика хлѣбныхъ злаковъ. Рожь. Пшеница. Ячмень. Овесъ. Кукуруза. Просо. Гречка. (Происхожденіе, употребленіе, сорта, климатъ и почва, мѣсто въ сѣвооборотѣ, удобрѣніе, обработка и подготовка почвы, посѣвъ, уходъ и защита, животные и растительные паразиты, уборка, урожай—каждо растенія въ отдѣльности). Съ рисунками въ текстѣ.

„Классическое сочиненіе по воздѣлыванію полезныхъ растений. Необыкновенно живое изложеніе предмета, богатое матеріаломъ, полное опыта и научной критики“. (Отзывъ изъ „Книжки о книжкахъ“, составленной подъ ред. И. И. Янжула).

Ученіе о кормленіи сельско-хозяйственныхъ животныхъ.

Д-ръ *Эмилъ Вольфъ*. Седьмое изданіе, переработанное проф. *К. Леманомъ*. Переводъ съ нѣмецкаго *И. и П. Широкихъ*, съ приложеніемъ статьи проф. *И. О. Широкихъ*. 2 книжки.

СОДЕРЖАНІЕ: Общіе законы животнаго питанія. Кормовыя средства. Кормленіе различныхъ сельско-хозяйственныхъ животныхъ. Данныя и таблицы, относящіяся къ кормленію животныхъ.

Въ послѣднее время произведено много научныхъ наслѣдованій, которыя частью измѣняютъ, частью развиваютъ наиболѣе распространенные взгляды на кормленіе животныхъ. Переработанное профессоромъ Берлинскаго сельско-хозяйственнаго института *К. Леманомъ* извѣстное сочиненіе *Эм. Вольфа*, является наиболѣе современнымъ изъ имѣющихся теперь руководствъ по кормленію.

Кустовое плодоводство: *П. Беттмеръ*. Перев. агрономъ-садоводъ *Т. Г. Гончарухъ*. Съ приложеніемъ статьи *Р. И. Шредера*.

Предлагаемая книжка, недавно появившаяся въ нѣмецкой литературѣ, подробно излагаетъ культуру плодовыхъ деревьевъ въ кустовой формѣ, имѣющей много преимуществъ и въ нашихъ климатическихъ условіяхъ. Текстъ снабженъ рисунками.

Подписная цѣна: на годъ 6 р., на полгода 3 р., на мѣсяць 60 к. съ пересылкою. Разсрочка по одному рублю (въ первые шесть мѣсяцевъ).

Новые годовые подписчики могутъ получать журналъ со дня подписки до 1-го января 1900 года бесплатно.

Контора и редакція: С.-Петербургъ, Невскій, 92.

Редакторъ *А. П. Мертваго*.

Издатель *И. А. Машковцевъ*.

Годъ XIX. Очередная подписка на 1900 годъ Годъ XIX.

ПРИАЗОВСКАГО КРАЯ

ТАГАНРОГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Редакція «Таганрогскаго вѣстника» ставитъ своей задачей разработку вопросовъ мѣстной, экономической и общественной жизни, отводя въ то же время мѣсто и интересамъ современной государственной и общественной жизни Россіи.

Газета выходитъ три раза въ недѣлю: по воскресеньямъ, средамъ и пятницамъ, въ размѣрѣ полнаго листа, не исключая и дней послѣпраздничныхъ, по нижеслѣдующей программѣ:

I. Телеграммы Россійскаго телеграфнаго агентства. II. Мѣстный отдѣлъ: Официальныя извѣстія, касающіяся Приазовскаго края.—Городскія извѣстія.—Замѣтки и мелочи.—Театральныя рецензіи.—Вѣрныя и справочныя свѣдѣнія. III. Внутренний отдѣлъ: Общія правительственныя распоряженія.—Извѣстія изъ области Войска Донскаго, Приазовскаго края и разныхъ мѣстностей Россіи. IV. Иностранный отдѣлъ: Въ этомъ отдѣлѣ будутъ помѣщаться статьи, въ сжатой формѣ и краткомъ объемѣ, разъясняющія политическое положеніе разныхъ странъ и наиболѣе выдающіяся событія иностранной жизни. V. Судебный отдѣлъ: Сообщенія о важныхъ судебныхъ дѣлахъ. VI. Фельетонъ: Романы, повѣсти, стихотворенія, рассказы, анекдоты, сценки и т. п. статьи беллетристическаго характера, оригинальныя и переводныя. VII. Объявленія и рекламы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На 12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.
Безъ доставки.	6 —	5 50	5 25	4 75	4 50	4 —	3 50	3 —	2 75	2 25	1 50	—75
Съ дост. и пер.	7 —	6 50	6 —	5 50	5 —	4 50	4 —	3 50	3 —	2 50	1 70	—85

Подписка принимается: въ Таганрогѣ, въ конторѣ редакціи, Николаевская ул., д. № 5.

Тарифъ за объявленія:

За строку петита или занимаемое ею мѣсто на 1-й страницѣ за 1-й разъ 20 коп., за послѣдующіе—10 коп., на 4-й страницѣ: за 1-й разъ 10 коп., за послѣдующіе—5 коп.

За круглый годъ во всѣхъ немерахъ плата за объявленія по взаимному соглашенію. Объявленія на нѣсколько разъ печатаются не менѣе одного раза въ недѣлю. За украшенія—надбавка 100% платы. Доставляющимъ значительное количество объявленій дѣляется уступка 100%. За разсылку при газетѣ объявленій отдѣльными приложеніями взимается по расчеу 5 руб. съ 500 экземпляровъ и 8 руб. съ 1,000 экземпляровъ. Объявленія принимаются на русскомъ и другихъ языкахъ въ конторѣ редакціи при типографіи, Николаевская улица, д. № 5.

Объявленія для газеты „Таганрогскій Вѣстникъ“ отъ фирмъ, лицъ и учреждений, находящихся въ Москвѣ, С.-Петербургѣ, Прибалтійскомъ, Привислянскомъ краяхъ и за границей (за исключеніемъ объявленій желѣзныхъ дорогъ, банковъ, пароходныхъ и страховыхъ обществъ, казенныхъ и благотворительныхъ учреждений и бесплатныхъ объявленій отъ разныхъ періодическихъ изданій) принимаются исключительно только въ Центральной конторѣ объявленій Л. и Э. Метцль и К^о въ Москвѣ, Мясницкая, д. Спиридонова, и въ ея отдѣленіи въ С.-Петербургѣ, на Большой Морской, № 11, но отъ агентуръ и отдѣленій, находящихся внѣ вышепоименованныхъ мѣстностей, приемъ объявленій относится къ редакціи и за ея счетъ.

Издатели наследники Миронова.

Редакторъ М. И. Красновъ.

IV ГОДЪ ИЗДАВАНІЯ ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА БЕССАРАБЦА.

на большую ежедневную политическую, литературную и общественную газету

БЕССАРАБЕЦЪ

издаваемую въ г. Кишиневѣ.

Вступая въ четвертый годъ изданія, *Бессарабецъ* въ этой же четвертой же вѣрой, какъ и въ предшествовавшіе три года, будетъ служить своимъ основнымъ назначеніемъ, ставшимъ его девизомъ съ перваго дня существованія, а именно неуклонно будетъ проводить въ жизнь тѣ просвѣдательныя, общественныя и хозяйственныя начатки, въ которыхъ видится мирное прогрессивное развитіе и дружное стремленіе къ большому достижению культурной зрѣлости народа къ улучшенію жизни во имя всеобщаго блага.

Являясь и по формату, и по программѣ одной изъ самыхъ крупныхъ русскихъ газетъ *Бессарабецъ* имѣетъ возможность отражать тѣ же широко мѣстную и общерусскую жизнь, какъ и мѣстную, и отвѣчая задачѣ единственнаго своего органа печати въ одной изъ богатѣйшихъ окраинъ Россіи замѣнять въ то же время и столичную газету.

Въ *Бессарабцѣ*, кромѣ мѣстныхъ литературныхъ силъ, принимаютъ постоянное участіе выдающіяся литературныя силы лучшихъ талантовъ столичной печати.

Заграничная жизнь широко отражается на страницахъ газеты въ рядѣ писемъ и фельетоновъ заграничныхъ корреспондентовъ *Бессарабца*.

Бессарабецъ даетъ ежедневныя литературныя приложенія, составляющія часть тома формата большихъ журналовъ, или около 1,000 страницъ убористой печати.

Въ 1899 г. въ приложеніяхъ *Бессарабца*, кромѣ большого новаго романа Э. Золя „Плодовитая жизнь“, напечатана серія переводовъ выдающихся произведеній—Марселя Прево, А. Конантъ-Дойля, Э. Ожешко, Джерома К. Джерома, П. Маргерита, А. Фагопаро, Поля Бурже, А. Терье, Р. Киплинга и друг.; а также оригинальныя произведенія В. Л. Дѣдлова, А. И. Бѣжецаго, А. Н. Чермнаго, П. А. Крушевана и друг.

Въ 1899 г. *Бессарабецъ* далъ рядъ статей по исторіи культуры XIX в., подъ общимъ заглавіемъ „Итоги вѣка“, извѣстнаго публициста Я. В. Абрамова.

Въ газетѣ постоянно помѣщаются иллюстраціи и портреты современныхъ дѣятелей.

Въ 1900 г. годовые и полугодовые подписчики *Бессарабца* получаютъ по уменьшенной цѣнѣ „Альманахъ“ *Бессарабца*, статистическій, экономическій, справочный и литературный сборникъ, роскошное изданіе съ массою иллюстрацій, снимками живописныхъ видовъ Бессарабіи и портретами. Изданіе напечатано въ типографіи *Бессарабца*. Цѣна „Альманаха“ въ отдѣльной продажѣ 2 р. безъ пересылки, для подписчиковъ *Бессарабца*—1 р. съ пересылкой.

Подписная цѣна на газету *Бессарабецъ*, съ доставкой или пересылкой: на годъ—9 р., на полгода—5 р., на три мѣсяца—3 р.

Въ книжномъ магазинѣ *Бессарабца* продаются слѣдующія книги П. А. Крушевана, вышедшія вторымъ изданіемъ: „Что такое Россія“, путевые очерки, „Дѣло Артабанова“, ром., „Призраки“, ром., и рассказы.

Адресъ: г. Кишиневъ, проспектъ Александра II, № 100, контора *Бессарабца*.

Редакторъ-издатель П. Крушеванъ.

ЗЕМЛЕДѢЛІЕ

журналъ кievскаго общества

сельскаго хозяйства и сельско-хозяйственной промышленности.

Еженедѣльный журналъ *Земледѣліе* будетъ выходить въ 1900 г. по прежней программѣ, при участіи специалистовъ агрономовъ и хозяевъ-практиковъ Юго-Западнаго края, посвящая свои страницы разработкѣ мѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ вопросовъ и реферированію всѣхъ новостей иностранной сельско-хозяйственной литературы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

На годъ 5 руб., на полгода—3 руб.

Кіевъ, Крещатики, 6.

Редакторъ П. Р. Слезинкинъ.

1900 г.

Годъ XI.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„Вопросы Философiи и Психологiи“

изданіе Московскаго Психологическаго Общества

при содѣйствіи С.-Петербургскаго Философскаго Общества.

Вышла 1-я книжка (январь-февраль) 1900 года.

СЪЕДЕРЖАНІЕ: Статьи, посвященные памяти Н. Я. Грота: „Очеркъ жизни и дѣятельности Н. Я. Грота.“—В. К. Иванова: „Памяти Н. Я. Грота, какъ профессора.“—Д. В. Викторъ: „Очеркъ этики Н. Я. Грота.“—Ю. И. Айхенвальда: „Н. Я. Гротъ, какъ мыслитель.“—В. М. Соколова: „Философія права.“—Б. Н. Чичеринъ: „В. Гумбольдтъ въ исторіи философіи и языковѣдѣнія.“—П. И. Житецкаго: „Новый переводъ Упанишадъ.“—В. В. Джонстонъ: „Литература и библиографія.“—Новыя книги. — Извѣстія и замѣтки.—Московское Психологическое Общество.—С.-Петербургское Философск. Общество.

Журналъ выходитъ пять разъ въ годъ (приблизительно въ концѣ февраля, апрѣля, іюня, октября и декабря) кромѣ не менѣе 15 печатныхъ листовъ.

Условія подписки. На годъ (съ 1 января 1900 г. по 1 января 1901 г.) безъ доставки 6 р., съ доставкой въ Москвѣ—6 р. 50 к., съ пересылкой въ другомъ мѣстѣ—7 р., за границу—8 р.

Учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, сельскіе учителя и сельскіе священники пользуются скидкой въ 2 руб. Подписка на льготныхъ условіяхъ и льготная выписка старыхъ годовъ журнала принимаются только въ конторѣ редакціи.

ПОДПИСКА, кромѣ книжныхъ магазиновъ, принимается въ конторѣ журнала: Москва, М. Никитская, Георгіевскій пер., д. Соловьевой.

Редакторъ В. П. Преображенскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1900 годъ

на иллюстрированный журналъ для окончивающихъ и окончившихъ начальную школу

„КНИЖКА ЗА КНИЖКОЙ“

12 выпусковъ. По 2—3 книжки въ выпускѣ. Въ годъ отъ 1500 до 1800 страницъ.

Подписная цѣна за годъ 3 рубля съ пересылкой.

Подписка принимается въ редакціи изданій **М. Н. Слѣпцовой:** Слб., Симбирская, 12, и у болѣе извѣстныхъ книгопродавцевъ.

На отдѣлѣ „Для младшихъ“ подписка не принимается.

Содержаніе книжекъ 1899 г.: 1. В. Савихинъ. Пробужденіе (разсказъ). 2. М. Слѣпцова. Охранители лѣса. 3. П. Деполовичъ. Къ Средиземному морю. 4. Е. Баранцевичъ. Скитанія Егорки (разсказъ). 5. Л. Павлинова. О зубахъ. 6. По Мопассану. Черствые люди (3 разсказа). 7. Царь Дарій и его царство. 8. По М. Серго. Возлѣ ребенка (разсказъ). 9. М. Лавровъ. Нужда гонитъ (быть французскихъ рыбаковъ). 10. А. Бодановскій. Какъ Петръ Захарычъ переселялся (этнографическій очеркъ). 11. В. Шекспиръ. Король Лиръ (трагедія). Новый переводъ А. Слѣпцова съ поясненіями. 12. М. Слѣпцова. Морскія водоросли. 13. По П. Бурду. Старое и новое (жизнь французской деревни). 14. Гартманъ. Цѣлитель (разсказъ). 15. По Гюльверу. Король Гарольдъ (историческая повѣсть съ введеніемъ „Изъ исторіи Англіи“). 16. Завоеватель и его наслѣдники (изъ исторіи Англіи). 17. Проф. Макъ-Леодъ. Какъ движется человѣческое тѣло. 18. По Уилькинсу. Отъ нужды къ достатку. (изъ американской жизни). 19. М. Поліевктовъ. Св. князь Владиміръ. 20. По Карпачеву (подъ редакціей проф. В. Шимкевича). Царство животныхъ.

Подписка на журналъ „Книжка за книжкой“ безъ отдѣла „Для младшихъ“ на 1900 годъ продолжается.

Подписка на отдѣлъ „Для младшихъ“ прекращена.

3-

~~UCLA 2~~
~~2020~~

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA

3 0112 004587462